

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

67

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2019 Issue 67

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexico

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Constance BLACKWELL
International Society
for Intellectual History

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewicza
w Poznaniu

Piama P. GAIDENKO
Institute of Philosophy RAS

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
National Research
South Ural State University,
Cheljabinsk

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Nina A. KHACHATURIAN
Lomonosov Moscow State University

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKOV
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2019 Выпуск 67

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный
университет Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН

Констанс БЛЭКВЭЛ
Международное общество
интеллектуальной истории

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии РАН

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии РАН

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
Высшая школа экономики
Национальный исследовательский
университет

Дюла СВАК
Будапештский университет
имени Лоранда Этвеша

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Упсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
Московский государственный институт
международных отношений
(Университет) МИД России

Н. А. ХАЧАТУРЯН
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ББК 63.3

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук, доцент
ВЕДЕШКИН М. А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
МАЛОВИЧКО С. И., доктор исторических наук, профессор
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент
(заместитель главного редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ЭКШУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 67

М.: ИВИ, 2019. — 432 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

DIALOGUE WITH TIME 67

Moscow: IWN, 2019. — 432 p.

Journal "Dialogue with Time" is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

ISSN 2073–7564

Эл. № ФС 77-53624

Подписной индекс
в общероссийском каталоге «Роспечать»
36030

- © Общество интеллектуальной истории, 2019
- © Институт всеобщей истории, 2019
- © Журнал «Диалог со временем», 2019

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

К. В. ХВОСТОВА

КОРОТКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

Короткое историческое время определяется как ситуационное и как повторяющиеся функциональные связи факторов в пределах определенного временного интервала. Рассматривается кайрологическое историческое время. Анализируется короткое историческое время, противостоящее историческому агенту. Рассматривается проблема связи идей позитивизма и современного постпозитивизма. Анализируются факты релятивизма в современной исторической науке. Выводы иллюстрируются на материале источников по истории Византии.

Ключевые слова: короткое историческое время, кайрос, циклизм, тенденции, индукция, математическое моделирование, позитивизм, постпозитивизм

Историк, изучая прошлое, различает длительное и короткое историческое время. То и другое может относиться к пространствам разной размерности. Наиболее изученным является длительное время, отличающееся большими диапазонами и относящееся к пространствам большей размерности. Это время характеризует эпохи, культуры, цивилизации, государства. Длительное время является содержанием исторических и социологических теорий, в частности оно находилось в центре внимания Ф. Броделя и М. Блока¹.

Короткое историческое время также может сочетаться с малыми и большими пространствами. Это время измеряется фактом, совокупностью фактов и, как правило, событием или несколькими событиями. Короткое время – это время ситуационное. В ряде исследовательских ситуаций короткое историческое время является повторяющейся взаимосвязью между фактами и событиями в рамках фиксированных фаз, циклов, интервалов длительного времени. Предметное, качественное содержание таких фактов и событий естественно меняется на протяжении длительного периода, но повторяется структура, т.е. способ взаимосвязи. В таком случае речь идет об однородных тенденциях в рамках фиксированного хронотопа. Эта структура является некоторой константой, которая в рамках научного исторического исследования воспринимается как формальная модель. Она может выражаться словесно или с помощью числовых показателей, в т.ч. полученных в рамках математического моделирования с помощью вероятностно-статистических методов или дифференциальных уравнений.

¹ Репина 2011. С. 88.

Короткое историческое время (фаза, интервал, цикл), как отражающее историческую событийность, является тем существенным признаком, который отличает историческую науку от социологии и экономического знания. Это отличие, как неотъемлемый признак историописания, нуждается, на наш взгляд, в специальном рассмотрении с учетом современных междисциплинарных связей, обусловивших появление новых научных направлений. Лидер современной синергетики И. Пригожин, характеризуя научные перемены, ставшие явными в конце XX в., отмечал тенденции к известному сближению не только естественных и общественных наук, но и специальных естественнонаучных знаний и историописания. Этот процесс, по мнению ученого, связан с возрастанием роли принципа историчности в естественнонаучных дисциплинах и, соответственно, с появлением значимости исторического нарратива, как репрезентации знания в целом². Другой видный представитель синергетики К. Майнцер подчеркивал возрастание в современных естественных науках роли событийности, связывая это явление также с влиянием гуманитарного знания³.

Влияние гуманитарных наук, в частности, истории с ее вниманием к короткому времени, на постпозитивистскую эпистемологию и методологию прослеживается в том значении, которое в современной науке придается таким эвристическим приемам, как фрактальность, детализация, деструкция целостности и формирование ее нового образа, междисциплинарность и трансдисциплинарность. Что касается этого последнего методологического и шире – эпистемологического принципа, состоящего в создании комплексного представления об изучаемом объекте путем включения в его образ гетерогенных проявлений, схожих лишь по своей функциональной роли, то он явно обнаруживает влияние практикуемых в историописании исследовательских процедур. Трансдисциплинарность представляет собой расширенную историческую сравнительную интерпретацию, состоящую в нахождении сходства в разновременных и находящихся в разных пространствах объектах изучения. Конкретно-исторические исследования, очевидно, повлияли на современную эпистемологическую и методологическую стратегию постпозитивистской науки, провозгласившей принцип «конец метанарративов», подразумевавших поиск глобальных оснований и общих законов изучаемых явлений⁴. Иными словами, наблюдается возрастание научной значимости присущего историографии индивидуализирующего подхода, названного М. Хайдеггером «размыкание прошлого»⁵.

² Пригожин 1991. С. 50.

³ Майнцер 2010. С. 86.

⁴ Рзаева 2014. С. 25.

⁵ Хайдеггер 2002. С. 434.

Соответственно, в современной постпозитивистской эпистемологии большую роль играют идеи экзистенциализма М. Хайдеггера, интуитивизма, феноменологии и событийности Э. Гуссерля, деструкции, детализма и плюрализма представителей постмодернизма. В рамках названных философских направлений историческая методология, связанная с событийностью, конкретизацией, получает не только эпистемологическое оправдание, но и поднимается до уровня одной из лидирующих научных современных стратегий.

Все сказанное определяет правомерность детального рассмотрения исторических примеров короткого исторического времени как основного приема современного понимания исторической событийности. Одним из его вариантов является малоизученное *кайрологическое время*. Понятие *кайрос* обозначало в Античности момент благоприятный для свершения определенного действия⁶. Хайдеггер принял античное понимание кайроса и определил историческое время как «время... для»⁷. В Византии, испытавшей сильное влияние античной культуры, понятие *кайрос* получило значительное распространение. «Кайросы – это душа вещей и, если кто-либо не умеет ими воспользоваться, то может возникнуть большой ущерб делам», – говорится в преамбуле одной из жалованных грамот XII в.⁸ Представляется, что в рамках современного знания понятие "кайрос" может рассматриваться как метафора логической импликации, т.е. высказывания, вводимого союзами «если... то». Союз «если» предшествует характеристике благоприятного момента, тогда как союз «то» вводит описание поступка.

Понятие «кайрос» содержало, таким образом, оценку поведенческой ситуации в пределах фиксированного временного диапазона. При этом предполагалось, что схожие по своему функциональному значению ситуации могут повторяться в границах некоторого более длительного времени. Соответственно, византийские историки признавали «возможность предвидения будущего на основе знаний о прошлом»⁹. Иными словами, идея кайрологического времени в Античности и в Византии была тесно связана с темпоральными представлениями о циклическом времени, фиксирующем круговорот событий в рамках определенного временного диапазона. Античное понимание циклического короткого времени ярко проявляется в часто цитируемых в философской литературе высказываниях Гераклита о космосе, как вечно живом огне, «мерами загорающим и мерами затухающим»¹⁰, а также о реке,

⁶ Аристотель 1999. С. 798. 4 (V).

⁷ Хайдеггер 2002. С. 414.

⁸ Actes de Lavra 1979. No. 133. P. 50.

⁹ Nicephori Gregorae 1830. P. 618.9; Georgii Pachimeri 1885. P. 13; Démetrius Cydonés 1960. No. 133.

¹⁰ Материалисты Древней Греции. 1954. С. 47.

в которую «мы входим и не входим... В одну и ту же реку нельзя войти дважды»¹¹. Эти идеи Гераклита, отражающие понимание циклических временных процессов, сочетались с общими античными представлениями о едином космическом линейном временном процессе. Характерно, что образ текущей реки Гераклита как выражение сочетания изменчивости и неизменности, т.е. единства противоположностей, проявляющееся во временном круговороте явлений, использовал М. Мерло-Понти: «Вода, которая будет проходить завтра, в настоящий момент уже есть...»¹².

Античные идеи постоянного возвращения ситуаций, их круговорота были восприняты в Византии, причем циклические перемещения событий усматривались не только в природе, но и в обществе. «Время движется по кругу... вещи по необходимости согласуются со временем... Одни опускаются вниз... другие же вверх поднимаются... Круговорот идет наподобие шара», – говорится в преамбуле одного из актов¹³. «То, что разделяется во времени, объединяется общностью деяний», – утверждал византийский историк XIV в. Никофор Григора¹⁴. Идеи круговорота природных и общественных событий в Византии сочетались с идеями длительного, линейного космического времени¹⁵.

Научная актуальность проблемы короткого обратимого времени, сочетающегося с длительной необратимой линейной темпоральностью, в какой-то мере может быть сопоставлена с проблемами современной физики. Характерно, что в рамках определенных физических теорий специалисты констатируют относительность и уязвимость традиционного представления о единственной, научной значимости прямолинейного, непрерывного течения времени, т.н. *стрелы времени*¹⁶.

Идеи обратимого циклического времени и его разновидности – времени кайрологического, распространенного в Античности и в Византии, предвосхитили в известной мере концепции циклического времени Д. Вико и Б. Кроче, а также Г. Гегеля, который писал: «События, различны, но общее и внутреннее в них, их связь – едины. Это снимает прошлое и делает событие современным»¹⁷. А восходящие к Античности кайрологические и циклические идеи византийской философии истории актуальны не только в рамках современной философии истории и исторической науки, но и для темпоральных представлений эпистемологии и методологии в целом. Отметим в этом плане современные идеи герменевтического круга, самоорганизации систем, развиваемые в

¹¹ Там же. С. 45, 49; Аристотель 1993. С. 686.

¹² Мерло-Понти 1999. С. 521.

¹³ Actes de Docheiariou. 1984. No. 89.

¹⁴ Nicephore Gregorae 1927. P. 152.

¹⁵ Кессиди 1987. С. 132.

¹⁶ Карпенко 2017. С. 180.

¹⁷ Гегель 1993. С. 61.

рамках синергетики, а также концепт «петля обратной связи». Это наименование широко используется в научных исследованиях, означая прием, основанный на обратной функциональной и логической зависимости, согласно которой следствие не только вытекает из гипотезы, но одновременно и подтверждает ее достоверность¹⁸. На основе анализа понятия кайрос в «Политике» и «Никомаховой этике» Аристотеля греческий ученый Э. Муцопулос приходит к выводу о значимости этого понятия и в современной социальной и политической практике¹⁹.

В качестве иллюстрации роли кайрологических представлений в Византии целесообразно рассмотреть преамбулы византийских жалованных грамот. В них говорится о том, что пожалование юридическому лицу, например, крупному монастырю на Афоне, земельных владений и податных привилегий осуществляется в ответ на соответствующую просьбу со стороны физического представителя данного юридического лица. Подобная просьба рассматривалась как благоприятный момент для демонстрации со стороны императорской власти политики поддержания крупного землевладения. Распространённость названной поведенческой практики, постоянный повтор подобных просьб со стороны юридического лица и их поддержки со стороны власти, отражают представление о процессе круговорота одинаковых по своей юридической природе и функциональной значимости событий во времени.

Целесообразно повторить, что внимание к кайрологическим идеям и связанным с ними представлениям о круговороте событий во времени отражает идеологическую направленность современных эпистемологии и методологии в целом. Для современного знания характерны фрагментальность подхода, трансдисциплинарность, основанная на снятии оппозиции разновременных гетерогенных явлений, постмодернистская детализация и событийность при изложении материала. Нахождение обратимых взаимосвязей характеризует временную преемственность ситуаций, имеющую нелинейный характер. Однако кайрологическое время никоим образом не предполагает детерминистскую, т.е. необходимую, связь компонентов рассматриваемой взаимосвязи. Кайрологическая темпоральность – это переменная связь условия и поступка, основанная на выборе. Византийцы понимали кайрос как рекомендацию к действию. Допускалось, что агент может не воспользоваться благоприятным моментом, в результате чего возникает «ущерб делам». Иными словами, обратимость данного вида короткого времени, допускающая различные формы поведения агента, характеризуют его способность ориентации в обстановке. Кайрос, таким образом, это форма поведенческой модели, являющейся предметом ценностной оценки.

¹⁸ Агацци 2010. С. 63.

¹⁹ Муцопулос 2016. С. 130.

Однако не всякое короткое историческое время является кайрологическим. В источниках упоминаются многие события, не связанные с деятельностью определенного агента, а противостоящие ему. В рамках современной науки при условии, что соответствующие короткие временные интервалы составляют цепь однородных событий, образующих тенденции и традиции, возникает возможность их изучения с помощью индукции. В этой связи напомним, что в современной эпистемологии доминирует представление об ограниченной познавательной роли индукции. На основе концепций Д. Юма, Р. Карнапа, Б. Рассела, К. Поппера и представителей постпозитивизма утвердилось представление, согласно которому вывод о том, что регулярности, наблюдаемые в прошлом, должны повториться в будущем, всегда проблематичен²⁰. Поэтому индукция не может рассматриваться как основа для прогнозирования общих тенденций и законов изучаемых процессов.

Но в историческом исследовании речь идет о прошлом, проблема прогнозирования будущего не ставится. Именно индукция – основной метод изучения тенденций и традиций, образуемых цепью коротких исторических событий в конкретном пространственно-временном диапазоне²¹. Роль индукции при изучении цепи однородных коротких событий, в рамках циклов, фаз характеризует особое место исторической науки в системе современного знания. Применение в историописании индукции для изучения цепи однородных временных интервалов, фаз, циклов связано с современной практикой математического моделирования, изучением исторической информации о соответствующих явлениях с целью получения количественных характеристик тенденций и традиций. Методологические новшества исторической науки созвучны идеям лидеров постпозитивизма И. Пригожина и К. Майнцера относительно современных тенденций сближения естественно-научного и исторического знания. При этом, как говорилось выше, названные ученые отмечали влияние гуманитарного знания на естественно-научное, проявлявшееся в акцентировании в современной эпистемологии собственных историописанию событийности, коротких временных циклов, детализации как неотъемлемых приемов современной науки в целом.

Как бы вопреки этим сенсационным выводам лидеров синергетики, отметим, что первые фундаментальные исследования, посвященные математическому моделированию в общественных науках, предметом которого являлись короткие временные циклы в цепи однородных событий, образующих тенденции и традиции, появились уже в конце XIX – начале XX в. и основывались на позитивистской философии. В ее рамках развивался прямо противоположный тезис, т.е. говорилось о

²⁰ Миллер 2016. С. 112–113.

²¹ Хвостова 2018. С. 10.

влиянии естественнонаучного знания на гуманитарные науки. Так, Э. Дюркгейм в духе классического позитивизма приравнивал социальные факты к естественно-научным и характеризовал их как вещи²².

Становление при изучении цепей коротких временных интервалов формирующейся постпозитивистской методологии и ее соотношение с позитивизмом отражены в фундаментальной монографии Р. Будона. В частности, автор еще разделяет позитивистскую позицию о единстве каузальности и детерминизма: «Если имеется каузальность, то следует говорить о детерминизме», – пишет он²³. Но в рамках современной постпозитивистской парадигмы, основанной на идеях синергетики, понятие «детерминизм» употребляется «только в отдельных случаях»²⁴. Соответственно, особая значимость придается вероятностно-статистическим закономерностям. При этом в цепи коротких однородных временных интервалов каждый интервал имеет свою каузальность.

Однако во взглядах Р. Будона и Э. Дюркгейма, наряду с устаревшей позицией по поводу отождествления детерминизма и каузальностей, имеется ряд выводов, предвосхищавших постпозитивизм. Оба исследователя отмечают специфику моделирования качественных признаков в общественных науках. Отмечая, что условием существования социального факта является только другой социальный факт²⁵, Дюркгейм, по существу, выдвигает идею необходимой конкретизации и индивидуализации при моделировании коротких временных тенденций. Будон также, характеризуя специфику социального знания, подчеркивает, что в его рамках одно и то же событие не влечет за собой с необходимостью одно и то же следствие²⁶. Иными словами, акцентируется значимость плюралистического, а также качественного интерпретационного подхода в общественном знании.

Новаторским и полностью соответствующим современным постпозитивистским парадигмам представляется вывод Дюркгейма о характере «объясняющих» переменных величин в корреляционной модели. По его мнению, названные переменные только тогда способны выполнить свою задачу, если они являются компонентом некоторой сложной сетевой зависимости многих факторов, воспроизводимых исследователем на основе качественного анализа²⁷. Мы оцениваем данные выводы как предвосхищение идей социальной ризомы современного постмодернизма с его пристальным вниманием к многообразию явлений.

²² Дюркгейм 1991. С. 355, 394.

²³ Boudon 1968. P. 21, 22.

²⁴ Пригожин 1989. С. 4.

²⁵ Durkheim 1960. P. 351.

²⁶ Boudon 1968. P. 23.

²⁷ Durkheim 1950. P. 130–131.

Одновременно, полагаем, что Э. Дюркгейм и Р. Будон в определенной мере предвосхитили идеи современного конструктивизма относительно определяющей роли в исследованиях предварающей его дедуктивной научной модели, подлежащей проверке и опредмечиванию в конкретных исследованиях²⁸.

При рассмотрении короткого исторического времени как объекта моделирования с помощью вероятностно-статистических методов или дифференциальных уравнений, представляет интерес вывод Р. Будона о слабой «замкнутости» социальных систем²⁹. По отношению к исследованиям короткого исторического времени в отдаленном прошлом этот признак проявляется, в частности, в неопределенности соответствующих сведений исторических источников, позволяющих лишь приблизительно определить границы интересующего исследователя короткого временного интервала. Так, византийские источники свидетельствуют, что при пожаловании со стороны императора владений и привилегий крупным земельным собственникам – юридическим лицам данный акт не сводился к соответствующим распоряжениям, имеющим определенную дату. Он растягивался на некоторый временной период, необходимый для осуществления официальных юридических и практических процедур. Этот временной интервал средневековые источники, как правило, не позволяют в точности определить. Иными словами, короткое историческое время, т.е. интервал, фаза, цикл, во всяком случае по отношению к информации источников отдаленных эпох, находящихся в центре нашего внимания, имеют расплывчатый характер. Проблема решается эвристическим методом в рамках конкретного исторического исследования путем сопоставления многих данных и их исследовательской интерпретации. Подобная слабая «замкнутость» делает актуальным не только анализ короткого исторического времени как такового, но и установление его связи с пространством. Возникает, таким образом, проблема хронотопа. Пространство, соответствующее короткому времени, также имеет слабую «замкнутость». Достаточно распространены исследовательские ситуации, в которых границы одного из компонентов хронотопа или обеих его составляющих условны и спорны. Они определяются на основе сравнительного анализа и содержательной интерпретации информации источников.

Важная для исторических исследований проблема хронотопа на первый взгляд противоречит позиции такого признанного специалиста в области темпоральности, как А. Бергсон. Согласно его представлениям, время любой длительности следует рассматривать как предмет психологии и ассоциировать с переживаниями человеком различных жиз-

²⁸ Boudon. 1968. P. 38.

²⁹ Ibid. P. 331–332.

ненных ситуаций. При таком подходе «смешение длительности с протяженностью» Бергсон квалифицирует как «псевдопроблему»³⁰.

Однако мы не ставим целью изучение психологических истоков понятия «время» или процедуры его восприятия и переживания человеком. Нас интересуют формы и значимость времени в социально-историческом бытии. Точнее – восприятие историком протяженности событий в определенном пространстве и в определенный исторический период. При подобной акцентировке время, в равной мере длительное и короткое, всегда связано с пространством как единый хронотоп.

При изучении коротких хронотопов, как и при анализе короткого исторического времени как такового, возникает два исследовательских образа. Один отражает понимание явления его современниками и запечатлен в исторических источниках. Другой связан с личностным индивидуальным подходом историка, учитывающего современные ему историографические, философские, культурологические тенденции. Оба образа – обратимы. А именно: образ, воспроизводимый в источниках, обнаруживает однородную содержательную функциональную связь ряда малых хронотопов в рамках некоторого более крупного хронотопа. Образ, создаваемый исследователем, содержащий новые выводы по предмету, тем не менее создается на основе прошлых исследований. Подобная преемственность и традиционность при изучении как коротких, так и длительных исторических хронотопов иллюстрируется на примере установленной выше связи позитивистской и постпозитивистской научной стратегией. Конкретизирующая методика позитивизма органично вписывается в многофакторную стратегию постпозитивизма.

Возвращаясь к проблеме особенностей рассматриваемых хронотопов, остановимся подробнее на вопросе их размытых границ. Трудности, возникающие при анализе соответствующих явлений, протекающие из личного субъективного характера текста, нарратива источников, свидетельствуют о релятивном характере соответствующих выводов в системе исторического знания. Исторический релятивизм – специфичен, но не уникален. Всякая наука релятивна, в том смысле, что на каждом этапе своего развития решает новые проблемы и дает новую оценку ранее достигнутых результатов. Именно таков характер современного постпозитивизма, включающего синергетику, конструктивизм, постмодернизм, лингвистически-интерпретационные и эволюционно-диалектические стратегии и парадигмы, а также математическое моделирование, равно как позитивистские идеи точности и закономерности.

Представители современного конструктивизма, восходящего к идеям У. Куайна, П. Фейерабенда, а также представлениям критического фальсификационизма К. Поппера, Т. Куна, И. Лакатоса, подчеркивают

³⁰ Бергсон 2007. С. 133.

множественность функционирующих научных теорий. «Современное знание строится познающим субъектом в виде моделей, которые могут быть как альтернативными, так и взаимно дополнительными»³¹. Подобные модели носят дедуктивный характер, они подтверждаются и конкретизируются в процессе эмпирических исследований. Идеи современного конструктивизма относительно ведущей роли в постпозитивистской науке дедуктивного знания, предваряющего индуктивный анализ конкретики, по отношению к историческим исследованиям не только оправдывают правомерность существования в историописании разных пониманий одних и тех же проблем, но и рассматривают это явление как общее правило научных исследований в целом.

Однако идея первичности дедуктивной концепции по отношению к анализу источников связана с определенным парадоксом. У историка, изучающего прошлое в его конкретике, создается впечатление о первичности этих процедур. Тем не менее, всякое историческое исследование начинается с постановки проблемы, выбора дедуктивной модели, отражающей уровень знания. Короткое историческое время вливается в длительное время, как история впадает в социологию. В рамках этой проблематики, отметим один аспект, который являлся темой собственного изучения со стороны автора данной статьи.

В византийских нарративных источниках и юридических актах XIII–XIV вв. для наименования ряда проявлений социальной реальности используются богословские понятия. Подобные факты отражают обратимость длительного исторического времени, которая проявлялась в своеобразных лингвистических традициях, характеризующих специфическую ментальность и особенности византийской культуры³².

В монографии автора данной статьи, посвященной парадигмальному характеру византийской цивилизации, рассматривается проблема уподобления византийскими мыслителями процедуры принятия решений историческими агентами результату «бросания игральной кости»³³. Как известно, в современной теории вероятностей такой результат с равными исходами именуется равномерным распределением вероятностей. Византийские мыслители на уровне здравого смысла и опыта ориентации в общественной и политической жизни понимали, что шансы на успех решений, принимаемых историческими деятелями, как правило, отнюдь не равны. Поэтому они полагали, что для успешной ориентации в обществе и принятии верных решений необходимо «взвешивать» результаты бросания игральной кости. Эта процедура осуществляется путем учета кайроса.

³¹ Петренко 2011. С. 70.

³² Хвостова 2008. С. 75.

³³ Там же С. 88.

Кайрологическое время таким образом связано с длительным временем культуры и ее ментальными традициями.

Это обстоятельство, как и многие другие факторы, рассмотренные выше, отражают сложную диалектику исторического времени, равно как диалектическое единство византийской цивилизации в целом.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Агаци Э. Эпистемология и социальное: петля обратной связи // Вопросы философии. 2016. № 7. С. 63.
- Аристотель. Никомахова этика // Философы Греции. М., 1999. С. 798 (V).
- Бергсон А. Мысль и движущееся. Возрастание истины. Возвратное движение истины // Вопросы философии. 2007. № 8. С. 133.
- Гегель Г.В.Ф. Философия истории СПб., Наука, 1933. С. 61.
- Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. С. 394.
- Карпенко А.С. Логика детерминизма и феномен прошлого // Вопросы философии. 2017. № 9. С. 180.
- Кессиди Ф.Х. Была ли у древних греков история? // Вопросы философии. 1987. № 8. С. 132.
- Майнцер К. Вызовы сложности в XXI веке. Междисциплинарное введение // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 86.
- Материалисты Древней Греции. М., 1954. С. 47.
- Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999. С. 521.
- Миллер Д. Машинное угадывание // Вопросы философии. 2012. № 7. С. 112-113.
- Муцопулос Е. Аристотель о моральных и экономических кризисах // Вопросы философии. 2016. № 5. С. 130.
- Петренко В.Ф. Конструктивизм как новое направление в науке о человеке // Вопросы философии. 2011. № 6. С. 70.
- Пригожин И. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 4.
- Пригожин И. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 50.
- Рзаева Р.О. Конец метанарративов в контексте проблематики прошлого // Вопросы философии. 2014. № 2. С. 25.
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С. 88.
- Хайдеггер М. Бытие и время. СПб. 2002. С. 434.
- Хвостова К.В. Византийская цивилизация как историческая парадигма. СПб. 2008. С. 88.
- Хвостова К.В. Современный исторический нарратив // Вопросы философии. 2018. № 2. С. 10.
- Actes de Docheiariou. Ed. Oikonomidès N. Paris, 1984. No. 7. P. 89.
- Actes de Lavra. Ed. Guillou A., Lemerle P., Papachryssanthou D., Svoronos N. Paris, 1979. Vol. III. No. 133. P. 50.
- Demétrius Cydonès. Correspondance. Ed. par R.-J. Loenertz. Citta del Vaticano. 1960. Vol. II. No. 133.
- Georgii Pachymeris de Michaele et Andronico Palaeologis libri XIII. Bonnae, 1885. P. 13.
- Nicephori Gregorae Byzantina Historia. Bonnae, 1830. Vol. II. P. 618.
- Nicephore Gregoras Correspondance. Ed. Guiland R. Paris, 1927. No. 152.
- Boudon R. L'analyse mathématique des faits sociaux. Paris, 1968. P. 21–23, 38, 331–332.
- Durkheim E. Les règles de la méthode sociologique. Paris, 1950. P. 130–131.
- Durkheim E. La suicide. Paris, 1960. P. 351.

REFERENCES

- Actes de Docheiariou. Ed. Oikonomidès N. Paris, 1984. No. 7. P. 89.
- Actes de Lavra. Ed. Guillou A., Lemerle P., Papachryssanthou D., Svoronos N. Paris, 1979. Vol. III. No. 133.

- Boudon R. L'analyse mathématique des faits sociaux. Paris, 1968. P. 21–23, 38, 331–332.
- Demétrius Cydonès. Correspondance. Ed. par R.-J. Loenertz. Citta del Vaticano. 1960. Vol. II. No. 133.
- Durkheim E. La suicide. Paris, 1960. P. 351.
- Durkheim E. Les règles de la méthode sociologique. Paris, 1950. P. 130–131.
- Georgii Pachymeris de Michaele et Andronico Palaeologis libri XIII. Bonnae, 1885. P. 13.
- Nicephore Gregoras Correspondance. Ed. Guillaud R. Paris, 1927. No. 152.
- Nicephori Gregorae Byzantina Historia. Bonnae, 1830. Vol. II. P. 618.
- Agazzi E. Epistemologiya i sotsialnoe: petlya obratnoj svyazi. Voprosy filosofii. 2016. No. 8. S. 63.
- Aristotel. Nikomakhova etika. Filosofiy Gretsii. M., 1999. S. 798.
- Bergson A. Mysl' i dvizhushcheesya. Vozrastanie istiny. Voprosy filosofii. 2007. No. 8. S. 133.
- Kessidi E.H. Byla li u drevnikh grekov istoriya Voprosy filosofii. 1987. No. 8. S. 132.
- Gegel' G.V.F. Filosofiya istorii. Spb., 1993. S. 61.
- Heidegger M. Bytije i vremya. Spb., 2002. S. 414.
- Karpenko A.S. Logika determinizma i fenomen proshlogo. Voprosy filosofii. 2017. No. 9. S. 180.
- Kessidi E.H. Byla li u drevnikh grekov istoriya Voprosy filosofii. 1987. No. 8. S. 132.
- Khvostova K.V. Sovremenny istoricheskiy narrative Voprosy filosofii. 2018. No. 2. S. 10.
- Khvostova K.V. Vizantijzkaya zivilizatsiya kak istoricheskaya paradigma. M., 2009. S. 88.
- Maintser K. Vysovy slozhnosti v XXI veke. Mezhdistsiplinarnoe vvedenie. Voprosy filosofii. 2010. No. 10. S. 86.
- Materialisty drevney Gretsii. M., 1954. S. 47.
- Merleau-Ponty M. Femenologiya vospriyatiya. SPb., 1999. S. 21.
- Miller D. Mashinnoe ugadyvanie. Voprosy filosofii. 2012. No. 7. S. 112–113.
- Mytsopoulos E. Aristotel' o moralnykh i ekonomicheskikh krisisakh. Voprosy filosofii. 2016. No. 5. S. 130.
- Petrenko V.F. Konstruktivism kak novoe napravlenie v naukakh o cheloveke. Voprosy filosofii. 2011. No. 6. S. 70.
- Prigozhin I. Filosofiya nestabilnosti. Voprosy filosofii. 1991. No. 6. S. 50.
- Prigozhin I. Pereotkrytie vremeni //Voprosy filosofii. 1989. No. 8. S. 4.
- Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv. Socialnye teorii i iscnoriograficheskaya praktika. M., 2011. S. 88/
- Rzaeva R.O. Konets metanarrativov v kontekste problematiki proshlogo. Voprosy filosofii. 2014. No. 2. S. 25.

Хвостова Ксения Владимировна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; kvks@mail.ru

Short historical time

Short historical time is determined as situational and as repeated functional connections of social factors within certain temporal intervals. Kairologique historical time is examined. Short historical time set in opposition to actions of historical agents is analyzed. The connection of ideas of positivism and post-positivism is studied. Relativism in contemporary historical science is analyzed using the examples of material of history of Byzantium.

Keywords: short historical time, kairos, cyclicity, tendencies, induction, mathematical modelling, positivism, post-positivism

Kseniya Khvostova, Dr.Sc (History), Chief Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; hvks@mail.ru

И. Н. Ионов

КОРРЕКЦИЯ ТЕМПОРАЛЬНОГО РЕЖИМА И ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ИСТОРИИ. СТАТЬЯ 1

В статье рассматриваются проблема коррекции темпорального режима, критика проекта Модерна и становление представлений о позднем Новом времени. Продемонстрирована роль в этом процессе изучения фактора насилия и, в частности, феномена Холокоста. Показано, какие формы исторического сознания, восприятия времени, исторической памяти и мемориальной культуры рождались на этой основе у А. Ассман, З. Баумана, Н. Элиаса и его последователей. Подвергнут анализу и отчасти отклонен проект познавательной стратегии, предложенный Алейдой Ассман российским историкам. Показаны преимущества подхода школы Н. Элиаса к проблеме исторического знания в условиях позднего Нового времени.

Ключевые слова: *позднее Новое время, Холокост, процесс цивилизации, дисциплинизация, историческое сознание, историческая память, мемориальная культура*

Я не того боюсь, что эти странники будут творить на Земле зло,
я боюсь, что они будут творить добро так, как они его понимают.
А. и Б. Стругацкие. «Жук в муравейнике»

Абстрагироваться от традиции, быть нейтральным к идентичности?

После падения СССР и преодоления нормативного характера формационной парадигмы большую роль в отечественном историческом знании приобрела теория модернизации, выстроенная У. Ростоу как альтернатива марксистской теории формаций, а потому во многом воспроизводившая природу последней, связанную с представлениями о прогрессе, линейно-стадиальной структуре исторического процесса и объективности исторического знания¹. Она использовалась для периодизации истории как ее реифицированная линейно-стадиальная схема, задающая рамки и проблематику макроистории или прямо (традиционализм — модернизация, стадии и варианты модернизации), или как вариант линейно-стадиальной теории цивилизаций (дикость — варварство — цивилизация). Эта теория подменила марксизм и в ценностно-целевом (динамическое развитие как ценность, построение современного общества как цель), и в эпистемологическом смысле, продолжая играть роль авторитетной санкции, придающей историческому знанию характер научного и объективного, так как она обосновывала разделение на ближайшее прошлое, восприятие которого тесно зависимо от настоящего, и на «чистое прошлое», в отношении которого идеологические предпочтения незначимы. Иначе и быть не могло в стране, по крупицам осваивающей опыт мировой исторической мысли, ощущаю-

¹ Rostow 1960.

щей себя в состоянии модернизационного транзита и обсуждающей свои проблемы в терминах внедрения инноваций и девелопментализма. Поэтому и критика теории модернизации до самого последнего времени (если не говорить о прямых реакционерах) была очень умеренной². Инвективы философов и социологов против идей модернизации, Модерна, и даже привычных для историка понятий Просвещения и Нового времени часто воспринимались с непониманием³.

Однако с конца 1980-х гг. в мировой науке нарастала критика теории модернизации, все более затрагивавшая не только философскую и социологическую тематику, к которой историки-практики всегда относились отстраненно, но и собственно историческую, гуманитарную проблематику, такую как вопрос об исторической памяти и мемориальной культуре. Это проявилось и в широко доступной переводной литературе, в частности, в книгах А. Ассман «Новое недовольство мемориальной культурой» и «Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна». Они показывают, что уже три десятка лет темпоральный режим Модерна переживает кризис, и описывают проблемы, встающие в связи с этим перед историками⁴. В них впервые на русском языке раскрыто содержание интереснейших дискуссий между историками и философами, в которых даже идеи Р. Козеллека и Ф. Артога, во многом еще не освоенные в России, выглядят устаревшими. Вместе с тем Ассман прямо опирается на идеи Б. Латура, критикующие государственно-сциентистский проект Нового времени Т. Гоббса и Р. Бойля (а вместе с ним проекты модернизации и Модерна) не только как утопический, но и как «дефектный», который надо «отозвать»⁵. Ранее такие мысли многим историкам-центристам казались экстремистскими. Из области критики идей прогресса и презентизма дискуссия переместилась к обсуждению эпистемологического значения темпоральных представлений эпохи Модерна, в которых, как пишет Х.-У. Гумбрехт, сохранилось физикалистское и объективистское (впоследствии мифологизированное) представление о стреле времени как необратимого линейного вектора, «абстрагирующегося от... человеческих деяний»⁶. Время осознавалось как движущая сила перемен (отсюда идеологема «Нового времени»). Сциентистский и объективистский подход к истории тесно связан именно с этой мифологией обновляющей силы Нового времени, в рамках которой прогрессивное движение к утопическому будущему само по себе отсекает прошлое, уже не спо-

² Реконструкции... 2017; Цивилизации... 2015.

³ Хоркхаймер, Адорно 1997; Латур 2006.

⁴ Ассман 2016 [2013]; 2017 [2013]. С. 197.

⁵ Там же. С. 16, 143, 225, 228-229, 230; Латур 2006. С. 67, 76-116.

⁶ Ассман 2017 С. 19.

собное влиять на настоящее и будущее, а значит, формирующее предмет объективного знания. По этой же причине прошлое можно разделять на периоды. «Постоянно обновляющийся хиатус (разрыв) на переломах времени», по мнению Р. Козеллека и К. Майера, представляет важнейшую примету идеи прогресса⁷.

Дискуссия была ответом на алармистскую позицию, занятую рядом историков, которые заявляли, что историческое время как хронотоп утрачено, что будущее перестало быть полем возможностей, что оно надвигается как угроза, что прошлое перестало быть ориентиром, а его фиктивные реконструкции в рамках мемориальной политики вытесняют настоящее. *Мемориал* как инструмент пробуждения эмоциональной памяти вытесняет *памятник* как исторический источник — инструмент рационального познания прошлого. Таким образом новый историзм (эпохи презентизма) переживает кризис⁸. Не отрицая этих пессимистических оценок, Ассман показывает, как эта ситуация может обогатить историческое знание. Она намечает перспективу перехода от историзации прошлого — к его освоению как наследия, за которое потомки несут ответственность и которым необходимо распорядиться, что предполагает внимание к историческому сознанию и проработке прошлого. Время в этом хронотопе связывается специфическим способом: не разрывом с прошлым, который предполагает Модерн, а признанием значения «непрошедшего прошлого», порожденного травмой, такой как работорговля, колониализм, Холокост⁹.

Таким образом, новое историческое обоснование получила концепция *позднего Нового времени*, дистанцирующаяся от восприятия современности и проблем времени как модернистами, так и постмодернистами, противопоставленная концепции *высокого* Нового времени и дающая повод «коррекции темпорального режима Модерна», которая рассматривается как его обновление¹⁰. Надо отметить, что за позицией А. Ассман стоят не метафизические рассуждения о времени, а опыт интеллектуальной и мемориальной истории, а также мемориальной культуры и мемориальной политики, прежде всего в Германии. Альтернативная позиция, выдвигаемая ею против сторонников теории модернизации (Дж. Торпи) или теории компенсации (Г. Люббе) — это *теория памяти*, акцентирующая роль понятий культуры и идентичности, маргинальных в условиях теории модернизации. Вопреки позиции историков (Ф. Артог, Х.-У. Гумбрехт), отрицающих существование коллективной идентичности и памяти и резко разделяющих мемори-

⁷ Там же. С. 109-112.

⁸ Там же. С. 202-203, 205, 208-209.

⁹ Там же. С. 190, 192, 211.

¹⁰ Там же. С. 225, 197.

альную память (используемое прошлое) и историю (чистое прошлое), Ассман ратует за их взаимодействие и взаимообогащение¹¹.

В связи с этим встает вопрос, какое значение для отечественной истории это все имеет? Вопрос очень непрост, тем более, что когда речь заходит о переходных обществах, точка зрения Ассман внезапно меняется и проблемы культурной традиции и идентичности (добрая половина объектов «теории памяти») вдруг отходят на второй план. «Чтобы противостоять тенденциозному воздействию политики, нужен другой тип историка, – уверяет она применительно к России, – который способен абстрагироваться от идентичности, нейтрален по отношению к традиции и удерживается на критической дистанции от национальной политической мифологии. Руководствуясь профессиональным самосознанием, современные историки следуют этим принципам, освобождаясь (по мере возможности) от обусловленных собственной идентичностью ограничений, чтобы осуществлять объективное исследование исторических событий»¹². Значит ли это, что для российских историков остаются актуальными теория модернизации, физикалистский образ времени глобального эволюционизма, которому следует клиодинамика А.В. Коротаева и Л.Е. Гринина, и «чистое прошлое» как предпосылка строгой исторической науки в духе М.Ф. Румянцевой и С.И. Маловичко?¹³ С одной лишь поправкой: настойчиво предлагается преодолеть «политику самоутверждения» и перейти к «политике покаяния», образцом приверженности которой Ассман называет Д.М. Володихина¹⁴? Значит ли это, что проблематизация культуры, памяти, идентичности и политической мифологии, а также этического аспекта исторических исследований — привилегия западных и постколониальных историков? Для того чтобы понять это, надо обратиться к корням представлений о позднем Новом времени, их эпистемологической роли и разобраться в особенностях позиции самой А. Ассман, далеко не единственной на этом поле столкновения разных обществоведческих теорий.

От образов Холокоста – к позднемодерным моделям истории и исторической памяти

Концепция позднего Нового времени, разные варианты которой создавались социологами С. Лэшем, З. Бауманом и Э. Гидденсом начиная еще с 1960-х гг., развивалась в 1980–2010-е гг. в тесной связи с осмыслением Холокоста и в сложных отношениях с постмодернизмом, которому она отчасти противостояла, а отчасти наследовала, сохраняя связь с концепциями модернизации и Нового времени и продви-

¹¹ Там же. С. 208, 245.

¹² Ассман 2017, с. 244–245.

¹³ Зинькина и др. 2016–2017; Маловичко, Румянцева 2013; Ионов 2018; 2015.

¹⁴ Ассман 2017. С. 248–249.

гая не столько философскую, сколько социологическую критику этих теорий. Понятие позднего Модерна применяется прежде всего для развитых глобализированных обществ, для которых характерны рефлексивное развитие и высокое благосостояние населения, но одновременно – растущие риски (*Risikogesellschaft* У. Бека) и высокая тревожность, связанная с распадом традиционных институтов и представлений, от чего мир вокруг выглядит не прочной опорой, а предательски неустойчивым, текучим (или даже «жидким», «зыбким» – отсюда «*liquid Modernity*» З. Баумана)¹⁵. В таких обществах не технологии разрабатываются для удовлетворения потребностей людей, поскольку базовые потребности у массы населения удовлетворены, а новые шкалы потребностей конструируются рекламой для воплощения уже разработанных и постоянно возникающих технологий, причем стремительность развития последних воспринимается как форма застоя. Соответственно, на первый план выходят проблемы качества жизни, в том числе ее обесмысливания, угроза возникновения «депрессивного общества» и борьба за эмоциональное благосостояние населения, конструирование идентичностей и поиск своего подлинного «я»¹⁶.

Ключевую роль в выработке представлений о позднем Новом времени сыграли работы левого английского социолога З. Баумана (1925–2017), участника Великой Отечественной войны и взятия Берлина, в прошлом марксиста и политкомиссара. Они были связаны с изучением феномена Холокоста, который с 1980-х гг. становится парадигмальным для переосмысления современной социальной ситуации как «обратная сторона» Нового времени. В книге «Актуальность Холокоста» (1989) Бауман, работая на макросоциологическом уровне, выступил против одного из направлений теории модернизации – теории «процесса цивилизации» Н. Элиаса как версии линейно-стадиального прогрессивного движения от насильственного поведения к смягчению нравов, которую счел мифологической. В рамках этой концепции Холокост выглядит ошибкой и срывом процесса цивилизации, следствием возрождения архаических инстинктов. Чтобы преодолеть это наследие, надо лишь идти вперед по дороге цивилизации. Этот миф, по мнению Баумана, поддерживают вигская историография, социология М. Вебера, марксистская философия, любая государственническая идеология, рассматривающая общество «глазами садовника», как объект заботы и профилактики¹⁷.

З. Бауман противопоставляет этой картине истории собственную, в которой модернизация, рационализация и цивилизация предстают как

¹⁵ Neaphy, Franklin 2004; Бек 2000.

¹⁶ Dows 2018. P. XIV, 137-166; 249-260.

¹⁷ Бауман 2010. С. 28-29, 133, 152, 288.

необходимые условия Холокоста (без них тот немислим), хотя и недостаточные для его осуществления. Это касается не только индустриализации истребления людей, но прежде всего разнообразных рациональных форм контроля над их поведением средствами армейской дисциплины, партийной идеологии, бюрократической организации, экономической системы рационализации и учета. Обязательно присутствие в такого рода действиях рационально обоснованного утопического общественного идеала, в данном случае – расово чистого общества, именно как цивилизационного идеала, глобального проекта жизнеустройства, продукта тяги к социальному совершенству, родственной деятельности садовника, стремящегося во имя эстетического идеала реализовать план избавления сада от сорняков или традиции «социальной гигиены» в странах Западной Европы, как дистанцирования от «варваров» (в форме «политической гигиены»)¹⁸. Именно в ходе реализации таких проектов, по мнению Баумана, разрушается примордиальное свойство человека, на котором основана его субъективность – его социальность, стремление «быть с другими», что «означает прежде всего ответственность» за других, и его мораль как первичная структура интересубъективной связи, без которой человек не может ни появиться, ни вырасти, ни жить¹⁹. Позиция «садовника», занятая элитой в процессе модернизации, заставляет ее противопоставлять в обществе «культурные растения» и «сорняки» и в соответствии с планом, подкрепленным законодательством, систематически «выпальывать» последние, демонизируя и виктимизируя при этом часть населения (например, бывших собственников как «лишенцев» в СССР или неарийцев в Третьем Рейхе).

В итоге инстинктивное стремление к насилию становится необязательным и даже вредным, в центр системы Холокоста выдвигается не «эмоциональный» садист Ю. Штрайхер, а обычный чиновник, такой как А. Эйхман, дистанцированный от жертв насилия, а потому выполняющий свои обязанности аккуратно и эффективно, без ненужных эмоций. Именно эта дистанция, отчуждение от человеческой сущности невидимых жертв, превращение их в объект бюрократических процедур, создаваемые обилием посредников, позволяют в рамках идеологических критериев, оправдывающих насильственные действия, расценивать их как своего рода «труд», затрату нервов и усилий, плод самоотречения, моральную оценку которых можно привнести лишь извне²⁰. В этом, по мнению Баумана, одинаковы проекты расово чистого общества, коммунизма и Великого общества в США, давшего пример Хиросимы²¹.

¹⁸ Там же. С. 29, 31-33, 45, 77, 115-116, 140-141.

¹⁹ Там же. С. 216-217, 251.

²⁰ Там же. С. 37-43.

²¹ Там же. С. 255.

В результате, на примере изучения истории Холокоста З. Бауман показал, что цивилизационный процесс из-за своих утопических целей и рационального подхода к делу не только «открывает возможность использовать и применять насилие независимо от соображений морали», но и освобождает социальную инженерию уже на стадии составления планов «от влияния со стороны этических норм или моральных запретов». Рациональное (точнее, по М. Веберу, целерациональное) действие по своей природе нацелено на эффективность, а потому свободно от моральных (порой иррациональных) оценок. Поэтому «явления типа Холокоста следует рассматривать как законные результаты цивилизационной тенденции и ее постоянный потенциал». Это не свойство определенных идеологий (нацизма, большевизма), а проявление природы таких продуктов цивилизации Нового времени, как бюрократия и наука, ориентированных на оптимизацию деятельности вне зависимости от ее морального смысла. Такой подход требует коренного переосмысления понятия Нового времени, а также реформы обществознания в целом²².

Слабой чертой этой концепции была ее метафизическая составляющая: Бауман обосновал примордиальный характер межчеловеческого взаимопонимания и диалога при помощи экзистенциалистской философии Э. Левинаса, упростив себе задачу введения морально-этического элемента в социальное знание, но одновременно фактически выведя его за рамки науки, так как оно становилось нефальсифицируемым, а значит, для его признания достоверным не годились даже сильные подтверждения²³. Социолог некритически принял утверждение Левинаса о том, что «моя ответственность ничем не обусловлена»²⁴. Это была догматическая установка, общая левому и либеральному гуманизму, что позже было выявлено в споре З. Баумана со школой Н. Элиаса²⁵.

Об этом споре речь пойдет ниже, а теперь надо отметить, что Бауман создал целую серию пессимистических по духу исследований о «зыбком Модерне», способствовавшую коренному переосмыслению представлений о Новом времени, природе восприятия времени, исторической памяти и ее морального контекста. В них он характеризует позднее Новое время как время страха и неопределенности, капризное и сбивающее с толку – как «век ностальгии» по прошлому, которого никогда не было. Из этого мира отлетел «ангел истории». Элита, кото-

²² Там же. С. 46-48. См. также: Bauman 1993. P. 227.

²³ Поппер 2008. С. 51, 68. Поппер считал такую познавательную стратегию нерелевантной и предлагал более сложный путь к диалогу через взаимодействие традиций и идентичностей. «Всякая социальная критика... должна опираться на структуру социальных традиций, одни из которых подвергаются критике при помощи других». Там же. С. 88, 226-227. Подробнее см.: Ионов 2015. С. 94-104.

²⁴ Бауман 2010. С. 212.

²⁵ Dunning, Mennell. 1998. P. 340.

рая ранее примеряла роль садовника и перестраивала мир, пытаясь осуществить сочиненные ею утопии, все более превращается в охотников, свободно, без определенной (даже утопической) цели перемещающихся по глобальному миру в поисках заповедных мест, полных «дики», стремясь выстроить свой успех за счет других людей – и желает жить так вечно. Будущее в позднее Новое время связано с тягой к потерянному, преданному и утраченному прошлому. Это век возрождения старых идентичностей, верований и конфликтов, в рамках которых совершенствование манер не сопровождается улучшением личных качеств человека. Конфликтность удаляется из поля зрения, но не из человеческой природы (так преодолевается примордиальность этики Левинаса). Архетипом цивилизованного поведения выступает «социальное отведение взгляда» при встрече с незнакомцем, защищающее от включения в общение и связанных с ним моральных обязательств. Результат – возвращение к гоббсовскому миру множества плохо функционирующих Левиафанов, в котором растет масштаб и интенсивность насилия, миру взаимной подозрительности, ксенофобии и расизма, соединяющих нарциссический индивидуализм и этнический коммунизм. В рецензиях на книгу отмечается ностальгический характер самого сочинения, проникнутого тоской по проекту Нового времени²⁶.

Критика теории процесса цивилизации Н. Элиаса (1897–1990) Бауманом оказалась на редкость полезной и привела к дискуссии по поводу роли насилия в истории, не прекращающейся по сей день. Первые отклики ближайших учеников и соратников Элиаса, таких как С. Меннел и Э. Даннинг, пытавшихся оправдать его позицию и представить ее не связанной с идеей прогресса и не линейной, сейчас подвергаются критике со стороны современных последователей социолога²⁷. Процесс децивилизации, роста насилия, действительно предстал в теории Элиаса как попятный, локальный, связанный с особенностями развития данного государства (в случае Холокоста – в Германии), хотя он не считал их уникальными. Среди них – неустойчивая национальная идентичность, расшатанная военными поражениями и унижением Версальского договора. В условиях возвышения в эпоху Веймарской республики среднего класса, заимствовавшего брутальный габитус прусских юнкеров и требовавшего позитивной самооценки, но неуверенного в статусе страны как великой державы, такое прошлое наносило ущерб его достоинству²⁸. Ответом на фрустрацию была агрессия: обвинение нацистами Веймарского режима в «ударе в спину» империи и создание утопического расового идеала, обращенного в фантастическое прошлое арийцев

²⁶ Bauman, Donskis 2013. P. 217; Bauman 2007. P. 99-110; 2017. P. 2-48; Bonnet 2017.

²⁷ Dépelteau 2017. P. 94-95; Depelteau, Passiani, Mariano 2013.

²⁸ Elias 1996. P. 15, 197, 303-304, 343-345, 378-380.

и спроецированного на будущее. Нацисты сумели удовлетворить национальный комплекс неполноценности потому, что сами являлись его носителями. «Большинство руководителей партии были... “недоучками”. – писал Элиас, – Во времена старого порядка они... питали сильные амбиции, делавшие их неполноценность внутренне невыносимой». Холокост вырос из потребности немцев в унижении и уничтожении других для укрепления собственной национально-государственной идентичности и характеризовался поверхностной рационализацией, скрывавшей примитивные мифы, «моральный и интеллектуальный сумрак»²⁹.

Разница подходов к природе Холокоста отчасти связана с несхожестью образования и опыта поколений Баумана и Элиаса. Для последнего различие традиционного и современного обществ, идеи прогресса и линейно-стадиального развития были гораздо актуальнее, а европоцентризм, позитивизм и ценностная нагруженность идей цивилизации и варварства (как децивилизации) казались менее опасными. Имело значение и то, что мать социолога погибла в Освенциме. Поэтому изучались скорее предпосылки Холокоста, чем его осуществление. В первую очередь Элиаса интересовал процесс маргинализации и страдания жертв, вообще положение умирающих людей. Это было связано не только с жизненным опытом, но и с эпистемологической установкой на взаимодействие вовлеченности и отстраненности ученого по отношению к наблюдаемому материалу, с вниманием к изменяющимся субъект-субъектным отношениям (*фигурация*) как предмету фигуративной социологии³⁰.

Хотя в работах Элиаса можно найти места, указывающие на то, что процессы цивилизации и децивилизации можно рассматривать в стиле Баумана, как параллельные, а сам процесс как амбивалентный, двусторонний, реальные шаги в этом направлении были сделаны в рамках его школы в конце 1990-х гг. и особенно в XXI в. Решающим здесь было указание на роль государства, которое у самого Элиаса выступало прежде всего как цивилизующая, умиротворяющая сила. Только в работе голландского социолога А. де Сваана (1942-) о дисциплинации (2001) вышло на первый план влияние государства на социальную и пространственную изоляцию (*compartmentalization*) аутсайдеров, вытесняемых из коммуникационного, эмоционального, этического и правового поля практикой «дисциплинации», которая и привела к Холокосту³¹.

В развитие этих идей была написана книга «Изолированные и уничтоженные. Ментальность массового убийства», посвященная как макросоциологическому, так и микросоциологическому анализу Холокоста и других способов самоотстранения элиты, изоляции Иного и варвар-

²⁹ Ibid. P. 194-195, 315, 329, 361, 374.

³⁰ Elias, Scotson 2008; Elias 1965; 2001; Norbert Elias... 2013.

³¹ Swaan 2001.

ского насилия над людьми. С этих позиций де Сваан получает возможность более уверенно атаковать критику Бауманом Модерна и идеала цивилизации, его картину модернизированного, цивилизованного, рационализированного и эмоционально холодного Холокоста, на которой она основана. Эта критика, на его взгляд, мало что способна объяснить из-за использования слишком широких понятий, а картина Холокоста, нарисованная Бауманом, очерчивает скорее контуры воображаемого модернизированной частью самосознания нацистов. На деле рационализированной была лишь одна сторона Холокоста (лагеря уничтожения), другая его сторона («расстрельный Холокост» на Востоке) – это прежде всего политика унижения, причинения страданий, животного варварства и изуверства, неразрывная с моральным разложением и регрессом. Это политика «геноцидального режима», государства, разделяющего население на противостоящие друг другу категории и навязывающего при помощи своей власти фантазии по поводу их сходства и различия, потребность в идентификации с одной из таких групп – истеблишментом (как гомогенной) и деидентификации с другой – аутсайдерами (как исключающей сочувствие). Эти формы идентификации служили способом ориентации в мире и маркировались как вечные. Предпосылкой массовых зверств были «дисментализация», утрата способности к эмпатии, а также раздвоение личности палачей, своеобразная функциональная шизофрения, когда одно «я» палача не знает или не признает, что делает другое. Эта изоляция частей личности была проявлением всеобщей социальной изоляции (*compartmentalization*) в тоталитарном обществе³². При этом де Сваан, углубляя анализ истоков насилия до насыщенного описания персонального габитуса палача, сохраняет представление о «процессе цивилизации» как смягчении поведения, делая его образ более сложным, реально многолинейным и разнонаправленным, но поддерживая связь с ценностями модернизации.

Более молодое (и более «левое») поколение продолжателей дела Элиаса еще более свободно в критике и развитии его идей. По пути сближения идей Элиаса и Баумана далеко зашли канадский социолог Ф. Депельто (1963–2018) и его бразильские коллеги Э. Пассиани и Р. Мариано, которые прямо указали, что подъем насилия в Новое время «не имеет ничего общего с децивилизационным процессом. Организованное и дезорганизованное насилие – одно из ключевых измерений Модерна. Даже при типично либеральном общественном устройстве многие цивилизованные люди просят применить открытые или тайные физические репрессии, едва почувствуют, что другими брошен вызов их общественному порядку... Тех, кто не вписывается в... порядок, они называют варварами, ненормальными и террористами... Эта форма

³² Swaan 2015. P. 41-44, 248, 252-268.

отторжения усиливает их идентичности цивилизованных людей доброй воли». В этом контексте цивилизационное самосознание становится инструментом маркировки, изоляции и преследования аутсайдеров, которые ассоциируются истеблшментом с «процессом децивилизации». Насилие именуется Депельто и его соавторами частью «социального ДНК» нашей цивилизации. В этом смысле Холокост находился на «столбовой дороге процесса цивилизации»³³.

Одним из важных моментов переосмысления идеи Элиаса, стремившегося распространить свою теорию процесса цивилизации на весь мир, но ограничившегося рамками Западной Европы, является указание Депельто, Пассиани и Мариано на интернациональное измерение его теории, на то, что центральным для разнонаправленных миросистемных процессов цивилизации было образование колониальных обществ, которые, «хотя географически и находились вне Западной Европы, но тем не менее были частью европейского цивилизационного процесса», включавшего множество политических, религиозных, военных акторов и отличавшегося особенно высоким уровнем насилия, геноцида и разрушения целых обществ, что позволяет сопоставлять его с Холокостом. «Варварскую колонизацию» они именуют центральной составляющей цивилизационного и децивилизационного процессов. И в этом случае ценностное наполнение идеала цивилизации играло злую роль: гордость ролью борцов против варварства, хранителей и распространителей ценностей и норм цивилизации провоцировала европейцев к агрессии, господству и разрушению, применению физического и символического насилия, что стало интегральной частью цивилизационного процесса³⁴.

Применительно к эпохе позднего Нового времени близкие идеи развивает французский политолог Ж. Ларуш в книге «Брутализация мира. От отступления государства к децивилизации». В ней идея процесса цивилизации Элиаса переосмысливается в связи с образом международного хаоса, центрального для автора, специалистки по международным отношениям. Это уже не прогрессивное эволюционное движение к идеалу цивилизации, а растущее (описанное на фоне уменьшения частного насилия) использование государством самоконтроля граждан для тривиализации войны, сакрализации межгосударственных столкновений, стигматизации противников и прославления павших воинов с целью мобилизации населения, воспитания солдат и ведения войн (параллельно с дипломатической политикой умиротворения). Большую роль в цивилизационном процессе играет конструирование и постоянное реконструирование государством своего славного прошлого, приобретающего престиж, которого не имеет современность, создание интеллектуально

³³ Dépelteau, Passiani, Mariano 2013. P. 53-54, 57.

³⁴ Ibid. P. 47-48.

приемлемой и эмоционально переносимой, частично ложной коллективной памяти о войнах. Четко кодифицированная и ритуализованная коллективная некрофилия служит тому, что смерть может рассматриваться как оправдание кровавой бойни, явившейся ее причиной. Эта тенденция к брутализации нравов, по мнению автора, не ограничивается эпохой национальных государств, но получает новый импульс, когда государство теряет авторитет и утрачивает способность «цивилизовать» граждан. Она продолжает развиваться в постсуверенных обществах «глобальной деревни», где под влиянием власти медиа на фоне разрушения социальных связей и ослабления общественной солидарности возникает спираль конфликтов идентичностей, подкрепленных коллективной памятью эмоций, в рамках которых мигранты превращаются в расходный материал. Происходит аффективная де-идентификация в отношении Других, назначаются новые козлы отпущения и происходит рационализация их преследований и массовых убийств³⁵.

Особое значение проблема Холокоста, как показала Алейда Ассман в книге о мемориальной культуре (2013), имеет в Германии, где это явление было поднято Х. Арндт на универсальный уровень истории человечества и стало «негативным учредительным мифом», а историческая память о нем представляет собой основу демократического устройства страны. Холокост разрушил связь времен и модернизационный оптимизм, обозначил слом западной цивилизации. «Тщетны все усилия убежать из мрачного настоящего в ностальгию по все еще сохраняемому прошлому, – писала Арндт, – или в предвосхищение лучшего будущего, которое дарует нам забвение». Историю необходимо было начинать заново, храня память о кошмаре прошлого и создавая гарантии его неповторения – ограничение суверенитета государства в пользу суверенитета личности, выраженной в концепциях преступлений против человечности и прав человека³⁶.

В этом контексте «поколение 1968 г.» впервые осуществило самоотождествление с жертвами нацизма, прежде всего с погибшими евреями, чем нарушило послевоенное «врачующее забвение» Холокоста. Это привело в 1980-е гг. к возникновению новой мемориальной культуры, сердцевиной которой стал Холокост. Демократическое общество провозгласило национальную ответственность за прошлое. Представления о травме, жертвах и коллективной идентичности позволили преодолеть плоскую дихотомию истории и памяти, обогатили методологический инструментарий и проблемный репертуар историка, ввели в него изучение исторического сознания и разных уровней исторической памяти. Мемориальная культура Германии достигла высокого уровня, стала об-

³⁵ Laroche 2017 [2012]. P. 66, 71, 73, 99, 103-104.

³⁶ Ассман 2016. С. 70-80, 201-204.

разцовый в мире. Она помогла выстроить «анамнетическую солидарность» преступников и жертв в травматически расколотом обществе как основу их коллективной идентичности. На ее основе стала разрабатываться истравматическая и постколониальная история. Она дала импульс развитию исторического знания путем привнесения в него этических рамок, столкновения позиций и культур, самоанализа историка и осуществления им селекции, при помощи которой субъект «удостоверяет собственную историю, маркирует свою самобытность, упрочивает свое самосознание и обретает ориентиры для будущего»³⁷.

Тем не менее, в связи с приходом новых поколений, высокие моральные требования к памяти и коммеморации «поколения 1968 г.» со временем стали казаться искусственными, обострилась борьба за статус жертвы, обозначилась болезненность привязанности к чувству вины, что породило недовольство новой (созданной этим поколением) мемориальной культурой, возродило нападки на «заимствованные», «фальшивые», «отброшенные» идентичности и поставило вопросы об излишнем морализаторстве, столкновении аффективных и когнитивных подходов к прошлому, познавательном тупике черно-белой картины мира и кажущейся исчерпанности исторической памяти о Холокосте. В результате стандарты мемориальной культуры, привнесенные в мир Германией, оказались под вопросом в самой Германии. «Врачующее забвение» восстанавливается в своей радикальной форме, связанной с «вытеснением из памяти» травмирующих воспоминаний. Но одновременно стремление преодолеть кризис мемориальной культуры и исторической памяти дало импульс разработке проблем исторического сознания³⁸.

Картины позднего Нового времени А. Ассман, З. Баумана, Н. Элиаса и его школы, а также связанные с ними восприятие исторического времени и проблемы исторической памяти сильно различаются – от выстрадавшего и убежденного оптимизма до отчаянного пессимизма, что создает широкое поле для размышлений о перспективах развития исторического сознания и исторической теории в этом новом для нас контексте. Наиболее интересной для отечественной исторической науки представляется эпистемологическая и методологическая перспектива, намеченная умеренной частью школы Элиаса, которая подвергает критике крайние подходы к Новому времени и сочетает нейтральный оптимизм, стремление к идеалу объективности и постмодернистскую иронию³⁹. В контексте взглядов этой научной школы предложения А. Ассман российским историкам «забыть» и «игнорировать» свою традицию

³⁷ Там же. С. 22-32, 70, 188, 197, 219.

³⁸ Там же. С. 61, 63, 73, 199, 205, 207.

³⁹ Schroer, Wilde 2013. P. 172.

и идентичность представляются нереализуемыми. Считая преодоление эгоцентрической перспективы и дистанцирование от объекта исследования необходимой предпосылкой научности, Элиас, тем не менее, считал эмоциональную включенность в ситуацию, существование личных мотивов для наблюдений (а значит и связь с традицией и идентичностью) «базой и мотивом» для научного подхода⁴⁰.

Предложения Ассман следует рассматривать в строго определенном контексте. Они связаны с содержанием споров по конкретным вопросам, в которые она в данный момент вовлечена. В Германии, как можно судить из ее книг, разговор об идентичности во многом сводится к противопоставлению индивидуальной и национально-государственной идентичности (социальных рамок памяти). Соответственно суживается тема идентичности. Между тем вне российской проблематики Ассман строго отмежевывается от игнорирования традиции и идентичности, заявляя: «Когда устанавливается государственная монополия на прошлое и государство препятствует независимой историографии... критическая историография, полностью утратив связь с памятью и идентичностью, оборачивается самоотчуждением исторической науки за счет ее искусственной сциентизации»⁴¹.

Ассман, в духе Элиаса, сама предлагает такие модели мультивалентной памяти как диалогическая (межгрупповая) и разнонаправленная (*multidirectional*), что связано с расширением идентичности в процессе роста взаимозависимости все более широких групп населения до уровня глобального, с усилением чувствительности к восприятию и желаниям Другого⁴². Произвольный отказ от традиции и идентичности означает, напротив, сужение собственной идентичности, попытку деформации собственной личности, которую Элиас связывал с «левантинизмом», заимствованными формами поведения неопитов цивилизации. В современной социальной философии и истории сходное явление именуется «боваризмом». Мексиканский мыслитель Л. Сеа связывал его с попыткой нахрапом преодолеть «двойное сознание» латиноамериканцев, соположенность в их традиции и идентичности опыта Запада и индейцев Латинской Америки. Это сужение идентичности до западного опыта он считал главной причиной трудностей модернизации континента⁴³. Румынский историк С. Антохи применительно к ситуации Румынии и Балкан считал такую процедуру частью общего сдвига к национализму: «геокультурный боваризм – этническая онтология»⁴⁴.

⁴⁰ Powell 2013. P. 96.

⁴¹ Ассман 2016. С. 22.

⁴² Там же. С. 189-192, 209-216; Powell 2013. P. 105-106.

⁴³ Сеа 1984. С. 187, 298–299.

⁴⁴ Antohi 2002.

На практике стратегия «игнорирования и забвения» эпистемологически и морально не нейтральна. Она, как показывает опыт исследований И.Г. Яковенко и А.А. Пелипенко, приводит к сужению повестки дня до резкой критики собственной культуры, выводящей ее носителей за границы сочувствия и даже диалога. В терминах школы Н. Элиаса это приводит к изоляции (*compartmentalization*) собственной истории, в которой более невозможно, да и неважно разбираться в соотношении прославление/критика, палач/жертва, так как она целиком окрашивается в темные тона⁴⁵. Вместе с тем движение к позднему Новому времени предоставляет нам возможность актуализировать различные традиции и идентичности: профессиональные, социальные, национальные, региональные, семейные и личные, а также их сочетания. Это позволяет диверсифицировать воспоминания и связанные с ними исторические перспективы, определяя адекватную проблеме меру сциентизации и насыщенности описания и вовлекая тем самым память и идентичность в продуктивное взаимодействие с историческим исследованием⁴⁶.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. М.: НЛО, 2016. 232 с. [Assman A. *Novoe nedovol'stvo memorial'noj kul'turoj*. М.: NLO, 2016. 232 s.]
- Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М.: НЛО, 2017. 272 с. [Assman A. *Raspalas' svyaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna*. М.: NLO, 2017. 272 s.]
- Бауман З. Актуальность Холокоста. М.: Европа, 2010. 316 с. [Bauman Z. *Aktual'nost' Holokosta*. М.: Европа, 2010. 316 s.]
- Бек У. Общество риска. На пути к другому Модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с. [Beck U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu Modernu*. М.: Progress-Tradiciya, 2000. 384 s.]
- Зинькина Ю.В., Ильин И.В., Андреев А.И., Алешковский И.А., Коротаев А.В. Историческая глобалистика. В 2 т. М.: Московская редакция изд-ва «Учитель», изд-во Московского университета, 2016-2017. 415 с., 344 с. [Zin'kina YU.V., Il'in I.V., Andreev A.I., Aleshkovskij I.A., Korotaev A.V. *Istoricheskaya globalistika*. V 2 t. М.: Moskovskaya redakciya izd-va «Uchitel'», izd-vo Moskovskogo universiteta, 2016-2017. 415 s., 344 s.]
- Ионов И.Н. Историчность и универсальный эволюционизм // Диалог со временем. 2018. Вып. 65. С. 21-34 [Ionov I.N. *Istorichnost' i universal'nyj ehvolyucionizm // Dialog so vremenem*. 2018. Вып. 65. С. 21-34]
- Ионов И.Н. Мировая история в Глобальный век: Новое историческое сознание. М.: Аквилон, 2015. 464 с. [Ionov I.N. *Mirovaya istoriya v Global'nyj vek: Novoe istoricheskoe soznanie*. М.: Akvilon, 2015. 464 s.]
- Ионов И.Н. Проект «когнитивной истории»: археология и экология идей (Размышления над очередной публикацией О. Медушевской) // Общественные науки и современность. 2015. № 2. С. 84-95. [Ionov I.N. *Proekt «kognitivnoj istorii»: arheologiya i ehkologiya idej (Razmyshleniya nad ocherednoj publikaciej O. Medushevskoj) // Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 2015. № 2. С. 84-95.]
- Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: Изд-во Европейского университета в С.-Петербурге, 2006. 240 с. [Latur B. *Novogo vremeni ne bylo*. СПб.: Изд-во Европейского университета в С.-Петербурге, 2006. 240 с.]

⁴⁵ Яковенко 2008; Пелипенко 2009. С. 26.

⁴⁶ Ассман 2016. С. 9, 23, 49.

- bylo. EHsse po simmetrichnoj antropologii / Per. s fr. D.YA. Kalugina. SPb.: Izd-vo Evropejskogo universiteta v S.-Peterburge, 2006. 240 s.]
- Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание. Орехово-Зуево: изд-во МГОГИ, 2013. 252 с. [Malovichko S.I., Rumyanceva M.F. Istoriya kak strogayaya nauka vs social'no orientirovannoe istoriopisanie. Orekhovo-Zuevo: izd-vo MGOGI, 2013. 252 s.]
- Пелипенко А.А. Смыслогенетическая концепция истории цивилизаций // Цивилизации в глобализирующемся мире. Предварительные итоги междисциплинарного проекта / Под ред. В.Г. Хороса. М.: ИМЭМО РАН, 2009. С. 24-32. [Pelipenko A.A. Smyslogeneticheskaaya koncepciya istorii civilizacij // Civilizacii v globaliziruyushchemsya mire. Predvaritel'nye itogi mezhdisciplinarnogo proekta / Pod red. V.G. Horosa. M.: IMEMO RAN, 2009. P. 24-32.]
- Поппер К.Р. Предположения и опровержения. Рост научного знания. М.: АСТ, 2008. 640 с. [Popper K.R. Predpolozheniya i oproverzheniya. Rost nauchnogo znaniya. M.: AST, 2008. 640 с.]
- Реконструкции мировой и региональной истории. От универсализма к моделям межкультурного диалога / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2017. 560 с. [Rekonstrukcii mirovoj i regional'noj istorii. Ot universalizma k modelyam mezhdkul'turnogo dialoga / Pod red. L.P. Repinoj. M., Akvilon, 2017. 560 s.]
- Сea Л. Философия американской истории. Судьбы Латинской Америки. М.: Прогресс, 1984. 352 с. [Sea L. Filosofiya amerikanskoj istorii. Sud'by Latinskoj Ameriki. M.: Progress, 1984. 352 s.]
- Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М., СПб.: Медиум, Ювента, 1997. 312 с. [Horkheimer M., Adorno T. Dialektika Prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty. M., SPb.: Medium, YUventa, 1997. 312 s.]
- Цивилизации. Вып. 10. Модернизация и цивилизационные вызовы XXI в. / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Наука, 2015. 271 с. [Civilizacii. Vyp. 10. Modernizaciya i civilizacionnyye vyzovy XXI v. / Отв. ред. А.О. CHubar'yan. M.: Nauka, 2015. 271 s.]
- Яковенко И.Г. Познание России. Цивилизационный анализ. М.: Наука, 2008. 522 с. [Yakovenko I.G. Poznanie Rossii. Civilizacionnyj analiz. M.: Nauka, 2008. 522 s.]
- Antohi S. Romania and the Balkans. From Geocultural Bovarism to Ethnic Ontology // Transit-Europäische Revue. 2002. Vol. 21 (URL: <http://www.iwm.at/transit/transit-online/romania-and-the-balkans/>).
- Bauman Z. Liquid Times. Living in the Age of Uncertainty. Cambridge: Polity Press, 2007. 115 p.
- Bauman Z. Postmodern Ethics. Malden: Blackwell, 1993. 262 p.
- Bauman Z. Retrotopia. Cambridge: Polity Press, 2017. 179 p.
- Bauman Z., Donskis L. Moral Blindness The Loss of Sensitivity in Liquid Modernity. Cambridge: Polity Press, 2013. 218 p.
- Bonnet A. Longing for a Past That Never Was // The Chronicle of Higher Education. 2017. 21 апреля (URL: <https://www.chronicle.com/article/Longing-for-a-Past-That-Never/239774>).
- Dépelteau F. Elias's Civilizing Process and Janus-Faced Modernity // Norbert Elias and Violence / Ed. by F. Dépelteau, T. Savoia Landini. L., N.Y.: Palgrave Macmillan, 2017. P. 81-115.
- Dépelteau F., Passiani E., Mariano R. Ariel or Caliban? The Civilizing Process and Its Critiques // Elias and Social Theory / Ed. by F. Dépelteau, T. Savoia Landini. L., N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 41-62.
- Dowds B. Depression and the Erosion of the Self in Late Modernity. L., N.Y.: Routledge, 2018. 299 p.
- Dunning E., Mennell S. Elias on Germany, Nazism and the Holocaust: On the Balance between «Civilizing» and «Decivilizing» Trends in the Social Development of Western Europe // The British Journal of Sociology. 1998. Vol. 49. No. 3. P. 339-357.
- Elias N. Problems of Involvement and Detachment // The British Journal of Sociology. 1965. Vol. 7. No. 3. P. 226-252.
- Elias N. The Germans. Power Struggles and the Development of Habitus in the Nineteenth and Twentieth Centuries. N.Y.: Columbia University Press, 1996. 494 p.
- Elias N. The Loneliness of Dying / Tr. by E. Jephcott. N.Y., L.: Continuum, 2001. 95 p.

- Elias, N. Scotson J. L. *The Established and the Outsiders*. Dublin: College Dublin Press, 2008. 250 p.
- Heaphy B., Franklin J. *Late Modernity and Social Change*. L., N.Y.: Routledge, 2004. 193 p.
- Larose J. *The Brutalization of the World. From the Retreat of States to Decivilization* / Tr. by D. Rayburn. Cham: Springer, 2017. 116 p.
- Norbert Elias and *Social Theory* / Ed. by F. Dépelteau, T. Savoia Landini. L., N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013. 319 p.
- Powell C. *Contradiction and Interdependency: The Sociologies of Karl Marx and Norbert Elias* // *Norbert Elias and Social Theory* / Ed. by F. Dépelteau, T. Savoia Landini. L., N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 91-108.
- Rostow W.W. *The Stages of Economic Growth. A Non-Comunist Manifesto*. Cambridge, 1960. 272 p.
- Schroer M., Wilde J. *Taking Up the Torch from Max Weber: Norbert Elias and the Challenging of Classical Sociology*// *Elias and Social Theory* / Ed. by F. Dépelteau, T. Savoia Landini. L., N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 161-178.
- Swaan A. *de Dyscivilization, Mass Extermination and the State* // *Theory, Culture and Society*. 2001. No. 18 (2-3). L., New Delhi: Sage. P. 265–276.
- Swaan A. *de The Killing Compartments. The Mentality of Mass Murder*. New Haven, L.: Yale University Press, 2015. 332 p.

Ионов Игорь Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Отдел историко-теоретических исследований, Институт всеобщей истории РАН; cih@igh.ras.ru

Correction of the temporal regime and problems of the theory of history. P. 1

The article explores the correction of the temporal regime, the criticism of the project of Modernity and the formation of ideas about the late Modernity. The author looks into the role of the studies focused on the factor of violence in general and the phenomenon of the Holocaust in particular, and shows forms of historical consciousness, perception of time, historical memory and memorial culture born in the condition of Late Modernity in works Aleida Assmann, Zygmunt Bauman, Norbert Elias and his followers. The draft cognitive strategy proposed by A. Assmann to Russian historians was analyzed and partly rejected. The advantages of the approach of N. Elias school to the problem of historical knowledge in the conditions of the late Modernity are demonstrated.

Keywords: late Modernity, Holocaust, civilizing process, dyscivilization, historical consciousness, historical memory, memorial culture

Igor Ionov, Ph.D. in History, senior research fellow, Department of Historical and Theoretical Studies, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; cih@igh.ras.ru

ROLF TORSTENDAHL

**INDIVIDUALS, STATE, AND SOCIETY.
Western Europe from 1800 to the present. An Overview**

This survey focuses on the relations between state, society, and individual citizens in Western Europe in the last 200 years. It opposes the idea of “civil society” as a refuge for individuals against the state. Both state and “civil society” have threatened the freedom and autonomy of the individual citizen in different ways, but they have also filled protective functions in other ways.

Keywords: *State, society, individual, citizen, control, autonomy*

State and society have been in a conflict-ridden relation during centuries. The spokesmen of the state – once most often kings and some emperors, later mostly presidents or prime ministers or equivalents – up to the late nineteenth century looked in the first place at the security and the splendour of the state and thus focussed on foreign policy. Spokesmen of the society – a far more various lot than those acting as representatives of the state – wanted to draw the general public’s attention to domestic problems and domestic policy. Sometimes these spokesmen became leaders of new movements gathering an occupational group – for example, peasants in times of crop failure – or were elected leaders of a guild; on other occasions they opposed to the Church authorities. According to some discontented these authorities were characterised by slackness and introducing unwanted reforms of Church service (for example, Russian “old believers”) but others, in quite a reverse opposition, complained that Church authorities had no real understanding of the need of Church service reforms (for example, Swedish “free church movement”).

Please note that I use the term “spokesmen” for those who stood up as representatives of state or society. The spokesmen were individuals, but they were – and are – taken to represent a collective interest, which they were only articulating. In both cases these individuals were talking for networks of people. We have usually no difficulty to recognise the actors in society as “groups” or “movements” (spiritual or occupational) or “gangs” (political or illegal mafias) or associations living by their rules (like trade unions or sports clubs). We also find that all such associations or “social groups” have a fundamental nature of being networks based on an internal communication and most often with a message for society at large. I regard the state as another type of network where the network relations are fixed by juridical formulas¹, not quite unlike the voluntary associations of society (joint-stock companies as well as trade unions), where spokesmen of all sort have to obey internal

¹ Stråth and Torstendahl 1992.

rules if they want to hang on to their posts. In the state the rules are of course internally valid among the actors concerned in the network, but they have also an external function as the actors have to be – and had to be in the past – recognised as spokesmen of the state by the entire society and not only by the actors of the state. One may ask where individuals come into the picture. The answer is that they constitute the fundamental elements of all branches of society and the state. They also form the basis of policy-making in Western Europe today but not necessarily in the whole world. The subtleties of policy-making cannot be penetrated here, but development has generally gone from ancient autocracies in one or the other form to inclusion of conditions like consent of a parliament (elected or selected in one way or the other), and further to consent of the people. The form of the people's consent may be understood quite differently as we see today in countries like China, India, Russia, USA, Britain, and Germany. Even in Saudi Arabia and Iran the rulers today seems to claim consent by the people, but sometimes secondary to the claim of consent by God. This may seem to be an awfully general introduction to an article in a journal. If you are already thinking that it is more sociology or political science than history, I want to add that I will certainly be slightly more concrete in the following, but my ambition is not to examine the details of history but rather some large-scale changes over centuries.

What happened in Western Europe during the two centuries from 1800 to the present was that the networks of the state grew stronger and stronger, and so did the networks within society with no direct connection to the state. On both sides this development is closely related to the growth of bureaucracies. The hierarchical structure of bureaucracies should not overshadow the fact that in the past as in the present they can also include staff people, who are given a considerable freedom. But the very definition of a staff is that it gives only advice. Staff persons do not decide how a certain case shall be resolved, but they can give advice in individual cases as well as in matters of principle. Such staff persons have generally been professionals: physicians, nurses, psychologists, economists, sociologists, natural scientists, technical specialists, architects, geographers, archivists, and even historians. These staff professionals should not be mixed up with such economists and business administration specialists who go into firms and offer their knowledge in order to be able to direct the decision process. Their function is another and they are also often directly involved in the hierarchy. Professionals are distinguished by their insistence on their professional integrity and autonomy².

Professionals are very often individualists, which sometimes is difficult to keep within bureaucratic bounds. But the very essence of professionalism is that a professional is not allowed to obey anyone's orders in matters that

² This argument on professionals sides with Freidson 2001, and it goes counter to those sociologists who have wanted to include management specialists among professionals.

affect the profession. If a superior professional is to be obeyed, it should be because of his or her better arguments on the matter, not because of his or her higher rank. Professional autonomy is a cornerstone of all professionalism – that is a credo which I share with Eliot Freidson.

Bureaucracies are built from another principle. Their leading objective is to carry through a policy decided upon by the state's policy makers or, within civil society firms, the board of directors or the general meeting of share-holders. When the state is thoroughly bureaucratised, as the late Russian empire, the leading advisors of the tsar, whatever their title or specific function, made it their primary concern to carry through the policy that the emperor had decided on. Normally, they did not question the usefulness of the policy, not even in their memoirs, but looked only to the means for its realisation.³ At least this is what they say, and if they thought otherwise most of them have tried to conceal their insubordination.

Bureaucratisation has been a main concern for politicians and social philosophers and reformers since the middle of the nineteenth century. There is a popular notion of bureaucratisation that visualises mighty half-human beings with paper bundles in their hands chasing poor “ordinary men and women” before them like sheep-dogs controlling sheep without actual violence, but the growth of bureaucracies was sometimes unobserved by contemporaries and soft in its practice. Bureaucracies have grown under all sorts of governments, independently of how these governments got their power and what have been the objectives of these governments. There is, however, a difference between different sorts of societies in how they relate to their bureaucracies. I have since long tried to typify social governance in Western Europe since the early nineteenth century in four phases:⁴

- 1) Classical Liberal Capitalism (from ca 1800/30 to around 1880) characterised by strong and strictly limited states with a small but forceful bureaucracy;
- 2) Organised Capitalism (from around 1880 to 1935/45) with growing bureaucracies in both private and public sectors – a period when the private sector had the initiative to structural changes;
- 3) Welfare (or Participatory) Capitalism (from 1935/45 to around 1980) a period when the state had resumed the initiative for changes, actively sought to engage citizens and private firms (welfare systems) and let its bureaucracies grow to manage the expanding state;
- 4) Negotiating Capitalism (from around 1980 to the present time) – with a shared initiative for changes between the private and the state sectors; the state primarily defending the reforms of the past and confronting an enterprising private sector with tempting news for citizens.

The dynamics of change may have been approximately the one that I have described. Seen from the perspective of individual citizens, however,

³ For the late imperial Russia and its servants, see Selunskaja & Torstendahl 2005.

⁴ This is developed in Torstendahl 1991, Chapter 1.

the last period has been one of both lost and regained freedom (again I must insist that I am talking about Western Europe). In that part of the world states have lost much of their authority, partly because of the new means that have materialised themselves through the digital revolution in society. But I will not try to make an analysis of the present situation, but rather to the roads that have led us towards the present situation.

The great mistake of governments wanting to lead society into welfare capitalism was their inability to keep bureaucracies in a close rein. They lost control in a society where bureaucracies tended to take initiatives on their own to improvements of practical nature and also to general changes, each of them on the matters that they were responsible for, such as, hospital care, physical planning of different regions, construction regulations, railway systems and railway speed differentiation, road traffic regulation, new motorways, and so on. Structurally this led to a de-politicisation, that is, that certain administrative organs took part of the command over questions that earlier were in the political domain, even if these bureaucratic organs were not created to handle such tasks. The opposition became strong against this development in the 1960s and 1970s but it was not united in what was useful and what should be the remedy. Many critics saw this as a new corporative society that had arisen on the ruins of social democracy in Western Europe, but others pointed out that similar trends were at hand in other parts of the world where socialist ideas had never got any firm footing (for instance, the USA).

Western Europe was not different from many other parts of the world as regards two traditional objectives of the state, but it added one more after 1800, “the people” as represented by firms, associations, trade unions, religious organisations, and so on. The policy in many states turned from the principle “keep them calm” to “make them happy”. All states have not had the same objectives and the differences are important for the different policies followed. When “the people” became a main objective for the West European state, it was in the first hand a liberal principle of the freedom of the individual to choose his or her way of life that was acknowledged. In the early nineteenth century social care was mainly a conservative theme, and it was derived from the patriarchal responsibility of the head of family to support the well-being of its members. From the middle of the century another argument for social care and welfare began to be voiced – the right of all members of society to lead a decent life. The road from the freedom of association to the right to a decent life went through religious groups and associations as well as through trade unions. Of course, political ideologists played a role, even though the most influential, Marx, did not especially stress the need of social welfare.

I cannot follow the changes within society as it usually was in Western Europe in the first half of the XXth century. In the period the two World Wars were fought, and most West European states were heavily involved in both. They caused enormous pains for individuals but no dramatic structural chang-

es⁵ except where political revolutions took place and their relation to war was only indirect. What I want to stress is the gradual development in the period of Welfare Capitalism of the big companies, of state efforts to organise the economy in a way that gave a guarantee for a decent life to all citizens, and of voluntary organisations trying to form lobby groups. During the period of Welfare Capitalism one evident change is the rise of the very large companies, the mega companies (a structural innovation imported from the USA), which embrace a lot of different types of products and services but have one common corporate board of directors and one chief executive officer. Their divisions may correspond to different products or regions and they seek to economise the production of the firm as much as possible.⁶ Alfred Chandler, who has written much on the change within industry and business generally, does not hide that this meant also a considerable growth of the bureaucracies in the large companies, an obvious parallel to what happened in state administration.

The impact of these changes on the life of the individual citizen was primarily better and more food, better housing, and more spare time. These changes were of another character if we compare to the changes that took place in the last quarter of the XXth c. and the following decade and a half, the period of Negotiating Capitalism. Then growth of companies was met by another trend, outsourcing. It started from purely economic grounds but it soon turned out that delegating certain services to companies outside of the own enterprise made decisions considerably easier within the large company. When HR (human relations) was outsourced instead of constituting a department inside the company, there were several possibilities to avoid hiring certain persons, who might claim discrimination of colour, sex, or appearance. In addition, persons who applied for posts in the company could not get any answers to their questions, why they were not hired, as the administrators of the middleman company, who had been given the HR functions, were saying that they did not make decisions but only ranking from different variables. When earlier departments that handled complaints about products were outsourced, this also meant a way of getting around complications for the company. When complaining customers and consumers submitted their complaints, they found that they met people who had nothing to do with the production and sometimes did not understand what the core of the complaint was.

Companies have also tried another strategy on a grand scale. They offer the possibility to get some reduction on prices if the consumer agrees to become a “member” of the company. This also leads to a closer bond between the customer and this company (reductions are often progressive to sum of bought products) and it also entails a possibility to map individual patterns of

⁵ I have developed this theme in in Torstendahl 1999 (esp. 32-34) transl. to Russian in Torstendahl 2014, pp. 182-201, esp. 185-191.

⁶ Chandler 1990), see esp. part 1, pp. 1-46.

consumption among customers. Thus individuals have been tempted by slight advantages to facilitate marketing and selling procedures for the companies.

Another big change in society and the patterns of living among people in general was the breakthrough of the TV in the 1960s and 70s. This changed the family life for many, as the most popular TV programmes were available only at certain times of the day. The popularity of the TV had repercussions on the newspaper market. Even if newspapers adapted their contents for TV consumers, giving programme surveys and interviews with TV stars, their position as first-hand informer of political and other news has been fundamentally undermined gradually. The latest period that we can analyse has brought “social media” into the focus and many young members of society take their information exclusively or almost exclusively from such media discarding newspapers. The new so-called “social” media have had their own history. What started as a by-product to other sites as “chat” opportunities has grown into an enormous industry, where Facebook currently is at the very top position. People as individuals share with each other their lives and interests. An arena has thus become opened that had no counterpart earlier, but its effects are visible on other forms of social life. According to traditions from before the Second World War the family was a centre where children could – and sometimes should – discuss their education, successes and failures and their attractions to the other sex. “Chatting” and “mate groups” took over with a beginning in the 1980s and later expanding enormously with picture exchange and showing details of one’s own family life and adventures. It was also easily used to harass others. When mobile phones became the centre of information, family members often became less bound to each other than earlier just by missing information of the other members’ problems and aspirations.

In many important ways life for the individual has become easier than it was before 1800. Primarily with the increase in standard of living. Better food, fewer fatal illnesses, greater possibilities to travel are among the effects of this new standard of living. But as all coins this has a reverse. Control functions have also grown and these flourish in both society and state. The individuals have to take into account several types of controls, some of them based on voluntary decisions, others being brought in by structural actors. We buy by credit cards which make it easy to trace our steps from one shop to the other and, also, make it possible to see some of our preferences. As this has gone on for a period, we can see some of the effects. Advertising becomes more individualised and takes up the things that may be inferred as preferences. Registration in social media is (in principle) voluntary, but many young persons cannot really opt out of this, when all their schoolmates participate. Both young and older persons sometimes feel that they are herded as sheep into one direction by leading participants in groups. Some are in fact suffering from the control that is part of the group existence. There is also a real mobbing going on in “social media”, even if most participants enjoy media only as

providing a sense of community and togetherness. “Social media” are, however, also an efficient extrajudicial form of punishment, when former prisoners are hanged out with name and address to make their neighbours scared of them and to make it difficult or impossible for them to get a place to live or a job to earn their living. This use and other misuses of “social media” has given rise to serious questions of the responsibility for what is published there.

That the state is a controller of what individuals do is perhaps less surprising than society’s control functions. The state has social security registers, census registration, tax registers, and registration of legal offences of all sorts. Contrary to what people often think the trend has been to limit state registration in many countries in Western Europa, while society in the same countries is expanding control rather than the opposite.

To conclude: In the year 1800 only members of the élite in their daily life met a bureaucracy, and that is valid for Europe and most other parts of the world. In 1900 bureaucracies were numerous but ordinary citizens rarely met them in Europe or elsewhere. Further one hundred years later individual citizens could hardly avoid meeting the demands from bureaucracies, public as well as private, in their daily life on the workplace or at home via internet, phone or mail. The control of the individual has increased. From the state this is mainly a control of legality of the individual’s actions. One may say that it is much more difficult now than a hundred years earlier to hide from state controls that one has transgressed the bounds of legality. At the same time it is far less possible to escape from societal control of one’s private life in the year 2015 than a hundred years earlier. For citizens state controls are often intended to protect citizens against illegal activities, which they want to be protected from. Many West Europeans seem to find private sector control worse than state control, but yet they like to be part of social networks that make social control possible.

REFERENCES

- An enormous list of literature to the topic could easily be compiled. This would serve no purpose for the overview, as its main theses are my own. Books actually referred to:
- Chandler, Alfred D. Jr., *Scale and Scope. The Dynamics of Industrial Capitalism*. Cambridge MA & London: Belknap P. of Harvard U.P., 1990
- Freidson, Eliot, *Professionalism: The Third Logic*. Chicago: U. of Chicago P., 2001
- Selunskaja, Natalia B. & Rolf Torstendahl, *Zarozhdenie demokraticeskoi kul'tury. Rossiia v nachale XX veka*. Moscow: Rosspen, 2005
- Stråth, Bo & Rolf Torstendahl, ‘State Theory and State Development: States as Network Structures in Change in Modern European History’, in R Torstendahl (ed.), *State Theory and State History* (London: Sage, 1992), pp. 12-37
- Torstendahl, Rolf, *Bureaucratisation in Northwestern Europe, 1880-1985. Domination and Governance*. London: Routledge, 1991
- Torstendahl, Rolf, ‘Persons and Structures in History and How We Know What They Do’, in G.N. Sevastianov (ed.), *Problemy istoricheskogo poznanii*, Moscow: Nauka, 1999, 31-39.
- Torstendahl, Rolf, *Professionalizm istorika i istoricheskoe znanie*, M.: Novyi khronograf, 2014.

Rolf Torstendahl, PhD, Professor of History (Emeritus), Uppsala University (Sweden); rolf.torstendahl@hist.uu.se

ИСТОРИЯ – ПАМЯТЬ – ИДЕНТИЧНОСТЬ

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В СТРУКТУРЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Предлагается динамическая модель исторической культуры; ее системообразующими составляющими выступают (1) смена типов рациональности / моделей науки: классическая – неклассическая – постнеклассическая; (2) смена «словарей»: словарь описания и объяснения – словарь интерпретации – словарь репрезентации. (3) модификация нарратива: становление метанарратива – его кризис – ренарративизация, (4) модификации исторической памяти: естественная коммеморация – «места памяти» – искусственная коммеморация. В фокусе исследования – взаимодействие научного исторического знания, исторического нарратива как основной формы презентации исторического знания и исторической памяти от постмодерна к постпостмодерну.

Ключевые слова: тип рациональности, словарь исторической науки, метанарратив, ренарративизация, историческая память, коммеморация

В каждую эпоху и в любом обществе изучение и познание истории, как и всякая иная социальная деятельность, подчиняются господствующим тенденциям данного времени и места.

*Арнольд Джозеф Тойнби*¹

Анализ актуальной ситуации в науке, в т.ч. и в исторической, – всегда сложная и нетривиальная задача, рассмотрение которой настоятельно необходимо ввиду существенного воздействия выбранного варианта ее решения на современное историческое познание. Характеризуя ситуацию в историческом познании (в 2006 г.²) Л.П. Репина пишет: «Современная историографическая ситуация создала условия для появления нового исследовательского поля, связанного с *историей исторической культуры* [выделено мной – М.Р.]»³. Словарь «Теория и методология исторической науки» предлагает такое определение понятия *историческая культура* – «понятие, отражающее различные формы отношения человеческих групп к прошлому, в том числе и к тому прошлому, которое они признают своим собственным. Историческая куль-

¹ Тойнби 1991. С. 14.

² Динамика актуального исторического знания/исторической науки такова, что принципиально важно каждый раз точно устанавливать время формулирования того или иного положения. Но за истекшее десятилетие радикальных изменений/поворотов в историческом знании не произошло, если не считать активизировавшихся попыток создания глобальной истории, так что мы можем позиционировать работы середины 2000-х как современные и, тем более, сохраняющие свою актуальность.

³ Репина 2006. С. 9.

тура – та часть культуры, которая связана со временем как сущностным элементом человеческой жизни. Изучение исторической культуры предполагает анализ способов социального производства исторического опыта и форм его манифестации в жизни сообществ»⁴.

Но рискну предложить собственное/рабочее/упрощенное определение этого понятия: историческая культура – система формирования исторических представлений, получения и презентации исторического знания, свойственная определенной социокультурной общности и презентуемая системой видов историографических источников. Это определение синтезирует утверждение Л.П. Репиной: «Комплексное исследование целостного феномена исторической культуры (и исторической традиции) может опереться на новый подход, в основу которого положен синтез социокультурной и интеллектуальной истории, что предполагает анализ явления интеллектуальной сферы в широком контексте социального опыта, исторической ментальности и общих процессов духовной жизни общества, включающем и теоретическое, и идеологическое, и обыденное сознание»⁵, – и исследовательские подходы источниковедения историографии⁶.

Цель настоящей статьи – предложить *динамическую модель исторической культуры* в корреляции с модификацией *исторического знания*, выделив ее системообразующие составляющие и акцентировав внимание на двух, наиболее существенных – *историческом нарративе* и *исторической памяти*, – и интегрировав несколько схем интерпретации, представляющихся мне наиболее эффективными. На основе этой модели можно будет наметить основные характеристики взаимодействия исторического знания и исторической памяти в актуальной социокультурной ситуации, которую в самом общем виде можно охарактеризовать как становление постпостмодерна, когда уже определились основные черты не только новой социальной реальности, но и соответствующего ей исторического знания, существенной, если не основополагающей, характеристикой которого стала проблематизация исторической памяти. Именно концепция «мест памяти» П. Нора⁷, точнее ее трансформация на исходе 1980-х, зафиксировала перелом от деконструкции «мест памяти», присущей постмодерну, к искусственной коммеморации, свойственной уже постпостмодерну.

К *задачам* на пути достижения этой цели можно отнести (1) *выстраивание иерархии интерпретационных схем*; (2) *выявление их взаимных связей* в различных, сменяющих друг друга во времени, моделях

⁴ Теория и методология... 2016. С. 165.

⁵ Репина 2006. С. 9.

⁶ Теория и методология... 2016. С. 209.

⁷ См.: Франция – память 1999.

исторического знания и, наконец, (3) попытку *применить сконструированную модель к актуальной ситуации* в сфере взаимодействия исторического знания и исторической памяти. Исходная аксиома при рассмотрении проблемы взаимодействия исторического знания и исторической памяти – понимание того, что при многообразии социальных функций исторического знания и их трансформациях на протяжении, как минимум, последних трех столетий, инвариантной функцией исторического знания является формирование идентичности в социумах с историческим типом социальной памяти.

Иерархия интерпретационных схем

При решении первой задачи пойдем от общего к частному и предложим следующие схемы интерпретации:

- смена типов рациональности/моделей науки;
- модификация «словаря» исторической науки;
- трансформации нарратива.

*Типы рациональности/модели науки*⁸ задают нам максимально широкий контекст рассмотрения проблемы, объединяя, с одной стороны, понимание базисных характеристик мировоззрения эпохи, существенной частью которого является историческая культура, в контекст которой, в свою очередь, помещается историческая память, и, с другой стороны, системообразующие характеристики исторической науки, воспринимаемой как историко-культурный социальный феномен в системе соответствующей исторической культуры, в рамках которой и происходит ее «встреча»/«разлука» с исторической памятью.

На протяжении нового и после-нового (постмодерн) времени последовательно сменяют друг друга три типа рациональности и соответствующие им модели науки: классическая (от Френсиса Бэкона и Рене Декарта до Г.В.Ф. Гегеля – в философии, эксплицирующей тип мировоззрения⁹) – неклассическая (с одной стороны, определяемая открытиями в физике микромира и получившая философское обоснование в эмпириокритицизме; с другой, – философски эксплицированная в разных вариантах философии жизни и экзистенциализма) – постнеклассическая (маркерами которой стали работы постпозитивиста Томаса Куна «Структура научных революций» (1962)¹⁰ и П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности» (1967)¹¹).

Некоторые разногласия вызывает неоклассическая модель науки. Во-первых, на мой взгляд, весьма проблематично соотнести ее с каким-либо особым типом рациональности. Во-вторых, дискуссионным явля-

⁸ См., напр.: Стёпин 2003.

⁹ См.: Дильтей 1995.

¹⁰ Кун 1977.

¹¹ Бергер, Лукман 1995.

ется вопрос о времени ее формирования. Причем, этот вопрос не носит чисто хронологический характер, фактически это вопрос о соотношении неоклассической модели с вышеупомянутыми типами рациональности/моделями науки. Если неоклассическая модель фактически сменяет постнеклассическую, являясь вариантом выхода из ее кризиса¹², то следует задуматься над экспликацией нового типа рациональности. Но, на мой взгляд, неоклассическая модель возникает параллельно с неклассической и скорее выступает как маргинальная/сопутствующая в контексте неклассического и постнеклассического типов рациональности¹³. В контексте рассматриваемой здесь проблемы неоклассическая модель исторической науки нужна только для характеристики современной исторической культуры и имеет весьма косвенное отношение к формированию исторической памяти.

«Словари» исторической науки – в основе этой схемы интерпретации предложенная Ф. Анкерсмитом концепция смены словарей исторической науки: словарь описания и объяснения – словарь интерпретации – словарь репрезентации¹⁴. Словари исторической науки явно коррелируют с моделями науки, конкретизируя их применительно к историческому познанию: словарь описания и объяснения – классический тип рациональности, словарь интерпретации – неклассический тип, словарь репрезентации – постнеклассический тип.

Трансформации нарратива – схема интерпретации взаимоотношений исторического знания и исторической памяти. Здесь необходимо дать небольшое пояснение, суть которого в том, что все термины, связанные с нарративом, употребляются в их самом простом значении. Под *историческим нарративом* понимается хронологически организованный рассказ, сочетающий функции описания и объяснения¹⁵. Последнее принципиально важно и отличает нарратив от хроники. Соответственно, *исторический метанарратив* – универсальная система описания и объяснения в глобальном масштабе, преимущественно национально-государственного уровня. *Исторический мастернарратив* – нарратив национально-государственного масштаба, подчиняющий себе локальное историописание. Не вдаваясь в дискуссию о терминах (о которых, как известно, не спорят, а договариваются), отмечу лишь, что в ситуации доминирования классического типа рациональности и превалирования нарратива в исторической культуре (XIX век) понятия метанарратив и мастернарратив могут выступать как практически синонимичные.

¹² См.: Лубский 2005.

¹³ В качестве реперной точки экспликации неоклассической модели я бы определила программную статью Э. Гуссерля «Философия как строгая наука». – Гуссерль 1911.

¹⁴ Анкерсмит 2003(а). С. 213-258.

¹⁵ Мегилл 2007. С. 222.

Я исхожу из очевидного предположения, что именно нарратив, с одной стороны, «обслуживает» историческую память, а с другой стороны, – подпитывается ею. Если вернуться к концепции деконструкции «мест памяти»/искусственной коммеморации П. Нора, то можно сформулировать объясняющую гипотезу: деконструкция «мест памяти» предполагает, в первую очередь, извлечение их из того нарратива, которому они имманентны, в условиях кризиса доверия к нему¹⁶, а искусственная коммеморация непременно должна была породить процесс ренарративизации – создания подобающих контекстов «мест памяти», что и происходит в условиях постпостмодерна. «Места памяти» как опора конструирования идентичности явно предполагают наличие нарратива, хотя бы и имплицитное.

Классическая модель науки – словарь описания и объяснения – становление мета(мастер)нарратива – естественная коммеморация¹⁷

Классическая модель науки предполагает поиск объективной истины, т.е. такой истины, которая имманентна объекту исследования и не зависит ни от индивидуальности познающего субъекта, ни от социокультурной ситуации. Философскую экспликацию этой модели дали Френсис Бэкон, борющийся с «идолами заблуждения» и Рене Декарт, провозгласивший принцип универсального сомнения и сформулировавший весьма несложные правила метода для универсального разрешения сомнения. В «Рассуждении о методе...» (1637) Декарт оптимистично предрекал: «...если воздерживаться от того, чтобы принимать за истинное что-либо, что таковым не является, и всегда соблюдать порядок, в каком следует выводить одно из другого, то не может существовать истин ни столь отдаленных, чтобы они были недостижимы, ни столь сокровенных, чтобы нельзя было их раскрыть»¹⁸.

Естественно, что первоочередная задача исторической науки в ее классической модели – дать *описание* объективной реальности прошлого, установив «объективные» факты путем т.н. критики исторического источника¹⁹ (дискурсивные маркеры этого подхода, сохранившегося по сию пору, – «источник, содержащий факты», «добытые из источника факты», а также уже упомянутая «критика исторического источника»).

Нарратив в такой познавательной ситуации не проблематизируется, а рассматривается, вероятно, как описание исторической реальности,

¹⁶ Лиотар 1998. С. 9-10 и след.

¹⁷ Центральная проблема исторической памяти – проблема коммеморации в контекстах смены типов рациональности/моделей науки и в связи с процессами трансформаций нарратива была рассмотрена мною ранее, поэтому здесь я ограничиваюсь только схематичным (и уточненным) изложением своего понимания их взаимной связи. См.: Румянцева 2016; 2017.

¹⁸ Декарт 1989. С. 261.

¹⁹ См.: Теория и методология... 2016. С. 242.

чему способствует становление научного метода, ведущее к утверждению научного характера исторического знания, в т.ч. репрезентированного в форме нарратива. К тому же и *словарь описания и объяснения* когерентен пониманию нарратива как хронологически организованного рассказа, сочетающего функции описания и объяснения. В этот период, как пишет П. Нора, произошло «искоренение памяти под захватническим натиском истории»²⁰. Таким образом, исторический нарратив в это время обеспечивает естественную коммеморацию.

Хотя несоответствие нарратива словарю описания издавна замечали некоторые историки. Например, лорд Болингброк, ратуя в «Письмах об изучении и пользе истории» за критический подход к историческому познанию, утверждал: «Защищенный от обмана, я могу смириться с неосведомленностью...»²¹ Но наиболее ярко описывает отношение к становящемуся в начале XIX в. метанарративу высказывание главы скептической школы в русской историографии М.Т. Каченовского: «Без сомнения, весьма приятно извинять свое невежество ненадобностью наук, и утешительно выдумывать причины, для чего можно без них обойтись; но писатель, занимающийся словесностью, должен трудиться не для сидельцев мучных лавок, не для бородатых защитников двуперстного сложения, не для охотников рассказывать вздор о Бове Королевиче и о Мамаевом побоище, а для читателей образованных, для таких, которые чтя Бога, храня Веру и любя Отечество, *сверх того еще знают, в каких случаях призыванием сих священных имен подкрепляются полезные истины, предлагаемые сочинителем* [выделено мной – М.Р.]»²².

Неклассическая модель науки – словарь интерпретации – начало кризиса доверия к историческому метанарративу – разрушение естественной коммеморации

Неклассическая модель науки, формирующаяся, преимущественно, под влиянием физики микромира, проблематизирует познающего субъекта, составляющего единую систему с объектом исследования и воздействующего на объект в процессе исследования. Маркером неклассической модели в исторической науке является становление истории истории (историографии): смещение акцента с того, «как оно было на самом деле», к тому, «как об этом написали историки». Естественно, что здесь уже применим *словарь интерпретации*. Важно подчеркнуть, что в неклассической модели науки речь идет, по преимуществу, об интерпретации факта при его инкорпорации в нарратив. При этом трудно не согласиться с А. Мегиллом, который замечает: «...все призывы к синтезу – это попытка навязать интерпретацию. Вполне законно

²⁰ Нора 1999(а). С. 19.

²¹ Болингброк 1978 [1735]. С. 49.

²² Каченовский 1811. С. 148-149. Подробнее см.: Маловичко 2014.

приводить доводы в пользу какой-то интерпретации как [выделено автором – М.Р.] интерпретации...»²³

Словарь описания и объяснения некоторое время (до лингвистического поворота) сохраняет свои функции применительно к факту. Да и дискурс использованной выше конструкции «как об этом написали историки» отсылает нас к *словарю описания и объяснения* и демонстрирует сложность дискурсивного преодоления классической модели науки.

Очевидно, осознание «авторской»/индивидуальной/субъективной природы нарратива не могло не подрывать доверия к нему.

Постнеклассическая модель науки – словарь репрезентации – кризис нарратива – кризис коммеморации

Постнеклассическая модель науки предполагает «социальное конструирование реальности» (П. Бергер и Т. Лукман). И хотя Ф. Анкерсмит отказался от разработанного им понятия «нарративная субстанция»²⁴ в пользу *словаря репрезентации*²⁵, понятие «нарративная субстанция», на мой взгляд, весьма точно фиксирует понимание природы и функции нарратива. Но и переход к *словарю репрезентации* закономерен ввиду кризиса нарратива в ситуации постмодерна, стремления его деконструировать, что сопровождалось востребованностью микроистории, которой в полной мере соответствует *словарь репрезентации*.

Актуальное состояние: прошлое как наследие и как «чужая страна» – искусственная коммеморация

Предпримем попытку охарактеризовать с точки зрения заявленных выше схем интерпретации актуальное состояние взаимодействия исторического знания и исторической памяти. Вероятно, постнеклассический тип рациональности сохраняет свои позиции, хотя наблюдается рост интереса к неоклассической модели исторической науки, что фактически и констатировал А.В. Лубский. Естественно предположить, что при устойчивости постнеклассической рациональности должен бы сохранить status quo и *словарь репрезентации*, но, как мне представляется, он вступает в конкуренцию с новыми нарративами, во множестве порождаемыми в ходе процесса ренарративизации, являющегося наиболее ярким проявлением ситуации постпостмодерна в историческом знании.

О.М. Медушевская охарактеризовала актуальную²⁶ ситуацию в историческом познании следующим образом: «Профессиональное сообщество историков находится в ситуации смены парадигм <...> По отношению к философии исторического познания следует говорить не столько о смене, сколько о сосуществовании и противоборстве двух

²³ Мегилл 2007. С. 256-257.

²⁴ Анкерсмит 2003(б). С. 140-199.

²⁵ Анкерсмит 2003(а). С. 213-258.

²⁶ На момент завершения работы – 2007 год. См. примеч. 2.

взаимоисключающих парадигм. Одна из них, *неотделимая от массового повседневного исторического сознания* [выделено мной – М.Р.], опирается на многовековую традицию и в новейшее время идентифицирует себя с философией уникальности и идиографичности исторического знания <...> Другая парадигма истории как строгой науки, стремящаяся выработать совместно с науками о природе и науками о жизни общие критерии системности, точности и доказательности нового знания»²⁷.

Мне уже неоднократно приходилось писать о том, что при всем уважении к автору и согласии с предложенной ею концепцией «когнитивной истории», не могу согласиться с приведенной выше характеристикой актуального исторического знания. Дело не в «парадигмальных» различиях и «противоборстве парадигм», а в параллельном сосуществовании истории как науки (в т.ч. как строгой науки, принадлежащей неоклассической модели) и социально ориентированного историописания, которое – это принципиально важно – может быть реализовано исключительно как нарратив. И сама О.М. Медушевская отметила: «В силу своей *адекватности повседневному историзму массового сознания* [курсив мой. – М.Р.] парадигма нарративной логики преобладает в мире»²⁸.

Итак, можно предположить, что актуальное историческое знание, оформившееся с начала XXI в. в ситуации постпостмодерна, характеризуется разрывом научной и социально ориентированной истории²⁹. Это утверждение может показаться излишне радикальным, но оно подтверждается разнонаправленностью на протяжении всего XX в. тенденций исторической науки и трансформаций исторического нарратива. Mainstream исторической науки – фрагментация, ведущая и приведшая к осознанию невозможности построения когерентной истории³⁰ и, соответственно, к невозможности/проблематичности актуального мастернарратива. Разделяя убеждение многих историков, что т.н. «школа “Анналов”» олицетворяет историческую науку XX в., не могу не процитировать П. Нора: «Враждебность “Анналов” в отношении событийной, политической, военной, дипломатической, биографической истории в принципе не означала приговора национальной истории, но на деле подготавливала его, потому что *национальная история писалась как линейный рассказ о причинно-следственных связях* [выделено мной – М.Р.]»³¹.

Второй весьма существенный и при этом общепризнанный фактор развития исторического знания в XX в. – антропологический поворот, одним из результатов которого было утверждение позиции инаковости

²⁷ Медушевская 2008. С. 15-16.

²⁸ Там же. С. 16.

²⁹ Подробнее см.: Маловичко, Румянцева 2013.

³⁰ См., например: Мегилл 2007. С. 255-357.

³¹ Нора Предисловие... 1999. С. 9-10.

при рассмотрении исторического прошлого. Как ни парадоксально это может выглядеть, но позиция инаковости чужда обыденному историческому сознанию. В частности, Дж. Тош, рассуждая об отличии профессионального (научного) исторического знания от обыденного исторического сознания, отмечает в качестве существенной черты исторической науки именно подход с позиции инаковости³². Размышляя о функциях критической (научной) истории, А. Мегилл пишет: «Критическая историография ничего не предписывает настоящему. Она только показывает то, что *было иным и удивительным* – даже *поразительным* [выделено мной – М.Р.] – в прошлом. Если в историописании утрачивается это качество удивлять, то оно одновременно утрачивает и свое академическое, научное оправдание»³³. При этом Мегилл вполне определенно высказывается о взаимоотношениях исторической науки и исторической памяти: «Критическая историография должна находиться на некотором расстоянии от памяти, во всех смыслах последней...»³⁴.

Наиболее интересную трактовку этой проблемы дал Д. Лоуэнталь. Уже название его обширного труда «Прошлое – чужая страна» (1985) недвусмысленно заявляет основную идею – идею инаковости прошлого. Но в Предисловии к русскому изданию, уже в новой социокультурной ситуации, он обращает внимание на то, что такой подход неприемлем для массового сознания, и вскрывает механизм этого неприятия: «...обычной публике все эти предписания представляются неприемлемыми. Такое совершенно чуждое нам прошлое воспринимают с трудом, в особенности если нам хотелось бы погреться в отблеске его славы, или же ощутить себя по возможности комфортно. А потому мы вызываем в воображении таких предшественников, которые в большей степени похожи на нас самих. Большинство людей во все времена считали прошлое не чужой, но, напротив, вполне знакомой, даже “прирученной” областью»³⁵. Продуктивным, по крайней мере для рассматриваемой нами проблемы, представляется осуществленное Лоуэнталем различение *истории и наследия*: «“Приручая” таким образом прошлое, мы привлекаем на свою сторону несметное число нынешних причин. Легенды о возникновении и длительности, о победах или бедствиях, проецируют настоящее на прошлое, а прошлое, в свою очередь, на настоящее. Они ставят нас в один ряд с предками, чьи добродетели мы разделяем и чьи пороки скрываем. Однако подобное сообщество – еще не собственно история, как ее понимают историки. *Это наследие* [здесь и далее выделено мной – М.Р.]. Такое различие имеет решающий

³² Тош 2000. С. 11-31.

³³ Мегилл 2007. С. 132.

³⁴ Мегилл 2007. С. 132.

³⁵ Лоуэнталь 2004. С. 6-7.

характер. *История исследует и объясняет прошлое <...> Наследие упрощает и проясняет прошлое*, привнося в него современные цели и намерения». И афористично подводит итог: «История... – это взгляд одного века на другой. Напротив, наследие относится к прошлому как к достойному века нынешнего. Увиденное глазами истории, прошлое – чужая страна, если мы смотрим на него как на наследие, оно вполне знакомо и привычно»³⁶. Но уже задолго до Лоуэнтала Ф. Ницше в своей рефлексии современного ему исторического знания «О пользе и вреде истории для жизни» (1873) отметил стремление человека сблизить прошлое с настоящим в рамках «монументальной истории». Немецкий философ пишет: «Если человек, желающий создать нечто великое, вообще нуждается в прошлом, то он овладевает им при помощи монументальной истории...»³⁷, но при этом замечает, что монументальная история «всегда будет сблизять разнородные элементы, обобщать и, наконец, отождествлять их; она всегда будет смягчать различия мотивов и побуждений, чтобы за счет *causae* представить *effectus* в монументальном виде, именно как нечто типичное и достойное подражания...»; и афористично подводит итог: «Монументальная история вводит в заблуждение при помощи аналогий...»³⁸.

Попытаемся скоординировать различные параметры интерпретационной модели, но теперь, в отличие от выстраивания иерархии интерпретационных схем в начале статьи, – снизу вверх:

– социально ориентированное историописание, по определению, существует в форме нарратива;

– проблематизация нарратива в методологии исторической науки последней трети XX в. и устойчивый вывод о его неверифицируемости³⁹ – один из факторов подрыва доверия к нарративу и перехода от метанарратива к «местам памяти», точнее, на первом этапе – к их деконструкции путем извлечения их из нарратива, которому они имманентны;

– переход от деконструкции «мест памяти» к искусственной коммеморации порождает процесс ренарративизации, поскольку «места памяти» предполагают наличие нарратива (хотя бы и неэксплицированного), без которого они не могут быть опознаны/восприняты в качестве «мест памяти»;

– процесс ренарративизации, – существенная характеристика актуальной исторической культуры, – ведет отнюдь не к созданию когерентного мета(мастер)нарратива, а к противостоянию/«войне» нарративов; к описанию этого процесса вполне применимо замечание П. Нора:

³⁶ Лоуэнталь 2004. С. 7.

³⁷ Ницше 1990. С. 174.

³⁸ Там же. С. 171-172.

³⁹ Вен 2003 [1971]; Уайт 2002 [1973]; Анкерсмит 2003(b) [1983].

«Конец истории-памяти умножил число отдельных памятей, которые потребовали своей истории»⁴⁰;

– произошел разрыв исторической науки и социально ориентированного историописания;

– *словарь репрезентации*, характерный для микроистории последней трети XX в., некогерентен ренарративизации; вероятно, он может обеспечивать идентичность постмодернистского типа, но не может конкурировать с нарративом в конструировании исторической памяти;

– естественно, в новых условиях не может быть «возвращения» к *словарю описания и объяснения*, жестко привязанному к классической модели науки; вероятно, может быть по-прежнему востребован *словарь интерпретации*, но при осознании его субъективности и, соответственно, невозможности удовлетворения потребности в конструировании общей исторической памяти;

– если признать, что описанные процессы разворачиваются в контексте постнеклассической рациональности, то необходим новый словарь – *словарь интерсубъективного конструирования реальности*, который будет способен возобновить контакт исторической науки и социально ориентированного историописания на методологической основе социологии знания.

Необходимо отметить, что Анкерсмит, солидаризируясь с А. Данто, проводил различие между репрезентацией истории и исторической наукой: «...Данто был прав, требуя различных познаний для репрезентации и науки. Репрезентация предполагает постулирование существования логических моделей, подобных нарративным субстанциям, которые в случае чисто научного исследования являются избыточными. Эти логические модели придают языку репрезентации непрозрачность, неизвестную науке: каждое утверждение, которое мы делаем о прошлом, поглощается гравитационным полем рассматриваемой нарративной субстанции и обязано ему своим нарративным значением. В науке мы заинтересованы только в истинности или законности утверждений; в исторической репрезентации истинность утверждений о прошлом более или менее считается само собой разумеющейся <...> Логические модели, требуемые в соответствии с теорией замещения репрезентации, символизируют дистинкцию науки и репрезентации»⁴¹. Вопрос соотношения получения научного знания и его репрезентации был рассмотрен мною ранее⁴², но здесь важно подчеркнуть, что в этом случае речь идет о репрезентации научного знания, а не о конструировании нарратива в целях искусственной коммеморации.

⁴⁰ Нора 1999(а). С. 33

⁴¹ Анкерсмит 2003(а). С. 242-243.

⁴² Румянцева 2017.

Таким образом, мы имеем дело с искусственной коммеморацией, суть которой еще в конце XX в. П. Хаттон выразил вполне афористично: «Современное историческое мышление отражает ценности современной культуры, которая демонстрирует не столь сильное благоговение перед прошлым, и возлагает большие надежды на новшества будущего. <...> В настоящее время нам *приходится говорить скорее о полезности прошлого, чем о его влиянии на нас* [выделено мной – М.Р.]»⁴³. Впрочем, Ницше, размышляя о «критической истории», прозорливо подметил истоки этой особенности исторического нарратива: «это как бы попытка создать себе а posteriori такое прошлое, от которого мы желали бы происходить в противоположность тому прошлому, от которого мы действительно происходим...»⁴⁴.

Мы не затрагивали здесь весьма актуальную проблему «политики памяти»⁴⁵. Но вполне очевидно, что инструментом этой политики является нарратив. Политика памяти может быть эффективной, т.е. отвечающей потребностям социума, только на основе рефлексии нарратива и механизмов его конструирования. При этом оказывается важным отношение к прошлому как к «наследию», а не как к «чужой стране». Как разрешить эту коллизию между установкой исторической науки на инаковость и потребностью в конструировании исторической памяти?...

БИБЛИОГРАФИЯ

- Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003(а). 492 с.
- Анкерсмит Ф. Нарративная логика: семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003(б). 360 с.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- Болингброк. Письма об изучении и пользе истории: пер. с англ. М.: Наука, 1978. 359 с.
- Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М.: Научный мир, 2003. 393 с.
- Гуссерль Э. Философия, как строгая наука // Логос: международный ежегодник по философии культуры. М.: Книгоиздательство «Мусагетъ», 1911. Кн. 1. С. 1-56.
- Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Декарт Р. Соч.: в 2 т.: пер. с лат. и фр. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 250-296.
- Дильтей В. Типы мировоззрения и обнаружение их в метафизических системах // Культурология. XX век: антология. М.: Юристъ, 1995. С. 213-255.
- Каченовский М.Т. Нестор. Руския летописи на Древле-Славенском языке // Вестник Европы. 1811. Ч. 59. № 18. С. 127-149.
- Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 302 с.
- Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 159 с.
- Лоуэнтал Д. Прошлое – чужая страна. СПб.: «Русский остров»; «Владимир Даль», 2004. 623 с.
- Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования. М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2005. 351 с.

⁴³ Хаттон 2003 [1993]. С. 24.

⁴⁴ Ницше 1990. С. 179.

⁴⁵ Мое отношение к этой проблеме см.: Румянцева 2017. С. 18-20.

- Маловичко С.И. Непонимание как форма сосуществования разных типов исторического знания // Диалог со временем. М.: ИВИ, 2014. Вып. 46. С. 129-145.
- Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание. Орехово-Зуево: Изд-во МГОИ, 2013. 252 с
- Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. 479 с.
- Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 361 с.
- Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Соч.: в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 158-230.
- Нора П. Между памятью и историей: проблематика мест памяти // Франция – память / под ред. П. Нора и др. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999(а). С. 17-50.
- Нора П. Предисловие к русскому изданию // Франция – память / под ред. П. Нора и др. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999(б). С. 5-14.
- Репина Л.П. Историческая культура как предмет исследования: введение // История и память: историческая культура Европы до начала нового времени / под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. С. 5-55.
- Румянцева М.Ф. Историческая память и презентация истории: неоклассическая vs классическая – неклассическая – постнеклассическая модели исторической науки // Событие в истории, памяти и нарративах идентичности: [сб. ст.] / отв. ред. Л.П. Репина. М.: Аквилон, 2017. С. 18-48.
- Румянцева М.Ф. Проблема коммеморации: метанарратив – места памяти – ренарративизация // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 16-31.
- Стёпин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 743 с.
- Теория и методология исторической науки: терминолог. слов. / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина; 2-е изд., испр. и доп. М.: Аквилон, 2016. 543 с.
- Тойнби А. Дж. Постигание истории: сборник: пер. с англ. М.: Прогресс, 1991. 731 с.
- Тош Дж. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.: «Весь Мир», 2000. 295 с.
- Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. 527 с.
- Франция – память / под ред. П. Нора и др. СПб., 1999. 328 с.
- Хаттон П. История как искусство памяти: пер. с англ. СПб.: Владимир Даль, 2003. 479 с.

REFERENCES

- Ankersmit F.R. Istoriya i tropologiya: vzlet i padeniye metafory. M.: Progress-Traditsiya. 2003(a). 492 s.
- Ankersmit F. Narrativnaya logika: semanticheskiy analiz yazyka istorikov. M.: Ideya-Press. 2003(b). 360 s.
- Berger P., Lukman T. Sotsialnoye konstruirovaniye realnosti. Traktat po sotsiologii znaniya. M.: Medium. 1995. 323 s.
- Bolingbrok [G.S.-Dzh] Pisma ob izuchenii i polze istorii: per. s angl. M.: Nauka. 1978. 359 s.
- Ven P. Kak pishut istoriyu. Opyt epistemologii. M.: Nauchnyy mir. 2003. 393 s.
- Gusserl E. Filosofiya. kak stroгая nauka // Logos: mezhdunarodnyy ezhegodnik po filosofii kultury. M.: Knigoizdatelstvo «Musaget». 1911. Kn. 1. S. 1-56.
- Dekart R. Rassuzhdeniye o metode. chtoby verno napravlyat svoy razum i otyskivat istinu v naukakh // Dekart R. Soch.: v 2 t.: per. s lat. i fr. M.: Mysl. 1989. T. 1. S. 250-296.
- Diltey V. Tipy mirovozzreniya i obnaruzheniye ikh v metafizicheskikh sistemakh // Kulturologiya. XX vek: antologiya. M.: Yurist. 1995. S. 213-255.
- Kachenovskiy M.T. Nestor. Ruskiya letopisi na Drevle-Slavenskom yazyke // Vestnik Evropy. 1811. Ch. 59. № 18. S. 127-149.
- Kun T. Struktura nauchnykh revolyutsiy / per. s angl. I.Z. Neletova. M.: Progress. 1977. 302 s.
- Liotar Zh.-F. Sostoyaniye postmoderna. M.: Institut eksperimentalnoy sotsiologii; SPb.: Aleteya. 1998. 159 s.
- Louental D. Proshloye – chuzhaya strana / per. s angl. A.V. Govorunova. SPb.: Izdatelstvo «Russkiy ostrov». Izdatelstvo «Vladimir Dal». 2004. 623 s.
- Lubskiy A.V. Alternativnyye modeli istoricheskogo issledovaniya. M.: Izdatelstvo «Sotsialno-gumanitarnyy znaniya». 2005. 351 s.

- Malovichko S.I. Neponimaniye kak forma sosushchestvovaniya raznykh tipov istoricheskogo znaniya // Dialog so vremenem. M.: IVI. 2014. Vyp. 46. S. 129-145.
- Malovichko S.I., Rummyantseva M.F. Istoriya kak strogaya nauka vs sotsialno oriyentirovannoye istoriopisaniye. Orekhovo-Zuyevo: Izd-vo MGOGI. 2013. 252 s
- Megill A. Istorieskaya epistemologiya. M.: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya». 2007. 479 s.
- Medushevskaya O.M. Teoriya i metodologiya kognitivnoy istorii. M.: RGGU. 2008. 361 s.
- Nitsche F. O polze i vrede istorii dlya zhizni // Nitsche F. Soch.: v 2 t. M.: Mysl. 1990. T. 1. S. 158-230.
- Nora P. Mezhdru pamyaty i istoriiyey: problematika mest pamyati // Frantsiya – pamyat / pod red. P. Nora i dr. SPb.: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 1999. S. 17-50.
- Nora P. Predisloviye k russkomu izdaniyu // Frantsiya – pamyat / pod red. P. Nora i dr. SPb.: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 1999. S. 5-14.
- Repina L.P. Istorieskaya kultura kak predmet issledovaniya: vvedeniye // Istoriya i pamyat: istoricheskaya kultura Evropy do nachala novogo vremeni / pod. red. L.P. Repinoy. M.: Krug. 2006. S. 5-55.
- Rummyantseva M.F. Istorieskaya pamyat i prezentatsiya istorii: neoklassicheskaya vs klassicheskaya – neklassicheskaya – postneklassicheskaya modeli istoricheskoy nauki // Sobytiye v istorii. pamyati i narrativakh identichnosti: [sb. st.] / otv. red. L.P. Repina. M.: Akvilon. 2017. S. 18-48.
- Rummyantseva M.F. Problema kommemoratsii: metanarrativ – mesta pamyati – renarrativizatsiya // Dialog so vremenem: almanakh intellektualnoy istorii. M.: IVI. 2016. Vyp. 54: Spetsialnyy vypusk: Natsionalnaya identichnost i fenomen istoricheskoy pamyati. S. 16-31.
- Stepin V.S. Teoreticheskoye znaniye: struktura. istoricheskaya evolyutsiya. M.: Progress-Traditsiya. 2003. 743 s.
- Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki: terminol. slov. / otv. red. A.O. Chubarina. L.P. Repina; RAN. In-t vseobshchey ist. 2-e izd.. ispr. i dop. M.: Akvilon. 2016. 543 s.
- Toynbi A. Dzh. Postizheniye istorii: sbornik: per. s angl. M.: Progress. 1991. 731 s.
- Tosh Dzh. Stremeniye k istine. Kak ovladet masterstvom istorika: per. s angl. M.: Izdatelstvo «Ves Mir». 2000. 295 s.
- Uayt Kh. Metaistoriya: Istorieskoye voobrazheniye v Evrope XIX veka. Ekaterinburg: Izd-vo Uralskogo un-ta. 2002. 527 s.
- Frantsiya – pamyat / pod red. P. Nora i dr. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta. 1999. 328 s.
- Khatton P. Istoriya kak iskusstvo pamyati: per. s angl. SPb.: Vladimir Dal. 2003. 479 s.
- Румынцева Марина Федоровна**, кандидат исторических наук, доцент, Школа исторических наук, НИУ «Высшая школа экономики»; доцент кафедры теории и истории гуманитарного знания РГГУ; mf-r@yandex.ru

Historical knowledge and historical memory in the structure of historical culture

A dynamic model of historical culture is proposed, its system-forming components are (1) a change in the types of rationality / models of science: classical – nonclassical – post-nonclassical; (2) a change in “dictionaries”: a dictionary of description and explanation – a dictionary of interpretation – a dictionary of representation; (3) modification of the narrative: the formation meta-narrative – its crisis – re-narrativization, (4) modification of historical memory: a natural commemoration – “places of memory” – an artificial commemoration. The research focuses on the interaction of scientific historical knowledge, historical narrative as the main form of presentation of historical knowledge and historical memory from postmodern to post-postmodern.

Keywords: type of rationality, dictionary of historical science, metanarrative, re-narrativization, historical memory, commemoration

Marina Rummyantseva, PhD in history; Associate Professor, School of History, National Research University “Higher School of Economics”; Associate Professor, Russian State University for the Humanities; mf-r@yandex.ru

Д. Ю. СТЕПАНОВ

«ХАЗАРСКАЯ ЛЕГЕНДА» В СИСТЕМЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ КАЗАЦКОЙ СТАРШИНЫ (КОНЕЦ XVII – НАЧАЛО XVIII В.)

В статье рассматривается проблема формирования этнической идентичности казацкой старшины в конце XVII – начале XVIII в. В центре исследования – проблема возникновения и «функционирования» т.н. «Хазарского мифа» – легендарной версии о происхождении украинских казаков (или исключительно их названия) от раннесредневековых хазар.

Ключевые слова: *Хазарская легенда, Украина, казацкая старшина*

Хазарская легенда прослеживается в ряде исторических нарративов, циркулировавших в образованной малороссийской¹ среде конца XVII–XVIII вв. Украинские авторы почерпнули информацию о хазарах из польских исторических произведений (В. Каховский, М. Стрыйковский, А. Гванины) и русских летописей, содержащих в себе «Повесть временных лет».

Исследования, посвященные хазарской легенде, касаются более широкой темы, связанной с формированием этнических представлений казацкой старшины в конце XVII – начале XVIII в. Несмотря на отсутствие общего представления о содержании термина «этнический» как в российской, так и в украинской историографии, этногенетическая легенда как одна из важнейших его составляющих не подвергается сомнению². В связи с этим несколько удивляет отсутствие соответствующей дискуссии, посвященной проблеме этничности хазарского мифа, то есть вопросу о том, насколько легенду происхождения каза-

¹ Термины «Малороссия» и «Украина», как и производные от них «малороссийский» и «украинский», релевантны терминологии наших источников и соответствуют друг другу, что дает возможность использовать их здесь в качестве взаимозаменяемых.

² Возникновение этнических представлений мы, вслед за В.А. Тишковым, относим к прямым или косвенным результатам воздействия элит на более широкие слои населения посредством различных социальных институтов. В основе идейного ядра этого воздействия лежит интеллектуальный ресурс, который заключается в исторических, полемических, политических и прочих текстах, интегрирующих (или, наоборот, дезинтегрирующих) общественные группы посредством различных механизмов ретрансляции. В.А. Тишков в этой связи отметил, что «существующие на основе историко-культурных различий общности представляют собой социальные конструкции, возникающие и существующие в результате целенаправленных усилий со стороны людей и создаваемых ими институтов, особенно со стороны государства... Конституированная и основанная на индивидуальном выборе и групповой солидарности природа социально-культурных коалиций определяется их целями и стратегиями, среди которых важнейшую роль играют организации ответов на внешние вызовы через солидарность одинаковости...». – Тишков 2003. С. 115.

ков от хазар можно считать этногенетической основой казацкого (или в целом украинского) этнического самосознания³. Разумеется, мы отталкиваемся от того, к какому воображаемому сообществу, выражаясь языком Б. Андерсона, относилась грамотная часть малороссийского общества. Вопрос о том, как обстояли дела с этническим самосознанием широких слоев населения, за отсутствием введенного в оборот достаточного количества источников, в этой статье не затрагивается.

Создание концептов, которые легли в основу формирования этнических представлений, будь то этногенетическая легенда, представление о собственной «национальной» истории и культурных отличий от других сообществ можно условно назвать проектом, исходящим от наиболее грамотной части общества, т.е. слоя, владеющего интеллектуальным ресурсом. С этих позиций можно судить о том, что во второй половине XVII в. происходило формирование только одного подобного проекта, который в соответствующем сегменте историографии называют «общерусским». По сути, он включал в себя следующие концепты: 1) «Русь», «Россия», «российский» («русский», «православно-российский») народ в широком смысле соответствовали воображаемому сообществу, включавшему всех восточных славян⁴; а в *самом* широком смысле – даже все славянские народы;⁵ 2) все восточные славяне являются потомками сына Иафета Мосоха, что давало определенное этническое «первенство» населению Московской Руси; 3) сложно улавливается граница между, собственно этническим и конфессиональным прочтением термина «русский»: в ряде источников, свойство «русскости» заключалось в принадлежности к Русской православной церкви⁶; 4) главным историческим персонажем, образ которого создавал «общерусское» прочтение восточнославянской истории был князь Владимир Святославович, а основным событием, соответственно – Крещение Руси. Результаты исследования этого этнического конструкта были изложены в работах Б.Н. Флори, С.Н. Плохия, М.В. Дмитриева, О.Б. Неменского и др.⁷

³ Таирова-Яковлева. «Отечество» в представлениях...; Плохий 2004; Степанов 2016.

⁴ Степанов 2012. С. 16.

⁵ Именно такой взгляд встречаем в «Синописе Киевопечерском» Иннокентия Гизеля. Говоря о происхождении славян, он писал: «От Мосоха праотца Славенъ Россійска, по наследію егѡ, не токмо Москва нарѡдъ великій, но и вса Русь или Россія вышереченна произыде, аще в нѣкихъ странахъ малѡ чѡѡ въ словесѣхъ и премѣнисл, ѡбаче единымъ славенскимъ зыкомъ глаголють...» Иннокентий (Гизель). Синопис или краткое собрание из различных летописцев... Киев, 1680. С. 14.

⁶ В частности, для такого известного малороссийского церковного писателя и сподвижника Гизеля, архиепископа Лазаря Барановича, история Руси – это в первую очередь история Русской церкви и «русским» для Барановича считался тот, кто принадлежал к церкви, основанной князем Владимиром. См. Степанов 2016. С. 56.

⁷ Флорія 1982; 1993; 1999; 2013; Plokyh 2006; Плохий 2006; Дмитриев 2006; 2002. С. 154-158; Неменский 2003; 2005; 2008(a); 2008(б).

В определенной степени приведенная концепция была обобщена в произведении Киево-Печерского архимандрита Иннокентия Гизеля, «Синописис...»⁸, который стал первой печатной книгой по русской истории. Ее значение сложно преувеличить: переизданный только в XVII в. три раза, «Синописис...» был, пожалуй, самым распространенным историческим сочинением в России в исследуемый период⁹.

«Общерусская» модель этнической идентичности вплоть до конца XVII в. оставалась единственной в малороссийской книжности, что хорошо прослеживается по самым разнообразным источникам. Более того, в последней трети XVII в. приведенная этногенетическая конструкция была адаптирована в московской книжности и стала частью официальной российской историографии¹⁰. Конечно, в развитии «общерусских» этнических представлений большую роль играла позиция киевского духовенства, желавшего продолжения борьбы Русского государства за Правобережную Украину¹¹. Также важным было осознание того, что на территории, оказавшейся после русско-польских войн 1654–1667 гг. под контролем Москвы, была ликвидирована униатская церковь, а представители высшего православного духовенства заняли исключительное положение, что, разумеется, было бы невозможно, окажись украинские земли под властью Речи Посполитой или Османской империи.

С другой стороны, заметную роль в политической жизни Малороссии во второй половине XVII в. играла казачья старшина. Эта элитарная группа зачастую имела другие, иногда, противоположные интересы по отношению к киевскому духовенству. В течение второй половины XVII в. происходит процесс ее феодализации: казачья элита постепенно приобретает власть над посполитыми, т.е. крестьянами¹². В некотором смысле этот первый этап оформился универсалом гетмана Ивана Мазепы 1708 г., запретившим крестьянам переходить от одного феодала к другому со своим земельным участком и, таким образом, закрепившим за старшиной право владения землей¹³. Феодализируясь, старшина приближала свой статус к польской шляхте, которая, очевидно, выступала в качестве социального образца. Проект Гадячского договора (1658), согласно которому старшина получила возможность нобилитации (возведения в дворянское достоинство)¹⁴, а также московский дого-

⁸ Иннокентий (Гизель). Указ соч.

⁹ Источниковедческое изучение «Синописиса...» имеет очень богатую историю. Из современных работ см.: Жиленко 2002; Карнаухов 2009; Мыльников 1996.

¹⁰ Степанов 2013.

¹¹ Миллер 2000. С. 48.

¹² Процесс усиления роли казачьей старшины в малороссийском обществе хорошо изучен в историографии. См.: Липинский 1991; Яковлева 1998; Яковенко 2008; и др.

¹³ Артамонов, Кочегаров, Курукин 2009. С. 29.

¹⁴ Текст договора см.: АЮЗР. СПб., 1863. Т. 4. С. 252.

вор 1665 г. дают понять, что желание повысить свой статус до уровня «благородного» сословия занимало в социальных намерениях казацкой верхушки видное место. Это желание толкало казацких старшин на поиск нового «покровителя» среди соседних монархов – польского короля, царя, султана или крымского хана. История украинского общества второй половины XVII в., получившая от своих современников очень образное название «Руины» не знает ни одного гетмана, который оставался верным присяге кому-то из перечисленных монархов раз и навсегда. Автор единственного дошедшего до нас политического трактата того времени, «Перестрога Украине...», написанного в 1669 г., восклицал: «Тая ж нерозумная, що роз ся, то сюди, то туды до монархов розных перекидається, впят им ребелѣзует, а за тое сама барзо шкодуе и знищѣла, нѣжли кого иншого звоевала...»¹⁵. Такой политический курс старшины выглядел бы идейно не обоснованным с позиций зарождающихся этнических «общерусских» представлений.

Отраженная в «Синописе...» и других исторических произведениях этногенетическая концепция, в отличие, например, от идеологии польского сарматизма, не содержала в себе информации об исключительной сословной роли казаков в истории украинских земель. Более того, в среде духовенства в разгар Руины намечается даже разочарование в казаках. В частности, упоминаемый автор «Перестроги...», которому, видимо, была близка позиция киевских прелатов, сетует на то, что непостоянный внешнеполитический курс казацкой верхушки привел к утрате территорий, «неисчислимых богатств», которые Украина имела при «старом» Хмельницком. При этом сатирически преподается один из лозунгов сторонников правобережного гетмана: «Зла и тяжка москва Украинѣ, а поляки совете (вдвойне – Д.С.) тяжкиѣ»¹⁶.

В самом конце XVII в. в украинской книжности появляется концепция, а именно уже упомянутая хазарская легенда, «открытие» которой в свете исследования этнических представлений образованных кругов Гетманщины, вызвало определенный отклик в соответствующем сегменте историографии¹⁷. Особый интерес хазарская легенда приобрела в связи с тем, что была отражена в преамбуле «Договоров и постановлений прав и вольностей войсковых...»¹⁸ 1710 г. (т.н. «Конституции», автором которой был Филипп Орлик). Этот документ был составлен в среде эмигрировавшего после Полтавской битвы окружения И.С. Мазепы, уже после смерти самого гетмана. По мнению части исследователей, «эта концепция преследует вполне прозрачную цель —

¹⁵ Мицик 1991. С. 134.

¹⁶ Там же. С.134.

¹⁷ Таирова-Яковлева. «Отечество» в представлениях...

¹⁸ Договори й постанови. Упорядник О. Алфьоров. К., 2010. С. 20-22.

не оставить даже никакого намёка об общем происхождении русских и украинцев»¹⁹. Украинско-американский историк С.Н. Плохий также отмечал, что «отодвигая на второй план мифологию происхождения Руси, тесно связанную с крещением Руси Владимиром, хазарский миф также секуляризировал генеалогию казачества и разрывал религиозные связи между гетманской автономией и Москвой»²⁰. Действительно, в противовес «общерусскому» этническому конструкту, яркое выражение которого мы находим в произведениях, вышедших в Киеве и в Москве в последней трети XVII в., происхождение части населения Малороссии от хазар, определено, кажется новшеством. Однако общее знакомство с текстами, содержащими в себе хазарскую концепцию, дает возможность несколько смягчить представленные выше тезисы.

Помимо «Договоров и постановлений...» хазарская легенда сохранилась в целом ряде произведений: «Четьях-Минеях» Св. Дмитрия Ростовского²¹, «Летописи Самовидца»²², «Летописи» Г. Грабянки²³ и «Летописи» Самуила Величко²⁴. Имеются и более ранние отдельные упоминания о хазарах как возможных предках казаков, например, в 4-й книге «Хроники» Матвея Стрыйковского²⁵ (сам Стрыйковский, как впоследствии и Иннокентий Гизель, при этом придерживался версии о происхождении казаков от легендарного прародителя Козака). Видимо, это упоминание Стрыйковского стало источником заметки соратника Иннокентия Гизеля Иоаникия Галытовского, приведенной им в произведении «Скарбница Потребная» 1676 г.: «...бо козаки ведлуг зданя мудрых людей некоторых названы суть от козаров ...»²⁶.

В «Летописи Самовидца», составленной на исходе XVII в. представителем казацкой старшины также есть упоминание хазарской легенды: «...обрали [казаки] себе место пустое около Днепра низше порогов днепровских на житло, где в диких полях упражняся звериными ловлями, также и рыбными, при том безсурман на море розбивали, называяся козаками от древних *Козаров, рода того ж Руского*, при Какгане еще бывших»²⁷.

¹⁹ Таирова-Яковлева. «Отечество» в представлениях... С. 4.

²⁰ Плохий 2004. С. 285.

²¹ Дмитрий Ростовский (Туптало). Жития святых. Кн. 3. Март. Апрель. Май. Киев, 1764.

²² Летопись Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого... В современной украинской историографии авторство летописи «Самовидца» обычно приписывается генеральному подскарбию, затем священнику Р.О. Ракушке-Романовскому.

²³ Грабянка 1854.

²⁴ Летопись событий в Юго-Западной России в XVII-м веке. Т. 2.

²⁵ Strykowski M. Kronika Polska, Litewska, Żmudzka i wszystkiej Rusi. Królewiec [Königsberg], 1582. St. 115–116.

²⁶ Иоанникий (Галытовский). Скарбница потребная. Новгород-Северский, 1676. Л. 5.

²⁷ Летопись Самовидца... С. 2.

Более пространно сюжет о хазарах изложен в третьей книге широко известного сочинения митрополита (тогда еще архимандрита) Дмитрия Ростовского (Туптало), «Четьи-Минеи», составленной около 1700 г. Автор, обладая широкими знаниями, соответствовал самому высокому уровню украинских интеллектуалов, входивших в круг преподавателей и выпускников Киево-Могилянской коллегии. Текст о хазарах Дмитрий Ростовский поместил в качестве сноски к рассказу о Кирилле и Мефодии. Согласно тексту, хазары – «скифский» (т.е. кочевой – Д.С.) народ, проживавший у «Меотидского» моря. Происхождение народов восточной Европы Дмитрий Ростовский относил к сыну Иафета, Гомеру, на которого в сочинении митрополита легла роль «первопредка» цимбров – киммерийцев. Именно от них, по мнению Дмитрия Ростовского, и произошли хазары, а также литовцы, в чем можно увидеть влияние «Синописа» Иннокентия Гизеля. Характерно, что буквально сразу автор оговаривается, что хазары были народом «языка словенского или русского»²⁸. Дмитрий Ростовский упоминал о том, что в западной части степи, Паннонии, хазары носили имя аваров и гуннов²⁹. Что до быта, то согласно «Четьям-Минеям», жили хазары «нелепым образом», т.е. кочевали, зато «во бранех бяху зело храбры и всем страшны».

Согласно Дмитрию Ростовскому, хазары – это один из «народов славянских российских». Так, рассказывая о судьбе византийской императрицы Ирины, матери Льва IV Хазара, Дмитрий писал, что хазары, в отличие от «иных славянских российских народов» жили с греками в мире. Несмотря на такую развернутую историческую справку, Дмитрий Ростовский не говорит напрямую о том, что – это предки казаков. Сюжет о хазарах заканчивается рассказом о монголо-татарском нашествии и исчезновении хазар с карты Восточной Европы, однако: «а козаров *имене память остася в малороссийском воинстве крепком, подобнее тому зело мало премоно именуемому*»³⁰.

Таким образом, хазарская легенда в изложении Дмитрия Ростовского представляет из себя текст, вполне вписывающийся в круг малороссийских исторических нарративов того времени. С одной стороны, автор использовал вполне конкретные данные, почерпнутые им из исторических источников: правление Ирины и Льва Хазара и завершение иконоборчества, походы князя Святослава и т.п. С другой, происхождение народов ассоциировалось с первопредками, в данном случае, с Гомером. Связь между предками и народами определялась «по созвучию»: «Гомер – цимбры – киммерийцы», «хазары (козары) – казаки». По подходу к историческому материалу в конкретном случае Дмитрий

²⁸ Дмитрий Ростовский (Туптало). Жития святых... С. 839.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 840.

Ростовский недалеко ушел от автора «Синописа». Однако представленный фрагмент является первым более-менее полным изложением истории о хазарах, которая потом будет фигурировать в наших текстах.

В нашем распоряжении есть текст, озаглавленный как «Синопис истории казаков», обнаруженный в Отделе рукописей РГБ³¹. Текст датируется по «белой дате», т.е. по филиграням, самым концом XVII – началом XVIII в. (самые поздние водяные знаки бумаги, на которой помещен текст совпадают с филигранями на грамоте киевского митрополита Варлаама Ясинского (1627–1707) патриарху Адриану 1697 г.³² Таким образом, исследуемый текст – «ровесник» хазарскому сюжету Дмитрия Ростовского. Даже при беглом прочтении не остается сомнения, что мы имеем дело с наиболее ранним списком летописи Г. Грабянки. Проблеме соотношения краткой (более ранней) и общей редакции летописи уже посвятил статью украинский историк А.М. Бовгирия³³. Однако он использовал другой список: некоторые детали фрагментов текста, приведенного им для сравнения с общей редакцией летописи, отличаются от использованного нами.

Бовгирия обратил внимание на то, что в краткой редакции есть вставки религиозного характера, из чего им был сделан вывод, что автор мог иметь церковный сан³⁴. Действительно, подобных вставок, содержащих в себе религиозный пафос или фрагменты церковной истории (например, о путешествии иерусалимского патриарха Феофана в Москву), нет ни в более поздней редакции произведения Грабянки, ни в летописи Самовидца. В таком случае, следуя логике Бовгирии, авторство Грабянки ставится под вопрос. Однако наличие религиозных вставок еще не говорит о том, что сам автор произведения мог быть представителем духовенства. Скорее всего, мы имеем дело со списком, переписанным священником или монахом, который по своей воле вставлял благочестивые отступления в текст летописи.

Поздняя («классическая») версия этого сочинения отличается более пространством текстом, в нем больше различных вставок, имеющих полемический и, отчасти, литературный характер. Эти отступления включены автором в редакцию наряду с оригинальным текстом, который, однако, несколько пересказан. Исходя из этого, можно предположить, что «Синопис истории казацкой» был одним из источников летописи Грабянки. Однако, как мы увидим ниже, обе редакции восходят к летописи «Самовидца». Более близкой к Самовидцу является также этническая терминология «Синописа истории казацкой». Еще одно

³¹ РГБ ОР. Ф. 173. № 97. Синописъ ѿ началъ проименованѣхъ козаковъ.

³² Дианова 1980. С. 118.

³³ Бовгирия 2003. С. 8-82.

³⁴ Там же. С. 81.

важнейшее отличие нашего источника от летописи Грабянки заключается в том, что последняя испытала на себе явное влияние сочинения Иннокентия Гизеля. В предисловии Грабянка упоминал Дмитрия Донского в «героическом» контексте («...и Дмитрия, Князя Московского, миллион и двести тысячей гордящихся в своем Мамаи татар истребившаго и их Татарская Росианом подчинити принудившаго»³⁵), что было явной аллюзией на «Синописис...» Гизеля в редакции 1680 г., куда вошел адаптированный текст «Сказания о Мамаевом побоище».

Этногенетическая легенда, изложенная в «Синописисе истории казацкой», безусловно, во многом повторяет или пересказывает текст Дмитрия Ростовского. Однако нельзя согласиться с А.М. Бовгирей, считавшим, что именно будущему ростовскому митрополиту принадлежит авторство хазарского мифа³⁶. В первую очередь, автор «Синописиса истории казацкой» сразу сообщает о генетической связи хазар и казаков: «Народъ въ малоросійской странѣ глаголемый козаки *свое имать проименованіе въ правде Сѣт древнѣго своего рода козарска*»³⁷. «Синописис...» – произведение, созданное в среде казацкой старшины, поэтому, в отличие от «Четьи-Минеи», его автор сосредоточился на истории происхождения казаков. В конце хазарского сюжета автор «Синописиса...» писал: «Тако и нынѣ козаки храбрости своей несокрывающе... ибо спод ляхского ига малою силою Сѣтемшися на многихъ бранехъ ляховъ побѣдиша и полскую Землю всю повоеваша. Сѣ томъ и Сѣ прочіихъ бранехъ Козацкихъ повѣстію достовѣрне скажемъ...»³⁸ Автору было важно подчеркнуть военную мощь казаков, что во многом объяснялось их происхождением от древнего и, хоть и «простого», но отважного хазарского рода. В этом отношении, происхождение словослия от племен, известных только по историческим источникам, наталкивает на аналогию с польским сарматизмом. Однако, как мы увидим ниже, эта аналогия не совсем точная.

Нельзя не отметить, что автор «Синописиса истории казацкой» проявляет некоторую амбивалентность в использовании маркеров идентичности. Так, повествуя об осаде Львова войсками Богдана Хмельницкого в 1648 г., он пишет: «такову трапезу бедной *Руси римляне* всегда готуют»³⁹. То есть «русь», маркер этнической идентичности в нашем понимании, противопоставлен «римлянам», т.е. католикам.

Характер отличий двух списков «Летописи...» Г. Грабянки можно проиллюстрировать и на примере сравнения соответствующих глав,

³⁵ Грабянка 1854. С. III.

³⁶ Бовгирия 2010. С. 97.

³⁷ Синописис истории козацкой... С. 1-2.

³⁸ Синописис истории козацкой... С. 2-3.

³⁹ Синописис истории козацкой... Л. 20-21.

повествующих о переходе Хмельницкого под власть царя Алексея Михайловича. Названия глав отличаются уже очень характерным образом: в первом случае глава называется «Сказаніе чесо ради Хмельницькій поддадеж под великого государя московского и о войне дрижипольской»⁴⁰, во втором – «Сказание чесо ради Хмельницкий поддадеса *россиянам* и о войне Дрижипольской»⁴¹. В более ранних сочинениях, например, в «Летописи Самовидца» или летописце Дворецких, события, последовавшие за Переяславской радой расценивались как переход в подданство «единоверного монарха» или даже «объединения православия», но никак не прочный союз с этнически близкими «россиянами», «великороссами» или даже «москвой».

Важным отличием более поздних вариантов летописи Грабянки является наличие предисловия, объясняющего, для чего была составлена «Летопись...». Предисловия в малороссийских исторических сочинениях того времени – явление довольно обычное. В частности, можно увидеть подобные в Густынской летописи⁴² и «Хронике...»⁴³ Феодосия Софоновича. В обоих случаях в предисловиях указывалось на необходимость знания прошлого своей «отчизны». Грабянка вставил еще один очень важный мотив: «...не точию славенороссийские монархи мужества своего страхом обносили, но и рабы их за отечество собственных государей и за обиду россиян могут и премоцнейших чуждых монарх силам вооружившись противустати»⁴⁴. Автор противопоставил монархов, которым в то время в основном приписывались военные победы, «рабам», т.е. народу (или его части), который самостоятельно может противостоять иноземным завоевателям. Скорее всего, этот пассаж попал в предисловия не случайно. К 1710 г., уже после измены гетмана И.С. Мазепы и Полтавской битвы самостоятельность Малороссии и запорожского казачества в отношении Москвы заметно уменьшилась. По-видимому, Грабянка, входивший в казацкую старшину таким образом напоминал о заслугах казаков перед монархами. Это еще раз подчеркивает, что к тому времени маргинальная, в общем, идея происхождения казаков от хазар стала более актуальной в связи с растущим чувством сословной солидарности среди части казацкой старшины.

Однако не следует преувеличивать значение хазарского этногенетического мифа в формировании «автономистской» идентичности казацкой старшины. Даже сам Грабянка больше соотносит себя с «российским» народом (который, по его мысли, не имеет ничего общего

⁴⁰ Синописис истории казацкой... Л. 44.

⁴¹ Грабянка 1854. С. 120.

⁴² Полное собрание русских летописей. Т. 40. Густынская летопись. СПб., 2003.

⁴³ Софонович 1992.

⁴⁴ Грабянка 1854. С. IV.

с хазарами). В пространном тексте своей «Летописи» Грабянка приводит письмо Богдана Хмельницкому царю Алексею Михайловичу в феврале 1654 г. Язык послания – русский московского извода XVII в., а текст практически полностью совпадает со списком письма, который сохранился в архивах Малороссийского приказа⁴⁵, но этническая терминология не совпадает. Если в списке из московского архива Богдан Хмельницкий называет население украинских земель «миром православным российским»⁴⁶, что совпадает с тем, как он называл подконтрольное ему население в других многочисленных посланиях, то Грабянка использует более понятный, современный ему термин «единоплеменные россияне»⁴⁷. В более ранних работах мы уже делали вывод о том, что под «единоплеменным» малороссийские книжники XVII в. подразумевали общее происхождение⁴⁸. Богдан Хмельницкий не употреблял его потому, что, хоть он и был уже на тот момент «изобретен», но оставался слишком «книжным» и редко использовался даже внутри образованных кругов Гетманщины. Грабянка называет «россиянами» ратников Дмитрия Донского, московских монархов и, что характерно, «российским сыном» назван Богдан Хмельницкий.

Первый список летописи Грабянки по своей этнической терминологии более напоминает Летопись Самовидца и Летописец Дворецких, т.е. тексты более ранних произведений. Таким образом, сам текст «Летописи...» отражает тот уровень этнических представлений, который господствовал тогда в среде образованной части малороссийского общества и находился еще на стадии становления, но более всего тяготел к «общерусской» модели. В этом отношении этногенетическая легенда, сочиненная ранее в среде киевского духовенства, при всей ее неустойчивости, свойственной периоду становления, была более понятна грамотной части украинского общества.

Этногенетическая легенда происхождения казаков от хазар своими истоками уходит в польский сарматизм, напоминает его и по форме, и по идейному содержанию, но, безусловно, не является его аналогом. Характерное, что в таком знаковом и даже несколько одиозном источнике как «История Русов», составленная на рубеже XVIII–XIX вв. в среде автономистски настроенной по отношению к Российской империи части малороссийского дворянства, также упоминается о хазарах. Вот этот фрагмент: «...козарами [называли] всех таковых, которые езживали верхом на конях и верблюдах и чинили набеги; а сие название

⁴⁵ РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 1. Ед. хр. 4. Л. 44 – 54. (Текст был опубликован в сб. Воссоединение Украины с Россией Т. 3. С. 547-550).

⁴⁶ Воссоединение Украины с Россией. С. 548.

⁴⁷ Грабянка 1854. С. 124.

⁴⁸ Степанов 2013. С. 86.

получили наконец и все воины славянские, избранные из их же пород для войны и обороны отечества... воины сии... переименованы от царя греческого Константина Мономаха из козар козаками и таковое название навсегда уже у них осталось...»⁴⁹ Неизвестный автор Истории Русов вообще не считал хазар отдельным народом, называя так только часть славян, которые вели полукочевой образ жизни. Вполне можно предположить, что такой, лишенный любой этничности взгляд на происхождение названия казаков отражает амбивалентность представлений украинских историков XVIII в. относительно хазарской легенды. Дмитрий Ростовский и автор «Летописи Самовидца» говорили о том, что казаки обязаны хазарам лишь названием, в то время как Г. Грабянка «сделал» хазар предками казаков. Так или иначе, о сложившейся хазарской этногенетической легенде пока что мы говорить не можем.

Единственным документом, в котором хазарская легенда была использована в политическом контексте остается только т.н. «Конституция», составленная в 1710 г. уже после избрания ее автора, Филиппа Орлика гетманом в противовес поставленному Петром I И. Скоропадскому. Этот документ оговаривал систему взаимоотношений гетманской власти, старшинской рады и населения украинских земель. Документ ограничивал власть гетмана Генеральной радой, в которую должны были входить выборные представители от всех полков и Запорожья. Все важнейшие решения гетман должен был принимать в согласии с Генеральной радой и не имел права действовать без её одобрения. Конституция выражала интересы казачьей старшины и стала в определенном смысле итогом многолетней политической борьбы малороссийской элиты против сильной гетманской власти (включая Мазепу). Разумеется, упоминание о хазарах, славном и воинственном народе, как о предках казаков (читай – казачьей старшины) было очень уместным. Девальвация «общерусского» этноисторического проекта и превознесение возможности избавиться от «московского ига» (при помощи шведского подданства) взамен идеологии воссоединения отвечала тем интенциям, которые преобладали в окружении Орлика. По мнению украинского исследователя В.П. Кононенко, «согласно этой версии истории, украинско-российских связей в давние времена не существовало. Казачко-московские отношения возникли только в связи с тяжелой войной с поляками... новые протекторы оказались неблагодарными за военные услуги и начали набрасывать ярмо еще сильнее, чем польское...»⁵⁰ В связи с этим, по мысли составителя «Конституции», договор, заключенный еще Б. Хмельницким по результатам Переяславской рады терял силу.

⁴⁹ История руссов или Малой России. С. 2.

⁵⁰ Кононенко 2016. С. 60.

Согласно тексту Орлика, казаки – это отдельный народ, «прежде сего именованный козарский», известный своей «славой несмертельной» и «отвагами рыцарскими». Упоминается сюжет о браке византийского императора Константина V с дочерью хазарского кагана Вирхора, заимствованный из более ранних источников. Все это приведено в контексте первого тезиса Конституции о том, что Бог возвышает, смиряет, порабощает и освобождает народы. Общий абрис легенды о хазарах как раз подходит под эту идею.

Пожалуй, в «Конституции» наша легенда получила наиболее юридически последовательное воплощение. Однако, кажется, необходимо подвергнуть сомнению тезис, согласно которому «целью» хазарского мифа было именно разрушение «общерусской» конструкции и генетическое отделение населения Малороссии от великороссиян. В таком случае мы должны предположить, что авторы произведений, в которых содержалась хазарская легенда были скептически настроены по отношению к царской (императорской власти). Этого с точностью нельзя говорить о митрополите Дмитрие Ростовском и, с большой долей вероятности, об авторе «Летописи Самовидца» и Григории Грабянке. Хазарская концепция не возникла как манифест автономии от «общерусского» проекта, хотя и в дальнейшем была использована Орликом в качестве преамбулы к его Конституции.

Хазарский миф, конечно же, не выдерживал никакой критики со стороны научного подхода, все более укоренявшегося в образованных кругах Российской империи в XVIII в. Так, например, в 1785 г. историк А.И. Ригельман писал в своем «Летописном повествовании о Малой России»: «описание разных авторов и из самих их писателей и мнимых сказаний, нашлось, что они все происхождение свое возимели в российских местах от самых древних славян, а не от иного народа, как они повествуют о себе. Тем паче доказательно, что они и сами между собою объявляют несогласно, каждые о себе мнят разного рода и происхождения быть...»⁵¹.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Артамонов В.А. Кочегаров К.А., Курукин И.В. Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708 г. Образы и трагедия гетмана Мазепы. СПб., 2009.
- Бовгира А.М. «Літопис Грабянки»: Питання першоснови // Український історичний журнал. 2003. № 4. С. 8-82.
- Бовгира А.М. Козацьке історіописання в рукописній традиції XVIII ст. К., 2010.
- Воссоединение Украины с Россией. М., 1954. Т. 3.
- Грабянка Г. Летопись. Действия презельной и от начала поляков кравашой небывалой брани Богдана Хмельницкого, гетмана запорожского, с поляки... Киев, 1854.
- Дианова Т.В. Водяные знаки рукописей России XVII в. М., 1980.
- Дмитриев М.В. Этнонациональные отношения русских и украинцев в свете новейших исследований // Вопросы истории. 2002. № 2.

⁵¹ Ригельман 1847. С. 2.

- Дмитриев М.В. Киево-Могиланская академия и этнизация исторической памяти восточных славян (Иннокентий Гизель и Феодосий Софонович) // Київська Академія. Вып. 2-3. Киев, Киево-Могиланская академия, 2006. С. 14-31.
- Жиленко І.В. Синопис Київський. Киев, 2002.
- История руссов или Малой России. М., 1846.
- Карнаухов Д.В. История русских земель в польской хронографии конца XV - начала XVII в. Новосибирск, 2009.
- Кононенко В.П. Казацко-московские отношения в оригинале текста «Договоров и постановлений» 1710. // Исторический вестник. Т. 16. М., 2016.
- Летопись Самовидца о войнах Богдана Хмельницкого. М., 1846.
- Липинський В. Україна на переломі. Філадельфія, 1991. Т. 1–2.
- Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000.
- Мицик Ю.А. Перший український історико-політичний трактат // Український історичний журнал. 1991. № 5.
- Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, прототипотезы XVI – начала XVIII в. СПб., 1996.
- Неменский О.Б. История Руси в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кревзы // Україна та Росія: проблеми політичних і соціокультурних відносин. Зб. наук. праць. Київ, 2003. С. 409-434.
- Неменский О.Б. Воображаемые сообщества в «Палинодии» Захарии Копыстенского и «Обороне унии» Льва Кревзы // Белоруссия и Украина: История и культура. Ежегодник, 2005. М., 2006. С. 180-191.
- Неменский О.Б. «Русское» и «русскость» в культуре Речи Посполитой конца XVI – первой половины XVII вв. (по материалам полемиических сочинений) // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – Новое время / Под ред. М.В. Дмитриева. М.: Индрик, 2008 (а). С. 137-162.
- Неменский О.Б. Об этноконфессиональном самосознании православного и униатского населения Речи Посполитой после Брестской унии // Между Москвой, Варшавой и Киевом. Сб. ст. под ред. О.Б. Неменского. М., 2008 (б). С. 105-113.
- Плохий С.Н. «Национализация» украинского казачества в XVII–XVIII вв. // Ab Imperio. 2004 (2).
- Плохий С. Налівайкова віра: козацтво та релігія в ранньомодерній Україні. Київ. 2006.
- Полное собрание русских летописей. Т. 40. Густынская летопись. СПб., 2003.
- Ригельман А.И. Летописное повествование о Малой России. М., 1847.
- Софонович Ф. Хронікат з літописців стародавніх. Київ, 1992.
- Степанов Д.Ю. К вопросу о восточнохристианских традициях в формировании протонациональной идентичности украинской интеллектуальной элиты // Исторический вестник. М., 2016. Т. 16 (163).
- Степанов Д.Ю. Протонациональное самосознание украинской элиты кон. XVII – нач. XVIII вв.: идеальные истоки и политические факторы формирования казацкого автономизма // Взаимодействия и конфликты на конфессионально и этнически смешанных территориях Центральной и Восточной Европы. 1517–1918. СПб., 2016.
- Степанов Д.Ю. «Русское», «малороссийское» и «московское» в представлениях элиты Гетманщины в 50-е – 60-е гг. XVII в. // Славяноведение. 2012. № 4.
- Степанов Д.Ю. Этногенетический миф в формировании этнических представлений московской элиты в последней четверти XVII–XVIII в. // Русский Сборник. М., 2013. Т. 14. С. 79-95.
- Таирова-Яковлева Т.Г. «Отечество» в представлениях украинской казацкой старшины конца XVII – начала XVIII в. // URL: http://krotov.info/libr_min/28_ya/ko/vleva_t2.htm
- Тишков В.А. Реквием по этносу. М., 2003.
- Флоря Б.Н. Древнерусские традиции и борьба восточных славян за объединение. // Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства / В.Т. Пашуто, Б. Н. Флоря, А.Л. Хорошкевич М., Наука, 1982.

- Флоря Б.Н. Исторические судьбы Руси и этническое самосознание восточных славян в XII–XV вв. // *Славяноведение*. 1993. № 2. С. 221–268.
- Флоря Б.Н. Отражение религиозных конфликтов между противниками и приверженцами унии в “массовом сознании” простого населения Украины и Белоруссии в первой половине XVII в. // Дмитриев М.В., Заборовский Л.В., Турилов А.А., Флоря Б.Н. Брестская уния 1596 г. и общественно-политическая борьба на Украине и в Белоруссии в конце XVI – начале XVII в. Часть II. Брестская уния 1596 г. Исторические последствия события. М., 1999. С. 151–174.
- Флоря Б.Н. «Русский народ» в RP и представления о нем в сознании социальных низов украинского общества первой половины 17 века (по материалам расспросных речей) – *Славяноведение*. Вып. 74 (1-2). М.: Наука, 2013. С. 160–191.
- Яковенко Н. Українська шляхта з кінця XIV – до середини XVII століття. Волинь і центральна Україна. Київ, 2008.
- Яковлева Т.Г. Гетьманщина в другій половині 50-х років XVII століття. Причини і початок Руїни. Київ, 1998.
- Plokhy S. *The Origins of the Slavic Nations. Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus*. Cambridge Univ. Press, 2006.

REFERENCES

- Artamonov V.A., Kochegarov K.A., Kurukin I.V. *Vtorzhenie shvedskoj armii na Getmanschinu v 1708 g. Obrazy i tragediya getmana Mazepy*. SPb., 2009.
- Bovgiryra A.M. *Kozac'ke istoriopisannya v rukopisnij tradicij XVIII st. K.*, 2010.
- Bovgiryra A.M. «Litopis Grabyanki»: Pitannya pershosnovi // *Ukrains'kij istorichnij zhurnal*. 2003. № 4. S. 8–82.
- Dianova T.V. *Vodyanye znaki rukopisej Rossii XVII v. M.*, 1980.
- Dmitriev M.V. *Etnonacional'nye otnosheniya russkikh i ukraincev v svete novejsih issledovanij // Voprosy istorii*. 2002. № 2.
- Dmitriev M.V. *Kievo-Mogilyanskaya akademiya i etnicizaciya istoricheskoy pamyati vostochnyh slavyan (Innokentij Gizel' i Feodosij Sofonovich) // Kiiv's'ka Aka-demiya*. Vyp. 2-3. Kiev, Kievo-Mogilyanskaya akademiya, 2006. S. 14–31.
- Florya B.N. *Drevnerusskoe nasledie i istoricheskie sud'by vostochnogo slavyanstva / V.T. Pashuto, B. N. Florya, A.L. Horoshkevich M.*, Nauka, 1982;
- Florya B.N. *Istoricheskie sud'by Rusi i etnicheskoe samosoznanie vostochnyh slavyan v XII–XV vv. // Slavyanovedenie*. 1993. № 2. S. 221–268.
- Florya B.N. *Otazhenie religioznyh konfliktov mezhdru protivnikami i priverzhenkami unii v “massovom soznanii” prostogo naseleniya Ukrainy i Belorussii v pervoj polovine XVII v. // Dmitriev M.V., Zaborovskij L.V., Turilov A.A., Florya B.N. Brestskaya uniya 1596 g. i obshchestvenno-politicheskaya bor'ba na Ukraine i v Belorussii v konce XVI – nachale XVII v. Chast' II. Brestskaya uniya 1596 g. Istoricheskie posledstviya sobytiya*. M., 1999. S. 151–174.
- Florya B.N. «Russkij narod» v RP i predstavleniya o nem v soznanii social'nyh nizov ukrainskogo obshchestva pervoj poloviny 17 veka (po materialam rassprosnih rechej) – *Slavyanovedenie*. Vyp. 74(1-2). M.: Nauka, 2013. S. 160–191.
- Karnauhov D.V. *Istoriya russkikh zemel' v pol'skoj hronografii konca XV – nachala XVII v. Novosibirsk*, 2009.
- Kononenko V.P. *Kazacko-moskovskie otnosheniya v originale teksta «Dogovorov i postanovlenij» 1710. // Istoricheskij vestnik*. T. 16. M., 2016.
- Lipins'kij V. *Ukraina na perelomi*. Filadel'fiya, 1991. T. 1–2.
- Micik Yu.A. *Pershij ukrains'kij istoriko-politichnij traktat // Ukrains'kij istorichnij zhurnal*. 1991. № 5.
- Miller A.I. «Ukrainskij vopros» v politike vlastej i ruskom obshchestvennom mnenii (vtoraya polovina XIX v.). SPb., 2000.
- Myl'nikov A.S. *Kartina slavyanskogo mira: vzglyad iz Vostochnoj Evropy. Etonogenicheskie legendy, dogadki, protogipotezy XVI – nachala XVIII v.* SPb., 1996.
- Nemenskij O.B. *Voobrazhaemye soobshchestva v «Palinodii» Zaharii Kopystenskogo i «Oborone unii» L'va Krevzy // Belorussiya i Ukraina: Istoriya i kul'tura*. Ezhegodnik, 2005. M., 2006. S. 180–191.

- Nemenskij O.B. Istorija Rusi v «Palinodii» Zaharii Kopystenskogo i «Oborone unii» L'va Krevzy // Ukraïna ta Rosiya: problemi politichnih i sociokul'turnih vidnosin. Zb. nauk. prac'. Kiïv, 2003. S. 409-434.
- Nemenskij O.B. «Russkoe» i «russkost'» v kul'ture Rechi Pospolitoj konca XVI – pervoj poloviny XVII v. (po materialam polemicheskikh sochinenij) // Religioznye i etnicheskie tradicii v formirovanii nacional'nyh identichnostej v Evrope. Srednie veka – Novoe vremya / Pod red. M.V. Dmitrieva. M.: Indrik, 2008. S. 137-162.
- Nemenskij O.B. Ob etnokontsional'nom samosoznanii pravoslavnogo i uniatskogo naseleniya Rechi Pospolitoj posle Brestskoj unii // Mezhdru Moskvoy, Varshavoy i Kievom. Sb. st. pod red. O.B. Nemenskogo. M., 2008. S. 105-113.
- Plohij S.N. “Nacionalizatsiya” ukrainskogo kazachestva v XVII–XVIII vv. // Ab Imperio. 2004 (2).
- Plohij S. Nalivajkova vira: kozactvo ta religiya v rann'omodernnij Ukraïni. Kiïv. 2006.
- Ploky S. The Origins of the Slavnic Nations. Premodern Identities in Russia, Ukraine, and Belarus. Cambridge Univ. Press, 2006.
- Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. 40. Gustynskaya letopis'. SPb., 2003.
- Sofonovich F. Hronikat z litopisciv starodavnih. Kiïv, 1992.
- Stepanov D.Yu. Protonacional'noe samosoznanie ukrainskoj elity kon. XVII – nach. XVIII v.: idejnye istoki i politicheskie faktory formirovaniya kazackogo avtonomizma // Vzaimodejstviya i konflikty na kontsional'no i etnicheski smeshannyh territoriyah Central'noj i Vostochnoj Evropy. 1517–1918. SPb., 2016.
- Stepanov D.Yu. «Russkoe», «malorossijskoe» i «moskovskoe» v predstavleniyah elity Getmanshchiny v 50-e – 60-e gg. XVII v. // Slavyanovedenie. 2012. № 4.
- Stepanov D.Yu. Etnogeneticheskij mif v formirovanii etnicheskikh predstavlenij moskovskoj elity v poslednej chetverti XVII–XVIII v. // Russkij Sbornik. M., 2013. T. 13.
- Stepanov D.Yu. K voprosu o vostochnohristianskikh traditsiyah v formirovanii protonacional'noj identichnosti ukrainskoj intelektual'noj elity // Istoricheskij vestnik. M., 2016. T. 16 (163).
- Tairova-Yakovleva T.G. «Otechestvo» v predstavleniyah ukrainskoj kazackoj starshiny konca XVII – nachala XVIII v. // URL: http://krotov.info/libr_min/28_ya/ko/vleva_t2.htm
- Tishkov V.A. Rekvem po etnosu. M., 2003.
- Vossoedinenie Ukrainy s Rossiej. M., 1954. T. 3.
- Yakovleva T.G. Getmanshchina v drugij poloviny 50-h rokov XVII stolittya. Prichini i pochatok Ruïni. Kiïv, 1998.
- Yakovenko N. Ukraïns'ka shlyahyta z kincyа XIV – do serediny XVII stolittya. Volin' i central'na Ukraïna. Kiïv, 2008.
- Zhilenko I.V. Sinopsis Kiïvs'kij. Kiev, 2002.

Степанов Дмитрий Юрьевич, кандидат исторических наук, stepanovdmitrij@mail.ru

“The Khazar myth” in the system of representations of the Cossack military elite in the late 17th -early 18th c.

This article explores the formation of ethnic identity of the Cossack military elite in the late 17th early 18th c. The main problem of this research is the formation of the Ukrainian Cossack origin's legend from Khazars, or “The Khazar myth”.

Keywords: Khazar legend, Ukraine, Cossack military elite

Dmitry Stepanov, PhD (History); stepanovdmitrij@mail.ru

К. Н. ЦИМБАЕВ

ИСТОКИ ЮБИЛЕЙНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ

Давняя особенность социокультурной жизни России - празднование знаменательных дат ради их особой функциональной нагрузки: с помощью массовых торжеств организаторы стремились решать актуальные политические проблемы. Важным средством воздействия на коллективное сознание традиционно являются юбилеи: через "правильную" трактовку прошлого можно влиять на будущее. Подобная историко-идеологическая мобилизация ярко проявилась в начале XX в., когда правительство искало средства для объединения общества. Былые успехи и великие победы должны были заново легитимировать существующую власть. Но истоки такой культурной политики восходят уже к началу XIX в.

Ключевые слова: история России начала XIX в., юбилейная культура, столетие Санкт-Петербурга, исторические юбилеи, внутренняя политика России XIX в.

Стремление улучшить прошлое, а точнее – путем его правильной трактовки решать актуально-политические задачи и, тем самым, – изменять будущее – феномен в высшей степени распространенный, особенно в случае властного дискурса. Одним из важных средств воздействия на сознание общества, пропаганды исторической легитимности верховной власти являлись век назад и остаются до сих пор исторические юбилеи: в отличие от других общественных актов они заставляют выстраивать историческую перспективу, позволяют сформировать новые представления об историческом прошлом и перспективах развития в будущем. С помощью юбилейных торжеств их устроители небезосновательно рассчитывают охватить наибольшую аудиторию.

На рубеже XIX-XX вв. политическая и общественная жизнь страны на протяжении долгого ряда лет проходила под знаком постоянных юбилейных празднований. Но впервые осознанная попытка найти с помощью массовых торжеств пути решения актуальных политических проблем была предпринята существенно раньше. Празднование знаменательных дат не ради собственно праздника, а ради их особой функциональной нагрузки – одна из давних особенностей социокультурной жизни России. В качестве характерного примера можно назвать столетие основания Санкт-Петербурга, торжественно отмечавшееся в 1803 г. Оно стало первым подобным событием в длинной череде юбилеев новой российской истории и знаменовало собой наступление XIX века не только в политике и общественной жизни, но и в праздничной культуре.

Столетие Санкт-Петербурга отмечалось 16 мая 1803 г., в день, когда Петром I была заложена крепость. Согласно официальной трактовке потомков сто лет спустя инициатором юбилея выступил сам импера-

тор Александр I¹. О предстоящем праздновании было заранее объявлено по городу – специальные афишки были особо напечатаны и разосланы по всем одиннадцати частям столицы. В качестве «предвестника» грядущего праздника рядом с памятником Петру I на линейном корабле на Неве был выставлен голландский ботик – один из кораблей, претендующих на звание «дедушки русского флота». По принятой в 1803 г. версии, ботик «Орел» был построен Алексеем Михайловичем в 1668 г. в Москве и вдохновил юного Петра на создание собственного флота. Другой объект, использовавшийся и в 1803 г. – балкон здания Сената, на котором Екатерина II присутствовала 7 августа 1782 г. при открытии памятника Петру I и который в ходе юбилея был специально оборудован для присутствия высочайшей фамилии и украшен алым бархатным покрывалом с богатой золотой бахромой.

Главным действием юбилейного торжества являлась церковная служба. Для ее проведения была назначена² церковь Святого Исаакия. Неразрывность церковной и военной составляющей праздника символизировала вовлеченность военных в религиозный церемониал. Церковь была окружена кадетами морского и инженерного корпусов, кадеты 1-го корпуса стояли вдоль набережной между центральными мостами, Невским и Исаакиевским. Три главные полка лейб-гвардии были построены в три шеренги по всему пути предстоящей основной праздничной процессии от Дворцовой до Исаакиевской площади. Главная процессия первой половины дня состояла из пятнадцати золоченых карет, влекомых сотней лошадей, в которых следовала в церковь императорская фамилия в сопровождении камергеров, статс-дам и фрейлин. Другую процессию составляли сенаторы, шествовавшие из здания Сената совместно с военным и статским генералитетом и министрами многих европейских государств.

На основной церковной службе юбилея – торжественной литургии в Исаакиевской церкви – присутствовали помимо царской семьи и высших сановников только приглашенные зрители: дворянство, духовенство и купечество. Специальный отряд бекета сухопутного Шляхетского Кадетского корпуса сдерживал в парадных церковных дверях натиск прочих недопущенных желающих. К 9 часам утра в церкви должны были собраться члены Святейшего Синода, персоны первых четырех классов, иностранных министры и именитое купечество. К 11 часам из Эрмитажа прибыли с музыкой и барабанным боем высочайшие особы и придворный штат. Служба протекала параллельно с военными церемониями: перед окончанием молебна, при возглашении многолетия были

¹ Половцов А.В. Празднование столетнего юбилея Санкт-Петербурга 16 мая 1803 года, см.: Сеселкина 2003.

² Срезневский 1903. С. 375.

произведены многократные выстрелы из крепостных и корабельных орудий, а также ружейные и пистолетные залпы, которые по отзыву очевидцев были слышны по всей Ингерманландии.

После окончания службы состоялся военный парад. Императорская фамилия и генералитет лицезрели его с сенатского балкона. Для прочих почетных зрителей, в том числе и дам, были построены отдельные трибуны на валу Адмиралтейства, с видом на площадь, памятник Петру I и Сенат. Этими зрителями были те же персоны и иностранные министры, что присутствовали на церковной службе, приглашенные особыми повестками занять заранее назначенные места. Простой народ также имел возможность наблюдать за праздником – окрестные улицы, площади и мосты были заполнены людьми, как горожанами среднего достатка, так и «чернью»³. Принимал парад сам император. Александр, проехав мимо выстроившихся полков, остановился возле памятника своему великому предку, отсалютовал ему шпагой и оставался возле него, принимая почести от проходивших войск. В это же время вокруг памятника Петру I ездил на лошади седовласый старец, лично знавший первого российского императора.⁴ Военный парад, включавший в себя и пеший, и конный строй, продолжался 80 минут. Во главе его ехали великий князь Константин Павлович, герцог Ольденбургский и высший генералитет. За ними следовали наиболее известные лейб-гвардейские полки – Преображенский и Семеновский; далее, по неписаному ранжиру, Измайловский и Гренадерский, а затем Павловский, Литовский и Тенгинский полки. После пеших полков ехали самые почетные кавалерийские полки – Кавалергардский и Лейб-конный, и замыкали процессию лейб-гусары и лейб-казаки. Парад официально именовался не в честь города, а в «почесть покойного императора Петра Великого», именно поэтому войска проходили мимо его памятника, с музыкой, барабанным боем, преклоняя перед ним знамена и штандарты.

По завершении парада на т.н. градской башне высотой свыше 40 м был зажжен огромный факел, свет которого, вкупе с иллюминацией вокруг памятника Петру I позволил продолжать празднество и в ночное

³ Одна из немногих отличительных черт юбилея 1803 г. В дальнейшем участие простого народа в официальных юбилейных церемониях становится все более и более незначительным.

⁴ Из-за отсутствия соответствующих архивных материалов невозможно доподлинно судить об истинности возраста и личного знакомства с Петром Великим «украшенного сединами старца». Однако судя по его способности к продолжительной езде на лошади аутентичность этого ветерана представляется весьма сомнительной – что, конечно, не помешало впоследствии укорениться традиции, согласно которой организаторы торжеств стремились «найти» участников или очевидцев празднуемых событий, в том числе и столетней давности: ср., например, факт участия «ветеранов и очевидцев» Отечественной войны 1812 года «в возрасте 110-120 лет» в церемонии празднования 100-летнего юбилея Бородинской битвы в 1912 г.: Tsimbaev 2004.

время. Ботик Петра I, по возрасту превосходивший самого виновника торжества и стоявший на недавно построенном стопушечном корабле также был богато украшен и иллюминирован. На его фоне был дан и военно-морской парад: многочисленные корабли и шлюпки совершали продолжительные маневры по Неве в виду городского центра.

После окончания церемоний в Зимнем дворце Александра I ждали представители петербургского купечества. На серебряном с позолотой блюде они преподнесли императору и императрице выбитые по случаю торжества золотые медали с изображением Петра Великого, различными другими символическими знаками, надписью «от благодарного потомства» и с юбилейными датами Санкт-Петербурга.

Отдельной составляющей юбилейного праздника была иллюминация. Ее инициатором, так же, как и всего юбилея в целом, был сам Александр I. Император предписал иллюминировать к празднествам сады, дворцы и казенные дома, потребовав от подрядчиков, чтобы «плошки были налиты хорошим салом и горели более четырех часов». Император пожелал также, чтобы к праздничному освещению города были привлечены и сами жители, отдельно оговорив, чтобы не делалось при этом «никакого принуждения». Насколько точно было исполнено именно это пожелание прекрасно знавшего российские реалии императора, установить доподлинно уже едва ли возможно. Однако прочие его указания были выполнены безукоризненно. Иллюминация была устроена в заключение всех торжеств, начиная с вечера и далеко за полночь. Корабли на реке, Петропавловская и Адмиралтейская крепости, Летний дворец Петра I и его Путевой дворец на Петербургской стороне, памятник Фальконе были освещены разноцветными огнями; на главных водных воротах Адмиралтейства, выходящих на Неву, сверкали горящие венки, а на окружавших его валах – полумесяцы и квадраты. Во многих местах города были установлены огромные иллюминационные щиты с горящим вензелем Петра Великого. На каменных столбах решетки Летнего сада горели факелы, сама решетка и аллеи сада также были богато иллюминированы. При многих казенных и частных домах светились живописные аллегорические картины. Одновременно с этим в Летнем саду играл императорский оркестр, и сад, в который тысячами стекалась избранная публика, был центром своего рода народных гуляний высших слоев общества. Теоретически в Летний сад допускались лица всех сословий, однако народ «разного состояния» наполнял в большей мере набережную Невы, от Зимнего дворца до Литейного двора. Увеселений для низших слоев, кроме возможности поглазеть на дневные парадные процессии, предусмотрено не было.

Помимо собственно юбилейных торжеств к столетию Петербурга были совершены и различные действия, выходящие за рамки церемониала. Так, ради народных гуляний по указу Александра I к Летнему саду

был перенесен для удобства публики наплавной мост, стоявший ранее на окраине центра, напротив Воскресенского проспекта. Как в сам юбилейный день, так и в следующие два дня, во всех церквях города производился колокольный звон. По предложению матери Александра I, вдовствующей императрицы Марии Федоровны, и по его высочайшему указу в ознаменование столетия Санкт-Петербурга была учреждена больница для бедных – Мариинская больница, первая общегражданская больница столицы. Будущий сенатор и действительный член Российской Академии Д.О. Баранов, которого декабристы прочили в министры Временного правительства, выпустил к юбилею отдельным изданием «Стихи на истекшее столетие от построения Санкт-Петербурга 1803 года мая 16 дня»⁵. Немало было и других событий, явлений и деяний, совершенных как частыми лицами, так и государственными или общественными институтами и приуроченных к юбилею.

Таким образом, уже в самом начале новой истории российских юбилеев явственно проступали характерные черты, общие для большинства будущих официальных государственных юбилеев.

Инициатором самого факта празднования выступала верховная власть; она же выбирала события, подлежащие быть отпразднованными. В 1803 г. инициатива исходила, возможно, от самого императора; в таком случае это объясняется недостаточной институционализированностью интеллектуальной бюрократии. По мере ее развития она все в большей степени брала на себя роль инспиратора; в любом случае эта функция оставалась в руках политической и бюрократической элиты. Это стало характерной особенностью юбилейной культуры России на протяжении уже более чем двухвековой ее истории. В первые либеральные годы правления Александра I, когда в политике шел поиск путей кардинальных реформ, а в общественная жизнь была проникнута стремлением забыть жестко регламентированное время Павла I; в последние годы царствования Николая II, прошедшие под знаком попыток сохранить существующий общественный порядок и противостоять любым политическим реформам; в самые различные периоды советской истории, и в самые тоталитарные, и в более либеральные; в постсоветской демократической России – постоянно сохраняется предписанность и расписанность сверху праздничной культуры. Уже в 1803 г. центральное место юбилея было именно «назначено». Тот факт, что ни Петропавловская крепость, ни Смольный собор даже не рассматривались, а «места

⁵ Через месяц после юбилея Баранов назначается «за обер-прокурорский стол» в 3-й департамент Сената, при этом службу он начал всего за два года до этого и был экзекутором 1-го департамента. В дальнейшем быстрое продвижение по служебной лестнице для организаторов и активных участников крупных государственных юбилеев становится нормой.

памяти» директивно назначались, наглядно характеризует начало российской юбилейной традиции, которая продолжается по сей день. На протяжении уже более чем двух столетий общественность, «общество», не говоря уж о «простом народе», не участвует ни в подготовке юбилея, ни в его проведении (подчас даже и в роли зрителя), ни в обсуждении способов отмечания юбилея и даже самого его факта. В отличие от юбилеев во многих других странах в различные эпохи, в т.ч. те, что отмечались в масштабах всей страны – как, например, столетие «Битвы народов» в Германии в 1913 г., задуманное, инициированное и проведенное широкими кругами буржуазной общественности, в России всегда важные исторические «круглые» даты назначались (и назначаются), способы и места проведения утверждались, речи визировались, зрители набирались по составленным спискам и приглашались повестками и т.д.

Подготовка и проведение юбилея возлагалась властью на государственные инстанции. Неправительственные, общественные организации, научные, художественные, профессиональные, как и «общество» в целом к организации не допускались и привлекались лишь в качестве исполнителей расписанных государством распоряжений, а также в качестве зрителей – в строго установленных сверху пределах.

В 1803 г. эта тенденция проявилась в зачаточном состоянии, в дальнейшем она становилась все отчетливее, к концу XIX в. достигла своего логического завершения и превратилась в начале века XXI в почти гротескную пародию на самоё себя, когда власть устраивает юбилей исключительно для себя и внутри себя, не позволяя обществу и «народу» стать хотя бы зрителями и свидетелями происходящего и допуская лишь рассказ в средствах массовой информации о праздниках в честь «самых значимых событий» российской истории⁶. Непосредственные участники юбилейных торжеств и те зрители, что были действительно приближены к событию, заранее отбирались организаторами, списки утверждались, роли директивно расписывались. Ни о каком добровольном участии в празднике не было и речи. С другой стороны, отнюдь не все желающие могли получить доступ к юбилейным церемониям. Чем дальше развивалась традиция юбилеямания, тем резче становился контраст, совершенно не воспринимавшийся организаторами,

⁶ В качестве одного из множества примеров можно привести 100-летний юбилей российского парламентаризма, который отмечался 3 марта 2006 г. Участникам научно-практической конференции в честь юбилея было послано президентское приветствие, в котором говорилось, что это мероприятие «посвящено одному из значимых событий в российской истории». При этом конференция и сопутствующие торжества проходила в Центризбиркоме при участии высших политических, парламентских и юридических чиновников и при полном отсутствии возможности доступа на мероприятие даже самой узкой общественности. Ср.: Хамраев 2006.

между обязательностью присутствия и участия для «избранных» и невозможностью этого для всех остальных⁷.

Основными и обычно практически единственными видами праздничных мероприятий являлись церковные и военные церемонии: различные религиозные службы, церковные процессии и военные парады. Сплошь и рядом они шли фактически рука об руку, перетекали друг в друга, и в любом случае были согласованы по времени, составу участников и церемониалу.

Юбилейный церемониал активно эксплуатирует самые различные «места памяти», причем как реальные, так и сомнительной достоверности или даже выдуманные. Предметы, картины, здания и любого рода сооружения, оружие, корабли – подлинные или мнимые участники событий (много)вековой давности становятся неперенными участниками событий юбилейного празднования. Особое предпочтение отдается иконам и воинским знаменам. В обязательном порядке в церемониал включаются церкви и часовни, причем и старые, и новые, построенные специально к юбилею, а также памятники участникам и героям празднуемого события. Кроме того, организаторы стремятся включить в число участников юбилеев участников юбилейных событий, даже если речь идет о юбилее полувековом или вековом.

⁷ См. документы Церемониальной части Министерства императорского двора, касающиеся юбилейных торжеств – о праздновании 200-летия Полтавской битвы в Полтаве и в Петербурге, 100-летия Бородина в Москве, 300-летия династии Романовых в Костроме, Владимире, Суздале, в Троице-Сергиевой лавре, в Ростове Великом и т.д. Именно Церемониальная часть (при содействии Канцелярии Министерства двора и Гофмаршальской части) была той инстанцией, чиновниками которой прорабатывались окончательные варианты и детали церемоний, ее фонды включают в себя подробные программы пребывания императора и его семьи в различных городах во время высочайших путешествий и разработки маршрутов путешествий – схемы выездов и проездов императорской процессии, списки лиц, приветствовавших царскую семью и приносивших поздравления – по сословиям, профессиям, вероисповеданиям – с обязательным представительством всех основных религиозных течений – православных, иных христианских и нехристианских; распоряжения по дворцовым балам, парадным обедам, завтракам и спектаклям, приглашения и повестки на торжества, списки участвовавших полков, форма одежды военным, гражданским и придворным чинам, положения о вручавшихся юбилейных медалях, решения о приглашении отдельных, особо важных, лиц или групп (например, кавалеров ордена Св. Александра Невского) на торжества и, не в последнюю очередь, подробно расписанные церемониалы празднования всех важнейших юбилеев по дням и даже часам и минутам. Это позволяет не только досконально представить ход каждой церемонии, но и механизмы ритуализации истории – в частности, главенство светских распорядительных властей (дворцово-министерской бюрократии) над церковными и военными: Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 472. Канцелярия Министерства императорского двора; ф. 473. Церемониальная часть; ф. 476. Гофмаршальская часть. См. подробнее: Цимбаев 2005а.

В центре церемониала находится глава государства. Вокруг его фигуры строится основная церковная служба юбилея. Он принимает главный военный парад. Случается, что он встречается с «народом»; он принимает представителей народа – по сословному, профессиональному, религиозному принципу отбора – и получает от них подарки.

Важное место отводится репрезентации вовне. Иностранные представители – желанные, но и обязательные гости и участники торжеств.

Коммерческие круги вынуждены участвовать в празднике, но при этом получают возможность довольно широко использовать его в собственных целях⁸. Способы, которыми власть привлекает коммерсантов – подрядчиков или частные фирмы – варьируются в диапазоне между финансовыми и политико-административными; чаще всего они сочетаются. В случае 100-летнего юбилея Санкт-Петербурга доминируют финансовые, позднее административные методы вовлечения коммерсантов в орбиту официальных юбилеев превалируют над экономическими, что, разумеется, не отменяет получение, в свою очередь, бизнесом прямой и косвенной выгоды от участия в торжествах. Подобную же возможность получают и организаторы юбилея. Судить о том, насколько она использовалась в 1803 г., сложно из-за сравнительно небольшого размаха юбилейных торжеств, а также нехватки соответствующих архивных материалов. В дальнейшем ситуация кардинально меняется⁹.

⁸ Как пример – празднование 100-летия Бородинской битвы: многочисленные юбилейные парфюмерные и винные наборы, шампанское, юбилейный «Русский коньяк», шоколадные наборы, детские настольные игры, посвященные разгрому Наполеона в России и т.д. наглядно передают глубину проникновения коммерциализации юбилея и стремление как организаторов, так и коммерческих деятелей охватить даже не участвующие в общественной и государственной жизни группы населения; также и рекламные плакаты, открытки и публикации периода того или иного юбилея в огромной степени использовали соответствующую тематику и символику, поддерживая и развивая процесс популяризации, и одновременно коммерциализации юбилейной идеи в массах. См., напр.: Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 137. Фонд Военно-исторического музея; ф. 160. Особый комитет по устройству в Москве Музея 1812 г. и коллекция документов музея. См. также: Цимбаев 2005с.

⁹ Так, делопроизводители Комитета для устройства празднования 300-летия царствования дома Романовых получали, помимо обычного содержания по службе в министерстве внутренних дел, к которому они, в основном, были приписаны, до 1-1,5 тысяч руб. в год (при среднем заработке рабочего около 250 руб. в год, а народных учителей порой 50-60 руб. в год); обеспеченные высокопоставленные действительные члены Комитета отсутствие жалования за участие в его работе могли компенсировать, например, частыми командировками (предварительные организационные и инспекционные поездки, участие в самих торжествах, сопровождение императора и т.д.). Деньги на билеты выделяются очень щедро, на ночлег, прогонные, суточные – доходят до ста рублей в день. Кроме того, особый фонд в 10 миллионов рублей, выделяемый каждый год в государственном бюджете на экстренные расхо-

Несколько в стороне от основных торжеств организуются увеселения для простого народа, в форме отдельных развлекательных мероприятий или же просто народных гуляний. Их масштаб может колебаться от практически полного отсутствия до мероприятий достаточного широкого размаха; последнее характерно для более позднего периода. В любом случае устройство праздника для народа является для властей задачей второго плана, которой придается наименьшее значение¹⁰.

На протяжении XIX в. юбилеи в Российской империи отмечались неоднократно. Стратегия государственной власти, организовавшей большинство значимых юбилеев, заключалась в тщательном отборе, а при необходимости – в замалчивании или мемориальном «производстве» фрагментов общественной памяти. Юбилейные торжества становились инструментом внедрения в общественное сознание нужных на данный момент идей и идеологий, а история – моделью трактовки будущего. Практика показала – особенно наглядно в начале XX в. – что подобный односторонний коммуникативный процесс оказывается недееспособным. Тем самым помпезные массовые государственные юбилеи, вместо того, чтобы служить созданию или консолидации общенациональной культуры памяти и коллективного сознания, лишь провоцировали общественный антагонизм.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Архангельский А.* Третья реальность. О способах создания российскими СМИ искусственной реальности // Искусство кино, 2016, № 1. [Arhangel'skij A. Tret'ja real'nost'. O sposobah sozdanija Rossijskimi SMI iskusstvennoj real'nosti // Iskusstvo kino, 2016, № 1.] URL: <http://kinoart.ru/archive/2016/01/tretya-realnos>
- Журавлева А.И., Некрасов В.Н.* «Постмодерн» и третья реальность // XX век и русская литература. Alba Regina Philologiae. Сб. научн. статей к 70-летию Г.А. Белой / Ред. Троицкий Ю.Л. и др. [Zhuravleva A.I., Nekrasov V.N. «Postmodern» i tret'ja real'nost' // XX vek i russkaja literatura. Alba Regina Philologiae. Sb. nauchn. statej k 70-letiju G.A. Beloju / Red. Troickij Ju.L. i dr. S. 282-293.] М., 2002. С. 282-293.
- Сеселкина Л.* И сто, и двести лет назад... О чем рассказывают архивные документы // Муниципальный Вестник (Санкт-Петербург), № 12, май 2003 [Seselkina L. I sto, i dvesti let nazad... O chem rasskazывают arhivnye dokumenty // Municipal'nyj Vestnik (Sankt-Peterburg), № 12, maj 2003]. URL: <http://www.pushkin-town.net/vestnik/62.html>
- Срезневский В.* Празднование столетия Петербурга // Русская Старина, май 1903 [Sreznevskij V. Prazdnovanie stoletija Peterburga // Russkaja Starina, maj 1903, S. 375], С. 375.

ды, не предусмотренные сметами, постоянно находится фактически в неограниченном распоряжении Комитета. Ни один его запрос не остается без удовлетворения; ни одна сумма не подлежит сокращению. На заседаниях Комитета расходы обсуждаются с точностью до копейки; для министерства финансов большинство смет округляются до десятков тысяч. (РГИА. Ф. 1320. Комитет для устройства празднования 300-летия царствования дома Романовых.) См. подробнее: Цимбаев 2005б.

¹⁰ В 1913 г. Комитет для устройства празднования 300-летия, до этого обсуждая в течение нескольких лет вопрос об устройстве широких народных гуляний, приходит к выводу, что необходимая сумма – свыше 340 тысяч рублей – весьма значительна; гуляния было решено отменить. См. также: Цимбаев 2012.

- Хамраев В.* Александр Вешняков отметил столетний юбилей // Коммерсант, № 38, 4.03.2006 [Hamraev V. Aleksandr Veshnjakov otmetil stoletnij jubilej // Kommersant, № 38, 4.03.2006]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/654918>
- Цимбаев К.Н.* Православная церковь и государственные юбилеи императорской России // Отечественная история. 2005. № 6. С. 42-51 [Cimbaev K.N. Pravoslavnaja cerkov' i gosudarstvennye jubilei imperatorskoj Rossii // Otechestvennaja istorija. 2005. № 6. S. 42-51.]. (2005a)
- Цимбаев К.Н.* Реконструкция прошлого и конструирование будущего в России XIX века: опыт использования исторических юбилеев в политических целях // Дмитриев А.Н. (Ред.) Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом. М., 2012, С. 475-498. [Cimbaev K.N. Rekonstrukcija proshlogo i konstruirovanie budushhego v Rossii XIX veka: opyt ispol'zovanija istoricheskikh jubileev v politicheskikh celjah // Dmitriev A.N. (Red.) Istoricheskaja kul'tura imperatorskoj Rossii: formirovanie predstavlenij o proshlom. M., 2012, S. 475-498.]
- Цимбаев К.Н.* Трехсотлетие Дома Романовых: юбилей 1913 года как художественное действо. Пролог // Историк и художник. 2005. № 1 (3). С. 181-195 [Cimbaev K.N. Trehsotletie Doma Romanovyh: jubilej 1913 goda kak hudozhestvennoe dejstvo. Prolog // Istorik i hudozhnik. 2005. № 1 (3). S. 181-195]. (2005b)
- Цимбаев К.Н.* Феномен юбилеямани в российской общественной жизни конца XIX — начала XX вв. // Вопросы истории. 2005. № 11. С. 98-108 [Cimbaev K.N. Fenomen jubileemanii v rossijskoj obshhestvennoj zhizni konca XIX — nachala XX vv. // Voprosy istorii. 2005. № 11. S. 98-108.]. (2005c)
- Tsimbaev K.* «Jubiläumsfieber»: Kriegserfahrung in den Erinnerungsfeiern in Russland vom Ende des 19. bis Anfang des 20. Jahrhunderts // Melville G., Rehberg K.-S. (Hgg.), Gründungsmythen. Genealogien. Memorialzeichen. Beiträge zur institutionellen Konstruktion von Kontinuität, Köln-Weimar-Wien, 2004. S. 75-107.

Цимбаев Константин Николаевич, кандидат исторических наук, доцент МУНЦ Высшая школа европейских культур факультета культурологии Российского государственного гуманитарного университета; tsimbaev@gmail.com

The Origins of Jubilee Culture in the Russian Empire

A long-standing peculiarity of the Russian sociocultural life is to celebrate important dates in order to obtain a certain result: large-scale festivities were used as a way of solving current political problems. Jubilees have traditionally been considered as an effective technique to affect the collective consciousness: the future can be influenced through the “correct” representation of the past. A political ideological mobilization of that kind can be observed in the early 20th c., when the government was searching for means to unite the society. Former achievements and great victories had to legitimize the current-day regime. But the origin of that cultural politics dates back as early as the beginning of the 19th c.

Keywords: Russian jubilee culture, Russian history in the early 19th century, centenary of St. Petersburg, historical jubilees, Russian domestic policy of the 19th century

Konstantin Tsimbaev, Ph D. in History, Associate Professor, Higher School for European Cultures, Russian State University for the Humanities; tsimbaev@gmail.com

М. В. ЛЕСКИНЕН

«СТАНЕМ ЖЕ ФИННАМИ...»: РЕЦЕПТ СОЗДАНИЯ ФИНСКОЙ НАЦИИ ДЛЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ВЕСНЫ НАРОДОВ

Статья посвящена истории праздника студентов Александровского университета в Гельсингфорсе в год Весны народов. День Флоры 13 мая 1848 года стал важным событием на пути формирования финской нации, ее символических воплощений (гимн, флаг, имя) и национальной идентичности финнов. Рассмотрены задачи организаторов праздника – университетских преподавателей-фенноманов, шведов по происхождению и языку, провозглашенных позднее отцами-основателями финской нации.

Ключевые слова: *Великое Княжество Финляндское, национальные символы Финляндии, праздник День Флоры 13 мая 1848 г., Фр. Сигнеус, Й.Л. Рунеберг, С. Топелиус*

В 2017–2018 гг. в Финляндии отмечалось несколько юбилеев, связанных с основными вехами формирования финской нации и государства. Самой значительной датой было столетие независимости Финляндии (2017), однако на эти годы пришлось юбилеи и других важных событий на пути обретения государственности и складывания национальной идентичности финского народа / нации. Среди них – даты, связанные с биографиями крупнейших деятелей национального движения. 2017 – год 140-летия со дня смерти национального поэта Финляндии Йохана Людвика Рунеберга (1804–1877) и 210-летия со дня рождения одного из лидеров фенноманского движения Фредерика Сигнеуса (1807–1881); в 2018 г. праздновали 200-летие со дня рождения историка и писателя, поэта и общественного деятеля Сакари Топелиуса (1818–1878). В мае 2018 г. отмечалась еще одна важная дата истории финляндской независимости, напрямую связанная с судьбами и Рунеберга, и Сигнеуса, и Топелиуса – 170-летие студенческого Праздника День Флоры (1848) в Хельсинки, о котором и пойдет речь в статье.

История этого весеннего праздника 13 мая (именуемого *Flooganpäivä* с 1890-х гг. и *Kukanpäivä* с 1929 г.) известна всем гражданам Финляндии со школьной скамьи. Праздник Флоры существует 170 лет, но дата его проведения менялась. Начиная с 1920-х гг., он отмечается как *Varpu-päivä* (Вальпургиев день) – в ночь с 30 апреля на 1 мая. 1 мая стало официальной датой ежегодного национального праздника студентов и рабочей солидарности. Сегодня праздник связан скорее с идеей права на образование, значительная часть населения отмечает его каждый год. Из праздника студентов Хельсинкского университета он сначала стал днем всех выпускников лицеев – потенциальных абитуриентов (раньше вступительные экзамены не сдавались, так что все окончившие лицей могли стать студентами), а затем и национальным праздником, Днем

студенчества, который объединяет людей разных поколений – и юных выпускников лицеев, и учащихся студентов, и всех выпускников университетов. В этот день они надевают белые фуражки с черным лаковым козырьком, которые выдаются на выпускном акте вместе с аттестатом. С 1870-х гг. такая фуражка стала неизменным атрибутом студенческой летней формы.

День Флоры в Финляндии с давних времен был праздником студенческих корпораций-землячеств единственного университета (вплоть до обретения государственной независимости) Финляндии, но с исторического дня 13 мая 1848 г. обрел кардинально новое содержание и изменил принятые ранее формы проведения. В начале мая студенты университета¹ отмечали приход весны, в соответствии с традицией, сложившейся еще во времена Средневековья. Праздник восходит к античным флоралиям и древним дохристианским праздникам прихода весны. Вальпургиева ночь и обряд Майского дерева также относятся к этому периоду цикла весенних календарных праздников. В это время (когда, по поверьям, активизируется борьба светлых и темных сил) проводятся карнавалы и шествия; допускаются разгульные формы времяпрепровождения и поведение, которое в другие периоды осуждается. Основными участниками действ была молодежь.

В начале 1840-х гг. День Флоры отмечался как День студенческих землячеств / корпораций (по историко-административным областям Финляндии), членство в которых для всех учащихся университета (их численность в то время не превышала 600 чел), было обязательным. Такие региональные студенческие корпорации всегда играли важную роль в жизни независимых университетов, и, как во времена Средневековья, отражали сословно-корпоративное деление общества. Но к началу XIX в., под влиянием идей романтизма, их деятельность во многом определялась идеями локального патриотизма и проектами изучения и пропаганды этнокультурного своеобразия различных регионов страны, не имевшей независимой государственности. Важную роль в структуре финляндских студенческих корпораций играли патроны, или кураторы землячеств – профессора и преподаватели, выходцы из тех же областей, которые были духовными лидерами, а зачастую опекунами своих земляков-учащихся.

В Гельсингфорском Александровском университете того времени (особенно в землячествах Саво и Карелии) были популярны идеалы

¹ Университет основан в 1640 г. в г. Або (Турку) и именовался Королевской Академией. После завоевания Финляндии Российской империей и создания Великого Княжества Финляндского (ВКФ) в 1809 г. он стал называться Императорской Академией. После пожара 1827 г. был переведен в Гельсингфорс (Хельсинки) и в 1828 г. переименован в Императорский Александровский университет.

романтического фенноманства в духе «Калевалы» Э. Лённрота и поэм Й. Рунеберга. Наиболее радикальные взгляды, как считалось, формировались в корпорациях студентов из Выборга и Похьянмаа. Активными участниками кружков, изучавшими историческое прошлое, язык и культуру Финляндии, и наиболее склонными к практической и организационной деятельности были студенты из западно-финского землячества – именно они были основными инициаторами проведения студенческих праздников с патриотическим уклоном (несмотря на то, что большинство их являлись по этнической принадлежности шведами и не владели финским языком). Именно в этих кругах формировались идеология фенноманства, идеалы финскости и политические проекты реформ ВКФ под российским скипетром².

Празднование Дня Флоры в 1830–1840-е гг. проходило по следующему плану: общее собрание всех студенческих землячеств с выступлениями с трибуны; официальное застолье (не в центре, а на свежем воздухе, на окраине города), гулянья, песни и танцы в парках, ночные кутежи вместе с горожанами в ночь на 14 мая. Утром студенты шествовали от здания университета на выбранное для празднования место (каждый год – новое) с песнями и кличами, там устанавливалась трибуна для выступлений преподавателей и студентов, после чего представители землячеств выступали с речами, а к вечеру начиналось гуляние с алкогольными возлияниями. Обычно к нему присоединялись все желающие. Особое место на празднике всегда занимали дамы³.

Однако в 1848 г. День Флоры в Александровском университете, несмотря на привычные формы, получил новое содержание. События, предшествовавшие этому, подробно разобраны в трудах ведущего финляндского историка М. Клинге⁴. Он рассматривает следующие факторы. Основной – влияние революционных событий в странах Центральной и Восточной Европы – т.н. «весна народов». На исходе зимы 1847–1848 гг. общественные волнения в Центральной Европе переросли в волну настоящих революций, направленных на кардинальную смену сложившейся системы европейских договоренностей, принятых Венским конгрессом 1815 г. К весне 1848 г. отзвуки этих потрясений дошли до Скандинавии, в частности, до Швеции, с общественной и политической жизнью которой были тесно связаны деятели фенноманского движения. В апреле на празднике скандинавистов в Упсале ораторы возлагали на Россию ответственность за «старый» европейский порядок⁵. Российские власти заметили опасность «дурного» примера:

² Лескинен 2011.

³ Подробнее о ходе праздника Дня Флоры в 1848 г.: Клинге 2005. С. 175–179.

⁴ Там же. С. 147–190.

⁵ См.: Мейнандер 2008. С. 100.

некоторые издания были закрыты, а вскоре последовали решения об ограничении деятельности различных общественных организаций Финляндии, в их числе были и студенческие организации-землячества⁶.

К концу 1840-х гг. вполне сформировались взгляды и программы шведоязычных финляндских патриотов. Эти проекты различались и по степени радикальности предлагаемых политических мер в борьбе за права финского языка в Российской империи, и по выбору путей обретения независимости страны, по оценке перспектив финско-шведских отношений в стране, где социальное и интеллектуальное превосходство принадлежало 15-процентному (в середине XIX в.) шведскому населению. Но их объединяло главное: признание необходимости просвещения финского народа на родном языке большинства, с обязательным расширением возможностей образования в школе и в университете для всех сословий, и на этой основе – создание финской нации.

Знаменитая фраза, долгое время приписываемая «пионеру финской независимости» Адольфу Ивару Арвидссону (1791–1858) «Мы не шведы, русскими быть не хотим, так станем же финнами!» (шв. «Svenskar äro vi inte längre, ryssar vilja vi inte bli, låt oss alltså bli finnar», фин. «Ruotsalaisia emme enää ole, venäläisiksi emme tahdo tulla, olkaamme siis suomalaisia»), якобы произнесенная им на торжественном молебне в Императорской Академии (университете) в Або в 1811 г., как сегодня известно, принадлежала другому деятелю финского национального движения, Й. Снелльману, который в 1861 г. этими словами охарактеризовавшего суть политического мышления своего предшественника. Сама же идея была высказана первым статс-секретарем Великого княжества Финляндского Г.М. Армфельтом, он подробно писал о ней в 1811 г.⁷ Но, чтобы ответить на вопрос о том, как стать финнами, необходимо было сначала понять, что значит быть финном – изучить язык, характер, историю, предания нации. Эти процессы – как и во всей Европе – протекали в русле романтического гегельянского осмысления Духа народа, его исторического прошлого и прежде всего – фольклорного наследия. В 1820–1830-е гг. школа, мораль и просвещение в широком смысле рассматривались финляндскими интеллектуалами как главные средства формирования национального финского самосознания.

Продолжателями ключевой идеи Арвидссона о том, что именно изучение финского языка и овладение им всеми (в том числе образованным шведоязычным меньшинством, элитой) жителями Финляндии является условием создания финского самосознания и единого финского народа, стали в первую очередь учащиеся, выпускники и преподаватели университета следующего поколения – Фр. Сигнеус, Й.В. Снелльман,

⁶ См.: Клинг 2005. С. 171–172.

⁷ Там же. С. 45.

С. Топелиус, Й.Л. Рунеберг. Каждый из них тем или иным образом приняли участие в организации и проведении праздника Флоры в 1848 г.

Фредрик Сигнеус (1807–1881) – поэт, художественный критик, доцент истории, профессор эстетики, будущий ректор университета. В 1843–1847 гг. Сигнеус путешествовал по Европе, активно печатал заметки о своих впечатлениях, в которых уделял внимание прежде всего развитию национальных движений в разных странах. В 1848 г., уже в качестве преподавателя Александровского университета, он стал куратором западно-финского землячества. Сигнеус был далек от радикализма и революционных идей, скорее, являлся сторонником компромисса с российскими властями в вопросах борьбы за национальные интересы. Именно его принято считать «архитектором Дня Флоры»⁸.

Йохан Вильгельм Снелльман (1806–1881) – профессор философии, сенатор, в 1830–1840-е гг. – куратор студенческих землячеств Похьянмаа и Северного Похьянмаа и интеллектуальный лидер в студенческой среде; затем последовал период путешествий по Европе, после чего Снелльман несколько лет жил в Швеции. Его теоретические взгляды на процесс формирования финской нации, основанные на концепции гражданского патриотизма, базировались на философии Гегеля. Языковой вопрос Снелльман считал причиной социальной пропасти, отделявшей привилегированные сословия и университет от простого народа Финляндии⁹. Революция 1848 г. и особенно события в Венгрии оказали на Снелльмана сильное влияние: как и многие, он разочаровался в возможности решения национальных вопросов революционным путем, окончательно убедившись в необходимости реализации просветительской программы. Основной своей задачей он видел борьбу за обретение финским языком статуса языка управления и культуры в Великом Княжестве Финляндском, в связи с чем считал необходимым переход образованных слоев (главным образом шведоязычных) на финский язык и просвещение народа¹⁰. Успешная и активная общественная деятельность Снелльмана, его решающее участие в реформах в ВКФ относятся к 1860-м гг., а в 1848 г. он не смог получить должность профессора университета именно из-за «революционных», как тогда оценивали их власти, убеждений. Однако его роль как одного из главных идеологов реформ без революций в событиях 1848 г. нельзя недооценивать.

Йохан Людвиг Рунеберг (1804–1877), первый и главный национальный поэт Финляндии, финляндский «Пушкин», также преподаватель университета, прославился как автор поэмы «Рассказы прапорщика Столя» / «Сказания фенрика Столя») (1848–1860) (шв. «Fänrik Ståhls

⁸ Sjönlom.

⁹ См.: Клинге 2004 (Йохан Вильгельм Снелльман).

¹⁰ См.: Karkama 1999.

säger»), посвященной событиям русско-шведской войны 1808–1809 гг. «Рассказы», наряду с «Калевалой» Э. Лённрота, признаны частью финского национального эпоса. Рунеберг, как и его соратники, писал на шведском языке. К концу 1840-х гг. он был известен как талантливый поэт и драматург. Но именно стихотворение «Наш край», которым открывались «Рассказы» (первая часть поэмы вышла в свет в конце 1848 г.), создало ему образ «певца Финляндии» и наделило статусом национального поэта первой величины¹¹.

Сакари (Цахриус) Топелиус (1818–1898) – писатель, журналист, профессор истории, финляндский «Вальтер Скотт», автор учебника о природе и истории Финляндии для детей «Книга нашего края» (1875) (шв. «Boken om vårt land», фин. «Maamme kirja»), который до сих пор читают финские школьники, и который также был написан по-шведски¹². Топелиус поступил в университет в 1833 г. благодаря материальной помощи и поддержке Рунеберга. В 1840-х гг. Топелиус был известен как писатель и поэт, а также как журналист и публицист, оппонент Снелльмана. Он являлся многолетним куратором студенческого землячества Похъянмаа¹³. Взгляды его в начале 1840-х гг. были довольно радикальными и панфинскими, он ратовал за объединение всех финно-угорских народов, однако к концу десятилетия сменились на более лояльные и даже, как полагали некоторые, верноподданнические по отношению к российским властям.

Все эти люди не просто хорошо знали друг друга, они были однокашниками, друзьями, соратниками и единомышленниками. Снелльман и Рунеберг поступили в университет (Императорскую Академию Або) одновременно с Лённротом в 1822 г.. Снелльман, Рунеберг, его жена, Топелиус и Сигнеус были членами т.н. «Субботнего общества», известного также как «кружок Тенгстрёма» – литературно-философского сообщества, возникшего в начале 1830-х гг. На его собраниях обсуждалась философия Гегеля с точки зрения практических задач – развития финской национальной литературы и самосознания финского народа.

События в Европе, таким образом, послужили скорее катализатором событий, поводом для активного выражения позиции национальных идеологов, вполне осознанно взявших на себя задачу строительства нации. Главной побудительной причиной организаторов и кураторов было желание реализовать в открытой декларации саму концепцию финскости, донести ее не только до властей, но и до широкой общественности, до народа. Вполне закономерно, что задачу эту возложила на себя интеллектуальная элита общества, которая была, разумеется,

¹¹ См.: Клинге 2004 (Йохан Людвиг Рунеберг).

¹² Подробнее: Лескинен 2010.

¹³ См.: Клинге 2004 (Цахрис Топелиус).

весьма немногочисленна в крестьянской стране, не имеющей государственной независимости. При этом основные кадры интеллектуалов и интеллигенции были самым непосредственным образом связаны с университетом. Но вопрос заключался в том, в какой именно форме и с какой целью задумывался этот Праздник в условиях европейских волнений. Почему День Флоры, 13 мая 1848 г., навсегда вошел в финскую историю и его стали называть Днем рождения Финляндии?

В 1848 г. ход всего праздника был разработан заранее. Инициаторами его стали люди, вошедшие несколько десятилетий спустя в пантеон финских национальных деятелей. Профессор, председатель студенческого западнофинского землячества Фредрик Сигнеус с разрешения властей руководил действием. По его инициативе специально к празднованию Дня Флоры была создана песня «Наш край» или «Наша земля» (шв. «Vårt land», фин. «Maamme»). Автором слов стал Рунеберг. Стихотворение «Наш край» было написано двумя годами ранее, в 1846 г., но опубликовано только в самом конце 1848 г. Оно изначально задумывалось как национальный гимн, а сама поэма была историко-патриотической. Впервые его текст прозвучал именно на Дне Флоры. Сигнеус заказал музыку к ним немецкому композитору, жившему в Финляндии, – Фр. Патциусу (1809–1891), который написал ее в жанре студенческих немецких песен. Всегда звучавший в хоровом исполнении этот первоначально студенческий гимн стал позже гимном Финляндского государства (а музыка Патциуса в 1867 г. стала также мелодией и эстонского национального гимна).

13 мая 1848 г. в течение всего шествия студентов от здания университета к месту празднования (Кумтяhti) его участники непрерывно исполняли песню «Наш край» на шведском языке под аккомпанемент гвардейского духового оркестра. Это исключало возможность исполнения финляндской «Марсельезы», текст которой был написан в 1844 г. (хотя и не был опубликован) другим финским поэтом – С. Топелиусом. Она была гораздо более резкой в политическом отношении и призывала к борьбе за свободу народа. В стихотворении же Рунеберга¹⁴ прославлялась неброская красота суровой северной природы, требующей от ее обитателей трудолюбия и смирения, а также мужество и патриотизм жителей страны, не раз завоевывавшейся чужеземцами. Говорилось не о сражениях и пролитой крови, но о благодарности судьбе, о терпении и упорстве как финских национальных качествах. Описание природы прерывалось обращением к чужеземцу-иноверцу, который описывается как надменный и алчный, – однако ему нечего взять «с бедного угрюмого края», милого лишь сердцу его жителей. Скудость природы и бедность народа становятся лейтмотивом описания Родины у Рунеберга. Главным

¹⁴ См.: Рунеберг 2004.

достоинством финнов выступает их верность «народному духу», языку и традициям. Будущее Отечества видится как благосостояние и процветание страны и народа – когда он «страхнет позор оков». Именно у Рунеберга появляется то определение Финляндии, которое и сегодня остается главным визуальным образом, символом Суоми: «тысячезерный край», «страна тысячи озер». Озера изображены на обложке первого полного издания поэмы на финском языке, который был сделан только в 1889 г., автор иллюстраций – финляндский художник А. Эдельфельт.

Кроме исполнения общефинской студенческой песни (в будущем она станет гимном), на празднике был поднят флаг финских студентов как символ Финляндии. В то время на флаге студенческой корпорации изображался коронованный лавровый венком лев в белом поле, сделанный специально для данного торжества; его можно считать первым финским национальным флагом. Принятый позже в качестве государственного современный флаг – голубой прямой скандинавский крест на белом полотнище – появился в 1861 г. как флаг Ньюландского яхт-клуба Финляндии. Два года спустя, накануне заседания Сейма Великого Княжества Финляндского началось обсуждение вопроса, какие цвета считать национальными: гербовые золотой (желтый) и червлёный (красный) либо синий и белый. Последние предложил выбрать в 1862 г. С. Топелиус – его проект флага имел три косые синие полосы на белом фоне и белую звезду в центре. Но вопрос о национальных цветах так и не был внесен для обсуждения в Сейме. После обретения независимости в 1918 г. споры о флаге протекали бурно, и, когда в итоге был принят «бело-голубой» вариант, многие были категорически против, так как он ассоциировался с «русским флагом»¹⁵.

Вернемся к ходу праздника 13 мая. С трибуны, украшенной венками цвета студенческого флага, Сигнеус выступил с главной речью торжества – «Имя Финляндии» (она, кстати, никогда не была опубликована, не осталось и черновиков, поэтому ее содержание быстро стало легендой). Основной идеей было возрождение финского духа и славы «имени Финляндия». Во время неформальной части по инициативе Сигнеуса прозвучали тосты в честь императора Николая I и здравицы наследнику престола Александру Николаевичу – ведь он по традиции назначался канцлером Александровского университета. Пили за руководство Университета и Сенат, а также за «Имя Финляндии». Завершение праздника, впрочем, было вполне предсказуемым: алкоголь лился рекой.

Итак, 13 мая 1848 г. впервые исполнена национальная песнь (гимн) Финляндии, поднят ее флаг, сакрализовано ее имя. Символы финляндского студенчества стали главными в репрезентации финского народа и Великого Княжества Финляндского задолго до обретения страной неза-

¹⁵ Кильюнен 2008. С. 56–57.

висимости. Они представляли финскую нацию вплоть до 1906 г. Праздник планировался как выражение национальных и верноподданических настроений. Как заключает М. Клинге, этот День Флоры следует рассматривать «как умело организованную консервативно-националистическую контрреволюционную демонстрацию, как полновесное заверение в верности императору»¹⁶, что позволило избежать жестких мер со стороны российских властей, но одновременно – реализовать задачу демонстрации существования финскости как национального проекта. Важно было и то, что праздник студенческих корпораций перерос узкословные рамки; студенчество и профессура показали, что именно они в полном смысле слова создают нацию и способны повлиять на курс ее развития в Империи. Следует отметить, что придание Празднику статуса «дня рождения Финляндии» и его превращение в важную веху и даже в своеобразный миф истории финского национального движения произошло благодаря публицистике С. Топелиуса уже в 1860-е гг.¹⁷ Визуализация мифа была реализована финляндским художником Э. Ярнефельтом, создавшим панно на этот сюжет на стене актового зала Университета в 1919 г., в первый год независимости государства.

Рецептом финнов для национального блюда к европейскому празднику «весны народов» стало, таким образом, объединение усилий интеллектуалов для того, чтобы, используя стихи, музыку, визуальные символы и патриотическую идею, воплощенную в исключительно мирных идеалах благопристойной крестьянской жизни, исполненной труда, терпения и любви, направить умы молодого поколения образованных финнов на путь реформ в тесном сотрудничестве с имперской властью – при соблюдении двух условий: изменения статуса финского языка в ВКФ и сохранении его автономии. Перед нами – почти образцовая модель того, что сегодня принято называть «конструированием нации интеллектуальной элитой».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Кильюнен К. Государства и флаги: Энциклопедия / Пер. с фин. Ж. Носковой. 2-е изд. М.: РОССПЕН, 2008. 751 с.
- Клинге М. Имперская Финляндия / Пер. с фин. И. Соломеща, В. Мусаева и А. Рупасова. СПб.: Издательский дом «Коло», 2005. 616 с.
- Клинге М. Йохан Вильгельм Снельман // Сто замечательных финнов / Пер. с фин. И. Соломеща. Хельсинки, Общество финской литературы, 2004. С. 592–607. URL: https://kansallisbiografia.fi/pdf/kb_ru.pdf
- Клинге М. Йохан Людвиг Рунеберг // Сто замечательных финнов. С. 498–506.
- Клинге М. Цахрис Топелиус // Сто замечательных финнов. С. 653–664.
- Лескинен М.В. Путешествие по родной стране: описание как способ национальной репрезентации. Финляндия и финны в изображении З. Топелиуса // Homo viator: Путешествие как историко-культурный феномен / Под ред. А.В. Толстикова и И.Г. Галковой. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 175–204.

¹⁶ Клинге 2005. С. 172.

¹⁷ Клинге 2005. С. 173.

- Лескинен М.В. «Взгляни на всё, как я взгляну на милую страну». Как в Российской империи на шведском языке создавался национальный образ Финляндии // Родина. 2011. №3. С. 62–65.
- Мейнандер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. М.: Весь Мир, 2008. 238 с.
- Рунеберг Й.Л. Наш край (пер. А. Блока) // Рунеберг Й. Л. Избранное. СПб.: Издательский дом «Коло», 2004. С. 99–101.
- Karkama P. The individual and national identity in J. V. Snellman's Young-Hegelian theory // National History and Identity. Approaches to the Writing of National History in the North-Baltic Region Nineteenth and Twentieth Centuries. Studia Fennica: Ethnologica. 1999. Vol. 6. P. 141–152.
- Sjönlom T. Fredrik Cignaesus: The chief architect of flora day. URL: <http://375humanistia.helsinki.fi/en/fredrik-cygnaeus/the-chief-architect-of-flora-day>

REFERENCES

- Karkama P. The individual and national identity in J. V. Snellman's Young-Hegelian theory // National History and Identity. Approaches to the Writing of National History in the North-Baltic Region Nineteenth and Twentieth Centuries. Studia Fennica: Ethnologica. 1999. Vol. 6. P. 141–152.
- Kil'yunen K. Gosudarstva i flagi: Entsiklopediya / Per. s fin. Zh. Noskovoj. 2-e izd. M.: ROSSPEN, 2008. 751 s.
- Klinge M. Imperskaya Finlyandiya / Per. s fin. I. Solomeshha, V. Musaeva i A. Rupasova. SPb.: Izdatel'skij dom «Kolo», 2005. 616 s.
- Klinge M. Johan Ludvig Runeberg // Sto zamechatelnyh finnov / Per. s fin. I. Solomeshha. Helsinki, Obshhestvo finskoj literatury, 2004. S. 498–506.
- Klinge M. Johan Vilgelm Snelman // Sto zamechatelnyh finnov. S. 592–607.
- Klinge M. Tsakhris Topelius // Sto zamechatelnyh finnov. S. 653–664.
- Leskinen M.V. Puteshestvie po rodnoj strane: opisanie kak sposob natsionalnoj reprezentatsii. Finlyandiya i finny v izobrazhenii Z. Topeliusa // Homo viator: Puteshestvie kak istoriko-kul'turnyj fenomen / Red. A.V. Tolstikov, I.G. Galkova. M.: IVI RAN, 2010. S. 175–204.
- Leskinen M.V. «Vzglyani na vsë, kak ya vzglyanu na miluyu stranu». Kak v Rossijskoj imperii na shvedskom yazyke sozdavalysya natsional'nyj obraz Finlyandii // Rodina. 2011. №3. S. 62–65.
- Mejnander H. Istoriya Finlyandii. Linii, struktury, perelomnye momenty. M.: Ves' Mir, 2008. 238 s.
- Runeberg J. L. Nash kraj (per. A. Bloka) // Runeberg J. L. Izbrannoe. SPb.: Izdatel'skij dom «Kolo», 2004. 304 s. S. 99–101.
- Sjönlom T. Fredrik Cignaesus: The chief architect of flora day. URL: <http://375humanistia.helsinki.fi/en/fredrik-cygnaeus/the-chief-architect-of-flora-day>

Лескинен Мария Войттовна, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт славяноведения РАН; marles70@mail.ru

“Let us therefore be Finns...”: The recipe of Finnish nation's creation for the European Spring of Nations

The article is dedicated to the history of the celebration of Flora's Day (May 13, 1848), which took place at the Alexandrov's University in Helsingfors in the year of the Spring of the Nations. This Day is an important event on the way to the formation of the Finnish nation, its symbols (hymn, flag, name Finland) and national identity of the Finns. The organizers of this students' Flora's Day became the university professors-Fennomans, Swedes by origin and language, and later all of them were proclaimed as the founders and leaders of the Finnish nation. Their ideas, tasks and history of celebration are under consideration.

Keywords: Grand Duchy of Finland, national movement in Finland, Floora's Day on 13 of May 1848, Fr. Cygnaeus, J. L. Runeberg, Z. Topelius, national symbols of Finland

Maria Leskinen, Dr. Sc. (History), leading research fellow, Department of East Slavs, Institute for Slavic studies Russian academy of sciences; marles70@mail.ru

Е. А. ЯБЛОКОВ

**ВСЕСОЮЗНЫЙ X, ИЛИ НОЛЬ С ПАЛОЧКОЙ.
(Празднование 10-летия Октября в произведениях Андрея Платонова и проектах трудящихся)¹**

Публиковавшиеся в 1927 г. в советских СМИ предложения о формах празднования 10-летия Октября сопоставлены с соответствующими мотивами произведений Андрея Платонова, прежде всего с его сатирическим рассказом «Надлежащие мероприятия». Представленный в платоновском творчестве пародийный образ советской ритуальной практики позволяет более наглядно представить доминировавшие в 1920-х гг. государственные стратегии и тенденции массового сознания.

Ключевые слова: праздничный дискурс, политические ритуальные практики, русская литература 1920-х гг., А.П. Платонов, пародия, сатира

В 2017–2018 гг. исполнилось 100 лет Февральской революции, Октябрьскому перевороту, разгону Учредительного собрания, Брестскому миру, убийству отрекшегося от престола Н.А. Романова, его семьи, других родственников и нескольких членов свиты, покушению на В.И. Ленина, началу Гражданской войны, красного террора и т.д. Ключевой в этом ряду является, конечно, дата 7 ноября (25 октября) 1917 г., легшая в основу советской хронологии и ритуальной системы. Характерно, что соответствующий юбилей прошел незамеченным – точнее, завуалированным: «Столетие Октября страна, когда-то ведшая от него отсчет своего существования, встречает оглушительным молчанием»². Но в ту пору, когда назревала Октябрьская годовщина не с двумя нолями, а всего с одним³, отношение к ней было совсем иным.

Здесь не место подробно характеризовать существовавшую в середине 1920-х гг. праздничную традицию. Важно лишь подчеркнуть, что в обстановке внутрипартийной войны 10-летие Советского государства стало поводом к закреплению модели государственного праздника⁴. Ри-

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ в рамках проекта «Категория детства в философии и поэтике А. П. Платонова» (№ 18-012-00429).

² Курилла 2017.

³ Заметим, что при праздновании 10-летия Октябрьской революции определения «великая» и «социалистическая» применительно к ней не употреблялись даже в официальных документах. Сочетание «Великая Октябрьская социалистическая» утвердится в период следующего, 20-летнего, юбилея.

⁴ В период нэпа Октябрьские празднования подчинялись режиму экономии средств и проводились относительно скромно, но накануне 10-летия ситуация изменилась. В 1926 г. была образована Центральная юбилейная комиссия, под ней находились тысячи местных комиссий и комитетов разного уровня; эта сеть пронизывала все микроструктуры общества и была призвана вовлечь в праздничную деятельность (различных форм) широчайшие массы [см.: Рольф 2009. С. 103–109].

туалы начали верстаться под новый, антинэповский, курс еще до того, как он получил название «Великого перелома»⁵.

Изобретение советской праздничной традиции нашло отклик в творчестве одного из величайших русских прозаиков – А.П. Платонова. Мы коснемся нескольких его текстов, но в основном сосредоточимся на небольшом рассказе «Надлежащие мероприятия»⁶, написанном в середине октября 1927 г. Здесь доминирует гротескно-пародийный стиль, и тем отчетливее прослеживаются черты складывавшегося «октябрьского» канона. Рассказ построен по коллажному принципу⁷ и может восприниматься как пародия на левовский лозунг «литературы факта». Суть фабулы в том, что работники советского учреждения по просьбе начальника высказывают предложения о праздновании Октябрьского юбилея – «подборка» их суждений и составляет основную часть текста. Платонов, нередко бравший материал для своих сюжетов из ежедневных газет, в данном случае тоже заимствовал ситуацию «из жизни» – вот, например, заметка в «Красной газете» 31 августа 1927 г.:

Союз совторгслужащих проводит любопытный опыт: в крупных учреждениях будут выставлены особые ящики для сбора письменных предложений от членов союза о том, как провести праздники. Всем стенным газетам предложено завести специальные отделы для таких предложений.

Явной иронией окрашено название учреждения – «Электрофлюидсиндикат», притом один из его начальников носит фамилию Месмерийский⁸: аллюзии на Ф. Месмера, немецкого целителя XVIII в., настаивавшего на существовании животного магнетизма – «флюида», который он считал основой всего жизненного начала во Вселенной⁹. Исходя из этого, «Электрофлюидсиндикат» – советское учреждение, торгующее «флюидом», т.е. тем, что должно духовно объединять людей, по аналогии с религией или (учитывая эпоху) с революционной идеей. Изобретать формы празднования Октябрьского юбилея – вроде бы прямая обязанность его сотрудников. Пародиен и подзаголовок: «Святочный рассказ к 10-й годовщине». Он соотносит «Надлежащие мероприятия» с корпусом текстов календарной словесности (т.е. связанных с бытованием, ритуалом определенного праздника¹⁰) – Октябрь как момент рождения советского строя замещает Рождество Христово¹¹. О «перекоди-

⁵ Там же. С. 91–92.

⁶ Разумеется, он не был опубликован при жизни автора, много лет пролежал в его архиве и увидел свет лишь в 1991 г.

⁷ Подобным образом построен также рассказ «Антисексус» (1926) [см.: Платонов 2011. Т. 1. С. 138–150].

⁸ Там же. С. 187.

⁹ См.: Белоусов 1999. С. 41.

¹⁰ См.: Душечкина 1995. С. 8, 10.

¹¹ В романе «Чевенгур» (1927) один из жителей «коммунистического» города по аналогии с датировками от Рождества Христова ставит на документе дату «Летом

ровании» религиозного дискурса в советский и о модернизации архаических ритуалов в 1920-х гг. говорилось немало. Так, один из авторитетных деятелей Лефа поэт и драматург С.М. Третьяков в статье о грядущем юбилее «Как десятилетий» (1927) иронически писал, что на советских праздниках «канунный вечер воспоминаний плюс концерт играет роль своеобразной всенощной, а демонстрация из районов до центральной площади и обратно аналогична крестному ходу»¹². Между тем сами левовцы внесли немалую лепту в канонизацию Октября по церковному образцу – вспомним хотя бы поэмы В.В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин»¹³ (1924) и «Хорошо!» (1927).

«Перекодирование» ритуалов нередко оказывается в поле зрения Платонова. Так, в повести «Город Градов» (1927) один из персонажей, советский чиновник с дореволюционным стажем, провозглашает:

...Что такое губком? А я вам скажу: секретарь – это архиерей, а губком – епархия! <...> ...Религия пошла новая и посерьезней православной. Теперь на собрание – ко всенощной – попробуй не сходи! Давайте, скажут, ваш билетик, мы отточку там сделаем! Отточку четыре будут, тебя в язычники зачислят¹⁴. А язычник у нас хлеба не найдет!¹⁵

Платонов еще накануне 5-летней Октябрьской годовщины в фельетоне «Душа человека – неприличное животное» (1922) подчеркивал, что у новой ритуальной практики более жесткие правила, чем в церковном культе. Наблюдая «официальных революционеров», помыкающих «массой» (речь идет о первомайской демонстрации), он резюмировал: «Революция сменилась “порядком” и парадом»¹⁶. В рассказе «Надлежащие мероприятия» публикатор, комментируя поступившие записки, говорит, что везде оставил суть, «выбросив революционные тропари, предшествовавшие каждому предложению (как будто их составители были на заметке у ГПУ и усердно реабилитировали себя)»¹⁷, стало быть, «в оригинале» все тексты открывались «должными» прославлениями Октября и советской власти.

Предложения «простых» людей по поводу юбилея публиковались (хотя не слишком интенсивно) и в центральных газетах. Вот заметка

5 ком.» [Платонов 2011. Т. 3. С. 274], т.е. «пятый день коммунизма». В сценарии «Надлежащие мероприятия» (1927) фигурирует дата «10 года от Революции» [Платонов 2016. С. 427].

¹² Третьяков 1927. С. 35.

¹³ См.: Шатин 1996.

¹⁴ В этом писатель опирался на собственный опыт: он некоторое время состоял кандидатом РКП(б), но в партию его так и не приняли. В протоколе комиссии от 30 октября 1921 г. о Платонове сказано: «Отзыв ячейки как об отказывающемся посещать партсобрания, говоря, что я все, мол, знаю» [цит. по: Ласунский 1999. С. 164].

¹⁵ Платонов 2011. Т. 2. С. 148.

¹⁶ Платонов 2011. Т. 8. С. 608.

¹⁷ Там же. Т. 1. С. 188.

некоего активиста Краснощекова «Как праздновать?» (Комсомольская правда. 1927. 22 окт.), где выдвинут ряд комично разнородных идей, от украшения улиц и маршрутов демонстрации до сугубо бытовых моментов; в частности, высказана следующая мысль:

Красноармейцы теперь считают, что не к лицу им ходить с грязными зубами и сморкаться в кулак, и заводят носовые платки, зубную щетку и порошок. 7 ноября нужно положить начало новому пайку в Красной армии: каждому красноармейцу нужно выдавать зубную щетку, зубной порошок и носовые платки. Через 2-3 года, когда в деревнях появятся демобилизованные красноармейцы, крестьяне от них привыкнут пользоваться не только книгой, но и зубной щеткой, и носовым платком. Надо Реввоенсовету это предложение провести в жизнь.

В преддверии праздника, разумеется, много говорилось о мемориальных экспозициях, музеефикации соответствующих объектов (до этого, в 1920 г., открылся Музей революции в Зимнем дворце, в 1924 г. – Музей революции в Москве и т.д.), необходимости записывать и публиковать воспоминания. В платоновском рассказе предлагается «срочно организовать всесоюзную архивную кампанию, с целью отыскания замечательных документов эпохи, с последующим преподанием их публике в напечатанном систематическом виде»¹⁸. Но звучит и такая идея:

Особым торжественным законодательным актом организовать на пространстве Союза 10 революционных заповедников, в коих бы и собрать атрибуты и живых участников великих событий – для вечного показа потомкам и поучения их. Следовало бы открыть такие ревзаповедники на Перекопе, в Самаре, Ярославле, в Донских пунктах; в Ленинграде и прочих местах обширного соотечества. Атрибуты и живые участники должны состоять в нетронутом и естественно-героическом покое¹⁹.

Сходный мотив есть в параллельно создававшемся романе «Чевенгур» (1927), где изображен «Революционный заповедник товарища Пашинцева имени всемирного коммунизма»²⁰, а сам Пашинцев говорит: «Я вынес себе резолюцию, что в девятнадцатом году у нас все кончилось – пошли армия, власти и порядки, а народу – опять становись в строй, начинай с понедельника...»²¹. И он пытается сохранить (хотя бы локально) революцию «в действии»²². В рассказе же все наоборот: «нетронутый и естественно-героический покой» – типично платоновское абсурдное выражение, вызывающее ассоциацию с «живыми трупами».

¹⁸ Там же. С. 189. Цитаты из рассказа приводятся в оригинальном виде.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Т. 3. С. 140.

²¹ Там же. С. 145–146.

²² Сходная ситуация в сценарии «Надлежащие мероприятия» (1927), персонаж которого Чальый – «убежденный любитель военного коммунизма» – прибыл «из далекой коммуны “Революционный заповедник имени 1919 г.”» [Платонов 2016. С. 421] и в Москве основывает «Общество любителей военного коммунизма» [Там же. С. 428].

Характерно, что места, в которых предложено организовать «ревзапovedники», – Перекоп, Самара, Ярославль, Дон – в Гражданскую войну были связаны с активным антибольшевистским сопротивлением.

Одним из «официальных» доказательств торжества советской власти являлось индустриальное преобразование страны. Этому посвящено одно из предложений в платоновском рассказе:

Раньше бывало ходят так называемые божьи странники: висит у них на животе кружка, на кружке живописная картинка, а в кружку кладут пятаки и любую разменную монету – по желанию. Так и строились Кафедральные соборы. Так нужно и теперь. Надо раздать кружки нашей полухулиганящей молодежи, над кружкой поместить четкие чертежи Днепростроя и Волго-Дона с перспективой экономического благополучия и пустить молодцов по советским странам. Через год – к 11 летию – мы бы одной меди набрали на индустриализацию миллионов триста²³.

Идея сбора средств по церковному образцу кажется вымыслом, но подобные акции имели место: так, в «Красной газете» от 10 июля 1927 г. объявлен «кружечный сбор на увеличение средств ОСО-Авиахима». В новую эпоху индустриальные объекты играют роль культовых сооружений – на них собирают, как на храм. Предложение вместо «божьих странников» использовать «полухулиганящую молодежь» – пародийный отклик на проводившуюся в 1926–1927 гг. кампанию борьбы с хулиганством. На эту тему было много публикаций в прессе; приведем лишь забавную «шапку» одной из полос «Рабочей газеты» от 26 августа 1927 г.: «22 000 хулиганов. Добьемся победы на хулиганском фронте».

Наиболее острое предложение в платоновском рассказе касается Ленина, чей образ накануне Октябрьского юбилея был воссоздан средствами кинематографа:

Товарищ Никандров, будучи чистым Новороссийским пролетарием, до подобия похож на великого вождя В.И. Ленина. Эта косвенная причина послужила обстоятельством для его игры в знаменитой картине «Октябрь» режиссера туманных картин т. Эйзенштейна. Имея в виду необходимость широкого ознакомления пролетариата с образом скончавшегося вождя, а мавзолей в Москве не может обслужить всех заинтересованных, я предлагаю учредить особый походный мавзолей, где бы тов. Никандров демонстрировал свою личность и тем восполнял существенный культурный пробел... От сего трудовой энтузиазм и преданное рвение в народе возвысятся и поездки тов. Никандро́ва самокупятся²⁴.

В фильме С.М. Эйзенштейна (а также в спектакле Малого театра «1917 год»²⁵) Ленина играл рабочий (в 1923 г. вышел на пенсию) и са-

²³ Платонов 2011. Т. 1. С. 190.

²⁴ Там же. С. 188. Идея представляется весьма актуальной в свете нескончаемой дискуссии о том, хоронить экс-вождя или нет.

²⁵ См., напр., заметку «Уральский рабочий на сцене Малого театра» (Комсомольская правда. 1927. 27 окт.).

модельный актер В.Н. Никандров. Премьера «Октября» была назначена на 7 ноября 1927 г.; планировалось (см.: Рабочая газета. 1927. 16 окт.), что в дни празднеств картина будет по вечерам демонстрироваться на большом экране возле Исторического музея. Но, по воспоминаниям Г.В. Александрова, в этот день в монтажную пришел Сталин и приказал срочно вырезать все сцены с Троцким, поскольку утром во время юбилейных торжеств троцкисты пытались провести альтернативную демонстрацию²⁶. В результате фильм был показан 7 ноября фрагментарно и лишь на торжественном заседании в Большом театре.

В характеристике «режиссер туманных картин» заключена ирония: «реализованный» термин (туманными картинами назывались изображения от проекционного фонаря) выглядит содержательной характеристикой творчества Эйзенштейна. Вместе с тем туманные картины действительно предлагались для оформления юбилейных торжеств, причем в куда большем масштабе, чем кинематограф. Характерна заметка «Световые плакаты на облаках» (Красная газета. 1927. 31 авг.): «В дни празднования десятилетия Октябрьской революции над Ленинградом, впервые в СССР, будут показываться светящиеся плакаты на облаках. <...> ...Изображения плакатов будут проецироваться по вечерам на фоне облачного неба». В «Рабочей газете» 16 октября 1927 г. сообщалось, что на Большом театре будет установлен прожектор с туманными картинами.

Фильм «Октябрь» еще до премьеры вызвал изрядный скандал – причина была именно в образе Ленина. Особенно шумели лефовцы; вот, например, фрагмент речи Маяковского на диспуте «Пути и политика Совкино» 15 октября 1927 г.:

Нам Совкино в лице Эйзенштейна будет показывать поддельного Ленина, какого-то Никанорова или Никандрова... Я обещаю, что в самый торжественный момент, где бы это ни было, я освищу и тухлыми яйцами закидаю этого поддельного Ленина²⁷.

Спустя три недели в заметке «О кино» Маяковский пишет:

Отвратительно видеть, когда человек принимает похожие на Ленина позы и делает похожие телодвижения – и за всей этой внешностью чувствуется полная пустота, полное отсутствие мысли. Совершенно правильно сказал один товарищ, что Никандров похож не на Ленина, а на все статуи с него²⁸.

Платонов «предвосхитил» последнюю мысль в своем рассказе: раз Никандров не способен играть живого Ленина – пусть играет неживого в «походном мавзолее». Псевдоусопший Ленин – явная пародия на мощи: тело «нетленно», ибо оно не мертвое, и в качестве «живых мощей»²⁹

²⁶ См.: Александров 1983. С. 117.

²⁷ Маяковский 1959. С. 359.

²⁸ Там же. С. 147.

²⁹ «Амбивалентный» онтологический статус Ленина актуализируется также в диалоге Жачева и Прушевского в платоновской повести «Котлован» (1930):

может использоваться для извлечения прибыли (сегодня подобное коммерческое предложение, должно быть, не покажется новаторским, но следует иметь в виду, что 100 лет назад практики «гастролирующих» мощей не существовало, это новация последнего времени)³⁰.

Наряду с кино много внимания при подготовке к празднику уделялось радио, которое в те времена становилось самым массовым средством пропаганды³¹. Так, в заметке «Октябриада» (Красная звезда. 1927. 7 окт.) сообщалось:

Из студии «Радиопередачи» в дни годовщины будет передана специальная радиопьеса «Октябриада», рисующая главные этапы героического десятилетия – годы войны, разрухи, героической борьбы, побед и достижений. Пьеса будет сопровождаться: оружейной и пулеметной стрельбой, гудками поездов и заводов, военными оркестрами, хорами и пр.

В «Надлежащих мероприятиях» радио предстает средством стимулирования и корректировки массовых эмоций: «Добиться всесоюзного радостного единодушия, посредством испускания радиоволн, и организовать взрывы счастья, с интервалами для заслушивания итоговых отчетов»³².

Подобная «революционная» гигантомания характерна для большинства инициатив в рассказе: «Художественно начертить схему диктатуры пролетариата – от председателя Всесоюзного Съезда Советов вплоть до батрака и лесоруба. <...> Схему выставить на радиомачте станции Коминтерна»; «Всем союзным женщинам надо сшить по одной varejke беспризорным, только сговориться, чтобы они не пришлись на одну руку»; «Спеть одновременно под открытым небом всем Союзом Социалистических Народов Интернационал – в полтора миллиона голосов с лишним. <...> Пускай это будет обедня Всемирной революции и задрожат анафемы капитала»³³. Однако последнее предложение звучит явным диссонансом: «Вывесить загодя высокий

«... Сумеют или нет успехи высшей науки воскресить назад сошедших людей?

– Нет <...>

– Врешь... Марксизм все сумеет. Отчего ж тогда Ленин в Москве целым лежит? Он науку ждет – воскреснуть хочет» [Платонов 2011. Т. 3. С. 515].

³⁰ Перед Октябрьским юбилеем образ Ленина «эксплуатировался» самыми причудливыми способами. Так, в дни Всесоюзного и губернского съезда работниц и крестьянок «Рабочая газета» 16 октября 1927 г. сообщила: «Рабочие кондитерской фабрики “Красный Октябрь” преподнесли съезду портрет В.И. Ленина, сделанный из карамели» [цит. по: Корниенко 2016. С. 719]. Ленин, предназначенный к поеданию (возможно, детьми и/или во время чаепития), – идея не менее вдохновляющая, чем подходящий мавзолей.

³¹ Кстати, в 1928–1930 гг. Платонов сотрудничал в «Крестьянской радиогазете», для которой написал ряд текстов о мужике Макаре – на их основе возник рассказ «Усомнившийся Макар» (1929) [см.: Платонов 2011. Т. 1. С. 523–524].

³² Там же. С. 189.

³³ Там же.

флак, а ходить по грязям толпой не нужно. Пушай люди лежа полежат хоть в десятый год. *Рассыльный М. Крестинин*»³⁴.

Составители Собрания сочинений Платонова интерпретировали это суждение как «обывательский, “обломовский” взгляд на демонстрацию»³⁵. Но эта оценка представляется неверной; служба рассыльного состоит в постоянном хождении, соответственно, для автора идеи праздник ассоциируется с покоем, а особого повода «ходить по грязям толпой» персонаж не видит. Характерно, что из всех мнений подчиненных председатель правления «Электрофлюидсиндиката» принимает именно предложение Крестинина – прежде всего из-за дешевизны: «Надо попостней, чтобы вышло поэкономней...»³⁶. Кстати, подобные соображения проскальзывали и в газетных публикациях. Так, в заметке «Юбилейные пожелания (Русаковский трамвайный парк)» (Комсомольская правда. 1927. 22 окт.) после ряда «правильных», политически грамотных высказываний приведено в заключение, как нетипичное, суждение «молодого парня Малакова»: «Нужно вместо дорогих украшений фабричных и заводских фасадов сделать хороший подарок для нашей деревни. Наша деревня бедна, а мы подчас роскошничаем».

«Экономный» вариант юбилея, судя по всему, соответствует позиции автора «Надлежащих мероприятий». Таким образом, события завершаются своеобразным хеппи-эндом – можно сказать, что в пародийном тексте «выдержан» жанровый канон святочного рассказа.

В виде постскриптума заметим: прозвучавшая много десятилетий назад насмешка Платонова над бюрократически-«духоподъемным» фантазированием и праздничным мотовством, увы, не утратила актуальности. Ныне к одному «юбилейному» нолю добавился второй, но рассказ «Надлежащие мероприятия» по-прежнему адекватно отражает историческую ситуацию, одна из характерных черт которой – сочинение новодельных эрзац-ритуалов, иллюзорное бытование которых подерживается лишь неумными финансовыми вливаниями.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Александров Г. В. Эпоха и кино. 2-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1983. 336 с.
- Белуосов Р. С. Франсуа Антон Месмер. М.: «Олимп», «Издательство Астрель», «Издательство АСТ», 1999. 206 с.
- Душечкина Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра. СПб: Языковой центр филологического факультета Санкт-Петербургского государств. ун-та, 1995. 256 с.
- Курнилла И. И. Тихий юбилей Октября // Ведомости. 2017. 24 окт. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2017/10/25/739251-yubilei-oktyabrya>
- Корниенко Н. В. Надлежащие мероприятия [Комментарии] // Платонов А. П. Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 2. С. 716–731.
- Ласунский О. Г. Житель родного города: Воронежские годы Андрея Платонова. Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 1999. 288 с.

³⁴ Там же. С. 190.

³⁵ Корниенко 2016. С. 730.

³⁶ Платонов 2011. Т. 1. С. 190.

- Маяковский В. В. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1959. Т. 12. 716 с.
- Платонов А. П. Собрание: в 8 т. М.: Время, 2011.
- Платонов А. П. Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 2. 870 с.
- Рабинович Е. Г. Тип календаря и типология культуры // Историко-астрономические исследования. М.: Наука, 1978. Вып. 14. С. 141–154.
- Рольф М. Советские массовые праздники / Пер. В.Т. Алтухов. М.: РОССПЭН, 2009. 439 с.
- Третьяков С. М. Как десятилетит // Новый Лэф. 1927. № 4. С. 35–37.
- Шатин Ю. В. Эстетика агиографического дискурса в поэме В. В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» // Дискурс. 1996. № 2. С. 24–30.

REFERENCES

- Aleksandrov G. V. Epoha i kino. 2-e izd. M.: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1983. 336 s.
- Belousov R. S. François Anton Mesmer. M.: «Olimp», «Izdatel'stvo Astrel», «Izdatel'stvo AST», 1999. 206 s.
- Dushechkina E.V. Russkij svjatochnyj rasskaz: stanovlenie zhanra. SPb: Jazykovej centr filologicheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 1995. 256 s.
- Kurilla I. I. Tihij jubilej Oktjabrja // Vedomosti. 2017. 24 okt. URL: <https://www.vedomosti.ru/authors/ivan-kurilla/documents> (vremja dostupa 20.07.2018).
- Kornienko N. V. Nadležashhie meroprijatija [Kommentarii] // Platonov A. P. Sochinenija. M.: IMLI RAN, 2016. T. 2. S. 716–731.
- Lasunskij O. G. Zhitel' rodnogo goroda: Voronezhskie gody Andreja Platonova. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 1999. 288 s.
- Majakovskij V. V. Polnoje sobranije sochinenij: v 13 t. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury, 1959. T. 12. 716 s.
- Platonov A. P. Sobranie: v 8 t. M.: Vremja, 2011.
- Platonov A. P. Sochinenija. M.: IMLI RAN, 2016. T. 2. 870 s.
- Rabinovich E. G. Tip kalendarja i tipologija kul'tury // Istoriko-astronomicheskije issledovanija. M.: Nauka, 1978. Vyp. 14. S. 141–154.
- Rolf M. Sovetskie massovye prazdniki / Per. V. T. Altukhov. M.: ROSSPEN, 2009. 439 s.
- Tret'jakov S. M. Kak desjatiletit' // Novyj Lef. 1927. № 4. S. 35–37.
- Shatin Ju. V. Estetika agiograficheskogo diskursa v poeme V. V. Majakovskogo «Vladimir Il'ich Lenin» // Diskurs. 1996. № 2. S. 24–30.

Яблоков Евгений Александрович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Института славяноведения РАН; eajablokov@gmail.com

All-Union X or Zero with One (Celebrating of the 10th Anniversary of October in A. Platonov's works and in the worker people's projects)

The article is devoted to the formation of the “October's revolution” canon. The proposals concerning the celebration the 10th anniversary of October, published in 1927 in the Soviet press, are compared with the corresponding motifs of the works of one of the greatest Russian writers Andrei Platonov, primarily with his satirical story “Proper Measures”. The parodic image of Soviet ritual practice presented in Platonov's works makes possible to clarify not only the historical situation of the 1920s, but the dominating state's strategies and mass consciousness tendencies of that time.

Keywords: anniversary celebration's discourse, political ritual practices, Russian literature of the 1920s, Andrej Platonov, parody, satire

Evgeny Yablokov, Dr.Sc. (Filology), leading researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences; eajablokov@gmail.com

А. А. ЛИНЧЕНКО, О. В. ГОЛОВАШИНА

«И ЗНАЧИТ НАМ НУЖНА ОДНА ПОБЕДА...» ПАМЯТЬ О ПОБЕДЕ В СОВЕТСКОЙ И РОССИЙСКОЙ ШКОЛЕ¹

В статье рассматривается трансформация практик коммеморации 9 мая в школе на примере образовательных учреждений Тамбовской и Липецкой областей. Современный российский опыт анализируется в контексте сравнительного анализа празднования 9 мая в советской школе. Источниками исследования послужили материалы социальных сетей, новостных сайтов школ, а также официальная и нормативная документация школ и отделов образования. На основе идей Э. Дюркгейма, Р. Беллы и Дж. Олика, авторы обосновывают мысль о том, что культ Победы в Великой Отечественной войне продуктивно осмыслять как проявление гражданской религии. Показано, что при сохранении советских форм празднования, в современных условиях меняется их содержание. Выявлено, что для коммеморативных практик Дня Победы в современной российской школе характерна перформативность, подмена идентификацией практик солидаризации, темпоральная инверсия.

Ключевые слова: культурная память, коммеморативные практики, гражданская религия, День Победы, солидарность, школа

Национальные праздники очерчивают хронологически значимый момент складывания определенного сообщества – не столько реальный, сколько представляющийся таковым последующим поколениям. В литературе неоднократно подчеркивалось, что праздник является важным атрибутом культурной памяти, поскольку он становится поводом для актуализации социальных связей и поддержания существования самого сообщества². В современной России существуют несколько праздников, которые претендуют на звание «национальных»: День России (12 июня), День народного единства (4 ноября), День Победы (9 мая), но только последний наиболее успешно осуществляет задачи трансляции необходимых для формирования образов государственной идентичности³. Огромные человеческие жертвы, десятилетия советской коммеморации, а также массовая ностальгия по советскому времени – важнейшие причины огромной популярности Дня Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в современной России.

Институциональные практики, связанные с празднованием Дня Победы хорошо исследованы⁴ поэтому мы сконцентрируем внимание

¹ Исследование выполнено при поддержке Гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 18-311-00212 «Коллективная память религиозных сообществ в постсекулярном мире: формы идентичности и социальные практики»

² Репина 2005; Аникин 2018.

³ Головашина 2013.

⁴ Tumarkin 1994; Колягина, Конрадова 2015; Габович 2015.

не на формах коммеморации, а на трансформации содержания коммеморативных практик в условиях сохранения форм, распространенных в школе советского времени. Это позволит проанализировать изменения некоторых аспектов исторического сознания и выявить их последствия. Мы исходим из выводов Э. Дюркгейма о социальных практиках как основе формирования солидарности членов сообщества. Он показал, что исключительно договорных отношений недостаточно для сохранения социальной сплоченности,⁵ необходимы также ритуалы, транслирующие ценности, признаваемые коллективами в качестве сакральных. Религия, с его точки зрения, представляет собой набор социальных фактов, а сакральные элементы выражают социальный порядок, подстраивая его под потребности коллективов, при этом под религией Дюркгейм понимал эмоциональную сущность социального, рецепцию общества⁶. В соответствии с этим пониманием он обосновал возможность гражданской религии. Таким образом, мы рассматриваем празднование Дня Победы как один из атрибутов сформированной позднесоветскими и современными практиками гражданской религии в трактовке Э. Дюркгейма, апробированной на американском материале Р. Беллой, который исследовал природу коллективного и/или священного воодушевления, а также акцентировал моральные аспекты формирования солидарности⁷. Мы считаем, что одним из факторов, который оказал влияние на изменение содержания некоторых коммеморативных практик при сохранении их формы, стала актуализация религиозного дискурса и постсекулярный поворот в целом⁸. Однако важными представляются не только исследования солидаризирующей роли празднования 9 мая, но и анализ меняющегося наполнения привычных коммеморативных образов, с опорой на работы Дж. Олика, подчеркивающего изменчивость образов прошлого, возможность динамики культурной памяти. Память, по мысли Олика, представляет собой не стабильную констатацию каких-либо образов, а процесс, большое значение в котором имеют меняющиеся практики⁹.

Акцент на школьных практиках празднования Дня Победы обусловлен исследовательской оптикой: школа традиционно рассматривается теоретиками как место социализации, понимаемой как включение в разнообразные практики «взрослой жизни», в т.ч. как источник формирования гражданского и национального самосознания. Таким образом, признавая конституирующую роль гражданской религии, учитывая динамичность коллективных представлений, мы исследуем способы

⁵ Дюркгейм 1991. С. 198.

⁶ Durkheim 1995. P. 24-25.

⁷ Bellah 1967.

⁸ Backford 2003.

⁹ Олик 2012.

использования символического ресурса Дня Победы для конструирования и актуализации чувства солидарности членов сообщества.

Статья была подготовлена на основе широкого круга источников, представленных учебными и методическими материалами, материалами социальных сетей и сайтов школ, законодательными актами и нормативной документацией учреждений школьного образования, связанной с патриотическим воспитанием.

День Победы в официальной политике памяти в СССР и в современной России

В первые годы после окончания Второй мировой войны День Победы являлся исключительно «народным» и «домашним» праздником. Начало празднования Дня Победы приходится на 1965 год и было связано со стремлением Леонида Брежнева легитимировать свой политический режим в глазах военных и населения. Именно тогда День Победы стал выходным днем. Первые практики празднования Дня Победы полностью повторяли сценарии советских довоенных праздников и включали в себя народные гуляния на улицах, продажу еды, напитков и символов праздника, улицы и общественные здания, жилые дома декорировались портретами руководителей партии и тематически соответствующими плакатами. Использовались апробированные празднованием Октябрьской революции ритуалы, представляющие собой специфическую форму «социальной хореографии»¹⁰. Праздник предполагал трансляцию живого опыта участников событий, солидарность учеников, учителей, членов их семей. То есть, праздничные ритуалы, связанные с Днем Победы, были апробированы еще в довоенный период на примере 7 ноября и сохранили соответствующее символическое значение. Исключением стал салют, который впоследствии станет обязательным элементом главных праздников в постсоветский период. После 1965 г. появляются новые ритуалы: «минута молчания», проходившая во всех городах Советского союза, возложение цветов к могиле неизвестного солдата.

Центральное символическое значение играл Парад на Красной площади, который включал в себя прохождение колонн военных и бронетехники воинских соединений, принимавших участие в войне. Некоторые изменения появились только в эпоху Горбачева на параде Победы 9 мая 1985 г. В этот раз в прохождении строем мимо Мавзолея Ленина приняли участие не только представители военно-учебных заведений и родов войск, но и ветераны войны, а также подразделения, костюмированные в форму советских военнослужащих времён войны. Данная особенность парада явилась знаковой: действие обрело театрализованные черты и, соответственно, существенно изменило свой статус. И начиная с 1996 г. его празднование стало приобретать черты массового шоу

¹⁰ Hewitt 2005.

с участием бронетехники, марширующих солдат, колонн ветеранов. Но при внешней схожести основных мемориальных мероприятий праздника с советским временем, российская версия основывается на принципиально иных смысловых и мировоззренческих основаниях. В советской пропаганде День Победы воспринимался как показатель успешности социалистического пути, доказательство его жизнеспособности. Он также являлся напоминанием о пережитых трудностях, которые не позволяли в 1960-1970-е гг. прийти к победе коммунизма¹¹. В современной России Победа – это трансляция и воспроизведение соответствующего онтологического статуса – народа-победителя. Публичная манифестация этого статуса сопровождается перформативностью коммеморативных практик. Она выступает в качестве определенной символической защиты и стремления напомнить о военной мощи России. Участие в мероприятиях в современной России в большей мере отсылает к эмоциональной стороне. Более того, попытки критических размышлений нередко воспринимаются как осквернение памяти о Победе¹². Принятие Дня Победы в качестве главного национального праздника рассматривается политической властью в России как основа для становления гражданской идентичности и патриотизма.

В целом, место культа Победы в современной России вполне соответствует идеям гражданской религии в трактовке Дюркгейма. Гражданам необходимо ощущать связь с чем-то «сакральным», независимо от того, светским или религиозным является событие. Ощущению солидарности способствуют ритуалы, к их числу относятся участие в акции «Бессмертный полк» и возложение цветов к мемориалу «Вечный огонь» в каждом относительно крупном населенном пункте. Отношение к памятникам Победы также носит сакральный характер. Сакральность, сопровождающая День Победы в коммеморативных стратегиях официальной политики памяти, приводит к тому, что наблюдается своеобразная «экспансия» ритуалов Дня Победы на другие национальные праздники. Как и День Победы, День народного единства «знаменует преданность нашего народа своей стране, родной земле», а нерасторжимость такой связи, ответственность за Отечество «всегда служили основой для независимости и суверенитета России, а патриотизм и любовь к Отчизне столетиями скрепляли нашу многонациональную страну»¹³. Более того, и в День России наблюдается экспансия знакомой россиянам по Дню Победы риторики о защите своего дома от врагов, когда среди мероприятий оказывается, например, парад колясок с военной символикой, реконструкция операции Берлинского штурма или открытие военно-

¹¹ Tumarkin 1994. P.155.

¹² Торговцам одеждой; Родина-мать; Серенко; Романова.

¹³ Владимир Путин...

патриотического лагеря «Ратники Отечества. Бородино 2018»¹⁴. Стоит заметить, что в официальной иерархии флагов Российской Федерации флаг Знамени Победы стоит вторым за государственным флагом России. Более низкую ступень при этом занимают флаги федеральных органов, флаги регионов и муниципалитетов России¹⁵.

Появление акции «Бессмертный полк» позволило выстроить отношение между коммуникативной и культурной памятью о войне в условиях ухода из жизни большинства ветеранов Великой Отечественной войны. Она также способствовала усилению влияния официальной политики памяти на пространство семейной памяти россиян, в котором на протяжении десятилетий тема войны была представлена с точки зрения огромных жертв народа и личных утрат граждан Советского Союза.

Вместе с тем, ни одна из коммеморативных акций Дня Победы не обходится без участия школьников и студентов, которые играют важную роль в манифестации преемственности памяти о войне. Национальные праздники являются федеральными выходными, поэтому образовательные учреждения не работают в эти дни. Однако только День Победы имеет традицию коммеморативных практик, связанных со школьниками, так как 12 июня и 4 ноября попадают на школьные каникулы. Торжественные мероприятия в школах идут с конца апреля, а непосредственно 9 мая, несмотря на неработающие школы, ученики бывают задействованы в праздничных мероприятиях.

Память о войне и память о Победе в школьной коммеморации

Как советская, так и российская школа всегда были призваны выполнять не только функцию образования, но и функцию воспитания. Основные коммеморативные акции Дня Победы, перешедшие из советской школы в российскую, не претерпели существенных изменений. Но сравнение показывает, что при сохранении большинства внешних атрибутов и символов праздника, базовые смыслы и нарративы коммеморативных практик в российской школе существенно отличаются.

Встречи с ветеранами

Исторически первой коммеморативной акцией Дня Победы, затронувшей школу в 1960–1970-е гг., является практика встреч с ветеранами. Несмотря на противоречивое отношение к ветеранам на протяжении советской истории, она сохраняла особое значение¹⁶. Поскольку День Победы является выходным днем, встречи с ветеранами в советское время проходили в школе за несколько дней до праздника или на площадях городов 9 мая. Ветераны приходили на «уроки мужества»¹⁷, ко-

¹⁴ На День городе в Тамбове...; 120 реконструкторов; Путин В. Приветствие...

¹⁵ Немеркнущие символы России...

¹⁶ Edele 2008.

¹⁷ Сохраняя память...

торые выступали как исключительно патриотические мероприятия. На протяжении урока ветераны рассказывали о событиях и личных переживаниях в годы войны. Несмотря на то, что живых участников войны с каждым годом становится все меньше, ветераны в современной России продолжают, как и в советской школе, оставаться центральным элементом коммеморативных практик. Однако место уходящих ветеранов Великой Отечественной войны занимают участники других боевых действий. Исполняя те же функции, они рассказывают о необходимости защищать Родину и представляют примеры героизма. Более того, в современной школе на встречу с ветеранами Великой отечественной войны 9 мая приходят военнотружущие и даже ветераны Министерства чрезвычайных ситуаций. Ветераны локальных конфликтов (в Афганистане, Чечне) рассказывают о своих победах, пропагандируя мужество и готовность к подвигу. Интересно, что нарратив данного дискурса во многом схож с нарративом ветеранов Великой Отечественной войны. Это показывает, что сама структура рассказов о Победе в войне 1941–1945 гг. выступает очерчивающей, смысловой рамкой для любых других рассказов о войнах России и мужестве ее солдат. У ветеранов нет другого языка описания, кроме сформированного советским дискурсом о Победе. Таким образом, даже если носителей живой памяти о войне не останется, трансляция дискурса, характерного для «встреч с ветеранами» как неперемного атрибута празднования Дня Победы, сохраняется.

Во-вторых, личное общение с ветеранами постепенно уступает место косвенным способам коммуникации. Предлагаемые сценарии празднования Дня Победы в школе продолжают настаивать на необходимости обращения к живой памяти, если не участников войны, то хотя бы оставшихся свидетелей того времени, чтобы избежать «искажения образа войны 1941–1945 годов и нивелирования подвига нашего народа»¹⁸. При недостатке живых свидетелей наблюдается изменение коммеморативных стратегий. Например, школьникам предлагается «записать воспоминания», которые они ранее слышали от своих родственников. К косвенным способам коммуникации с ветеранами можно отнести случаи, когда школьники дарят цветы людям, которые несут портреты ветеранов во время акции «Бессмертный полк». Человек выступает как бы посредником между ветераном, чей портрет он несет и дарителем; цветы предлагаются не ему, а ветерану.

Несмотря на то, что «Бессмертный полк» официально не связан со школьным образованием, ресурс образовательных учреждений обычно оказывается задействован при проведении мероприятия. Если в крупных городах (Тамбов, Липецк) участие школьников в акции поощряется (бесплатное изготовление транспаранта с ветераном, организация тема-

¹⁸ Каргушина 2005.

тических колонн), но не является обязательным, то в Тамбовской и Липецкой областях именно ученики сельских школ и их родители оказываются основными участниками шествий «Бессмертного полка». Как правило, школьная администрация не обосновывает необходимость участия, считая это не нуждающимся в объяснениях. В основе этой позиции лежит представление о сакральности Победы. Но в случае необходимости комментариёв говорят о правильном воспитании детей и том, что только учителя и родители могут защитить память предков от искажения и переписывания истории. Сами шествия «Бессмертного полка» часто напоминают религиозные процессии, в которых фотографии ветеранов иногда перемешаны с иконами святых¹⁹. Таким образом участие школьников в шествии – это не только дань памяти, но и ритуал гражданской религии, следствием которого должно стать усиление солидарности. Если традиционные встречи с ветеранами призваны обеспечить трансляцию образа народа-победителя от прошлого (ветеран) через настоящее к будущему (детям), то «Бессмертный полк» представляет собой инверсию времени, в которой прошлое оказывается в настоящем, а будущее – за рамками длящегося момента.

Для участия во всех мероприятиях очень важно понятие соответствия. Форма одежды должна быть парадной, георгиевская ленточка приколоты слева, любые разговоры во время праздничного концерта или шествия воспринимаются как проявление неуважения к подвигу ветеранов, пренебрежение к Победе. Призыв «быть достойным памяти» – это основная тема сценариев, посвященных Дню Победы в школах, которые содержатся в тематических книгах для школьников²⁰.

«Вечный огонь» и почетный караул

В каждом крупном городе России с советских времен имеется особое место, включающее в себя мемориал солдатам и жертвам войны, мраморные скульптуры и «вечный огонь». Именно к данному мемориалу каждый год 9 мая возлагаются цветы и именно около него произносятся торжественные и памятные речи. Более того, до сих пор в Липецке выпускники школ в праздничный день выпуска из школы в конце июня приносят букеты цветов именно к данному мемориалу. Несение почетного караула около «вечного огня» всегда считалось крайне ответственным и важным актом памяти о войне. В 1977 г. в Липецке и Тамбове были официально созданы «Вахты Памяти Почетного караула»²¹, а само место несения караула получило название Пост № 1. Сама практика представляла собой присутствие трех школьников, одетых в военную форму вооруженных сил СССР и державших муляжи стрелкового ору-

¹⁹ Обухов...

²⁰ Казаков 2011.

²¹ Пост № 1 на Площади Героев; Пост № 1 у монумента «Вечная слава».

жия. Каждый час караул сменялся, что полностью соответствовало практике почетного караула у «вечного огня» в Москве.

Данная коммеморативная практика с участием школьников была обязательной для всей территории Советского Союза, предполагала одинаковый ритуал и без всяких изменений сохранилась до сегодняшнего времени. Школьники приносят ту же клятву. Распорядок несения караула имеет те же интервалы времени и строго соответствует образцам, утвержденным в советское время. Вместе с тем, важна трансформация смыслового содержания ритуала. В советское время принимать участие в несении Почетного караула имели право только лучшие ученики школы, имевшие положительные успехи в учебе и являющиеся активными членами пионерской организации. В современной России несение караула является обязанностью всех старшеклассников и оформляется приказом директора школы. Более того, если в советское время к «вечному огню» возлагались цветы только на 9 мая, то сегодня мероприятия проходят также в памятные даты, связанные с Афганской войной и двумя Чеченскими войнами, так как Великая Отечественная война и День Победы используются как общая символическая рамка для темы преемственности героического опыта в России. Пост № 1 оказывается почетным караулом во имя героизма солдат всех войн, которые вела Россия. Заметим также, что возложение цветов к мемориалу сохраняется и в небольших населенных пунктах, но уход за памятниками, как было принято в СССР, со стороны школьников или отсутствует, или включает, например, регулярно осуществляемую покраску. Реставрация по надобности уже не соответствует нормам школьного трудового воспитания.

Демонстрации 9 мая и акция «Георгиевская ленточка» в школе

Еще одной коммеморативной практикой, сохранившейся с советских времен, является участие школьников в парадах Победы, проводимых 9 мая в каждом крупном российском городе. После официальных речей и прохождения колонн солдат, работников полиции и других силовых служб, завершают праздничный парад, как правило, дети школьного возраста, переодетые в униформу Великой Отечественной войны. Участие младших школьников в военной форме оказывается также важным элементом патриотических акций, не связанных с празднованием победы над Германией. Так, 17 апреля 2018 г. в 4-й школе Липецка в рамках проекта «Живая память поколений» были установлены мемориальные доски липчанам, погибшим в Афганской войне²². Открывали мероприятие дети, одетые в форму времен Великой Отечественной войны.

С 2017 г. участие школьников в общих колоннах праздничного шествия было дополнено участием в парадах представителей «Юнармии» (Юная армия). Эта детская общественная организация была создана на

²² Торжественное открытие мемориальной доски.

базе Министерства обороны и активно задействует ресурсы школ в каждом регионе России. Цель организации – подготовка молодежи к службе в армии и воспитание патриотических традиций. 9 мая 2017 г. на Красной площади воспитанники Юнармии прошли парадным строем²³. Юнармия является попыткой реабилитации советской организации ДОСААФ, которая занималась развитием у молодежи навыков военного дела и была одним из элементов патриотического воспитания в СССР. Ключевое отличие Юнармии состоит в том, что российский аналог не имеет существенной идеологической платформы, а патриотическое воспитание, как правило, сводится к военной подготовке, изучению военной истории и развитию чувства коллективизма у воспитанников.

Наиболее заметной коммеморативной практикой является акция «Георгиевская ленточка». Она проходит с 2005 г. и затрагивает все образовательные учреждения. Объявления о старте акции появляются на всех ресурсах, объединенных в систему «Дневник. Ру», в конце апреля. Несмотря на то, что само объявление носит характер рекомендации, большинство работников образования настаивает на том, чтобы ленточки в обязательном порядке носили все школьники. Как символ памяти о подвиге российского народа в Великой Отечественной войне, акция позиционируется как некоммерческая и неполитическая²⁴. Однако использование георгиевской ленточки в качестве одного из главных символов, обозначающих сторонников пророссийской стороны в конфликте России и Украины, и общий патриотический подъем в России привели к тому, что из символа памяти георгиевская ленточка стала идентификационным индикатором. В некоторых школах Тамбовской области отказ надеть ленточку воспринимается педагогами и администрацией школы как отказ быть гражданином.

Пространство коммемораций войны 1941–1945 гг. не ограничивается в школьной жизни днем 9 мая. Особое место в последние годы приобрела акция «Свеча памяти». Она проводится поздно вечером 21 июня и уже стала в Липецке официальной. Учащиеся старших классов всех школ и вузов обязаны явиться на Площадь Героев к 22.00 и с зажженными свечами проследовать до мемориала Победы²⁵. Участие в акции является обязательным для всех школ г. Липецка, что оформляется соответствующими приказами органов управления образованием²⁶. Акция собрала более 2,5 тыс. человек. Помимо школьников свечи несут горожане, студенты, 200 сотрудников силовых структур, представители патриотических общественных объединений и органов власти.

²³ Парад Великой Победы!

²⁴ Опубликован Кодекс «Георгиевской ленточки».

²⁵ 21 июня в Липецке...

²⁶ Участие в акции...

Праздничные концерты, спортивные состязания и военные игры

Сравнивая репертуар праздничных концертов в советское время и в современной российской школе трудно говорить о каких-либо существенных изменениях. Праздничный концерт проводится в школе и включает в себя песни, театральные постановки, танцевальные номера. Но если раньше в качестве главных зрителей на таких концертах присутствовали ветераны, то сейчас в большинстве школ это мероприятие представляет собой смотр самодеятельности для других учителей и администрации школы. В младших классах крупных школ культурная программа обычно ограничивается посещением спектакля или концерта, который организуют профессиональные исполнители. В селах на концерт часто приглашают родителей и представителей сельской администрации. Если все-таки присутствуют ветераны, то им дарят цветы и открытки. В качестве примера можно привести концерт 7 мая 2018 г. в одном из лучших лицеев г. Липецка – лицее № 44²⁷. Почётными гостями мероприятия стали ветераны педагогического труда – бывшие учителя, заместители директора школы. Лицейсты представили вниманию гостей вокальные и танцевальные номера, выступил хор старшеклассников. Большинство сценических номеров не были непосредственно связаны с темой войны. Это были традиционные русские песни, хореография, театральные номера прошлых лет, которые получили высокую оценку на других конкурсах. Таким образом, и в данном случае тематика дня Победы оказалась своеобразной символической рамкой, вбирающей в себя различные по смыслу и характеру мероприятия.

Российская школа унаследовала от советской и практику организации различных спортивных конкурсов, приуроченных к 9 мая. Как и в случае с концертами, данные спортивные мероприятия могут быть проведены в любое другое время года и являются лишь частью общей программы активностей школы, которой необходимо организовать интенсивную деятельность в рамках общей смысловой рамки – Дня Победы. Так, например, в Тамбовской области вот уже несколько лет проводится ежегодный спортивный конкурс «Марафон победы» – состязание в беге на малую дистанцию для учащихся младшей школы, т.е. достаточно рядовое спортивное мероприятие получает особый статус, так как проводится 9 мая или в преддверии праздника.

Сохранившийся советский атрибут празднования Дня Победы – военная игра «Зарница». Возвращение к игре, придуманной в 1964 г. сельской учительницей, произошло в 2001 г. в соответствии с идеями, заложенными в первой Программе патриотического воспитания. «Зарница» представляет собой военно-спортивную игру, в которой учащиеся должны показать умение ходить строевым шагом, сдавать спортивные

²⁷ Сохраняя память...

нормативы (бег, прыжки, полоса препятствий, силовые упражнения) и разбирать автомат Калашникова. Однако современные школьники в исследуемых областях больше отвечают на вопросы по истории, которые, как правило, сводятся к тому же знанию самых ярких фактов Великой Отечественной войны, чем показывают умение защитить Родину. Более того, как и в случае других коммемораций, за игрой «Зарница» в российском варианте не стоит никакой идеологии наподобие той, что была в СССР. Речь идет о наборе практик, демонстрирующих военные навыки, умение подчиняться приказам и знать общепринятый набор фактов об истории Великой Отечественной войны.

***Память о Победе в современной российской школе:
на пути к предсказуемому прошлому?***

Патриотическое воспитание в современной российской школе регламентируется Программами патриотического воспитания, которые принимаются с 2000 г. Действия каждой такой программы продлевается на 5 лет. Интересно, что своеобразным индикатором выполнения показателей, заложенных в программу, становится очередной юбилей Победы. Первая Программа объявила целью создание системы патриотического воспитания (специальные центры, движения, организация внешкольной деятельности и т.д.), при этом объектом воздействия было все российское общество. Потом амбиции авторов снизились, и вторая Программа (2005–2010) ориентировалась на молодежь (основные финансовые средства получили органы образования). Цель была конкретизирована как необходимость сформировать толерантность и актуализировать советскую идею дружбы народов. Третья Программа (2011–2015) констатировала «сформированность системы патриотического воспитания». С 2011 г. начинается рост консервативного тренда, в рамках которого в Программе четко проводится преемственность с советской системой патриотического воспитания. И уже Четвертая программа (2016–2020) говорит о необходимости современного и научного подхода. Однако консервативные тенденции в ней сохраняются²⁸. С опорой на федеральные программы принимаются региональные и муниципальные программы, определяющие план мероприятий в образовательных учреждениях, а также порядок финансирования. Если до 2015 г. основной активностью на 9 мая был праздничный концерт и военно-спортивная игра «Зарница», которая не связывалась напрямую с Днем Победы, то в рамках реализации третьей Программы патриотического воспитания включение школьников в празднование усилилось.

Несмотря на то, что некоторые советские практики стали частью празднования Дня Победы в российской школе, между ними есть важное отличие. Советская коммеморативная стратегия не была направлена

²⁸ О государственной программе...

на воспитание патриотизма через память о Дне Победы. Ветераны, как и сейчас, говорили о своих подвигах, «Зарница» готовила «к труду и обороне», но в основе ритуалов лежало стремление подчеркнуть отличие сегодняшнего дня от военного времени. Советская школа транслировала необходимость мира и стремление к нему. Ветеранов благодарили за «мирное небо над головой», а День Победы презентовался как праздник окончания войны. Через это отличие подчеркивались успехи социалистического строя, благодаря которому, согласно официальной пропаганде, удалось победить фашизм, восстановить страну после войны и «убедить половину Европы в правильности социалистического пути».

В современной российской школе происходит отождествление сегодняшнего времени со стереотипным образом военного периода. Формирование патриотизма нередко связывается с эмоциональной демонстрацией военного оружия. Сложно представить, чтобы в советское время после рассказа ветерана прозвучало «можем повторить!» – рефрен современных коммеморативных практик. Готовность «повторить» оказывается следствием сформированного представления о войне как месте подвига и героизма, а не боли и страданий. Основные конструируемые эмоции в современной российской школе – это благодарность и что еще более важно для нас – гордость. Чем дальше оказывается Великая Отечественная война, тем более активно подчеркивается то, что современные школьники имеют право на гордость, причина которой в том, что события 1945 года представляются как общая Победа советского (российского) народа. В данном случае уже сам факт принадлежности к государству является не только поводом, но причиной для гордости, т.е. гордость оказывается обязанностью, как ношение георгиевской ленточки (девиз которой «Я помню, я горжусь») или участие в акции «Бессмертный полк». «Еще до школы необходимо сформировать у детей первоначальные представления о подвиге нашего народа в Великой Отечественной войне, пробудить гордость за принадлежность к России», – советуют современные методические пособия²⁹. Интересно, что сохраняется не только большинство советских практик, но сам дискурс, которым сопровождается нарратив празднования в современных школах. Детям предлагается рассказать «о том, какой ценой досталась нашему народу Победа, о бесстрашных героях войны», детям говорят, «ценой огромных потерь нашему народу и Красной армии удалось спасти не только Европу, но и весь мир от коричневой чумы – фашизма»³⁰.

Основная особенность состоит в повышенной перформативности, которая характерна для современной коммеморации вообще, и является важной для школьников. Другими словами, недостаточно просто пом-

²⁹ Картушина 2005.

³⁰ Казаков 2011. С. 3.

нить, необходимо показать, доказать, что «я действительно помню», то есть, совершить акт «воспоминания действием»³¹. Это достигается участием школьников в различных ритуалах. Таким образом, как заметил К. Вульф, социальные нормы усваиваются через их исполнение³². Просто слов (заученных стихотворений, лозунгов и т.д.) оказывается уже недостаточно, чтобы сообщение было услышано и понято правильно. Подобная перформативность и слияние ритуалов представляются педагогам в качестве одного из способов избежать искажения истории.

Перформативность современных практик повышает актуальность идей биополитики. Мемориалом в современных практиках становится тело потомка, которое используется для того, чтобы носить «георгиевскую ленточку» или портрет ветерана. Эти практики, объявленные как дань памяти, на деле обеспечивают трансляцию сакрализованного представления о совершенном подвиге, к которому теперь через это коллективное тело, включающее в себе ветеранов и их потомков, имеет отношение каждый россиянин. Учитывая доминирующее место Победы в символическом пантеоне, включение школьников в практики празднования Победы может быть рассмотрено как приобщение молодых граждан к «коллективному телу Левиафана».

Активизация патриотической риторики превратила День Победы в центральный элемент официальной политики памяти, одним из важнейших ресурсов которого является система школьного образования и воспитания. Место культа Победы на фоне постсекулярного поворота в современной России вполне соответствует идеям гражданской религии в трактовке Дюркгейма. Участие школьников в коммеморациях Дня Победы выступает в современной России не только как дань памяти, но предстает в качестве ритуалов гражданской религии, следствием которых должно стать усиление солидарности. Вместе с тем, при сохранении большинства внешних атрибутов и символов праздника, коммеморативные практики Дня Победы в российской школе существенно отличаются от советского времени. Это связано как с демографическими и политическими причинами, так и с ростом влияния локальных практик семейной памяти. Коммеморациям Дня Победы в современной российской школе свойственна перформативность, темпоральная инверсия, подчеркнута официальный характер ряда акций, что зачастую приводит к подмене практик солидаризации процессом идентификации.

Источники

120 реконструкторов показали в Тамбове фрагмент Берлинского штурма. URL: <https://www.onlinetambov.ru/news/society/120-rekonstruktorov-pokazali-v-tambove-fragment-berlinskogo-shturma>

21 июня в Липецке пройдет акция «Свеча памяти». URL: <https://gorod48.ru/news/962380>

³¹ Oushakine 2013.

³² Вульф 2009.

- Бессмертный полк России. URL: <http://polkrf.ru>
- Борьба за день Победы. URL: <http://rusfront2012.com/gordost/409-borba-za-den-pobedy>.
- Владимир Путин принял участие в торжествах по случаю Дня народного единства. URL: <http://www.putin-today.ru/archives/6601>
- Картушина М.Ю. День Победы. Сценарии праздников для ДООУ и начальной школы. М.: Сфера, 2005.
- Казаков А.П. Детям о Великой Победе. Беседы о Второй мировой войне / А.П. Казаков, Т.А. Шорыгина. М., Издательство ГНОМ, 2011.
- На День города в Тамбове: патриотическое шествие, парад военных колясок и Лайма Вайкуле. URL: <http://lifetambov.ru/kultura/3099-na-den-goroda-v-tambove-patrioticheskoe-shestvie-parad-voennyix-kolyasok-i-lajma-vajkule.html>.
- Немеркнущие символы России. Сборник методических материалов по использованию государственной символики России и Липецкой области. Липецк: Комитет по делам молодежи Липецкой области, 2007.
- О государственной программе “Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы.” URL: <http://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUXzVkh1jsKAEtrx2dE4q0ws.pdf>
- Обухов А. Поклонская сделала Николая Второго участником «Бессмертного полка». URL: <https://www.mk.ru/social/2016/05/09/poklonskaya-sdelala-nikolaya-vtorogo-uchastnikov-bessmertnogo-polka.html>
- Опубликован Кодекс «Георгиевской ленточки». 26 марта 2006 года. URL: <https://regnum.ru/news/610368.html>
- Парад Великой Победы! 9 мая 2018 года. URL: <https://yunarmy.ru/news/1433>
- Пост № 1 на Площади Героев в г. Липецке. URL: <https://vk.com/club9079476>
- Пост № 1 у монумента «Вечная слава» города Тамбова. URL: <http://centr-tambov.68edu.ru/post1.html>
- Путин В. Приветствие Участникам, организаторам и гостям Военно-патриотического лагеря «Ратники Отечества. Бородино– 2018». URL: <http://kremlin.ru/events/president/letters/57721>
- Родина-мать уже не нужна. <http://nmm.me/blogs/aleeks1/rodina-mat-uzhe-ne-nuzhna/page11>
- Романова К. Местные власти вознамерились придумать новый символ города — менее «кровавый». URL: http://rusplt.ru/articles/region/region_1747.html.
- Серенко А. Чиновникам Волгограда Родина-мать уже не нужна. URL: http://www.ng.ru/regions/2012-11-29/1_volgograd.html
- Сохраняя память... 8 мая 2018 года. URL: <http://www.liceum44.ru/news/12436>
- Торговцам одеждой в Иванове запретили использовать плакат «Родина-Мать зовет!». http://chastnik.ru/news/obshchestvo/1045964-torgovtsam-odezhdoj-v-ivanove-zapretili-ispolzovat-plakat-rodina-mat-zovet/?utm_source=rss_chastnik&utm_medium=rss&utm_campaign=news
- Торжественное открытие мемориальной доски. 17 апреля 2018 г. <http://lipetsk-school4.ucoz.ru>
- Участие в акции «Свеча памяти». URL: <http://www.liceum44.ru/news/12704>

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аникин Д.А. Праздник как элемент культурной памяти миграционного сообщества // *Studia Humanitatis. Международный научный журнал*. 2018. № 2 [Anikin D.A. Holiday as part of the cultural memory of the migration community // *Studia Humanitatis. International Scientific Journal*. 2018. No. 2]. URL: <http://st-hum.ru/content/anikin-da-prazdnik-kak-element-kulturnoy-pamyati-migracionnogo-soobshchestva>
- Вульф К. К генезису социального: мимезис, перформативность, ритуал. СПб.: Интерсоцис, 2009 [Vul'f K. K genezisu social'nogo: mimezis, performativnost', ritual. SPb.: Intersocis, 2009]
- Габович М. Памятник и праздник: этнография Дня Победы // *Неприкосновенный запас*. 2015. № 3 (101). С. 93–111. [Gabovich M. Pamyatnik i prazdnik: etnografiya Dnya Pobedy // *Neprikosnovennyj zapas*. 2015. № 3 (101). С. 93–111]
- Головашина О.В. Образ Советского Союза в социальной памяти россиян // *Социально-экономические явления и процессы*. 2013. № 11. С. 193–198. [Golovashina O.V. Obraz Sovetskogo Soyuz v social'noj pamyati rossiyan // *Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy*. 2013. № 11. S. 193–198.]

- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991. [Dyurkgejm E. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sociologii. M.: Nauka, 1991]
- Колыгина Н., Конрадова Н. День Победы на Поклонной горе: структура пространства и ритуалы // Неприкосновенный запас. 2015. № 3(101). С. 135–149. [Kolyagina N., Konradova N. Den' Pobedy na Poklonnoj gore: struktura prostranstva i ritualy // Neprikosnovennyj zapas. 2015. № 3(101). С. 135–149]
- Олик Д. Фигурации памяти: процессно-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40–74. [Olik D. Figuracii pamjati: processno-relyacionnaya metodologiya, illyustriruemaya na primere Germanii // Sociologicheskoe obozrenie. 2012. T. 11. № 1. S. 40–74]
- Репина Л.П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого / Ред.: И.М. Савельева, А.В. Поletaев. М.: ГУ-ВШЭ, 2005. С. 122–169. [Repina L.P. Konceptcii social'noj i kul'turnoj pamjati v sovremennoj istoriografii // Fenomen proshlogo / Red. I.M. Savel'eva, A.V. Poletaev. M., GU VShJe, 2005. S. 105–144.]
- Backford J. A. Social Theory and Religion. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Bellah R.N. Civil Religion in America // Daedalus. 1967. Vol. 96. No. 1. P. 1–21.
- Durkheim É. The elementary forms of religious life. New York: Free Press, 1995.
- Edele M. Soviet veterans of the Second World War: a popular movement in an authoritarian Society 1941–1991. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008.
- Hewitt A. Social Choreography: Ideology as Performance in Dance and Everyday Movement. Durham, 2005.
- Oushakine S. Remembering in Public: On the Affective Management of History // Ab Imperio. 2013. No. 14. P. 269–302.
- Tumarkin N. The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia. N.Y.: Basic Books, 1994.

Линченко Андрей Александрович, кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Липецкий филиал); доцент кафедры философии, Липецкий государственный технический университет; linchenko1@mail.ru

Головашина Оксана Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и методологии науки, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина; ovgolovashina@mail.ru

“And that means we need one Victory...” memory of the Victory in the Soviet and the Russian school

The article deals with the peculiarities of the transformation of the May 9 practice of commemoration in modern Russian schools using the example of educational institutions of the Tambov and Lipetsk regions. Modern Russian experience is analyzed in the context of a comparative analysis of the peculiarities of the May 9 celebration in the Soviet school. The sources of the research were materials of social networks, websites of schools, as well as official and normative documentation of schools and departments of education. On the basis of the methodological ideas of E. Durkheim, R. Bella and J. Olick, the authors substantiate the idea that the cult of Victory in the Great Patriotic War is meaningfully considered as a manifestation of the civil religion. It is shown that with the preservation of Soviet forms of celebration, their content changes in modern conditions. It was revealed that for the commemorative practices of the Victory Day in the modern Russian school are performativity, substitution of the practice of solidarization with identification, temporal inversion.

Keywords: cultural memory, commemorative practices, civil religion, Victory Day, solidarity, school

Andrei Linchenko, PhD, Researcher, Financial University (Government of the Russian Federation), Lipetsk branch; Lipetsk State Technical University; linchenko1@mail.ru

Oksana Golovashina, PhD, Associate Professor, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov; ovgolovashina@mail.ru

А. С. ХОДНЕВ

«ИСТОРИЯ ПРО АМЕРИКУ В ТО ВРЕМЯ, РАССКАЗАННАЯ АМЕРИКОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

В статье исследован случай использования прошлого в театральной постановке, неожиданно породившей серьезную дискуссию как в публичной, так и в академической истории США. Мюзикл «Гамильтон», поставленный на Бродвее в 2015 г., делает историю. Учителя истории используют «Гамильтона», чтобы оживить свои уроки. Книжки об Американской революции, А. Гамильтоне и других основателях, исчезают с полок книжных магазинов. Стремление утвердить новый патриотический миф образования США существенно влияет на чувство исторического времени и деконструкцию старых взглядов. «Шик основателей» как новая форма восприятия истории XVIII века становится частью идентичности нового поколения Америки.

Ключевые слова: публичная история, историческая память, использование прошлого, идентичность, «шик основателей» США, иммиграция, демократия, федерализм

В заголовок этой статьи вынесен ключевой принцип отношения к истории Лин-Мануэля Миранды¹, автора текста, музыки и исполнителя главной роли в нашумевшем мюзикле о жизни исторического персонажа XVIII в. Александра Гамильтона. В разговоре с популярным литератором и историком Роном Черноу, написавшим новую биографию «забытого» отца-основателя А. Гамильтона², Миранда произнес фразу, подтвердившую его серьезное отношение к истории в новом проекте: «я хочу, чтобы историки приняли это всерьез»³. Яркий спектакль появился в 2015 г. и остается самым популярным шоу на Бродвее⁴. «Гамильтон» написан в жанре хип-хоп и рэп, культуре близкой современному молодому поколению Америки. Это само по себе стало революцией на Бродвее, поскольку прежние музыкальные зрелища основывались на более традиционных для XX в. музыкальных направлениях и ценностях.

Однако главная сенсация этого представления связана со взглядом на историю и проблемой понимания прошлого современным поколением американцев. В книге, вышедшей под редакцией Р. Романо и К. Поттер, констатируется, что Америка потеряла рассудок от всего, что связано с мюзиклом «Гамильтон»⁵. «Гамильтон» делает историю, его влияние выходит далеко за пределы вкусов бродвейской публики, готовой

¹ Miranda, McCarter 2016. P. 33.

² Chernow R. Alexander Hamilton.

³ Miranda, McCarter 2016. P. 32.

⁴ Помимо Нью-Йорка спектакль поставлен в Чикаго, имеется также версия антрепризы, путешествующая по крупным городам США. С декабря 2017 г. мюзикл «Гамильтон» идет в Лондоне.

⁵ Historians on Hamilton. 2018. P.1.

платить высокие цены за билеты. Учителя истории в США используют «Гамильтона», чтобы оживить свои уроки. Книги об Американской революции исчезают с полок книжных магазинов, вокруг мест памяти об Александре Гамильтоне образуются транспортные пробки, жаждущих впечатлений туристов. Легко запоминающиеся слова песен из «Гамильтона» звучат повсюду. В комедийных ТВ-программах все это называют “*hamilaria*”, «гамилария», неологизм, появившийся для описания нового культурного мема похожего на болезнь малярии. Симптомы новой социальной болезни описывают так: «неконтролируемое стремление петь или декламировать тексты из мюзикла-хита «Гамильтон», когда требуется употреблять фразы нормального повседневного разговора»⁶.

Поклонники шоу, как и некоторые историки утверждают, что «Гамильтон» Миранды – это всего лишь пьеса, а не исследование по истории, и поэтому она не заслуживает критического анализа и серьезного обсуждения в профессиональной среде. Историк У. Хоуглэнд подчеркнул, что так и надо было поступить, если бы крупное неправительственное просветительское учреждение Институт американской истории Гилдера Лермана (*Gilder Lehrman Institute of American History*) и другие серьезные профессиональные организации не признали шоу эпохальным с точки зрения преподавания американской истории⁷. К тому же спектакль стал важной частью современной американской культуры и стимулировал дискуссии о том, что хорошего и плохого он принес в культурную ментальность современного поколения, связанную с историей.

Итак, мюзикл «Гамильтон» стал использоваться в американских школах и колледжах для изучения истории революции и ранней республики. Весной 2016 г., когда актеры, исполняли части мюзикла на вечере в Белом доме, президент Обама похвалил образовательный компонент программы, сказав: «Я очень рад, что они работают с нью-йоркскими государственными школами», чтобы дать студентам «более глубокое понимание основания нашей страны»⁸. Идею моментально поддержали ассоциации учителей истории, и появился даже специальный термин “*EduHam*”, в котором можно заметить объединение двух ключевых слов: «образование» и «Гамильтон», иными словами, родилась программа преподавания истории при помощи мюзикла «Гамильтон». Написано специальное 24-страничное учебное пособие, требующее от учащихся прочесть оригинальные документы Гамильтона. В руководстве указывается, что ученики могут выбирать ключевые слова из документов и попытаться написать изложение на языке, который автор использовал. Затем ученики повторяют рассказ о документе своими словами. На следу-

⁶ Ibid. P. 2-3.

⁷ Ibid. P. 35.

⁸ D'Orio 2017.

ющем этапе учащиеся получают задание сделать анализ, каким образом Л.-М. Миранда написал стихи на основе исторических документов⁹. Судя по восторженным отзывам, эта программа была принята в школах как учителями, так и учащимися. Следовательно, мюзикл «Гамильтон» стал частью интереса самой широкой молодежной публики.

Американцы по традиции получали информацию об истории из масс медиа. В фильмах, книгах массового рынка и на телевидении часто использовали юбилейные даты исторических событий, чтобы напомнить о них, дать еще одну интерпретацию долгосрочного и непреходящего их значения для страны и обсудить американские идеалы и идентичность¹⁰. Иногда в поле этих дискуссий попадают и более серьезные исторические реалии, например, цайтгайт, дух времени эпохи революции, ранней республики или гражданской войны. Каролин Китч считает, что, поскольку продукция масс медиа по истории является в большей степени результатом работы исторической памяти, а не научной историографии, в текстах масс медиа заметную роль играет субъективная рефлексия¹¹. Медиа стали важным местом ностальгического использования прошлого и формирования нового патриотизма.

Еще одна важная тенденция рубежа XX–XXI вв. – появление новоиспеченного тренда в популярных изданиях: парадных и гламуризированных биографий отцов-основателей США на фоне невиданного развития новых масс медиа, в которых их рекламировали. Историки Дэвид Уолдстрейчер и Джеффри Пэйсли назвали новый тренд «шиком основателей». Речь идет о роскошном и пышном стиле изложения биографий известных исторических героев, а заодно и всей эпохи американской революции и ранней республики. Этот жанр появился в американской историографии в конце 1990-х с публикацией двух известных книг «Братья-основатели» Джозефа Эллиса и «Джон Адамс» Дэвида Маккалоу¹².

Френсис Кольяно обратил внимание на массовый объем материалов, в т.ч. многочисленных бестселлеров, а также телевизионных документальных фильмов, посвященных различным аспектам истории и героям эпохи революции и ранней республики, которые, по его мнению, «пострадали от “шика основателей”», чрезмерного увлечения мыслями и действиями небольшой группы элиты за счет невнимания к другим политическим субъектам и социальным группам¹³. Заметим, что в это же время академическая историография США развивалась в направлении отступления от подчеркивания значения деятельности только от-

⁹ Ibidem.

¹⁰ Kitch 2002. P. 44

¹¹ Ibid. P. 45.

¹² См.: Historians on Hamilton. 2018. P. 137.

¹³ Cogliano 2005. P. 412

цов-основателей и движения к более глубокому изучению роли народа, широких масс в процессе становления страны.

Однако новый жанр «шика основателей» прославлял только «отцов». По мнению Д. Уолдстрейчера и Д. Пэйсли, это «бряцание оружием» истории для поднятия национальной гордости можно сравнить с концепцией великого человека, созданной Т. Карлайлем в XIX в. Биографы, связанные с направлением «шика основателей» подчеркивают, что герой, строя свою личную судьбу, делал историю и создавал страну. Они идут дальше Карлайла, который все это объяснял духовными ценностями. Современные биографы, делая те же посылы, пишут более трезво, используют детали реальной жизни и политики. Не случайно, выбор авторов новых биографий «шика основателей» падает на те фигуры, которые активно участвовали в создании институтов государства, существующих по сей день. В связи с выделением этой новой группы активных политиков прошлого термин «отцы-основатели» был заменен на «основатели». Последний в свою очередь был адаптирован из давнего термина «творцы», иначе говоря, участники процесса создания конституции США. Согласно критериям «шика основателей», Дж. Вашингтон, Джон Адамс и А. Гамильтон – звезды первой величины. Фигуры Т. Джефферсона и А. Бэрра рассматриваются как «фоновые», Джеймс Мэдисон – это «загадочный характер», а Томас Пэйн, Самюэль Адамс остаются в скобках, они не отвечают требованиям тренда «шика основателей»¹⁴. Заметим, что в этом списке нет нескольких известных имен героев Американской революции и эпохи ранней республики.

Книгу Рона Черноу «Александр Гамильтон» (2004), на основе которой Л.-М. Миранда и создал мюзикл, можно с полным основанием отнести к жанру «шика основателей». Книга была встречена положительными рецензиями, в которых не было намека на попытку рассмотреть признаки «шика основателей». Например, известный литературный журнал “*The Hudson Review*” откликнулся на книгу Р. Черноу большой рецензией Б. Аллена с пересказом жизни А. Гамильтона. Рецензент отмечал, что книга Черноу, несомненно, влюбленного в своего героя, – это не агиография, а текст, представляющий собой новый богатый и более тонкий подход к американским историческим иконам. Персонажи Черноу, по мнению рецензента, человеческие, а «в случае “Гамильтона” – все даже слишком человеколюбиво»¹⁵. Р. Черноу утверждал, что А. Гамильтон заслуживает положительной оценки за то, что он «был в высшей степени двойным вызовом среди отцов-основателей: и мыслитель, и исполнитель в одном лице, сверкающий теоретик и мастеровитый исполнительный менеджер. Он и Джеймс Мэдисон были главными дви-

¹⁴ Historians on Hamilton. 2018. P. 140-141.

¹⁵ Allen 2004. P. 500.

жущими силами, выступавшими за созыв Конституционного конвента и главными авторами этой классической, блестящей национальной хартии «Федералист», написанием которой руководил Гамильтон». Если Джефферсон сотворил «существенную поэзию американского политического дискурса, то Гамильтон создал прозу американского государственного управления»¹⁶. Черноу полагает, что начало XXI века – благоприятное время для пересмотра биографии А. Гамильтона, поскольку он был пророком капиталистической революции в Америке. По мнению Черноу, он стал посланником будущего, в котором американцы живут сейчас: «Мы оставили розовую аграрную риторику и рабовладельческую реальность демократии Джефферсона и живем в оживленном мире торговли, промышленности, фондовых рынков и банков, которые Гамильтон предвидел»¹⁷. В общем, книга Черноу появилась в нужное время и к столу современных дискуссий, о которых так много размышлял и писал Гамильтон: куда дальше двигаться Америке, как преодолевать современные финансовые и политические проблемы?

Начиная с 2015 г. американские масс медиа были вовлечены в обсуждение яркого явления популярной культуры, мюзикла «Гамильтон», имеющего, как уже говорилось, все признаки «шика основателей». Дело в том, что в новой версии жизни известного политика конца XVIII – начала XIX в., одного из главных создателей американского государства, фактически создателя и первого руководителя Федерального резерва¹⁸, А. Гамильтона, ностальгия и национальные чувства современного поколения американцев развернулись в сторону совершенно иной интерпретации. Согласно истории, изложенной в мюзикле, современную Америку создали эмигранты из Карибского бассейна¹⁹ и Африки, а не группа белых, в отношении которой ранее использовали термин «отцы-основатели». Миранда заявил на одном из концертов в Белом Доме в присутствии президента Обамы: «13% нынешнего населения США родились за границей, это почти рекорд за все годы»²⁰. У историков возникли естественные вопросы, как в этом новом дискурсе истории изложены проблемы демократии, свободы, рабства, участия народа в акте Основания страны, каким образом Александр Гамильтон сумел предусмотреть будущее страны и предсказать многие проблемы XXI в.?

В 2016–2017 гг. в США прошло несколько конференций профессиональных историков, посвященных феномену мюзикла «Гамильтон».

¹⁶ Chernow 2004. P. 4.

¹⁷ Ibid. С. 6.

¹⁸ Первый банк Соединенных Штатов был создан А. Гамильтоном в 1791 г. и выполнял функции центрального банка до создания Федерального резерва в 1913 г.

¹⁹ Александр Гамильтон родился на одном из Карибских островов. Лин-Мануэль Миранда вырос в семье иммигрантов из Пуэрто-Рико.

²⁰ Miranda, McCarter 2016. P. 15.

Журнал “*Independent Review*” организовал коллективное посещение этого спектакля историками с последующим обсуждением²¹. Не мог обойти вниманием эту дискуссию и журнал “*The Journal of the Early Republic*”, опубликовав несколько важных эссе²². Реакция историков на мюзикл, получилась противоречивой и амбивалентной. Многие высказались позитивно о музыкальных и художественных достоинствах этого произведения. Однако историческая сторона вызвала серьезную критику.

Мюзикл «Гамильтон» породил еще одну дискуссию: о влиянии публичной истории на общество и ее отношения с массовой культурой. Новым трендом глобализации в конце XX – начале XXI в. стало активное вмешательство в историю журналистов, кино и телережиссеров, простых граждан. Эти новые практики использования прошлого стали именовать «публичной историей», или «популярной», «релевантной», «прикладной» историей. Термин появился в 1970-х в США, а в 1990-е публичная история, успешно преодолев Атлантику, вызвала живые дискуссии в Европе²³. Л.П. Репина подчеркивает, что «“публичная история” (ее также иногда называют “открытой”, “практической”, “прикладной” историей или “историей для всех”) обращена к широкой аудитории и говорит на понятном ей языке»; а также отмечает, что публичной истории принадлежит важная роль в необходимой для профессиональных историков коммуникации с обществом, широкой публикой²⁴.

Публичная история в США, хотя и не имеет до сих пор четко очерченных предметных академических рамок, ведет себя как любая другая историческая дисциплина. Появился журнал “*Public Historian*”, возникли профессиональные сообщества. Например, с 1979 г. активно работает Национальный совет публичной истории (НСПИ), в 1980 г. переехавший из Калифорнии в Вашингтон. НСПИ имеет внушительный список попечителей, организующих сбор финансовых средств и поддерживающих начинания совета. На ежегодных собраниях НСПИ обсуждаются важные проблемы дальнейшего развития публичной истории. Например, в 2017 г. на рабочих группах НСПИ предлагали такие темы для обсуждения как «Встреча с цифровым посредником: участие сообщества публичных историков в цифровом мире», «Посредничество в интерпретации раннего американского прошлого для современной публики», «Коммуникация в истории как область исследований»²⁵. Заметим, что все темы сформулированы как современные научные проекты, заслуживающие интереса со стороны профессиональных историков. Иными

²¹ См. подробнее: *The Independent Review*. 2017. Vol. 21. No 4.

²² См. подробнее: *Journal of the Early Republic*. 2017. Vol. 37. No 2.

²³ Савельева 2016. С.255.

²⁴ Репина 2014. С. 9; 2015. С. 62.

²⁵ NCPH 2017 Annual meeting. Working groups. 2017.

словами, эти исследования могут продвинуть к новым рубежам весь корпус исторической науки. Тем не менее, И.М. Савельева справедливо заметила, что публичные историки все еще «рассуждают о своих занятиях редко и не очень глубоко»²⁶.

На ежегодной конференции в Санта-Фе в апреле 2007 г., после нескольких десятилетий существования, НСПИ объявил, что согласовано определение публичной истории как «движения, методологии и подхода, который развивает совместное изучение и практики истории. Лица, его практикующие, выполняют миссию передачи специальных идей и наблюдений для того, чтобы они стали доступными и полезными для общественности»²⁷. Заметим, что дефиниция, предложенная НСПИ, не упоминает о субординации или противопоставлении академических историков и широкой публики, интересующейся историей. Речь идет о том, чтобы соблюдался баланс в ходе совместного изучения истории, и академические историки должны быть ближе к современным средствам передачи идей, полезных для общества. Иными словами, получается, что публичная история – это история, которая рождается за стенами академического мира, часто появляется «снизу» в виде новых образов исторической памяти и использует понятные широкому кругу современников способы и формы передачи этой памяти.

На рубеже 1980–1990-х гг. в США стали активно изучать историческую память и использование истории в разных областях культуры²⁸. В результате публичная история переместилась в поле серьезных отношений истории с широкой общественностью, культурных достижений и неудач в этой области, а также проблем конструирования американской идентичности с использованием истории. Д. Глассберг объяснил стержневое значение истории для формирования американской идентичности тем, что нация состояла из иммигрантов, которые имели представления и память о той земле, откуда они прибыли, о родителях и предках. Это была их семейная и локальная идентичность, не связанная с Америкой. Следовательно, чтобы скорее стать американцами, иммигранты должны были сформировать представления о новой Родине – на помощь приходила история. Глассберг подчеркивал, что в XXI в. с «возросшей глобальной мобильностью людей и идей по всему миру, в т.ч. и через виртуальное пространство Интернета, поворот к истории, как якорю личной, групповой и семейной идентичности будет усиливаться»²⁹. В случае с США подобный поворот к общенациональной, федеральной истории, проявившей себя в публичной сфере, постоянно набирает силу.

²⁶ Савельева 2014. С. 141

²⁷ Public History Defined? 2007.

²⁸ См. подробнее: Memory and American History..., Rosenzweig, Thelen 1993.

²⁹ Glassberg 2001. P.208

Р. Розенцвейг подчеркивал, что взгляды американцев на историю обладают характеристиками «множественной идентичности» в связи с тем, что значительная часть имеет свои семейные и национальные культурные ценности. Отдельные личности могут выглядеть сложнее, чем социальные группы. Каждая часть идентичности отдельного человека несет в себе материалы и традиции, которые индивид как целостность, так и вместе с другими людьми может превращать в коллективное прошлое с постоянно меняющимися вариациями. И тем не менее, по мнению Розенцвейга, для описания любой из этих групп нельзя применить описание одного человека, который содержит много потенциальных идентичностей и промежуточных признаков между идентичностями, с помощью которых можно описать его происхождение³⁰.

Вместе с тем, в рамках современной публичной истории существует большое движение, которое подчеркивает, что публичная история – это не новая версия исследований коллективной памяти, а просто поход историков в публику, процесс создания истории в связи с публикой. Однако мюзикл «Гамильтон» все-таки имеет значение в контексте публичной истории и рассуждений об исторической памяти и идентичности. Слишком большой резонанс он вызвал в американском обществе.

По мнению Дэвида Дина, редактора академического справочника по публичной истории, в начале XXI в. значительное влияние публики на историю позволяет говорить сразу о нескольких новых поворотах. Эмоциональные реакции со стороны общественности на интерпретации исторических событий побудили историков исследовать ведущую роль эмоций и чувственной истории (истории чувств). Живая интерпретация истории, привлечение чувств и эмоций в музейных экспозициях, в кино и на сцене, использование личного образа в телевизионных шоу, в реконструкции исторической реальности привели к новым представлениям. Историки оказались на переднем крае «перформативного поворота» в гуманитарных науках³¹. Перфоманс стал популярным способом мышления об истории в обществе. Профессиональные историки ведут дискуссии о том, чем может обогатить «перформативный поворот» в историографии³². В социокультурных практиках публичной истории внедрение прошлого через представление, спектакль, перформанс охватывает формы репрезентации, которые предшествовали формализации и институционализации нарратива в рамках поля истории.

Перформативность истории в мюзикле «Гамильтон» приняла весьма своеобразные формы. Это и неудержимое торжество по поводу основания США, и прославление поколения основателей страны. При этом

³⁰ Rosenzweig, Thelen 1993. P. 199-200.

³¹ A Companion to Public History. 2018. P. 5-6.

³² См. подробнее: Бёрк 2008; Савицкий 2008.

в мюзикле обойдены вниманием трудные вопросы той эпохи, такие как, например, что дала революция в американских колониях черному населению, находившемуся в большинстве своем в рабстве, и коренным жителям – индейцам. Многие отцы-основатели верили в превосходство белых и примирились с рабством. Миранда не просто уходит от этих вопросов, он предложил новую интерпретацию истории в виде «цветного» кастинга. Актеры, изображающие Гамильтона, Вашингтона, Джефферсона и других главных героев – все латиноамериканцы и афроамериканцы. Единственными персонажами мюзикла, изображаемыми белыми актерами, являются король Георг III и британский лоялист. По мнению профессора Гарвардского университета Аннетт Гордон-Рид, межрасовый кастинг нейтрализует трудные вопросы о судьбе цветных в эпоху революции и ранней республики. Цветные отцы-основатели подошли для этого лучше, чем кастинг из белых актеров. Она подчеркивает, что «невозможно не попасть под обаяние актера Кристофера Джексона, исполняющего роль Дж. Вашингтона»³³. В результате, у молодого поколения американцев формируются образы, далекие от реальной истории XVIII в. Профессор истории одного из колледжей в штате Алабама рассказывала автору этой статьи в январе 2018 г., как одна из студенток спросила на занятии после просмотра мюзикла, действительно ли Вашингтон был афроамериканцем. Ситуация с расовыми проблемами оказалась весьма запутанной после появления «Гамильтона». Расовые проблемы в мюзикле не обсуждались ни в какой форме, сделал вывод историк Мэтью Браун³⁴. К вопросу рабства и аболиционизма Миранда, по мнению У. Хоугленда, также адресует весьма редко несмотря на то, что в книге Черноу Гамильтон весьма привлекательно изображен как «стойкий и верный аболиционист»³⁵. В этой связи Хизер Натанс метко определила бродвейский триумф Миранды как смелое изобретение новой биографии Гамильтона и как деконструкцию формирования национальной идентичности в том, как аудитория должна представлять себе расовое и этническое происхождение отцов-основателей Америки³⁶.

Важные проблемы оценки взглядов Гамильтона в мюзикле связаны с такими понятиями как иммиграция, демократия, федерализм применительно ко второй половине XVIII в. В книге Черноу «Александр Гамильтон», все-таки очень похожей на агиографию, и, по крайней мере, полной примет «шика основателей», больше напоминающего современный журнальный глянец, главный герой – провозвестник будущего расцвета Америки, защитник демократии. Гамильтон добился всего, не-

³³ Gordon-Reed 2016. P. 5.

³⁴ Brown 2017. P. 492.

³⁵ Historians on Hamilton. 2018. P. 27.

³⁶ Nathans 2017. P. 271.

смотря на низкое происхождение, при помощи социального лифта, существующего в Америке для всех иммигрантов. Так обычно рисовали большую американскую мечту. В мюзикле Миранды иммигрант Гамильтон, рожденный вне брака на Карибском острове Невис, резко контрастирует с его высокопоставленными соперниками Т. Джефферсоном, Дж. Мэдисоном и А. Бэрром, каждый из которых являлся потомком семей старой вирджинской аристократии или «белой кости» из Новой Англии³⁷. Гамильтон в исполнении Миранды демонстрирует своими действиями и словами поддержку иммиграции. В реальности Гамильтон не всегда поддерживал иммиграцию в США, опасался враждебной агитации против США со стороны иностранцев, а в конце жизни поддерживал линию нативизма, выражавшуюся в противодействии притоку иноземцев. Мюзикл Миранды избегает темы о причастности Гамильтона к принятию «Законов об иностранцах и антиправительственной агитации» (1798)³⁸. Эти законы вводили увеличение сроков проверки натурализации иммигрантов на несколько лет, а также тяжелые наказания за антиамериканскую агитацию, к которой относили любую критику правительства. По мнению Ф. Магнеса, политические взгляды Гамильтона могут быть охарактеризованы как устойчивое движение в националистическую ксенофобию³⁹. У. Хоугленд обратил внимание на другое противоречие, связанное с современным образом Гамильтона-иммигранта: по его мнению, до 1783 г. не было современных США, и, следовательно, не было особого духа иммигрантов. Гамильтон, житель Британской империи, переехал из одной колонии империи, Британской Вест Индии, в другую ее колонию, Нью-Йорк. Если Гамильтон – иммигрант, подчеркивал Хоугленд, тогда надо считать иммигрантом и Б. Франклина, приехавшего в колонию Пенсильвания из другой колонии, Массачусетса⁴⁰.

Демократизм Гамильтона и его приверженность принципам свободы и уважения общественного мнения широких слоев сограждан новой страны выглядит в мюзикле, как и в книге Черноу, сильно преувеличенным. По мнению Б. Смита, Гамильтон был бы крайне удивлен «от вида себя поющим, танцующим среди толпы простых людей»⁴¹. Гамильтон считал себя принадлежащим к группе образованных, богатых и рационально мыслящих людей и рассчитывал на то, что демократические тенденции, поднявшиеся слишком высоко в эпоху Революции, можно будет «выровнять» (по выражению Гамильтона “*leveling*”). Среди всех известных отцов-основателей Гамильтон был одним из самых консерва-

³⁷ Magness 2017. P. 497.

³⁸ Ibid. P. 503

³⁹ Ibid. P.500.

⁴⁰ Historians on Hamilton. 2018. P. 24

⁴¹ Smith 2017. P. 519.

тивных по взглядам, если не считать его реакционером. Однажды на Конституционном Конвенте в 1787 г., Гамильтон выступил с шестичасовой речью, в которой доказывал, что новая американская нация должна вернуться к монархии, или, по крайней мере, выбирать президента и сенат пожизненно⁴². Следовательно, настоящий Александр Гамильтон не подошел бы сегодняшней Америке ни в социальном, ни в политическом отношении, хотя мюзикл показывает его вполне современным и прогрессивным. Известный специалист по истории революции и образования США Джоанн Фримен обнаружила еще ряд консервативных политических взглядов Гамильтона, не нашедших отражения в мюзикле: «Мы не узнаем из пьесы о том, что идея центрального правительства в Новом свете выросла из его восхищения Старым Светом и Британией. Мы не узнаем об импульсивных привычках Гамильтона использовать военное решение политических проблем. Мы не увидим его глубокое недоверие народным массам и сомнения в демократии. До самого дня своей смерти Гамильтон верил, что Американская республика неизбежно должна была пасть. Мюзикл “Гамильтон” не копает так глубоко»⁴³.

В другом тексте Фримен несколько более позитивно отзывается о мюзикле «Гамильтон», определяя его как сложный опус для критики историками: «Это гибридное творение, наполненное изобретениями, упущениями и фантазиями, но вдохновленное биографией и наполненное ссылками на исторические документы, события и персонажи. В Гамильтоне много истории, и она представлена с энтузиазмом, уважением и оценкой исторического ремесла, что усложняет историкам сопротивление»⁴⁴. Фримен полагает, что мюзикл вызовет большое желание американской публики «идти дальше» и узнать больше о корнях своей страны. Импульс пьесы можно и нужно использовать для добра, подчеркивает Фримен, историки и преподаватели на его основе могут рассказать о реальной истории. Они могут использовать темные места и упущения пьесы и должны в полной мере воспользоваться тем, как «Гамильтон» развернул историю основания Америки⁴⁵.

Противоречивость исторического материала, на котором была построена сначала книга Черноу о Гамильтоне, а затем мюзикл Миранды, казалось бы, должна была вызвать серьезные политические споры в современной Америке. Однако получилась совершенно обратная картина. Мюзикл «Гамильтон» снискал одобрение и восхищение как консервативных, так и либеральных политиков. Он отвечал настроениям многих американцев с самыми разными политическими и культурными интере-

⁴² Ibidem.

⁴³ Historians on Hamilton. 2018. P. 42-43.

⁴⁴ Freeman 2017. P. 256.

⁴⁵ Ibid. P. 262.

сами. Бродвейское шоу помогает конструировать новый «гражданский миф» американской истории, примиряющий консерваторов и представителей различных оттенков либеральных взглядов. Р. Романо изумленно отметила: «Что именно происходит? “Гамильтон” объединил американцев несмотря на партийные различия и, что еще более удивительно, сделал это при помощи рассказа об американской истории, предмет, который в последние годы вдохновил горячие конфликты вокруг учебников, музейных выставок и школьных программ»⁴⁶. Восхищение бродвейским мюзиклом высказали, как уже говорилось, президент Обама, Билл и Хилари Клинтон, Берни Сандерс. Не меньше восторгов «Гамильтон» вызвал у бывшего вице-президента и представителя крайне правых в Республиканской партии Д. Чейни и Дж. Буша-младшего. Нынешний вице-президент США, республиканец М. Пенс заявил, что «шоу было невероятным и настоящим удовольствием»⁴⁷, несмотря на то, что во время его посещения мюзикла актер, исполнявший роль Аарона Бэрра, обратился к нему после спектакля с политическим посланием, в котором выражалась тревога по поводу планов новой администрации президента Д. Трампа и сохранения американских ценностей⁴⁸.

Р. Романо считает, что главная причина привлекательности истории в мюзикле «Гамильтон» для многих заключается в том, что американцы находятся сейчас в поисках нового гражданского мифа. На протяжении многих десятилетий эпоха основания страны, по ее мнению, считалась некоей формой американской исключительности, которая позволяла забыть о многих трудных вопросах истории: признание рабства оправданным, жесткие колониальные действия поселенцев в отношении коренного населения, и долгую историю превосходства белых⁴⁹. Этот традиционный гражданский миф, по мнению Романо, был больше обращен к белым. «Гамильтон» Миранды помогает исправить мифы основания американской истории и позволяет всем людям, независимо от их расового, этнического или иммиграционного происхождения, утверждать о своей полной принадлежности к новой нации.

Таким образом, обсуждения мюзикла «Гамильтон» свидетельствуют о сложных отношениях между социокультурными полями академической и публичной истории. Академическая история откликнулась на появление фактически далекой от реальной и проверяемой по первоисточникам истории Александра Гамильтона с большим опозданием. Биография Гамильтона, написанная Черноу с серьезными признаками прославления и бренда «шика основателей», не была замечена и глубоко

⁴⁶ Historians on Hamilton. 2018. P. 299.

⁴⁷ Ibid. P. 297.

⁴⁸ The New York Times. 2016. 11/19.

⁴⁹ Historians on Hamilton. 2018. P. 313-314.

отрецензирована профессиональными историками. Никто не обратил внимания на неточности и смещение оценок Гамильтона в направлении глорификации и презентизма в книге Черноу. Закономерно что Миранда принял книгу Черноу за реальную академическую биографию.

Америка XXI в. еще более многообразная, многорасовая и мультикультурная, чем в XVIII в., одновременно, артикулирует чувство американской идентичности. Мюзикл «Гамильтон» инсценирует дискуссии на эти темы. Отношение к истории у Миранды очень своеобразное. Вполне естественно, что он обратился к Черноу за консультацией, чтобы все выглядело на сцене более достоверным с точки зрения истории. Однако ответов на главные вопросы, на которых строится история в «Гамильтоне», зритель или читатель текстов мюзикла не найдет. Мюзикл запутывает всю реконструкцию прошлого.

Историки считали, что между настоящим и прошлым, даже не совсем отдаленным от настоящего, имеется глубокая пропасть: прошлое – другая страна. Миранда образно подчеркивает, что современность и эпоха ранней республики составляют единое время, он без церемоний перенес действие истории двухсотлетней давности в современный Нью-Йорк. В общем, получился презентизм в трактовке, предложенной французским историком Франсуа Артогом: «Как историк, пытающийся быть внимательным к своему времени, я, наряду со многими другими, наблюдал за быстрым возвышением категории настоящего, пока не стала очевидной его вездесущность. Эту ситуацию я называю “презентизмом”»⁵⁰. Современность оказывает давление, заставляет время сжиматься. Прошло два столетия, но по для Миранды люди не меняются и поступают совершенно одинаково. Существует вечное настоящее. А как же история, свидетельства прошлого о том, что люди жили иначе, чем сегодня? Все просто: обломки, остатки прошлого не успевают стать руинами, они остаются рядом в современности, и она все удерживает и подавляет.

Историки призывают рассматривать событие или деятельность личности как изменчивую структура или в процессе изменений. Александр Гамильтон у Л.-М. Миранды статичен, в начале и в конечной сцене мюзикла – он совершенно одинаковый герой, создавший современную Америку. Даже в парадной биографии Р. Черноу А. Гамильтон показан как человек с меняющимися взглядами, после сорока лет он становится все более консервативным и т.д. Современные историки требуют изучения более широкого, прежде всего, социального и культурного контекста события или деятельности исторического героя. У Миранды контекст сужен до сравнительно немногочисленной группы героев вокруг Гамильтона, все-таки это не весь народ; народные массы в мюзикле «Гамильтон» не действуют.

⁵⁰ Артог 2008.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Артюг Ф. Порядок времени, режимы историчности. 30 июля 2008. URL: <http://polit.ru/article/2008/07/30/hartog/> [Artog F. Poryadok vremeni, rezhimy istorichnosti. 30 iyulya 2008. URL: <http://polit.ru/article/2008/07/30/hartog/>]
- Бёрк П. “Перформативный поворот” в современной историографии (перевод с английского К.А. Левинсона) // Одиссей: Человек в истории. 2008. С. 337-354 [Byork P. “Performativnyj povorot” v sovremennoj istoriografii (perevod s anglijskogo K.A. Levinsona) // Odissey: SChelovek v istorii. 2008. S. 337-354]
- Репина Л.П. Наука и общество: публичная история в контексте исторической культуры эпохи глобализации // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2015. Т. 157, кн. 3. С. 55–67 [Repina L.P. Nauka i obshchestvo: publichnaya istoriya v kontekste istoricheskoy kul'tury epohi globalizacii // Uchen. zap. Kazan. un-ta. Ser. Gumanit. nauki. 2015. T. 157, kn. 3. S. 55–67]
- Репина Л.П. Историческая наука, исследовательские практики российских историков и перспективы «публичной истории» // Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов: сборник статей. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2014. С. 7-12 [Repina L.P. Istoricheskaya nauka, issledovatel'skie praktiki rossijskih istorikov i perspektivy «publichnoj istorii» // Rossijskaya intelligenciya v usloviyah civilizatsionnyh vyzovov: sbornik statej. SCheboksary: CNS «Interaktiv plyus», 2014. S. 7-12]
- Савельева И.М. Профессиональные историки в «публичной истории» // Новая и новейшая история. 2014. № 3. С. 141-155 [Savel'eva I.M. Professional'nye istoriki v «publichnoj istorii» // Novaya i novejšhaya istoriya. 2014. № 3. S. 141-155]
- Савельева И.М. Городское прошлое в практиках публичной истории // HONORIS CAUSA, сборник научных статей, посвященный 70-летию профессора Виктора Владимировича Сергеева. Санкт-Петербург: «Нестор-История», 2016. С. 255-264 [Savel'eva I.M. Gorodskoe proshloe v praktikah publichnoj istorii // HONORIS CAUSA, sbornik nauchnyh statej, posvyashchennyj 70-letiyu professora Viktora Vladimirovicha Sergeeva. Sankt-Peterburg: «Nestor-Istoriya», 2016. S. 255-264]
- Савицкий Е.Е. “Перформативный поворот” в историографии - другие версии (Комментарий к статье Питера Бёрка) // Одиссей: Человек в истории. 2008. С. 355-366 [Savickij E.E. “Performativnyj povorot” v istoriografii - drugie versii (Kommentarij k stat'e Pitera Byorka) // Odissey: SChelovek v istorii. 2008. S. 355-366]
- Allen B. Alexander Hamilton: The Enlightened Realist // Hudson Review. 2004. Vol. 57. No 3. P.497-508.
- Brown M. A. Founding, If You Can Keep It // The Independent Review. 2017. Vol. 21. No. 4. P. 489–496.
- Chernow R. Alexander Hamilton. New York: Penguin Books, 2004. 818 p.
- Cogliano F. Founders Chic // History. 2005. Vol. 90. Issue 299. P. 411-419.
- A Companion to Public History. Ed. By David Dean. Hoboken, NJ: Wiley, 2018. 549 p.
- D'Orio, W. Hamilton Goes to High School // Education Next; Cambridge. 2017. Vol. 17. Issue 3. URL:<https://search.proquest.com/docview/1907276063/fulltext/DDB0A243D8744366PQ/5?accountid=29004/> Last accessed 25.07.2018.
- Freeman J. B. Will the Real Alexander Hamilton Please Stand Up? // Journal of the Early Republic. 2017. Vol. 37. No 2. P. 255-262.
- Glassberg D. Sense of History: The Place of the Past in American Life / D. Glassberg. Amherst: University of Massachusetts, 2001. 267 p.
- Gordon-Reed A. Legacy. What is a legacy? // History Today. 2016. No 11. P. 4-5.
- Historians on Hamilton: How a Blockbuster is Restaging America’s Past. Edited by Renee C. Romano and Claire Bond Potter. New Brunswick: Rutgers University Press, 2018. 399 p.
- Kitch C. Anniversary Journalism, Collective Memory, and the Cultural Authority to Tell the Story of the American Past // Journal of Popular Culture. 2002. Vol. 36. Issue 1. P. 44-67.
- Magness Ph. W. Alexander Hamilton as Immigrant: Musical Mythology Meets Federalist Reality // The Independent Review. 2017. Vol. 21. No. 4. P. 497-508.
- Memory and American History. Ed. By David Thelen / Ed. By David Thelen. Bloomington: Indiana University Press, 1989.

- Miranda L-M., McCarter J. Hamilton the Musical. New York: Grand Central Publ., 2016. 288 p.
- Nathans H.S. Crooked Histories. Re-presenting Race, Slavery, and Alexander Hamilton On-stage // Journal of the Early Republic. 2017. Vol. 37. No 2. P. 271-278.
- NCPH 2017 Annual meeting. Working groups // <http://ncph.org/conference/2017-annual-meeting/working-groups/>
- The New York Times. 2016. November 19.
- Public History Defined? // <http://blog.historians.org/2007/06/public-history-defined/>
- Rosenzweig R., Thelen D. The Presence of the Past: Popular Uses of History in American Life. New York: Columbia University Press, 1993. 291 p.
- Smith B.G. Alexander Hamilton the Wrong Hero for Our Age // Independent Review. 2017. Vol. 21. No 4. P. 519-522.

Александр Сергеевич Ходнев, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского; khodnev@yandex.ru

“This is a Story about America then, told by America now”

The article explores a case of using the past in a theatrical production, which unexpectedly generated serious discussion both in public and in academic history of the United States. The musical “Hamilton” put on Broadway in 2015 makes history. History teachers use “Hamilton” to revitalize their lessons. Books about the American Revolution, A. Hamilton and other founders, disappear from the shelves of bookstores. The desire to establish a new patriotic myth of US foundation significantly affects the sense of historical time, and the deconstruction of old views. The “Founders Chic” as a new form of perception of the history of the 18th century becomes a part of the identity of the new generation of America.

Keywords: Public history, historical memory, the use of the past, identity, the “Founders Chic”, immigration, democracy, federalism

Alexander Khodnev, Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Department of World History, K.D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University, khodnev@yandex.ru

ПЕРЕКРЕСТКИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

С. А. ЕРЕМЕЕВА

«ОКНО В КУЛЬТУРУ» И «ЗЕРКАЛО СОЦИУМА» ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ НЕКРОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Современные методы гуманитарных исследований часто ориентированы на своего рода «перепрочтение» уже давно известных источников. С этой точки зрения, определенный интерес представляет некролог. Такая форма текстов о смерти (и о жизни) порождена политическими, экономическими, социальными изменениями, а также изменением личности и представления человека о мире в Новое время. В статье рассматривается многообразие подходов к исследованию некрологов и потенциальное богатство материала, заключенного в них.

Ключевые слова: *некролог, гендерные исследования, социолингвистика, media studies*

В XX в. гуманитарные науки сменили экстенсивную парадигму развития на интенсивную. В какой-то момент постмодернистский пессимизм («все уже написано») сменился умеренным постмодернистским оптимизмом («но не все еще прочитано»). На место поиска новых источников знания о прошлом (и настоящем) пришло умение по-новому видеть уже знакомое: целью современных подходов стало «переоткрытие» уже известных ресурсов, особым вниманием пользовались попытки «разговорить» давно известные тексты. Одним из объектов такой исследовательской практики стал некролог.

В России интерес к некрологу – недавний и весьма умеренный. Главный способ использования – традиционно-биографический, хотя работать с некрологом напрямую не очень удается (порой критический анализ текста уничтожает весь текст). Однако скрытый потенциал такого рода текстов ощущается и тревожит. Ищутся возможности использовать некрологи как просопографический источник или как источник по истории науки. На общем фоне в той или иной степени «наивных» работ (биографических, конструктивистских, литературно-исторических), есть лишь единичные случаи статей о некрологах, включающих в себя методологическую рефлексию и работающих с проблемами аксиологии¹, конструирования властных отношений², социологии культуры³.

Надо признать, что на западе, где интерес к некрологам проявился значительно раньше, уже сложился определенный инструментарий и выработан новый опыт работы с этими текстами. Подходы к исследо-

¹ Андреева 2004.

² Орлова 2009.

³ Рейтблат 2013.

ванию некрологов в разных культурно-языковых традициях сильно рознятся, поэтому имеет смысл рассматривать их в разных языковых традициях. Возможности работы с англоязычными некрологами являются предметом данной статьи.

Гибридный жанр

В разных языках и культурах объем понятия «некролог» может не совпадать в полной мере и к тому же изменяться во времени, но в данном случае эти тонкости дефиниции не принципиальны. Исторический и типологический интерес в исследовании некрологов проявляется нечасто, и потому можно называть некрологом любой посвященный умершему человеку публичный текст, связанный с ритуалом прощания. Глубина такой практики поминания определяется по-разному. Одни возводят некрологи к античным эпитафиям. Другие – к записям о смерти праведных христиан и священнослужителей в первые века христианства, превратившимся в Средние века в длинные поминальные списки (*necrologium, mortilogium, obituarium, regula, martyrologium, liber oblegiorum, praesentiarum*). Можно вспомнить и о специальных гонцах, доставлявших извещения (*rotuli*, т.е. свитки) о кончине настоятеля или епископа тем, для кого это было важно (такие тексты включали в себя панегирик, жизнеописание, восхваление добродетелей усопшего и призыв к молитве за него). Можно говорить о том, что Ренессанс возродил эпитафию и переосмыслил ее. Как правило, чем менее конкретно исследование, тем больше глубина истории. Однако те тексты, с которыми мы живем и работаем сегодня – продукт Нового времени, нового общества и новой картины мира. Расхождение в хронологических деталях у авторов, занимавшихся историей предмета, незначительны.

Современный некролог порожден целым комплексом обстоятельств, связанных не только с новым пониманием человека себя в культуре, но и внешними – социальными, экономическими, политическими – изменениями. С ростом городов потребовался новый медиум для распространения информации (в т.ч. о смерти), и им стала газета; использование же такого медиума стало возможным с ростом грамотности. Но разнообразная предыстория некролога относится не только к письменной культуре: о смерти объявлял священник с церковной кафедры, он же произносил речь над гробом, а в Южной Германии, например, существовали специальные люди (*Leichenbitter*), которые ходили от дома к дому и объявляли о смерти. Сегодняшние некрологи можно назвать гибридным жанром: черты устной и письменной культуры в той или иной степени, несомненно, присутствуют в некрологе до сих пор.

На границе с литературой: некролог-эссе

В англоязычной (как и в немецкоязычной) традиции большие журнальные некрологи проходят по разряду эссеистики, подходы к ним плохо формализуемы. Исследования их порождены чаще не интересом

к некрологам, а интересом к героям и авторам. Уникальными оказываются вопросы к текстам, которые возникают у исследователей, коль скоро они к ним обращаются. Выглядит это каждый раз по-разному.

Работая с некрологическими текстами, написанными Элиотом и Паундом⁴, Мэриза Демур, например, задается вопросом: как поэты конструируют послесмертие? По мнению автора, Элиот пишет некрологи другим писателям, проецируя на них желаемые представления некролога себе. То есть некролог другому есть в определенном смысле авто-некролог. Излагая свои взгляды на устройство современной литературы, писатель «резервирует» в ней определенное место для себя: писатель одновременно и автор, и имплицитный герой, эти две фигуры связаны между собой актом письма. Писатель становится человеком-текстом и некролог собрату по перу оказывается не только разговором о своем поколении, но и памятником, свидетельством бессмертия самому писателю. Модернисты понимали важность посмертных текстов, развитая культура смерти этого времени способствовала созданию представительного корпуса посмертных текстов писателей о писателях. При этом каждый автор вправе был выбирать индивидуальные стратегии поминовения и сам определять их задачи. Исследователь как бы вмешивается в чужой разговор. «Я надеюсь определить, присваивает ли послевоенное поколение, в лице своих двух лучших поэтов, формы посмертного описания, или выражает уважение через признание принадлежности к их собственной группе. Как эти писатели справляются с литературными влияниями (вспомним о “страхе влияния” Гарольда Блума) и страхом посмертного забвения, создавая монумент из слов себе и своим взглядам, основывая прочную сеть, связывающую живых и мертвых»⁵?

Автор еще в названии статьи подчеркивает связь эпитафии и литературного некролога. Эпитафия – особый литературный жанр, она существует как «вклад в бесконечную реконструкцию социального порядка» через репрезентацию культурных ценностей. Жанр этот возродился после Первой мировой войны. У Элиота это коммуникации между живыми, мертвыми и теми, кто «за» (в любом смысле – и кто выше, и кто после). Демур настаивает: эпитафия поэта другому часто звучит как эпитафия самому себе. Согласно исследователю эпитафий Армандо Петруччи, на которого ссылается Демур, традиция эпитафий «имеет целью упрочение и повторение силы и социального присутствия группы, корпорации или семьи, к которой принадлежал умерший, и направлена на консолидацию благосостояния, престижа, долговечности через время, жизненную силу и мощь воспроизведения и распространения»⁶.

⁴ Demoor 2005. P. 255-275.

⁵ Op. cit. P. 256.

⁶ Petrucci 1998. P. xviii.

Упадок эпитафии в начале XIX в., по мнению Демур, сопровождался развитием некрологов. В отличие от эпитафий некрологи всегда написаны другим человеком (в англоязычной практике, в немецкоязычной бывает по-другому – *C.E.*), этот взгляд на себя умершему не подконтролен. Для писателей-модернистов некрологи – главный инструмент посмертного конструирования героя и близкой ему социальной группы. И хотя автор признает, что некрологи появились в конце XVII в. как современная, паралитературная форма, предназначенная для информирования больших, социально разнообразных обществ о значимых фигурах, тем не менее, она считает, что британские некрологи можно рассматривать как беллетристику.

Демур повторяет: писатели пишут некрологи о себе и о своем поколении для желанного читателя после своей смерти. В разные моменты жизни (изменение и ситуации, и возраста пишущего) некрологи Паунда служат разным целям: один (Генри Джеймсу), представляющий манифест поколения, определяет власть и авторитет культуры; другой (Гаудир-Брзеске) пытается описать пути уклонения от смерти, возможность утвердить себя как дискурсивного субъекта – нарратора памяти. Но в любом случае автор как объект присутствует в тексте, текст неизбежно описывает самого автора. Некролог содержит в себе также попытку присвоения части бессмертия мертвого поэта или артиста оставшимся (автором некролога), с кем находится много общего. Элиот и Паунд «создавали и поддерживали посмертную сеть, которая, как они надеялись, поможет им достичь литературного бессмертия»⁷, отлично понимая, что в момент смерти вы навсегда присваиваетесь определенной группой, и для последующих поколений становитесь «номером в каталоге». Это плата за бессмертие (хотя бы условное). «Их постоянная забота о смерти, о коммуникации между мертвыми и живыми, и способы, которыми ценности ассоциируются с мертвыми, должны спасти живых, отражаясь в некрологах и мемуарах, которые они писали»⁸.

Для меня важна эта подмеченная проекция на себя автора поминания, неизбежная в некрологе другому, хотя в данном случае мы видим «импрессионистский» способ исследования этого феномена. Однако возможен и более рациональный подход к авторским текстам, его предлагают, например, немецкие исследователи Ральф Георг Богнер⁹ и Томас Гётц¹⁰, но уже само отнесение некрологов к литературе (пусть и вторичной: *Kasualliteratur*, *Gelegenheitstext* – тексты по случаю) предполагает индивидуальный инструментарий в каждом конкретном случае.

⁷ *Op. cit.* P. 272.

⁸ *Op. cit.* P. 273.

⁹ Bogner 2002; 2006.

¹⁰ Götz 2008.

Некрологические тексты в газете: серийный источник?

Общая природа функций некрологов-эссе в журналах и объявлений о смерти в газетах предполагает и общий набор функций; однако они могут быть сгруппированы в разные комбинации. Некоторые отличия журнальных и газетных поминаний неожиданны. Некрологические тексты в газетах гораздо сильнее различаются в разных национальных традициях (немецкие исследователи настаивают на различии языкового и культурного пространства). Даже внутри общего корпуса англоязычных диалогов проводится граница: в *The Guardian* выходила колонка под заголовком: «Провожая: почему некрологи в США – бизнес, а в Великобритании – искусство»¹¹. Для Америки смерть оказывается информационным поводом, в центре некролога – новость о смерти, лучше всего смерть-скандал, в описании умершего ценятся факты. В Англии – смерть оказывается поводом вспомнить о человеке, в центре некролога – его жизнь и воспоминания близких о нем, некролог представляется данью памяти и демонстрирует уважение к смерти.

Такому различию вполне соответствуют наблюдения Мэрлин Джонсон, американского автора некрологов, написавшей ироничную документальную книгу об увлекательном занятии и людях, участвующих в этом процессе. Один из ее героев (профессиональных писателей некрологов) рассуждает об «интересной разнице между английскими и американскими некрологами»: «В американском некрологе акцент делается на смерть. /.../ Англичане предпочитают закопать новость о смерти где-нибудь в середине текста; смерть для них только предлог поговорить о жизни»¹². Но дело не только в форме: Джонсон упоминает об ощутимом напряжении между поклонниками британского стиля некрологов, посвященных знаменитым и значимым людям, и американского подхода, считающего достойным некролога конец любой человеческой жизни, ибо каждая жизнь оригинальна и уникальна¹³ (впрочем, в Америке существуют и различные традиции внутри отдельных штатов).

Оказалось, что столь сильная культурно-языковая корреляция текстов накладывает отпечаток на их исследования, и они не могут быть плодотворными, не учитывая контекст культурной традиции.

Устойчивый интерес к исследованию некрологов, кажется, впервые обозначился в Америке, в начале 1980-х гг. Поначалу к ним обратились как к источнику документальной информации в поисках биографических сведений об умершем. Однако очень скоро интерес принял более изощренные формы, исследователи стали использовать контент-анализ больших массивов некрологов, пытаясь классифицировать и каталогизировать

¹¹ Showalter 2000.

¹² Johnson 2007. P. 30.

¹³ Op. cit. P. 220.

зировать формы поминания (несколько позже это будет названо «мозаикой социальной истории»¹⁴) и отмечая специфику этого поминания в средствах массовой информации. Крупное монографическое исследование появилось уже в 1981 г., в нем автор изучал некрологи библиотекарям почти за столетний период (1884–1976), помещенные в *New York Times*. «Как объект исследования, редакционные каталоги имеют мало достоинств», утверждает автор, в силу формальности жанра и обязательности (если не сказать – принудительности) героев и способов их описания. Но они ценны для изучения восприятия медиа и представления определенных профессиональных групп, они обеспечивают «уникальный метод измерения профессионального статуса и образа»¹⁵.

С этого времени академический интерес к некрологам в США (чуть позже – в других англоязычных регионах) только возрастал. Несколько особенностей этого процесса связаны с выбором метода и корпуса источников. Интерес этот реализовался в нескольких дисциплинарных областях: гендерных исследованиях, социолингвистике, истории и теории журналистики (как части *media studies*, включающие в себя и прагматический аспект). Такое разделение весьма условно, поскольку исследование некрологов носит междисциплинарный характер, однако, дает саму возможность как-то структурировать поле подходов.

Гендерные исследования

Собственно, одно из первых исследований некрологов – тогда, когда еще этот источник казался вполне экзотическим, было гендерным: оно появилось в 1977¹⁶. На материалах анализа содержания некрологов в двух крупных американских газетах показывалось, что доминирующая система ценностей в США ориентирована на мужчин, и дискриминация женщин продолжается даже смерти: некрологов мужчинам размещалось в 4 раза больше, они были длиннее и чаще сопровождались фотографией. Это противоречило официальным декларациям, некрологи, таким образом, оказались местом, где культура «проговаривалась», где выявлялось неявное, но важное. Это исследование быстро инициировало схожее: если Кастенбаум с коллегами исследовали газеты восточного побережья, то их последователи проявили интерес к газетам Западной части США (тем же самым способом анализируя некрологи на предмет гендерной специфики), пытаясь доказать, что внутренний Запад имплицитно более прогрессивен, чем Восток¹⁷.

Следующие работы касались исследований гендерного измерения некрологов не в пространстве, а во времени (два общенациональных

¹⁴ Eid 2002. P. 23.

¹⁵ Knutson 1981. P. 12.

¹⁶ Kastenbaum and others. 1977.

¹⁷ Spilka, Lacey, Gelb 1979.

журнала, некрологи с 1923 по 1979 г.)¹⁸ – мужчины опять победили. Затем, продолжая работать на материале большого временного континуума (1900–1985), исследователи добавляют к некрологам объявления о смерти, напечатанные в тех же газетах¹⁹. Разница между некрологами и объявлениями о смерти была обозначена еще в публикации Кастенбаума и др.: первые – «разнящиеся по величине и стилю... напечатанные обычным газетным шрифтом, либо с отдельным заголовком для каждого некролога, либо с вынесенным в заголовок именем или пространством сообщением», вторые – «один абзац основной информации, набранный петитом и включенной в алфавитный список недавних смертей»²⁰. К контент-анализу добавляется жанровый интерес и лингвистический анализ. Подобные исследования (поскольку газетный материал почти неисчерпаем) продолжались и позднее²¹. Иногда к гендерному добавлялся кросс-культурный аспект²².

Наиболее авторитетная работа этого плана – книга Мишуры Ида из университета Юты²³. Сравнивая некрологи, написанные близкими умершего, из *New York Times* и центральных газет Египта и Ирана с точки зрения особенностей репрезентации женской смерти, автор исследует социальные ценности (эксплицитные и имплицитные) и верования трех культур. Работа с тремя языками (английский, арабский, фарси), с 3800 текстами (некрологи за месяц каждого десятилетия с 1938 по 1988 год) позволяет автору провести серьезный кросс-культурный анализ. В конечном итоге предметом этого рода социолингвистических исследований оказалась социальная конструкция смерти, точнее, ее гендерный параметр. М. Ида занимает конструкция идентичности на страницах некролога, прежде всего – гендерной идентичности. И газетный некролог, не только как текст, но и как культурная форма, интересен ему еще и потому, что для Египта и Ирана – это форма заимствованная. «Последняя дань умершему принимает разные формы в разных культурах. В доисламском арабском мире она выражалась в элегической поэзии, в европейской культуре – в надписях на могильных камнях»²⁴. С одной стороны, это делает возможным сравнение культур. С другой, наглядно демонстрирует культурную самобытность. Изучение языка и гендера в кросс-культурной перспективе постоянно возвращает автора к вопросу, сформулированному Сепиром и Уорфом: язык отражает или творит

¹⁸ Kears 1986.

¹⁹ Halbur, Vandagriff 1987.

²⁰ Kastenbaum and others. 1977. P. 353.

²¹ См., напр.: Maybury 1995; Moremen, Craddock 1998–99; Ogletree, Figueroa, Pena 2005.

²² Moses 1994 (здесь сравнивались общественные нормы, отраженные в 240 германских и 240 датских некрологах).

²³ Eid 2002.

²⁴ Op. cit. P. 21.

реальность? «Подобно любому писателю или оратору, некрологист создает текст, неизбежно сопровождаемый языковыми выборами. На этом основании можно говорить о том, что некрологи отражают социальное восприятие людей и социокультурный контекст, внутри которого они существуют, транслируемое писателем – творцом некролога»²⁵.

Похоже, что кросс-культурные исследования в программу изначально не входили, они выявились в процессе и уже как бы ретроспективно поставили вопрос не о социальном, а о культурном измерении некрологов. Для подхода к такой широкой проблеме авторы стали привлекать в работу все большее количество материала. Джанис Юм использовала в своем исследовании около 8,5 тыс. некрологических текстов из 7 газет²⁶. При столь широкой выборке анализ текстов всегда оказывается связанным с анализом самих медиа, поэтому книгу Д. Юм можно рассматривать и в ряду работ по *media studies*.

Рассмотрение гендерной идентичности в более широких контекстах характерно для современных исследований. Но не менее характерно и открытие новых аспектов гендерной проблематики. Лингвистические исследования все чаще выходят в междисциплинарное пространство (дискурс-анализ делает явной необходимость учета социального и культурного контекста для понимания сообщения), само же исследование становится все более изошренным и все чаще интересуется отсутствующим (молчаливые предположения и невидимые игроки). Работая с репрезентацией семьи в некрологах (более 200 текстов из английских и американских газет за три года), Мардзол²⁷ наталкивается на проблемную зону умолчания – гомосексуализм. Выходя за пределы герметичного анализа жанра, она ставит вопрос о пересмотре традиции и социальной действительности: речь идет об изменении конструкции семьи в современном мире, о которой современный мир говорить не готов, т.е. теперь анализ направлен не только непосредственно на текст, но и на социальные практики производства и приема текста. Мардзол видит силу дискурса в том, что каждая языковая инстанция вносит свой маленький вклад в воспроизводство и трансформацию общества и культуры. И в этом же – сила жанра как социальной акции.

Media Studies

Понимание роли газеты как медиума, посредника между пространством автора и пространством читателя сложилось в Америке едва ли не одновременно с открытием ценности некролога для гендерных исследований. Ид посвящает этому вопросу целую главу своей книги²⁸. То есть

²⁵ Op. cit. P. 17.

²⁶ Hume 2000.

²⁷ Marzol 2006.

²⁸ Eid 2002. P. 256-280.

в некрологе можно исследовать то, **что** в нем **отражается** (ценностные системы, например), то, **как** он **воспринимается** (что тесно связано с характеристиками современного общества) и то, **как это транслируется**, как в этой ситуации устроен посредник.

Значительная часть американских исследований связана с media studies и проводится в школах журналистики разных университетов. Показательная фигура – Найджел Старк, бывший журналист, автор нескольких десятков текстов о некрологах, преподающий в Австралийском университете, но тесно связанный именно с американской журналистикой, как предметом преподавания и исследования. Ссылки на его работы практически обязательны для американских исследований. Для сегодняшней Америки, как уверяет Старк, некролог – не просто живая практика, а мода. В 1999 г. была создана Международная ассоциация некрологов (со штаб-квартирой в Далласе), объединяющая практиков и теоретиков. На ежегодных конференциях обсуждаются вопросы формы и содержания современных некрологов, этические и эстетические параметры современного представления смерти. Старк пишет о современном некрологе (в Америке, Австралии и Великобритании) как форме организации социальной жизни и объекте литературного интереса журналиста²⁹, а также об истории и искусстве некролога³⁰. Собственно, во всех своих работах, постоянно сравнивая англоязычные некрологи трех континентов (подчеркивая, что в Америке и Австралии эта практика заимствованная), он показывает, как складывался жанр (исторический аспект – как читать некрологи) и что он представляет из себя сейчас (с акцентом на прагматический аспект – как их писать).

В книге Д. Юм³¹ утверждается, что газеты не только представляют, но и формируют общественную (публичную) память граждан: чтобы стать частью коллективной памяти, прошлое должно быть артикулировано. Автор показывает, как складывается и изменяется «каталог социальных ценностей»³² в связи с конкретными историческими событиями. История Америки последних двух столетий представлена в этой книге как история формирования ее ключевых ценностей. Некрологи, как постоянная часть американской прессы, по мнению автора, могут служить бесценным источником по культурной истории, через систематическое изучение которых можно понять направление и смысл изменений культуры и публичной памяти граждан. «Некролог – тип экрана, на который проецируются факты и ценности, отфильтрованные масс-медиа и семьей умершего. Через фиксацию на письме челове-

²⁹ Starck 2001.

³⁰ Starck 2006; 2005.

³¹ Hume 2000.

³² Ryan 2001.

ская жизнь превращается в разновидность записи, таким образом давая историкам возможность мельком взглянуть на некоторые культурно отобранные отображения другого времени»³³ (или, как сказано в другом месте «поймать трудноуловимое в прошлом»). Говоря о социальных рамках воспоминания и забывания и двух типах времени воспоминаний: хроникальном и коммеморативном (ценностно окрашенном и неравномерном), которому и принадлежат некрологи, Юм производит чрезвычайно интересный анализ умолчаний – на этом поле встречаются этика и история. Некрологи демонстрируют связь личных воспоминаний с поколенческой, семейной и коллективной памятью. Являясь способом связи индивидуального и общественного уровня жизни, сам факт публикации в масс-медиа известия о смерти (почти) любого человека возможен, по мнению автора, только в демократическом обществе, где каждый ощущает себя частью коллективного существования. С другой стороны, некролог, распространяя представления о коллективных ценностях и социальных нормах, оказывает важное и часто неосознанное влияние на личную идентичность. «Некрологи показывают, как американцы видят смерть и, может быть, самое важное, как они оценивают отдельную жизнь американца. Некрологи создают уникальное окно, через которое наблюдаются изменения в американской культуре, поскольку они представляют редкий случай видеть связь между самым обычным гражданином и обществом»³⁴.

В книге Юм история американской журналистики и культурная история Америки оказываются тесно связанными друг с другом (как пишет в рецензии на книгу Райан: «Из этих отдельных историй умерших складывается история определенного исторического периода»). Конкретный анализ конкретных ситуаций конкретного времени позволяют наглядно продемонстрировать, как коллективная память связывает прошлое, настоящее и будущее и то, что «некрологи отражают ценности жизни», по словам Юм. «Типичный викторианский некролог включал бы в себя замечание, что “в жизни мы посреди смерти”, но как подтверждает это исследование... в смерти мы – посреди жизни»³⁵.

Похоже, в США к настоящему времени уже произошла рутинизация подобного рода исследований, есть методики, разработан инструментарий, определены достижимые цели. Образцовая лабораторная работа, например, была выполнена в 2009 г. в Northwestern university, штат Иллинойс³⁶. Это коллективное исследование восьми претендентов на степень магистра, почти все они имеют опыт работы в печатных из-

³³ Op. cit. P. 16.

³⁴ Op. cit. P. 150.

³⁵ Op. cit. P. 164.

³⁶ The State of the American Obituary...

даниях. Тема не кажется им экзотической, напротив, привлекает своей актуальностью – сегодня большинство средних и мелких газет в США выживают во многом за счет «похоронных денег», да и для крупных газет они представляют существенную статью доходов. При этом некрологические тексты оказываются не только экономически выгодны, но и служат «приманкой для читателей».

Прагматически ориентированное исследование (его результатом предлагались рекомендации для газет в связи с растущей ролью новых медиа) работает с живой культурной практикой, и, анализируя традицию обязательного поминовения и причины ее «живучести», участники проекта приходят к выводам, имеющим отношение к насущному состоянию культуры: например, постепенное переопределение понятия «интересного человека». Работа оказывается гораздо шире и значительней заявленных вполне утилитарных целей проекта: исследовать искусство написания некрологов, социальные конструкции, которые определяют появление публикации и обеспечивают ее коммуникативную ценность, и смыслы, которые производятся новыми медиа при перенесении поминовения в виртуальное пространство. Эта широта взгляда заявлена уже во введении: «Тот способ, который выбирает культура для поминовения мертвых, много говорит о характере и природе этой культуры». Результатом многолетних предшествующих исследований некрологических текстов, собственно, и стала эта осознанная необходимость помещения частного вопроса (прибыльность объявлений о смерти) в широкий культурный контекст (отношений человека со смертью). «Некрологи рассказывают нам о наших соседях, нашем сообществе, нашей стране и о нас самих». Человек всегда озабочен тем, чтобы остаться если не в вечности, то хотя бы во времени (истории). Некрологи такую возможность, по умолчанию, предоставляют – и потому существуют и будут существовать. Отсюда вырастает признание некрологов действенным инструментом строительства локальной идентичности, легитимации социальных ценностей и каналом влияния на людей в этом направлении, «окном в ценности современной Америки».

В ходе исследования был создан даже специальный сайт (<http://obitresearch.com>), посвященный Obit Research – истории и исследованию некрологов в американских медиа, аккумулирующий архивы некрологов, включающий блоги исследователей и читателей. Правда, этот амбициозный проект просуществовал всего 10 недель, спустя которые команда попрощалась с пользователями.

Исследователи медиа работают преимущественно с некрологами (оговариваясь порой, что граница между некрологом и объявлением о смерти на газетных страницах не всегда очевидна), но по мере накопления инструментария и опыта работы с большими массивами материалов интерес начинает смещаться к объявлениям о смерти – форме бо-

лее лаконичной и концентрированной, позволяющей привлекать для работы все более пространные корпуса текстов.

Анализ медиа как посредника в коммуникации оказывается связан с вопросом о способах публичной репрезентации смерти, и когда основные результаты извлекаются из статистических данных, социальная конструкция жизни и смерти становится часто весьма очевидной. В этой группе работ выделяется группа исследований, связанных с аксиологической стороной некрологов. Такой подход представлен в статье Джейсона Филиппса об изменении презентации смерти в некрологах в течение XX в.³⁷ Выбранные им некрологи из *New York Times* демонстрируют три поворота в концепции смерти за столетие, связанные с изменением локуса социального контроля над смертью: природа и Бог – медицина – индивидуальность. Эти выводы оказываются уже за рамками социальных конструкций, мы переходим в область культурного.

Работа Мозеса и Марелли построена на некрологах той же *New York Times* – их относительно небольшое количество (ок. 200) предполагает качественный текстуальный анализ³⁸. Хотя характерные для «медийного» подхода темы здесь наличествуют в полном составе (определения жанра, роль медиа, социальные ценности; функциональная сторона практики), авторы отмечают «очевидные паттерны культурного смысла смерти», и исходя из понимания повседневности через дискурс обычного (Бергер-Лукман), исследуют, как мы понимаем жизнь и смерть в обществе сегодня. В результате, предложенное ими сравнение некрологов с окном внутрь культуры цитируется на протяжении последнего десятилетия, похоже, в каждой второй работе о некрологах.

Аксиология в репрезентации смерти в современном мире, прежде всего в новых медиа, интересуется также Кэролин Китч и Джанис Юм³⁹, признающих, что и «на национальном, и на локальном уровне смерть стала видимым аспектом публичной культуры XXI в.». Открытая национальная дискуссия о погибших и памяти событий 11 сентября подняла массу проблем, связанных со смертью, непроговоренных за последние два десятка лет. Феномен публичной скорби стал основным объектом исследования, сложившегося на перекрестке *media studies* и социологии. Как пишут авторы в предисловии к своей книге, их интересовала «роль журналистики в публичных мыслях о смерти и роль смерти в общественных функциях журналистики». Одна из 10 глав книги посвящена некрологам – как одному из способов репрезентации смерти в медиа. Признавая, что некрологи – это истории гораздо больше о живых, чем о мертвых, авторы под «живыми» понимают именно сообщество.

³⁷ Phillips 2007.

³⁸ Moses, Marelli 2003.

³⁹ Kitch, Hume 2007.

Социоллингвистика

Европейские исследования некрологических текстов чаще всего относятся к области социоллингвистики.

Пионером исследования некрологов в Старом Свете стал швейцарский социоллингвист Удо Фрис. Его интересовала сама практика объявлений о смерти (с точки зрения языкового оформления)⁴⁰ и ее потенциал как материала для контрастивного анализа⁴¹: в перспективе общей культурной (европейской) практики и разности языков (немецкого и английского)⁴². Работая с массовым источником (объявления лондонской *The Times* с 1785 по 1985 г.), Фрис исследует стратегии текста и оформления, отмечая попутно особенности национального облика шаблонного (он на этом настаивает) текста. Оказывается, что разность конвенций при упоминании смерти просматривается не только в пространстве (у разных народов), но и во времени. Зафиксированные параметры жизни и смерти конвертируются в социальные характеристики общества. «Объявления о смерти, без сомнения, странный тип текста с интересной историей. Хотя используемые языковые средства весьма ограничены, они отражают напряжение между стремлением к индивидуальному выражению и ограничениями, налагаемыми конвенцией. Объявления о смерти неожиданно дают большую вариативность форм, они отражают разные подходы каждого нового поколения к вопросам жизни и смерти»⁴³. Фрис вернулся к теме некрологов много лет спустя⁴⁴, когда в сфере его интересов оказалось формирование электронных корпусов текстов (он занимался цюрихскими англоязычными газетами начиная с 1731 г.), а исследование некрологов стало уже обычным делом. Продолжая говорить о заполняемом шаблоне текста, он, однако вновь вынужден признать, что даже краткие объявления о смерти на большом корпусе текстов показывают изменения в отношении человека со смертью.

Большое влияние на исследователей некрологов оказала статья испанского ученого Элизера Креспо Фернандеса о языке смерти⁴⁵. Это не первое исследование эвфемизмов в некрологах⁴⁶ и не единственное обращение к этой теме Фернандеса⁴⁷, но именно эта статья наиболее цитируема сегодня. Задача автора в этой статье – исследовать эвфемистический язык некрологов ирландских газет середины XIX в. в рамках

⁴⁰ Fries 1990(a).

⁴¹ Fries 1990(б).

⁴² Искушения подобного рода сравнений не оставляют исследователей до сих пор. См. недавний пример с нидерландскими учеными: Barth, van Hoof, Beldad 2013-2014.

⁴³ Fries 1990(a). P. 70.

⁴⁴ Fries 2006.

⁴⁵ Fernández 2006.

⁴⁶ См., напр.: Gross 1985; Allan, Burridge 1991; Bultnick 1998; Hume 2000.

⁴⁷ См. также: Fernández 2011; 2007.

теории концептуальной метафоры (Лакофф–Джонсон). Исходя из того, что метафора – продукт мышления, а язык здесь вторичен (но дает возможность «заглянуть» в это самое мышление), Фернандес изучает отношение к смерти в викторианскую эпоху. Некрологи оказываются привилегированным источником такого исследования, поскольку в европейской культуре слова о смерти табуированы, и в ситуации, когда от этого разговора нельзя уклониться (а это и есть ситуация некролога), напряжение между необходимостью и невозможностью высказывания становится культурно продуктивным. Сам термин *obituary* – эвфемизм, он происходит от лат. *obitus* – отправление. В современном смысле слова (автор формулирует это так: объявление о смерти, главным образом в газетах, обычно включает в себя краткое описание биографии умершего) он появился в первой половине XVII в. Однако некрологи «вышли далеко за рамки объявлений о смерти; скорее, они являются доказательством неспособности человечества находиться перед лицом смерти»⁴⁸.

Фернандес делит некрологи на информативные (главная цель которых передать детали смерти и сообщить подробности организации похорон) и опинативные (их цель – произвести специфический эффект на читателя описанием социального статуса и добродетелей умершего). Если информативные некрологи безличны (с точки зрения производящей инстанции), то опинативные – личностны. Автор анализирует 228 некрологов из двух ирландских газет (на них пришлось 119 эвфемизмов и 33 случая употребления слов «смерть» и «умирать»), причем больше половины текстов попадают в категорию опинативных некрологов. Уровень субъективности в записях о смерти тесно связан с социокультурными нормами каждого исторического периода. Исследователю важно установить, в каких словах (метафорах-концепциях) отражается смерть (то слово, которое нельзя назвать), и какие представления о жизни и смерти за этим стоят. Выводы этой виртуозной статьи выходят далеко за рамки лингвистики – они свидетельствуют об укорененности метафор (и стоящих за ними представлений) в культуре своего времени.

Годом позже Фернандес напишет новую статью почти на том же материале (будет добавлена еще одна газета и общее число исследованных некрологов дойдет до 257), попытавшись изменить оптику: в центре окажется не язык, а говорящий на нем человек⁴⁹. Некролог здесь понимается как социально-ориентированная практика, дающая возможность адаптации в ситуации смерти, фокус внимания смещен на выбор языковых средств автора некролога, т.е. речь идет о том, как работает некрологист, а не как работает язык. Это продолжение предыдущей работы, но подход здесь более широкий и социально-ориентированный; автор

⁴⁸ Fernández 2006. P. 104.

⁴⁹ Fernández 2007.

задается вопросом, какими способами «восхваления и утешения» удается достичь цели (пережить смерть остающимся), новое в этом исследовании – именно социальная составляющая. По-другому обосновывается и выбор материала: если в предыдущей статье Фернандес ссылался на то, что анализ ирландских некрологов дополняет картину уже имевшихся исследований англоязычных некрологов, то теперь он настаивает, как на важнейшем факторе выбора, на провинциальности ирландских газет – они представляют более тесное сообщество, некрологи здесь более личностные и интимные.

Таким образом, он исследует не просто иной географически-культурный локус, а иной тип сообщества. Фернандес уточняет определение некрологов как «гибридного жанра, в котором информация и публичность сосуществуют, их компромисс представляет тип дискурса на полпути между истиной и преувеличением как добродетелей умершего, так и горя оставшихся в живых членов семьи»⁵⁰. В этой статье некрологи «представляют собой лингвистическое и социальное зеркало смертности разной степени субъективности, зависящее от факторов, окружающих умершего, таких как общественное положение, экономический статус или религиозные верования. Проще говоря, природа некролога полностью зависит от социальной релевантности умершего»⁵¹ (на метафоре зеркала автор по-прежнему настаивает). Фернандеса интересует здесь взаимодействие между социальными и лингвистическими элементами, и он констатирует, что содержание и язык некролога зависит от статуса не только умершего, но и пишущего (хотя это положение осталось неразработанным).

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Андреева Е.А. Герои прошедшего времени в зеркале некролога // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 281. С. 200-206 [Andreeva E.A. Geroi proshedshego vremeni v zerkale nekrologa // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2004. №281. S. 200-206]
- Орлова Г.А. Биография (при) смерти: заметки о советском политическом некрологе // Неприкосновенный запас. 2009. № 2 (64). С. 188-202 [Orlova G.A. Biografiya (pri) smerti: zametki o sovetskom politicheskom nekrologe // Neprikosnennyj zapas. 2009. № 2 (64). S.188-202]
- Рейтблат А.И. Некролог как биографический жанр // Право на имя: Биографика XX века. Чтения памяти Вениамина Иофе: Избранное. 2003–2012 / НИЦ «Мемориал» (СПб.); Европейский университет в Санкт-Петербурге. СПб.: Норма. 2013. С. 624-633 [Rejtblat A.I. Nekrolog kak biograficheskiy zhanr // Pravo na imya: Biografika NKH veka. Chteniya pamyati Veniamina Iofe: Izbrannoe. 2003–2012 / NIC «Memorial» (SPb.); Evropejskiy un-t v Sankt-Peterburge. SPb.: Norma. 2013. S. 624-633]
- Allan K., Burridge K. Euphemism and Dysphemism // Language Used as Shield and Weapon. 1991. Oxford: Oxford University Press. P.161-164.
- Barth S., van Hoof J.J., Beldad A.D. Reading between the Lines: A Comparison of 480 German and Dutch Obituaries // OMEGA--Journal of Death and Dying. 2013-2014. Vol. 68. №2. P. 161–181.

⁵⁰ Op. cit. P. 9.

⁵¹ Op. cit. P. 17.

- Bogner R.G. Der Autor im Nachruf: Formen und Funktionen der literarischen Memorialkultur. Tübingen: Max Niemeyer Verlag. 2006. 460 s.
- Bogner R.G. Der Nachruf als literarische Gattung: Möglichkeiten und Grenzen einer Definition // Textsorten deutscher Prosa vom 12.-13. bis 18. Jahrhundert. Bern: Peter Lang AG. 2002. S. 39-51.
- Bultnick B. Metaphors We Die By: Conceptualization of Death in English and their Implications for their Implications for the Theory of Metaphor. Antwerpen: Uniuersiteit Antwerpen. 1998. 102 pp.
- Demoor M. From Epitaph to Obituary: the Death Politics of T. S. Eliot and Ezra Pound // Biography. 2005. Vol. 28. № 2. P. 255-275.
- Eid M. The World of Obituaries: Gender across Cultures and over Time. Detroit: Wayne State University Press. 2002. 332 pp.
- Es ist echt zu bitter: Todesanzeigen / ges. und kommentiert von Mader H. // Hamburg: Germa-Press. 1990. 142 s.
- Fernández E.C. Euphemistic Conceptual Metaphors in Epitaphs from Highgate Cemetery // Review of Cognitive Linguistics. 2011. Vol. 9. №1. P. 198-225.
- Fernández E.C. Linguistic devices coping with death in Victorian obituaries // Revista Alicantina de Estudios Ingleses . 2007. № 20. P. 7-21.
- Fernández E.C. The Language of Death: Euphemism and Conceptual Metaphorization in Victorian Obituaries // SKY Journal of Linguistics. 2006. №19. P.101-130.
- Fowler B. The Obituary as Collective Memory. N.Y.: Routledge. 2007. 312 pp.
- Fries U. Two Hundred Years of English Death Notices // SPELL. Swiss Papers in English Language and Literature. 1990(a). № 5. P. 57-71.
- Fries U. A Contrastive Analysis of German and English Death Notices // Further insight into Contrastive Analysis / Ed. Jacek Fisiak. Amsterdam: John Benjamin. 1990(6). P. 535-542.
- Fries U. Death Notices: The Birth of a Genre // Corpus-based Studies of Diachronic English. Ed. by Facchinetti R., Rissanen M. Bern: Peter Lang. 2006. P.157-170.
- Götz T. Poetik des Nachrufs: zur Kultur der Nekrologie und zur Nachrufszene auf dem Theater. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag. 2008. 271 s.
- Gross J. Fair of Speech. The Uses of Euphemism // Intimations of Mortality. Ed. by D.J. Enright. Oxford: Oxford University Press. 1985. P.203-219.
- Halbur B., Vandagriff M. Societal Responses after Death: A Study of Sex Differences in Newspaper Death Notices for Birmingham, Alabama, 1900–1985 // Sex Roles. 1987. № 17. P.421–436.
- Hume J. Obituaries in American Culture. Jackson: University Press of Mississippi. 2000. 198 p.
- Johnson M. The Dead Beat: Lost Souls, Lucky Stiffs, and Perverse Pleasures of Obituaries. NY-London-Toronto- Sydney: Harper Perennial. 2007. 252 pp.
- Kastenbaum R., Peyton S., Kastenbaum B. Sex Discrimination after Death. Omega: Journal of Death and Dying. 1977. №7. P. 351-359.
- Kitch C.L., Hume J. Journalism in a Culture of Grief. New-York: Routledge. 2007. 272 pp.
- Kearl M.C. Death as a Measure of Life: A Research Note on the Kastenbaum-Spilka Strategy of Obituary Analyses // Omega: The Journal of Death and Dying. 1986. №17. P.65–78.
- Knutson G. S. A Content Analysis of Obituaries of Prominent Librarians in the New York Times. MA Thesis. Chicago: University of Chicago. 1981. 224 pp.
- Marzol C. I. Coming out of the Closet 'Six Feet under': Textual Silences and the Social Construction of the Family Stage in the Obituary Genres // Revista Alicantina de Estudios Ingleses. 2006. №19. P. 67-82.
- Maybury K. K. Invisible Lives: Women, Men and Obituaries // Omega: The Journal of Death and Dying. 1995. №32. P. 27–37.
- Moremen R.D., Craddock C. "How Will You be Remembered after You Die?" Gender Discrimination after Death Twenty Years Later // Omega: The Journal of Death and Dying. 1998–99. №38. P. 241–254.
- Moses R. Gendered Dying: The Obituaries of Women and Men // Cultural Performances: Proceedings of the 3rd Berkeley Women and Language Conference. Ed. by M. Bucholtz, A.C. Liang, L.A. Sutton, C.Hines. Berkeley: Cascadilla Press. 1994. P. 542-550.

- Moses R. A., Marelli G.D. Obituaries and the Discursive Construction of Dying and Living // Proceedings of the Eleventh Annual Symposium about Language and Society. Texas Linguistic Forum. Austin: University of Texas. 2003. Vol. 47. P. 123-130.
- Ogletree S. M., Figueroa P., Pena D. A Double Standard in Death? Gender Differences in Obituaries // Omega—Journal of Death and Dying. 2005. №51. P.337-342.
- Petrucci A. Writing the Dead: Death and Writing Strategies in the Western Tradition. Stanford: Stanford UP. 1998. 184 pp.
- Phillips J. The Changing Presentation of Death in the Obituary, 1899-1999 // OMEGA. 2007. №55 (4). P.325-346.
- Ryan C. Obituaries in American Culture by Janice Hume// American Periodicals. 2001. Vol. 11. P. 131-133.
- Showalter E. Way to Go: On Why Obituaries are a Business in the US and an Art in the UK // The Guardian. 2000 2 Sept. 2000. URL: http://www.guardian.co.uk/saturday_reviev/story
- Spilka B., Lacey G., Gelb B. Sex Discrimination After Death: A Replication, Extension and a Difference // Omega: The Journal of Death and Dying. 1979. № 10. P.227–233.
- Starck N. Capturing life – not death: A Case for Burying the Posthumous Parallax // Text. Vol. 5. No 2. Oct. 2001. URL: <http://www.textjournal.com.au/oct01/starck.htm>
- Starck N. Life After Death: The Art of the Obituary. Carlton: Melbourne U.P., 2006. 256 p.
- Starck N. Posthumous Parallel and Paradox: The Obit Revival on 3 Continents // Journalism Studies. 2005. №6. P. 267-283.
- The State of the American Obituary. URL: <http://obitresearch.medill.northwestern.edu/2009/11/30/report-the-state-of-the-american-obituary/index.html>

Еремеева Светлана Анатольевна, кандидат культурологии, доцент, Школа актуальных гуманитарных исследований, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; u5020@yandex.ru

“A Window into Culture” and “a Mirror of Society” approaches to obituary studies

Modern methods of humanitarian research are often focused on reinterpreting long-known sources. From this point of view, a type of text such as obituary attracts special attention. This form of publications about death (and about life too) is generated by a whole complex of causes in the Modern Era related to political, economic, and social changes as well as a change in the individual and their worldview. This paper explores the diversity of approaches to the study of obituaries and the potential value of included content.

Keywords: obituary, gender studies, media studies, sociolinguistics

Svetlana A. Eremeeva, Candidate of Culturology (PhD), Associate Professor, School of Advanced Studies in the Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; u5020@yandex.ru

А. С. МЕДЯКОВ

ОТКРЫТКА РУБЕЖА XIX–XX вв. КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

В статье исследуется феномен почтовой открытки конца XIX – начала XX в. Появление и популярность открытки объясняются глубокими социальными изменениями, происходившими в это время. Проведен сравнительный анализ развития феномена открытки в разных странах. Показана роль приватизации производства открыток как важного условия их превращения в одного из главных выразителей интересов, вкусов и потребностей широких масс населения. Выделяются следующие социокультурные функции открыток: поддержание социальных связей, коммуникационная, информационная, репрезентативная, образовательно-педагогическая, идеологически-пропагандистская, экономическая и развлекательная. Делается вывод о специфике открытки как социокультурного феномена, заключающейся в ее бытовании на грани частной и публичной сфер.

Ключевые слова: почтовая открытка, коммуникация, социокультурные функции, Германия, коллекционирование, репрезентация, публичная сфера

Неотъемлемой чертой общественного развития является стремление к все более совершенным средствам коммуникации, в т.ч. личной. Последние десятилетия XIX – начало XX в. усилили эту тенденцию, поскольку именно в то время начала ощущаться вся глубина перемен, которые несло с собой становление современного общества. Социальные последствия индустриализации, урбанизация, миграции – все это приводило к тому, что привычные групповые и социальные связи ставились под вопрос, и потребность в их поддержании возможно более простыми и эффективными способами была особенно велика. Одним из таких способов стал совершенно новый феномен – почтовая открытка.

В равной степени выполняя свою первичную функцию доставки сообщения, средства коммуникации вместе с тем по-разному представлены в областях, выходящих за пределы этой функции. Открытки обладали наиболее широким социальным резонансом среди такого рода медиумов своего времени, объединяя в себе частную и публичную сферы, являясь фактором экономической жизни. В настоящей статье ставится задача изучения открытки как социокультурного феномена, а именно выявления ее особенностей в качестве средства личной коммуникации, причин общественной востребованности, характера социального бытования и связанных с ней практик, наконец, ее социальных функций.

Как средство почтового сообщения открытка – совместное австро-германское «изобретение», практическое использование которого началось в 1869–1870 гг. В последующие несколько лет открытые письма были введены во всех европейских странах и США, а с 1875 г. разреше-

но их международное использование¹. Длительное время открытки существовали в форме почтового бланка без иллюстраций, т.е. как облегченный вариант письма, преимущество которого заключалось главным образом в пониженном почтовом тарифе. Подлинное своеобразие и особую ценность в качестве источника открытка приобретает лишь с получением специфической комплексности, сочетания изображения и текста личного послания, приведшего к колоссальному росту ее популярности и превращению в поистине массовый социокультурный феномен.

Основное преимущество нового коммуникационного медиума по сравнению с традиционным письмом хорошо видно, например, из высказывания В.В. Розанова по поводу еще непривычно звучащего тогда для слуха новшества: «Когда тут искать почтовую бумагу, всовывать ее в конверт, да почтовый лист и требует длинного из вежливости письма, а разве мы живем в век, когда можно писать длинные письма... Открытки (так их в общежитии зовут) отличное изобретение»². Простота написания, дешевизна, быстрая скорость доставки – эти качества открытки оказались созвучны общественным изменениям рубежа веков. Возросшая мобильность населения, увеличение досуга и удешевление транспорта, первые успехи индустрии туризма, рост грамотности широких слоев населения – все это увеличивало потребность в простом и дешевом средстве коммуникации. На фоне общедоступного, демократичного характера открытки традиционное письмо оно сохраняло свою «буржуазность»³, что было связано не только с более высокими затратами (почтовые тарифы на открытку были значительно ниже; конверт с почтовой бумагой стоил, как правило, дороже открытки), но и со сложностью написания, требовавшего от пишущего знания различных стилистических конвенций, умения обращаться с несколькими темами и т.д. Малое письменное пространство в открытке облегчало задачу для малообразованного человека, позволяя сосредоточиться на конкретном поводе или теме. С другой стороны, облегчалась задача и получателя, поскольку он избавлялся от труда читать длинный текст. В силу всех этих причин открытка превратилась в подлинное «письмо маленького человека», начав теснить позиции настоящего, «большого» письма даже до появления на ней иллюстраций. Так, в 1891 г. соотношение прошедших почту писем и открыток в Германии, Италии и Бельгии составляло уже 2 к 1, а в Японии открытки и вовсе преобладали с большим отрывом⁴.

Иллюстрированная открытка не только добавила к этим привлекательным сторонам эстетическое оформление, но еще больше облегчила

¹ Подробнее см.: Leclerc 1986. S. 464.

² Розанов 2009. С. 723.

³ Faulstich 2004. S. 16; Holzheid 2011. S. 9.

⁴ Weithase 1895. S.137.

самую коммуникацию, позволив частично переложить эту задачу на то послание, которое несла иллюстрация и подпись к ней, поскольку выбор изобразительных сюжетов был невероятно велик. Результатом сочетания всех этих качеств стал дальнейший рост почтового обращения открытки: «Невызыскательная, быстро написанная, всегда приятная получателю открытка с картинкой являет стремление составить конкуренцию привычному письму и превратиться в главное средство сообщения нашего любящего скорость времени», – отмечал современник⁵. К тому же открытка не знала социальных границ: будучи особенно привлекательной для небогатых и малообразованных слоев населения, в силу своей практичности она была востребована и в других общественных группах, тем более что вытеснение единообразного почтового бланка иллюстрированной открыткой давало возможность подчеркнуть свой более высокий жизненный стандарт путем использования дорогостоящих и художественно исполненных образцов.

Развитие открытки как социокультурного феномена имело существенные различия по странам, и здесь обращает на себя внимание ведущая роль Германии. Общие процессы становления современного общества, которые, в конечном счете, обусловили востребованность открытки как нового коммуникационного медиума, в стремительно индустриализирующейся Германии ощущались острее всего. Именно она была лидером во всех отраслях и сферах, связанных с открытками – их производстве, использовании, коллекционировании. Именно германские реалии рубежа веков дают особенно благоприятный материал для изучения открытки как исторического источника, поскольку здесь этот феномен раскрылся полнее и разностороннее, чем где-либо еще.

Различия между странами в популярности открытки объяснялись многими причинами и не в последнюю очередь состоянием исходных условий – уровнем грамотности населения, развитием почтового дела, мощностью собственного бумажного производства, наличием правовых или бюрократических ограничений. Германия при 100%-ной грамотности населения обладала и наиболее развитой почтовой инфраструктурой: 45623 почтовых отделений в начале XX в., вдвое превосходя Англию и вчетверо – Францию⁶. Учитывая, что одной из самых привлекательных сторон открытки была оперативность, уже сам факт слабого «покрытия» территории страны отчасти предопределял ее относительно меньшую популярность. Германия с одной почтой на каждые 14,4 кв. км и Россия (одна почта на 1946,8 кв. км)⁷ находились в совершенно разных условиях, не говоря об уровне грамотности населения.

⁵ Archiv für Post und Telegraphie. 1905. № 1. S. 13.

⁶ Archiv für Post und Telegraphie. 1903. № 15. S. 454.

⁷ Ibidem.

Принципиально значимым качеством открытки как средства общения была заложенная при ее изобретении идея половинного почтового тарифа⁸, что стало причиной мгновенного взлета ее популярности. И в дальнейшем можно отметить наличие прямой зависимости широты использования открытки от применявшихся к ней почтовых тарифов. Так, 60 млн. открыток в год в начале века во Франции, более чем скромно выглядевшие на фоне миллиарда в Германии и сотен миллионов в США, Англии и Австро-Венгрии, объяснялись высоким почтовым тарифом, недостаточно выигрышно отделявшим открытку от письма (10 и 15 сантимов, соответственно)⁹. Пытаясь пополнить таким образом бюджет, французские власти создавали искусственное препятствие всему связанному с открытками комплексу, от производства до потребления.

Вопрос о характере производства выводит и на проблему изучения открыток как исторического источника. Наиболее значимым в истории открыток с момента их появления являлось «разгосударствление», переход их производства в частные руки. С одной стороны, это резко увеличило объемы производства открыток. Так, в Англии дешевая открытка стоимостью в полпенни имела успех сразу после ее введения в 1870 г., но вплоть до 1894 г. пользователи были вынуждены использовать официальные предоплаченные открытки¹⁰. Передача производства в частные руки привела к открыточному буму в Англии, и к 1906 г. 84% открыток предлагалось рынку частными фирмами¹¹. Напротив, в Германии производство и обращение частных открыток было разрешено уже в 1872 г. (иллюстрированных – с 1885 г.)¹². Однако сохранялось важное ограничение: в международном сообщении допускались лишь официальные открытки: в 1878 г. парижский конгресс Всемирного почтового союза прямо это предписывал. Снятие данного ограничения в 1885 г. создало важные предпосылки для будущего открыточного бума¹³. Произошла либерализация и на национальном уровне. В 1890-е гг. частные издательства получили право на выпуск открыток повсеместно: в 1894 г. – в России, в 1898 г. – в США и т.д. Приватизация и коммерциализация открыточного дела позволила возникнуть четкой взаимосвязи между предлагаемыми издателями образцами, с одной стороны, и потребностями публики – с другой, поскольку предприниматели ориентировались исключительно на коммерческую выгоду, наличие спроса.

В том же направлении действовало и постепенное снятие разного рода правовых и бюрократических ограничений, также все более пере-

⁸ Leclerc 1986. S. 10-13.

⁹ Archiv für Post und Telegraphie. 1903. № 15. S.457-458; 1904. № 18. S. 579-580.

¹⁰ Vincent 1993. P. 46.

¹¹ Archiv für Post und Telegraphie. 1907. № 3. S. 79.

¹² Kaufmann 1985. S. 40.

¹³ Handwörterbuch des Postwesens. 1927. S. 527.

мещавшее открытку в публичную сферу, мало контролируруемую государством. Первоначально власти смущал абсолютно «открытый» характер обмена между частными лицами как текстами, так и изображениями. Например, во Франции были введены наказания за оскорбления посредством открытки – из-за все того же «открытого» характера они приравнивались к публично нанесенным¹⁴. Той же обеспокоенностью объясняется и надпись на первых российских открытых письмах: «Почтовое управление за содержание письма не отвечает». Вместе с тем, постепенно снимались многочисленные ограничения, касавшиеся характера изображений. С рубежа веков подобные ограничения повсеместно сохранялись главным образом в отношении «неприличных» изображений и диктовались специфической ситуацией в той или иной стране – так, в Османской империи было запрещено изображать султана, в Австро-Венгрии суды периодически конфисковали открытки пангерманского содержания. В России духовная цензура некоторое время противилась изданию пасхальных открыток («священных изображений на почтовых карточках») и портретов отлученного от церкви Л.Н. Толстого¹⁵.

Наконец, существенное значение имело еще одно нововведение начала XX в.: если первоначально текст личного послания помещался на лицевой стороне открытки, то теперь он переносился на сторону адреса, отделяясь от него вертикальной чертой – с 1902 г. в Англии, с 1903 г. во Франции, с 1904 г. в России, с 1905 г. в Германии, с 1907 г. в США. Римский конгресс Всемирного почтового союза (1906 г.) распространил этот подход на все существующие открытки с 1 октября 1907 г.¹⁶ Тем самым и издатели, и пользователи получили в буквальном и переносном смысле больше простора для донесения своих посланий.

В итоге этих процессов открытки, образность которых диктовалась отныне почти исключительно законом спроса и предложения, интересами и потребностями миллионов частных лиц, превратились, как тогда писали, в «совершенно современное средство выражения народной души»¹⁷, а значит, в первоклассный исторический источник – по истории повседневности, ментальности, исторической антропологии.

Помимо практичности и функциональности открыток рост их производства и потребления был связан с массовым собирательством. Доступность и демократичность открытки, так созвучная начавшейся «эпохе масс», вновь, но иначе, проявила себя. Именно коллекционирование открыток можно считать первым собирательским хобби с универсальной популярностью: если собирание монет требовало определенно-

¹⁴ Archiv für Post und Telegraphie. 1887. № 17. S. 513-516.

¹⁵ Поздняков 1996. С. 142.

¹⁶ Handwörterbuch des Postwesens. 1927. S. 527.

¹⁷ Swoboda 1915. S. 66.

го уровня материальной обеспеченности, а марки являлись преимущественно мужским увлечением, то дешевые и яркие открытки привлекали представителей обоего пола из разных социальных слоев, от рабочих до английской королевы Виктории¹⁸. В американских домах альбомы с открытками превратились во «вторую по важности книгу после семейной Библии»¹⁹. В России стремление коллекционировать открытки «не только обратилось в моду, но, вернее сказать, перешло прямо в страсть и достигло высшей степени увлечения, отчасти даже вытесняя собрание фотографий, гравюр, почтовых марок и т.д.»²⁰. Еще большую популярность открытки получили в Германии, превратившись едва ли не в предмет национального культа. Как писал русский журналист, в немецком быту «над всем преобладают альбомы с *Post-carda* ми»²¹.

Страсть к коллекционированию открыток вспыхнула благодаря подлинному прорыву иллюстрированной открытки. Хотя предыстория таких открыток восходит к 1870-м²², выпущенные до 1895 г. филокартисты считают «предшественниками», предворяющими собственно эпоху иллюстрированной открытки и наступление ее «золотого века». Окончательный же перелом наступил в 1897 г. Начавшееся повальное увлечение открытками современники характеризовали в терминах «мания», «лихорадка», «открыточный спорт». С конца 1890-х гг. повсеместно появляются объединения филокартистов, издаются специализированные журналы, в 1898 г. был даже написан «Марш собирателей открыток»²³.

Технические новшества в печатном деле позволили перейти к массовому и быстрому производству иллюстрированных открыток. В середине 1890-х гг. основным способом печати оставалась литография, но с рубежа веков к ней добавились хромо-литография и различные фото-механические способы печати. С 1897 г. фотооткрытка начала решительно вытеснять литографию. Цифры говорят сами за себя. Литографу в конце XIX в. требовалось иногда до 10 недель, чтобы точно перенести рисунок на камень-клише²⁴, с которого отпечатывали обычно 1-2 тыс. оттисков в час. Производительность ротационной машины с фото-механическим принципом печати была совершенно иной: на рулоне открыточного картона длиной в 4200 м в минуту печатали 5300 открыток²⁵.

Быстрая печать несла с собой не только многократное увеличение объемов открыточного производства, но и влияла на содержательную

¹⁸ Hill 2007. P. 33.

¹⁹ Carlson 2009. 215.

²⁰ Шабельская 1899. С. 675.

²¹ Реус 1904. С. 49.

²² См. об этом: Leclerc 1986. S. 14-20.

²³ Weiss, Stehle 1988. S. 33.

²⁴ Postkarten mit Ansicht // Archiv für Post und Telegraphie. 1897. № 22. S. 710.

²⁵ Kempf 1908. S. 270.

сторону открыточных посланий, позволяя во много раз быстрее реагировать на актуальные поводы. Так, продажа открыток по случаю смерти Бисмарка 30 июля 1898 г. началась уже на следующее утро после получения самого известия, но технические возможности не позволяли быстро произвести оригинальные открытки на эту тему и заставляли ограничиться лишь допечаткой траурной каймы или соответствующих текстов на уже существующие открытки²⁶. Однако на открытие памятника тому же Бисмарку в Берлине три года спустя открытки реагируют гораздо быстрее: личный текст на одной из открыток с изображением монумента сообщает, что тот был открыт «вчера»²⁷. Спустя четыре года скорости возросли еще больше: первые фотооткрытки с изображением свадебной процессии прусской кронпринцессы Сесилии в 1905 г. появились в продаже уже через час после самого события²⁸.

В итоге, открытка превратилась в самое оперативное визуальное средство массовой информации своего времени, превосходя, в частности, газеты, производство иллюстраций в которых было гораздо более долгим и технически сложным делом. Благодаря подобной оперативности открытка давала единственную в своем роде возможность задокументировать личное соприкосновение с актуальными процессами и событиями, что также влияло на ее популярность и сбыт. Быстрое производство, быстрое написание и чтение, быстрая доставка – все эти качества как нельзя лучше вписывались в социокультурный ландшафт рубежа веков с его изменившимся представлением о ритме жизни и самом времени. Кроме того, открытка являлась способом доказать свою собственную «современность», соответствие духу эпохи, попадая в один ряд с другими достижениями технического прогресса, воплощавшими этот дух: «Телефон! Беспроволочный телеграф! Метро! Иллюстрированная открытка!.. столько способов торопить жизнь», – писала французская газета в октябре 1904 года²⁹. Открытку относили к числу выдающихся изобретений XIX столетия: «мы, с высоты нашего века открытий, с гордостью смотрим на восемнадцатый, которому были неизвестны понятия железная дорога, телеграмма, плакат или открытка»³⁰.

Социокультурные функции открытки отличались особой широтой. Наиболее общая из них – *функция поддержания социальных связей*. Как уже отмечалось, процессы модернизации меняли прежние формы жизни, привычные групповые и социальные связи индивида нередко ставились под вопрос. Открытка представляла собой один из вариантов ответа на вызов феномена социального отчуждения, присущего возника-

²⁶ Neue Hamburger Zeitung. 11.8. 1898.

²⁷ См.: Медяков 2014. Т. I. С. 35. I/0020.

²⁸ Walter 2001. S. 54.

²⁹ Цит. по: Ripert, Frère 2001. P. 147.

³⁰ Lehrs 1898. S. 189.

вшему современному обществу. Формы, характер, способы и масштабы осуществления открытками этой функции были многообразны. В частности, они служили упрочению связей внутри общественных организаций и объединений. Так, немецкие студенческие корпорации использовали открытки с собственными логотипами либо содержащие символы, которые обеспечивали узнавание и подтверждение принадлежности к данному сообществу. Обычай рассылать товарищам коллективные «пивные открытки»³¹ стал новшеством в традиционном строго ритуализированном студенческом времяпровождении в пивных, способствуя укреплению идентичности сообщества, поскольку именно ритуалы являются важным средством инсценирования общности³². Возможность послать «профильную» открытку стимулировала различные неформальные виды связи, характерные для гражданского общества³³.

Помимо издания и использования открыток множеством объединений, организаций или просто единомышленниками, это новое средство коммуникации применялось и для поддержания иных связей – дружеских, товарищеских, родственных. Интересом к открыткам с такими адресатами объясняли их прирост в начале нового века почтовые специалисты³⁴. Как отмечается, открытки способствовали изменениям в восприятии семьи и отношений в ней, поскольку до появления открытки пределы ежедневной связи ее членов определялись пространственной достижимостью, физическим соседством³⁵. Вот что, например, вспоминала современница, дочь рабочего, о бытовании открыток в ее семье:

«Прямо накануне Великой войны, когда мне было шесть лет, открытки с тогдашней оплатой в полпenni посылались между моими родственниками каждый день. Моя бабушка [из другого города] посылала нам открытку *каждый вечер*, и мы получали ее с первой почтой на следующее утро. *Тем же вечером* она получала нашу ответную открытку. Если кто-то жил в том же городе, что его корреспондент, отправленная ранним утром открытка доставлялась в полдень, а ответная открытка, если отправлялась сразу, могла быть получена во второй половине дня. Я все еще храню некоторые из таких открыток, показывающие, что это был за чудесный сервис; *все в один день* – и семья, подобные нашей, могли быть в ежедневном контакте, если они того хотели»³⁶.

Поддержанию разного рода групповых и родственных связей способствовала также новая культурная практика поздравительной открыт-

³¹ Grazer Tagblatt. 13.1.1897.

³² Вульф 2008. С.152, 165-166.

³³ «Появились открытки для гимнастов, любителей кеглей и велосипедистов, для охотников и рыболовов, для игроков в скат и конькобежцев, для вегетарианцев и завсегдаев пивных. Наклонности и страсти каждого возраста и любого вкуса находят должный учет». См.: Lehrs 1898. S. 190.

³⁴ Archiv für Post und Telegraphie. 1908. № 12. S. 344.

³⁵ Vincent 1993. P. 46.

³⁶ Hall E. Canary Girls and Stockpots. Luton Branch, 1977. Цит. по: Vincent 1993. P. 51.

ки. Если письменные поздравления с Рождеством являлись традиционными, и посланная по этому случаю открытка лишь придавала новую форму уже известному, то появившийся на рубеже веков обычай поздравлять по почте с Пасхой и Троицей во многом обязан своим возникновением открытке³⁷. Издатели во всех странах с энтузиазмом устремились в открывшуюся нишу, заполнив рынок поздравительными открытками в самом разном техническом исполнении и по всевозможным поводам – по случаю рождения ребенка и конфирмация, первого школьного дня и бракосочетания, 1 апреля и Дня благодарения, юбилеев и дней святых и т.д. Помимо интегрирующего воздействия в различных группах и сообществах в пределах отдельных стран, бум поздравительной открытки способствовал и транскультурному обмену – не только потому, что поздравления не знали национальных границ, но и в связи с международной кооперацией в открыточном производстве. Так, например, размещение заказов в Германии или русификация готовых немецких открыток российскими издательствами приводили к тому, что в визуальную культуру русского праздника были привнесены ранее не свойственные ей (и не всегда приветствовавшиеся) элементы – от «приносящих счастье» листиков клевера и божьих коровок до «берлинских пасхальных открыток, на которых изображены свиные задья»³⁸.

Тесно связана с предыдущей *коммуникационная функция* открытки. В своем эпистолярном качестве открытка была сродни письму – она тоже доставляла сообщение, но использование открытки было также актом визуальной коммуникации. Различались и способы хранения полученной информации, поскольку открытка нередко помещалась в альбом (если не собирательский, то семейный) с возможностью последующего постоянного возврата к ней, демонстрации гостям и родственникам. Наряду с общими с письмом, открытке были присущи и специфические коммуникационные поводы, в основе которых лежали социокультурные изменения рубежа веков и, в частности, увеличение досуга. Городской наемный труд впервые четко разделил время работы и отдыха, сокращение рабочего времени на рубеже XIX–XX вв. привело к появлению досуга, а зарождавшаяся массовая культура предложила множество способов его заполнения³⁹. Немалое их число осуществлялось в публичном пространстве, вне дома и являлось информационным поводом – недостаточным для «настоящего» письма, но вполне уместным для открытки. Посещение выставок, картинных галерей, аттракционов и варьете, спортивных состязаний часто сопровождалось возможностью купить открытку. Как текстуально, так и по сути главный смысл подоб-

³⁷ Faulstich 2004. S. 179; Walter 2001. S. 52.

³⁸ Утро России. 14.8.1914.

³⁹ См. подробнее: Maase 2001.

ных посланий заключался в демонстрации собственной, личной принадлежности к общественно значимому событию, достопримечательности: я был *здесь*, я *это* видел. Комплексный характер открытки позволял в таких случаях перенести большую часть коммуникации с текста на изображение, предоставить главным образом «говорить» ему.

Совершенно особое место в подобного рода коммуникациях занимали туристические практики. Сам открыточный бум во многом объяснялся развитием туризма и, в частности, зарождением массового туризма. Например, широко распространившаяся в Англии рубежа веков практика поездок в курортные места на выходные немедленно повлекла за собой открыточный бум. Так, из одного только курортного Дугласа на о. Мэн за день посылалось около 100 тыс. открыток⁴⁰. Еще больше в этом отношении отличались немцы. Охвативший всю Германию «открыточный спорт» – стремление посылать открытки буквально с каждого встреченного в пути населенного пункта – стал важной причиной резкого возрастания доли открыток в почтовом обороте⁴¹. Оказавшись за границей, немец «чувствовал непреодолимую потребность сообщить сей важный факт своей жизни черным по белому в форме требующего лишь несколько слов печатного листа»⁴². Туризм явился мощнейшим катализатором развития открыточного дела, и топографические открытки «с видами» испытали взрывной рост.

Носителем *информационной функции* являлась как изобразительная, так и письменная сторона открытки. Последняя была сродни письму – в ней также сообщались новости об авторе послания. Информационная же функция изображения выходила за пределы частной сферы. Открытки живо откликались на самые разные события от мелких и локальных до мировых. «Теперь нет ни одной выставки, сколь угодно малой, ни одного празднества или заседания любого рода, которое не послужило бы поводом выпустить в мир иллюстрированную и по возможности цветную открытку», – писал австрийский журналист⁴³. Действительно, вплоть до бума иллюстрированной открытки доступ широких масс к миру изображений был весьма ограничен, поскольку фотографии, портреты, репродукции стоили относительно дорого, и даже лубок едва ли можно причислить к предметам повседневного спроса. Открытка же оказалась доступной каждому, и особенно важен визуальный «рассказ» о событии был для малограмотных. Открытки не просто предоставляли определенные образы, но и позволяли принять косвенное участие в событиях, к которым иначе не было бы никакого доступа⁴⁴.

⁴⁰ Meyers Großes Konversations-Lexikon. 1908. S. 220-221.

⁴¹ Hamburger Nachrichten. 2.8.1898.

⁴² Lehrs 1898. S. 189.

⁴³ Grazer Tagblatt. 13.1.1897.

⁴⁴ Walter 2001. S. 55.

Они обеспечивали потребителю роль «медийного космополита», ощущение сопричастности к событию, достопримечательности и т.д.⁴⁵ Специфика открытки как одновременно носителя образов и средства коммуникации привела к возникновению практик, посредством которых соприкосновение с далеким становилось не только умозрительным, но и почти физическим. Так, например, любой человек мог удовлетворить свое любопытство по поводу знаменитого путешествия кайзера Вильгельма II в Святую землю в 1898 г., не просто купив открытку с соответствующими образами, а получив ее из Иерусалима, откуда ее отправили непосредственно во время пребывания там кайзера⁴⁶, а вместе с ней ощущение – эта открытка действительно там побывала. Подобные услуги производителей открыток были широко распространены. Например, популярностью пользовались открыточные кругосветные путешествия: за предоплату в 25 марок человек становился фактически альтер эго реального путешественника, отправленного в путь издателем и посылавшего лично заказчику открытки из каждой посещенной страны на всех обитаемых континентах Земли⁴⁷.

Тесно связанной с предыдущими была *репрезентативная функция*. Благодаря открытке «свое лицо» для миллионов потребителей приобретали отдельные города и страны; открытка также служила средством личной репрезентации. Знакомя в мельчайших деталях с какой-либо страной – городами, достопримечательностями, природными красотами – открытки оказывали существенное влияние на формирование ее имиджа. Как представляется, с этой точки зрения их можно считать одним из самых ранних случаев применения Nation Branding⁴⁸, часто неосознанного, но нередко и вполне осознаваемого. Например, известная собирательница старины Н.Л. Шабельская видела в распространении за рубежом русской открытки с «живописными местами нашего отечества» средство преодолеть бытующие на Западе «самые дикие понятия о России»⁴⁹. Тем же целям репрезентации открытки служили и на локальном уровне, представляя отдельный регион, местность, город, деревню или даже конкретный дом. Так, в Германии получила распространение профессия «фотографа домов»: такой фотограф призывал всех жильцов выглянуть в окна для своеобразного группового портрета дома, оформлявшегося затем в качестве открытки⁵⁰.

⁴⁵ Holzheid 2011. S. 260.

⁴⁶ Palästina-Postkarten // Die Zukunft. 1898. № 25. S. 95.

⁴⁷ Walter 2001. S. 56.

⁴⁸ Выделение и маркирование определенных качеств какой-либо страны с использованием различных средств коммуникации с целью создания привлекательного международного имиджа. См. подробнее: Viktorin, Gienow-Hecht. 2017. S. 701-704.

⁴⁹ Шабельская 1899. С. 679-681.

⁵⁰ Walter 2001. S. 58.

Нормирующая функция открыточных репрезентаций отчетливо проявлялась, например, в распространенных речевых оборотах «как на открытке», «как с открытки». Иными словами, открытки предлагали определенные модели видения окружающего мира; реальность должна была соответствовать заданным ожиданиям. Это нормирующее влияние заметно, в частности, в туристических практиках, когда восприятие какого-либо города сводилось к набору клише.

Наконец, открытки являлись и инструментом личных репрезентаций. Речь в первую очередь идет о личных фотографиях в виде открытки, практика использования которых была широко распространена. Элементы личной репрезентации могли также присутствовать в сделанных самостоятельно открытках, дорисовках и дописках к покупным открыткам, наконец, в самом выборе сюжета и комментариях к нему.

В качестве еще одной функции открытки можно выделить *образовательно-педагогическую*. Речь идет как о сознательном или неосознанном самообразовании, когда, например, собирающий «живопись» коллекционер становился обладателем «музея на дому», так и о целенаправленном использовании открыток в педагогическом процессе. Открыточный бум рубежа веков заставил некоторых педагогов обратить внимание на методический потенциал открытки, включая его практические стороны, такие, как массовость и дешевизна. Подобно другим репродукциям произведений искусства, открытка считалась средством «воспитания вкуса», однако выигрывала из-за дешевизны. Массовость и дешевизна имели принципиальное значение, поскольку главным адресатом подобной деятельности выступали малообразованные и небогатые «простые люди», а также дети. Так, Л.Н. Толстой использовал открытки с репродукциями картин для занятий со своими крестьянскими учениками⁵¹. Н.Л. Шабельская обращала внимание на то, что открытки «помимо своего обыкновенного, повседневного служения, представляют собою еще образовательное пособие по всем отраслям искусства и знания, так что, – забавляя, они учат»⁵².

В школьном образовании открытка могла быть использована для преподавания самых разных предметов. Директор одной из австрийских гимназий предпринял выпуск специальных «географических открыток», сделав ставку на их наглядность⁵³. Ведущие немецкие педагоги и методисты выступали за широкое применение открыток в качестве наглядного материала⁵⁴; позже предлагалось создать в каждой школе собрание

⁵¹ Маковицкий 1979. С. 36.

⁵² Шабельская 1898. С. 670.

⁵³ Linzer Tages-Post. 18.8.1897. О применении открыток в школах России см.: Мозолина 2011. С. 106-112.

⁵⁴ Schlager 1908.

открыток, способное донести до учеников содержание любого предмета «не в мертвых буквах»⁵⁵. Вместе с тем, педагогов и общественность едва ли не в большей степени заботил негативный воспитательный момент: в силу обилия безвкусных, пошлых и попросту непристойных открыток важной задачей считалось оградить от них по крайней мере детей. Например, известный российский юрист А.Ф. Кони при разработке в 1905 г. так и не вступившего в силу нового Устава о печати выступил за сохранение предварительной цензуры в отношении открыток, исходя именно из опасения их растлевающего воздействия на детей⁵⁶.

Спектр вариаций *идеологическо-пропагандистской функции* открытки был чрезвычайно широк, причем речь идет не только о ее содержательной, но и утилитарной стороне. Само промежуточное бытование открытки на грани публичной и частной сфер, на стыке частного сообщения и направленного во вне послания делало ее особенно привлекательной для пропаганды⁵⁷. В качестве средства выражения собственных политических взглядов и инструмента агитации могли быть использованы даже «безобидные» открытки, например, репродукции картин - благодаря специфическому подбору их сюжетов⁵⁸. Так, открытка с репродукцией картины Я.Я. Калиниченко «Перед обыском» в годы первой русской революции широко распространялась в революционной среде⁵⁹. Определенные возможности для политического действия давала сама специфика открытки как массового средства коммуникации. Например, в 1907 г. железнодорожники Франции собирались буквально засыпать председателя Сената 400 тыс. открыток с изображением паровоза, чтобы ускорить рассмотрение их требований⁶⁰.

Открытки активно использовались как средство во внутривнутриполитической борьбе, в частности – в партийной агитации. Примером могут служить всеобщие выборы в Великобритании 1910 г., в ходе которых консервативная партия в общей сложности реализовала почти 3 млн. открыток, по большей части карикатур против либералов⁶¹. Особенно широко открытки были задействованы в политической жизни Германии. Как утверждается, именно благодаря им процесс визуализации политики в принципе приобрел там массовый характер – действовавший до 1918 г. запрет на политические агитационные плакаты⁶² заставлял искать иные пути для агитации. Открытки находили широкое применение

⁵⁵ Schremmer 1920. S. 136-137.

⁵⁶ Кони 1969. С. 282.

⁵⁷ Gold, Heuberger 1999. S. 18.

⁵⁸ Walter 2001. S. 50.

⁵⁹ Тарпин 1978. С. 56.

⁶⁰ Leclerc 1986. S. 25.

⁶¹ Fraser 1980. P. 40.

⁶² Diekmannshenke 2006. S. 98, 103.

также в национальной борьбе. Например, в Австро-Венгрии на рубеже веков разгорелась настоящая «открыточная война» между немцами и чехами⁶³. Наконец, едва ли не активнее всего открытки откликнулись на международные события, демонстрируя всю возможную палитру занимаемых позиций – от сравнительно нейтрального информирования до диффамации. Иногда такого рода активность могла даже стать причиной международных осложнений. Так, в начале 1900 года английское внешнеполитическое ведомство заявило в Вене протест по поводу хождения открыток с оскорбительными изображениями королевы Виктории. В переписке между премьер-министром австрийской половины Австро-Венгрии и контролировавшим почту министром торговли было решено, что часть открыток подлежит изъятию, а на почтовых чиновников возлагалась обязанность не допускать к пересылке открытки, содержащие непристойности и оскорбления чести⁶⁴.

Нередко имело место сочетание пропагандистской и *экономической функций*. В этих случаях открытка, являясь средством агитации какого-либо политического движения или партии, одновременно использовалась для его финансирования. В частности, это касалось национальных движений. Так, в 1913 г. российские власти забили тревогу по поводу проникновения в Привислинский край открытки «агитационно-противоправительственного характера» «Месса ветеранов» польского художника Водзинского, 25% выручки от продажи которой шли на поддержку ветеранов восстания 1863 г. Преследуя материальные цели, открытка одновременно «воскрешала в памяти польского населения позабытые уже попытки борьбы с правительством»⁶⁵.

Экономическая функция открыток была особенно широкой и многообразной, поскольку открытка являлась в первую очередь коммерческим продуктом. Отдельную страницу в коммерческом использовании открытки составляет реклама⁶⁶. Массовость, наглядность, дешевизна – все эти качества открытки способствовали ее превращению с рубежа веков в почти идеальный носитель рекламы. Чаще всего изобразительная часть прямо отсылала к рекламируемому продукту, иногда реклама ограничивалась текстом на обратной стороне. Весьма часто фирмы и предприятия издавали открытки самостоятельно, иногда за дело брались известные открыточные производители.

Развлекательная функция основывалась на способности открытки занимать досуг. Некоторые занятия такого рода имели дело не только с содержанием открытки, но с ней как с материальным объектом. По-

⁶³ Jaworsky 2006.

⁶⁴ Österreichisches Staatsarchiv. AVA. Mdl. Präs.16/2. K 1669. 1377/M 1/19. Я благодарен Вольфгангу Мюллеру (Вена) за указание на эти документы.

⁶⁵ ГАРФ. Ф. 217. Д. 298. Л. 23, 27, 29.

⁶⁶ См. подробнее: Weiss, Stehle 1988.

мимо коллекционирования следует назвать собственноручное изготовление открыток – совершенно самостоятельное или по предлагавшимся в продаже шаблонам⁶⁷. Открытки предлагали весь спектр существовавших тогда развлекательных «картинок» (всевозможные виды юмора, открытки-загадки, ребусы, эротика и т.д.). Имелись открытки с текстами (стихов, песен, пословиц), нотами, географическими картами. Развлекательная функция открыток с изображением представителей династий, известных личностей, актеров по праву сравнивается с современными женскими журналами с их интересом к «селебрити»⁶⁸. Открытка предлагала также специфические виды развлечения, которые были невозможны на других бумажных носителях: механические открытки, открытки-пазлы, открытки с функцией «смотреть против света» и т.п.

Развлекательная функция нередко соприкасалась с информационной, более того – служила привлекательным контейнером для доставки новостей. В связи с этим открытку допустимо рассматривать как одну из форм «мягких новостей» (Soft News), особенностью которых является донесение информации до иначе не заинтересованной в ней аудитории в качестве побочного продукта – в данном случае облеченного в развлекательную оболочку открытки (например, карикатуры)⁶⁹.

Таков далеко не полный перечень социальных функций открыток; каждая из них может служить отдельным направлением исследований, опирающихся на этот комплексный источник. Главная социокультурная специфика открытки заключалась в ее бытовании на грани публичной и частной сфер: она предлагалась публично, была частью того или иного общественного дискурса, задействовалась в разных социальных практиках, являлась коммерческим продуктом, однако потреблялась частным образом. Именно это сочетание публичного и частного обусловило уникальность открытки как источника.

Архивные материалы:

ГАРФ. Ф. 217. Д. 298. Л. 23, 27, 29 [GARF. F. 217. D. 298. L. 23, 27, 29].
Österreichisches Staatsarchiv. AVA. Mdl. Präs.16/2. K 1669. 1377/M 1/19.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Вульф К. Антропология. История, культура, философия. СПб.: Изд-во С. Петербургского университета, 2008. 280 с. [Wulf K. Antropologija. Istorija, kultura, filosofija. SPb: Izd. S.-Petersburgskogo universiteta, 2008. 280 s.].
- Кони А.Ф. Сочинение о составлении Устава о печати // Собрание сочинений. Т.7. М.: Юридическая литература, 1969. С. 260-287 [Koni A.F. Sovesctanije o sostavlennii Ustava o pečati // Sobranije sochinenij. T. 7. M.: Juridicheskaja literatura, 1969. S. 260-287].
- Маковицкий Д.П. У Толстого 1904-1910. «Яснополянские записки» Д.П.Маковицкого. М.: Наука, 1979. Кн. 3. 512 С. [Makovickij D.P. U Tolstogo 1904-1910. Jasnopoljanskije zapiski D.P.Makovizkogo. M.: Nauka, 1979. Kn. 3. 512 s.].

⁶⁷ См. пример: Медяков 2014. Т. II. С. 13.

⁶⁸ Assel, Jäger 2015.

⁶⁹ Carlson 2009. P. 213.

- Медяков А.С. Первая мировая война на почтовых открытках. Т. I-IV. Киров: Крепостнов, 2014 [Medyakov A.S. Pervaja mirovaja voina na pochtovyh otkrytkah.. T. I-IV. Kirov: Krepostnov, 2014].
- Мозохина Н.А. Иллюстрированная открытка как наглядное пособие в школах и гимназиях России начала XX века // Искусство и образование. 2011. № 3 (71) С. 106-112 [Mozohina N.A. Illustrirovannaja otkrytka kak posobije d shkolah b gimnazijah Rossii nachala XX veka // Iskusstvo i obrazovanije. 2011. № 3 (71) s. 106-112].
- Петербургский листок. 7/20.2.1913 [Peterburgskij listok. 7/20.2.1913].
- Поздняков В. Открытые письма Общины Св. Евгении и Комитета популяризации художественных изданий // Коллекционер. 1996. № 31-32. С. 127-159 [Pozdnjakov V. Otkrytje pisma obshiny svjatoj Evgenii i komiteta popularizacii hudozhestvennyh izdanij // Kollekcjoner. 1996. № 31-32. s. 127-159].
- Реус. Simplicissimus (Письмо из Германии) // Русское богатство. 1904. № 5. С. 47-76 [Reus. Simplicissimus (Pismo iz Germanii) // Russkoe bogatstvo. 1904. № 5. s. 47-76].
- Розанов В.В. Открытки // Он же. Собрание сочинений. Юдаизм: статьи и очерки 1898-1901 гг. М.: Республика, 2009. С. 723-724 [Rozaov V.V. Otkrytki // Rozaov V.V. Sobraojie sochinenij. Judaizm: statji i ocherki 1898-1901 gg. M.: Respublica, 2009. s. 723-724].
- Таргин Н.С. Мир в открытке. М.: Изобразительное искусство, 1978. 127 с. [Tagrin N.S. Mir v otkrytke. M.: Izobrazitelnoe iskusstvo, 1978. 127 s.].
- Утро России. 14.8.1914. [Utro Rossii. 14.8.1914].
- Шабельская Н.Л. Новая отрасль художественной промышленности // Искусство и художественная промышленность. 1899. № 8. С. 670-682 [Shabelskaja N.L. Novaja otrasl hudozshestevennoj promyshlennosti // Iskusstvo i hudozshestvennaja promishlennost. 1899. № 8. s. 670-682].
- Ansichtskarten und kein Ende // Znaimer Wochenblatt. 24.11.1897
- Archiv für Post und Telegraphie. Beiheft zum Amtsblatt des Reichs-Postamts. 1887. № 17; 1897. № 22; 1903. № 15; 1904. № 18; 1905. № 1; 1907. № 3; 1908. № 12.
- Assel J., Jäger G. Vorstudien und Dokumente zu einer Geschichte der Bildpostkarte bis 1933. S. 11-12 // Goethezeitportal http://www.goethezeitportal.de/fileadmin/Images/wd/projektepool/bildpostkarte/Postkarten_Aufsatz_I-zur_Publikation_a.pdf
- Bozner Nachrichten. 8.1.1898
- Carlson J.D. Postcards and Propaganda: Cartographic Postcards as Soft News Images of the Russo-Japanese War // Political Communication, 2009. V. 26/2. p. 212-237.
- Diekmannshenke H. Polit-Postkarten: Propaganda, Wahlwerbung, politische Kommunikation // Girth H., Spieß C. (Hg.). Strategien politischer Kommunikation: pragmatische Analysen. Berlin: Erich Schmidt, 2006. S. 97-120.
- Faulstich W. Medienwandel im Industrie- und Massenzeitalter (1830-1900). Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2004. 302 S.
- Grazer Tagblatt. 13.1.1897.
- Die Grenzboten. Jg. 56. 1897. № 3.
- Gold H., Heuberger G. (Hg.) Abgestempelt: judenfeindliche Postkarten. Auf der Grundlage der Sammlung Wolfgang Haney: eine Publikation der Museumsstiftung Post und Telekommunikation und des Jüdischen Museums Frankfurt am Main. Heidelberg: Umschau Buchverlag, 1999. 308 S.
- Hamburger Nachrichten. 23.10.1896.
- Hamburger Nachrichten. 2.8.1898.
- Handwörterbuch des Postwesens. Berlin: Julius Springer, 1927. 725 S.
- Fraser J. Propaganda in the Picture Postcard // Oxford Art Journal. 1980. Vol. 3. No. 2. P. 39-54.
- Goldstein R. J. Political Caricature and International Complications in Nineteenth-Century Europe // Michigan Academician. 1998. March, Vol. XXX. p. 107-122.
- Hill C.W. Picture Postcards. London: Shire Publications, 2007. 64 p.
- Holzheid A. Das Medium Postkarte. Eine sprachwissenschaftliche und mediengeschichtliche Studie. Berlin: Erich Schmidt Verlag, 2011. 440 S.
- Jaworsky R. Deutsche und tschechische Ansichten. Kollektive Identifikationsangebote auf Bildpostkarten in der späten Habsburgermonarchie. Innsbruck, Wien, Bozen: Studienverlag, 2006. 194 S.

- Leclerc H. Ansichten über Ansichtskarten // Archiv für deutsche Postgeschichte. 1986. № 2. S. 5-65.
- Kaufmann G. Die Postkarte im Spiegel der Kultur und Gesellschaft // Viele Grüße... Eine Kulturgeschichte der Postkarte. Dortmund: Harenberg, 1985. S. 399-457.
- Kempf. Die Herstellung der Postwertzeichen // Archiv für Post und Telegraphie. Beiheft zum Amtsblatt des Reichs-Postamts. 1908. № 10. S. 265-273.
- Kraus K. Zuckersteuer auf Ansichtskarten // Die Fabel. 1899. № 14. S. 12-14.
- Lehrs M. Kuenstlerpostkarten // Pan. 1898. H. III-IV. S. 189-192.
- Linzer Tages-Post. 18.8.1897.
- Maase K. Grenzloses Vergnügen. Der Aufstieg der Massenkultur 1850-1970. Frankfurt am Main: Fischer, 2001. 319 S.
- Meyers Großes Konversations-Lexikon. Bd. 16. Leipzig: Bibliographisches Institut, 1908.
- Neue Hamburger Zeitung. 11.8.189
- Palästina-Postkarten // Die Zukunft. 1898. № 25. S. 95-96.
- Punch. 23.4.1902.
- Ripert A., Frère C. La carte postale, son histoire, sa fonction sociale. P.: SNRS, 2001. 195 p.
- Roberts R. The Classic Slum: Salford Life in the First Quarter of the Century. Harmondsworth: Penguin, 1973. 266 p.
- Schlager P. Gehört die Ansichtskarte in die Schule? // Hamburgische Schulzeitung. 27.6.1908.
- Schremmer W. Vom unterrichtlichen Wert der Postkarte // Neue Bahnen. Illustrierte Monatschrift für Erziehung und Unterricht. 1920. 31. Jg. H. 4. S. 136-137.
- Swoboda H. Religiöse Kriegs-Ansichtskarten. Die Kultur. Bd. 16. 1915. S. 65-74.
- Viktorin C., Gienow-Hecht J. Was ist und wozu braucht man "Nation Branding"? Versuch eines neuen Zugriffs auf Macht und Kultur in den internationalen Beziehungen am Beispiel der spanischen Diktatur unter Franco // Haider-Wilson B., Godsey W., Mueller W (Hg.). Internationale Geschichte in Theorie und Praxis / International History in Theory and Practice. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2017. S. 695-719.
- Vincent D. Literacy and Popular Culture: England 1750-1914. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 376 p.
- Walter K. Die Ansichtskarte als visuelles Massenmedium // Kaschuba W., Maase K. (Hg.) Schund und Schönheit. Populäre Kultur um 1900. Köln: Böhlau, 2001. S. 46-61.
- Weiss P., Stehle K. Reklamepostkarten. Basel: Birkhäuser, 1988. 170 S.
- Weithase H. Geschichte des Weltpostvereins. Strassburg: J.H.Ed.Heitz, 1895. 184 S.
- Wollaeger M. Modernism, Media, and Propaganda: British Narrative from 1900 to 1945. Princeton: Princeton University Press, 2006. 335 p.

Медяков Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, исторический факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова. alexander.medyakov@yandex.ru

A Postcard in the late 19th – early 20th c. as a sociocultural phenomenon

The article investigates the phenomenon of postcards of the late 19th – early 20th centuries. The reasons for the appearance and popularity of the card are explained by the profound social changes that took place at that time. A comparative analysis of the development of the postcard phenomenon in different countries is carried out. The role of privatization of the production of postcards as an important condition for their transformation into one of the main spokesmen for the interests, tastes and needs of the broad masses of the population is shown. Sociocultural functions included communication, information, representational, educational, pedagogical, ideological, propagandistic, economic and entertainment functions. The conclusion is reached about the specifics of the postcard as a socio-cultural phenomenon, consisting in its being on the verge of a private and public sphere.

Keywords: postcard, historical source, mail, communication, sociocultural functions, Germany, collecting, representation, public sphere

Alexander Medyakov, PhD in History, Associate Professor, Department of Modern and Contemporary history, Moscow State University; Alexandr.medyakov@yandex.ru

О. Н. АВЕРЬЯНОВА

ФОТОГРАФИИ МАН РЭЯ В СЮРРЕАЛИСТИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ. КОНТЕКСТЫ

В период 1920–1930-х гг. Ман Рэй, художник и фотограф американского происхождения, оказался вовлечённым в многочисленные издательские проекты, в т.ч. сюрреалистические. Уже в начале XX в. искусство обнаруживает движение в сторону слияния с рекламой, прессой, массовой культурой, что проявляется не только в темах и формах изобразительности, но и в способах его функционирования в областях, традиционно связанных с такими понятиями как «марка» и «бренд». Творчество Рэя, основанное на успешном продвижении собственного бренда MAN RAY, где автор создает вещи, силлогическая роль которых во многом определяется контекстом репрезентации. Художник модернизма как «субъект творчества», чья деятельность теперь связана с коммерческим искусством, последовательно воплощает культурные стратегии, продиктованные временем, создавая «творческую продукцию», соответствующую как задачам авторской самоидентификации, так и потребительского рынка. Фотография, этот новый экспериментальный медиум, будучи независимой от традиционных артистических практик, наглядно демонстрирует недавно оформившиеся связи между искусством и культурой потребления, особенно в издательской сфере. Статья посвящена анализу функционирования фотографии Ман Рэя в системе французской художественной периодики 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: Ман Рэй, сюрреализм, модернизм, фотография, иллюстрация, художественный журнал, бренд, автор, культурные стратегии

Французский художник и фотограф американского происхождения Ман Рэй, чей дадаистский опыт был приобретён ещё в Америке в конце 1910-х (в немалой степени под воздействием Марселя Дюшана), наряду с работой в популярных журналах, на протяжении своего «первого парижского периода» (1921–1940) успешно сотрудничал с рядом авангардных изданий, включая вышедший в период раннего дадаизма *Littérature*, а также с появившимися вслед за тем сюрреалистическими журналами – *La Révolution surréaliste*, *Minotaure*, *View*, *Cahiers d'Art* и *Little Review*. Контракты с коммерческой периодикой представляются, как правило, необходимостью зарабатывать средства к существованию. В то время как художественные журналы – площадкой для декларации амбиций художника, демонстрации новшеств и экспериментов в области нового для модернизма медиума – фотографии. Двойственное положение Рэя как художника и фотографа, главным образом связанного со сферой заказа, будь то портреты или фотография моды, всегда подчёркивалось исследователями¹. Тем не менее, вся его стратегия, связанная с продвижением своего «художественного бренда», начатая еще в Нью-

¹ Belz 1963; Sayag, De l'Écotais 1998; Baldwin 2000; Cheroux 2011.

Йорке и продолженная в Париже, демонстрирует несомненную связь между кажущимися столь различными сферами деятельности. Конечной целью всегда оставалась максимальная узнаваемость «продукции» MAN RAY, которая была представлена на разных площадках, как на артистических, так и сугубо потребительских, что не уничижало её художественные качества². Поначалу не признанная искусством, фотография рассматривалась как прикладной изобразительный жанр, именно сюрреалистическая периодика изменила этот её «низкий» статус.

Фотография в авангардных изданиях появляется в 1920-е гг., способствуя становлению модернизма и, вместе с тем, обретая собственную художественную модальность. В Нью-Йорке в 1921 г. Ман Рэй с Марселем Дюшаном создали однополосный журнал-манифест *New York Dada*. Портрет французского дадаиста в женском образе *Rose Sélavy* был помещён на этикетку флакончика духов *Belle Haleine* и далее на обложку³. Таким образом, это была первая фотография Рэя, напечатанная в журнале. Прогресс полиграфического производства позволил фотоизображениям все чаще появляться на страницах периодики, особенно это станет очевидным к середине 1920-х. С художественной точки зрения межвоенный период был временем ничем не ограниченных экспериментов. Начиная с 1930-х гг., снимки в сюрреалистических журналах могли позиционироваться как независимые работы, порой даже не связанные с текстами. Так, материалы, публикуемые в первых номерах *La Revolution Surrealiste* (1924–1929), представляли примеры автоматического письма или записи снов. Фотография здесь истолковывалась произвольно, становясь самостоятельным произведением, а маркер авторства максимально подчёркивал этот её статус. При соединении повествования и иллюзионистического изображения возникла новая практика – «аллюзия». Благодаря этому у каждого зрителя в зависимости от его визуального опыта могла быть собственная трактовка увиденного, но предлагающая сюрреалистический предикт.

Фотография в модернистских журналах становится весомым изобразительным мотивом, участвуя в осуществлении программы направления. Так, сюрреализм активно использовал фотографию категории «автоматического письма»⁴. Другой пример: документальная фотография, лишённая каких-либо специальных манипуляций и тем более фантастической изобразительности, монтировалась в текст, воплощая идею превращения «реальности» в «сверхреальность». Такие снимки, не претен-

² См. подробнее: Аверьянова 2017 (а).

³ См. подробнее: Аверьянова 2018 (b).

⁴ «Родившееся в конце XIX века автоматическое письмо – это самая настоящая фотография мысли» – писал Бретон во вступительной статье к каталогу выставки Макса Эрнста в 1921 г. См. Breton 1924.

дую на особый изобразительный модус, демонстрировали, «как объекты со статусом случайных вещей – непреднамеренных кусочков мира»⁵ становятся сюрреалистическими в связи с их «избыточной» реальностью. Это соответствовало теории Бретона об идеальном способе передачи поэтического, не связанном с какими-либо искусными интерпретациями: «Мы, люди, не занимающиеся никакой фильтрацией, ставшие глухими приемниками множества звуков, доносящихся до нас, словно эхо, люди, превратившиеся в скромные регистрирующие аппараты, отнюдь не замороженные теми линиями, которые они вычерчивают, – мы служим, быть может, гораздо более благородному делу»⁶. Фотография понималась не как «схваченная» реальность, но как её иррациональный фрагмент, предназначенный для толкований или обозначений. Такое понимание документальной изобразительности господствовало в отношении к фотографии, особенно в ранней сюрреалистической периодике.

Сюрреалистические журналы в изобилии выходившие в 1920–1930-е годы были настоящей художественной продукцией направления. Фотография, оказавшись на страницах изданий, почти автоматически становилась произведением искусства. Работы Ман Рэя, появляясь здесь, приобретали важную художественную модальность, осуществляя программу максимальной репрезентации автора.

Littérature

Вышедший в 1919 г., *Littérature* фактически был первым журналом «сюрреалистических стихотворений и прозы». С самого начала Луи Арагон (*Louis Aragon*), Андре Бретон (*André Breton*) и Филипп Супо (*Philippe Soupault*) осуществляли совместное руководство. В 1922–1924 гг. Бретон – практически единственный редактор. Приехав в Париж, Ман Рэй становится постоянным портретистом группы *Littérature*, его фотографии часто появляются на страницах издания. Из переписки Рэя с Бретоном становится очевидным, что фотографу было позволено предоставить любой материал для иллюстраций: «Если у вас есть что-либо для публикации в журнале *Littérature* (рисунок или что-то другое), вы знаете, что это всегда будет принято»⁷. *Littérature* № 5 (октябрь 1922 года) вышел «под покровительством Проз Селави». Ещё в Нью-Йорке Рэй запечатлел это женское альтер-эго М. Дюшана. Бретон посвящает Селави-Дюшану длинную статью, рассуждая в основном о работе «Большое стекло: новобрачная, обнажаемая своими холостяками» (1915–1923). Сам дадаист ограничивается более или менее абсурдными афоризмами. Рэй впервые демонстрирует здесь отпечаток под названием «Разведение пыли» (*Dust Breeding*, 1920). Со временем работа Дюшана превратилась

⁵ Sontag 1990.

⁶ Breton <http://www.peremeny.ru/blog/4277>

⁷ Man Ray, Picabia 2014.

почти в абстрактный ландшафт, покрывшись слоем пыли. Под снимком Рэй дает ссылку на имя своего французского друга, как бы заявляя о своей принадлежности дадаизму, используя референции с главным символом направления. Рядом с картинкой публикуется комментарий фотографа: «Вот владения Рроз Селави. Как они засушливы – как они плодородны – как они радостны – как они печальны! Вид, снятый с аэроплана Ман Рэем – 1921». Эта фантастическая аллюзия на аэрофотосъемку признана обеспечить автору снимка алиби оригинальности. Впоследствии фотография станет образцовым примером модернистской абстракции. Важно отметить, что изображение занимает целую полосу и имеет поля – специфическое паспарту – инструментарий произведения искусства.

В *Littérature* № 9 (1 февраля – 1 марта 1923) Ман Рэй публикует одну из своих рэйографий «Месье, ...изобретатель, конструктор, 6 секунд» (*Monsieur, ...inventeur, constructeur, 6 seconds*, 1922) рядом с виршами поэта-сюрреалиста Жака Барона (*Jacques Baron*). В № 13 (июнь 1924) впервые появляется «Скрипка Энгра» (*Le violon d'Ingres*). Биограф художника Нил Болдуин (*Neil Baldwin*) назвал «Скрипку» оммажем, говоря о ней как об «одном из многочисленных примеров осознания Ман Рэем того, что было “до”, и что сподвигло его на роль художника “настоящего”, на роль “бунтаря”»⁸. Анализируя эту работу, большинство авторов незамеченным оставили тот факт, что отпечаток попал в «тематическое» издание, рассматривающее вопрос «преемства». Франсис Пикабия в статье «Академизм» (*Académisme*) неистово нападает на художников, по большей части старых кубистов, которые приняли участие в выставке в галерее *L'effort Moderne*⁹. Два его проекта обложки с изображением обезьяны и почти полным повторением названия выставки «Структуры у некоторых строителей» (*La Charpente chez quelques bâtisseurs*) передают отношение Пикабия к т.н. преемникам Энгра. В это время сам художник, начав сотрудничать с *Littérature*, создает новый графический стиль, отказавшись от «энгровской манеры», хотя всего четыре года назад он поместил копию рукописного письма Энгра на обложку дадаистского журнала «391», в качестве «исправленного реди-мейда». Подпись в письме была изменена на «Francis Ingres»¹⁰.

Энгровский неоклассицизм охватывал рубеж 1910–1920-х гг. Его элементы обнаруживаются у Пикассо еще в 1914 г. Дискуссия об «энгризме» и «веризме» актуальна для 1920-х. Первое понятие связывалось тогда с традициями и идеями Античности, в то время как второе – с современным механизированным миром, отрицающим ремесло и мастер-

⁸ Baldwin 2000.

⁹ Exhibition 3 May – 30 October 1920 – *Les Maîtres du Cubisme*: Georges Braque, Juan Gris, Auguste Herbin, Henri Laurens, Fernand Léger, Jean Metzinger, Pablo Picasso, Gino Severini.

¹⁰ «391» N 14, Paris, Nov. 1920.

ство. Оппозиция между «идеалами» классики и «истиной» машины, породив клубок глубоких противоречий, привела к расколу в общественном сознании. Речь идет о воодушевленных сторонниках промышленной модернизации, приверженцев «американизма» и «фордизма» и их противниках, видевших в подобных тенденциях опасность гуманитарной катастрофы. Будучи популярным благодаря рациональности стиля и следованию классическим образцам, Энгр приобрел важное значение во французском художественном движении «возвращение к порядку» (*return to order*)¹¹. Ман Рэй, оказавшись во Франции сразу после Первой мировой войны, столкнулся с двойственным отношением к Энгру. Кристен Пауэлл характеризует его «Скрипку Энгра» как некую «сущность, которая берет начало в прошлом и устремляется с новой индивидуальностью в будущее»¹². Она отмечает, что отношение Рэя к Энгру более противоречиво, чем кажется на первый взгляд. Американские корни, и, казалось бы, связанная с этим приверженность Рэя к «машинному», т.е. современному, оправдывает ироническую «пощёчину Энгру».

«Скрипка Энгра» оказалась включённой в актуальный культурологический дискурс. Кроме того, фотограф вновь вступает в диалог со своим другом Дюшаном. Стоит вспомнить известное произведение последнего – «L.H.O.O.Q.» (1919). До некоторой степени эфы на спине Кики, и усы Джоконды – суть одного явления. Эфы, как известно, резонаторские отверстия в скрипке, а т.н. «ус», прокладывался для укрепления дек по краю. «Усы» и «эфы» – авторские символы художников-дадаистов, всё вместе влетает в практику модернистской пикировки. По утверждению Розалинд Краусс, ценность графического знака для авангардных нападок на культуру основана на сублимации¹³. Автор может теперь делегировать роль творца, как в случае с Дюшаном, который передал свои полномочия Роз Селяви¹⁴. Он может воспользоваться и другим способом неличной системы репрезентации: обозначить свое присутствие в контекстуальном поле. Это очень важно для подтверждения моей концепции о создании художником бренда MAN RAY¹⁵. Постановка «мет-

¹¹ Silver 1989.

¹² Hoving 2001.

¹³ Krauss 1993.

¹⁴ «Свежая [новоиспечённая] вдова» (*Fresh widow*, 1920) – первая работа художника, в которой он использовал свое вымышленное женское имя. Небольшое французское окно (*french window*) было сделано плотником, на подоконнике прочитывается надпись: «Fresh widow copyright Rose Sélavu 1920». Дюшан использует здесь слово «копирайт» (*copyright* – «право на воспроизведение») как форму защиты интеллектуальной собственности, намекая на возможность тиража, создание копий. Таким образом, он не только отстранялся от авторства (копирайт может принадлежать любому делегированному лицу), но и отождествляет произведение искусства с производением промышленного производства, априори не уникальным.

¹⁵ См. подробнее: Аверьянова 2017 (а).

ки» на чужом произведении не только экспроприрует «авторское право», но и свидетельствует о рождении нового явления – художественного бренда. «Исторический багаж», по-новому тематизированный, поначалу воспринятый как абсолютное новшество, в конечном счете обретет модус товарного фетиша, пусть даже культурного, заразив общество эстетическим потребительством. Узнаваемый знак-маркер как «фирменный логотип» станет определять ценность произведения, и идеологическую, и материальную. Ман Рэй, исходя из новых общественных запросов, создаст собственный авторский бренд. Он использует, например, приём повторяющегося символа в качестве метки авторства (многочисленные спирали, утюги, губы и пр.), «изобретёт» рэйографию – авторскую технологию получившую впоследствии статус символа модернистской фотографии, будет создавать реплики своих узнаваемых вещей в разных стилях, жанрах и материалах. Журналы, особенно художественные, были прекрасной площадкой для демонстрации возможных репрезентаций, утверждая их «высокий» эстетический статус¹⁶.

La Révolution Surréaliste

Первый номер *La Revolution Surrealiste* вышел в декабре 1924 г. Редакцию издания осуществляли Пьер Навиль (*Pierre Naville*) и Бенжамин Пере (*Benjamin Péret*). Будучи главным печатным органом движения, *La Revolution Surrealiste* даже в своём типографическом решении не имел ничего общего с ранними авангардистскими журналами, как правило сверстанными в свободной манере. Его строгий макет был сделан по образцу научного журнала *La Nature*. Подобный приём удовлетворял и потребность группы дифференцировать своё детище от дадаистических изданий. Материалы публикации включали изложения снов де Кирико и Бретона, т.н. «автоматические тексты», иллюстрации Эрнста, Массона, Мэна Рэя и Пикассо. На обложке номера были смонтированы три групповые фотографии главных участников движения, снятые Рэем. Здесь, а также во втором, январском номере имя Рэя указано с пометкой «фотографии». С третьего выпуска он лишь входит в список «иллюстрации» наряду с другими художниками, а в № 5 и № 12 вообще не фигурирует, хотя теоретически может находиться среди авторов, скрывающихся под обобщением «прочие». Отпечатки Ман Рэя часто появляются в *La Révolution Surréaliste*, что свидетельствует не только о поддержке Бретона, но о его позиции в группе в целом.

Снимок «Загадка Исидоры Дюкасс» (*The enigma of Isidore Ducasse*, 1920) в «Предисловии» первого номера сопровождает текст о зна-

¹⁶ Цветная фотография молодой виолончелистки Рэя будет включена в публикацию специального ревью *Photographie* 1933-34. Мотив музыкального инструмента, ставший в «Скрипке Энгра» сложной аллегорией, теперь нивелирован до потребительского формата, вполне пригодного для коммерческой рекламы.

чении сновидений¹⁷. Изображение Рэя эксплуатируется здесь как специфический шифр сюрреалистической изобразительности: одеяло, прячущее швейную машинку – это ли не «волшебный сон», на имманентность которого претендовал сюрреализм. В № 1 представлены и другие работы Рэя, созданные в разные годы: «Обнаженная Кики» (*Kiki nude*), иллюстрирующая один из снов Бретона; изображение женской груди, созданное при помощи двойной экспозиции, рядом с фантастическим текстом Макса Мориса (*Max Morise*), фотография «Нью-Йорк. Экспортный товар» (*New York, Export commodity, 1920*) в разделе «Хроника». «Обнаженная Кики» – в некотором роде промо-фотография со съемочной площадки его экспериментального фильма «Возвращение к разуму» (*The return to reason, 1923*). «Нью-Йорк» – снимок одного из ранних объектов Рэя. Несколько работ художника появляются на страницах второго издания, в частности: «Бульвар Эдгар-Кине, в полночь» (*Boulevard Edgard-Quinet, à minuit, 1924*). Это пример технологии, которая почти не применялась Рэем, но свидетельствует о сознательной демонстрации вариативности фотографических экспериментов. Речь идет о люминографии (*luminographes*) или светографии¹⁸. Еще один отпечаток под названием «Завтра» (*Tomorrow, 1924*) – обнаженная фигура с поднятыми вверх руками, снятая в движении, а потому превращенная в абстракцию. Отметим, что две последние фотографии подписаны, в то время как шесть других снимков, включённых, например, в №2 *Révolution Surréaliste*, не имеют указаний авторства. Работы Рэя, таким образом, представлены как самостоятельные произведения, которые маркируются именем художника. Почти все фотографии этого номера связаны с текстами, хотя снимки редко точно соответствуют теме. Заниженное внимание к контексту демонстрирует собственную природу фотографий, вне её традиционной функции иллюстративного материала. В частности, снимок «Завтра», где фигура размыта и деформирована, действительно может служить иллюстрацией к тексту Рене Кревеля «Сон, который не могу прервать». Автор повествует о сновидении, где он пробует человеческую плоть на вкус, причем не за счет специфических ласк, а путем фактического её съедания. Кревель видит гирлянды сброшенных кож, украшающих его комнату и сравнивает их с китайскими фонариками. Проснувшись со вкусом плоти, он делает вывод, что съел один из этих «человеческих фруктов» во сне и шокирован явным физиологиче-

¹⁷ Изидор Люсьен Дюкасс (псевдоним – Граф Лотреамон), французский прозаик и поэт, поздний романтик, предтеча символизма и сюрреализма. В 1869 г. он создал причудливое произведение – «Песни Мальдорора» (*Les Chants de Maldoror*), в котором было упомянуто об этой «встрече швейной машинки и зонтика», которая была провозглашена «образцом красоты». Ман Рэй создает на этот мотив одну из своих работ – «Загадка Изидора Дюкасса» (*The enigma of Isidore Ducasse, 1920*).

¹⁸ Люминография – съемка движущихся светящихся объектов и предметов.

ским ощущением, возникшем во рту. Фотография Рэя как будто ссылается на этот ужасающий опыт, изображая «светящееся тело» на тёмном фоне, удлинённое и несколько «объединённое» тенями, его окружающими.

В № 3 за 1925 год была опубликована рэйография – главный маркер Рэя на протяжении 1920-х гг., а в следующем – две довольно редкие для Рэя фотографии городских видов. Не исключено, что Эжен Атже (*Eugene Atget*), чьё наследие было только что «открыто» сюрреалистами, всю жизнь снимавший пустынный Париж, мог стать вдохновителем подобной изобразительности, тем более, что жил по соседству, и именно Рэй занимался систематизацией и сохранением его архивов. В № 4 (1925) несколько снимков: довольно странное изображение (рэйография?) кораблика, плывущего под луной (*Marine*), иллюстрация к одной из глав пьесы Б. Пере «Паразиты путешествуют» (*C. V Les parasites voyagent. Mort au vaches au champ d'honneur, 1922-192*). Эта «детская» картинка вместе с пятнами и «каракулями» Хуана Миро, чья работа послужила другой иллюстрацией текста, симптоматично обозначая «инфантильную спонтанность» как один из специфических признаков эстетики направления, включается тем самым в знаковую систему сюрреалистических образов, т.е. «оправдана» на страницах издания.

В № 7 (1926) опубликован снимок из серии *Mr. Woodman*: маленький деревянный манекен, лежащий между сферой и конусом. Определённо сходство работы с образностью Де Кирико, которое свелось в конечном итоге к иронии. Шарнирная кукла принадлежит миру витрин, магазинов и швейных салонов, вместе с тем, метафорическая модель механочеловека важна в парадигме модернизма. Рэй как актуальный художник использует этот важный маркер, однако манекен выглядит чрезвычайно расслабленным, безвольным, его связь с сюрреалистической терминологией (сон, галлюцинации) гораздо явственнее, чем с бойким духом антропоморфного индустриального модернизма.

Le Surréalisme au service de la révolution – ещё одно периодическое издание сюрреалистической группы в Париже (1930–1933) – стало преемником *Révolution Surréaliste*, закрывшегося в 1929 г., и предшественником *Minotaure* (1933–1939). Ман Рэй так же вовлечен в этот издательский проект. Снимок обнаженной Ли Миллер с надетой на голову специальной защитной маской, которая обычно используется в фехтовании (*Lee Miller with sabre guard, Le Surréalisme au service, 1930*) подписан и, более того, занимает почти всю полосу разворота, демонстрируя абсолютное значение отдельно взятого изображения. Появившись в качестве фотографа на главной площадке сюрреалистического дискурса, Рэй утверждает критерий восприятия своих работ как «художественных», несмотря на отношение к фотографии как к «вынужденной» деятельности, приносящей главным образом материальные дивиденды. Конструируя собственный «художественный бренд», он все время как

бы подстраховывает себя от неправильного толкования его творческой активности. Для него фотография – прежде всего материал для создания искусства, но сама по себе не является искусством. Эта аксиома позволяла осуществить ту культурную стратегию, которая превратит модернистские опыты Ман Рэя в «востребованный товар», а сугубо коммерческие работы – в художественные произведения¹⁹.

В №3 *Le Surréalisme au service de la révolution* представлен довольно ранний пример соляризации Рэя – «Примат материи над мыслью» (*Primacy of Matter over Thought*, 1929)²⁰. Художник начинает использовать этот метод манипуляции с изображением не только как ещё один приём модуляции сверхреальности, но и как часть стратегии «ребрендинга», осуществленной им в начале 1930-х гг.²¹ В статье Ли Миллер (помощница Рэя в этот период), написанной для журнала *Lilliput*, указано, что первым примером соляризации был отпечаток «Спящая девушка» (*The Girl in the Dream*, 1929)²²; однако это изображение является кадрированным перевернутым фрагментом «Примата материи над мыслью». Таким образом, свой первый опыт соляризации Рэй демонстрирует в сюрреалистическом издании с определенным «художественным статусом», утверждая себя как фотографа-экспериментатора, устанавливая права произведения искусства, коим может быть фотография при определённых условиях.

Minotaure

Первый номер *Minotaure* вышел в Париже в 1933 г.; его издателем был швейцарец Альберт Скира (*Albert Skira*), финансистом – известный покровитель сюрреализма и поэт Эдвард Джеймс (*Edward James*). Скира утверждал, что журнал будет охватывать все интересы – поэзию, искусство, философию, археологию, психоанализ, кино и пр. За время существования журнала (1933–1939) вышло 13 номеров. Роскошно оформленное издание представило публике многие из наиболее известных произведений сюрреализма и не только. В качестве «иллюстраторов» с *Minotaure* активно сотрудничали Ханс Беллмер, Брассай, Убо, Виктор Браунер, Пол Дельво, Альберто Джакометти и Роберто Матта. Сенсационные яркие обложки с работами Пабло Пикассо, Гастона Луи Ру, Макса Эрнста и др., высококачественные фотографии, в т.ч. цветные, отличали *Minotaure* от других художественных изданий. Именно здесь была впервые показана скульптура Пикассо и некоторые из самых провока-

¹⁹ См. подробнее: Аверьянова 2018 (с).

²⁰ Соляризация (псевдосоляризация, эффект Сабатье) явление, связанное с серебряно-желатиновым фотопроцессом. При увеличении времени проявления неэкспонированные до засветки участки эмульсии становятся чёрными, а вокруг уже проявленных образуется светлый контур.

²¹ См. подробнее: Аверьянова 2018 (а).

²² Bird 1935.

ционных образов Сальвадора Дали, тексты которого появлялись в восьми выпусках. Журнал был адресован элите, которая к 1930-м гг. стала воспринимать авангардное искусство как модное. Рекламные объявления, размещенные в *Minotaure* повествовали о дорогом отдыхе или о событиях в области высокой моды, предполагали читателей с серьезными доходами. Ман Рэй публикует здесь многие свои работы, впоследствии ставшие хрестоматийными. Не только талантливый художник, но и проницательный стратег в области культурного маркетинга, он рекламировал здесь свою портретную студию и альбом-портфолио «Фотографии Ман Рэя. 1920–1934». Читатель *Minotaure* был и потребителем.

Международное осознание сюрреализма, первого направления, преуспевшее в завоевании широкой аудитории, особенно в визуальной области, произошло в 1930-х гг. К этому времени оно воспринималось, скорее, как фантастическое художественное, чем революционное движение со своей политической программой, каким представлялось сначала. Критика того времени часто сокрушалась, что сюрреалисты «перехали с улицы в салонь». Обзоры и статьи в *Minotaure* ещё оставались сложными, но искусство предлагалось как бы в «потребительском формате». Журнал поистине стал витриной сюрреализма во всех областях, не исключая фотографию. Объём фотографий, напечатанных в *Minotaure* был внушительным; уже существовал ряд требований в её использовании. Прежде всего, снимок должен был соответствовать термину «художественный». Такая позиция определяла новое положение модернистской фотографии, которая теперь довольно часто появлялась как в культурной, так и популярной прессе, а также в специализированных обзорах, таких как посвященный фотографии выпуск «Искусство и графика», где акцентировалась её эстетическая сторона²³.

Фотографии Рэя на страницах *Minotaure* представляли всё разнообразие жанров, в которых работал художник. Он даже создаёт «специальный» снимок для издания. На фронтисписе 7-го выпуска 1935 г. был помещён образ Минотавра – человек-бык с женским туловищем и без головы животного – пародия на этиологические мифы. Со свойственной иронией Рэй выказывает своё отношение к изданию, использовавшему в качестве названия имя знаменитого критского чудовища. Не исключена референция к Пикассо, чьи работы были представлены в номере. Пикас-

²³ Arts et Metiers Graphiques (AGM) основано в 1927 г. Гастоном Галлимаром (Gaston Gallimard), Люсьеном Вогелем (Lucien Vogel) и Чарльзом Пейно (*Charles Peignot*) как художественное обозрение. Известный график Адольф Кассандр и художественный директор Алексей Бродович были постоянными консультантами издания. Photographie – специальное издание AMG вышло в 1930 г. Было отобрано 130 фотографий, они размещались вместе с текстами фотографов. Первый выпуск был очень успешным, и до 1940 г. Photographie выходил ежегодно Цветная фотография молодой виолончелистки Рэя включена в публикацию Photographie 1933-34 г.

со – «коллега по цеху», знаменит и авторитетен, безусловный «главный герой» эпохи. Он использовал быка как многогранную метафору на протяжении всего своего творчества, в т.ч. и как отражение собственной самооценки. Взаимоотношения Пикассо и Рэя были дружественными, но последний всегда «проигрывал» соперничество.

Женские портреты и ню Ман Рэя, как и Брассая, чьи работы так же многообразно представлены в издании, демонстрировали не только возрождение интереса к теме в модернистской фотографии, но и специфический интерес сюрреализма. Сюрреализм основывался в т.ч. на повышенной эмоционально-чувственной составляющей, будучи альтернативой эстетике жесткого формализма Новой объективности и неоклассицизма. Так, в декабрьском номере 1933 г. под портреты актрисы Айрис Три (*Iris Tree*, 1920) и помощницы, соавтора Рэя Ли Миллер был отведен целый разворот. Фотографии были созданы в разное время, Миллер снята в 1930 г., в то время, как первый портрет в 1920 г., и оба сильно кадрированы относительно негатива. На примере этих работ хорошо прослеживается эволюция портретного стиля, произошедшая за десятилетие²⁴. За шесть лет своего существования *Minotaure* опубликовал множество работ Ман Рэя, впоследствии ставшие классическими. Например, фотография в № 5 (1934) – *Erotique Voilée* (1933), на которой обнаженная, покрытая пятнами типографской краски Мерет Оппенгейм (*Meret Oppenheim*) стоит за печатным станком в мастерской кубиста Луи Маркусси (*Louis Marcoussis*). Фотография помещена рядом с текстом Бретона «Сумасшедшая любовь» (*L'Amour fou*). Живая женская плоть на контрасте с механическим устройством, олицетворяющим мужское начало, иллюстрировала одну из интерпретаций любимого мотива сюрреалистов²⁵. Впоследствии тема женщины рядом с «механическим объектом» станет одним из популярных потребительских штампов. Безусловно, снимок Рэя – не реклама печатных станков. Но даже название работы «Завуалированная эротика» как нельзя лучше дешифруют смысл любой рекламы – удовлетворение «скрытого желания». Именно эта формула превращает любой продукт в вожделенный. Например, на обложке журнала *Vi* № 9, 1933 г. помещена фотография автомобиля, на бампер которого присела красавица в роскошном наряде Шанель. Её автор все тот же Ман Рэй. Конечно, иллюстрированный еженедельник того времени не мог поместить фотографию обнаженной модели, но оба снимка суть одного и того же явления. Модернистский подход к женской натуре заложил актуальный и сегодня механизм продажи товаров массового потребления, основанный на их эротизации. Дэвид Джозелит пишет: «Переживания Первой мировой войны и множество увечных тел, кото-

²⁴ См. подробнее: Аверьянова 2017 (d).

²⁵ Bate 2004.

рые она произвела, требовали симуляции биологической целостности», но, что более важно, в это время происходит увеличение количества рекламы «безжалостно демонстрирующее тело в качестве товара»²⁶.

В № 3-4 1933 г. статья Тристана Тцары «Некоторый автоматизм вкуса» (*D'un certain Automatism du Gout*) сопровождалась снимками Ман Рэя. Это были изображения моделей головных уборов, представленных как «неожиданные скульптуры». *Minotaure* представлял самые смелые эксперименты модернистской фотографии десятилетия и как самостоятельные работы, и как иллюстрации к текстам, даже теоретическим. Совершенно очевидно, что появление этих фотографий на страницах модного журнала было бы так же уместно. Начиная с 1934 г. Рэй активно сотрудничает с журналом *Harper's Bazaar*, арт-директором которого стал легендарный Алексей Бродович. Бродович считал, что «художники должны быть способны воспринимать и даже предвидеть вкусы, устремления и привычки потребителя-зрителя и толпы... должен быть новатором и лидером, и должен бороться с рутинной и дурным вкусом толпы... рождать новую эстетику. Это является достижением. Для того, чтобы усилить это достижение необходима публичность художника»²⁷. Подобная формула была руководством к действию для Ман Рэя. Особенно наглядно это демонстрирует *Minotaure*. Цветной отпечаток «Натюрморт» (*Man Ray. Still life*) в декабрьском номере 1933 г. выглядит как рекламный плакат бренда MAN RAY: гипсовый бюст фотографа в окружении множества предметов-объектов, среди которых одна из знаковых фотографий художника «Слёзы» (*Tears*, 1932). «Цитата» собственной работы выполняет функцию сигнального маркера, и это не первый пример «автоцитирования»²⁸. Похожая композиция была размещена на обложке альбома *Man Ray Photographs 1920–1934*. Молодая блондинка мечтательно опустила голову на руку, как когда-то Кики на знаменитой фотографии Рэя «Чёрное и белое» (*Noire et Blanche*, 1926).

Фотографии Рэя, буквально во всех жанрах, мелькают на страницах изданий, меняя свое содержание и даже тему в зависимости от контекста. В 1930-е гг. экстремальные сюрреалистические образы, создаваемые драматургией теней, соляризацией, наложением кадров, негативными отпечатками, оказались востребованы в коммерческих целях. Рэй успешно сотрудничает с *Harper's Bazaar* и печатает совершенно оригинальные вещи, необычные для потребительского формата, но уже завладевшие статусом авангардной фотографии²⁹. В его концепции обязательство модернистского этоса художественной независимости, позво-

²⁶ Joselit 2003.

²⁷ Hartshorn and Foresta 1991.

²⁸ См. подробнее: Аверьянова 2017 (e).

²⁹ См. подробнее: Аверьянова 2018 (f).

лившей ему участвовать в сюрреалистическом движении, допускало возможность удовлетворять эстетические нужды новой зарождающейся «культуры зрелища» (*spectacle culture*)³⁰. С момента своего появления фотография была связана с товарной и коммерческой сферой. На протяжении всей своей истории она пыталась «заработать» более высокий культурный статус. Серж Брамли пишет, что снимок Рэя изображающий манекена в платье Поля Пуаре, сделанный для Дома *Poiret* во время Международной выставки *International Exposition des Arts Décoratifs*, опубликованный в 1925 г. на обложке *La Révolution Surréaliste* (№ 4) и через месяц в *Vogue* (Sept., 1925), – абсолютно обычное для художника явление³¹. Его умение манипулировать изображениями в разных контекстуальных моделях всегда оставалось непревзойденным, что позволяло осуществлять весьма успешную маркетинговую стратегию.

Уитни Чадвик (*Whitney Chadwick*) пишет, что фотография на обложке сюрреалистического журнала представляет «революционную критику современного общества»³². Достаточно спорное утверждение. Рэй, даже при его вечном стремлении к новшествам и экспериментам, никогда не был бунтарем. Он точно понимал необходимость продвижения своего «бренда» в различных институциях, занимая «две позиции» одновременно – позицию художника и коммерческого фотографа. Рэй активно сотрудничает со многими журналами в Париже, в т.ч. с модными и иллюстрированными еженедельниками. Модернизм постепенно уничтожал границы высокого и низкого, что расширяло культурное пространство для деятельности художников. В контексте сюрреалистического издания журналистская иллюстративная практика не работает, изображения не иллюстрируют текст в традиционном смысле и порой их присутствие кажется произвольным. Таким образом появление фотографии здесь почти всегда заявляло её самостоятельность, и если она была подписана, статус приравнивался к произведению искусства. Сюрреалисты понимали возрастающее значение визуальности и эксплуатировали силу изображения как еще одного аргумента своей парадигмы. Именно сюрреализм «позволил» визуальному освободиться от подчиненности языку, а значит в какой-то степени и смысла, утверждая его независимую власть. Впоследствии это обстоятельство привело к тесному переплетению элитарного и массового. В конечном итоге, после

³⁰ Понятие впервые появилось в книге Ги Дебор «Общество спектакля» (1967). Дебор определяет «спектакль» как главный зрелищный стимулятор потребления. Он также утверждает, что в современном обществе потребление является всеобъемлющей религией, существуют храмы потребления в виде супермаркетов или торговых комплексов, а общество приносит постоянные жертвы новому богу, имя которому – зрелище. Место реальности заняло зрелище.

³¹ Bramley 1998.

³² Chadwick 2003.

того как нападки авангарда на институт искусства потерпели крах, искусство не растворилось в жизненной практике и продолжило существовать в буржуазном обществе, в котором оно вынуждено было либо смириться со статусом аутсайдерства, либо, пытаясь преодолеть его, вступить в определенные отношения с экономическим режимом. Взаимодействие сводится в конце концов к «системе уступок», которые допускает художник и общество. Художник создаёт вещи, представляющие собой результат индивидуальной стратегии, важной составной частью которой должна быть «новизна». Авторитет нового ратифицирует буржуазный принцип в искусстве. Но новизна – «товарный знак», под которым потребителю могут предлагаться одни и те же товары. Искусство охотно освоило правила потребительского рынка. Ман Рэй интуитивно понимая эту тенденцию, создает собственный художественный бренд, который активно позиционирует всеми доступными способами.

Адаптация произведения искусства к товарному демонстрирует соответствие между потребительской модой и тем, что можно назвать модой художественной. Авангардные находки становятся «новым» модным продуктом, востребованным потребителем. Фотография как специфическая художественная форма обязана своим появлением, в том числе, определенному социальному контексту. Функция фотографии как материала искусства, возникшая в контексте модернистских практик позволила ей вписаться в сферу эстетического и одновременно остаться в прикладном, т.е. потребительском поле. Оказалось, что бытование фотографии, как самой авангардной, так и максимально реалистической может осуществляться как в художественном поле, будь то галерея или специальное издание, так и в пространстве потребительской культуры. Одно не только не мешает другому, но и диверсифицирует контексты.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аверьянова О.Н. Рейография. Бренд как художественное произведение // Культура и искусство. NotaBene. № 10, 2017(a). С. 74-87 [Averyanova O.N. Rejografiya. Brend kak hudozhestvennoe proizvedenie // Kultura i iskusstvo. NotaBene. № 10, 2017. S. 74-87]
- Аверьянова О.Н. Марсель Дюшан, Ман Рэй, Rose Sélavu: фотография, реди-мейд, бренд // Вестник Томского государств. ун-та. Сер. «Культурология и искусствоведение». 2018 (b). № 31 [Averyanova O.N. Marsel' Dyushan, Man Rej, Rose Sélavu: fotografiya, redi-mejd, brend // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo un-ta. Ser. «Kulturologiya i iskusstvovedenie». 2018. № 31.]
- Аверьянова О.Н. Ман Рэй. Культурные стратегии // Art&Cult № 32, 4-2018(c). [Averyanova O.N. Man Rej. Kul'turnye strategii // Art&Cult № 32, 4-2018.]
- Аверьянова О.Н. Портретная фотография Ман Рэя. 1920–1930-е годы: между традицией, авангардом и коммерцией // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. № 3, 2017(d). С. 94-110 [Averyanova O.N. Portretnaya fotografiya Man Reya. 1920–1930-e gody: mezhdru tradiciej, avangardom i kommerciej // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 8. Istorija. № 3, 2017. S. 94-110]
- Аверьянова О.Н. История одного образа. «Женщина, курящая сигарету». Ман Рэй, 1920 год // Искусствознание. №2, 2017. С. 84-107 [Averyanova O.N. Istorija odnogo obraza. «Zhenshchina, kuryashchaya sigaretu». Man Rej, 1920 god // Iskusstvovoznanie. №2, 2017. S. 84-107] (e)

- Аверьянова О.Н. Ман Рэй как фотограф моды: от утилитарных и дескриптивных ограничений к кичу // Международный журнал исследований культуры. № 1 (30) 2018. С. 209-220 [Averyanova O.N. Man Rejh kak fotograf mody: ot utilitarnykh i deskriptivnykh ogranichenij k kitchu/Mezhdunarodnyj zhurnal issledovaniy kul'tury. № 1 (30) 2018. S. 209-220] (f)
- Baldwin N. Man Ray: American Artist. New York. Da Capo Press, 2000. P. 111.
- Bate D. Photography and Surrealism: Sexuality, Colonialism and Social Dissent. I.B.Tauris. 2004. P. 246-247.
- Belz C. I. The Role of Man Ray in the Dada and Surrealist Movements. PhD diss., Princeton University, 1963.
- Bird W. Man Ray Turns New Trick in Photography // New York Sun, March 27, 1935.
- Bramley S. Man Ray. A Portrait of the Artist as a Fashion Photographer // L'Ecotais E., Sayag A. Man Ray: Photography and Its Double. Gingko Press Inc; 1998. P. 37.
- Baldwin N. Man Ray: American Artist. Da Capo Press, New York, 2000.
- Breton A. Max Ernst. Paris. Nouvelle Revue Française, 1924. P. 101.
- Breton A. First Manifesto of Surrealism. <http://www.peremeny.ru/blog/4277>
- Cheroux C. Man Ray: Paris – Hollywood – Paris. Schirmer/Mosel, 2011.
- Chadwick W. Lee Miller's Two Bodies // Chadwick W. and Latimer T. The Modern Woman Revisited. Rutgers University Press. 2003. P. 200.
- Joselit D. Infinite Regress: Marcel Duchamp 1910–1941, MIT Press, 1998. American Art Since 1945, Thames and Hudson, 2003. P. 47.
- Hartshorn and Foresta M. Man Ray in Fashion. University of Washington, 1991. P. 20.
- Hoving Powell K. Le Violon d'Ingres: Man Ray's variations on Ingres, deformation, desire and de Sade in «Fingering Ingres», ed. Susan Siegfried and Adrian Rifkin. Oxford: Blackwell, 2001.
- Krauss R. «The Optical Unconscious». Cambridge, MA: The MIT Press, 1993. P. 259-260.
- Man Ray, Picabia et la revue Littérature. Catalogues. Centre Pompidou, 2014. P. 6.
- Sontag S. On Photography, New York: Doubleday, 1990. P. 69.
- Silver K.E. Esprit de Corps: The Art of the Parisian Avant-Garde and the First World War, 1914-1925. Princeton: Princeton University Press, 1989. P. 244-63.
- Sayag A., De l'Ecotais E. Man Ray: Photography and Its Double. Gingko Press, 1998.

Аверьянова Ольга Николаевна, кандидат искусствоведения, заведующая Отделом искусства фотографии ГМИИИ им. А.С. Пушкина; olga.averyanova@arts-museum.ru

Man Ray's photographs in the surrealist press. Contexts

Between the 1920s and the 1930s, Man Ray, an artist and photographer of American origin, was involved in numerous publishing projects, including surrealist ones. Since the early twentieth century, art reveals a certain movement towards the integration with advertising, press, mass culture, which is manifested not only in the subjects and forms of imagery, but also in the ways of its functioning in the areas traditionally associated with such concepts as “trademark” and “brand”. Ray's work is largely based on the successful promotion of his own brand MAN PAY, where the author creates things, whose syllogistic role is largely determined by the context of representation. The artist of modernism as a “person of oeuvre”, whose activity nowadays is connected to commercial art too, consistently embodies the cultural strategies dictated by time, creating “art products”, corresponding to both the tasks of the author's self-identification, and the consumer market. Photography, this new experimental medium, which is essentially completely independent of traditional artistic practices, demonstrates the recently formed links between art and consumer culture, especially in the press. The article is devoted to the analysis of functioning of Man Ray's photography in the system of the French art periodicals of the 1920s–1930s.

Keywords: Man Ray, surrealism, modernism, photography, illustration, art magazine, brand, author, cultural strategies

Olga Averyanova, PhD (History of art), Chief of Photography Department, Pushkin Museum of Fine Arts, Moscow; olga.averyanova@arts-museum.ru

К. А. ЮДИН

**“ОБРАЗ ВРАГА” И АТМОСФЕРА
“ХОЛОДНОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ”
В ЗАРУБЕЖНОМ КИНЕМАТОГРАФЕ 1960–1970-х гг.¹**

В статье на материалах зарубежных, преимущественно англо-американских, медиа-текстов 1960–1970-х гг., предпринимается попытка осуществить атрибуцию внутренней и внешней угрозы, опасности и отчужденности как главных комплексных факторов, генерирующих атмосферу «холодного противостояния». В историко-философском, культурологическо-киноведческом ракурсе анализируются основные типы и формы визуально-когнитивного проявления и интерпретации инаковости в кинематографической «гиперреальности». Автор приходит к выводу, что выведенные типы проявлений чуждости («чужой-в-себе», враг-лжегерой», «враг-прагматик») и их комбинации можно использовать для реконструкции национально-государственного взаимного восприятия и динамики коллективной памяти на современном этапе.

Ключевые слова: *“холодная война”, зарубежный кинематограф, когнитивистика, “гиперреальность”, “образ врага”, медиа-текст, коллективная память*

“Холодный” политический климат и общественное сознание

Вторая половина XX в. стала ареной новой глобальной конфронтации, получившей общепризнанное наименование «холодной войны». Несмотря на колоссальные, практически необъятный, во многом по причине концептуальной полифоничности исследований в этом направлении, историографический задел², все интерпретации «холодной войны» в той или иной степени объединяет прямая или косвенная солидарность следующим двум позициям. Во-первых, сам термин «холодная война» семантически указывает на специфический тип коммуникации, связанный не с масштабным и длительным применением военно-силовых ресурсов (разумеется, не исключая инциденты подобного рода), а с преобладанием именно информационно-политических способов воздействия, приобретающих вид некоей дискурсивной комбинаторики. И, во-вторых, очевидна справедливость условной демаркации общего фронта «холодной войны» на собственно геополитический и культурно-идеологический, которых можно считать находящимися не в абсолютной взаимообусловленности, но в прямой и практически не дискретной взаимной корреляции. Речь идет о различиях в степени воздействия, конструирования, презентации образов и сензитивности «холодного политического климата» в коллективной памяти. Смена или частичная модификация

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-18-00233 «Кинообразы советского и американского врагов в символической политике холодной войны: компаративный анализ».

² Seabury 1967. P. 10; Филитов 1991.

геополитической конъюнктуры, производившаяся в ходе деятельности специальных ведомств, институциональных субъектов, давали лишь ограниченный по медиативному резонансу эффект, который мог быть в любой момент вытеснен превосходящим его по силе «звучания».

На культурно-идеологическом «участке фронта» создавалось многоуровневое семиотическое поле, тяготеющее к относительной стабилизации сформированных стереотипов. Здесь образы, идентичности, дискурсивные облики «*своего*» и «*чужого*» (врага), претерпевали более сложную трансформацию. Она зависела не только от идеологических установок, но и от динамики обновления экзистенциально-онтологического пространства, протекавшего на этой ступени более интенсивно и насыщенно. В силу этого, именно кинематограф стал наиболее подходящим видом искусства, способным отразить бурное течение социально-политического бытия, которое в период «холодной войны» принимает эксплицитный характер. Значение кинематографии, превзошедшей по силе эмоционального воздействия на массовое сознание другие виды искусства, усиливается в эпоху информационных войн, выступающих «основным средством современной мировой политики, доминирующим способом достижения духовной, политической и экономической власти»³. Благодаря кинематографу, представления о прошлом «перестают быть сухими научными фактами и обретают “плоть и кровь”»⁴.

Ретрансляционные возможности киноискусства усиливались не столько за счет соединения трех видов пропаганды («производства образа, рассказа и звука»⁵) или, тем более, стихийных флуктуаций к образно-визуальной инженерии, якобы полностью подчиненной изменениям внешней политики, сколько из-за особой **психо-когнитивной напряженности** зрительской аудитории, испытывавшей в ходе соприкосновения с кинематографической «гиперреальностью» отторжение или, наоборот, «по-ту-стороннюю» (из-за индивидуально-мировоззренческого «железного занавеса») симпатию (за искусную, элегантную и изящную оппозиционность, эйдетический пафос) к «чуждому элементу» в лице его вымышленного прототипа на экране. Исследователи также указывают на преобладание психо-политических факторов, стимулирующих поиск и атрибуцию внутренних и внешних врагов, над теоретико-идеологическими в виде имAGEM и идеологем, ставших уже привычным дискурсивным «фоном противостояния», как в СССР, неустанно опровергающем несовместимую с глобальной социалистической революционной телеологией теорию «классового мира»⁶, так и в «империалисти-

³ Панарин 2003. С. 17.

⁴ Мысливец, Романов 2018. С. 15.

⁵ Шахляев, Шляхов 2016. С. 29; Keen 1986. P. 72.

⁶ Идеологические комиссии ЦК... 1998. С. 132.

ческих» державах, никогда не забывавших о дихотомии социокультурного пространства по типу «мы – они» и перманентно витавших в атмосфере «красной заразы», не менее страшной, чем недавно поверженная и усмиренная «коричневая чума».

В качестве документального подтверждения феномена «амортизации» идеологических противоречий в ходе обмена киноопытом между противоположными «лагерями» можно привести данные о регулярном увеличении масштабов трансляции зарубежных фильмов в СССР. Согласно записке отдела культуры ЦК КПСС (сентябрь 1958 г.), за три года (1955–1958) число выпущенных на советский экран зарубежных фильмов выросло в два раза, с 63-х до 113 картин. Более того, помимо прочно наметившейся тенденции к дальнейшему расширению «буржуазной фильмотеки», осуществляемой при прямом лоббировании Министерства культуры, в записке констатировались «девиации» в расстановке идейно-политических приоритетов. «Министерство культуры, – полагал автор записки, зав. отделом культуры ЦК КПСС Д.А. Поликарпов, – не уделяет необходимого внимания редактированию иностранных фильмов. В то время, как наши фильмы за границей подвергаются тщательному редактированию, у нас бывает так, что работники Министерства культуры не считаются с рекомендациями комиссии по закупке фильмов об изъятии тех или иных кадров из заграничных фильмов»⁷.

Подобные «информационные бреши» свидетельствовали, что образ врага, который уже в начале «холодной войны» (1946–1947) быстро стал «гипертрофироваться и обостряться»⁸, что затем дополнилось, как полагал западногерманский историк Г.-П. Шварц, шестью индикаторами состояния «холодной отчужденности», выступающими модификациями страха («перед скорым началом третьей мировой войны», «войной через представителей» и т.д.)⁹, изначально приобрел более широкий контекст как олицетворение неисчерпаемой в своих модусах архетипической угрозы (реальной или мнимой) и порождаемой ею агрессии¹⁰. Последние становились источником неотвратимой опасности и потенциальных последствий от обнаружения «врага», самораскрытия и реактивности в сторону изменения дискурсивной конфигурации, направленной по деструктивной траектории. Образ врага обретал характер вездесущего «демонического присутствия» как «абсолютного зла», актора реальности, наделенного антигуманно-негативными свойствами¹¹, многократно усиливающего свой потенциал в «гиперреальности» кине-

⁷ Идеологические комиссии ЦК... 1998. С. 186, 188.

⁸ Очерк теории социализма 1989. С. 344-345.

⁹ Schwartz 1982. S. 12.

¹⁰ Гудков 2004; Берковец 2001. С. 45.

¹¹ Козырев 2008. С. 32; Сенявский, Сенявская 2006. С. 63.

матографа. Можно согласиться с А.В. Федоровым и М.И. Туровской, что «никакой метод не может быть признан исчерпывающим для анализа медиа-текста»¹², ибо «даже самый примитивный фильм является многослойной структурой, содержащей разные уровни латентной информации, обнаруживающей себя лишь во взаимодействии с социально-политическим и психологическим контекстом. <...> Как бы тенденциозен или, напротив, бесстрастен ни был автор фильма, он запечатлевает гораздо больше аспектов времени, чем думает и знает сам...»¹³.

Система безопасности и «чужой-в-себе»

В 1960–1970-е гг. на экраны выходит ряд знаковых, колоритных фильмов англо-американского, франко-итальянского и «интернационального» производства, которые можно рассматривать в качестве ведущих кинодокументов. Это такие картины, как: «Кандидат от Манчжурии» / «The Manchurian Candidate» (США, 1962, реж. Д. Франкенхаймер), «Семь дней в мае» / «Seven Days in May» (США, 1964, режиссер Д. Франкенхаймер), «Система безопасности» / «Fail-Safe» (США, 1964, реж. С. Люмет), «Разорванный занавес» / (США, 1966, реж. А. Хичкок), «Русские идут! Русские идут!» / «The Russians Are Coming the Russians Are Coming» (США, 1966, реж. Н. Джуисон), «Похороны в Берлине» / «Funeral in Berlin» (Великобритания, 1966, реж. Г. Хэмилтон). Из картин совместного производства отметим фильмы с участием известных актеров – Л. Вентуры, М. Пикколи, Б. Кремера, Б. Блие, К. Юргенса, Ж. Буиза, Ф. Бланша: «Шпионы» / «Les espions» (Франция-Италия, 1957, реж. Ж.А. Клузо); «Барбузы – секретные агенты» / «Les Barbouzes» (Франция-Италия, 1964, реж. Ж. Лотнер); «В чужой шкуре» / «Avec la peau des autres» (Франция-Италия, 1966, реж. Ж. Дере); «Молчаливый» / «Le silencieux» (Франция-Италия, 1973, реж. К. Пиното); «Шпион, встань» / «Espion, lève-toi» (Франция-Швейцария, 1981/82, реж. И. Буассе) и др. Их объединяет общая проблематика и стремление осуществить иллюстрацию технологий конструирования образа врага («чужого») и информационно-политического противостояния как такового.

Начало 1960-х гг. было ознаменовано выходом на экраны картины Д. Франкенхаймера «Манчжурский кандидат», сразу ставшей одной из ведущих кинолент эпохи «холодной войны». На первый взгляд сюжет может показаться банальным – небольшой отряд американских солдат во время корейской войны (1950–1953) попадает в окружение, и солдаты вынуждены претерпевать условия, обусловленные статусом военнопленных. Однако с самого начала выясняется, что произошла не обычная операция, а тщательно спланированный захват для дальнейшей психоневрологической проработки, в буквальном смысле – «промывки

¹² Федоров 2010. С. 15.

¹³ Туровская 1996. С. 99.

мозгов», осуществленных советско-северокорейскими учеными и военными. И здесь на дискурсивно-семиотическое пространство выводится особый тип врага, построенный на антиномии – своего, но *«чужого-в-себе»*, представленный фигурой сержанта Рэймонда Шоу (*Л. Харви*), превращенного в марионетку, запрограммированную с помощью гипноза и применения психотропных веществ и тренингов, потенциального убийцу, готового в любой момент исполнить приказание, исходящее от надорвавшего «железный занавес» коммунистического СССР. Создается сложная конструкция двойной чужеродной имманентности, при которой образ «врага-в-себе», не подозревающего о психомоторных механизмах, способных подавлять, а отчасти – и заменять, демонтировать его собственную духовно-психическую конституцию, сопряжен с визуальной демонстрацией внутреннего врага в своем привычном облике – в виде фигур завербованных «контролеров» и «кураторов». Таковыми выступают мать Р. Шоу (в исполнении известной актрисы *А. Лэнсбери*) и его отчим, сенатор конгресса США Дж. Айслин (*Дж. Грегори*). Первой в этом инспирированном спектакле, направленном на ниспровержение американской демократии, отведена роль «психиатра», направляющего (с помощью установленной психокодировки и апеллирующей к хтоническо-теллурическим чувствам власти материнского, деметрического порядка) своего сына в сторону нужной телеологической линии – убийства кандидата в президенты США. Поднимается тема намеренного разрушения мужской маскулинности, когда солдат, воин оказывается беспомощным перед женской сущностью, действие которой приводит к «инициативской кончине». В кинематографической «гиперреальности» «холодной войны» *«свои* воплощали нормальную мужественность, *Чужие – девиантную*, которая проявлялась как в недостатке, так и переизбытке маскулинных чувств»¹⁴. Все это относится и к сержанту Б. Шоу, ставшему, пусть и не долларовым и не «контрреволюционным», как в известных американских и советских кинокартинах («За пригоршню долларов» / «A Fistful of Dollars», США, 1964, реж. С. Леоне; «Свой среди чужих, чужой среди своих», СССР, 1974, реж. Н. Михалков), но, тем не менее, – именно таким маргиналом в двойном зеркальном отражении. Второму (отчиму Б. Шоу) уготована не менее ответственная миссия публичного провокатора-диверсификатора, постоянно напоминающего о засилье врагов в совете обороны США, из которых несколько десятков человек якобы являются убежденными коммунистами.

В итоге мы получаем особую модель разворачивания «холодной войны», в которой ведущим элементом становится сгенерированный эпицентр «красной», коммунистической угрозы, приобретающей всеохватывающий характер за счет политической интериоризации – транс-

¹⁴ Рябов 2012. С. 54.

формации внешней угрозы во внутреннюю рискогенную ситуацию, и мышление, сопровождающиеся страхом перед почти непредсказуемой кибератакой. Символично, что даже после нейтрализации и «раскодирования» Р. Шоу, получившего возможность ненадолго вернуться к своей самостоятельности, финальным «аккордом», презентуемым в качестве экзистенциальной кульминации в «гиперреальности», становится ощущение безысходности, тщетности попыток обезвредить «вражеский спрут», антиамериканскую паутину, метастазы которой сохраняются в виде органических предпосылок для предательства, коренящихся в крайне уязвимой для психополитического влияния человеческой природе и сущности. Можно сказать, что образ «врага-в-себе», но закамуфлированного имажемой «самого храброго, самого преданного и самого необычного человека», адресованной к сконструированной личине Р. Шоу, с этого времени все более стал приобретать символическо-мифологический характер. «Призрак» «кандидата от Манчжурии» среди знатоков классики англо-американского кинематографа начал восприниматься как недвусмысленная аллюзия не только на ближайшее свершившееся через год событие – устранение реального президента США Дж. Кеннеди, но и на существование тайных пружин и механизмов в самой системе американского парламентаризма и «демократии», дискредитированных на экране нависшей над ними пеленой «тотального заговора».

Сходная «гиперреалистическая» ситуация складывается в криминальном триллере Д. Сигела «Телефон» / «Telefon» (1977), где Ч. Бронсон создал необычный для его внешней фактуры образ сотрудника КГБ, призванного, вместе с коллегой из институциональной цитадели американской разведки ЦРУ, предотвратить серию диверсий, осуществляемых с применением психотропного оружия, наркогипноза. Сбежавший в США бывший чекист-сталинист Н. Дальчимский, похитив записную книжку с фамилиями советских агентов, запрограммированных, в случае перехода «холодной» войны в «горячее» ядерное противостояние, на уничтожение стратегических объектов противника, запускает их в действие, зная код активизации имплантированной в подсознание разрушительной силы, предполагающей преодоление инстинкта самосохранения и приведение в действие «эффекта камикадзе». Гротесковская акцентуация образа «чужого-в-себе», демонстрируемого на множестве примеров безупречно отлаженной технологии «телефонной мобилизации» псевдоамериканцев, стала главной причиной критического восприятия картины, но это не умаляет ее значения в плане идейно-художественной семиотики «холодной войны», о чем нередко забывает зритель, оценивающий лишь качество внешней динамики сюжетной линии. В фильме четко обрисован конъюнктурный детерминизм, иррациональный характер угрозы, опасности, исходящей от «не-своего», и масштабов ее распространения. Режиссер поставил перед собой цель показать, в ка-

ком крайне уязвимом положении оказываются все участники глобального «холодного» противостояния, если, во-первых, попадают в водоворот политико-дискурсивного становления, а, во-вторых – утрачивают возможности контроля, управления секретными технологиями. Начавшаяся «разрядка» в международных отношениях, как совершенно верно показано в фильме, привела к неоднозначным последствиям. *Коммуникационный разрыв* на высшем уровне (невозможность договориться лидерам стран, не знающим или вынужденным умалчивать о ситуации во избежание дипломатических диссонансов), *культурно-ментальные различия* (демонстрация мрачных кабинетов Лубянки с зелеными лампами на столах – в контрасте с вольготной, выдержанной в светлых тонах, демократизированной обстановкой офисов американских спецслужб), не выступали препятствием для институционально-политического диалога, завершающегося успешной нейтрализацией теперь уже *общего врага* («советско-американского вредителя»), лишней раз подчеркивая принципиально декларативную условность многих барьеров, а также энтропийность и синергетичность пространства «холодной войны».

Указанные характеристики и параметры были доведены до крайней степени напряженности и драматизма в плане демонстрации идейно-политической экспрессии в триллере С. Люмета «Система безопасности», в которой мы встречаемся с полным герменевтическим дантовым «кругом ада» и его внутренними «извилинами», информационными коридорами, начиная от эсхатологической интуитивистики и заканчивая непосредственным моделированием возможного варианта развертывания ядерного противостояния. В композиционном плане фильм построен по принципу скоростной эскалации сценического действия, предметом презентации в котором и выступают искомые образы врага и угрозы как таковой в различных модификациях. Если попытаться построить некое подобие типологии, то можно выделить следующие фазы-стадии, последовательность в кристаллизации, эманации «*степени враждебности*» в кинематографической «гиперреальности»:

1) Предзнаменование, предчувствие *угрозы*: генералу ВВС США Блэку каждую ночь снится один и тот же сон: он умирает в тот момент, как только подходит к матадору на арене, что можно рассматривать как семиотическую кодировку апогея ядерного антагонизма (матадор – образ-символ врага (СССР), неизбежное столкновение с которым (геополитическая «инициативская кончина») происходит вследствие влияния метаисторических, иррациональных сил.

2) Идейно-политическое и культурно-цивилизационное пренебрежение к «чужому» («не-своему»). Откровенное неприятие страны Советов вложено в уста профессора Гротшиля (исполнитель – У. Мэттэу), убежденного, что советские коммунисты – «это не люди, это марксисты-фанатики, они рассуждают не так, как Вы, генерал Блэк, для

них не существует понятий «ярость» и «горечь», это калькуляторы...», способные даже на локальную капитуляцию, если она позволит спасти глобальную идеологическую телеологию – вероятность мировой революции и наступления социализма по всему фронту.

3) Выявление *угрозы отчуждения* в процессе обретения конъюнктурной идентичности. Партикулярный раскол военной элиты Пентагона на сторонников и противников сотрудничества с советским командованием для предотвращения общей опасности. В картине перед нами предстают разные модели патриотизма «по-американски». Одна модель предполагает готовность к сотрудничеству, взаимодействию с противником для достижения коллективной безопасности наднационального характера. Другая связана с поистине истерической нетерпимостью, манией подозрительности и манифестацией «американской исключительности», выразителем которой в картине выступает фигура полковника Кассио, рассматривавшего «соглашателей» однозначно как предателей священного и незыблемого идеала «своей Америки».

В этом можно увидеть прямую аллюзию, отсылку к известной «формуле» национальной доминант-автаркии, отраженной в брошюре «Моя Америка» («My America»), распространенной в 1955 г. Американским информационным агентством (United States Information Agency). Ее автор А. Гудфренд, бывший член государственного департамента США, приводил перечень, состоявший из фамилий более сорока «выдающихся американцев», которые рассматривались как борцы-герои за этно-национальное самоопределение. Параллельно с ретрансляцией американского либертарианства, декларированием курса на строительство социокультурного пространства, свободного от расизма, сексизма, бедности, в памфлете отчетливо проводилась мысль о необходимости аккумуляции интеллектуальных и политических сил, ресурсов, как на глобальном уровне, так и в рамках низового социального взаимодействия, для формирования готовности в любой момент дать ответ коммунистической угрозе. И, как верно полагает Л. Бельмонте, «сотни памфлетов, такие как «Моя Америка», в настоящее время уже являются достоянием только архивохранилищ. Они уже представляют собой анахронизм, предельно гиперболизированы в своих оценках действительности, и иногда даже абсурдны. Тем не менее, они до сих пор представляют собой яркую иллюстрацию предпринятых усилий по целенаправленному определению границ национальной идентичности»¹⁵.

В эту первоначально информационно-политическую, а затем и психокогнитивную ловушку, приведшую его в экзистенциальный тупик и попадает упомянутый выше представитель американской элиты – полковник Кассио, показывающий крайнюю степень интеллектуальной

¹⁵ Belmonte 2008. P. 4.

близорукости, дополнительно подчеркнутой социобиологическим детерминизмом – происхождением из семьи, члены которой страдают хроническим алкоголизмом. Будучи настолько ослеплен миражами партикуляризма и «психоза идентичностей», он оказывается неспособным воспринять главный источник опасности – «восстание машин», когда с таким трудом выстраиваемая *система безопасности*, оказывается неподвластной ни ее создателям, ни ее верховным регулятивам. И голос американского президента, и лидера СССР (который в фильме традиционно назван «председателем»), в чем также просматривается принципиально-символическое неприятие реальной власти в странах социалистического лагеря, принадлежащей секретарям компартии) оказываются бессильными остановить запущенный механизм самоуничтожения...

О том, насколько в действительности опасен, неадекватен, если использовать чеховский художественный образ, «человек в футляре» американской дискурсивности, свидетельствует агрессивно-интеллектуалистский выпад современного эквивалента «националиста-патриота» в погонах – полковника армии США Дж. МакДонау, опубликовавшего весной этого года в специализированном военно-политическом издании статью под названием «Моральное лицемерие России»¹⁶. В этом публицистическом эссе воинственный полковник, по сути, осуществляет полную эксгумацию ортодоксальной нетерпимости эпохи «холодной войны», реконверсию «доктрины Трумэна», представляя Россию олицетворением «абсолютного зла», резервуаром «антиморальных сил», которую необходимо не только сдерживать, но и полностью нейтрализовать с помощью мессианско-освободительной гегемонии США¹⁷.

Модель экстренно-вынужденного сближения при возникновении общей, глобальной и превосходящей не только политико-идеологические, но культурно-цивилизационные противоречия угрозы, практически полностью повторяется в фантастическом триллере «Метеор» / «Meteor» (США-Гонконг, 1979, реж. Р. Ним). Здесь опасность развязывания ядерной войны вытесняется еще более масштабной, космическо-галактической *угрозой*, исходящей от приближающегося к земле гигантского метеорита и вынуждающей американское и советское правительства признать факт существования специального оружия – орбитальных военных спутников, изначально направленных против друг друга, но отныне призванных выполнить общую цель – спасение человечества. По мере того, как *биполярный антагонизм* в рамках «холодной войны» трансформируется в *биполярное сотрудничество* мессианского характера, мы вновь сталкиваемся с типовыми ситуациями, связанными с карикатурно-гротесковыми сценами недоверия и подозрительности, попытками

¹⁶ McDonough 2018.

¹⁷ Американский полковник... 2018.

установления приоритета «американской идентичности» и национально-партикулярных интересов над здравым смыслом, диктующим единственно верный путь *интеграции различий*, который выступает экзистенциально-онтологической доминантой, подавляющей внутреннего врага, «врага-в-себе», и вытесняющей навязчивый фантом внешнеполитической опасности. Примечательно, что образ президента США в картине вновь воплотил известный актер *Г. Фонда*.

Лжегерои «холодной войны»

Другую, но не менее характерная для исторически обусловленного общественного сознания и коллективной памяти модель отчужденности встречаем в картине Д. Франкенхаймера «Семь дней в мае». Главным визуально-когнитивным конструктом ее медиа-текста выступает **образ врага-лжегероя**. Его конкретным, персонифицированным носителем, аккумулирующим постпервобытные, раннесредневековые административно-политические практики «военной демократии», в сочетании с феноменами самозванства и рыцарской самопрезентации, становится воинственный генерал Д. Скотт (*Б. Ланканстер*), осуществляющий стремительную экзистенциальную анагогию – от идейно-теоретической оппозиции к представителям «гнилого либерализма» и «соглашателям» (в их числе оказывается даже американский президент за солидарность умеренному курсу и склонность к компромиссам с «главным врагом нации» – СССР) до подготовки военного переворота, плацдармом для которого становится секретная база, созданная в тайне от политического руководства страны. Тем самым, в структуре медиа-текста просматривается еще одна модификация конфликта «мы – они», связанного с размежеванием по уровням социально-интеллектуальной иерархии.

Военные, убежденные в своей элитарности, гипермаскулинности, обеспеченной доступом к оружию – средствам нападения и защиты, демонстрируют цинично-хладнокровное пренебрежение к «малодушным» и «бесхребетным», не способным на решительные и волевые решения «гражданским» лицам или «двурушникам в погонах», наподобие полковника М. Кейси (*К. Дуглас*), лавирующего между двумя антагонистическими позициями. Подобная ситуация наблюдается и в этой картине, когда генерал Д. Скотт, не сомневаясь в правильности своей стратегии, которая на самом деле полностью его дискредитирует как экзальтированного, эгоистически-самоуверенного военного авторитариста, пытается осуществить информационно-политическое вытеснение президента США, одерживающего победу над мятежным генералом с помощью голоса разума и здравомыслия. «Он не враг, – говорит президент США (роль исполняет *Ф. Марч*), – Скотт и начальники штабов – слишком эмоциональные далекие от логики радикалы, но они не враги. Враг – это нынешний век, ядерный век... Он убил веру человека в способность влиять на происходящие события. Отсюда развилась бо-

лезнь крушения надежд, чувство бессилия, беспомощности, слабости, из-за этого отчаяния мы начинаем искать героев в красно-бело-синих одеждах. Время от времени появляется рыцарь на белом коне, и мы выбираем его своим личным богом... сегодня это генерал Скотт».

Таким образом, мы видим, что образ *«врага-лжегероя»* оказывается не только внешне тесно связанным с моделью *«чужого-в-себе»*, но присутствуют и глубинные признаки сущностно-генетической общности указанных экзистенциальных конструкторов, что проявляется в возможности взаимовоспроизводства. *«Чужой-в себе»* априори содержит в себе модификацию *«лжегероя в красно-бело-синих одеждах»*, и наоборот, лжегерой также подвергается отторжению и отчуждению.

Одна из лучших трагикомедий 1960-х, в концентрированно-гипертрофированном виде показавшая националистическо-партикулярную паранойю, возникшую в мировом сообществе на волне карибского кризиса 1962 г. – фильм С. Кубрика *«Доктор Стрейнджлав, или как я перестал бояться и полюбил атомную бомбу»* / *«Dr. Strangelove or: How I Learned to Stop Worrying and Love the Bomb»* (США–Великобритания, 1963). В этой картине уже знакомые образы *«врагов-лжегероев»*, *«чужих-в-себе»* вытесняет экстравагантная фигура *бывшего чужого*, но *теперь своего* – нацистского ученого, доктора Стрейнджлава, предлагающего на фоне уже прозвучавших ядерных ударов *«лучший вариант»* – заново воспроизвести человеческую расу. Это нечто вроде манифеста-пролегомены *«разрядки»* и апелляции к возвращению онтологического, *«примордиального»* единства за счет устранения деструктивных различий коммунизма и американизма, являющихся с позиций консервативной парадигмы формами культур хтоническо-теллурического типа, *«цивилизаций становления»*¹⁸. Последние отличаются друг от друга лишь идеологическим облачением своей однородной сущности, заключающейся в *«подрывном активизме»*¹⁹, связанном с бессмысленным ускорением темпов *«развития»*, пространственно-временным и материально-техническим расширением при утрате внутренней органичности, цельности, растворяющихся в коллективистско-индивидуалистических инстинктах, проводниками-носителями которых и становятся образы модели *«врагов-в-себе»*, разжигающих пламя *«холодной войны»*.

Это открыто демонстрируется в картине Р.Э. Миллера *«Девушка с Петровки»* / *«The Girl from Petrovka»* (США, 1974). Из диалогов главных героев – советских обывателей-маргиналов Октябрины (*Г. Хоун*) и Кости (*Э. Хопкинс*) мы узнаем, что *чужеродная среда (инаковость)*, где существует опасность *«задохнуться»*, выступает главным *«камнем преткновения»* между СССР и США. И эта среда обладает способностью

¹⁸ Юдин 2013.

¹⁹ Эвола 2009. С. 172-178; 2010. С. 46-50.

быть инкубатором-рассадником дискурсивных войн, стимулируя национал-патриотические формы изоляции и самозащиты. «Права» американцев на истребление индейцев, сжигание вьетнамских деревень, «личевание ни в чем не повинных негров», которыми возмущается «девушка с Петровки», компенсируются экспансией и манифестацией «советской цивилизации» в ойкумене «социалистического лагеря» и за его пределами, что подчеркивается использованием традиционных атрибутов семиотическо-имагогической уничижительной карикатуры: русские как «матрешки в каракулевых шапках» (пародия на советскую номенклатуру), молодые «Робинзоны социализма», не выпускающие из рук балалайки, мечтающие во время застолья с самоваром и водкой освоить «классику» американского джаза, и осколки «старого мира» – пожилой балетмейстер, обучающий якобы забытому в стране Советов искусству в обветшалой и мрачной церкви, выполняющей свое предназначение как учреждение для отправления религиозного культа и одновременно служащее перевалочной базой для «спекулятивных» операций.

Репрезентативной иллюстрацией возможных вариантов *имагогических инверсий* можно считать фильм А. Хичкока «Разорванный занавес» (США, 1966). Название фильма – прямая аллюзия на антагонизм, свойственный обстановке «холодной войны», порождающей сегрегацию, установление множественных барьеров – «железных занавесов», предполагающих *тройственный разрыв* – на идеологическом, семиотическом и экзистенциально-онтологическом уровне. Особенностью морфологии «гиперреальности» этой картины является то, что в ней в наиболее доступной для восприятия форме хронотопически синтезируются несколько типов и динамика восприятия «чуждости» («вражеской сущности», «не-своего»). Американский физик-ядерщик М. Армстронг (П. Ньюман) мимикрирует под диссидента-социалиста, якобы перешедшего на другую сторону «железного занавеса» – в ГДР по искренним политическим убеждениям и симпатиям (о чем заявляет на публике, презентуя себя как миротворца – сторонника «разрядки» и коллективной безопасности), но на самом деле действует как американский агент, направленный с конкретным заданием – похитить секретную формулу у коллеги-конкурента – немецкого профессора Г. Линдта. На основе фабулы можно выделить следующие когнитивные сегменты созданного медиа-текста: 1) **Образ врага-лжегероя**. Персонаж Ньюмана воспринимается как предатель – перебежчик, «двурушник», поправший не только национально-государственные, но и семейные ценности, гендерные принципы, введший в заблуждение свою коллегу и одновременно подругу по поводу перспектив в отношениях; лжегероем Армстронг является и потому, что он фактически обнажает свою интеллектуальную несостоятельность, проявив готовность идти по относительно легкому пути – присвоить результаты чужих исследований, тем самым бросая

ть на научный потенциал своей страны. 2) *Образ «врага-в-себе»* конструируется в ходе трансформаций информационного поля, при которых поступающие когнитивно-психологические импульсы, «вызовы», позволяют выявлять колебания героев по поводу того, какую сторону принять на волне «энтропийной экзальтированности» и дезориентации. Физики М. Армстронг и С. Шерман (*Дж. Эндрюс*) не только не создают впечатления патриотов и утонченных интеллектуалов – «людей науки», напротив, эти личины выглядят совершенно не убедительными и не правдоподобными, что объясняется избыточной раскрепощенностью и склонностью к филистерско-обывательскому образу жизни. Так, Шерман сначала пребывает в состоянии «блаженного умиротворения», обеспеченного прочностью ее экзистенциальной ниши «помощницы-любви», затем это сменяется легким беспокойством, что перерастает в ярко выраженную тревогу по поводу их с Армстронгом совместной бытийности, находящейся под угрозой разделения «железным занавесом». В экстремальной ситуации почти в каждом пробуждаются элементы «*чужого-в-себе*», проявляющиеся в виде тяготения в сторону личной сферы, превалирующей над национально-государственной. Как великолепный знаток криминально-политической психологии, А. Хичкок недвусмысленно дает понять, что Шерман, и Армстронг, как не обремененные прочностью «идейного заряда» позитивисты, «лабораторные романтики», агенты-дилетанты, смогут устроиться абсолютно везде и создать свое приватное пространство даже в карикатурно неуютных интерьерах восточногерманской действительности. Поэтому данное кинопроизведение можно, как ни парадоксально, считать фильмом контрпропагандистского характера, *презентацией потенциального космополитизма и имманентной чуждости «по-американски».*

От прагматизма – к онтологической безысходности

Значительный интерес на предмет выявления образа врага, а также угрозы и опасности как ведущих факторов «холодного противостояния» представляют фильмы «шпионской тематики». В 1960–1970-х гг. и за пределами этого хронологического интервала на экраны вышло несколько десятков колоритных кинопроизведений. Это такие картины, как «История агента ФБР / «The FBI Story» (США, 1959, реж. М. ЛеРой), «Агент дьявола» / «The Devil's Agent» (Великобритания-ФРГ, 1962, реж. Дж. Кастэйрс), «Мастер шпионажа» / «Master Spy» (Великобритания, 1962, реж. М. Талли), «Шпион с моим лицом» / «The Spy with My Face» (США, 1965, реж. Дж. Ньюлэнд), «Шпион с холодным носом» / «The Spy with a Cold Nose» (Великобритания, 1966, реж. Д. Питри), «Змей» / «Le serpent» (Франция-Италия-Германия, 1973, реж. А. Верней) и мн. др. Их объединяет гиперболизированная демонстрация применения контрольно-карательных технологий, которые в «гиперреальности» кинематографа можно считать средством художественной выразительности

и, одновременно, методом вычленения искомым проявлений чуждости. Показательна в этом плане картина «Шпион, пришедший с холода» / «The Spy Who Came in from the Cold» (Великобритания, 1965, реж. М. Ритт). Р. Бёртон в главной роли Лимаса воплотил образ разведчика-оперативника, который, испытывая подлинный дискомфорт от «тепла» мирного сосуществования и профанической реальности, стремится на «холод» конфронтации, что можно рассматривать как намек на искусственность и релятивно-дискурсивный характер разжигаемого на идеологическом и семиотическом уровне антагонизма. Разрушающаяся на глазах убежденность Лимаса в верности стратегии безукоризненного следования правилам и схемам, крайне уязвимым перед элементарным вмешательством «слишком человеческого», эмоций и страстей, приводит к экспликации *комбинированного типа* «врага/чужого» – «*лжегероя-прагматика*», осознавшего, что все первично генерированные психокогнитивные импульсы были ложными. Вместо устранения «верховного жреца», бывшего нацистского преступника, который должен был благодаря подготовленному Лимасом «спектаклю» погибнуть от карающей руки «еврейского мстителя», происходит полная инверсия, и на месте жертвы оказывается несостоявшийся символический «палач», признанный «отработанным материалом» и как человек, и как агент. Тем самым, мы видим, что прагматизм как внутренний двигатель, эксплуатировавший «инстинкты», имманентные побуждения к лжегероизму, полностью восторжествовал над всеми установками иного спектра.

В завершении остановимся на трех знаковых кинокартинах франко-итальянского производства с участием Л. Вентуры, фактура «гиперреальности» которых в интегрально-концентрированном виде передает атмосферу «холодного противостояния» не просто как арену политикотехнологической комбинаторики, а как смертоносную «онтологическую ловушку», «экзистенциальный тупик». В к/ф «Молчаливый» (1973) герой Вентуры К. Тибер, «завербованный» еще во время Второй мировой войны, становится объектом манипулирования со стороны то английских, то советских спецслужб, использующих его как учёного и как агента. Многократная эксплуатация и узурпация личности, ставшей заложницей «холодных игр», в итоге приводит к разрушению оригинальной, апеллирующей к внутренней сущности, идентичности, подвергнутой необратимой в ходе нескольких инспирированных «социальных смертей» коррозии. Тибер становится полностью беззащитным перед армией бездушных «людей-прагматиков» и «дискурсивной паутины», не знающей жалости и сострадания к тем, кто желает выйти за ее пределы. В подобном по идейно-композиционной морфологии стиле выдержаны и два других к/ф – «В чужой шкуре» (1966) и «Шпион, встань» (1981/82). Мрачный, подлинно нуар-финал второй картины дает визуально-когнитивный ключ к пониманию сути перманентного, неисчерпа-

емого конфликта. В фильме показано, что из «холодной войны», вечно тлеющей, но всегда готовой к воспламенению отчужденности, так же невозможно выйти без деструкции (индивидуально-персональной или геополитической), как из цепи дискурсивных «перерождений», напоминающих «сансарическо-сантанический» поток смены состояния в буддизме²⁰ или шопенгауэровское воление, от которого только одно «спасение» – его отрицание, резиньяция. Картина завершается фразой: «Два года спустя на поляне возле католического кладбища Цюриха останки неизвестного мужчины были найдены охотниками. Больше никто и никогда не разбудит (от бюргерско-профанического «сна» в сторону шпионского активизма) Себастьяна Гренье (*Л. Вентура*)...».

Подводя итоги, можно сделать следующие *выводы*.

1) «Холодная война» представляет собой не только идеолого-геополитический, но и, в значительной степени, социокультурный феномен, генетически восходящий к укорененной на онтологическом уровне конфронтации, чем объясняется неисчерпаемость ее социально-дискурсивных и семиотических комбинаций.

2) Кинематографическая «гиперреальность» фильмов как много-спектральных медиа-текстов, вышедших в хронологический отрезок 1960–1970-х гг., по качеству, уровню репрезентативности в отображении атмосферы «холодной войны» и ее субъектов, эйдетическому стилю, насыщенности и глубине визуально-когнитивного субстрата, может не только считаться художественно-эстетическим эталоном, но и быть востребованной для диагностики и прогнозирования развития международных отношений вообще и русско-американских связей, в частности, характеризующихся на современном этапе активной рецепцией традиционных стереотипов, образов врага/чужого, представлений об инаковости через призму кинематографических ассоциаций и аллюзий.

3) Выведенные условные типы проявлений чуждости – «чужой-в-себе», «враг-лжегерой», «враг-прагматик» и их комбинации могут рассматриваться как научно-теоретический задел для компаративного анализа особенностей национально-государственного взаимовосприятия (Россия и США, Россия и Европа) и динамики коллективной памяти, в которую имплантируются представления о новой «холодной войне», намного более опасной, чем «старая»²¹.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Американский полковник прочел России лицемерную проповедь // URL: <https://vz.ru/politics/2018/5/29/924956.html>. Май 2018 г. [Amerikanskij polkovnik prochel Rossii licemernuyu propoved' // URL: <https://vz.ru/politics/2018/5/29/924956.html>]
- Берковец Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. СПб., 2001 [Berkovec L. Agressiya: prichiny, posledstviya i kontrol'. SPb, 2001].

²⁰ Эвола 2016. С. 76-77.

²¹ Крамник 2016.

- Гудков Л. Идеологема «врага» // Негативная идентичность. М., 2004. С. 559-567 [Gudkov L. Ideologema «vraga» // Negativnaya identichnost'. M., 2004. S. 559-567].
- Идеологические комиссии ЦК КПСС. 1958–1964: Документы. М., 1998 [Ideologicheskie komissii CK KPSS. 1958–1964: Dokumenty. M., 1998].
- Козырев Г.И. «Враг» и «образ врага» в общественных и политических отношениях // Социологические исследования. 2008. № 1. С. 31-39 [Kozyrev G.I. «Vrag» i «obraz vraga» v obshchestvennyh i politicheskikh otноsheniyah // Sociologicheskie issledovaniya. 2008. № 1. S. 31-39].
- Крамник И. Все очень плохо: почему новая холодная война опаснее старой // <https://lenta.ru/articles/2016/08/22/notgood/> [Kramnik I. Vse ochen' ploho: pochemu novaya holodnaya vojna opasnee staroj // <https://lenta.ru/articles/2016/08/22/notgood/>]
- Мысливец Н.Л., Романов О.А. Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции // Вестник РУДН. Сер.: Социология. 2018. Т. 18. № 1. С. 9-19 [Myslivec N.L., Romanov O.A. Istoricheskaya pamyat' kak sociokulturnyj fenomen: opyt sociologicheskoy rekonstrukcii // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya. 2018. T. 18. № 1. S. 9-19].
- Очерк теории социализма / Отв. ред. Г.Л. Смирнов. М., 1989 [Ocherk teorii socializma / Otv. red. G.L. Smirnov. M., 1989].
- Панарин И.Н. Информационная война и третий Рим. М., 2003 [Panarin I.N. Informacionnaya vojna i tretij Rim. M., 2003].
- Рябов О.В. «Мистер Джон Ланкастер Пек»: американская маскулинность в советском кинематографе холодной войны (1946–1963) // Женщина в российском обществе. 2012. № 4(65). С. 44-57 [Ryabov O.V. «Mister Dzhon Lankaster Pek»: amerikanskaya maskulinnost' v sovetskom kinematografe holodnoj vojny (1946–1963) // Zhenshchina v rossijskom obshchestve. 2012. № 4(65). S. 44-57].
- Сенявский А.С., Сенявская Е.С. Историческая имагология и проблема формирования «образа врага» (на материалах российской истории XX в.) // Вестник РУДН. 2006. № 2(6). С. 54-72 [Senyavskij A.S., Senyavskaya E.S. Istoricheskaya imagologiya i problema formirovaniya «obraz vraga» (na materialah rossijskoj istorii ХХ в.) // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. 2006. № 2(6). S. 54-72].
- Туровская М.И. Фильмы «холодной войны» // Искусство кино. 1996. № 9. С. 98-106 [Turovskaya M.I. Fil'my «holodnoj vojny» // Iskusstvo kino. 1996. № 9. S. 98-106].
- Федоров А.В. Трансформации образа врага России на западном экране: от эпохи идеологической конфронтации (1946–1991) до современного этапа (1992–2010). М., 2010 [Fedorov A.V. Transformacii obraza vraga Rossii na zapadnom ehkrane: ot ehpoi ideologicheskoy konfrontacii (1946–1991) do sovremennoho ehstapa (1992–2010). M., 2010].
- Филитов А.М. «Холодная война»: историографические дискуссии на Западе. М., 1991 [Filitov A.M. «Holodnaya vojna»: istoriograficheskie diskussii na Zapade. M., 1991].
- Шахляев А.В., Шляхов М.Ю. Кинематограф в системе американской пропаганды в период холодной войны // Апробация. 2016. № 11(50). С. 29-30 [Shahlyayev A.V., Shlyahov M.Y. Kinematograf v sisteme amerikanskoj propagandy v period holodnoj vojny // Aprobaciya. 2016. № 11(50). S. 29-30].
- Эвола Ю. Империя Солнца. Тамбов, 2010 [Evola Y. Imperiya Solnca. Tambov, 2010].
- Эвола Ю. Традиция и Европа. Тамбов, 2009 [Evola Y. Tradiciya i Evropa. Tambov, 2009].
- Эвола Ю. Учение о пробуждении. Очерк буддийской аскезы. СПб, 2016 [Evola Y. Uchenie o probuzhdenii. Ocherk buddijskoj askezy. SPb., 2016].
- Юдин К.А. Человечество в пути: от «цивилизации бытия» к «цивилизации становления» (размышления о природе коммунистической власти и общества) // Вопросы философии. 2013. № 2. С. 42-48 [Yudin K.A. Chelovechestvo v puti: ot «civilizacii bytiya» k «civilizacii stanovleniya» (razmyshleniya o prirode kommunisticheskoy vlasti i obshchestva) // Voprosy filosofii. 2013. № 2. S. 42-48].
- Belmonte L. Selling the American Way: U.S. Propaganda and the Cold War. Philadelphia, 2008.
- McDonough J. Russian's Moral Hypocrisy. URL: <https://taskandpurpose.com/russias-moral-hypocrisy/> May 2018.
- Keen S. Faces of the Enemy: Reflections of the Hostile Imagination. San Francisco, 1986.

Seabury P. The Rise and Decline of the Cold War. New York, 1967.

Schwartz H.P. Entspannungspaus // Aus Politik und Zeitgeschichte. № 12. Bonn, 1982. S. 5-21.

Юдин Кирилл Александрович, кандидат исторических наук, исполнитель по гранту, Санкт-Петербургский государственный университет; доцент кафедры истории России, Ивановский государственный университет; kirill-yudin.hist@mail.ru

“Enemy image” and the atmosphere of “cold confrontation” in the foreign cinema in the 1960–1970s

In an article based on the materials of foreign, mostly Anglo-American, media texts of the 1960s-1970s, an attempt is made to attribute the internal and external threat, danger and alienation as the main complex factors that generate an atmosphere of “cold confrontation”. The main types and forms of visual-cognitive manifestation and interpretation of otherness in the cinematic “hyper-reality” are analyzed in the historical-philosophical, cultural and cinematographic foreshortening. The author comes to the conclusion that the deduced conditional types of manifestations of alienness – the “alien-in-itself”, the “enemy-false-hero”, the “enemy-pragmatist» and their combinations can be used to reconstruct the national-state mutual perception and dynamics of collective memory in modern stage.

Keywords: “cold war”, foreign cinematography, cognitive science, “hyperreality”, “enemy image”, media-text, collective memory

Kirill Yudin, PhD (History), the grant performer, Saint-Petersburg University, associate professor, Ivanovo State University; kirill-yudin.hist@mail.ru

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СЕГОДНЯ

К. И. ШНЕЙДЕР

РАННИЙ РУССКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ СЕРЕДИНЫ XIX В. И ОФИЦИАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Статья посвящена сравнительному исследованию интеллектуального феномена раннего русского либерализма середины XIX в. и современной политической риторики президентских посланий 2000–2015 гг. Автор отстаивает гипотезу об актуализации идейного наследия отечественного либерализма в условиях переходного периода развития, переживаемого Россией в настоящее время. Такие аксиологические доминанты раннелиберальной концепции, как поиск оптимального пути соединения либеральных реформ и сильного государства, централизация власти, противостояние любым революционным практикам, европеизм, сосуществование традиционных и современных форм проживания, неприкосновенность частной собственности, экономическая свобода, получили определенный политический отклик в текстах президентских речей, особенно в 2000–2011 гг. Компаративистские исследовательские опыты способствуют конструированию новых академических пространств, в рамках которых появляется возможность для ревизии имеющихся версий российской интеллектуальной истории.

Ключевые слова: интеллектуальная история России, ранний русский либерализм, свобода, собственность, личность, европеизация

В отечественной и зарубежной историографии существуют несколько вариантов ответа на вопрос о времени формирования русского либерализма. Их можно систематизировать в границах двух основных подходов – философского и политического¹. Первый сосредоточен на истории восприятия в России европейского интеллектуального наследия эпохи Просвещения, а второй – на появлении первоначальной либеральной политической программы. В зависимости от принадлежности к той или иной точке зрения, в «метриках» раннего русского либерализма указывают разные даты – начиная со второй половины XVIII и вплоть до начала XX в. Ранний русский либерализм в исторической ретроспективе формировался на протяжении длительного периода, достигнув, вероятно, своего «совершенствования» в середине XIX в. Во второй половине 1850-х – 1860-е гг. этот интеллектуальный феномен обрел наконец программный вид благодаря работам К.Д. Кавелина и, особенно, Б.Н. Чичерина, автора концепции «охранительного либерализма», положенной в основу первоначальной отечественной либеральной конструкции. Активное участие в репрезентации российской версии евро-

¹ Poole 2015. P. 157–181.

пейской аксиологии свободы принимали представители «второго эшелона» раннего либерализма – столичные литературные критики, академические ученые, публицисты, издатели П.В. Анненков, И.К. Бабст, В.П. Боткин, А.В. Дружинин и Е.Ф. Корш.

Возможно, российский либерализм середины XIX в. стал своеобразной вершиной в разработке концепции «просвещенного самодержавия», оказавшейся удачной формой для генезиса и развития либеральных ценностей в России. С этим, скорее всего, связаны конкретные особенности раннего русского либерализма, в частности монархизм, доктринальное неприятие демократии, всегда ассоциировавшейся с радикализмом и диктатурой масс, частичное признание необходимости сохранения крестьянской общины, амортизировавшей негативные социальные последствия «прорыва» деревни к тотальному рынку, аристократизм и элитизм мировоззрения русских либералов, мечтавших о цивилизаторской роли дворянства. Интересной представляется мысль о формировании раннего русского либерализма на пересечении границ либерального и консервативного полей.

«Производство» отечественной либеральной модели в середине XIX в. изначально происходило при активном вторжении либералов в пространство конкурирующей консервативной мысли. Основоположники русского либерализма использовали плодотворный опыт умеренных западников 1840-х гг., сочетавших либеральные и консервативные ценности. Кроме того, либералы стремились продемонстрировать верховной власти возможности и перспективы расширения концепции «просвещенного самодержавия» за счет наполнения ее классическим либеральным содержанием, адаптированным к местным особенностям и сохранявшим связь с традицией. Конкурентоспособность ранних русских либералов зависела как от их готовности убедить политическую элиту в целесообразности своих предложений, так и от их искусства теоретически преодолеть любые пагубные последствия реформаторства и предотвратить неадекватные радикальные попытки нарушения статус-кво. Неудивительно, что в русском либерализме середины XIX в. присутствовали только тренды с ярко выраженной консервативной составляющей – «народнический» Кавелина и «охранительный» Чичерина.

Очевидно, что применительно к раннему русскому либерализму следует сделать акцент на разнообразии и неповторимости теоретического наследия, касающегося исторических форм либерализма. При обнаружении в той или иной программе признаков классической либеральной аксиологии важно определить, каким образом в ней «снимаются» базовые противоречия либерального мировосприятия в условиях национального развития. Иными словами, интересно выяснить, как отцы-основатели русского либерализма, опираясь на опыт своей социализации, смогли занять те позиции в поле производства идей, которые поз-

волили им наиболее полно вербализировать раннелиберальную концепцию. А это бесперспективно делать без внимания к особенностям местного историко-политического ландшафта, неизбежно детерминировавшего финальный образ российского либерализма середины XIX в.

Метафорический взгляд историка «из настоящего» создает основу для перманентного переосмысления любых, даже «хорошо» известных событий и культурных феноменов, что активно эксплуатируется в настоящее время. В частности, некоторые ценностные доминанты раннего русского либерализма неоднократно обсуждались (осознанно или нет?) в современной политической риторике первых лиц российского государства. Закономерно возникает исследовательский интерес к изучению процесса актуализации и реинтерпретации некоторых положений раннелиберальной концепции середины XIX в. в текстах президентских посланий Федеральному Собранию в период 2000–2015 гг.²

Сразу же появляются сомнения по поводу корректности сопоставления концептуальных рецептов родоначальников отечественного либерализма с программными заявлениями первых лиц государства в настоящее время. Среди аргументов в пользу релевантности данной процедуры можно выделить, во-первых, близость исторического контекста этих двух переходных этапов, когда в обоих случаях появилась необходимость в проведении системных преобразований в обществе, ставших следствием кризиса жесткой мобилизационной модели развития, во-вторых, рецепция альтернативных (либеральных) методов управления социумом и их последующая интеграция в традиционный элитарный дискурс пореформенной и современной России. В-третьих, конструирование до некоторой степени схожей либерально-консервативной программы регулирования с акцентом на постепенные изменения «сверху» под непосредственным присмотром власти.

В своем первом послании Федеральному собранию в должности президента страны (2000 г.) В.В. Путин много говорил о преимуществах сильного государственного начала для гарантированной реализации прав и свобод граждан России. Важнейшей задачей он считал «научиться использовать инструменты государства для обеспечения свободы: свободы личности, свободы предпринимательства, свободы развития институтов гражданского общества», что естественным образом актуализировало давно известную тему конвергенции власти и свободы, о которой так много размышляли отечественные либералы середины XIX в.

Президент Путин сам признавал, что спор «о соотношении силы и свободы очень стар, как сам мир. Он и по сей день порождает спекуляции на темы диктатуры и авторитаризма. Но наша позиция предельно ясна: только сильное, эффективное (если кому-то не нравится слово

² Анализ президентских посланий см.: Малинова 2012, С. 368–395; 2015.

«сильное», скажем – эффективное) государство и демократическое государство в состоянии защитить гражданские, политические, экономические свободы, способно создать условия для благополучной жизни людей и для процветания нашей Родины»³.

С одной стороны, значительная часть этих высказываний вполне согласуется с основным содержанием концепции «охранительного либерализма» Чичерина, абсолютно уверенного в креативных способностях сильного просвещенного государства гарантировать прогрессивное и постепенное развитие социума. Главное – примирить свободу с властью и законом. Известный лозунг Чичерина – «либеральные меры и сильная власть» предполагал «либеральные меры, предоставляющие обществу самостоятельную деятельность, обеспечивающие права и личность граждан, охраняющие свободу мысли и свободу совести, дающие возможность высказываться всем законным желанием, – сильная власть, блюстительница государственного единства, связующая и сдерживающая общество, охраняющая порядок, строго надзирающая за исполнением закона, пресекающая всякое его нарушение, внушающая гражданам уверенность, что во главе государства есть твердая рука, на которую можно надеяться, и разумная сила, которая сумеет отстоять общественные интересы против напора анархических стихий и против воплей реакционных партий»⁴.

С другой стороны, в современной риторике о сильном государстве обязательно присутствует идея демократического устройства российской политической системы, чего нельзя обнаружить в рассуждениях отечественных либералов середины XIX в. Для них демократия – это кратчайший путь к анархии и диктатуре непросвещенного большинства и, в конечном счете, к революционным потрясениям. Это можно объяснить полуторавековым интервалом между анализируемыми периодами, в течение которого демократическая идея превратилась в очевидного мотиватора глобальных общественных преобразований. И сами ранние русские либералы (например, Чичерин или Кавелин) не отрицали грядущего наступления демократической эпохи, но сомневались в готовности к рецепции ее ценностей в т.н. «незрелых» обществах.

Первое, а значит программное послание президента Путина содержало в себе многие базовые либеральные принципы, среди которых выделялась декларация незыблемости экономической свободы и собственности, неоднократно повторявшаяся и в последующих его обращениях. Опираясь на отечественный исторический опыт, он резюмировал: «...ключевая роль государства в экономике – это, без всяких сомнений, защита экономической свободы. Наша стратегическая линия такова:

³ Путин 2000.

⁴ Чичерин 1862, С. 199–200.

меньше администрирования, больше предпринимательской свободы – свободы производить, торговать, инвестировать». Государственное присутствие в экономической сфере должно состоять «не в увлечении административными рычагами, не в экспансии государства в отдельные отрасли (это мы уже проходили, это было неэффективно) и не в поддержке избранных предприятий и участников рынка, а в защите частных инициатив и всех форм собственности»⁵.

Лишь некоторые ранние русские либералы (Бабст, Чичерин) были последовательными приверженцами экономической свободы, минимизации государственного участия и, одновременно, все либеральное общество радело за безусловное право владения и распоряжения частной собственностью. Так, в 1856 г. в своей речи, ставшей впоследствии широко известной в образованных столичных кругах, признанный специалист в экономических вопросах профессор политэкономии и статистики Бабст заявил: «предоставляя каждому человеку, каждому промышленному обществу свободное поле деятельности, не приучая народ к мысли, что и в его хозяйственных делах нужна ему постоянная нянька, ограничиваясь только надзором или хорошими строгими законами против всякого покушения на чужую собственность и преимущественно в отношении к должникам, к банкротствам, и тогда частный интерес, личная выгода приведет и каждого отдельного промышленника, и народную промышленность вообще к желанной цели»⁶.

В обеих декларациях звучит призыв к институционализации экономической свободы посредством проведения выверенной законотворческой деятельности верховной властью. В речи российского президента присутствует лозунг «диктатуры закона» в контексте рассуждений о границах государственного вмешательства, что однозначно коррелирует с позицией Чичерина, автора концепции «охранительного либерализма». Он обращал внимание своих союзников и оппонентов на необходимость пропагандировать и развивать традицию подчинения не только т.н. «хорошим» законам, имеющим очевидную социальную поддержку, но и «плохим», которые несмотря ни на что сохраняют статус обязательного для исполнения законодательного акта.

Вместе с тем, можно провести и другую параллель – между теоретическими интенциями Чичерина к централизации управления, что означало «подчинение местных властей центральному правительству, восхождение дел из отдельных областей в верховные учреждения, установленные для всего государства»⁷ и предложением президента России по вопросу об укреплении федерализма, выразившееся в созда-

⁵ Путин 2000.

⁶ Бабст 1999, С. 123.

⁷ Чичерин 1858, С. 204.

нии федеральных округов и назначении в них президентских представителей. Суть этого решения, по словам Путина, «не в укрупнении регионов, как это иногда воспринимается или преподносится, а в укрупнении структур президентской вертикали в территориях. Не в перестройке административно-территориальных границ, а в повышении эффективности власти. Не в ослаблении региональной власти, а в создании условий для упрочения федерализма»⁸.

Во втором послании (2001 г.) президент Путин обратил внимание на губительные для России революционные/контрреволюционные циклы развития, выбивавшие страну из естественного (нормального) исторического движения. В качестве альтернативы он предложил оставить в прошлом попытки радикально изменить статус-кво и сосредоточиться на укреплении стабильности в обществе, постепенном решении трудных проблем за счет ежедневного квалифицированного труда всех участников преобразовательного процесса.

Похоже рассуждали и ранние русские либералы, полагавшие, что в первую очередь следует «переварить» и «освоить» содержательный контекст Великих реформ 1860–1870-х гг., решительно отвергнув революционные перспективы. Общее неприятие любого образа русской революции ясно прозвучало еще в известном «Письме к издателю» Кавелина и Чичерина, адресованном А.И. Герцену. После этого появилось письмо Чичерина к Герцену (результат их личной встречи в 1858 г. во время заграничной поездки Чичерина), в котором он резко и по содержанию, и по тональности критиковал теоретические соблазны политического радикализма. Уже в период Великих реформ Чичерин настаивал на том, что в России «дело первостепенной важности – возникновение в обществе независимых сил, которые бы поставили себе задачей охранение порядка и противодействие безрассудным требованиям и анархическому брожению умов. Только энергия разумного и либерального консерватизма может спасти русское общество от бесконечного шатания»⁹.

В течение первого президентского срока Путин в посланиях неоднократно возвращался к идее сильного государства как безальтернативному историческому выбору России. Акцентируя географические особенности страны и очевидные трудности сохранения ее целостности в прошлом и настоящем, он часто прибегал к мобилизационной риторике полагая, что «такая страна, как Россия, может жить и развиваться в существующих границах, только если она является сильной державой. Во все периоды ослабления страны – политического или экономического – перед Россией всегда и неотвратимо вставала угроза распада»¹⁰.

⁸ Путин 2000.

⁹ Чичерин 1862. С. 162.

¹⁰ Путин 2003.

Еще одна «общая» тема интеллектуальной рефлексии ранних русских либералов и политических заявлений второго президента России в начале 2000-х – выбор европейского пути развития страны. Для либералов середины XIX в. внутреннее обустройство государства и общества по западноевропейским «лекалам» вполне соответствовало базовым положениям политики «просвещенного самодержавия». Они относили Россию к числу европейских стран, обреченных на общую историческую судьбу и схожую стратегию развития в настоящем и будущем. Многие из них не разделяли мнения своих оппонентов об унижительности копирования западного опыта, искренне удивляясь их стремлению к культивированию национальной обособленности. Так, Бабст обоснованно задавался вопросом: «Неужели обидно для нас, когда мы должны прийти к убеждению, что, оставаясь вполне самостоятельными, мы все-таки проходим и проходили те же эпохи исторического развития, как и остальные народы Европы. Не будь этого, мы были бы какими-то вырожденками человечества, и потому-то, вместо того, чтобы считать ту или другую форму нашей общественной жизни исключительно русской, не вернее ли, не основательнее ли справиться с историей»¹¹.

В 2003 г. в обращении президента России к Федеральному Собранию сближение и даже интеграция с Европой названо важным элементом внешней политики государства. Здесь же присутствуют рассуждения об интересах «большой Европы», требующих новых качественных шагов навстречу друг другу для обеспечения свободы передвижения граждан и формирования единого экономического пространства. Во время второго президентского цикла Путин в послании 2005 г. в очередной раз остановился на стратегических принципах государственной политики. Среди главных приоритетов – сохранение преемственности в таких вопросах как дальнейшая евроинтеграция России, безусловное доминирование права и неприкосновенность частной собственности. Глава государства определил цивилизационную роль социокультурных идеалов Европы для исторического развития российского общества, движение которого в продолжение трех последних столетий осуществлялось в тесном идейно-политическом взаимодействии с европейскими народами. В частности, Путин заявил, что вместе мы «прошли через реформы Просвещения, трудности становления парламентаризма, муниципальной и судебной власти, формирование схожих правовых систем. Шаг за шагом вместе продвигались к признанию и расширению прав человека, к равному и всеобщему избирательному праву, к пониманию необходимости заботы о малоимущих и слабых, к эмансипации женщин, к другим социальным завоеваниям»¹².

¹¹ Бабст 1859, № 4, С. 474.

¹² Путин 2005.

Интеллектуальный феномен раннего русского либерализма неотделим от европоцентристских интенций. Либералы середины XIX в. всемерно приветствовали распространение в России достижений и ценностей западной цивилизации, а также саму возможность превратиться в прилежных учеников ведущих держав. Не отрицая вариативности социального развития, наличия в нем разнообразных маршрутов, они последовательно защищали идею общности исторических судеб народов в преодолении сугубо национального прошлого посредством интеграционных процессов. Родоначальники русской либеральной традиции видели в создании империи Петром I отправную точку в истории европеизации России, после чего она из периферии и географической провинции превратилась в составную часть цивилизованного мира.

Европейские устремления России президент Путин связывал с демократическими ценностями, которые, по его мнению, не менее значимы, чем экономический успех или социальное благополучие людей. Он настаивал на исключительно правовых способах развития демократических принципов мироустройства, предупреждая, что «всякого рода неправовые методы борьбы за национальные, религиозные, иные интересы противоречат самим принципам демократии. Государство будет на них законным, но жестким образом реагировать»¹³.

Известное ситуационное неприятие демократии ранними либералами, вызванное политической незрелостью отечественного социума, тем не менее, не снимало с «раннелиберальной повестки» тезис о необходимости длительной подготовительной работы по просвещению и распространению правовых знаний и политической культуры в обществе. Либералы сакрализировали правовой порядок как неперемное условие любых демократических нововведений. Кавелин утверждал: «Преобразования, вводящие прочный, разумный и законный порядок в стране взамен произвола и хаоса, по самому существу дела должны предшествовать политическим гарантиям, ибо подготавливают и воспитывают народ к политическому представительству»¹⁴.

Родоначальники отечественного либерализма конструировали рационально-утопическую модель «прорыва» общества к демократическому будущему, серьезно опасаясь его социально-политических девиаций. Обращает на себя внимание идея «правового центризма» как предварительного и обязательного условия преобразований, призванная защитить государство от возможных опасных потрясений и гарантировать эволюционный характер изменений. Вместе с тем, в современной риторике высшей политической элиты России постоянно звучит озабоченность по поводу правового нигилизма уже в принципиально иных

¹³ Там же.

¹⁴ Кавелин 1898, Т. 2. С. 137.

исторических условиях существования, что актуализирует давнюю концепцию раннего русского либерализма о соотношении власти и свободы и непрременном, активном участии государства в национальном политическом процессе. Фактически верховная власть (скорее неосознанно) «обратилась» к центральному положению чичеринской модели «охранительного либерализма» – «либеральные меры и сильная власть», пытаясь в первую очередь обуздать государственно-правовым способом демократические интенции 1990-х гг.

Одна из безусловных доминант первых президентских посланий – идея максимальной защиты права частной собственности от внутренних социально-экономических и политических вызовов. В 2005 г. Путин заявил: «Незыблемость права частной собственности – это основа основ ведения всякого бизнеса. Правила, которых придерживается в этой области государство, должны быть ясны для всех и, что немаловажно, быть стабильны. Это позволяет нормально планировать и ведение бизнеса, и жизнь каждого, кто развивает свое дело. Это позволяет гражданам спокойно, без опасений заключать соглашения по таким жизненно важным вопросам как, например, приобретение жилья или его приватизация, которая в основном уже прошла в нашей стране. Это в целом мотивирует к приобретению имущества и к расширению производства»¹⁵.

Следует обратить внимание не столько на сугубо экономическую составляющую программного заявления президента, сколько на его социальный мотивационный посыл. Путин призвал к проведению упрощенной процедуры легализации недвижимости рядовых граждан, имеющих у них денежных накоплений и т.д. Незыблемость права частной собственности, в данном случае, служит очевидным амортизатором социального недовольства в неравных условиях рыночного развития экономики. Это непосредственно коррелирует с содержанием принципиальных споров в среде ранних русских либералов по поводу тотального доминирования личной (частной) собственности в российском обществе середины XIX века. Так, Кавелин, в отличие от Бабста и Чичерина, последовательно возражал против чрезмерного и неподконтрольного распространения личной (частной) собственности. Он предупреждал, что там, где «только личная собственность господствует исключительно, там, рано или поздно, непременно наступает полная социальная анархия и бедствие народных масс, страшные общественные недуги, против которых доселе оставались бессильными все средства, – недуги, которые развиваются неудержимо, питаются и поддерживаясь сами собой»¹⁶. Обращает на себя внимание одинаковая озабоченность исторических акторов социальными последствиями перехода к всеобъемлющей и законо-

¹⁵ Путин 2005.

¹⁶ Кавелин 1898, Т. 2. С. 177–178.

дательно гарантированной системе частной собственности, которая в том и в другом случае вызывала и продолжает вызывать сомнения при принятии окончательных решений.

В своем первом программном послании в 2008 г. новый российский президент Д.А. Медведев счел необходимым остановиться на хорошо известной проблеме соотношения власти и свободы. Он вновь обозначил один из главных приоритетов общественного развития страны – построение справедливого общества свободных людей. Восприятие свободы трактовалось, в основном, в традиционном либерально-просвещенческом духе с акцентом на индивидуальную свободу, свободу слова, вероисповедания, мобильности, предпринимательства. Одновременно президент подчеркнул позитивную роль государства на современном этапе развития российского социума. Наряду с идеями децентрализации и гуманизации социального устройства и политической системы России, разграничения полномочий центра и регионов, укрепления демократических институтов, прозвучала мысль о сильном государстве как инструменте развития гражданского общества и укоренения демократических учреждений в новейшей истории страны. В своем первом послании Медведев выступил с инициативой увеличения сроков конституционных полномочий президента и Государственной думы.

В чем-то схожие представления о прогрессивной миссии сильного государства можно встретить в рассуждениях Чичерина, автора концепции «охранительного либерализма», отводившего центральной власти роль «просвещенного сторожа» в сложный переходный период существования. Несмотря на кардинальные различия между двумя историческими эпохами прослеживается общий функциональный подход к определению места государства в преобразовательном процессе.

В данном контексте интересно высказывание президента Медведева по поводу традиционных для России отношений государства и личности. Он заявил, что в России «на протяжении веков господствовал культ государства и мнимой мудрости административного аппарата. А отдельный человек с его правами и свободами, личными интересами и проблемами воспринимался в лучшем случае как средство, а в худшем – как помеха для укрепления государственного могущества. Повторю, так было на протяжении веков». В подтверждение своих слов Медведев процитировал слова П.А. Столыпина: «Прежде всего надлежит создать гражданина, и, когда задача эта будет осуществлена, гражданственность сама воцарится на Руси. Сперва гражданин, а потом гражданственность. А у нас обыкновенно проповедуют наоборот»¹⁷.

В свою очередь, отцы-основатели раннего русского либерализма многократно рассуждали о противоположности отечественного и евро-

¹⁷ Медведев 2008.

пейского исторического опыта, контрверзы коллективного/государственного и индивидуального начала, способности к самоорганизации в развитых западных обществах и склонности к безусловному подчинению, социальной пассивности соотечественников. Более того, в их работах можно обнаружить призыв к актуализации доминирующей роли гражданских интересов по отношению к государственным. В частности, Кавелин достаточно определенно высказывался о том, что гражданские интересы, «прежде заслоненные государственными, или рассматриваемые сквозь их призму теперь по преимуществу занимают умы; настает их черед, как прежде был черед государственных и политических. Примирение и соглашение частных интересов и потребностей приведения их к единству, словом их организация составляет такую же важную задачу нашего времени и ближайшего будущего, как прежде организация общественных элементов, осуществленная государством...»¹⁸. Однако мнение Кавелина не полностью разделял Чичерин, ратовавший за разделение гражданского и политического общества и демонстрировавший большой этатизм в вопросах иерархии и централизации.

В данном случае близость раннелиберального дискурса и современной политической риторики верховной власти наблюдается не столько в конкретных фразах, сколько в утопической идеализации креативных способностей государства, которое может сконструировать рациональную модель движения к заданной цели – акцентированное развитие личностного начала и активное социальное проектирование. В обоих случаях, судя по всему, главные надежды связаны с правовой деятельностью власти, обеспечивающей законодательные гарантии для каждого конкретного индивида. Тогда вполне естественно обращение Медведева к словам Чичерина о том, что в праве следует видеть не только продукт практической пользы, но и «условие истинно человеческого существования»¹⁹. В своих посланиях Федеральному Собранию новый президент, сохраняя преемственность с риторикой своего предшественника, неоднократно возвращался к идее полноценного развития демократии в России в строгих рамках правового поля в сочетании с жестким противодействием любым незаконным попыткам радикального нарушения статус-кво. Активизация политической жизни в стране в конце 2011 г. реанимировала тревогу властей перед непредсказуемыми социальными последствиями и перспективой погружения общества в состояние неопределенности.

Слова Медведева в президентском послании 2011 г. о потребности общества в зрелой демократии, не допускающей никакого хаоса, (как и в период президентства Путина) перекликаются с программным положе-

¹⁸ ОР РГБ. Ф. 548. Кавелин. Карт. 2. Ед. хр. 37. Л. 16.

¹⁹ Медведев 2008.

нием раннего русского либерализма об опасности революционных потрясений при переходе к демократии в «незрелых» социумах. Чичерин, акцентировавший идею институционального и содержательного несовершенства любого демократического устройства с доминированием большинства над меньшинством, бедных над богатыми, предупреждал, что политическая свобода «требует общественных условий, которые вырабатываются медленно, трудным жизненным путем, и без которых введение представительного устройства может породить только смуту»²⁰. В том и в другом историческом контексте обращает на себя внимание не столько неприятие каких-либо радикальных политических событий, сколько одинаковая репрезентация идеальной (зрелой) модели демократии, которой не было и все еще нет в России, но процесс формирования которой в национальных условиях постоянно вербализуется и ассоциируется с серьезными социальными девиациями, ставящими под сомнение саму возможность достижения желанной цели в данной территории. До конца остаются непонятными конкретные «технические задания» для реализации самого проекта созидания российской «зрелой демократии», что традиционно сохраняет за этой проблемой декларативный теоретико-политический статус и препятствует ее переходу в пространство прикладного «инжиниринга».

В президентском послании 2012 г., озвученном уже Путиным, довольно четко обозначен «национально-патриотический поворот» в риторике верховной власти. В данном программном документе традиционно затронута проблема соотношения демократии и государственного начала. На фоне уже привычного обращения к идее сильного государства как исторически детерминированной российской политической константе, впервые так ясно прозвучала мысль о суверенизации демократических ценностей. В частности, президент заявил: «Для России нет и не может быть другого политического выбора, кроме демократии. При этом хочу сказать и даже подчеркнуть: мы разделяем именно универсальные демократические принципы, принятые во всем мире. Однако российская демократия – это власть именно российского народа с его собственными традициями народного самоуправления, а вовсе не реализация стандартов, навязанных нам извне»²¹.

Во-первых, следует обратить внимание на противоречие в послании между декларацией приоритета универсальных международных демократических норм, с одной стороны, и их прикладной незначимостью в конкретных национальных условиях, с другой. Во-вторых, здесь же, в одном и том же тексте присутствуют отсылки к принципиально разным российским историческим традициям – в первом случае (в при-

²⁰ Чичерин 1899, С. 563.

²¹ Путин 2012.

веденной выше цитате) к народному самоуправлению, а чуть позже – к характерной для России традиции сильного государства²². Вообще в истории российского государства очень сложно обнаружить периоды институционального расцвета народного самоуправления.

Этот «поворот» в политической риторике верховной власти серьезно корректирует дальнейший поиск достаточных оснований для содержательных корреляций между аксиологией раннего русского либерализма середины XIX в. и ценностными ориентирами президентских посланий XXI в. Основатели отечественного либерализма являлись западниками, разделяясь, по большей части, на англофилов и франкофилов. Стремление некоторых из них сохранить традиционные социальные и политические институты детерминировалось, прежде всего, темпоральными сомнениями в адекватной готовности и способности российского социума к восприятию западной модели демократии, а не концептуальной и логической опасностью импорта европейских либеральных стандартов. Ранние русские либералы много писали о принципиально разных исторических судьбах России и Европы, нередко сожалел об этом, но постоянно настаивая на наличии многочисленных несовпадений и, следовательно, национальных особенностей отечественного опыта развития. Однако они не видели иной альтернативы кроме тщательного выбора наиболее удачной для России стратегии рецепции разнообразных европейских норм и правил социального проживания. Более того, будучи европоцентристами, они часто акцентировали идею общеевропейского единства, в орбиту которого, начиная с Петровских времен, попала и Россия. Еще в середине 1840-х гг. Кавелин утверждал, что «безусловное заимствование европейской цивилизации и ученическое отношение к западному миру, характеризующие эпоху русской истории от Петра до первой четверти XIX века, было, конечно, не случайное, а необходимое, когда они так долго поглощали наши силы без всякой внешней необходимости. Россия вошла в число европейских государств, тесно соединила с ними свою судьбу и, кажется, ей нечего стыдиться этого нового братства»²³.

Несмотря на то, что в следующем президентском послании 2013 г. вновь озвучивалось программное положение раннего русского либерализма о соединении свободы и сильного государства, содержательный контекст политической риторики верховной власти изменился под влиянием «национально-патриотического поворота». С одной стороны, Путин, как в свое время отечественные либералы середины XIX в., говорил о важности реформирования судебной системы и совершенствования основ местного самоуправления для достижения заявленных

²² Там же.

²³ Кавелин 1859, Ч. 2. С. 52.

стратегических целей. С другой стороны, в послании он вновь актуализировал тему метафизической роли традиционной аксиологии по отношению к универсальным (западным) ценностям. Рассуждая о современной ситуации, президент заявил: «Сегодня во многих странах пересматриваются нормы морали и нравственности, стираются национальные традиции и различия наций и культур. От общества теперь требуют не только здравого признания права каждого на свободу совести, политических взглядов и частной жизни, но и обязательного признания равноценности, как это не покажется странным, добра и зла, противоположных по смыслу понятий. Подобное разрушение традиционных ценностей «сверху» не только ведет за собой негативные последствия для обществ, но и в корне антидемократично, поскольку проводится в жизнь исходя из абстрактных, отвлеченных идей, вопреки воле народного большинства, которое не принимает происходящей перемены и предлагаемой ревизии»²⁴.

В этой связи уместно вспомнить т.н. дискуссию о «народности» второй половины 1850-х гг., которую ранние русские либералы вели со своими оппонентами «справа». Консервативные критики опирались на идею витальности и непогрешимости «народного воззрения» для отечественной истории, противопоставляя исконную русскую традиционность чуждому западному опыту. Они были последовательными противниками вполне естественных интеграционных процессов (например, европеизации России), полагая их вредным рукотворным итогом сознательных действий либералов и их союзников.

В свою очередь, ранние русские либералы, не отвергая в принципе национального своеобразия любого народа и признавая самоценность традиции, не пытались одновременно провести жесткую границу между самобытностью и европейским цивилизационным мейнстримом, отстаивая и защищая содержательные концепты эпохи Просвещения. Они считали, что с образованием, «с развитием, с цивилизацией сглаживаются народные отличия. И не слагая с себя своего типа, не отрешаясь от народности, каждый народ, принимающий плоды цивилизации, работает сам усердно над сглаживанием и уравниванием всех резких и угловатых особенностей своего быта, дабы вступить в общую семью европейскую и стать в ряды носителей цивилизации»²⁵.

В 2014 г. ранее избранный тренд президентских посланий на разграничение и противопоставление национальной и европейской аксиологии существенно усилился. Это безусловно связано с известными украинскими событиями, присоединением Крыма к России и санкционным ответом западных держав. Путин жестко заявил: «Если для ряда

²⁴ Путин 2013.

²⁵ Бабст 1859, № 8, С. 569.

европейских стран национальная гордость – давно забытое понятие, а суверенитет – слишком большая роскошь, то для России реальный государственный суверенитет – абсолютно необходимое условие ее существования»²⁶. Таким образом, «патриотический поворот» стал долгосрочной стратегией исторического развития страны.

Исследование современного российского политического дискурса на примере президентских посланий 2000–2015 гг. позволяет выявить некоторые его особенности и содержательные параллели с предшествующей интеллектуальной традицией. На протяжении большей части этого периода в официальной риторике высших должностных лиц государства постоянно обсуждалась онтологическая проблема – соединение и совмещение либеральной идеи свободы и сильной власти, что несомненно актуализирует уже в новых временных условиях концепцию раннего русского либерализма, сложившуюся в середине XIX в.

В 2000–2011 гг. в президентских обращениях нередко использовалась (скорее неосознанно) раннелиберальная аксиологическая матрица – «либеральные меры и сильное государство», централизация власти (президентская власть), неприятие любых революционных практик, правовой центризм (диктатура закона), европеизм (евроинтеграция), постепенные реформы «сверху» с максимальной адаптацией традиционных форм существования к нововведениям, индивидуализм и свобода личности (демократические ценности), неприкосновенность частной собственности и свободное развитие экономики, формирование общественного мнения (гражданское общество) и т.д.

Вместе с тем, было бы наивно полагать, что речь идет о прямой интеллектуальной рецепции либеральной аксиологии середины XIX в. в актуализированном российском политическом пространстве. Допуская вероятность распространения некоторого знания истории отечественного либерализма в среде сегодняшней властной элиты России, следует скорее всего обратить внимание на особенности национальной модернистской парадигмы. На новом переходном этапе в ее границах возросла конфликтность между традиционалистскими ценностями (социокультурная чересполосица больших территорий, правовой нигилизм, патернализм в социальных коммуникациях и т.д.) и телеологией модернистского прорыва в число ведущих мировых держав.

Возможно интуитивное обращение президента Путина к программным положениям раннелиберальной концепции мотивировалось, в конечном счете, исключительно внешнеполитическими амбициями, допускающими использование элементов исторической политики в виде риторических формулировок о сильном государстве, централизации власти, евроинтеграции и демократических свободах. В свою оче-

²⁶ Путин 2014.

редь, для либералов середины XIX в. великодержавные интенции вообще не входили в перечень их концептуальных деклараций.

Однако более интересной могла бы стать версия о содержательной близости аксиологии раннего русского либерализма и современного политического дискурса российской элиты в период 2000–2004 гг., когда геополитические успехи мыслились как результат прежде всего плодотворного внутреннего реформирования общества. И только впоследствии, в силу нарастающих сложностей и противоречий в проведении системных реформ в стране и неудачи во внешней интеграционной политике обозначилось стремление к разрыву с прежним курсом и репрезентации имперской модели развития. В 2012 г. завершился «национально-патриотический поворот» в политической риторике высшей государственной элиты. По разным причинам (внутренним и внешним) в очередной раз (как в конце XIX в. в период контрреформ) преобразовательный вектор движения сменился на политику культивирования традиционных ценностей в качестве опоры стратегического национального «инжиниринга» в разрыве с современным западным опытом. С этого периода концептуальные параллели с программой раннего русского либерализма середины XIX в. окончательно потеряли актуальность. Возможно по прошествии некоторого времени Россия снова окажется перед необходимостью решать вопросы исторического транзита, совершая при этом привычную ревизию собственной интеллектуальной истории.

ДОКУМЕНТЫ

- Медведев Д. А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 5 ноября 2008 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/1968>
Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 548. Кавелин. Карт. 2. Ед. хр. 37. Л. 16.
- Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 8 июля 2000 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2000/07/28782.shtml>
- Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 16 мая 2003 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/05/44623.shtml>
- Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 25 апреля 2005 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2005/04/87049.shtml>
- Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 12 декабря 2012 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/17118>
- Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 12 декабря 2013 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19825>
- Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 4 декабря 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47173>

БИБЛИОГРАФИЯ REFERENCES

- Бабст И. К. Избранные труды. М.: Наука. 1999. 301 с.
- Бабст И. К. Три месяца за границей. Письмо пятое // Атеней. 1859. № 4. С. 455–477.
- Бабст И. К. Три месяца за границей. Письмо шестое // Атеней. 1859. № 8. С. 565–601.
- Кавелин К. Д. Сочинения. М.: К. Солдатенков и Н. Щепкин. 1859. Ч. 2. 614 с.
- Кавелин К. Д. Собрание сочинений. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича. 1898. Т. 2. 1258 с.
- Малинова О. Ю. Историческая политика в XXI веке // Сб. статей / Науч. ред. А. Миллер, М. Липман. М.: Новое литературное обозрение. 2012. 646 с.

- Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: Политическая энциклопедия. 2015. 207 с.
- Чичерин Б.Н. Очерки Англии и Франции. М.: В типографии Эрнста Барфкнехта и комп. 1858. 356 с.
- Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов М.: тип. Грачева и комп. 1862. 265 с.
- Чичерин Б.Н. О народном представительстве. М.: Тип. тов-ва И.Д. Сытина. 1899. 810 с.
- Poole R.A. Nineteenth-Century Russian Liberalism: Ideals and Realities // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2015. 16, 1. P. 157–181.

REFERENCES

- Babst I.K. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. М.: Nauka.1999.
- Babst I.K. Tri mesyatsa za granitsej. Pis'mo pyatoe [Three Months Abroad. The Fifth Letter] // *Atenei*. 1859. № 4. P. 455–477.
- Babst I.K. Tri mesyatsa za granitsej. Pis'mo shestoe [Three Months Abroad. The Sixth Letter] // *Atenei*. 1859. № 8. P. 565–601.
- Kavelin K.D. *Sochineniya* [Compositions]. М.: К. Soldatenkov i N. Shepkin. 1859. Ch. 2.
- Kavelin K.D. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha. 1898. T. 2.
- Malinova O.YU. *Istoricheskaya politika v XXI veke* [Historical Politics in the XXI Century] // *Sb. Statei / Nauch. Red. A. Miller, M. Lipman. M.: Novoe Literaturnoe Obozrenie*. 2012.
- Malinova O.YU. *Aktual'noe proshloe: simvolicheskaya politika vlastvyushei elity i dilemmy rossiiskoi identichnosti* [Actual Past: The Symbolic Policy of the Ruling Elite and the Dilemma of Russian Identity]. М.: Politicheskaya entsiklopediya. 2015.
- Chicherin B.N. *Ocherki Anglii i Frantsii* [Essays of England and France]. М.: V tipografii Ernsta Barfknekhta i komp. 1858.
- Chicherin B.N. *Neskol'ko sovremennykh voprosov* [Several Modern Questions]. М.: V tipografii Gracheva i komp. 1862.
- Chicherin B.N. *O narodnom predstavitel'stve* [About the People's Representation]. М.: Tipografiya tovarishestva I.D. Sytina. 1899.
- Poole R.A. Nineteenth-Century Russian Liberalism: Ideals and Realities // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2015. 16, 1. P. 157–181.

Шнейдер Константин Ильич, доктор исторических наук, профессор кафедры древней и новой истории России Пермского государственного национального исследовательского университета; kshneyder@yahoo.com

Early Russian Liberalism of the mid-19th c. and official political discourse of contemporary Russia

The article is devoted to a comparative study of the intellectual phenomenon of early Russian liberalism of the mid-19th c. and the current political rhetoric of the presidential messages of 2000-2015. The author defends the hypothesis of actualizing the ideological heritage of domestic liberalism in the context of the transitional period of development that Russia is currently experiencing. Despite the time gap of more than a hundred years, such axiological dominants of the early liberal concept as the search for the optimal way of combining liberal reforms and a strong state, the centralization of power, opposition to any revolutionary practices, Europeanism, the coexistence of traditional and modern forms of residence, the inviolability of private property, economic freedom received a certain political response in the texts of presidential speeches, especially in 2000-2011. Similar comparative research experiments contribute to the construction of new academic spaces, within which there is an opportunity to revise the existing versions of Russian intellectual history.

Keywords: intellectual history of Russia, early Russian liberalism, freedom, property, personality, Europeanization

Konstantin Shneider, Dr. Sc. (History), Associate Professor, Department of Ancient and Modern History of Russia, Perm State University; kshneyder@yahoo.com

Л. В. СОКОЛЬСКАЯ, А. С. ВАЛЕНТОНИС

ПОНЯТИЕ «АККУЛЬТУРАЦИЯ» В ИСТОРИИ НАУЧНОГО ДИСКУРСА XIX–XXI ВВ.

Изучение понятия «аккультурация» продолжает оставаться актуальным на протяжении длительного времени. В статье предпринимается экскурс в историю становления самого понятия «аккультурация» и прослеживается генезис данной в зарубежной и отечественной научной мысли. Исследуя историю понятия аккультурация авторы статьи формулируют вывод о том, что его содержание по мере развития научной мысли наполняется новым смыслом, обретает новые черты и особенности. Аккультурация сегодня трактуется как форма межкультурной коммуникации различных сообществ (или индивидов), при которой взаимодействующие культуры воспринимают свойства друг друга, в результате чего формируется их некая «одинаковость» и возникает целостность, обладающая качественно новыми характеристиками.

Ключевые слова: культура, аккультурация, межкультурные коммуникации, взаимодействие культур, диалог культур, интеграция, глобализация

Сегодня в различных областях гуманитарного знания все активнее развиваются исследования по истории понятий. Как направление науки история понятий сформировалась в конце прошлого века и в настоящее время имеет уже достаточно обширную историографию¹. Эволюция содержания понятий неразрывно связана со структурами языка, с опытом их употребления и даже с ориентацией «на горизонт ожиданий» сообщества². Для того чтобы иметь представление об аккультурации как одной из форм межкультурной коммуникации³, необходимо обратиться к истории становления и развития данного понятия, уяснить, как и почему изменялось его содержание в разное время, какое место оно занимало в научных, а сегодня уже и в политических дискурсах.

Термин «аккультурация» впервые был предложен в 1880 г. американским этнологом Дж. Пауэллом, который так обозначил культурное сходство, возникающее при культурных контактах различных этнических групп⁴. Американский этнограф Ф. Боас и австрийский ученый Р. Турнвальд первыми попытались теоретически обосновать данный феномен⁵. Для этнолога Е. Парсонс, изучавшей то, что индейская куль-

¹ История понятий, история дискурса, история метафор 2010.

² Копосов 1998.

³ Термины *контакт* и *коммуникация* не являются синонимами, но термины *межкультурное взаимодействие* и *межкультурная коммуникация* выступают как синонимы. *Межкультурная коммуникация* – это форма социального взаимодействия между людьми, принадлежащими к разным культурам. См.: Hall 1959; Тен 2007.

⁴ Марков 1979. С. 163.

⁵ Boas 1920. P. 311-322; 1895; Thurnwald 1932. P. 557–569.

тура переняла от испанской культуры, аккультурация означала случаи синкретизации и очевидного заимствования⁶. В целом «историческая школа Боаса» ориентировалась на реконструирование туземных культур и фактически оказалась несостоятельной перед лицом проблем индейских резерваций в 1930-х гг. Разразившийся в США экономический кризис привел к необходимости пересмотра традиционных ценностей, убеждений и представлений в культурах американских индейцев. Поэтому Р. Турнвальд предложил трактовать аккультурацию как процесс адаптации к новым условиям жизни, который имеет различные стадии. Он утверждал, что «облик общества определяют люди, его составляющие, но не их расовые (наследственные) особенности, не средства, а взаимодействия людей»⁷. Ученый акцентировал внимание на психологических аспектах аккультурации. Этнопсихологический подход развивал также Р. Билз при изучении межкультурных коммуникаций народов развивающихся стран, понимая под аккультурацией целый комплекс процессов, происходящих при заимствовании или отторжении новых культурных элементов и реорганизации старой культуры. Порой он не разграничивал аккультурацию и диффузию, так как полагал, что оба эти понятия представляют культурные изменения, происходящие в результате передачи культуры из одной группы в другую⁸. Таким образом, этнографические экспедиции рубежа XIX–XX вв. способствовали повышению интереса к анализу понятия аккультурации. Соприкосновение с бытом и культурой других народов позволило американским этнологам выявить глубинные и поверхностные характеристики межкультурных коммуникаций, появились исследования, в которых вскрывались причины многих проблем, вызванных взаимодействием этнических культур в колониальную эпоху. Полученные результаты представляли практическую ценность для колониальной и национальной политики.

Накопившийся в полевых условиях материал позволил Р. Редфилду, Р. Линтону и М. Херсковичу в «Меморандуме для изучения аккультурации» сформулировать определение аккультурации, которое легло в основу многих последующих формулировок. Ими была также разработана типовая модель ее исследования. Под аккультурацией они понимали «совокупность явлений, возникающих вследствие того, что группы индивидов, обладающие разными культурами, входят в перманентный непосредственный контакт, вследствие чего изменяются первоначальные культурные модели одной или обеих групп»⁹. Изначальная культурная модель группы-реципиента, по мнению этнологов, претерпевает

⁶ Parsons 1933. P. 611-631.

⁷ Цит. по: Клейн 2005. С. 165.

⁸ Beals 1932. P. 28-39.

⁹ Redfield 1936. P. 150.

изменения под влиянием культуры группы-донора. Реципиент по-разному реагирует на социокультурный контакт. Он может полностью принять культуру донора, отказавшись от своей первоначальной культурной модели (принятие). Может частично изменить свою культуру, сохранив ее традиции и обычаи (адаптация). Или полностью отторгнуть культурную модель донора, сохранив свою исконную модель без изменений (негативная реакция). В результате межкультурного взаимодействия могут появляться принципиально новые культурные модели. Например, М. Херсковиц¹⁰ отмечал появление новых синкретических религиозных культов у негритянского населения Нового Света.

Подобная трактовка понятия аккультурации не задавала абсолютно четких рамок и требовала осуществления дальнейших научных разработок. В 1940 г. в работе Р. Линтона были исследованы два типа аккультурации: свободное заимствование контактирующими культурами элементов друг друга, протекающее при отсутствии военно-политического господства одной группы над другой; и направляемое культурное изменение, при котором доминирующая в военном или политическом отношении группа проводит политику насильственной культурной ассимиляции подчиненной группы¹¹. Как видим Р. Линтон, уже различал такие виды аккультурации как добровольную и принудительную.

Данная идея была подхвачена в 1948 г. американским антропологом А. Крёбером, который предположил, что процесс аккультурации является постепенным, взаимным и завершается культурным поглощением одного народа другим, особенно если культурное воздействие сопровождается экономическим или политическим давлением. По мнению ученого, механизмом аккультурации выступает диффузия – стихийное взаимопроникновение культур двух этносов. И именно диффузия отвечает на вопрос, что стало с первоначальными элементами, а аккультурация – какому процессу подверглась культура в целом¹². Однако диффузионистская модель культуры была вскоре отвергнута. Так, антрополог О. Маннони писал: «Было бы очевидным упрощением думать о двух культурах, как о двух сосудах, наполненных в неравной мере, и полагать, что если они будут сообщаться, то их содержимое придет к одному уровню. Мы были удивлены, открыв, что какие-то элементы нашей цивилизации туземное население колоний воспринимало более или менее легко, а другие решительно отвергало. Обобщая, можно сказать, что население колоний приняло определенные детали нашей цивилизации, но отвергло ее как целое»¹³.

¹⁰ Herskovits 1937. Свои основные теоретические положения по проблеме аккультурации он изложил в книге: Herskovits 1938.

¹¹ Linton 1940.

¹² Kroeber 1948. P. 425.

¹³ Mannoni 1950. P. 22-23.

На основании вышеизложенного можно сформулировать вывод о том, что до 1950-х гг. изучение аккультурации осуществлялось в связи с исследованием процессов изменения в традиционных культурах североамериканских индейцев и афроамериканцев. Итогом этих изысканий стал второй Меморандум по изучению аккультурации (1954), в котором определение аккультурации было скорректировано: под ней понимались изменения, происходящие при контакте двух или более автономных культурных систем. Были выведены многосторонняя, двухсторонняя и односторонняя модели аккультурации. Далее оговаривалось, что непосредственный контакт не обязателен, воздействие может быть осуществлено и опосредованно. Да и сам контакт может быть не продолжительным и необязательно групповым.

В 1930-х гг. в связи с исследованием проблем личности на рубеже культур Р. Парк, Р. Бенедикт, М. Мид, Э. Стоунквист приступают к изучению аккультурации личности, под которой они понимают изменение культурных паттернов индивида, вызванное контактом с другой культурой. Так, Парк в предисловии к книге Стоунквиста «Маргинальный человек: исследование о личности и конфликте культур» писал: «Личность на рубеже культур... предназначена судьбой для жизни в двух обществах и в двух не просто различных, но антагонистических культурах».¹⁴ Свой тезис он обосновывал тем, что поскольку основным носителем культуры является личность, то и контакты между людьми становятся первопричиной культурных изменений. В более поздних работах М. Херсковиц, придавая огромное значение этноисторическому аспекту изучения групповой аккультурации, всё-таки признавал, что культура является лишь серией шаблонных реакций, которые характеризуют поведение индивидуумов, составляющих данную группу¹⁵. Т. Грейвс также предлагал разграничивать аккультурацию в коллективном (изменение культуры социума) и в индивидуальном аспекте (сопровождается изменением психологии человека, трансформацией ценностных ориентаций, поведенческих моделей, социальных установлений индивида и т.д.).¹⁶ Трансформация в толковании понятия аккультурации была вызвана распространением психоаналитической концепции культуры, что способствовало изучению аккультурации с точки зрения психоаналитического подхода, в первую очередь, индивидуалистических тенденций в развитии культуры. Появляются новые представления об аккультурации, в результате которой, происходили изменения ценностных ориентаций, ролевого поведения, социальных установок личности.¹⁷

¹⁴ Stonequist 1937. P. 4.

¹⁵ Herskovits 1952.

¹⁶ Graves 1967.

¹⁷ Acculturation: An exploratory formulation. 1954.

Таким образом можно констатировать: если культура является объектом воздействия при аккультурации, то трактовка самого этого понятия зависит от того, что исследователь понимает под культурой. Само понятие «культура» характеризуется многозначностью и неопределенностью, поэтому по методологическим основаниям принято различать философскую, антропологическую, социологическую и символическую школы, каждая из которых внесла что-то новое в познание культуры и общественных процессов. Авторы статьи не ставят перед собой цель подробно проанализировать имеющиеся подходы к изучению культуры. Отметим, что в рамках только одной философской школы существует множество концепций (антропологическая, аксиологическая, символическая, синергетическая, психоаналитическая и др.), которые являются в определенный период значимыми для исследователей. Так, распространение психоаналитической концепции культуры, привело к пониманию аккультурации с позиций не только этноисторического, но и этнопсихологического подхода. Более подробный научно-теоретический анализ соотношения понятий «культура» и «аккультурация» может стать предметом последующих изысканий.

В 1950–1960-х гг. произошло расширение исследовательской базы. Появляются работы, посвященные взаимодействию различных социокультурных систем. Например, влияние японской, китайской, испанской культур на культуру других социумов¹⁸. Все больше внимания уделялось обратному влиянию культуры социума-реципиента на культуру социума-донора. Термин «аккультурация» не только стал чаще употребляться в научных дискуссиях, но и появился в заглавиях целого ряда сочинений¹⁹, входит в научный оборот социологов, культурологов, этнопсихологов, лингвистов. В 1955 г. публикуется тематический сборник, который так и называется «Аккультурация», в нем опубликован обзор 39 книг и 55 научных статей, посвященных данной проблеме. Аккультурацию стали отличать от таких форм культурного обмена как диффузия, ассимиляция, энкультурация и др. Однако, несмотря на многочисленные исследования того периода, Р. Билз вынужден был констатировать, что все сформулированные «...определения термина “аккультурация” и его употребление разнообразны и неудовлетворительны»²⁰.

Европейские исследователи приступили к изучению данного феномена в середине XX в. в связи с процессом распада колониальных систем Франции, Великобритании, Испании. Бывшие колонии становились суверенными государствами и старались подчеркнуть свою незави-

¹⁸ См.: Foster 1960.

¹⁹ Напр.: Херскович 1938; Линтон 1940; Джонсон 1943; Ли 1943; Халлоуэл 1945; 1949; Билз 1951 и др.

²⁰ Билз 1997.

симось от культуры метрополий. В 1960–1970-х гг. аккультурация становится предметом исследования немецких ученых. В. Рудольф осветил проблемы влияния европейской культуры на страны третьего мира и подчеркивал, что аккультурация всегда связана с определенными трудностями взаимопонимания этносов, участвующих в культурных контактах²¹. А. В. Мюльманн предложил концепцию соподчинения этносов в процессе аккультурации: культура менее многочисленного этноса поглощается культурой более развитого и крупного социума²².

В тот же период появляется научная школа изучения аккультурации в Мексике. Интерес к таким исследованиям был вызван политическими мотивами, так как проблема межкультурного взаимодействия индейского и мексиканского населения в XX в. рассматривалась на государственном уровне: нужны были практические рекомендации по предотвращению межнациональных конфликтов. Известный мексиканский этнолог Г. Агирре-Бельтран (директор Национального института по делам индейского населения в конце 1970-х гг.), исследуя в своем труде «Процесс аккультурации» проблему межкультурных коммуникаций (влияние одной культуры на другую, происходящее при соприкосновении разных этнических общностей с различными культурами как непосредственно, так и через различные каналы информации), предложил изучать следующие виды аккультурации: добровольные и насильственные, групповые и индивидуальные, прошлые и настоящие, непрерывные и эпизодические, побуждаемые и стихийные²³. Данную идею поддержал основатель французской школы юридической антропологии Н. Рулан. Изучая взаимодействие традиционных правовых систем Африки с европейскими национальными правовыми системами, он пришел к выводу, что в условиях колонизации складываются разные виды аккультурации: принудительная, идеологическая и ассимиляция²⁴. Таким образом, развитие исторического знания, этнографии, культурной антропологии, археологии расширило представление об аккультурации как формы межкультурного взаимодействия.

Советская наука также внесла свой вклад в изучение понятия аккультурации. Исследуя процессы культурного обмена, культурной и этнической ассимиляции и консолидации советские ученые обратились к работам зарубежных этнологов. В СССР выходят сразу несколько монографий, в которых анализируются концепции американских, британских и западногерманских исследователей. Так, В.М. Вахта подчеркивал, что аккультурация – это процесс непосредственного контакта представите-

²¹ Rudolf 1968.

²² Mühlmann 1964.

²³ Хорошаева 1963. С. 234-236.

²⁴ Рулан 2000.

лей двух различных по культуре этносов. Степень изменений во взаимодействующих культурах зависит от демографических, географических, экономических, исторических, политических, психологических и других факторов²⁵. В конце 1970-х гг. С.А. Токарев, анализируя концепции американских этнологов, уточняет их определения аккультурации и понимает под ней «процесс изменения культуры одного народа под воздействием культуры другого, обычно соседнего»²⁶. По его мнению, это взаимный процесс, так как оба соседних народа оказывают влияние друг на друга, что-то заимствуют, что-то теряют или изменяют свой культурный багаж. С.А. Арутюнов полагал, что аккультурация – лишь первый этап интеграционных процессов, происходящих в обществе, а заключительной стадией интеграции выступает культурная ассимиляция, т.е. полная или практически полная утрата исконной культуры социумом-реципиентом и столь же полное усвоение культуры социума-донора²⁷. Можно согласиться с подобной точкой зрения, если исследовать аккультурацию, ассимиляцию, интеграцию, экспансию, конвергенцию и т.д. как различные формы межкультурной коммуникации. В целом положительно оценивая вклад советских ученых в изучение аккультурации, приходится констатировать, что специальных исследований по аккультурации в те времена не осуществлялось, так как в СССР отрицалась сама идея возможности заимствования иностранных институтов. Кроме академического интереса в них не было практической потребности.

Из вышеизложенного можно сделать вывод, что в начале и середине XX в. этнографы, антропологи и культурологи рассматривали аккультурацию как результат длительного контакта различных культур, выразившийся в изменении исходных культурных моделей у контактируемых групп. Считалось, что эти процессы происходят автоматически, при этом исконные культуры смешиваются, и достигается состояние культурной и этнической однородности. Разумеется, реально менее развитая культура изменяется намного больше, чем развитая. Результат аккультурации ставился в зависимость от относительного веса (количества участников) взаимодействующих групп. Именно в рамках этих теорий возникла концепция Соединенных Штатов Америки как плавильного котла культур, согласно которой культуры народов, приезжающих в США, смешиваются в этом котле и в результате образуется новая однородная американская культура. Нечто подобное можно было наблюдать и в СССР, где в результате длительного культурного обмена и советской системы образования появилась культурно-историческая общность людей – советский народ. По этому поводу было написано

²⁵ Вахта 1963. С. 188.

²⁶ Токарев 1978. С. 16.

²⁷ Арутюнов 1978. С. 3.

достаточное количество псевдонаучных работ советского периода, доказывающих, что за годы советской власти более 120 этносов, проживающих на территории СССР, аккумулировались в единый советский народ – носитель советской культуры. Но история доказала обратное: после падения советского политического режима перестала существовать и псевдо-этнокультурная система.

Новый импульс исследования по аккультурации получили в конце XX в. в связи с процессами глобальной экономической, политической и культурной интеграции, расширения культурных контактов и их последствий, обострения межкультурных конфликтов между мигрантами и коренным населением. Причем, если раньше под аккультурацией понимали культурные коммуникации, возникающие между высокоразвитой западной культурой и примитивной культурой развивающихся народов, то с середины 1990-х постепенно происходит пересмотр традиционного подхода, и все больше ученых склоняются к мысли, что аккультурация – это прежде всего взаимодействие двух и более «равных», прежде автономных культур или субкультур²⁸. Данная трактовка понятия аккультурации появляется в объединенной Германии, где представители немецкой научной школы столкнулись с проблемой взаимодействия между различными сообществами, взгляды и ценности которых были сформированы в противоположных политических системах – советской и западноевропейской. «... Два поколения немцев, воспитанных в разных социокультурных средах, имея весьма незначительные возможности общения между собой, после объединения Германии были вынуждены столкнуться с проблемами аккультурации»²⁹.

Подобные политические процессы сегодня можно наблюдать в разных регионах мира, например, на постсоветском пространстве, когда после падения «железного занавеса» резко возросло количество межкультурных коммуникаций граждан бывшего советского государства с западноевропейским населением. В современной России повышенный интерес к миграционным исследованиям, в т.ч. и аккультурационным, вызван резким ростом числа мигрантов из стран ближнего зарубежья и углублением культурных контактов.

Проблемы межкультурного взаимодействия стали в России предметом изучения практически всех общественных наук. К изучению аккультурации проявили интерес антропологи, этнографы и этнологи (Ю.В. Бромлей, С.А. Арутюнов), психологи (Н.М. Лебедева, Т.Г. Стефаненко, В.С. Агеев, В.В. Кочетков), культурологи (И.Я. Левяш, Е.Л. Сытых), философы (М.Г. Антонова, Е.И. Ефремова, И.М. Ильинский, И.А. Мальковская, В.И. Пантин, Б.М. Сужикова, М.В. Тлостанова,

²⁸ Sie wollen uns nicht mehr 1991. S. 23.

²⁹ Ушанова 2001. С. 4-5.

И.В. Татаренко, И.А. Ушанова, Р.Д. Ушканова, В. Хлыщева), лингвисты (Л.И. Гришаева, О.А. Леотович, Е.А.Осьминина, А.В. Павловская), педагоги (М.А. Абрамова, Т.В. Бахуташвили, Н.С. Гончарова), историки (О.Н. Корочкова, Н.Л. Щурик), политологи (А.В. Дмитриев, В.В. Латынов, А.Н. Савельев, Н.К. Радина), социологи (Ю.В. Арутюнян, К.Д. Гарибян, И.А. Кузьмин), экономисты (В.Н. Лексин), правоведы (А.Е. Абрамов, А.Г. Гузнов, В.Н. Карташев, И.А. Кузьмин, С.А. Софронова, В.Л. Перунова, Е.А. Тверякова, О.Д. Третьякова, В.И. Фатхи). Несмотря на несовпадение точек зрения авторов по отдельным вопросам, можно констатировать: термин «аккультурация» применяется для обозначения процесса и результата взаимного культурного влияния различных социумов и личностей, при котором все или часть представителей (личность) одной культуры (реципиенты) перенимают нормы, ценности и традиции другой культуры (донора).

При изучении аккультурации отечественные исследователи сталкиваются с рядом проблем. В работах русскоязычных ученых наличествует путаница из-за слабой научно-теоретической разработки понятия «аккультурация», специфики применения понятий одного семантического поля (аккультурация, инкультурация, энкультурация и др.) или авторских неологизмов. Под аккультурацией иногда понимают отличные от нее явления или процессы. Например, канадский психолог Дж.В. Бери³⁰, изучая гипотетическую итальянскую семью в канадском обществе, и российский историк В.Г. Соболев³¹, исследуя проблему появления и деятельности мусульманских общин на территории Западной Европы, выделяют четыре модели аккультурации: ассимиляцию, сепарацию, маргинализацию и интеграцию. Трудно согласиться с авторами, что сепарация (культуры сосуществуют обособленно друг от друга, не вступая в контакт, или личность отрицает чужую культуру, сохраняя идентификацию со своей культурой) и маргинализация (отказ от двух культур приводит к поиску некоей третьей или потеря личностью идентичности с собственной культурой и отсутствие идентификации с культурой большинства) выступают как модели аккультурации.

Рассматривая проблему толерантности в аспекте межкультурного взаимодействия, Н.В. Янкина справедливо подчеркивает, что при аккультурации важно сохранить свою культурную идентичность и включиться в чужую культуру³². Но при рассмотрении основных «стратегий аккультурации», автор допускает, на наш взгляд, существенную ошибку, включая, наряду с ассимиляцией и интеграцией, еще и сепарацию и маргинализацию. Причем сама же себе и противоречит. Под сепарацией

³⁰ Бери 2004.

³¹ Соболев 2003.

³² Янкина 2006. С. 84.

она понимает отрицание чужой культуры при сохранении идентификации со своей культурой, иными словами – это изоляция от доминантной культуры. А маргинализацию трактует, с одной стороны, как потерю идентичности с собственной культурой, с другой, – отсутствие идентификации с культурой большинства. В обоих случаях отрицается контакт, процесс «взаимного влияния» культур, т.е. отсутствует один из существенных признаков аккультурации – взаимодействие. Столь же трудно согласиться с мнением автора, что такой феномен как аккомодация (приспособление людей к жизни в новой культурной среде или прилаживание этой среды к ним для взаимного сосуществования и взаимодействия) является результатом процесса аккультурации. Этот термин заимствован из биологических наук и используется в психологии и социологии как достижение психологической удовлетворенности в рамках новой культуры. В теоретико-правовых, историко-правовых исследованиях целесообразно, по нашему мнению, применять устоявшийся термин – «адаптация» (усвоение элементов культуры-донора).

Еще одна проблема толкования понятия «аккультурация» связана с семантическим полем. В английском языке есть несколько терминов, которые переводятся на русский язык как «инкультурация»: *acculturation* и *enculturation*. Мы согласны с О.А. Янтуш, которая полагает, что эти понятия целесообразно различать. В частности, она подчеркивает, что инкультурация – это постоянный процесс развития и саморазвития личности как субъекта культуры, а аккультурация – конвенциональное признание и использование индивидом (группой) норм и традиций определенной культуры³³. Также необходимо различать понятия «рецепция» и «аккультурация». Трудно согласиться с С.В. Ткаченко в том, что понятие «аккультурация» применяется в теории права как синоним рецепции права³⁴. Среди аргументов против данного положения можно назвать самый главный признак аккультурации – ее синхронность. В отличие от рецепции, которая может быть диахронной (взаимодействие между культурами прошлого и настоящего, например, рецепция римского права в средневековой Европе), правовая аккультурация может осуществляться только между правовыми культурами, существующими в одном временном континууме. Как видим речь идет не об аккультурации вообще, а об одном из ее видов – правовой аккультурации. Термин «рецепция» применяется только в теории права, а понятие аккультурация как вытекает из вышеизложенных положений употребляется во многих общественных науках, в том числе и юридических.

Отсюда следует обязывающий вывод, что сам термин «аккультурация» – условный, содержательно нейтрален. В этом одновременно его

³³ Янтуш 2014. С. 174-175.

³⁴ Ткаченко 2018. С. 38.

достоинство и недостаток. Достоинство в том, что он нейтрален по содержанию и позволяет обозначить предмет исследования в форме, одинаково приемлемой для представителей разных общественных наук. Недостаток в том, что в нем не в полной мере отражается достигнутый уровень знания исследуемого предмета в конкретный исторический период. Поэтому при употреблении данного условного термина целесообразно применять уточняющий содержательный термин, научные достоинства которого имели бы временную, пространственную или историко-культурную характеристику. Сегодня исследователи изучают лингвистическую аккультурацию (И.А. Ушанова)³⁵, правовую аккультурацию (Н. Рулан, Л.В. Сокольская)³⁶, религиозную аккультурацию (В.Г. Соболев)³⁷, этническую аккультурацию (Н.А. Авдеева, Н.И. Болотина)³⁸, онлайн-аккультурацию (Ю.А. Косик)³⁹, психологическую аккультурацию (Т.Д. Грейвс, С. Бохнер)⁴⁰, политическую аккультурацию (Дж. Берри)⁴¹ и др. Таким образом можно констатировать, что современные исследователи применяют понятие аккультурация с уточняющими определениями, тем самым подчеркивая, какие культуры вступают во взаимодействие: правовые, этнические, религиозные, политические и др.

Третья проблема заключается в том, что в большинстве случаев современные аккультурационные исследования обусловлены не столько развитием научных направлений или школ, а практическими потребностями общества. Миграционный бум привел к изменениям в общественно-политической жизни многих европейских государств (в т.ч. и России). Поэтому в начале XXI в. в пространстве публичного дискурса, наряду с обозначенными ранее смысловыми акцентами понятия аккультурации, появляются и новые коннотации, связанные с политизацией миграционных процессов. Конечно, политика всегда напрямую или опосредованно оказывала влияние на аккультурацию разных народов. Политические элиты сегодня ищут ответы на многие вопросы, в частности: что влияет на развитие аккультурационного стресса среди современных мигрантов и вынужденных переселенцев. Дж. Берри считает, что, хотя основная причина стресса заключается в величине дистанции между контактирующими культурами, однако политика принимающей стороны также оказывает влияние на психологическое состояние вновь прибывших⁴².

³⁵ Ушанова 2003.

³⁶ Рулан 2000; Сокольская, Сокольский 2014.

³⁷ Соболев 2003.

³⁸ Авдеева, Болотина 2016.

³⁹ Косик 2015.

⁴⁰ Graves 1967; Bochner 1982.

⁴¹ Berry 2008.

⁴² Бери 2004.

В связи с процессами глобальной интеграции понятие аккультурации выходит за этно-национальные рамки и рассматривается как объективная реальность «планетарного масштаба». В работах Р. Сильберейсена и Е. Шмитт-Родермунд⁴³ исследуется аккультурация, обусловленная переменами, в этническом составе не только Германии, но и всей Европы. Современное европейское сообщество столкнулось с проблемой конкуренции культур, причем доля восточной культуры значительно увеличивается, из-за стремительного роста численности мигрантов. Высокая степень их приспособляемости к европейскому образу жизни, при сохранении приверженности к своей культуре, противостоит разочарованности европейцев в традиционных христианских ценностях и идеях постмодернизма, политики мультикультурализма и т.д. В настоящее время молодые люди европейского происхождения часто находятся в поиске новых форм и идей вплоть до увлечения радикальным исламом. Таким образом, изменения этнического состава европейских государств неизбежно влекут за собой не только изменение внешнего облика нации, но и перемены в культурном плане. Будущее Европы и России во многом зависит от того, как сегодня разрешатся культурные несовпадения между коренными жителями и новыми мигрантами. Только взаимодействие культур равных социумов-партнеров прекратит споры и конфликты, разногласия между народами. Важно помнить, что культура каждой страны, каждого народа, большого или маленького, представляет собой огромную ценность, и терять ее, подвергать забвению означает наносить вред всему человечеству⁴⁴. Особенно данные положения актуальны в условиях глобальной интеграции.

В последнее время все чаще появляются работы по теории аккультурации в эпоху глобализации⁴⁵. Слабой стороной большинства таких исследований является, по мнению С.Н. Артановского, «стремление отгородиться от широкой картины исторического развития человечества»⁴⁶. Межкультурные коммуникации в условиях глобализации учащаются, их скорость возрастает. Поэтому большую практическую значимость приобретут исследования по аккультурации, в которых будет рассматриваться аксиологический аспект в глобальном масштабе. Мы становимся свидетелями того, как этно-национальный контекст понятия аккультурации постепенно трансформируется в более масштабный контекст взаимодействия суперсистем (суперкультурные системы – термин П. Сорокина). Все чаще объектами исследования становятся не этнические или национальные культуры, а целые культурные системы, напри-

⁴³ Schmitt-Rodermund, E., Silbereisen 1999.

⁴⁴ Авдеева, Болотина 2016. С. 258.

⁴⁵ Ушанова 2003; Петручак 2011.

⁴⁶ Артановский 1994.

мер, западная (индивидуалистская) и восточная (коллективистская). Эти культуры отличаются по своим ценностным установкам (отношение к собственной истории, литературе, традициям и обычаям). «Представители восточных, среднеазиатских, арабских стран (стран с наибольшим оттоком населения) гораздо выше ценят, чтут и оберегают собственную культуру, чем представители стран западной Европы (стран с наибольшим числом мигрантов). Выходцы с Востока очень религиозны, даже при условии их проживания в одной из европейских стран. Крайне трудным представляется встретить араба-атеиста даже в наши дни»⁴⁷.

Аксиологический аспект имеет принципиальное значение и при изучении изменений, вызванных в суперкультурных системах аккультурационными процессами. Сегодня необходим анализ ценностных оснований (архетипов) каждой суперсистемы. Именно изменения в ценностном ядре культуры становятся причиной наиболее значимых преобразований в мировоззрении людей. По мнению Г.П. Выжлецова⁴⁸, от изменений базовых ценностных установок зависит, по какому пути пойдет аккультурация, какие новые элементы культуры будут приняты, а какие отторгнуты обществом или личностью. Применение аксиологического подхода в изучении аккультурационных изменений позволяет, с нашей точки зрения, уточнить содержание самого понятия аккультурации, значительно раздвинуть рамки теории аккультурации, выявить возможности её дальнейшего развития.

В заключение необходимо сформулировать ряд положений:

1. Понятие аккультурация имеет междисциплинарный характер. Множество определений аккультурации, носящих научный или дескриптивный характер, вносят свой посильный вклад в развитие теории аккультурации: либо в виде подтверждения ранее высказанных гипотез, либо в виде новых теоретических и практических разработок.

2. Практически во всех научных школах и направлениях аккультурация и понимание специфики той реальности, которая описывается данным понятием, непосредственно определяются либо через культуру, либо через ее отдельные черты или виды. В данном контексте возможны различные модификации и подходы, однако в любом случае аккультурация – это взаимодействие двух и более субъектов (групп и личностей) различных культур, которое приводит к культурным, психологическим, социальным, политическим и другим изменениям в одной из взаимодействующих сторон⁴⁹.

3. Важными характеристиками аккультурации сегодня признаются ее длительность, протяженность во времени, полисубъектность и их

⁴⁷ Авдеева, Болотина 2016.

⁴⁸ Выжлецов 1996.

⁴⁹ Косик 2015.

равноправие, наличие результата взаимодействия культур и др. Субъектами аккультурации выступают макро- и микро-социумы и отдельные личности. Но если ранее аккультурация изучалась только как субъект-объектные отношения (в контакт вступали социум-донор и социум-реципиент), то современные формы правовой аккультурации предполагают диалог (субъект-субъектные отношения) и возможны только между равными участниками культурного обмена, между культурами социумов-партнеров.

4. Сегодня наблюдается выход исследования за этно-национальные рамки взаимодействия культур, эпоха глобализации раздвигает границы изучения аккультурации в «планетарном масштабе».

5. Аккультурация как научно-теоретическая категория выходит за рамки академического научного дискурса и все чаще употребляется и учитывается в политических дебатах. Аккультурация становится действительностью, которую необходимо учитывать при принятии многих политических решений. Ведь нынешнее социальное пространство представляет собой «мир миров», где каждая составляющая имеет свою собственную культурную, этническую, религиозную, политическую специфику, поэтому анализ любой конкретной формы или модели аккультурации предполагает в дальнейшем специальное исследование.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Acculturation in seven American Indian tribes, ed. R. Linton, N.Y.-L., 1940.
Acculturation: An exploratory formulation. N.Y., 1954.
Beals R.L. Aboriginal Survivals in Mayo Culture // *American Anthropologist*. V. XXXIV. 1932. P. 28-39.
Berry J.W. Wiley Online Library. 2008 // URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1464-0597.1997.tb01087.x/pdf>
Boas F. *Indianische Sagen von der Nord-Pacifischen Kuste Americas*. Berlin, 1895.
Boas F. *The Methods of Ethnology* // *American Anthropologist*. 1920. N.S. Vol. 22. P. 311-322.
Bochner, S. *The social psychology of cross-cultural relations* / S. Bochner // *Cultures in contact: Studies in crosscultural interaction* / Oxford: Pergamon. 1982. P. 5-44.
Foster G.M. *Culture and Conquest. America's Spanish Heritage*. NY., 1960.
Graves T. *Psychological acculturation in a tri-ethnic community* // *South-Western Journal of Anthropology*, 1967. № 23.
Graves, T. D. *Psychological acculturation in a triethnic community* / T. D. Graves // *South-western Journal of Anthropology*, 23. 1967. P. 337-350.
Hall E.T. *The silent language*. N.-Y.: Anchor press, 1959.
Herskovits J.M. *Acculturation: the study of culture contact*. N.Y., 1938.
Herskovits M.J. *African Gods and Catholic Saints in New World Negro Belief* // *American Anthropologist*. New Series. Menasha, 1937. Vol. 39. № 4.
Herskovits M.J. *Introduction* // *Acculturation in the Americas*. Ed. by Sol Tax. Chicago: The University of Chicago Press, 1952. P.48-63.
Kroeber A.L. *Anthropology: Race, Language, Culture, Psychology, Prehistory*. N.Y.; Burlingame, 1948.
Mannoni O. *Prospero and Coliban. The Psychology of Colonisation*. New York, 1950.
Mühlmann Wilhelm Emil. *Rassen, Ethnien, Kulturen*. Neuwied, Berlin: Luchterhand, 1964.
Parsons E.C. *Some Aztec and Pueblo Parallels* // *American Anthropologist*. V. XXXV. 1933. P. 611-631.

- Redfield R., Linton R., Herskovits M., Memorandum for the study of acculturation // *American Anthropologist*. 1936. Vol. 38. №1.
- Rudolf W. Der kulturelle Relativismus: Kritische Analyse einer Grundsatzfragen-Diskussion in der amerikanischen Ethnologie. Berlin, 1968.
- Schmitt-Rodermund E., Silbereisen R. Gute Miene zum bösen Spiel: Resilienz unter arbeitslosen Aussiedlern // *Aussiedler in Deutschland: Akkulturation von Persönlichkeit und Verhalten*. Opladen, 1999.
- Sie wollen uns nicht mehr. Ostdeutsche über Westdeutsche // *Spiegel*. 1991. № 31.
- Sorokin P. Sociological Theories of Today. N.Y.-L., 1966. P. 177-204.
- Stonequist E. The Marginal Man: A study in personality and conflict. N.Y., 1937.
- Thurnwald R. The Psychology of Acculturation // *American Anthropologist*. 1932. V. XXXIV. P. 557-569.
- Авдеева Н.А. Болотина Н.И. Современные миграционные процессы в Европе в аспекте межкультурной коммуникации. // *Символ науки*. 2016. № 5-3 (17). С. 256-259. [Avdeyeva N.A. Bolotina N.I. Sovremennyye migratsionnyye protsessy v Evrope v aspekte mezhkulturnoy kommunikatsii. // *Simvol nauki*. 2016. № 5-3 (17). S. 256-259]
- Арташкина Т.А. Глобализация культуры как культурно-историческая проблема // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2014. № 3 (29). [Artashkina T.A. Globalizatsiya kultury kak kulturno-istoricheskaya problema // *Gumanitarnyye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dalnem Vostoke*. 2014. № 3 (29)]
- Арутюнов С.А. Билингвизм и бикультурализм // *Советская этнография*. 1978. № 2. [Arutyunov S.A. Bilingvizm i bikulturalizm // *Sovetskaya etnografiya*. 1978. № 2]
- Артановский С.Н. На перекрестке идей и цивилизаций: Исторические формы общения народов: Мировые культурные контакты, многонациональное государство. СПб.: СПбГАК, 1994. 224 с. [Artanovskiy S.N. Na perekrestke idey i tsivilizatsiy: Istoricheskiye formy obshcheniya narodov: Mirovyye kulturnyye kontakty, mnogonatsionalnoye gosudarstvo. SPb.: SPbGAK. 1994. 224 s.]
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. [Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M.. 1979]
- Бери Д.В. Аккультурация и психологическая адаптация: обзор проблемы. М., 2004. [Beri D.V. Akkultratsiya i psikhologicheskaya adaptatsiya: obzor problemy. M.. 2004]
- Билз Р. Аккультурация // *Антология исследований культуры*. Т. 1. Интерпретация культуры. СПб.: Университетская книга, 1997. С.348-370. [Bilz R. Akkultratsiya // *Antologiya issledovaniy kultury*. Т. 1. Interpretatsiya kultury. SPb.: Universitetskaya kniga. 1997. S.348-370]
- Вахта В.М. Проблема аккультурации в современной этнографической литературе США / Современная американская этнография: Теоретические направления и тенденции. М., 1963. [Vakhta V.M. Problema akkultratsii v sovremennoy etnograficheskoy literature SShA / *Sovremennaya amerikanskaya etnografiya: Teoreticheskiye napravleniya i tendentsii*. M.. 1963]
- Выжлецов Г.П. Аксиология культуры. СПб.: СПбГУ, 1996 [Vyzhletsov G.P. Aksiologiya kultury. SPb.: SPbGU. 1996]
- Груссель Э. Кризис европейского человечества и философия // *Культурология. XX век: Антология*. М., 1995 [Grussel E. Krizis evropeyskogo chelovechestva i filosofiya // *Kulturologiya. XX vek: Antologiya*. M.. 1995]
- Дигесты Юстиниана // *Отв. ред. Е.А. Скрипилев*. М., 1984 [Digesty Yustiniana // *Otv. red. E.A. Skripilev*. M.. 1984]
- История понятий, история дискурса, история метафор / *Ред. Х. Э. Бедекер*. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 328 с. [Istoriya ponyatiy, istoriya diskursa, istoriya metafor / *Pod red. Kh. E. Bedeker*. M.: Novoye literaturnoye obozreniye. 2010. 328 s.]
- Клейн Л.С. Персонализм: Культура и личность // *Развитие личности*. 2005. № 2 [Kleyn L.S. Personalizm: Kultura i lichnost // *Razvitiye lichnosti*. 2005. № 2]
- Копосов Н.Е. Основные исторические понятия и термины базового уровня: к семантике социальных категорий // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 1998. Т. 1. Вып. 4. С. 31-39 [Koposov N.E. Osnovnyye istoricheskiye ponyatiya i terminy bazovogo

- urovnya: k semantike sotsialnykh kategoriy // Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii. 1998. T. 1. Vyp. 4. S. 31-39]
- Косик Ю.А. Онлайн-аккультурация личности в современных интеграционных условиях // Вестник Полоцкого государственного университета Серия Е: Педагогические науки. 2015. № 15. С 104-107 [Kosik Yu.A. Onlayn-akkulturatsiya lichnosti v sovremennykh integratsionnykh usloviyakh // Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta Seriya E: Pedagogicheskiye nauki. 2015. № 15. S. 104-107]
- Косик Ю.А. Интерпретации сущности аккультурации в гуманитаристике / Ю.А. Косик // Вестн. Беларус. дзярж. ўн-та культуры і мастацтваў. 2015. № 1 (23). С. 33–39 [Kosik Yu.A. Interpretatsii sushchnosti akkulturatsii v gumanitaristike / Yu.A. Kosik // Vesn. Belarus. dzyarzh. ўn-ta kultury i mastatsvaў. 2015. № 1 (23). S. 33–39]
- Марков Г.Е. Развитие современной германской буржуазной этнологии // Этнография за рубежом (историографические очерки). М., 1979 [Markov G.E. Razvitiye sovremennoy germanskoj burzhuznoy etnologii // Etnografiya za rubezhom (istoriograficheskiye ocherki). M., 1979]
- Петручак Л.А. Правовая культура России и межкультурный диалог в условиях глобализации // Актуальные проблемы российского права. 2011. № 4. С. 4-15 [Petruchak L.A. Pravovaya kultura Rossii i mezhkulturnyy dialog v usloviyakh globalizatsii // Aktualnyye problemy rossiyskogo prava. 2011. № 4. S. 4-15]
- Рулан Н. Юридическая антропология. М., 2000 [Rulan N. Yuridicheskaya antropologiya. M., 2000]
- Соболев В.Г. Мусульманские общины в государствах Европейского союза: проблемы и перспективы. СПб., 2003 [Sobolev V.G. Musulmanskiye obshchiny v gosudarstvakh Evropeyskogo soyuza: problemy i perspektivy. SPb., 2003]
- Сокольская Л.В. Культурно-исторический процесс и аккультурация // Философия и культура. 2015. № 7. С. 986-996 [Sokolskaya L.V. Kulturno-istoricheskiy protsess i akkulturatsiya // Filosofiya i kultura. 2015. № 7. S. 986-996]
- Сокольская Л.В., Сокольский В.И. Правовая аккультурация как предмет теоретического исследования // Право и образование. 2014. № 11. С. 59-68 [Sokolskaya L.V., Sokolskiy V.I. Pravovaya akkulturatsiya kak predmet teoreticheskogo issledovaniya // Pravo i obrazovaniye. 2014. № 11. S. 59-68]
- Тен Ю.П. Культурология и межкультурная коммуникация. Ростов н./Д.: Феникс, 2007 [Ten Yu.P. Kulturologiya i mezhkulturnaya kommunikatsiya. Rostov n./D.: Feniks. 2007]
- Тимофеев Д.В. Методология «истории понятий»: от теории к практике исследований истории общественной мысли России первой четверти XIX века // Новое прошлое / The New Past. 2016. № 4. С. 155-168 [Timofeyev D.V. Metodologiya «istorii ponyatiy»: ot teorii k praktike issledovaniy istorii obshchestvennoy mysli Rossii pervoy chetverti XIX veka // Novoye proshloye / The New Past. 2016. № 4. S. 155-168.]
- Ткаченко С.В. Аккультурация или рецепция: возможность пересечения содержания понятий в пространстве теории права // История государства и права. 2018. № 6. С. 38-43 [Tkachenko S.V. Akkulturatsiya ili retseptsiya: vozmozhnost peresecheniya sodержaniya ponyatiy v prostranstve teorii prava // Istoriya gosudarstva i prava. 2018. № 6. S. 38-43]
- Токарев С.А. История зарубежной этнографии. М., 1978 [Tokarev S.A. Istoriya zarubezhnoy etnografii. M., 1978]
- Ушанова И.А. Перспективы развития теории аккультурации в глобализованном мире // Вестник Новгородского университета. 2003. № 4. С. 65-70 [Ushanova I.A. Perspektivy razvitiya teorii akkulturatsii v globalizovannom mire // Vestnik Novgorodskogo universiteta. 2003. № 4. S. 65-70]
- Ушанова И.А. Проблемы аккультурации в Германии конца XX века и их отражение в языке: Автореф. дисс... к. филос. наук. Великий Новгород, 2001. 22 с. [Ushanova I.A. Problemy akkulturatsii v Germanii kontsa XX veka i ikh otrazheniye v yazyke: Avtoreff. diss... k. filos. nauk. Velikiy Novgorod. 2001. 22 s.]
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003. 603 с. [Khantington S. Stolknoveniye tsivilizatsiy. M., 2003. 603 s.]

- Хорошаева И.Ф. Проблема аккультурации в мексиканской этнографии // Современная американская этнография: Теоретические направления и тенденции. М., 1963. С. 234-236 [Khoroshayeva I.F. Problema akkultratsii v meksikanskoj etnografii // Sovremennaya amerikanskaya etnografiya: Teoreticheskiye napravleniya i tendentsii. M., 1963. S. 234-236]
- Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. М., 2001 [Yakovets Yu.V. Globalizatsiya i vzaimodeystviye tsivilizatsiy. M., 2001]
- Янкина Н.В. Межкультурная толерантность как компонент межкультурной коммуникации // Вестник Оренбургского государственного университета. Гуманитарные науки. 2006. № 1 [Yankina N.V. Mezhekulturnaya tolerantnost kak komponent mezhekulturnoy kommunikatsii // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo un-ta. Gumanitarnyye nauki. 2006. № 1]
- Янутш О.А. «Инкультурация»: проблемы определения объема и содержания понятия // Теория и практика общественного развития. 2014. № 19. С. 173-175 [Yanutsh O.A. «Inkultratsiya»: problemy opredeleniya obyema i sodержaniya ponyatiya // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2014. № 19. S. 173-175]

Сокольская Людмила Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры частного права, Государственный гуманитарно-технологический университет; cokol4512@yandex.ru

Валентонис Артурас Станислович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры публичного права, Государственный гуманитарно-технологический университет; candydad7@gmail.com

Genesis of the notion “acculturation” in the history of scientific discourse of the 19th 21st centuries

The study of the concept of “acculturation” has remained relevant for a long time. This article takes a historical digression into the history of the very concept of “acculturation” and traces the genesis of acculturation problems in foreign and domestic scientific thought. Investigating the history of the formation and development of the concept of acculturation, the authors of the article formulate the conclusion that its content changes with the development of scientific thought, is filled with a new meaning, and acquires new features. Acculturation today is treated as a form of intercultural communication of various communities (or individuals), in which interacting cultures perceive each other's properties, resulting in a certain “identity” of both cultures and an integrity that has qualitatively new characteristics.

Keywords: culture, acculturation, intercultural communications, interaction of cultures, dialogue of cultures, integration, globalization

Lyudmila Sokolskaya, PhD (Law), Associate Professor, the State Humanitarian-Technological University; cokol4512@yandex.ru

Arturas Valentonis, PhD (Law), Associate Professor, the State Humanitarian-Technological University. Email: candydad7@gmail.com

Ф. Л. СИНИЦЫН

СОВЕТСКИЕ УЧЕНЫЕ О СУДЬБЕ «КОЧЕВОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ» (1920-е гг.)

Статья посвящена подходам советских ученых к судьбе «кочевой цивилизации» в СССР. «Кочевые» регионы занимали в СССР важное стратегическое положение, но при этом не были интегрированы в общегосударственную экономику. Сделан вывод, что советские ученые предлагали осторожный подход к «кочевой цивилизации», основанный на щадящем отношении к природе и отказе от растраты государственных ресурсов на ее «перделку», которая в большинстве «кочевых» регионов не имела перспектив. Дискуссия о судьбе «кочевых» регионов была пресечена властями с началом форсированной модернизации СССР на рубеже 1920-х и 1930-х гг.

Ключевые слова: кочевые народы, экономика, модернизация, СССР

Начатый в 1920-е гг. процесс модернизации¹ Советского государства сопровождался дискуссиями среди партийных и советских деятелей, специалистов и ученых. В это время в стране еще был возможен относительный идейный плюрализм. Изучение архивных документов и публицистики показывает, что разнообразие и борьба мнений были характерны и для дискуссий о положении в «кочевых» регионах СССР, планировании их будущего, видении их места и роли в рамках большой страны. Территория этих регионов (Бурятия, Казахстан, Калмыкия, Киргизия, Ойротия [Горный Алтай], Туркмения, Хакасия) составляла более 4 млн км² (18% территории СССР), а его кочевое и полукочевое население – ок. 3 млн чел.² Сюда же нужно добавить миллионы квадратных километров на севере страны, от Кольского полуострова до Чукотки, также занятые малочисленным кочевым и полукочевым населением³.

Традиционный образ жизни большинства жителей этих территорий сохранялся после революции. Так, в самом крупном «кочевом» регионе – Казахстане (70% кочевников СССР⁴) – к 1926 г. большинство представителей титульной нации (от 55 до 75,5%⁵) вело кочевой или полукочевой образ жизни. Кочевники продолжали жить нормами обычного права⁶, у них сохранялась развитая идентичность, тесно связанная

¹ См.: Побережников 2006. С. 6.

² В данной статье рассмотрены все кочевые народы СССР, кроме цыган, образ и условия жизни которых существенно отличались от других кочевых народов.

³ Кочевники и полукочевники также составляли часть населения других регионов. Например, полукочевой образ жизни вела часть восточных башкир.

⁴ Платунов 1976. С. 252.

⁵ Дахшлейгер 1966. С. 12–13; Дониц 1928. С. 150; Козлов 2015. С. 93; Шаумян 1965. С. 184.

⁶ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 912. Л. 27.

с кочевым пастбищным хозяйством и родовым строем⁷ под главенством властителей – баев (варианты термина – бей, бий), манапов, аксакалов, нойонов, тайшей, зайсангов и др.

«Кочевые» регионы были фактически «государством в государстве». На высшем уровне власти – в ЦК РКП(б) – в 1924 г. было объявлено, «что советской власти в казахском ауле нет»⁸. О том же заявил партийный руководитель Казахстана Ф.И. Голощекин на пленуме крайкома ВКП(б) 30 апреля 1926 г.⁹ И намного позднее, в 1930 г. председатель СНК Казахстана У.Д. Исаев отмечал, что в республике «есть в буквальном смысле слова несоветизированные аулы»¹⁰. Такое же положение было характерно для Бурятии, Киргизии и других регионов. Не были «кочевые» территории интегрированы и в общегосударственную экономику СССР, в них царило натуральное, нетоварное хозяйство, хотя и весьма продуманное¹¹. Кочевники слабо участвовали в товарообмене, были «невыгодными» потребителями и практически ничего не поставляли на рынок. Ситуация в «кочевых» регионах, ввиду их большой площади и стратегически важного положения, не могла оставить государство равнодушным. Однако попытки советизации кочевий, предпринятые властями в 1920-х гг., в большинстве случаев не удавались.

В среде советских специалистов и чиновников в 1920-е гг. четко проявились два подхода к решению судьбы «кочевой цивилизации», их сторонников условно можно обозначить «ученые» и «власть». Представители этих «партий» активно выступали в прессе, публиковали книги, материалы исследований. Характерно, что многие представители «партии ученых» работали в органах власти (в основном, в плановых, земельных и статистических ведомствах), а некоторые ученые (их было меньшинство) примыкали к позиции «партии власти». Мнения представителей обеих «партий» могли совпадать по некоторым вопросам, а иногда были сами по себе противоречивыми или колеблющимися (так, проф. Г.Н. Черданцев в одной и той же книге писал о «примитивных» трудовых навыках кочевников и «первобытной отсталости» их хозяйственных форм, и тут же – о том, что кочевники «выработали... специфические трудовые навыки и создали особый тип хозяйства»¹²).

Однако ученые и их оппоненты расходились в главном, судьбоносном вопросе. Первые предлагали осторожную модернизацию коче-

⁷ Пейн 2011. С. 275; Соколовский 1926. С. 7.

⁸ Михайлов 1996. С. 81.

⁹ Очередные задачи 1926. С. 26.

¹⁰ Исаев 1930. С. 24.

¹¹ Каждый кочевник имел не менее четырех видов скота, добываясь определенного правильного их соотношения, и помимо этого – посеы и сенокосы, отстоявшие далеко от места выпаса. – Погорельский, Батраков 1930. С. 222.

¹² Черданцев 1930. С. 29–30, 188.

вого общества – либо с полным сохранением его, либо с постепенным, эволюционным развитием во что-то другое. Вторые же выступали за принудительный перевод кочевников на оседлость. Их аргументы были просты – «кочевая цивилизация» безнадежно «отсталая», «некультурная», ее невозможно советизировать и интегрировать в экономику страны. («Звездный час» этой группы настал на рубеже 1920-х и 1930-х гг., когда в СССР началась форсированная модернизация.)

«Партия ученых» особенно ярко была представлена в крупнейшем «кочевом» регионе СССР – Казахстане, где сложился особый круг специалистов (многие из них были отправлены «на периферию» из-за своей прошлой принадлежности к партии эсеров). В их числе были руководитель Статистическо-экономического отряда Казахстанской экспедиции АН СССР С.П. Швецов, член президиума Госплана Казахстана М.Г. Сириус, ученый, бывший деятель партии «Алаш» А.А. Ермаков. Кроме того, идеи о необходимости взвешенного и научно-обоснованного подхода к решению судьбы «кочевой цивилизации» разделяли известные московские профессора Н.П. Огановский и А.Н. Челинцев, экономист И.А. Рукавишников (жил и работал в Бурятии), заместитель председателя СНК РСФСР Т.Р. Рыскулов, некоторые руководящие работники Казахстана, Калмыкии, Бурятии и других регионов.

Ученые и их единомышленники считали, что кочевое хозяйство – единственно рациональное и целесообразное¹³, «идеально приспособленное»¹⁴ для природных, социально-экономических и иных условий тех регионов, где оно распространено. С.П. Швецов в ответ на предложения о переводе кочевников на оседлость предсказывал: «Устраните... периодическое передвижение скота по степи – и казаку¹⁵ нечего в ней будет делать, т.к. никакое иное хозяйство здесь невозможно, и степь, кормящая теперь миллионы казахского населения, превратится в пустыню»¹⁶. Т.Р. Рыскулов и И.А. Рукавишников говорили о «естественной приспособленности» Киргизии и Бурятии под животноводство¹⁷. Даже в разгар программы коллективизации и перевода кочевников на оседлость, в № 3 за 1930 г. «Известий Бурят-Монгольского обкома ВКП(б)» появилась статья, в которой говорилось, что кочевой образ жизни обусловлен объективными географическими условиями¹⁸.

Одним из главных аргументов ученых была непригодность «кочевых» регионов к земледелию. Г.Н. Черданцев выявил, что в Казахстане

¹³ Ермаков 1926. С. 115.

¹⁴ Донич 1928. С. 141.

¹⁵ Здесь и далее – под «казаками» имеются в виду казахи (такой термин употреблялся до 1936 г.).

¹⁶ Казахское хозяйство 1926. С. 100, 102–103.

¹⁷ Рыскулов 1929. С. 59; Рукавишников 1927. С. 27.

¹⁸ Хаптаев 1932. С. 66.

и Каракалпакии всего 14,1% территории подходило для обработки земли, тогда как 54,4% успешно использовалось под пастбища¹⁹. Земледелие здесь не могло быть устойчивым²⁰ прежде всего из-за проблем с водой. Зампредседателя казахского Госплана Е.А. Полочанский отмечал, что если перевести казахов на земледелие, то пригодной для этого территории «не хватит всем»²¹. В мае 1927 г. на первом краевом совещании плановых органов о том же предупреждал представитель Наркомзема Казахстана К. Султанбеков²². Для Киргизии была характерна «теснота земельной площади, пригодной для обработки»²³. В Калмыкии хотя и «пустовало» 2,5 млн га, почти вся территория входила в зону комплексных почв и сыпучих песков и поэтому могла быть использована исключительно под крупнопромышленное экстенсивное скотоводство²⁴, как и в соседней Астраханской губернии, где кочевали калмыки и казахи.

По мнению ученых, кочевая экономика показывала наивысшую эффективность, ведь многие занятые номадами «бесплодные» территории «не могли быть улучшены... при данном состоянии нашей техники и наших знаний». Е.М. Тимофеев обращал внимание, что казахи «ухитряются превратить в шерсть, мясо и шкуры кормовые ресурсы чернопыльных степей или зарослей солянок и камышей»²⁵, т.е. самых тяжелых для освоения земель. Ученые были уверены, что кочевничество не исключает высокую культуру²⁶, а «дикость и кочевое хозяйство... вовсе не синонимы». Они отмечали культурность скотоводческих хозяйств Австралии и напоминали, что «о дикости “кочевников” Швейцарии и вообще говорить смешно»²⁷. Сотрудник Наркомзема Казахстана Д. Букиннич подчеркивал, что кочевая экономика – самоценна, и это не какая-то «пережиточная» стадия, через которую якобы «проходили все малокультурные народы»²⁸. Общий вывод ученых относительно судьбы «кочевой цивилизации» был таким: она прочна, у нее есть будущее²⁹, она сохранится, «по-видимому... навсегда»³⁰. С.П. Швецов прогнозировал, что кочевание даже упрочится, ведь с повышением численности населения «нужда в обладании сухими степями... будет все возрастать»³¹. Уче-

¹⁹ Черданцев 1930. С. 15.

²⁰ Тезисы 1926. С. 125.

²¹ Полочанский 1926. С. 9.

²² Абылхожин 1991. С. 213–214.

²³ Рыскулов 1929. С. 60.

²⁴ РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 3. Л. 138–139.

²⁵ Тимофеев 1929. С. 69–70.

²⁶ Казакское хозяйство 1926. С. 102.

²⁷ Тимофеев 1929. С. 69–70.

²⁸ Букиннич 1924. С. 99.

²⁹ Ермеков 1926. С. 114; Донич 1928. С. 143.

³⁰ Букиннич 1924. С. 98.

³¹ Казакское хозяйство 1926. С. 103.

ные не сомневались во временном характере перехода части кочевников к оседлости в начале 1920-х гг., вследствие колоссального сокращения поголовья скота³² в тяжелое время революции и Гражданской войны.

Сторонники взвешенного подхода к «кочевой цивилизации» были уверены во вредности ускоренного или принудительного перевода на оседлость, некоторые даже отмечали наличие ««кочевых инстинктов», которые никогда не приведут кочевника к оседлости»³³. Даже те специалисты, которые выступали за коренную модернизацию кочевой экономики, говорили о вредности оседания. Ташкентские ученые П. Погорельский и В. Батраков считали, что «обоседление... отодвинет задачи революции... на неопределенно долгое время». Они сделали вывод, что «в ближайшем будущем осесть кочевникам нельзя, хотя бы потому, что этого негде сделать»³⁴. А.П. Потоцкий отмечал, что оседание потребует огромных «капитальных затрат на улучшение земельных площадей»³⁵.

М.Г. Сириус рассчитал, что за 15 лет, с 1926 по 1941 г., в Казахстане смогло бы осесть не более 5–5,5% кочевников³⁶. А.Н. Донич, также сделав вывод, что «оседать в кочевых районах почти негде», приводил интересный пример: в Адаевском округе³⁷ кочевники ушли от созданных для них советских «культпунктов» из-за разорительности исполнения традиционного обычая «гостевания», т.е. полного содержания всех, кто приезжал на «культпункты» к врачу, агроному и другим специалистам³⁸. Таким образом, мешали оседанию еще и этнографические особенности кочевых народов. Кочевники, жившие рядом с «культпунктами», которые в перспективе могли бы стать «точками оседания», по праву считали себя традиционными «хозяевами» этого места, обязанными содержать всех гостей, но это оказалось крайне разорительным, так как необычно много оказалось посетителей у «культпунктов».

Перспективы развития «кочевых» регионов виделись многим ученым и их сторонникам только в сохранении традиционной кочевой экономики³⁹. Е.М. Тимофеев призывал кочевое хозяйство «не губить, а наоборот, поощрять... развивать», «помогать, а не бороться с ним»⁴⁰.

³² Ермеков 1926. С. 115.

³³ Погорельский 1934. С. 21.

³⁴ Погорельский, Батраков 1930. С. 215, 223.

³⁵ Потоцкий 1927. С. 22. С этим соглашались и некоторые партийцы – так, инструктор Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б) Кахелли по результатам обследования Туркмении в 1927 г. пришел к выводу о невозможности оседания кочевников «вследствие разбросанности пастбищных угодий». – РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 912. Л. 9.

³⁶ Сириус 1926. С. 6.

³⁷ Занимал территорию полуострова Мангышлак. Один из наиболее засушливых регионов, освоенных кочевниками.

³⁸ Донич 1928. С. 151.

³⁹ Казакское хозяйство 1926. С. 96; Рыскулов 1929. С. 59.

⁴⁰ Тимофеев 1929. С. 70.

Власти некоторых регионов иногда соглашались с мнением о необходимости взвешенного отношения к «кочевой цивилизации». Так, Дальневосточное бюро РКП(б) в 1922 г. объявило о необходимости «административного устройства бродяжих туземных племен соответственно их быту»⁴¹. В августе 1928 г. Третий пленум Киргизского обкома ВКП(б) постановил «признать наиболее целесообразной структурой скотоводческого хозяйства Кир[гизской] АССР полукошевую форму»⁴².

Мнение о вредности оседания кочевых народов разделяли местные национальные и религиозные деятели. В Казахстане к ним относились, прежде всего, бывшие члены партии «Алаш» А. Байтурсынов (был наркомом просвещения Казахстана в 1920-х гг.) и А. Букейханов. В Бурятии и Калмыкии против оседлости выступало духовенство. Глава калмыцких буддистов Шаджин-лама Л.Ш. Тепкин был уверен в том, что земледелие – «не для калмыков»⁴³. Священнослужители убеждали мирян, что переход на оседлый образ жизни ухудшит их материальное положение, затруднит кормовое обеспечение скота⁴⁴. Такие утверждения восходили к сакральному, бережному отношению кочевых народов к земле, вплоть до запрета ее вскапывать. Воспрещалось копать землю и по буддийскому учению, поскольку пахота влечет за собой уничтожение бесчисленного множества живых существ (насекомых и пр.)⁴⁵.

Ученые выдвигали конкретные предложения по модернизации кочевой экономики и условий жизни в «кочевых» регионах СССР. Они были уверены, что «устойчивое кочевое хозяйство... может приобщиться к благам цивилизации почти в той же степени, что и хозяйство полеводческое»⁴⁶. Реконструкция кочевой экономики была возможна и необходима, «но только на основе существующих форм хозяйства»⁴⁷, которые нужно было рационализировать и развивать⁴⁸. Одно из наиболее важных предложений – интенсификация животноводства, прежде всего, для увеличения товарности кочевой экономики⁴⁹. (Ведь именно ее натуральный характер был одной из главных «претензий» к кочевникам со стороны властей.) Е.А. Полочанский рассчитал, что пастбищная площадь Казахстана могла обеспечить прокорм для 75 млн голов скота (а в республике в 1926 г. их было 26,5 млн). Таким образом, этот регион был способен «целиком покрыть все потребности Союза на все виды

⁴¹ РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 1094. Л. 34об–35.

⁴² Там же. Ф. 62. Оп. 3. Д. 272. Л. 44.

⁴³ Овчинников 1967. С. 107.

⁴⁴ Убушиева 1986. С. 49.

⁴⁵ Герасимова 1964. С. 111.

⁴⁶ Тимофеев 1929. С. 70.

⁴⁷ Ермеков 1926. С. 115.

⁴⁸ Полочанский 1926. С. 10.

⁴⁹ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 911. Л. 150.

продукции животноводства». Поэтому была поставлена цель животноводство «развернуть и умножить почти в 3 раза»⁵⁰. Н.П. Огановский выступал за дальнейшее развитие скотоводства на Южном Алтае⁵¹. Т.Р. Рыскулов писал о достижимости того, что в Киргизии животноводство «примет промышленный характер»⁵².

Конкретные меры по развитию кочевого хозяйства, прежде всего, включали необходимость обеспечения скота зимними кормами⁵³, что должно было спасти от главного бича кочевой экономики – джута⁵⁴. Сюда же относились землеустройство, включая обводнение⁵⁵, расширение искусственного травосеяния, правильное использование пастбищных запасов, рационализация скотоводства с усилением в нем промышленных пород, усиление борьбы с эпизоотиями⁵⁶. По линии Наркомата промышленности и торговли нужно было принять меры по приему у кочевников продукции животноводства и «распылению промтоваров для удовлетворения нужд кочевого населения»⁵⁷. Все это должно было привести к интеграции кочевников в общегосударственную экономику.

Интересными были идеи ученых об использовании иностранного опыта. В 1928 г. проф. А.А. Рыбников (ближайший сподвижник выдающегося экономиста А.Н. Чаянова) и М. Фаизов получили поручение от Наркомата земледелия Казахстана – изучить «экономическое лицо» района Туркестано-Сибирской магистрали. Они провели экспедиционные исследования и в октябре 1929 г. выдвинули предложение – создать у кочевников «трудовые самоснабжающие хозяйства» на семейной основе (т.е. по сути фермерские хозяйства, как в США и других странах) с выделением каждому по 70–90 га удобной земли. Сотрудник Госплана Казахстана П.Л. Ясинский в апреле 1930 г. (в разгар начала массовой коллективизации) на пленуме Первого казахстанского научно-исследовательского краеведческого съезда заявил, что «необходимо... на комиссионных началах допустить иностранцев, в особенности, американцев, к работе по реконструкции нашего животноводства»⁵⁸.

Часть ученых выдвигала идею о модернизации кочевий через их коллективизацию. Е.А. Полочанский предлагал создать производственные товарищества, в которые вошли бы и бедные, и богатые кочевники, что помогло бы «решить многие... вопросы национально-политическо-

⁵⁰ Полочанский 1926. С. 8–10.

⁵¹ Огановский 1922. С. 28.

⁵² Рыскулов 1929. С. 59.

⁵³ Челинцев 1928. С. 25.

⁵⁴ Джут (каз., кирг.), зуд (калм.) – падеж скота из-за зимнего обледенения пастбищ.

⁵⁵ Букинич 1924. С. 107; Благовещенский 1926. С. 18.

⁵⁶ Рыскулов 1929. С. 63–64.

⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 911. Л. 150.

⁵⁸ Кондрачевщина 1931. С. 56–57, 62, 65.

го и экономического значения». В них было бы изжито «рабство родового строя», ведь в новых условиях бедняки стали бы полностью независимыми от богатых сородичей. С долгосрочным кредитом в 4 млн руб. в год в течение 15 лет можно было построить для кочевых товариществ 100 тыс. новых опорных поселений-аулов⁵⁹.

П. Погорельский и В. Батраков выступали за создание кочевых колхозов и совхозов (это предложение было опубликовано в 1930 г., когда уже началась коллективизация), что привело бы к «производственному объединению распыленных скотоводов». Колхозы должны были заниматься животноводством, а совхозы стать предприятиями по переработке сельхозпродукции и «пунктами высокопродуктивных производителей». Погорельский и Батраков выступали против «новых аулов» (которые предлагал создать Е.А. Полочанский) и кредитов для оседающих кочевых хозяйств. Они предлагали создавать только крупные колхозы, так как мелкие «на практике послужат формой консервации отживающих отношений отработочных форм эксплуатации»⁶⁰.

А.Н. Дониц соглашался, что кочевое хозяйство является «целесообразной и продуктивной формой использования пустынных и полупустынных пространств, которые иначе нельзя сейчас использовать совсем», но, по его мнению, надо было «еще доказать, стоит ли на данной стадии развития использовать с таким трудом эти пространства», тем более, что культурные методы хозяйствования «невозможно приспособить к кочеванию». В то же время, он предлагал «кочевое хозяйство планомерно приспособлять к культуре»⁶¹, прежде всего, в рамках создания «культурных» поселений для зимнего пребывания кочевников.

Ученые разрабатывали меры по модернизации «кочевой цивилизации» в других сферах – в частности, создание хороших бытовых и культурных условий с целью «быстрой ликвидации... отсталости»⁶². В сфере образования была предложена организация передвижных школ для детей⁶³. Развитие медицины должно было произойти путем обучения врачей из числа местного населения и организации «медицинских юрт»⁶⁴.

Хотя П. Погорельский и В. Батраков призывали избегать повторения негативного опыта советизации кочевий, они видели возможность изменить методы и усилить удачные аспекты работы кочевых советов⁶⁵, ведь имелись некоторые положительные результаты, когда рабо-

⁵⁹ Полочанский 1926. С. 21, 23, 36–37.

⁶⁰ Погорельский, Батраков 1930. С. 221, 223–224.

⁶¹ Дониц 1928. С. 142–144.

⁶² Полочанский 1926. С. 10.

⁶³ Ермеков 1926. С. 116.

⁶⁴ Брук 1924. С. 21.

⁶⁵ В т.ч. по организации «кино, перевыборов... конференций, совещаний». Погорельский, Батраков 1930. С. 209–210.

та местных властей с кочевниками шла без нажима на оседание⁶⁶. Ожидалось, что модернизация «кочевой цивилизации» в СССР, окажет позитивное воздействие на зарубежных кочевников, например, в Китае⁶⁷, где проживали многочисленные сородичи советских казахов и киргизов.

Учеными выдвигались идеи и о возможном компромиссе – сочетании кочевого скотоводства и земледелия. С.П. Швецов считал, что такое сочетание улучшит сопротивляемость неурожаю в земледелии и джуту в животноводстве⁶⁸. Некоторые специалисты соглашались на постепенный, эволюционный переход кочевников к оседанию или «полуоседанию» с сохранением животноводства⁶⁹. Е.А. Полочанский выдвинул идею создания для кочевых товариществ новых аулов с жильем европейского типа, где каждая семья жила бы в своей комнате, «достаточно просторной и светлой». По добровольному выбору или по очереди одни из них занимались бы полевыми работами, другие – кочевали со скотом и к зиме возвращались в аул⁷⁰. Е.М. Тимофеев считал, что сохранение кочевания летом и оседание кочевников в поселках на зимовье ликвидирует опасность джута «почти полностью»⁷¹. Сотрудник Наркомзема Казахстана К.А. Чувелев выступал за содействие оседанию там, где это возможно, а где нет – нужно было научить кочевников наиболее рационально использовать кормовые площади⁷².

Пожалуй, главный призыв ученых и их сторонников по поводу модернизации «кочевых» регионов, был: «Не торопиться». С.П. Швецов указывал, что изменение форм экономики – «процесс медленный и длительный»⁷³. В 1926 г. на II пленуме Казахского крайкома нарком просвещения С. Садвокасов говорил о необходимости учитывать специфику кочевого аула и прекратить идеализацию бедноты, без определенных социальных и моральных механизмов принуждения не готовой к высокопроизводительному труду⁷⁴. Даже там, где было признано возможным оседание, ученые предупреждали об опасности форсированного перевода кочевников на оседлость.

⁶⁶ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 911. Л. 146.

⁶⁷ Погорельский, Батраков 1930. С. 223.

⁶⁸ Казакское хозяйство 1926. С. 103.

⁶⁹ Потоцкий 1927. С. 34; Дониц 1928. С. 156.

⁷⁰ Полочанский 1926. С. 36–37.

⁷¹ Тимофеев 1929. С. 71.

⁷² Чувелев 1928. С. 54–55. В переводе кочевников на оседлость ученые призывали исходить из географических характеристик (Челинцев 1928. С. 25–28, 35–36, 38; Черданцев 1930. С. 197–199; Маслов 1929. С. 85), учитывая, что в районах, где изогипса (линия, обозначающая на карте территории с одинаковым уровнем выпадения атмосферных осадков) составляет менее 250 мм, земледелие «никакого будущего не может иметь». (Тезисы 1926. С. 126).

⁷³ Казакское хозяйство 1926. С. 96.

⁷⁴ Казиев 2015. С. 270.

А.Н. Донич подчеркивал, что оседание не должно нарушать «экономическое равновесие»⁷⁵. П. Погорельский и В. Батраков считали, что процесс оседания начнется только после завершения коллективизации в процессе укрепления животноводческих колхозов⁷⁶. Мнение об эволюционном пути оседания кочевников разделяли и некоторые представители властей. Так, на первом Всесоюзном национальном совещании при ЦК ВЛКСМ в 1924 г. представитель Бурятии Н. Мункоев заявил, что «этот вопрос будет естественным образом разрешен, когда население будет европеизировано и будет практиковать земледелие»⁷⁷.

Присутствовал и такой подход – оставить в некоторых «кочевых» районах ситуацию как есть, так как модернизировать их все равно не получится. И.И. Маслов утверждал, что «мечтать... о создании в центральном Казакстане какого-то устойчивого хозяйства совершенно не приходится», т.к. его географические условия исключают возможность и рационализации экономики, и повышения культурного уровня населения⁷⁸. В 1928 г. инженер Г.Ф. Прокопович утверждал, что электрификация этого региона в ближайшей перспективе «неприемлема... в силу огромных расстояний... и господства почти чистых натуральных форм хозяйства на значительной части территории»⁷⁹. Однако этот подход большинство представителей «партии ученых» не разделяло.

Еще один аспект борьбы идей по вопросу о судьбе «кочевой цивилизации» – дискуссия о «кочевом феодализме». В ее рамках столкнулись сторонники мнения о том, что кочевое общество к 1920-м гг. находилось в стадии феодализма (согласно марксистской теории), и мнения о наличии в рамках «кочевой цивилизации» самобытного родового строя, который характеризовался невозможностью создания государства (если только временного и неустойчивого), родовой структурой общества, отсутствием частной собственности на землю (общинное землевладение)⁸⁰. Ряд ученых, чиновников и национальных деятелей в «кочевых» регионах (Т.Р. Рыскулов, Е.А. Полочанский, А. Байтурсынов, А. Букейханов, киргизский партийный деятель А. Сыдыков и др.) поддерживали эту теорию. Бурятский ученый П.Т. Хаптаев видел в кочевом обществе признаки и патриархально-родовых, и феодальных отношений⁸¹.

⁷⁵ Донич 1928. С. 146.

⁷⁶ Призывая к «большой осторожности», они, тем не менее, считали, что «исторические сроки социалистической переделки этих районов должны быть максимально сокращены». – Погорельский, Батраков 1930. С. 223, 225. В таких высказываниях, очевидно, проявилось воздействие «штурмовщины» рубежа 1920-х и 1930-х гг.

⁷⁷ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 5. Д. 5. Л. 110.

⁷⁸ Маслов 1929. С. 82, 84.

⁷⁹ Трайнин 1932. С. 42.

⁸⁰ Погорельский, Батраков 1930. С. 7.

⁸¹ Хаптаев 1932. С. 68.

Теория о родовом строе у кочевников противоречила марксистской доктрине «классовой борьбы» и теории общественно-экономических формаций (но вписывается в цивилизационную теорию А. Тойнби, разработанную в рассматриваемый нами период). В то же время, выводы сторонники теории родового строя делали разные. Национальные деятели считали, что необходимо сохранить этот строй, так как он фактически являлся «родовым коммунизмом»: «Все живут и кочуют вместе, все одинаково равны, нет классовой борьбы, нет никаких противоречий»⁸². Некоторые деятели полагали, что «русские разрушили справедливый родовой строй и беспечную счастливую жизнь казаков, управлявшихся мудрыми и справедливыми ханами, султанами, биями»⁸³. (Соответственно, перевод кочевников на оседлость стал бы дальнейшим разрушением этой жизни.) Они подчеркивали необходимость сохранения родовой структуры и традиций кочевого общества, в т.ч. «веками освященного суда биев», «суда на основании обычного права»⁸⁴. Однако ученые, например, Е.А. Полочанский, придерживались диаметрально противоположного мнения, считая, что цель советской власти – освобождение кочевников от кабалы в хозяйственно-родовом строе⁸⁵.

Дискуссия ученых о судьбе «кочевой цивилизации», была пресечена на рубеже 1920-х и 1930-х гг. вмешательством властей. Они безоговорочно отвергли идеи об осторожном отношении к «кочевой цивилизации». Представителей «партии ученых» подвергли шельмованию⁸⁶, обвинив в «кондратьевщине» и «чаяновщине» (особо отметим вышедший в 1931 г. специальный сборник статей «Кондратьевщина в Казахстане»). Возражавшие против огульного перевода кочевников на оседлость, были названы «контрреволюционерами». Одним припомнили принадлежность некогда к Партии социалистов-революционеров, других причислили к «местным националистам»⁸⁷. Доходило и до прямых оскорблений. О С.П. Швецове, скончавшемся в 1930 г., писали, что у него «черносотенная шовинистическая душа». Н.П. Огановского называли «вредителем» и «“профессором”», А.Н. Челинцева – «ученым идеологом кулачества» и просто «“ученым”» (в кавычках). У Д.Д. Букинича обнаружили «расовую философию европейского колонизатора». М.Г. Сириус был обозван «местным вредителем»⁸⁸. Последовали репрес-

⁸² Тогжанов 1931. С. 26.

⁸³ Тогжанов 1934. С. 32.

⁸⁴ Там же. С. 197.

⁸⁵ Полочанский 1926. С. 10.

⁸⁶ Сыргабеков 1931. С. 10.

⁸⁷ Зверяков 1932. С. 36–37; Кондратьевщина 1931. С. 26, 90.

⁸⁸ Зверяков 1932. С. 36–37; Каврайский 1931. С. 73; Косаков 1932. С. 50; Павлов 1931. С. 150.

сиям. Из Госплана Казахстана весной 1930 г. был уволен П.Л. Ясинский, предлагавший привлечь для реконструкции «кочевых» регионов иностранных специалистов⁸⁹. Судьба многих других ученых сложилась гораздо трагичнее. Е.М. Тимофеев был арестован в 1937 г. и расстрелян в 1941 г., А.А. Ермаков арестован в 1938 г., находился в заключении до 1947 г., затем был вновь арестован, окончательно освобожден только в 1955 г. А.Н. Челинцев в августе 1930 г. был арестован по делу «Трудовой крестьянской партии» и отправлен в ссылку (в 1932 г. освобожден от дальнейшего отбывания наказания и вернулся в Москву).

С отвержением идей и шельмованием «партии ученых» напрямую было связано пренебрежение к природе, которое на долгие годы стало «визитной карточкой» советской власти. Конечно, здесь присутствовал скорее не злой умысел, а иллюзии, неправильное понимание или нежелание понимать природные реалии (хотя это несколько не извиняет те ошибки, которые были допущены в СССР по отношению к природе). Власти провозгласили условия «кочевых» регионов всего лишь «относительно неблагоприятными» по сравнению с условиями европейской части СССР, Сибири и Дальнего Востока. Было объявлено, что земледелие якобы возможно в районах с годовыми осадками ниже 250 мм⁹⁰. (На самом деле, это потребовало бы колоссальных затрат на организацию орошения, даже если бы доставка воды вообще была достижимой).

В СССР (как и во всем остальном мире в этот период) бытовала слепая вера в прогресс, в победу человека и техники над природой. Вспомним известные слова И.В. Мичурина, написанные в 1934 г.: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее – наша задача». Власти объявили, что в «кочевых» регионах природные факторы якобы имеют «относительное, второстепенное значение для развития сельского хозяйства». Было провозглашено, что «природная среда не является грозным повелителем для современного советского земледелия»⁹¹.

Ресурсы природы стали братья без особых раздумий над последствиями. Так, уже в 1930 г. был предложен план разбора воды Сырдарьи и Амударьи на орошение, из-за чего Аральское море должно было высохнуть и исчезнуть (что, фактически, и произошло после 1960 г.). Аральский регион признавался неперспективным, и было даже высказано предложение о «хищническом вылове» аральской рыбы, пока море не высохло. С 1932 г. из такого же расчета создавался проект Главного туркменского канала, который должен был полностью лишит Аральское море поступления воды из Амударьи. Соображение, что высыхание Аральского моря приведет к экологической катастрофе, тогда совер-

⁸⁹ Кондратьевщина 1931. С. 66.

⁹⁰ Кондратьевщина 1931. С. 98; Косаков 1932. С. 50.

⁹¹ Косаков 1932. С. 50–51.

шенно не принималось во внимание. Так же обстояло дело и в отношении распашки казахских степей – были отброшены такие «мелочи», как увлажненность почвы, запасы воды в ней, мероприятия по орошению и снегозадержанию. Власти поверили в иллюзию, что из засушливого Казахстана получится сделать «вторую Украину»⁹².

Итак, советские ученые в 1920-е гг. предлагали вдумчивый, научный подход к «кочевой цивилизации». Он предполагал, во-первых, щадящее отношение к природе и отказ от растраты государственных ресурсов на ее «переделку», которая в большинстве «кочевых» регионов не имела перспектив, – т.е. то, чего, в целом, и достигла в этих природных условиях «кочевая цивилизация». Во-вторых, ученые предлагали не торопиться с решениями, считая, что резкие изменения, вмешательство в сложившийся веками образ жизни и хозяйства в любом случае ни к чему хорошему не приведет.

Ученые выдвигали такие варианты реконструкции или модернизации кочевой экономики: оставить кочевание полностью с его интенсификацией или создать симбиоз кочевого животноводства и земледелия. Можно было оставлять на теплый период года кочевников в покое, давая им уходить на пастбища, а в холодный период – на оседлых зимовках – вести с ними культурную, образовательную и другую работу, открыть школы для детей и пр. Что касается медицины и ветеринарии – создать оседлые (или передвижные) медицинские и ветеринарные станции вблизи кочевий, куда кочевники сами бы приезжали в случае необходимости. Именно такую роль и играли создаваемые в некоторых «кочевых» районах «культурпункты». Продуктивной и прогрессивной идеей было создание у кочевников фермерских хозяйств на семейной основе. Однако здесь была проблема – в условиях родового строя присутствовала эксплуатация бедных сородичей со стороны баев, манапов и других родовых «авторитетов». С точки зрения советской власти, такая «классовая» эксплуатация была недопустимой.

Еще одна проблема, которая присутствовала с точки зрения государства, – как заставить кочевников сдавать мясо, молоко, кожи, шерсть и другую продукцию животноводства? Но и она была решаема. Нужно было взамен предложить кочевникам необходимые им товары и услуги (например, те же медицинские и ветеринарные). Правда, перестройка кочевой экономики на товарность могла занять много времени, а советская власть не могла себе этого позволить. Ситуация в СССР в конце 1920-х гг., когда власть приняла решение о форсированной модернизации сельского хозяйства, перечеркнула предлагавшиеся учеными варианты сохранения и реконструкции кочевой экономики.

⁹² Верхотуров 2010. С. 89–90.

Насколько влиятельной была «партия ученых», определить трудно. Хотя в 1920-х гг. и допускался плюрализм мнений, власть в итоге все равно поступала так, как считала нужным. Тем не менее, нельзя согласиться с мнением Д.Н. Верхотурова, что научные исследования о способе развития казахского хозяйства на основе присущих ему принципов и тенденций «появились лишь в конце 1920-х годов, когда процесс коллективизации стал набирать обороты», и ученые, стоявшие на такой точке зрения, были «немногочисленными»⁹³. Как видно из приведенных данных, таких ученых было достаточно много. Книга под редакцией С.П. Швецова «Казакское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях», которую можно назвать одной из основ вдумчивого подхода к судьбе «кочевой цивилизации», была издана в 1926 г., (т.е. не в конце 1920-х гг.), когда кочевое общество еще сохранялось практически «в первозданном виде», было далеко до массовой коллективизации и даже еще не началась конфискация байских хозяйств.

Конечно, в оценках и мнениях ученых присутствовали противоречия – все-таки они знали кочевое общество не «изнутри», а по материалам исследований. Не было у них и согласия по отдельным вопросам. Однако наличие противоречий не влияло на главную идею – осторожность и отсутствие спешки в решении судьбы «кочевой цивилизации».

В заключение отметим прозорливость А.А. Донича, который уже в 1928 г. сделал вывод о том, что «при проектировке реформы [“кочевых” регионов] будет сделано, наверно, много ошибок. Некоторые из них будут даже очень досадными»⁹⁴. Он оказался прав, что и показал процесс коллективизации и принудительного перевода кочевников на оседлость, начавшийся в 1929 г.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Абылхожин Ж.Б. Традиционная структура Казахстана. Социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920–1930 гг.). Алма-Ата, 1991 [Abylhozhin Zh.B. Tradicionnaya struktura Kazahstana. Social'no-ekonomicheskie aspekty funkcionirovaniya i transformacii (1920–1930 gg.). Alma-Ata, 1991].
- Благоवेशенский В.В. Перспективы количественного развития животноводства // Народное хозяйство Казакстана (НХК). 1926. № 3. С. 16–18 [Blagoveshchenskij V.V. Perspektivy kolichestvennogo razvitiya zhivotnovodstva // Narodnoe hozayajstvo Kazakstana (NHK). 1926. № 3. S. 16–18].
- Букинич Д. Задачи мелиорации в центральном районе Кирреспублики (в Тургайском и Ирگزском уездах) // Советская Киргизия. 1924. № 1-2. С. 96–109 [Bukinich D. Zadachi melioracii v central'nom rajone Kirrespubliki (v Turgajskom i Irgizskom uezdah) // Sovetskaya Kirgiziya. 1924. № 1-2. S. 96–109].
- Верхотуров Д.Н. Ашаршылык: Великий голод в Казахстане 1932–1933 годов. Б.м., 2010. (Эл. издание: <https://selfpub.ru>) [Verhoturov D.N. Asharshylyk: Velikij golod v Kazahstane 1932–1933 godov. B.m., 2010. (El. izdanie: <https://selfpub.ru>)].

⁹³ Верхотуров 2010. С. 30.

⁹⁴ Донич 1928. С. 166.

- Герасимова К.М. Обновленческое движение бурятского ламаистского духовенства (1917–1930 гг.). Улан-Удэ, 1964 [Gerasimova K.M. Obnovlencheskoe dvizhenie bur'yatskogo lamaistskogo duhovenstva (1917–1930 gg.). Ulan-Ude, 1964].
- Дахшлейгер Г.Ф. Из опыта истории оседания казахских кочевых и полукочевых хозяйств (до массовой коллективизации сельского хозяйства) // Советская этнография. 1966. № 4. С. 3–23 [Dahshlejger G.F. Iz opyta istorii osedaniya kazahskih kochevyh i polukochevyh hozyajstv (do massovoj kolektivizacii sel'skogo hozyajstva) // Sovetskaya etnografiya. 1966. № 4. S. 3–23].
- Донич А.Н. Проблема «нового казахского аула» // НХК. 1928. № 4-5. С. 142–168 [Donich A.N. Problema «novogo kazakskogo aula» // NHK. 1928. № 4-5. S. 142–168].
- Д-р Брук. О медицинской помощи кочевому населению КССР // Советская Киргизия. 1924. № 7. С. 20–21 [D-r Bruk. O medicinskoj pomoshchi kochevomu naseleniyu KSSR // Sovetskaya Kirgiziya. 1924. № 7. S. 20–21].
- Ермеков А.А. Организация школ среди казахского населения // НХК. 1926. № 1. С. 113–124 [Ermekov A.A. Organizaciya shkol sredi kazakskogo naseleniya // NHK. 1926. № 1. S. 113–124].
- Зверьяков И.А. От кочевания – к социализму. Алма-Ата–М., 1932 [Zveryakov I.A. Ot kochevaniya – k socializmu. Alma-Ata–M., 1932].
- Исаев У.Д. Национальная политика партии в Казахстане // НХК. 1930. № 5-6. С. 22–26 [Isaev U.D. Nacional'naya politika partii v Kazakstane // NHK. 1930. № 5-6. S. 22–26].
- Каврайский В. Основные вопросы районирования и производственной специализации сельского хозяйства Казахстана // НХК. 1931. № 8-9. С. 72–90 [Kavrajiskij V. Osnovnye voprosy rajonirovaniya i proizvodstvennoj specializacii sel'skogo hozyajstva Kazakstana // NHK. 1931. № 8-9. S. 72–90].
- Казахское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях / Под ред. С.П. Швецова. [Кзыл-Орда], 1926 [Kazakskoe hozyajstvo v ego estestvenno-istoricheskikh i bytovyh usloviyah / Pod red. S.P. Shvecova. [Kzyl-Orda], 1926].
- Казиев С.Ш. Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917–1991 годы): Дис. ... док. ист. наук. М., 2015 [Kaziev S.Sh. Sovetskaya nacional'naya politika i problemy doveriya v mezhetnicheskikh otnosheniyah v Kazahstane (1917–1991 gody): Dis. ... dok. ist. nauk. M., 2015].
- Козлов А.П. Проблемы седентаризации казахского аула в аграрной политике советской власти 1920–1930-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2015. № 6. Ч. II. С. 92–95 [Kozlov A.P. Problemy sedentarizacii kazahskogo aula v agrarnoj politike sovetskoj vlasti 1920–1930-h gg. // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie: Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 6. Ch. II. S. 92–95].
- Кондратьевщина в Казахстане: Сб. ст. Алма-Ата, 1931 [Kondrat'evshchina v Kazakstane: Sb. st. Alma-Ata, 1931].
- Косаков. Об оседании кочевого и полукочевого населения советского Востока // Революция и национальности. 1932. № 5. С. 49–58 [Kosakov. Ob osedanii kochevogo i polukochevogo naseleniya sovetskogo Vostoka // Revoljuciya i nacional'nosti. 1932. № 5. S. 49–58].
- Маслов И.И. Пути использования центрального Казахстана // НХК. 1929. № 4-5. С. 80–87 [Maslov I.I. Puti ispol'zovaniya central'nogo Kazakstana // NHK. 1929. № 4-5. S. 80–87].
- Михайлов В. Хроника великого джута. Алматы, 1996 [Mihajlov V. Hronika velikogo dzhuta. Almaty, 1996].
- Овчинников В.С. Борьба партийных организаций с реакционной деятельностью ламаистского духовенства // Ученые записки Читинского пединститута. 1967. Вып. 15. С. 43–125 [Ovchinnikov V.S. Bor'ba partijnyh organizacij s reakcionnoj deyatelnost'yu lamaistskogo duhovenstva // Uchenye zapiski Chitinskogo pedinstituta. 1967. Вып. 15. S. 43–125].
- Огановский Н.П. Южный Алтай (как можно использовать его природные богатства). М., 1922. [Oganovskij N.P. YUzhnyj Altaj (kak možhno ispol'zovat' ego prirodnye bogatstva). M., 1922].
- Очередные задачи ВКП(б) в Казахстане: Доклад т. Голощекина второму пленуму Казахского краевого комитета 30 апреля 1926 года. Кзыл-Орда, 1926 [Ocherednye zadachi

- VKP(b) v Kazakstane: Doklad t. Goloshchekina vtoromu plenumu Kazakskogo kraevogo komiteta 30 aprelya 1926 goda. Kzyl-Orda, 1926].
- Павлов К. Против великодержавного шовинизма в экономической географии Казахстана // НХК. 1931. № 8-9. С. 147–152 [Pavlov K. Protiv velikoderzhavnogo shovinizma v ekonomicheskoy geografii Kazahstana // NHK. 1931. № 8-9. S. 147–152].
- Пейн М. «Кузница» казахского пролетариата? Турксиб, нативизация и индустриализация в годы сталинского Первого пятилетнего плана // Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М., 2011. С. 273–309 [Pejn M. «Kuznica» kazahskogo proletariata? Turksib, nativizaciya i industrializaciya v gody stalinskogo Pervogo pyatiletnego plana // Gosudarstvo nacij: Imperiya i nacional'noe stroitel'stvo v epohu Lenina i Stalina. M., 2011. S. 273–309].
- Погорельский П. Введение // Сахаров М.Г. Оседание кочевых и полукочевых хозяйств Киргизии. М., 1934. С. 7–41 [Pogorel'skij P. Vvedenie // Saharov M.G. Osedanie kochevyh i polukochevyh hozyajstv Kirgizii. M., 1934. S. 7–41].
- Погорельский П., Батраков В. Экономика кочевого аула Киргизстана. М., 1930 [Pogorel'skij P., Batrakov V. Ekonomika kochevogo aula Kirgizstana. M., 1930].
- Полочанский Е.А. За новый аул-Кстау. М., 1926 [Polochanskij E.A. Za novyj aul-Kstau. M., 1926].
- Потоцкий А.П. Народное хозяйство Казакстана и основные тенденции его развития // НХК. 1927. № 5. С. 3–35 [Potockij A.P. Narodnoe hozyajstvo Kazakstana i osnovnye tendencii ego razvitiya // NHK. 1927. № 5. S. 3–35].
- Платунов Н.И. Переселенческая политика Советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 г.). Томск, 1976 [Platunov N.I. Pereselencheskaya politika Sovetskogo gosudarstva i ee osushchestvlenie v SSSR (1917 – iyun' 1941 gg.). Tomsk, 1976].
- Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) [Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI)].
- Российский государственный архив экономики (РГАЭ) [Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ekonomiki (RGAE)].
- Рукавишников И.А. Пределы земельного обеспечения населения Бурятии (земельные нормы). Верхнеудинск, 1927 [Rukavishnikov I.A. Predely zemel'nogo obespecheniya naseleniya Buryatii (zemel'nye normy). Verhneudinsk, 1927].
- Рыскулов Т.Р. Киргизстан. М.–Л., 1929 [Ryskulov T.R. Kirgizstan. M.–L., 1929].
- Сириус М.Г. Перспективы развития сельского хозяйства Казакстана // НХК. 1926. № 3. С. 3–14 [Sirius M.G. Perspektivy razvitiya sel'skogo hozyajstva Kazakstana // NHK. 1926. № 3. S. 3–14].
- Соколовский В.Г. Казакский аул. Ташкент, 1926 [Sokolovskij V.G. Kazakskij aul. Tashkent, 1926].
- Сыргабеков. Против буржуазных теорий развития сельского хозяйства Казакстана // Большевик Казакстана. 1931. № 5. С. 10–14 [Syrgabekov. Protiv burzhuaznyh teorij razvitiya sel'skogo hozyajstva Kazakstana // Bol'shevik Kazahstana. 1931. № 5. S. 10–14].
- Тезисы к обоснованию перспективного плана народного хозяйства Казакстана с более подробным освещением основных моментов перспективного сельского хозяйства // НХК. 1926. № 1. С. 125–128 [Tezisy k obosnovaniyu perspektivnogo plana narodnogo hozyajstva Kazakstana s bolee podrobnym osveshcheniem osnovnyh momentov perspektivnogo sel'skogo hozyajstva // NHK. 1926. № 1. S. 125–128].
- Тимофеев Е. Проблема пустыни // НХК. 1929. № 8-9. С. 65–73 [Timofeev E. Problema pustyni // NHK. 1929. № 8-9. S. 65–73].
- Тогжанов Г. Буржуазные и мелкобуржуазные «теории» об ауле // НХК. 1931. № 5. С. 21–34 [Togzhanov G. Burzhuaznye i melkoburzhuaznye «teorii» ob aule // NHK. 1931. № 5. S. 21–34].
- Тогжанов Г. Казахский колониальный аул. Ч. I. М., 1934 [Togzhanov G. Kazahskij kolonial'nij aul. Ch. I. M., 1934].
- Трајнин И. От первой ко второй пятилетке // Советское государство. 1932. № 9-10. С. 34–57 [Trajnin I. Ot pervoj ko vtoroj pyatiletke // Sovetskoe gosudarstvo. 1932. № 9-10. S. 34–57].

- Убушиева С.И. Атеистическая пропаганда в Калмыкии. Элиста, 1986 [Ubushieva S.I. Ateisticheskaya propaganda v Kalmykii. Elista, 1986].
- Хаптаев П.Т. Оседание Агинского аймака // Революция и национальности. 1932. № 5. С. 65–73 [Haptaev P.T. Osedanie Aginskogo ajmaka // Revoluciya i nacional'nosti. 1932. № 5. S. 65–73].
- Челинцев А.Н. Перспективы развития сельского хозяйства Казакстана // НХК. 1928. № 4-5. С. 23–39 [Chelincev A.N. Perspektivy razvitiya sel'skogo hozyajstva Kazakstana // NHK. 1928. № 4-5. S. 23–39].
- Черданцев Г.Н. Казакстан. М., 1930 [Cherdancev G.N. Kazakstan. M., 1930].
- Чувелев К.А. О реорганизации кочевого и полукочевого хозяйства // НХК. 1928. № 2-3. С. 43–58 [Chuvelev K.A. O reorganizacii kochevogo i polukochevogo hozyajstva // NHK. 1928. № 2-3. S. 43–58].
- Шаумян М. От кочевья к социализму. Алма-Ата, 1965 [Shaumyan M. Ot kochev'ya k socializmu. Alma-Ata, 1965].

Сеницын Федор Леонидович, кандидат исторических наук, доцент Государственного университета по землеустройству, Москва; permcavt@gmail.com

Soviet Scholars on the Fate of the “Nomadic Civilization” in the 1920s

The article is devoted to the study of approaches of Soviet scholars to the fate of “nomadic civilization”. This problem was important for the authorities, due to the fact that the “nomadic” regions occupied an important strategic position in the Soviet Union, but they were not Sovietized and integrated into the national economy. It is concluded that the Soviet scientists proposed a cautious approach to “nomadic civilization”, based on a sparing attitude to nature and the refusal to waste public resources on its “alteration”, which in most “nomadic” regions had no prospects. The discussion about the fate of the “nomadic” regions was suppressed by the authorities with the beginning of forced modernization of the USSR at the turn of the 1920s and 1930s.

Keywords: nomadism, economy, modernization, USSR, Buryatia, Kazakhstan, Kalmykia, Kyrgyzstan

Fedor Sinitsyn, PhD (History), Associate Professor of the State University for Land Management, Москва; permcavt@gmail.com

ИЗ ИСТОРИИ ИСТОРИОГРАФИИ

А. А. БЕЛИМОВА

РОЖДЕНИЕ ИСТОРИИ В КАТАЛОНИИ СУДЬБА ОДНОЙ СГОРЕВШЕЙ РУКОПИСИ

В статье рассматривается проблема датировки текста Первых Рипольских анналов, которые традиционно считаются в каталонистике наиболее древним из местных исторических нарративов. Автор показывает, что каталонская историография имеет тенденцию искусственно занижать хронологические рамки их составления, и доказывает, что эта тенденция противоречит источниковедческому анализу текста.

Ключевые слова: средневековая Каталония, Первые Рипольские анналы, *Alterum chronicon Rivipullense*, историописание, монастырь Риполь

Имманентен ли интерес к истории человеческому сознанию или складывается в определенный момент развития общества? И насколько уместно говорить о «рождении истории» народа или государства? Эти философские, по сути, вопросы, не раз становились предметом рефлексии историков. Как иначе понять и концептуализировать исторические сочинения прошлого: свидетельствуют ли они в пользу пробуждения интереса к собственной истории у той или иной социальной группы, или же являются лишь новой формой данного интереса, формой письма, текста? И с чем связано возникновение этой формы? С другой стороны, какую оценку дать историческим сочинениям, созданным до возникновения государства? Как мы, историки современности, должны оценивать и исследовать формирование исторической памяти того или иного народа, создание канона знаний о прошлом, заложенного в древности? С подобными вопросами я столкнулась в ходе исследования раннего каталонского историописания. Проблема «рождения истории» Каталонии тесно связана с датировкой т.н. *Первых Рипольских анналов*¹, которые считаются в каталонистике древнейшим памятником местной историографии. Их манускрипт был утрачен еще в XIX веке. В настоящей статье сделана попытка деконструировать вопрос возникновения историографии в Каталонии, отделив достоверные факты о *Первых Рипольских анналах* от гипотез, в разное время выдвигавшихся медиевистами.

На территории современной Каталонии, где после франкской реконкисты (конец VIII – начало IX в.) сложилось около десятка различ-

¹ *Annales de Ripoll I, Alterum chronicon Rivipullense* – это и последующие латинские названия были даны памятникам Ж. Вильянуэвой, испанским эрудитом XIX в., при издании (или упоминании) в его многотомном сборнике выписок и транскрипций из манускриптов испанских церквей и монастырей: Villanueva 1803-1852.

ных политий, традиция ведения исторических сводов появляется достаточно поздно. Современные исследователи отмечают общую скудность историописания, характерную для этого региона². До конца X в. здесь создаются лишь немногочисленные списки франкских и готских королей, да вносятся редкие пометки по истории на поля Вестготской правды³. Рождение собственно «истории» каталонистика датирует обычно концом X в., когда, согласно общепринятой гипотезе, создается свод *Первых Рипольских анналов*. Но внимательный взгляд на данный памятник позволяет заметить шаткость такой датировки, которая в новейшем (2017 г.) компендиуме по истории Арагонской Короны в Средние века преподносится уже не как гипотеза, но как доказанный факт⁴.

Для начала несколько слов о *Рипольской семье анналов*, памятники которой считаются старейшими историческими сочинениями, составленными на территории современной Каталонии и потому относятся к раннему «каталонскому» историописанию. Они происходят из монашеских и городских центров: монастырей Санта-Мария де Риполь, Сен-Виктор де Марсель, архивов Тортозы, Роды. К *Рипольской семье* относят, как правило, шесть текстов: *Первые Рипольские анналы* (*Chronicon alterum Rivipullense, Rivipullense I*), *Вторые Рипольские анналы* (*Chronicon Rivipullense (Rivipullense II)*), *Анналы Роды* (*Alterum chronicon Rotense*), *Вторые анналы Тортозы* (*Chronicon Detusense II*), *Анналы аббатства Сен-Виктор де Марсель* (*Petita chronica de Marsella*)⁵ и *Memoria renovata comitum et episcoporum Ripacurensium*. Испанский исследователь Ф. Баутиста недавно обнаружил среди записей испанского эрудита XVI в. и официального хрониста Арагонского королевства Х. Суриты, копию еще одного фрагмента Рипольских анналов, не совпадающую ни с одним из перечисленных памятников. Манускрипт текста, названного Баутистой при издании *Annales Rivipullenses ad annum 1222*, был, по видимому, утрачен еще до начала XVII в.⁶ В совокупности памятники *Рипольской семьи анналов* охватывают период от начала христианской (или испанской) эры до 1302 г. (в случае со *Вторыми Рипольскими анналами*) или до 1543 г. (в случае с *Анналами аббатства Сен-Виктор де Марсель*). Остальные тексты *Рипольской семьи* имеют гораздо более скромные хронологические масштабы. Обычные трудности с установлением связей между анналами одной семьи (свободное копирование средневековыми писцами чужого текста или его изменение при создании копии; использование одних и тех же источников – списков пап и

² Bisson 1990. P. 281-282.

³ Мнения относительно того, насколько оправданно включать сочинения такого жанра в историописание разнятся: Мереминский 2010. С. 18-25; 2016. С. 16.

⁴ The Crown of Aragon 2017. P. 140.

⁵ См. об этом: Филиппов 2011.

⁶ Bautista 2017. P. 12.

императоров, некрологов и мартирологов) в данном случае усложняются еще и утратой оригиналов, в т.ч. при пожаре в монастыре Риполь в 1835 г. В связи с этим вопрос об архетипе *Рипольской семьи* остается открытым, несмотря на установившийся консенсус относительно оценки *Первых Рипольских анналов* как наиболее древнего памятника⁷.

Перейдем собственно к проблеме *Первых Рипольских анналов* и «рождению истории» Каталонии. Манускрипт памятника, о котором здесь идет речь, как отмечено выше, безвозвратно утерян – сгорел при пожаре в 1835 г. Текст анналов сохранился лишь в транскрипции начала XIX в., сделанной Ж. Вильянуэвой и опубликованной в его обширном труде «*Viage literario a las iglesias de España*»⁸. Эта транскрипция носит во многом иллюстративный характер и не может сравниться с современным научным изданием. В первую очередь, она лишена справочного аппарата: отсутствуют комментарии, описание (и даже название) кодекса, сведения о писцах и времени их работы. Кроме того, непонятно, был ли транскрибирован весь текст или только его часть. В духе своего времени Вильянуэва исправил грамматику в соответствии с нормами классической латыни. Содержащиеся в тексте ошибки идентифицировать невозможно в связи с отсутствием комментариев транскриптора. Неясно, были ли они результатом работы средневекового писца или же самого Вильянуэвы? Все эти соображения не мешают современным исследователям связывать возникновение историописания на каталонских землях с созданием *Первых Рипольских анналов*. Их аргументация⁹ отталкивается от одной из редких пометок, сделанных Вильянуэвой в подготовленной им публикации. Текст *Первых Рипольских анналов* начинается с 27 г. и заканчивается 1191 г. Подробнее всего изложены события второй половины XI–XII в. При этом эрудит напротив записи от 985 г. добавляет, что часть текста после 984 г. написана более поздней рукой¹⁰. Используя этот факт, исследователи связывают прекращение работы над анналами с событиями в графстве Барселонском в 985–988 гг., когда кордовский военачальник аль-Мансур берет Барселону, а граф Боррель II (947–992) отказывается возобновить вассальную присягу новому франкскому королю Гуго Капету. Из сочетания этих данных родилась стройная гипотеза, в соответствии с которой свод синхронно пополнялся до 984 г., а затем был заброшен на неопределенный срок.

Французский ученый М. Зиммерманн сформулировал нашу ведущую гипотезу о радикальном разрыве в самосознании и самоидентификации местного населения в связи с травматичным опытом захвата Бар-

⁷ Cingolani 2012. P.20.

⁸ Villanueva 1806. T. V, P. 241-249.

⁹ Coll i Alentorn 1951-1952; Zimmermann 1980; Bisson 1990; Salrach 1995; Cingolani 2012; Aurell 2012.

¹⁰ Ibid. P. 244: Haec, et quae sequuntur recentiori manu notata sunt.

селоны. По его мнению, этот опыт привел в конце X в. к прекращению ведения свода *Первых Рипольских анналов*, который приблизительно в конце XII в. был закончен и записан как единый текст одним автором¹¹. Несмотря на возражения Т. Биссона и С. Чинголани, которые отрицают решающее влияние 985 г. на местную историографию и выступают против такого длительного перерыва¹², Баутиста развивает предложенную Зиммерманом концепцию «рождения истории». Он считает, что для текстов из Роды и Уржеля (т.е. в *Анналах Роды* и *Memoria renovata*) характерно стремление начинать историю каталонских графств с 985 г.¹³

Идея о становлении «независимой» власти каталонских графов после 988 г. (оно рассматривается обычно как прямое следствие захвата Барселоны), оказалась, таким образом, связана с возникновением исторической памяти «каталонского народа» и записью его истории. Даже для тех, кто не согласен с идеей радикального разрыва с прошлым после 985 г., «рождение истории» Каталонии остается современным эпохе Борреля II, ненадолго предвосхищая «отделение» от Франкского королевства. Поэтому считается, что *Первые Рипольские анналы* отражают утверждение власти графов Барселонского дома в эпоху хронистов.

Так, Ж. Сальрак говорит о трех различных фазах, когда в тексте *Первых Рипольских анналов* происходит изменение перспективы и сужение или расширение пространства. После первой фазы «всеобщей» истории наступает фаза каролингской истории, начинающейся с приходом сарацинов на Пиренейский полуостров. В конце IX в. она переходит в фазу «каталонизации», когда свод замыкается на местных сведениях по церковной и политической истории в связи с началом процесса эмансипации графов Барселонского дома. В этот момент события в королевстве франков и других пиренейских политиях отходят на второй план¹⁴. Сальрак анализирует текст как нечто, существующее вне времени и пространства: не делая предположений, когда и при каких обстоятельствах могли быть внесены записи, он лишь пересказывает содержание *Первых Рипольских анналов*, ограничиваясь очевидной хронологией: 980 гг. для начала свода и 1190-ми – для конца. Этот сложный замысел трансляции власти, выраженный в своде через три фазы истории, становится, поэтому, творением эпохи самого Борреля II. О противоречиях, которые порождает такое временное отождествление, будет сказано ниже.

Итак, то, что *Первые Рипольские анналы* созданы в конце X в. признается каталонистикой как доказанный факт. Однако отсутствие информации о шрифте, которым пользовался летописец, при этом игнорируется. Не принимается во внимание и то, что далеко не всегда автор

¹¹ Zimmermann 1980. P. 207-9.

¹² Bisson 1990. P. 288-289; Cingolani 2012. P. 31.

¹³ Bautista 2009. P. 165.

¹⁴ Salrach 1995. P. 25-26.

доводит свое повествование до современности. Здесь уместно провести параллели со *Вторыми Рипольскими анналами*. В этом своде лишь пятый писец писал о современной ему эпохе (конец XIII – начало XIV в.). В отличие от него, все прочие писцы работали с прошлым, отбирая интересные их события из других письменных источников.

Так, благодаря палеографическим данным, стало известно, что первый писец, чья манера письма характерна для конца XII в., по неясной причине завершил работу на 659 г. Второй и третий писцы, вероятно его младшие современники, писавшие, судя по почерку, в начале XIII в., продолжили свод и довели повествование до 711 г. (четвертый писец вносит лишь две даты – записи за 699 и 711 гг.) Однако затем работа над *Вторыми Рипольскими анналами* прекратилась на долгие годы. За их продолжение в конце XIII в. взялся писец, который довел анналы до современной ему эпохи (1302). Таким образом, здесь мы сталкиваемся с примером легко идентифицируемой «палеографической границы»¹⁵, такой же, какая была, по-видимому, в *Первых Рипольских анналах*.

Остановимся подробнее на существующих гипотезах о времени и обстоятельствах создания *Первых Рипольских анналов*. М. Колл-и-Аленторн считает, что анналы *Рипольской семьи* происходят из монастыря Сан-Мишель де Куша. Он датирует их эпохой аббата Куши Гари (965–996) и графа Сердани Олибы Кабрета (968–988). Его аргументация основана на том, что в тексте Вильянуэвы отмечено, что ряд записей о внутренней истории Риполя (888, 935, 970, 978 и 979) вписаны другой рукой, причем рукой первого автора была внесена запись об освящении капеллы св. Жерма и строительстве базилики св. Мишеля в Куше. Ссылаясь на то, что до 1030–1040-х гг. текст очень лаконичен, и почти все записи являются некрологами, Колл-и-Аленторн предполагает, что свод попадает в Риполь ок. 1032 г., когда Олиба был аббатом обоих упомянутых монастырей. Наконец, он обращает внимание на факт записи в анналах даты начала правления графа Сунифреда из Сердани, который был протектором монастыря в Куше (в других случаях о местных каталонских правителях сообщают только дату смерти)¹⁶.

Таким образом, М. Колл-и-Аленторн, полагаясь только на вторичные сведения, которые могут быть интерпретированы по-разному, предлагает сразу две датировки этапов составления памятника, связывая их с эпохой расцвета двух монастырей — Куша и Риполя.

¹⁵ Я использую здесь термин, предложенный Т.В. Гимоном. Под «палеографической границей» он предлагает понимать «любой визуально наблюдаемый рубеж в рукописи, который может представлять собой смену почерка, видоизменение почерка, смену чернил, смену пера или одновременное изменение по любым двум или трем из этих параметров»: Гимон 2012. С. 328.

¹⁶ Coll i Alentorn 1951–1952. P. 156-157.

Эти гипотетические рассуждения были некритически восприняты последующими исследователями¹⁷. Несмотря на то, что С. Чинголани, впервые издавший полное собрание анналов *Рипольской семьи* (в т.ч. и утраченного *Alterum chronicon Rivipullense* на основании подкорректированного издания Вильянуэвы с комментариями), упоминает о проблемах с датировкой *Первых Рипольских анналов*, его заботит в первую очередь то, как дополняется текст *после* 985 г. Но издатель предлагает пересмотреть дату появления манускрипта *Первых Рипольских анналов* в Риполе, а с ней и этапы его составления. Он обращает внимание на почти полувековой разрыв между предложенной Коллом-и-Аленторном датой создания манускрипта из Куши (ок. 984) и его перемещением и последующим дополнением в Риполе (ок. 1032). В этом случае остается непроясненным вопрос, почему текст не продолжали в 985–1032 гг.? Объясняя эту лауну Чинголани предположил, что манускрипт оказался в Риполе уже в 984–988 гг., когда оба монастыря находились под покровительством графа Олибы Кабрета. По его мнению, многочисленные упоминания святых мучеников, мощи которых хранились в Куше или Риполе, говорят о том, что сразу после этого свод был дополнен информацией из местного мартиролога. В тот момент анналы, возможно, вставили в пасхальные таблицы, чем Чинголани объясняет то, что в первой части свода рука писца не изменяется. Другие сведения по локальной истории монастыря были внесены позднее, что отметил Вильянуэва. Таким образом, по Чинголани, анналы Куши были дважды доработаны в Риполе еще в конце X в.¹⁸ Чинголани надстраивает над гипотезой о 984 г. как моменте создания анналов еще две: о вставке текста в пасхальные таблицы и дополнении сведениями из мартиролога.

На это уместно привести несколько возражений помимо упомянутых выше. Как я уже писала, не существует никаких убедительных доказательств того, что анналы действительно были составлены ок. 984 г., а не записаны позднее и доведены до этой даты по какой-то неясной причине (возможно, в связи со смертью писца). Важнее всего то, что сам текст частично противоречит такой датировке. Баутиста, придерживающийся традиционных взглядов о времени составления *Первых Рипольских анналов*, обращает внимание на ряд сведений, которые должны были быть внесены в текст позднее в связи с заимствованием их из *Анналов Аньяна (Annales Anianenses)*. Эти анналы каролингского времени, являющиеся особенно ценным источником для периода 818–840 гг., сохранились только в поздних списках XI в. Сведения об исламской конкисте, осаде Нарбона и завоевании Жироны Карлом Великим, судя

¹⁷ С ней согласны практически все исследователи памятника: Bisson 1990. P. 288; Salrach 1995. P. 18–19; Aurell 2012. P. 114.

¹⁸ Cingolani 2012 P. 29–30.

по совпадению формулировок, заимствованы из этого источника. Его копия (Paris, Bibliothèque Nationale, lat. 5941, XII в.) была в Риполе, и долгое время считалось, что манускрипт был скопирован в скриптории самого монастыря. Однако в современной науке принято считать местом его создания монастырь Св. Марии в Арль-сюр-Тек (Arles-sur-Tech, деп. Восточные Пиренеи, Франция)¹⁹ и датировать его ок. 1070 г.

В связи с этим Ф. Баутиста предполагает, что манускрипт *Анналов Аньяна* мог попасть в Риполь не раньше конца XI в. Но это ценное наблюдение он списывает на факт позднейшего включения этих сведений в *Рипольские анналы* (хотя в транскрипции Ж. Вильянуэвы они не помечены особо, как другие вставки)²⁰. Т. Биссон высказывает гипотезу, что летописец из Куши работал с более ранним манускриптом *Анналов Аньяна*²¹ (что, конечно, тоже зыбко, поскольку основано на другом предположении – датировке *Первых Рипольских анналов*; его невозможно доказать ввиду отсутствия информации о создании и традиции переписывания *Анналов Аньяна*). Таким образом, еще одно свидетельство в пользу необходимости пересмотра времени создания *Первых Рипольских анналов* интерпретируется так, чтобы сохранить status quo.

Если обратиться к тексту, можно сделать еще ряд важных наблюдений. М. Колл-и-Аленторн уже обратил внимание на то, что записей до конца 1040-х гг. не очень много, и они довольно лаконичны²². Эта часть анналов также географически очень ограничена: до 984 г. здесь упоминается всего несколько графов Безалу и Сердани, и один граф Барселонский – Вифред, дата смерти которого указывает на Вифреда Борреля (хотя для каталонского историописания характерна путаница дат смерти Вифреда Волосатого (870–897) и его сына Вифреда Борреля (897–911)). Такая скудость сведений и узкий кругозор летописца могут свидетельствовать о ретроспективном внесении записей. В своде такого масштаба, начинающем историю со времен Понтия Пилата, Отцов Церкви и христианских мучеников, довольно странно не увидеть более подробных записей о предположительно современной составителю эпохе.

Так, пятый писец, работавший с текстом *Вторых Рипольских анналов* и писавший о современных событиях, упоминает не только королей Арагона и Кастилии и римских пап, но и гораздо менее значимых лиц: виконтов де Фуа, виконтов де Кабрера, графов Пальярса и Ампурияса и др. Это различие может объясняться тем, что двух летописцев (создателя первой части *Первых Рипольских анналов* и создателя финальной части *Вторых Рипольских анналов*) разделяет три века, и они в разной сте-

¹⁹ Dufour 1972. P. 145

²⁰ Bautista 2017. P. 16.

²¹ Bisson 1990. P.285.

²² Coll i Alentorn 1951-1952. P. 157.

пени умеют писать историю. Иными словами, в разной степени владеют мастерством историка, по-разному оценивают необходимую полноту сведений о прошлом, которые необходимо записать. Но это лишь возвращает нас к вопросам, поставленным в начале этой работы.

Мысль о «рождении истории» предполагает, что есть народы, у которых нет истории и интереса к прошлому²³. Взгляд на историографию как на линейную последовательность форм, в которой простейшие погодные записи или царские списки сменяются пространными историческими опусами, противоречит самой логике развития человеческих обществ. В каком-то смысле даже первобытный человек, рисующий на скалах, уже создает «историю»: он отображает окружающую его действительность и события, участником которых он был, будь то сцены охоты или обрядов. Интерес к истории имманентен человеку, изменяются лишь формы выражения этого интереса. При этом задолго до X в. создаются сложнейшие по замыслу и композиции сочинения о прошлом, самый очевидный пример – Библия. Поэтому любой летописец из Риполя не просто «создает» местную историю, даже если первым берется за перо. Он опирается на модели описания прошлого, уже знакомые ему, а, значит, имеет представление, как именно пишется история, в каких формах, с помощью каких языковых средств. Он также напрямую пользуется трудами своих предшественников, включая интересные ему сведения в свой текст: среди источников *Рипольской семьи анналов* – хроники Евсевия-Иеронима, Исидора Севильского и Беды. В этой связи утверждение о линейном развитии жанров историописания в локальной историографии теряет всякий смысл: жанры историографии не могут развиваться автономно от создателей текстов о прошлом, как нечто абстрактное. Эти «письменные сообщения-интерпретации... не существуют как самостоятельные объекты, но являются продуктом дискурса»²⁴. Их авторы воспринимают в процессе социализации и обучения весь накопленный опыт описания прошлого и опираются на него. Поэтому объяснение «лаконичности» анналов или царских списков и «пространности» хроник и историй следует искать в иной плоскости, нежели в степени «развития» исторического нарратива общества. Разница форм историописания может быть связана, с одной стороны, с различными целями составления сочинений, а, с другой стороны, с разной степенью информированности о материале, но не о форме.

Вернемся к тексту *Первых Рипольских анналов*. При изначально небольшом количестве записей за 985–1038 гг. вообще, только две из них сообщают не о смерти. Любопытно, что одна из них²⁵, датируемая

²³ Ср.: Вейнберг 1993. С. 6; Варьяш 2013. С. 317.

²⁴ Репина 2006. С. 26.

²⁵ *Annals de Ripoll* I. Anno MII. Oliba comes factus est monachus.

1002 г. сообщает, что «граф Олиба становится монахом», – абсолютно исключительная для *Первых Рипольских анналов* информация. Широко известно, какое огромное значение для истории Рипольской обители имел этот человек, прославившийся не только как аббат и епископ, но и как поэт, историк и общественный деятель, оставивший после себя богатое эпистолярное, богословское и поэтическое наследие. Однако информацию о том, что он принял постриг в Риполе, никак не мог включить в анналы современник этого события. Должно было пройти время, чтобы появился интерес и стремление внести эту дату в историю монастыря, поскольку для текста такая информация совершенно нетипична. Человек, включивший это сообщение, должен был иметь представление о роли аббата Олибы в рипольской истории, однако при этом он должен был знать, когда произошло это событие.

В связи с этим можно предположить, что все записи как минимум до 1030-1040х гг. были внесены диахронически. Этим объясняется их краткость, а также то, что текст говорит почти исключительно о смерти: практически нет записей о других сюжетах, например, о природных явлениях. Такое объяснение не противоречит пометке Вильянуэвы о более поздней руке писца и снимает вопросы к лаконичности текста в изложении событий вплоть до середины XI в. Саму же пометку проще объяснить, не прибегая к поискам параллелей между историческими событиями и гипотетическими этапами составления *Первых Рипольских анналов*. Если абстрагироваться от сложившихся в научной критике гипотез, то запись Вильянуэвы значит только, что в составлении текста анналов был *значительный перерыв*. Перерыв такой длительности, что за это время изменился шрифт, которым пользовались писцы. Это дало основания транскриптору связать его с более поздним периодом. Другие особенности текста также согласуются с таким объяснением.

Так, обращает на себя внимание запись о завоевании крестоносцами Иерусалима, датируемая автором 1063 г.²⁶ Здесь путаница датировки по испанской и христианской эрам говорит о том, что, как минимум эта, а, возможно, и некоторые предшествующие ей записи, сделаны уже в XII в. Автору записи неизвестна дата завоевания Иерусалима, а также связь его с Клермонским собором, который записан в тексте тридцатью годами позже²⁷. Очевидно, он не был его современником, и внес сообщение об Иерусалиме спустя минимум 25-30 лет после завоевания. Также можно предположить, что запись является более поздней вставкой по отношению к остальной части текста второй половины XI в., которую записал современник событий. В таком случае отсутствие на по-

²⁶ Annals de Ripoll I. Anno MLXIII. Obiit Ranimirus rex. Et fuit captum castrum Dasens. + Capta fuit civitas Ierusalem a christianis mense augusti.

²⁷ Annals de Ripoll I. Anno MLXXXVI. Concilium Urbani papae.

ложенном ей месте (1099 г.) записи о взятии Иерусалима более чем удивительно, учитывая огромный интерес в монастыре к крестоносному движению. В Риполе тщательно собирались известия и переписывались сочинения, прославляющие деяния крестоносцев, а графы Барселонские в составленной в монастыре генеалогии (*Деяния графов Барселонских*) были представлены как защитники Христовой веры и борцы с сарацинами. Таким образом, запись от 1063 г. вряд ли является поздней вставкой: в этом случае непонятно, почему она не была внесена ранее.

Стоит отметить, что соседние записи, повествующие о местных и франкских правителях и епископах, датированы абсолютно правильно. Кроме того, в *Анналах Роды* и *Вторых Рипольских анналах* эта ошибка отсутствует, и дата первого крестового похода находится на положенном ей месте. По-видимому, автор этой части *Первых Рипольских анналов* нашел информацию о завоевании Иерусалима в каком-то источнике и решил, что тот датируется в соответствии с испанской, а не христианской эрой. Он «отнял» лишние года и поместил первый крестовый поход среди событий 1060-х гг.²⁸ При составлении других текстов *Рипольской семьи* могли использоваться иные источники, либо сами эти сочинения были составлены **раньше** *Первых Рипольских анналов*. В любом случае, необходим пересмотр традиционных датировок и прояснение отношений между текстами *Рипольской семьи*.

Есть мнение, что Ж. Вильянуэва не разобрался в испанской и христианской хронологии и поместил при транскрипции некоторые события не на положенном им месте. В частности, такое объяснение путаницы в хронологии предлагает С. Чинголани²⁹. Однако, несмотря на то, что доподлинно неизвестно, в каком именно кодексе находились *Первые Рипольские анналы* и к какому типу их следует относить³⁰, большинство исследователей склоняется к тому, что это были пасхальные анналы. Сам Вильянуэва после своей транскрипции *Первых Рипольских анналов* добавляет: «вслед за этими записями следует пасхальный календарь до 2051 года эры, или 2013 года от Р.Х.»³¹. Поэтому ошибка со стороны Вильянуэвы исключена: копируя страницу за страницей пометки к пасхальному календарю, расположенному хронологически и про-

²⁸ Нужно заметить, что автор «отнял» от нужной даты всего 36 лет, а не 38, как это положено согласно испанской эре.

²⁹ Cingolani 2012 P. 33.

³⁰ М. МакКормик в обобщающей работе о жанре средневековых анналов выделяет четыре типа: 1) т.н. «пасхальные» анналы – заметки, нанесенные на поля таблиц по расчёту Пасхи 2) «младшие» анналы – автономные от пасхальных таблиц краткие хронологические записи 3) «старшие» анналы – пространные погодные записи 4) «независимые» анналы – случайные заметки, как правило, состоящие всего из нескольких записей, вынесенных на поля других сочинений: McCormick 1975.

³¹ Villanueva 1806. T. V, P. 249.

должающемуся от Рождества Христова, транскриптор, правильно пересчитав запись о смерти арагонского короля Рамиро I (1035–1063), просто не мог ошибиться с датой первого крестового похода, которая должна была находиться на той же странице и в той же ячейке. Если же она находилась на другой странице, то гипотеза вовсе теряет смысл: ведь все соседние записи у Виллануэвы расположены хронологически верно.

Наконец, можно предположить, что утраченный манускрипт *Первых Рипольских анналов* являлся более поздней копией написанного ранее текста, и ошибку следует считать результатом работы средневекового писца. Но и этот вариант не исключает высказанной критики устоявшейся датировки: если архетип этой рукописи писался синхронно в конце XI в., почему запись отсутствует на положенном ей месте? Если ошибка присутствовала уже в архетипе, поскольку он удален по времени от события, то каким временем стоит датировать копию и архетип? Аргументация в пользу древности текста становится еще менее весомой. Тем более, что такое объяснение предполагает, что существовал еще одним манускрипт, неизвестный нам по сохранившимся каталогам, который был утрачен. И если известный нам текст *Первых Рипольских анналов* не был оригиналом, значит, все сложившиеся в науке датировки, в т.ч. 984 г., в корне неверны... Интересно, что каталонский исследователь Ж. Сальрак, игнорируя все эти возражения, трактует эту ошибку лишь как «ложный слух», проникший в монастырь извне³².

Таким образом, мы сталкиваемся с еще одним потенциальным разрывом в ведении летописных записей, или же именно он упомянут Вильянуэвой? Я считаю, что первая половина свода (до 984 г.) создается до середины – второй половины XI в. Текст прерывается на 984 г. с утратой интереса или со смертью составителя, и возврат к нему происходит спустя столетие (что вполне соотносится с историей пополнения *Вторых Рипольских анналов*). Такая датировка значительно ближе и к сохранившимся описаниям кодекса, в котором предположительно находились *Первые Рипольские анналы*. Вильянуэва описал ms.19 из каталога Рипольских рукописей³³, составленного директором Архива Арагонской Короны П. де Бофарулем-и-Маскаро: манускрипт конца XI – нач. XII в., который содержит мартиролог, книгу о Пасхальном цикле, таблицы исчисления и хронику³⁴. Более обширное описание Б. Риваса также вполне соответствует предлагаемой мною новой датировке: «прекрасный кодекс из больших листов пергамена с деревянным переплетом. Наполовину романские, наполовину готические буквы, XI век»³⁵. Хотя сам Бо-

³² Salrach 1995. P. 24.

³³ Códices manuscritos de Ripoll 1931. P. 16.

³⁴ Villanueva 1821. T. VIII, P. 55-56.

³⁵ Martínez Díez 1969. P. 333.

фаруль-и-Маскаро говорит о X–XI вв.³⁶, объективность его оценки вызывает сомнения. Будучи политически ангажирован (свою работу он посвятил королю Испании Фердинанду VII), он также обвинялся в фальсификации исторических источников³⁷.

Сложно отследить момент попадания текста в Риполь из Куши, но наличие связей между монастырями, а также примеры других летописных сводов *Рипольской семьи* доказывают, что такое перемещение и продолжение на новом месте спустя продолжительное время не представляет собой ничего необычного. Новый виток дополнения *Первых Рипольских анналов*, когда вносится часть за конец X–XI в., относится уже к середине XII в., когда источник становится более пространным и начинает сообщать все больше сведений различного характера, связанных уже не только со смертями правителей. В этот момент глоссаторами вносятся и дополнительные сведения о Риполе, о которых говорит Ж. Вильянуэва, а также записи о событиях после 984 г.

В следующей части текста любопытен факт двойного упоминания похода на Майорку Рамона Беренгера III: в записях от 1113 г.³⁸ и от 1140 г.³⁹ Первая дата близка к реальной (1114–1115), а вторая ошибочна, что также свидетельствует в пользу их ретроспективного внесения в свод *Первых Рипольских анналов*. В данном случае опять встает вопрос, кому следует приписать эту ошибку: средневековому писцу или Вильянуэве. Но здесь, в отличие от записи о первом крестовом походе, вместе с походом на Майорку упоминаются и другие события, произошедшие в начале 1100-х гг., что говорит о том, что ошибка связана именно с пересчетом и точно не случайна. Однако в силу доводов, изложенных выше, сложно найти аргументы в пользу ответственности Вильянуэвы за эту ошибку: работая с хронологической таблицей, он не мог внести не по порядку запись, удаленную от этого места в пасхальной таблице. При правильной датировке запись о походе на Майорку и записи 1140-х гг. должны были быть разделены в таблице десятком других. Это свидетельствует в пользу ошибки именно писца, который работает уже в конце XII в., т.е. минимум через 25–30 лет после 1140 г.

Впрочем, стоит отметить, что ввиду гибели манускрипта и мои предположения сугубо гипотетичны. Их значение в другом: в необхо-

³⁶ de Bofarull y Mascaró 1836. V. 1, P. III.

³⁷ Ubieto Arteta 1987. P.7ss.

³⁸ Annals de Ripoll I, Anno MCXIII. Hoc anno intravit comes Raymundus cum Pisis Maioricas. Pisani magna vi navium Hispania intrant.

³⁹ Anno MCXXXIX. Comiti Barchinonensi Provinciae ducatus datur et Bisulduni comitatus, et regi Aragonensis imperium Tolete... Raymundus, dux Provinciae et comes Barchinonensis, cum Pisis Maioricas intrat. Maobitae, indignati huius rei causa, Barchinonam venerunt. A Cervaria usque ad praefatum civitatem cuncta perderunt et vastarunt. Post hoc, <de> a paucis devicti, praelio occiduntur in loco qui dicitur Martorell.

димости обратить внимание на сложившийся в каталонистике консенсус относительно «рождения» местной истории, который весьма удобно совпадает и с датой «независимости» графства Барселонского.

Как было отмечено мною выше, Сальрак считает, что *Первые Рипольские анналы* обладают определенной идеологической программой, транслирующей идею передачи власти в регионе: от римских императоров – к франкским королям, от последних – к каталонским графам. Но факт датировки текста концом X в. предполагает, что и сам замысел, и эту программу, следует датировать временем правления Борреля II. Таким образом, получается, что уже во времена упомянутого графа проводится политика сознательного дистанцирования от Франкского королевства и выдвигается, пусть и имплицитно, идея о получении каталонскими графами права на власть от франков. Рассмотренная в данном свете гипотеза Сальрака, по сути, мало чем отличается от продвигаемой Зиммерманом идеи о радикальном сломе в сознании местной власти после 985–988 гг. и о переориентации ее самосознания в русло «независимости» от франков.

Последним графом, утверждённым франкским королем на власть был Вифред Волосатый (870–897). К середине X в. реальные контакты с Франкским королевством, по сути, поддерживались лишь некоторыми монастырями, обращающимися за подтверждением собственных привилегий. Графства же коллективно управлялись потомками Вифреда Волосатого. Дистанцирование давно уже стало свершившимся фактом. Внешняя политика Барселоны в тот момент в значительно большей степени ориентирована на Кордову, чем на Франкское королевство, о чем свидетельствуют посольства, отправленные Боррелем II в 971 и 974 гг. Кризис в халифате и поход аль-Мансура временно подтолкнули графа Барселонского к возобновлению отношений с севером в 985 г., но со стороны франков следует символическое молчание. Поэтому идея о «независимости» графства Барселонского от власти Франкского королевства в связи с отсутствием вассальной присяги Борреля II в настоящий момент значительно пересмотрена. Территория современной Каталонии де-факто контролировалась Барселонским домом автономно от франков задолго до этого символического события.

При этом связка титула с территорией, управляемой графом, возникает в документах только в 1010–1020 гг.⁴⁰ До того существуют лишь конгломераты графств с весьма размытыми границами, управляемые совместно братьями и другими родственниками. Это заметно и по тексту анналов: первым графом, домен которого указан, является именно Боррель II, запись о котором (993 г.) внесена уже на втором этапе исполнения свода. Эта деталь могла бы стать косвенным свидетельством

⁴⁰ Zimmermann 2003. V. 2. P. 1002.

датировки *Первых Рипольских анналов*, но в тексте *Вторых Рипольских анналов* заметна та же тенденция: лишь у Олибы Кабрета (990 г.) появляется упоминание домена. Скорее можно предположить, что умолчание о контролируемой графом территории связано с размытостью политического пространства до конца X в. даже для монахов Риполя, которые считаются хранителями семейной памяти о Барселонском доме. Так, сам Сальрак отмечает отсутствие сведений о графах Пальяrsa, Рибаторсы, Руссильона и Ампурияса в ранних записях анналов *Рипольской семьи*, оговариваясь, что они не интересовали летописца в силу того, что у него не было такого же восприятия Каталонии, которое есть у нас. Однако не впадает ли он в анахроническое предвосхищение Каталонии, когда делает акцент на том, что у средневекового летописца другое восприятие политического пространства? Да и можно ли отнести молчание о соседних графствах на счет отсутствия интереса, или же оно объясняется тем, как удалены уже события X века от летописца?

По-видимому, записи анналов о событиях до конца X в. создаются еще до составления «Деяний графов Барселонских» (1184–1196), которые уже четко разбиты по линиям и организованы по принципу семейств – ответвлений потомков Вифреда Волосатого, правящих в Безалу, Сердани, Уржеле и Барселоне. Такая организация, несомненно, была возможна только на этапе окончательно распада Барселонского дома на несколько ветвей и закрепления за ними власти на определенных территориях. В связи с этим неясно, насколько идеологическая программа, выраженная в тексте *Первых Рипольских анналов*, могла быть реально создана в конце X в. На мой взгляд, она больше соответствует XI веку, разгару феодальных войн в каталонских графствах и эпохе передела власти между линиями, необходимости для них обозначить свои права, показать «генеалогию» власти. В любом случае, сопоставление декларируемой графами Барселонскими политической программы и ранних местных исторических сочинений остается задачей, требующей более внимательного анализа, невозможного в рамках данной работы.

Интересно также провести параллель с текстами, предположительно современными *Первым Рипольским анналам*. Одним из первых свидетельств интереса к описанию прошлого в каталонских графствах считается список франкских королей, составленный епископом Жироны Готмаром (940–951) около 940 г. для будущего халифа Кордовы Аль-Хакама II (961–976). Сохранился только его арабский вариант, который представляет собой простой перечень франкских королей от Хлодвига до Людовика IV (936–954). Другой список подобного рода, на латинском языке, был создан около 990 г. в Роде (RAH, MS 78). Он считается древнейшим латинским перечнем франкских королей. Обычно такие списки рассматривают как памятники, близкие к историописанию ввиду их интереса к прошлому и хронологии. Нетрудно заме-

тить, что эти первые свидетельства исторической памяти в регионе контрастируют с *Первыми Рипольскими анналами* – гораздо более сложным по своему замыслу и композиции сочинением.

По всей видимости, в конце X века еще не сложилась потребность в подробной фиксации прошлого и объяснения через него настоящего. Несмотря на то, что у летописцев из Риполя были примеры подобных сочинений (например, Библия), составление собственного нарратива подобного плана не представлялось им необходимым. Каждый жанр имеет свою функцию и свою роль. Для отстаивания политических притязаний и защиты интересов собственности общественные группы прибегают к разным формам знания о прошлом, и далеко не всегда это знание понятно и доступно современному исследователю. Напротив, довольно часто их развитие мыслится простой эволюционной последовательностью от наиболее «примитивных» (погодные записи, списки правителей) к развитым (истории) образцам исторической рефлексии. Но различия в жанрах объясняются не степенью зрелости исторического воображения, не ступенчатым восхождением от низших форм рефлексии к высшим жанровым образцам, а целями, которые ставят перед собой летописцы. Это подтверждается, на мой взгляд, и тем обстоятельством, что типологически сходные нарративы во многих обществах нередко ведутся параллельно друг другу. Летописные своды часто пишутся в одно и то же время, а хроники продолжают одна другую. И далеко не всегда создание исторического сочинения обеспечивает ему известность, востребованность и воспроизводство в интеллектуальных кругах. В связи с этим, для понимания и концептуализации исторических сочинений прошлого необходим анализ их в контексте времени и интересов конкретных социальных групп, которые занимаются историзацией прошлого, решая современные им политические задачи.

Итак, в современной науке идея о «рождении истории» в Каталонии в связи с созданием *Первых Рипольских анналов* считается неоспоримой. Даже несмотря на то, что гипотеза о «независимости» каталонских графств после событий 985–988 гг. была серьёзно пересмотрена, текст *Первых Рипольских анналов* всё ещё считается творением X века. Эта удревленнная датировка подкрепляется как гибелью оригинала, так и многовековой исследовательской традицией каталонской историографии. Моей целью здесь было не только пересмотреть общепринятую датировку и отодвинуть момент складывания каталонского историописания в XI век. Я также стремилась показать, как желание связать возникновение историописания с «обретением» политической субъектности, «независимой» власти, помысленной в категориях новоевропейского национализма, способно преодолеть все препятствия историко-ведческого характера в претензии на то, чтобы поставить точку в вопросе о «рождении истории» в Каталонии.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Источники

- Códices manuscritos de Ripoll: el inventario de 1823 de Próspero de Bofarull. Ed. Valls i Taberner F. Madrid, 1931. 52 p.
- de Bofarull y Mascaró P. Los condes de Barcelona vindicados, 2 vols. Barcelona, 1836.
- Els annals de la família rivipullense i les genealogies de Pallars-Ribagorça. Monuments d'Historia de la Corona d'Aragó, III. Ed. Cingolani S.M. Valencia: Universitat de València, 2012. 239 p.
- Martínez Díez G. Dos Catálogos inéditos de la Biblioteca del monasterio de Ripoll // Hispania sacra, 1969, № 22, P.333-423.
- Villanueva J. L. Viage literario a las iglesias de España. Madrid, 1803-1852. 22 vols.

Литература

- Варьяш И.И. К вопросу о роли исторического сознания на рубеже XX–XXI вв.: полемизируя с Л.П. Репиной // Диалог со временем. 2013. Вып. 42. С. 308-323 [Var'yash I.I. K voprosu o roli istoricheskogo soznaniya na rubezhe XX–XXI vv.: polemiziruya s L.P. Repinoj // Dialog so vremenem. 2013. Vyp. 42. S. 308-323.]
- Вейнберг И.П. Рождение истории. Историческая мысль на Ближнем Востоке середины I тыс. до н.э. М.: Наука, 1993. 339 с. [Vejnberg I.P. Rozhdenie istorii. Istoricheskaya mysl' na Blizhnem Vostoke seređiny I tysyacheletiya do n.e. M.: Nauka, 1993. 339 s.]
- Гимон Т.В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: сравнительное исследование. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. 689 с. [Gimon T. V. Istoriopisanie rannesrednevekovoj Anglii i Drevnej Rusi: sravnitel'noe issledovanie. M.: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2012. 689 s.]
- История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. 768 с. [Istoriya i pamyat': istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni / pod red. L.P. Repinoj. M.: Krug", 2006. 768 s.]
- Мереминский С.Г. Понятие «историописание», его содержание и границы // Терминология исторической науки. Историописание / Отв. ред. М.С. Бобкова, С.Г. Мереминский: ИВИ РАН, 2010. С. 14-27 [Mereminskij S.G. Ponyatie «istoriopisanie», ego sodержanie i granicy // Terminologiya istoricheskoy nauki. Istoriopisanie / Отв. red. M.S. Bobkova, S.G. Mereminskij: IVI RAN, 2010. S. 14-27]
- Мереминский С.Г. Формирование традиции. Английское историописание второй половины XI – первой половины XII в. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016. 496 с. [Mereminskij S.G. Formirovanie tradicii. Anglijskoe istoriopisanie vtoroj poloviny XI – pervoj poloviny XII v. M.: Universitet Dmitriya Pozharskogo, 2016. 496 s.]
- Репина Л.П. Память и историописание // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. С. 19-46 [Repina L.P. Pamyat' i istoriopisanie // Istoriya i pamyat': istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni / pod red. L.P. Repinoj. M.: Krug", 2006. S. 19-46]
- Филиппов И.С. Анналы Сен-Виктор-де-Марсель: история текста // Люди и тексты. Исторический источник в социальном измерении / под ред. М.С. Бобковой. М., 2011. С. 140-158 [Filippov I.S. Annaly Sen-Viktor-de-Marsel: istoriya teksta // Lyudi i teksty. Istoricheskij istochnik v social'nom izmerenii / pod red. M.S. Bobkovoj. M., 2011. S. 140-158]
- Aurell J. Authoring the Past: History, Autobiography, and Politics in Medieval Catalonia. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2012. 315 p.
- Bautista F. Breve historiografía: Listas regias y anales en la Península Ibérica (Siglos VII-XII) // Talia Dixit 4, 2009. P.113-190.
- Bautista F. Jerónimo Zurita y unos nuevos Anales de Ripoll hasta 1222: edición y estudio // e-Spania [Интернет-ресурс], 27 juin 2017. URL: <http://e-spania.revues.org/26820> (Дата обращения: 11.09.2018).
- Bisson T.N. Unheroed Past: History and Commemoration in South Frankland before the Albigensian Crusades // Speculum. Vol.65, № 2, 1990. P. 281-308.
- Cingolani S. M. Annals de Ripoll I, anys 27-1191 //Els annals de la família rivipullense i les genealogies de Pallars-Ribagorça. Monuments d'Historia de la Corona d'Aragó, III. Ed. Cingolani S.M. Valencia: Universitat de València, 2012. P.23-33.

- Idem. Introducció general als annals de la família rivipullense// Els annals de la família rivipullense i les genealogies de Pallars-Ribagorça. Monuments d'Historia de la Corona d'Aragó, III. Ed. Cingolani S.M. València: Universitat de València, 2012. P.11-22.
- Coll i Alentorn M. La historiografia de Catalunya en el període primitiu// Estudis Romanics, III, Barcelona, 1951-1952, P.139-199.
- Dufour J. La bibliothèque et le scriptorium de Moissac. Centre de recherches d'histoire et de philologie de la IVe section de l'Ecole pratique des hautes études. V. Hautes études médiévales et modernes, 15. Geneva and Paris: Droz, 1972. 184 p.
- McCormick M. Les Annales du haut Moyen Âge. Typologie des Sources du Moyen Âge Occidental: Fasc.14. Turnhout: Brepols, 1975. 58 p.
- Salrach J.M. Contribució dels monjos de Ripoll als orígens de la historiografia catalana: els primers cronicons//Art i cultura als monestirs del Ripolles. Barcelona: Associació dels monestirs del Ripolles. Publicacions de l'abadia de Montserrat, 1995. P.17-35.
- The Crown of Aragon: A Singular Mediterranean Empire. Ed. Sabaté F. Leiden, Boston: Brill, 2017. 578 p.
- Ubieto Arteta A. Creación y desarrollo de la Corona de Aragón, Zaragoza, 1987. 395 p.
- Zimmermann M. Écrire et lire en Catalogne [ixe-xiie siècle]. 2 Vols. Madrid: Casa de Velázquez, 2003. 1403 p.
- Zimmermann M. La prise de Barcelone par Al-Mansfr et la naissance de l'historiographie catalane // L'historiographie en Occident du Ve au XVe siècle. Annales de Bretagne et des Pays de l'Ouest 1980, №87. P.191-218.

Белимова Антонина Александровна, аспирант, кафедра Истории Средних веков, МГУ им. М.В. Ломоносова, antonina.belimova@gmail.com

The birth of history in Catalonia: a fate of one burnt manuscript

This article considers a problem of dating of the First Annals of Ripoll which are traditionally deemed to be the ancient local historical narrative by the Catalan historians. Author shows a tendency of national historiography to understate the possible chronological framework of its composition, and proves this tendency contradicts historiographic analysis of the text.

Keywords: medieval Catalonia, The First Annals of Ripoll, Alterum chronicon Rivipullense, the writing of history, the monastery of Ripoll

Antonina Belimova, postgraduate student, Department of History of the Middle Ages, Lomonosov Moscow State University, antonina.belimova@gmail.com

О. В. АУРОВ, С. Б. БЕЛЕНЬКИЙ

**АЛЬФОНСО X И *FECHO DEL IMPERIO*
В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1960–1980-х гг.**

В статье исследованы основные тенденции эволюции интерпретаций образа короля Кастилии и Леона Альфонсо X Мудрого (1252–1284) и его борьбы за престол Священной Римской Империи (*fecho del imperio*, 1256–1275) в медиевистике США, от преимущественного внимания к политической истории царствования до акцента на политике Мудрого Короля (*Sabio*) в области культуры. Изменение исследовательского ракурса связывается с общими условиями становления и развития американской испанистики в XX в., влиянием прогресса в изучении истории литературы и языка средневековой Испании на сферу исторических исследований, а также особенностями развития мировой медиевистики в указанный период.

Ключевые слова: Альфонсо X Мудрый, средневековая Испания, медиевистика США, культура средневекового Запада, “ренессанс XIII века”, Дж. О’Каллагэн

В данной статье исследуются стереотипы восприятия политической деятельности короля Кастилии и Леона Альфонсо X (1252–1284) и его борьбы за престол Священной Римской империи (именовавшейся современниками «имперским предприятием») – *fecho del imperio*, 1256–1275) в американской медиевистике 1960–1970-х гг. К настоящему времени американская испанистика заслуженно занимает ведущие позиции в мире¹. Помимо прочего, исследование американской историографии Альфонсо X в ее исторической эволюции отражает некоторые общие тенденции развития американской медиевистики второй половины XX в., действие которых ощущается далеко за рамками не только *Alpfonsine Studies* (раздела, специально посвященного изучению деятельности Альфонсо X) и *Hispanic Studies* (испанистики) в целом. Эта проблема затрагивается в небольших по объему трудах Т.Ф. Руиса и Б.Ф. Рейли², но они представляют собой обзоры историографии средневековой Испании в США и лишь по касательной затрагивают область *Alpfonsine Studies*. Работ же, специально посвященных истории изучения фигуры Альфонсо Мудрого в североамериканской медиевистике, не существует, и настоящая статья призвана восполнить этот пробел.

В современной американской медиевистике образ Альфонсо X связывается, в первую очередь, с его преобразованиями в области культуры и с деятельностью королевского скриптория, в котором при непосредственном участии короля были созданы выдающиеся произведения на старокастильском языке, в их числе – историографические памятники

¹ Spain in America 2002.

² Ruiz 2002. P. 299 – 312; Reilly 2015. P. 1-8.

(«Всеобщая история» и «История Испании»), правовые своды («Зерцало», «Королевское фуэро», «Семь Партид»), многочисленные ученые сочинения естественно-научной тематики и др.³ Соответственно, для американских медиевистов 1980–2000-х гг. Альфонсо Х – прежде всего, Мудрый Король и «Император Культуры»⁴, вызывающий всеобщее восхищение, отражающее позитивное отношение к испанской и испаноязычной культуре. Однако так было далеко не всегда. Изначально образ Испании в культуре и гуманитарной науке отличался неоднозначностью, так как на протяжении всего XIX в. Испания выступала в качестве ключевого соперника Америки за влияние на американском континенте, а потому являлась олицетворением «типичной» колониальной империи, которой последовательно противопоставляла себя молодая американская демократия. В американской историографии подобное восприятие отразилось уже в первой половине XIX в. в трудах выдающегося медиевиста У. Хиклинга Прескотта (1796–1859)⁵. Оно несомненно сыграло определенную роль в подготовке общественного мнения США к Испано-американской войне 1897–1898 гг., завершение которой знаменовало собой крах испанской колониальной империи.

Вместе с тем, даже в XIX – начале XX в. образ Испании в американской культуре не был полностью негативным. И дело не только в сознательных действиях элит обеих стран по восстановлению отношений, разорванных в результате войны, но и во влияниях культурного характера, прежде всего, связанных с культурой романтизма и такими видными ее представителями в США, как путешественники и писатели Вашингтон Ирвинг (1773–1859), автор «Рассказов об Альгамбре» (1832) и Генри Уодсворт Лонгфелло (1807–1882), написавший книгу «Испанский студент» (1842). Несколько позднее Испания превратилась в место паломничества английских и американских путешественников и художников, чьи опубликованные записки также сыграли позитивную роль⁶.

Таким образом, неприятие политического строя Испании и ее роли в Америке (против которой, в частности, была направлена знаменитая «доктрина Монро») сосуществовало с позитивным восприятием испанской культуры. Эта последняя тенденция отразилась в деятельности выдающегося американского филантропа, поэта, ученого и коллекционера Арчера Милтона Хантингтона (1870–1955)⁷. Для продвижения испаноязычной культуры в США он основал Испанское общество Америки (1904), обладающее значительным собранием книг, рукописей и произ-

³ Cárdenas 1990. P. 90-108.

⁴ Cárdenas 1990. P. 90-108; The Worlds of Alfonso the Learned 1985.

⁵ Prescott 1838; Prescott 1857-1858; Ticknor 1863.

⁶ Suárez-Zuloaga 2015. P. 65-67.

⁷ Bonet Correa 2015. P. 7-12.

ведений искусства⁸. Возникновение собрания было бы невозможно без влияния матери А. Хантингтона – Арабеллы Дювал (в девичестве – Яррингтон) (1852–1924), ирландки по происхождению⁹. Последний факт представляется весьма существенным, поскольку с начала XX в. интерес к испанской истории (в т.ч. средневековой) в немалой степени подпитывался ростом католической общины США. Для католиков, игравших второстепенную роль в экономике, политике и культуре Америки, былая мощь испанской империи и богатство испанской культуры стали местами памяти и фактором этнокультурной идентичности в рамках идеологии «испанизма» рубежа веков¹⁰. Особенно эта тенденция характерна для консервативно настроенной части американских католиков¹¹.

Интерес к испанской культуре, в свою очередь, хотя и не сразу, создал благоприятную почву для развития исторических исследований, в т.ч. испанского Средневековья¹². Деятельность историков католического вероисповедания поддерживалась рядом специализированных учреждений: в первую очередь следует выделить Католический университет Америки (CUA) в Вашингтоне (основан в 1885 г.). В 1899 г. десятки католических образовательных учреждений объединились в Ассоциацию католических колледжей и университетов (ACCU)¹³.

Уже в 1930 г. директор Департамента истории CUA, священник о. Алоизий Кьеран Циглер (1895–1979)¹⁴ выпустил фундаментальное исследование истории взаимоотношений Церкви и государства в вестготской Испании¹⁵. Крупным американским испанистом стал другой американский католик – Чарльз Джулиан Бишко (1906–2002), выпускник Сиракузского университета и Гарварда¹⁶, он работал в Виргинском университете (г. Шарлотсвилль), активно занимался церковной историей Испании и Португалии¹⁷, а также историей приграничных территорий эпохи Реконксты¹⁸, в которой видел аналог американского фронта.

Бишко создал школу ученых-испанистов, в их числе – Х. Диллард, Б. Рейли, Дж. Пауэрс и Дж. Бродман¹⁹. Труды испанистов следующего поколения стали первыми в американской медиевистике фундаменталь-

⁸ Hispanic Society of America // <http://hispanicsociety.org/about-us/history/>.

⁹ Bonet Correa 2015. P. 9.

¹⁰ Miguel-Prendes 2016. P. 47-73.

¹¹ Ruiz 2002. P. 299.

¹² Ruiz 2002. P. 300-301.

¹³ The Catholic University of America; American Catholic Historical Association.

¹⁴ Aloysius Ziegler (Head of Department) // <https://cuexhibits.wrlc.org/exhibits/show/cua-history-department/the-history-of-cua-history/books-and-bombs--the-catholic-/ziegler>

¹⁵ Ziegler 1930.

¹⁶ Dillard 2002. P. 142-159.

¹⁷ Bishko 1984.

¹⁸ Bishko 1980.

¹⁹ Ruiz 2002. P. 303.

ными исследованиями феномена Альфонсо X. В числе историков, поколения, вошедшего в науку одновременно с учениками Ч.Дж. Бишко, в первую очередь необходимо назвать Джеймса О'Каллагэна, выходца из американско-ирландской католической семьи, учившегося в католических университетах «Ласаль» (г. Филадельфия, Пенсильвания) и Маркетт (г. Милуоки, Висконсин) и преподававшем в Фордемском университете (г. Нью-Йорк) до 1994 г. В 1980 г. О'Каллагэн являлся сопредседателем «Американской католической исторической ассоциации» (вместе с Лоуренсом Д. Макейфи). Научные интересы историка включали (и включают) историю Средних веков в целом, историю средневековой Испании, средневековых институтов на Пиренейском полуострове, особенно – монархии и парламентских учреждений. В ряду этих разнообразных научных интересов нашлось место и для фигуры Альфонсо X, что видно уже по содержанию первой фундаментальной монографии О'Каллагэна – «Истории средневековой Испании», вышедшей первым изданием в 1975 г, с тех пор неоднократно переиздаваемой и к настоящему времени признанной классической далеко за пределами англоязычного мира.

Монография охватывает примерно 1000 лет испанской истории – от появления вестготов на полуострове (415) до взятия Гранады (1497), открытия Америки Колумбом (1492–1499) и начала заpireнейской экспансии объединенной Империи. Название последнего параграфа «Европейская империя»²⁰ в полной мере согласуется с таким подходом. В данном контексте (явно продолжающем линию, намеченную У. Престоном) Альфонсо X посвящена глава, которая именуется «Альфонсо X и соблазн Империи». Акцент в ней делается на процессах политического характера, связанных с завершением основной базы «Великой Реконкисты» Фернандо III (1217–1252) и его сына Альфонсо X, последовавшей за падением Империи альмохадов, борьбе кастильского короля за престол Священной Римской империи (1256–1275), а также сопутствующих им военно-политических событиях (мятеж мусульман-мудехаров (1264–1266/7), отношения с Латинским Востоком, восстания кастильской знати в начале 1270-х, едва не стоившие Альфонсо престола). Большое внимание уделяется также отношениям кастильского короля с его арагоно-каталонскими визави – Жауме I Завоевателем (1213–1276) и Пере III (1276–1285). Глава завершается параграфом «Падение Альфонсо X», где констатируется крах его имперских амбиций и пагубность «соблазна Империи»²¹. Но о культурной политике Альфонсо X, прозванного современниками «Мудрым Королем» (*Rey Sabio*) не сообщается практически ничего, а его прозвище переводится то как *Wise*, то как *Learned*²².

²⁰ O'Callaghan 1975. P. 674.

²¹ O'Callaghan 1975. P. 358-381.

²² O'Callaghan 1975. P. 359.

Правление Альфонсо X О'Каллагэн выстраивает вокруг его попытки стать императором Священной Римской Империи, что прямо констатируется историком: «большую часть его правления главным для Альфонсо X было получить корону Священной Римской Империи»²³. Выражение «соблазн Империи»²⁴ можно было бы трактовать как перевод на английский кастильского *fecho del imperio*, но, при ближайшем рассмотрении, проявляется игра слов, придающая английскому эквиваленту негативный оттенок. Говоря о политических событиях 1256–1275 гг., О'Каллагэн отмечает: в Германии с 1245 г. велась активная борьба за власть, а Альфонсо X вступил в нее, когда в 1256 г. «умер антиимператор, выбранный пропапской фракцией»²⁵. Борьба за престол кастильскому королю позволяло его происхождение – он был сыном Беатрисы Швабской, внучки Фридриха Барбароссы. Практически вся борьба за имперский престол со стороны кастильского короля состояла в выдаче денег различным группировкам имперской знати для получения их поддержки, причем сам пиренейский монарх никогда не бывал и не мог быть в Германии, в отличие, например, от своего соперника Ричарда Корнуольского. Как денежные траты, так и усилия по завоеванию германской короны в ущерб правлению собственным королевством создали Альфонсо X множество врагов на Пиренейском полуострове. Таким образом, *fecho del imperio* предстает у О'Каллагэна абсолютно бессмысленным результатом имперских амбиций – продолжением старых претензий Леона и следствием желания Альфонсо X стать императором не только в Германии, но и в Испании. Однако любые попытки создать в Кастилии сильную монархическую власть вызывали недовольство в среде знати, а идея правовой унификации, выраженная в «Семи Партидах», знаменитом правовом кодексе, полностью провалилась.

Позиция Дж. О'Каллагэна в полной мере соответствовала исследовательским трендам 1960–1980-х гг. в англоязычной испанистике в целом. Показательно, в частности, что изданная в 1975 г. в Барселоне на английском языке книга профессора Ратгерского университета кубинского происхождения Кайетано Х. Сокарраса (1922–1994) была полностью посвящена проблеме краха имперской политики Альфонсо X²⁶. Ученый исследовал судьбы имперской идеи в Испании от ее возникновения в Кастилии и Леоне второй половины XI – XII в. (Альфонсо VI и Альфонсо VII Император) до кристаллизации в эпоху Альфонсо X (с учетом бургундских, влияний) до краха политики *fecho del imperio*. Этот подход слишком явно пересекается с идеями, восходящими к Пре-

²³ O'Callaghan 1975. P. 362

²⁴ В оригинале: «Alfonso X and the Lure of Empire».

²⁵ O'Callaghan 1975. P. 362.

²⁶ Socarras 1975.

стону, чтобы признать его случайным: для британского и американского сознания этого времени концепты империи и ее краха (в т.ч. – применительно к Испании) все еще имели первостепенное значение²⁷.

После выхода в свет «Истории средневековой Испании» О'Каллагэн продолжал заниматься преимущественно политической историей, все более сосредотачиваясь на эпохе Альфонсо X. В своих статьях он разрабатывал такие проблемы, как взаимоотношения Альфонсо X и кастильской Церкви²⁸, экономический упадок, вызванный политикой короля²⁹, законодательство³⁰. Это отражено и в тематике изданных им в тот период монографий «Кортесы Кастилии и Леона, 1188–1350» (1989)³¹ и «Альфонсо X, кортесы и государство в средневековой Испании» (1998)³². В первую очередь, однако, следует выделить написанную историком биографию Альфонсо X – «Ученый король: Альфонсо X Кастильский» (1993)³³, которая получила широкое признание коллег: не случайно книга дважды переиздавалась в Испании, а ее переводчиком стал крупнейший современный специалист по эпохе «Мудрого Короля» М. Гонсалес Хименес³⁴. Книга Дж. О'Каллагэна 1993 г. меньше всего напоминает классическую биографию. Акцент в ее содержании делается на изложении важнейших событий политической истории, построенном по проблемно-хронологическому принципу: вступление короля на престол, методы проведения его внутренней и внешней политики (включая активную законодательную деятельность), отношения с Церковью и светской знатью, городами, этно-конфессиональными меньшинствами, экономическое состояние Кастилии и Леона, мятеж мудехаров 1260-х и мятежи знати 1270-х гг. Внешняя же политика представлена с большим акцентом на хронологию событий: отношения с Португалией, Арагонской Коронай и запыренейскими христианскими государствами, планы африканской экспансии (ст. каст. *fecho de allende*), борьба за имперский престол (она излагается достаточно подробно: ей посвящены целых две главы – 13 и 14), отношения с марокканскими берберами-маринидами.

Вместе с тем, было бы неверным утверждать, что монография 1993 г. отличается от «Истории средневековой Испании» лишь более подробным изложением отдельных аспектов политической истории.

²⁷ Ср., например, выпущенную в тот же период работу британского историка Д.Х. Эллиотта, касающуюся более позднего периода, но явно соотносимую концептуально: Elliott 1963.

²⁸ O'Callaghan 1985. P. 417-429.

²⁹ O'Callaghan 1985. P. 41-67.

³⁰ O'Callaghan 1985 (2). P. 167-179.

³¹ O'Callaghan 1989.

³² O'Callaghan 1998.

³³ O'Callaghan 1996.

³⁴ González Jiménez 2004.

В ее рамки не укладывается содержание двух глав – второй (посвященной характеристике идеологии царствования) и девятой (где говорится о политике короля в области литературы и искусства). В первом случае историк предпринимает углубленный анализ концептуальной составляющей памятников законодательства эпохи Альфонсо X – «Зеркала», «Королевского фуэро» и, конечно, «Семи Партид», с учетом влияния на них политических концепций средневекового аристотелизма (Фома Аквинский и др.). В качестве отдельных проблем выделены понимание государства, участники политического процесса и их роль, представление о королевской власти как средстве достижения блага королевства, патриотизм, отношения с Империей и папством, светский характер кастильской монархии, прерогативы короля как главы государства, концепты тирании и предательства как наиболее тяжких государственных преступлений. Ставится (и решается) проблема взаимосвязи политических идеалов и практической политики³⁵.

Что касается изложения основ культурной политики «Мудрого Короля», то оно носит главным образом фактологический характер: развитие системы университетов, покровительство интеллектуальной деятельности и формирование круга придворных интеллектуалов, характеристика содержания важнейших законодательных памятников, исторических сочинений («Истории Испании» и «Всеобщей и великой истории»), переводов с арабского, поэтических произведений, созданных Альфонсо X либо под его непосредственным руководством. При этом, констатация высочайшего уровня образованности короля и блестящего качества его интеллектуальных трудов не сопровождается попыткой определения их места в политике монарха, за исключением памятников законодательной деятельности³⁶. К этой задаче О'Каллагэн приступает лишь в заключении, но ограничивается замечанием о том, что Альфонсо X был не «сумасшедшим интеллектуалом» на престоле, а образованным и талантливым политиком, целью которого являлось благо его страны и подданных. Печальный же конец царствования видится исследователю лишь следствием чрезвычайной глубины принятых преобразований и поспешностью их проведения в жизнь³⁷.

Вне зависимости от отношения к степени обоснованности этого вывода, тот факт, что в работе над этой книгой Дж. О'Каллагэн вышел за рамки традиционной политической истории, не является случайным. Речь идет о реакции историка на настоящий «филологический поворот», происшедший в смежной области медиевистики, связанной с изучением истории испанского языка и испанской литературы. Не вдаваясь в дета-

³⁵ O'Callaghan 1996. P. 39-54.

³⁶ O'Callaghan 1996. P. 169-187.

³⁷ O'Callaghan 1996. P. 332.

ли, заслуживающие отдельного исследования, отметим, что в 1960-1980-е гг. филологи-испанисты (в первую очередь – ученики выдающегося американского испаниста Ллойда А.У. Кастена (1905–1999) – Д. Нитти, В.Р.Б. Оэшлегер, Р.А. Макдональд, В. Йонксис-Хенкеманс, Дж.Р. Крэдок и др. за короткое время осуществили настоящий прорыв, выпустив в свет фундаментальные словари средневекового кастильского языка и подготовив новые издания важнейших текстов эпохи Альфонсо X. Отвечая на запрос в области, до определенного времени мало интересовавшей историков, американский испанист Джон Келлер (1917–2010) в 1967 г. выступил с книгой об Альфонсо X, в которой на место неудавшегося политика-империалиста был уверенно поставлен *Sabio* (англ. “the Learned King”), покровитель литературы и искусства³⁸. В значительной степени эта работа носила компилятивный характер, однако она обозначила важный тренд, связанный с переносом акцентов с политической истории на культурную и активным продвижением образа Мудрого Короля. Причем в создании этого нового образа активное участие приняли не только американские католики: в 1970–1980-е гг. «привязка» *Alfonsine Studies* к определенной этно-конфессиональной среде если и не исчезла полностью, то значительно ослабла.

Возвращаясь же к тематике трудов Дж. О’Каллагэна конца 1980-начала 1990-х гг., отметим, что в это время, отвечая на вызов коллег-филологов, историк в 1987 г. выпустил в свет первую работу, посвященную не политической, а культурной истории эпохи Альфонсо X – написанным им «Кантигам», хвалебным песнопениям на галисийско-португальском языке в честь Девы Марии³⁹. В тот же период О’Каллагэн принял участие в руководимом о. Р.И. Бернсом проекте, целиком посвященном культурным аспектам деятельности кастильского короля⁴⁰. Впоследствии вышла в свет монография «Альфонсо X и Кантиги Святой Марии: поэтическая биография» (1998)⁴¹ и комментарии к переводу «Хроники Альфонсо X», осуществленному Ш. Трекером (2002)⁴².

На рубеже 1990-2000-х гг. «культурная» проблематика в трудах Дж. О’Каллагэна окончательно возобладала⁴³, что полностью соответствовало новым трендам в развитии *Alfonsine Studies*. Отныне ситуацию в них определяют тренды, связанные с последствиями своеобразного «филологического поворота» 1970–1980 гг. Однако эта тема является предметом, заслуживающим отдельного исследования.

³⁸ Keller 1967.

³⁹ O’Callaghan 1987. P. 387-402.

⁴⁰ O’Callaghan 1990. P. 14-32.

⁴¹ O’Callaghan 1998.

⁴² Chronicle of Alfonso X 2002.

⁴³ O’Callaghan 1991-1992. P. 1-17; O’Callaghan 1999. P. 219-227; O’Callaghan 2001. P. XXX-XL; O’Callaghan Brill, 2003. P. 3-18; O’Callaghan 2014. P. 789-796.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Bishko Ch.J. Spanish and Portuguese Monastic History, 600–1300. L.: Variorum Reprints, 1984. 340 p.
- Bishko Ch.J. Studies in Medieval Spanish Frontier History. L.: Variorum Reprints, 1980. 336 p.
- Bonet Correa A. Semblanza del hispanista Archer Milton Huntington, fundador de la Hispanic Society of America // Cuadernos de arte e iconografía. 2015. T. 24. No. 47. P. 7-12.
- Cárdenas A.J. Alfonso's Scriptorium and Chancery: Role of the Prologue in Bonding the *Translatio Studii* to the *Translatio Potestatis* // Emperor of Culture: Alfonso X the Learned of Castile and His Thirteenth-Century Renaissance / Ed. by R.I. Burns, S.J. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1990. P. 90-108.
- Chronicle of Alfonso X / Introd. and Notes by Joseph F. O'Callaghan. Transl. by Sh. Thacker and José Escobar. Lexington: The University Press of Kentucky, 2002. 280 p.
- Dillard H. Charles Julian Bishko (1906–2002): A Personal Memoir // La corónica: A Journal of Medieval Hispanic Languages, Literatures, and Cultures. 2002. Vol. 31. No. 1. P. 142–159.
- Elliott J.H. Imperial Spain, 1469–1716. London: Edward Arnold, 1963. 429 p.
- González Jiménez M. Alfonso el Sabio. Barcelona: Ariel, 2004. 514 p.
- Keller J.E. Alfonso X, Sabio. New York: Twayne Publishers, 1967. 198 p.
- Miguel-Prendes S. Medieval Iberian Studies: Borgers, Bridges, Fences // American Medieval. Nature and Mind in Cultural Transfer. Göttingen: V&R unipress GmbH, 2016. P. 47-73.
- O'Callaghan J.F. The Cortes of Castile-Leon: 1188-1350. Philadelphia: Un-ty of Pennsylvania Press, 1989. 280 p.
- O'Callaghan J.F. A History of Medieval Spain. Ithaca, L.: Cornell University Press, 1975. 728 p.
- O'Callaghan J.F. Alfonso X and the Cantigas de Santa Maria: A Poetic Biography. Leiden: Brill, 1998. 251 p.
- O'Callaghan J.F. Alfonso X and the Castilian Church // Thought. 1985. No. 60. P. 417-429.
- O'Callaghan J.F. Alfonso X and the Partidas // Las Siete Partidas / Transl. by S.P. Scott. Ed. by R.I. Burns. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2001. P. XXX-XL.
- O'Callaghan J.F. Alfonso X, the Cortes, and Government in Medieval Spain. Cambridge: Ashgate, 1998. 324 p.
- O'Callaghan J.F. El carácter multicultural de la Edad Media: El Ejemplo de la Universidad de Sevilla de Alfonso X el Sabio // Conventus Libri. 1999. No. 9. P. 219-227.
- O'Callaghan J.F. El Rey Sabio: El Reinado de Alfonso X de Castilla / Transl. by M. González Jiménez. Sevilla: Universidad de Sevilla, 1996. 384 p.
- O'Callaghan J.F. Image and Reality: The King Creates his Kingdom // Emperor of Culture: Alfonso X the Learned of Castile and his Thirteenth-Century Renaissance / Ed. R.I. Burns, S.J. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1990. P. 14-32.
- O'Callaghan J.F. Paths to Ruin: The Economic and Financial Policies of Alfonso the Learned // The Worlds of Alfonso the Learned and James the Conqueror / Ed. by R. I. Burns, S.J. Princeton: Princeton University Press, 1985. P. 41-67.
- O'Callaghan J.F. Sobre la promulgación del Espéculo y del Fuero Real // Estudios en homenaje a Don Claudio Sánchez Albornoz en sus 90 Años. Buenos Aires: Instituto de Historia de España, Universidad de Buenos Aires, 1985. P. 167-179.
- O'Callaghan J.F. The Cantigas de Santa María as an Historical Source: Two Examples (nos 321 and 386)." Studies on the Cantigas de Santa María: Art, Music and Poetry // Ed. J.E. Keller, I. Katz. Madison: The Hispanic Seminary of Medieval Studies, Un-ty of Wisconsin, 1987. P. 387-402.
- O'Callaghan J.F. The Ideology of Government in the Reign of Alfonso X of Castile // Exemplaria Hispanica. 1991-1992. No. 1. P. 1-17.
- O'Callaghan J.F. Una ley de las Cortes de Sevilla de 1252 incorporada en la Primera Partida del rey don Alfonso X, el Sabio // Anuario de Historia del Derecho Español. 2014. T. 84. P. 789-796.
- O'Callaghan J.F. War (and Peace) in the Law Codes of Alfonso X // Crusades, Condottiere, and Cannon: Warfare and Society around the Medieval Mediterranean / Ed. by D.J. Kagay and L.J. A. Villalon. Leiden: Brill, 2003. P. 3-18.
- Prescott W. History of the Reign of Ferdinand and Isabella the Catholic of Spain. N.Y.: A.L. Burt, 1838.

- Prescott W. History of the Reign of Philip the Second, King of Spain. 3 vols. Boston: Philips, Sampson & Co., 1857–1858.
- Reilly B.F. Medieval Iberian Studies in the United States // The Emergence of León-Castile, c. 1065–1500. Essays presented to J.F. O’Callaghan / Ed. by J.J. Todesca. Farnham, Surrey: Ashgate, 2015. P. 1-8.
- Ruiz T.F. La historia medieval de España en el mundo norteamericano // Medievalismo. 2002. No. 12. P. 299–312.
- Socarras C.K. Alfonso X of Castile: A Study on Imperialistic Frustration. Barcelona: Ediciones Hispam, 1975. 301 p.
- Spain in America: The Origins of Hispanism in the United States / Ed. by Richard L. Kagan. Urbana, Ill: University of Illinois Press, 2002. 286 p.
- Suárez-Zuloaga I. Huntington, Zuloaga y la divulgación de España en los Estados Unidos // Cuadernos de arte e iconografía. 2015. T. 24. No. 47. P. 65-67.
- The Worlds of Alfonso the Learned and James the Conqueror / Ed. by R. I. Burns, S.J. Princeton: University Press, 1985. 260 p.
- Ticknor G. Life of William H. Prescott. New York: Merrill and Baker, 1863. 386 p.
- Ziegler A.K. Church and State in Visigothic Spain. Washington: Catholic Un-ty of America, 1930. 221 p.

Ауров Олег Валентинович, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС); olegaurov1@yandex.ru

Беленький Станислав Борисович, аспирант, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС); belenky92@mail.ru

Alfonso X and the *Fecho del Imperio* in the American Historiography, 1960s – late 1980s

The article deals with the evolution of interpretations of the image of Alfonso X, King of Castile and León (1252-1284) and his struggle for the throne of the Holy Roman Empire (*fecho del imperio*, 1256-1275) in the American Medieval Studies. These interpretations changed the focus of attention from the political history of the reign to the policy of the Learned King (El Sabio) in the field of culture. This change is explained by different kinds of influences and among them by general conditions of Hispanic Studies’ development in the 20th century, by the progress in the field of studies in Medieval Hispanic philology and linguistics and its influence on the historical studies and by the tendencies of medieval studies in the world during the mentioned period.

Keywords: Alfonso X the Learned, medieval Spain, *fecho del imperio*, medieval studies in the USA, culture of medieval West, the Renaissance of the 13th century, Alfonsine Studies, Hispanic Studies, Joseph F. O’Callaghan

Oleg Aurov, PhD (History), Assistant Professor, School of Advanced Studies in the Humanities; Russian Academy of National Economy and Public Administration; olegaurov1@yandex.ru

Stanislav Belenky, School of Public Policy, Russian Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА), postgraduate student; belenky92@mail.ru

ИСТОРИЯ И ЛИТЕРАТУРА

И. М. НИКОЛЬСКИЙ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС В «ПОХИЩЕНИИ ЕЛЕНЫ» ДРАКОНЦИЯ

В статье анализируется эпиллий «Похищение Елены», написанный карфагенским поэтом Драконцием (V – начало VI в.), – как пример репрезентации политических представлений в творчестве этого автора и в литературном творчестве в целом. Классический мифологический сюжет, возникший в произведении в новой, оригинальной версии, рассматривается как аллегория современных Драконцию событий – конфликта между вандалами и римлянами. Взгляд под таким углом позволяет кардинально переоценить сложившиеся в исследовательской литературе представления о системе и расстановке образов и персонажей в этом произведении.

Ключевые слова: *Драконций, эпиллий, мифы, античность, Рим, Карфаген, вандалы*

Сочинение «Похищение Елены» принадлежит перу латинского поэта Блоссия Эмилия Драконция, жившего в конце V – начале VI в. в Карфагене, в то время столице вандалского королевства, объединившего бывшие римские провинции в Африке. Это произведение – т.н. эпиллий (*epyllion, epyllion*), создано в жанре, под которым принято понимать поэму, сложенную по мотивам известных мифологических сюжетов. У Драконция выделяются целый цикл таких сочинений¹, известных по большей части благодаря сборнику *Romulea* (другое название – *Carmina Profana*, исползуется в парижском издании *Les Belles Lettres*²). Сюда относятся также «Медея», «Размышление Ахилла, выдать ли ему за выкуп тело Гектора» и ряд других произведений с эпической сюжетной основой, в числе которых «Трагедия Ореста», которую издатели приводят отдельно от остальных *Carmina*³.

Драконций прожил насыщенную в политическом смысле жизнь. Немногочисленные, но очень яркие следы его деятельности на этом поприще легко реконструируются по сохранившимся трудам этого автора⁴. Известно, что он происходил из знатной римской семьи, принадлежавшей, возможно, к сенаторскому сословию, получил образование у Фелициана Грамматика, до поры до времени строил вполне успешную карьеру юриста и оратора, был вхож во властные круги – главные по-

¹ Bright 1987; Wasyl 2011.

² Bouquet, Wolff 1995; Wolff 1996.

³ Эти произведения издавались в т. ч. и в русском переводе. См.: Ярхо 2001.

⁴ Эта работа была уже неоднократно проделана исследователями. См. напр.: Romaño 1959: 9–23; Ярхо 2000. С. 208–210; Bright 1999. P. 193; Schetter 1994. S. 342.

зиции в которых перешли к вандалам, при сохранении общего каркаса римской административной системы по крайней мере на муниципальном уровне. Известно, что одно из своих ранних сочинений, «Контроверсию о статуе храброго мужа», поэт декламировал в присутствии проконсула Пацидея⁵. В какой-то момент – наиболее распространена точка зрения, что это произошло между 484 и 496 гг., т.е. в правление короля Гунтамунда – Драконций оказался в опале и был арестован, по причинам, как считается, политического характера⁶. Намек на эти причины содержится в написанном им в тюрьме произведении «Искупление» (*Satisfactio*), изложенной в стихах просьбе о помиловании, адресованной королю вандалов. Автор кается в том, что раньше воспевал не «триумфальные войны» Асдингов (*nominis Asdingui bella triumphegera*, Sat. 22) и не «достойных господ» (*domini modesti*), а некоего «безвестного господина», *dominus ignotus* (Sat. 93–94). Большинство исследователей увидели в этом указание на некий более ранний, не сохранившийся текст, вероятно, панегирического характера, посвященный какому-то другому правителю, личность которого не вызывала у Гунтамунда больших симпатий⁷. Так или иначе, «Искупление» искомым результатов не принесло, и поэт оставался в тюрьме, пока в королевстве не сменился правитель: следующий король, Тразамунд (496–523) освободил Драконция из-под стражи – как полагают, после сочинения соответствующего панегирика, текст которого также не сохранился.

Творчество Драконция соответственно также обычно делится на три этапа – до тюрьмы, во время и после. К до-тюремному относят первые несколько сочинений из сборника *Romulea*, включая два посвящения учителю, Фелициану (*Romulea* 1; 3) и «Контроверсию о статуе храброго мужа» (*Romulea* 5). К тюремному – упомянутое выше «Искупление» и крупнейший сохранившийся труд поэта, «Хвалу Господу» (*De Laudibus Dei*). К пост-тюремному – те самые эпиллии, к числу которых относится и «Похищение Елены»⁸. «Трагедия Ореста» стала, вероятно, самым поздним произведением поэта из их числа. Как правило, в исследованиях, посвященных Драконцию, содержание этих мифологических поэм анализируется вне какого бы то ни было политического контекста. Обычно авторы таких работ ограничиваются поиском параллелей с изображением соответствующих мифов в предшествую-

⁵ *apud proconsulem Pacideium*. См. *Romulea* 5 в издании Ф. Фольмера.

⁶ Подробнее об этом сочинении, а также его перевод на русский язык см. в работе: Никольский 2017.

⁷ Обычно называются имена императоров – Зенона, Анастасия – либо остготского короля Теодориха, либо вандальского же короля Хунериха. См. напр.: Romano 1959. P. 16–23; Bright 1987. P. 14–20; Schetter 1990. S. 90; Obermeier 1999. P. 59–61; Edwards 2004; Merrills 2004.

⁸ О хронологии сочинений Драконция см. напр.: Bright 1999.

щей античной традиции, а робкие попытки рассмотреть эти произведения в несколько более широком интерпретационном поле, ограничиваются сферой религии и вопросов ее трансформации в позднеантичную эпоху. Так, Б. ванн Зил Смит и Г. А. Маррон поняли сюжет «Трагедии Ореста» и «Похищения Елены» как христианскую пропаганду семейных ценностей с осуждением супружеских измен, решив, что соответственно Эгисф с Клитемнестрой (в первом случае) и Парис с Еленой (во втором) представляют модели нежелательного поведения⁹.

В этой статье я постараюсь на примере «Похищения Елены» показать, что, во-первых, эпиллии Драконция могут быть рассмотрены с учетом его политических взглядов и представлений (более того, не могут быть исчерпывающе изучены вне этого контекста), а во-вторых, что этот политический контекст уже в свою очередь может значительно изменить привычную картину системы образов и персонажей, какой она представлена в существующих исследованиях. На такой ход мысли наталкивает прежде всего существование системы сквозных образов, объединяющих мифологические поэмы с откровенно политизированным «Искуплением» и с риторической «Контроверсией», в которой, пусть и не так явно, также угадывается политическая декларация.

Наиболее яркий и распространенный среди этих образов – образ льва. Драконций трижды, сначала в «Контроверсии», затем в «Искуплении» и наконец – в «Похищении Елены», упоминает это животное в контексте сравнения с другим персонажем. В первом случае это *vir fortis*, «храбрый муж», главный герой «Контроверсии», во втором – король Гунтаmund, и в третьем – царь Саламина Теламон. Во всех трех случаях Драконций, изображая льва как пример милосердия и благородства, приводит очень близкие по тексту описания. В них лев представлен зверем, не интересующимся мелкой добычей и потому щадящем ее («Контроверсия» и «Искупление»), и не нападающим на слабого охотника (то же «Искупление» и «Похищение Елены»)¹⁰. Сходство текстов

⁹ Van Zyl Smit 2010; Marrón 2016.

¹⁰ Cp.: Romulea 5 (Controversia). 306–311: Si ratio te nulla movet, si mente cruenta / humana pietate cares, imitare leones / quos feritas generosa iuvat: super arma tenentes / ingruere fremitusque dare procul ore cruento / nobilis ira solet, subjectis parcere gaudet / et praedam rabies contempsit fulva iacentem (Если ничто не смягчает тебя и дух твой кровавый / Вовсе лишен человеческой жалости, — лвам подражай ты! / Дикость в них благородна: на тех, кто грозитя оружием / Смело бросаться и издали рыкать кровавою пастью/ Гнев величавый привык, а покорных щадить они рады, / И презирает добычу лежачую рыжая ярость – перевод З. Морозкиной под ред. М. Л. Гаспарова – см. Гаспаров 1982.) и Sat. 265 – 270: Ut mi irascaris, quis sim <qui> dignior ira / tam magni regis iudicer esse tua? / Quando per aetherias aquila volante rapinas / praeda cibusque fuit passer hirundo picus? / Quando fames rabidi quamvis ieiuna leonis / ut sit, adoptavit faucibus esca lepus? (Что же ты так сильно разгневался на меня, / И я оказался более [чем кто бы то ни было] достоин твоего гнева, и судим столь великим коро-

не укрылось от глаз исследователей – в статье об истоках «львиных» мотивов у Драконция на это обратила внимание Г.А. Маррон¹¹.

Вопросом, тем не менее, остается – насколько искренне Драконций восхвалял благородство льва и, соответственно, сравниваемых с ним персонажей. Некоторые сомнения в положительном настрое автора способна посеять уже «Контroversия», в которой «храбрый муж» – далеко не симпатичный автору герой. По сюжету он, возгордившись военными победами, решил отобрать последнее имущество своего согражданина, бедняка. В описании Драконция это грабитель и провокатор, потенциальный зачинщик гражданской войны; апелляция к благородству льва как единственного хищника, способного на милосердие – представле-

лем? / [Было ли такое], когда добычей и пропитанием орла, парящего в воздухе, / Становился воробей, ласточка или дятел? / [Было ли такое], когда голод толкал в пасть взбешенного льва / зайца в качестве пищи? – перевод мой, см. Никольский 2017); Sat. 137–150: Sic leo terribile fremit horridus ore cruento / Unguibus excussis dente minante neces; / acrius iratus crispato lumine ferri / et mora si fuerit, acrius inde furit; / at si venator trepidans venabula ponat / territus et iaceat, mox perit ira cadens. / Temnit praedo cibos, quos non facit ipse cadaver, / ac ferus ignoscit, ceu satis accipiat, / et dat prostrato veniam sine vulnere victo / ore verecundo deiiciens oculos. / Sic tua, regnator, non impia frangitur ira, / cum confessus erit crimina gesta reus. / Ignoscendo pius nobis imitare Tonantem, / Qui indulget culpis, et veniam tribuit. (Так, ужасный лев страшно рычит кровавой пастью, / Гроза гибелью выпущенными когтями и зубами / И еще больше распалаясь от сверкания взмахов клинка, / А промедление [охотника] делает его еще злее, / И если охотник смутится, в страхе возьмет и отбросит копьё, / То скоро он погибнет, пав жертвой гнева: / Ведь хищнику именно [его] труп нужен для пропитания. / А будучи сытым, зверь отпускает [жертву] и дарует пощаду поверженному / и побежденному, не причиняя ран, отведя взгляд от смущенного лица. / Так, правитель, нет ничего нечестивого в том, чтоб усмирить и твой гнев, / Когда преступник кается в своих преступных делах – / Милостивый прощением к нам подобен Громовержцу, / Что прощает преступления и шадит. – перевод мой, см.: Никольский 2017). и Romulea 8 (De Raptu Helenae). 350–364: Sic magna leonis / ira fremit, cum lata procul venabula cernens venantis crispare manu iam verbera caudae / cruribus incutiens spargit per colla per armos / erecta cervice iubas, jam tenditur altus / dentibus illis et pectus grande remugit / (flumina tunc resonant, montes et lustra resultant); / ast ubi venator reiecta cuspidе sollers / sponte cadit pronusque iacet, perit ira leonis, / turpe putans, non dente suo si praedo iacebit; / temnit praedo cibos, quos non facit ipse cadaver, / ignoscens feritate pia, veniale precatus / venator si cesset iners: sic rector Achivus / frangitur et Phrygibus convivia laeta parari / per septem iubet ipse dies. (Так в ярости страшной бушует / лев, различая вдали, как в руках у охотников копыя / мерно колышутся; хвост по бедрам наносит удары, / вот поднял голову лев, и грива, рассыпавшись, кроет / плечи и шею ему; зубами скрежещет; встает он / и из груди разнеслось рычание громкое (реки / эхо ему шлют в ответ, луга и окрестные горы); / но как, отбросив копьё, охотник искусный на землю / падает быстро ничком и лежит, гнев у льва угасает / значит, добыча зубов избежала свирепых, и хищник, / ту презирает еду, что не сам для себя умертвил он, / в дикости благочестивой прощает, когда для спасенья / все неподвижно лежит охотник. Правитель ахейский / так же от гнева остыл, фригийцев на пир семидневный / сам приглашает – перевод этого произведения здесь и далее – В. Н. Ярхо).

¹¹ Marrón 2017

ние, восходящее еще к Плинию,¹² – становится последним «мирным» аргументом в споре между бедняком и этим «храбрым мужем».

Еще более жесткой риторикой отличается произведение, обычно менее заметное при изучении «львиных» интертекстуальных параллелей, но не менее значимое – посвящение Фелициану Грамматику, известное как первый по счету текст в *Romulea*. В нем говорится о противостоянии римлян – «наследников Ромула» (*Romulides*) – со свирепыми варварами, очевидно, вандалами. Этот конфликт сравнивается с охотой хищников на травоядных животных, остановить которую смог лишь Орфей – его воплощением оказывается как раз Фелициан¹³. Варвары, т.е., по существу вандалы, сопоставляются с дикими зверьми, в числе которых встречается и лев¹⁴, а эпитеты, которые при этом использует Драконций (*fera bestia, cruenta bestia*)¹⁵, далеки от демонстрации восхищения, а скорее наоборот, унизительны для объектов сравнения.

Этот образный ряд мог поменять смысл «Искупления»: сравнение со львом оказывалось для его главного адресата, короля Гунтамунда, уже не хвалебным, а оскорбительным, а сам текст панегирического прошения о помиловании превращался благодаря ему в скрытую издевку – и в этом смысле объяснимо, почему это произведение не помогло Драконцию освободиться¹⁶. Однако отдельный вопрос – как могли заиграть новыми красками образы прочих персонажей, которых Драконций уподоблял льву, с учетом этого обстоятельства, и как мог поменяться смысл других его произведений, в которых это сравнение возникает? «Похищение Елены» здесь занимает особенно важное место, поскольку его герой Теламон оказывается не просто объектом сравнения со львом – но сравнения, почти дословно повторяющегося и в «Контroversии», и в «Искуплении», – то есть становится в определенном смысле продолжением и «храброго мужа», и Гунтамунда.

Исследователи обычно далеки от того, чтобы рассматривать саламинского царя как отрицательного персонажа эпилия. Практически единогласно главным антигероем признается Парис¹⁷. На первый взгляд, это действительно очевидно: он похитил Елену, злоупотребил

¹² См. у Плиния об этом: NH IV.48.

¹³ *Romulea* 1.1–12: *Orpheum vatem renarrant ut priorum litterae... sancte pater, o magister, taliter canendus es* (Как вновь и вновь рассказывают произведения предшественников о поэте Орфее... так и ты, о святой отец, о учитель, столь же достоин быть воспетым – перевод этого сочинения здесь и далее – мой, см. Никольский 2018 – И.Н.).

¹⁴ *Romulea* 1.8: *Non lupum timebat agna, non leonem carnea* (ни овечка не боялась волка, ни серна – льва).

¹⁵ *Romulea* 1.6, 1.4.

¹⁶ Никольский 2018.

¹⁷ Romano 1959. P. 30–37; Bright 1987. P. 85–137, особ. 90; Simons 2005. S. 285–306; Van Zyl Smit 2010; Wasyl 2011. P. 31–39; 52–59, особ. 53, n. 159; Cichoń 2016; Marrón 2016.

гостеприимством ахейцев, разрушив узы брака, лишив Менелая возможности завести потомство¹⁸, и все это спровоцировало войну, в которой было суждено погибнуть невинным троянцам. Драконций сам прямо называет это деяние «преступным»¹⁹, «дерзновением преступного сердца»²⁰ и не скрывает того, что намерен осудить именно поступок Париса. Но если взглянуть на сюжетную канву «Похищения Елены» внимательнее, ответ на вопрос как минимум о виновнике кровопролития между греками и троянцами покажется уже не таким однозначным.

Говоря в начале поэмы о том, что Парис обрек на смерть своих родственников и друзей, Драконций не забывает упомянуть о том, что и «хитроумная Греция осуждена потерять великих мужей» (*De Raptu Helenae* 45–46)²¹. Среди прочих потерь карфагенский поэт называет «Теламонову поросль», Аякса (*De Raptu Helenae* 47–48)²², тут же поясняя, что тот должен погибнуть, «так как мать его Гесиону не возвратили Приаму» (*De Raptu Helenae* 51–52)²³.

По сюжету «Похищения» Аякс – сын Теламона именно от Гесионы, а не Перибеи. Их брак оказывается зеркальным отражением связи между Парисом и Еленой. Обе женщины были отобраны у своих законных «владельцев», Елена у мужа, Менелая, а Гесиона у брата, Приама – и разница в том, что Елена согласилась на свое «похищение» добровольно, а Гесиона была захвачена в плен и стала женой Теламона принудительно, большой роли с точки зрения структуры поэмы не играет. Важны в этом смысле последствия: и те, и другие отношения оказываются нелегитимными и ведут к гибели друзей и родственников тех, кто в них состоит; здесь я позволю себе не согласиться с Г.А. Маррон, по мнению которой, «неправильным» отношениям Париса и Елены противопоставлялись «правильные» – Теламона и Гесионы²⁴. Если продолжать эту

¹⁸ *De Raptu Helenae* 3–10: *Nam prodimus hostem / hospitis et thalami populantem iura mariti, / foedera coniugii, consortia blanda pudoris, / materiem generis, sobolis spem, pignora prolis: / nam totum de matre uenut, de matre creatur / quod membratur homo; pater est fons auctor origo, / sed nihil est <sine> matre pater; quota portio patris / omnis constat homo? Mater fit tota propago.* (Ибо гостя покажем, / гостеприимца права поправшего, спальню супруга, / брачный союз осквернившего, связи стыдливые ложа, / рода основу, надежду в потомстве найти продолженье: / мать – начало всего, из чего сочленяются люди, / матерью все рождено; пусть отец – источник, зачинщик, / все же ничто он без матери: долю какую отцову / каждый хранит человек? От матери – все поколенья).

¹⁹ *De Raptu Helenae* 11: *Ergo nefas Paridis, quod raptor gessit adulter* – Чтобы поведать я смог о похищенье преступном (nefas букв. – «недопустимом») – *И.Н.*)

²⁰ *De Raptu Helenae* 2: *sclerati pectoris ausum*

²¹ *Damnatur gentes, damnatur Graecia sollers / heu uiduanda uiris.*

²² *damnatur Thessalus heros / et Telamone satus, pereunt duo fulmina belli.*

²³ *quod mater reddita non est / Hesione Priamo.*

²⁴ Marrón 2016. P. 97–98.

симметрию, то вслед за параллелью между пострадавшими сторонами (Менелай и Приам), объектами преступных действий (Елена и Гесиона) и последствиями для похитителей (гибель их родственников и невинных сограждан), угадывается параллель и между Парисом и как раз Теламоном как главными виновниками бедствий. Не пожелавший вернуть троянцам Гесиону саламинский царь оказывается ничуть не менее ответственным за последующее кровопролитие, чем Парис. Равенство между ними обозначается, помимо всего прочего, и терминологически: устами Приама Драконций называет удержание Теламоном Гесионы «преступлением», используя слово *scelus*²⁵ (ср. процитированный выше фрагмент – *De Raptu Helenae 2: scelerati pectoris ausum*). Более того, пленение Гесионы и насильственный брак с ней Теламона предшествует похищению Елены, и даже невольно способствует последнему: Парис встретился с ней на переговорах между троянцами и греками, предметом которых была именно судьба Гесионы²⁶. Если иметь это в виду, Теламон оказывается уже не просто таким же преступником, как Парис, но даже еще большим зачинщиком грядущего греко-троянского кровопролития.

В нашем случае, однако, важнее понять, не *кого* из персонажей Драконций назначил ответственным за войну между греками и троянцами, а *что* он мог путем изображения этой войны выразить. Ситуация конфликта не уникальна для его творчества, интригу значительного количества его произведений составляет то или иное противостояние. В посвящении Фелициану Грамматику это столкновение хищников с травоядными, в «Контроверсии» – богатого воина, «храброго мужа», с его согражданином бедняком, в «Искуплении» – поэта-просителя и вандалского короля. Риторика автора от сочинения к сочинению меняется, от бескомпромиссной и безапелляционно обвинительной в ранних сочинениях, посвящении и «Контроверсии», к просительной и извиняющейся в «Искуплении». Однако переходящий из произведения в произведение образ льва каждый раз служит опознавательным знаком именно той стороны, оппонентом которой выступает Драконций.

Учитывая аллегорический ряд посвящения Фелициану, в котором лев как дикий зверь сопоставлялся с варваром, в противовес «наследникам Ромула», а также личность адресата «Искупления», которым выступил вандалский король, можно предположить, что за образом льва, систематически возникавшем в сочинениях Драконция, скрывался образ вандала. В свою очередь, стоявший в основе каждого его сюжета кон-

²⁵ *De Raptu Helenae 279: Quod peteris, Telamon, scelus est et fama pudoris* – То, что мы просим тебя, – преступление и стыд несказанный. (Здесь я склонен согласиться с пояснением В.Н. Ярхо в комментарии к этому месту, что слово *scelus* («преступление») относится скорее к поступку Теламона, чем к факту просьбы – *И.Н.*)

²⁶ Завязка любовной встречи Париса и Елены описывается в 440–494 строках «Похищения».

фликт в таком случае можно считать аллегорией римско-вандалского противостояния. Это противостояние было неминуемо порождено самим фактом оккупации вандалами северной Африки. Их приход породил столкновение совершенно разных групп элит, разделившихся и по культурному (римляне против варваров), и по религиозному (католики против ариан), и по политическому (старая знать против новой) принципу. Описанное в наиболее пиковых формах Виктором Витенским, оно в тех или иных вариациях сохранялось до последних лет существования вандалского королевства. (Показательно, что когда в Карфаген входили войска Юстиниана, практически никто из местного не-вандалского населения не оказал тем сопротивления²⁷).

В «Похищении Елены» через конфликт греков с троянцами было показано, по всей видимости, также именно это противостояние – причем в лице греков, на что указывает пример «льва»-Теламона, возникли не римляне, а именно вандалы. Еще одним указанием такого рода можно считать сравнение Менелая, в том как он вел себя после похищения Елены, с обезумевшей тигрицей (*De Raptu Helenae* 577)²⁸. В этом фрагменте можно усмотреть отсылку к тому самому посвящению Фелициану Грамматику, в котором варвары сравниваются с дикими зверьми: среди них также фигурирует тигрица²⁹. Лагерь греков из «Похищения», таким образом, оказывается новым символическим выражением стаи хищников (= вандалов). Продолжает же эту симметрию, и довольно неожиданным образом, сам – на первый взгляд главный антигерой эпиллия – Парис. Драконций, не раз вспоминая его пастушеское происхождение³⁰, ставит этого персонажа на одну сторону с травоядными, если не с самим Орфеем – Фелицианом из того самого посвящения. Троянцы, таким образом, оказываются в «Похищении Елены» аллегорическим выражением римлян, «наследников Ромула».

Резонный вопрос, который сразу вызывает такая интерпретация поэмы: почему карфагенский поэт столь нарочито выставлял виновной в конфликте «свою» сторону, направив основную часть риторического арсенала против Париса? За этим не стоит ни ошибка, ни смена политических приоритетов или мировоззрения автора. Это вопрос исключительно риторической тактики. В своих ранних произведениях, посвящении Фелициану и «Контроверсии», молодой тогда еще поэт мог себе позволить обвинять противоположную сторону напрямую или путем полупрозрачных намеков. Обретя же некоторый жизненный опыт,

²⁷ Proc. Caes. De Bellis. III. 20. 21.

²⁸ Hircanae sic saepe solent per deuia tigres...

²⁹ Romulea 1.7: lenta tigris, cervus audax, mitis ursus adfuit...

³⁰ De Raptu Helenae 2, 34, 40, 65, 90, 97–98, 118, 138, 148–149 и т. д. В общей сложности – более 20 раз.

в т.ч. тюремный, Драконций, не отказываясь от критики враждебного лагеря, стал в ней гораздо осторожнее. Как особенно хорошо видно по «Искуплению», наиболее заметный акцент в его риторике стал делаться на собственной виновности и восхвалении достоинств оппонента, но более детальное прочтение показывало картину уже не столь однозначной. В «Похищении Елены» этот же прием, по всей видимости, был продемонстрирован в более широком формате. На первый взгляд, виновниками Троянской войны (римско-вандалского конфликта) изображались троянцы (римляне), но при внимательном прочтении выясняется, что виновата в действительности противоположная, т.е. греческая (вандалская в политических реалиях времени Драконция) сторона.

Список сокращений

ВДИ = Вестник древней истории

ИЯКФ = Индоевропейское языковедение и классическая филология

NH = C. Plinii Secundi Naturalis historiae libri XXXVI / ed. C. Mayhoff. Vol. II. Leipzig: Teubner, 1856.

Proc. Caes. De Bellis = Procopius Caesariensis. De Bellis/History of Wars / eds. H. B. Dewing, G. Downey (with English translation). Vol. I–V. London, New York: Harvard University Press, 1914–1928 (Loeb Classical Library).

Romulea 1 = Praefatio Dracontii discipuli ad grammaticum Felicianum // Monumenta Germaniae Historica, Auctores antiquissimi. XIV. Berlin: Weidmann, 1905. S. 132.

Romul. 5 = Blossius Aemilius Dracontius. Controversia de statua viri fortis // Monumenta Germaniae Historica, Auctores antiquissimi. XIV. Berlin: Weidmann, 1905. S. 140–148.

Romulea 8 = Blossius Aemilius Dracontius. De Raptu Helenae / Ed. F. Vollmer // Monumenta Germaniae Historica, Auctores antiquissimi. XIV. Berlin: Weidmann, 1905. S. 156–173; Dracontius. Œuvres. Tome IV: Poèmes profanes VI–X. Fragments. Texte établi et traduit par É. Wolff. Paris: Les Belles Lettres, 1996. P. 13–40.

Sat. = Blossius Aemilius Dracontius. Satisfactio ad Gunthamundum regem Wandalorum / Ed. F. Vollmer // Monumenta Germaniae Historica, Auctores antiquissimi. XIV. Berlin: Weidmann, 1905. S. 114–131; Dracontius. Œuvres. Tome II: Louanges de Dieu, Livre III. Réparation. Texte établi et traduit par C. Moussy. Paris: Les Belles Lettres, 1988. P. 141–224.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Гаспаров М.Л. (ред.). Контroversия о статуе храброго мужа // Поздняя латинская поэзия. М.: Художественная литература, 1982. С. 572–581. [Gasparov M.L. Kontroversiia o statue khrabrogo muzha // *Pozdniata latinskaia poeziia*. Moscow: Khudozhestvennaia literatura. 1982. S. 572–581].

Никольский И.М. Блоссий Эмилиус Драконций. Искупление // Аристей. Вестник классической филологии и античной истории. Т. 16. 2017. С. 73–106. [Nikolsky I.M. Blossii Emilius Drakontsii. Iskuplenie // *Aristei: Vestnik klassicheskoi filologii i antichnoi istorii*. T. 16. 2017. S. 73–106].

Никольский И.М. Панегирик или тонкая издевка? Как образы животных могли менять смысл «Искупления» Блоссия Эмилиуса Драконция // ИЯКФ-XXII. Часть 2. 2018. С. 967–974. [Nikolsky I.M. Panegirik ili tonkaia izdevka? Kak obrazy zhyvotnykh mogli pomeniat' smysl «Iskupleniia» Blossiia Emiliia Drakontsii // *Indoeuropeiskoe iazykoznanie i klassicheskaiia filologiia*. № 22 (2). 2018. S. 967–974].

Ярхо В.Н. Античный мир на пороге Средневековья. «Трагедия Ореста» Драконция // ВДИ. 2000. № 3. С. 208–221. [Yarkho, V.N. Antichnyu mir na poroge Srednevekovyua. «Tragediya Oresta» Drakontsiya // *Vestnik drevney istorii*. № 3. 2000. S. 208–221].

Ярхо В.Н. Мифологические поэмы. М.: Лабиринт, 2001. [Yarkho, V.N. Mifologicheskie poemy. Moscow: Labirint, 2001.]

- Bouquet J., Wolff É. (eds.) *Dracontius. Œuvres. Tome III : La Tragédie d'Oreste. Poèmes profanes I-V*. Paris: Les Belles Lettres, 1995.
- Bright D.F. *The miniature epic in Vandal Africa*. Norman: University of Oklahoma Press, 1987.
- Bright D.F. *The Chronology of the Poems of Dracontius // Classica et Mediaevalia. Revue danoise de philologie et d'histoire. №50. Copenhague, 1999. P. 193–206;*
- Cichoń N. *The Judgement of Paris as Examined by a Lawyer and a Christian Moralists: Dracontius' De raptu Helenae // Symbolae Philologorum Posnaniensium Graecae et Latinae. № 26. 2016. P. 157–170.*
- Edwards M.J. *Dracontius the African and the Fate of Rome // Latomus. № 63. 2004. P. 151–160.*
- Marrón G.A. *Furor impius / non impia ira. Comparaciones de hombres con leones en la obra de Blosio Emilio Draconcio. Euphrosyne: Revista de filología clásica. № 45. 2017. P. 80–95.*
- Marrón G.A. *La maternidad de Hesione en el "De raptu Helenae" de Draconcio // Estudios clásicos. № 150. 2016. P. 91–102.*
- Merrills A. *The perils of panegyric: The lost poem of Dracontius and its consequences // Vandals, Romans and Berbers: New perspectives on Late Antique North Africa / Ed. by A. Merrills. Aldershot: Ashgate, 2004. P. 145–162.*
- Obermeier A. *The History and Anatomy of Auctorial Selfcriticism in the European Middle Ages*. Amsterdam: Brill, 1999.
- Romano D. *Studi Draconziani*. Palermo: U. Manfredi editore, 1959.
- Schetter W. *Zur 'Satisfactio' des Dracontius // Hermes. Bd. 118. H. 1. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1990. S. 90–117.*
- Schetter W. *Über Erfindung und Komposition des 'Orestes' des Dracontius. Zur spätantiken Neugegestaltung eines klassischen Mythos // Willy Schetter. Kaiserzeit und Spätantike: kleine Schriften 1957–1992. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1994 / Hrsg. O. Zwierlein. S. 342–369.*
- Simons R. *Dracontius and der Mythos Christliche Weltansicht und pagane Kultur in der ausgehenden Spätantike*. Leipzig: De Gruyter, 2005.
- Van Zyl Smit B. *The Amorous Queen and the Country Bumpkin: Clytaemestra and Egistus in Dracontius' Orestis Tragoedia // Akroterion. № 55. 2010. P. 25–36.*
- Wasyl A.M. *Genres Rediscovered: Studies in Latin Miniature Epic, Love Elegy, and Epigram of the Romano-Barbaric Age*. Krakow, 2011.
- Wolff É. (ed.) *Dracontius. Œuvres. Tome IV: Poèmes profanes VI-X. Fragments*. Paris: Les Belles Lettres, 1996.

Никольский Иван Михайлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, преподаватель кафедры всеобщей истории ИОИ РАНХуГС; ivan.nikolsky@mail.ru

Political Discourse in Dracontius' *De Raptu Helenae*

The article deals with the epyllion *De Raptu Helenae* written by the Carthaginian poet Dracontius (5th – early 6th century) as an example of representation of political perceptions in literary works in general and in works by this author in particular. Classical myth that have appeared in the piece of fiction in a new, original version, is viewed as an allegory of the events, contemporary with Dracontius, a conflict between the Romans and the Vandals. A view from such perspective gives an opportunity to re-estimate cardinally traditional, widespread in academic research belief about the character system and configuration in this work.

Keywords: Dracontius, epyllion, myths, antiquity, Rome, Carthage, Vandals, North Africa

Ivan Nikolsky, PhD in History, Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Lecturer, Institute of Social Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; ivan.nikolsky@mail.ru

Н. Н. КРЮЧКОВ

ГЕРОЙ ИЗ «ЛЕДЯНОГО ДОМА»: ОБРАЗ А. П. ВОЛЫНСКОГО В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ 1820-1830-х гг.

Статья посвящена анализу художественного образа Артемия Волинского в литературных произведениях 20-30-х гг. XIX в. Отсутствие специальных исследований о событиях аннинского царствования, недоступность исторических документов для образованной части общества, влияние романтизма предопределили литературную традицию. Созданный писателем И.И. Лажечниковым идеализированный образ казненного патриота оказался достаточно долговечен.

Ключевые слова: исторический роман, литературная традиция, художественный образ, историческая память

Казнь кабинет-министра Анны Иоанновны Артемия Петровича Волинского и его товарищей была последней кровавой расправой над столичным дворянством в XVIII в. Фактически до восстания декабристов и суда над их предводителями в 1826 г. ни один аристократ не был казнен по обвинению в государственной измене. Постепенно уходили из жизни свидетели тех событий, менялось мироощущение общества. Человеческая трагедия перешла в разряд исторических легенд, «анекдотов из времен аннинских». Гибель Волинского на эшафоте привлекала внимание не одного поколения русских беллетристов. «Гражданскому подвигу» «борца с немецким засильем» посвящен ряд блестящих литературных произведений (хотя зачастую Волинский не был в них главным героем). Вспоминая слова известного историка и писателя XIX века Е.П. Карновича: «...ничто так не вредит исторической истине, как хорошо написанный исторический роман» [Карнович 1873], отметим, однако, обратное. Именно историография проблемы наложила определенный отпечаток на художественную литературу о Волинском.

Патриотический подъем после Отечественной войны 1812 г. вызвал массовый интерес к личности Артемия Петровича. Поэт-декабрист Кондратий Рылеев воспел гибель Волинского в думах «Волинский» и «Видение Анны Иоанновны» [Рылеев 1975]. В первой из них: «*Стран северных отважный сын / Презрев и казнь и Бироном / Дерзнул на пришельца один / Всю правду высказать пред троном / Открыл царице корень зла / Любимца гордого пороки / Его ужасные дела / Коварный ум и нрав жестокий...*». Еще более яркой была дума «Видение Анны Иоанновны» («Голова Волинского»): кошмары, мучившие императрицу, описаны в ней столь красочно, что цензура запретила ее публикацию. Образ окровавленной головы был весьма романтичен, но остается непонятным, занял бы Волинский столь видное место в творчестве поэта-

революционера если был бы повешен или «всего лишь» сослан в Сибирь. Комментарировать художественные достоинства поэзии Рылеева мы не будем, достаточно привести известный отзыв А.С. Пушкина: «Все они [думы – *Н.К.*] слабы изобретением и изложением. Все они на один покрой: составлены из общих мест (*loci topici*)... описание места действия, речь героя и – нравоучение», – писал Пушкин Рылееву. – «Национального, русского нет в них ничего, кроме имен» [Пушкин 1962].

В 1834 г. в печати появляется роман К.П. Масальского «Регентство Бирона». Как видно из заглавия, действие романа проходит спустя полгода после казни Волынского и его товарищей:

«Валериан! Это какое здание? – спросил Ханыков, взяв друга за руку и указывая на большой деревянный дом с садом, который был огорожен деревянным частоколом. – Это бывший загородный дом кабинет-министра Волынского. – А теперь чей этот дом? – Теперь живет в нем полковник фон Трескау, начальник придворной псовой охоты, с придворными егерями и собаками. – Почему? – Странный вопрос! Разве ты не знаешь, что все имение Волынского конфисковано в казну после того, как отрубили ему голову? Неужели ты забыл это? С тех пор прошло не более четырех месяцев. – А за что отрубили ему голову? – Опять странный вопрос! Весь город знает, что герцог погубил его за то, что Волынский осмелился против него действовать. – Валериан! Тогда еще герцог не был полновластным правителем. Размысли о несчастной судьбе Волынского: что случилось с ним, то и с другим ныне гораздо легче случиться может...» [Масальский 1989: 305].

Русская критика в лице В.Г. Белинского без восторга приняла данный роман: отношение Белинского к Масальскому всегда было пренебрежительным, что объяснялось идеологическими разногласиями. «Регентство Бирона! Понимаете ли вы, что это за эпоха в нашей истории и что может из ней сделать истинный талант? [этот долг теперь за г. Лажечниковым] Что ж сделал из ней г. Масальский? Написал скучную, вялую сказку, в которой не видно ни Бирона, ни тогдашней России, ни тогдашних людей, ибо его Бирон, его люди – образы без лиц; перемените их имена и перенесите их в какую вам угодно эпоху: все будет хорошо и ладно». Как видно из этой цитаты, творчество И.И. Лажечникова вызывало у Белинского восторг [Белинский 1976].

Появившийся в 1835 г. роман Лажечникова «Ледяной дом» выдержал несколько изданий, став популярнейшим бестселлером своего времени. События романа разворачиваются зимой 1740 года на фоне «курьезной свадьбы» шутов, для которой и был выстроен знаменитый ледяной дом. Одна сюжетная линия посвящена открытой борьбе между «русской» и «немецкой» партиями, возглавляемыми А.П. Волынским и Э.И. Бироном. С другой стороны, роман повествует о трагической любви Волынского к молдавской княжне Мариорице Лелемико. Лажечников достаточно вольно обращался с историческими фактами: даже друзья-конфиденты Волынского выведены у него под измененными именами. Впрочем, литературная критика более чем благосклонно отнеслась

к роману «русского Вальтера Скотта». Характерно, что первый критический отзыв в отношении этого произведения прозвучал вовсе не от профессионального литературного критика, а от А.С. Пушкина.

Одним из исторических персонажей, выведенных на страницах книги, был Василий Кириллович ТрEDIAKовский. К несчастью покойного поэта, его литературный образ был нарисован так ярко и убедительно, что это повлияло на отношение к нему читателей. На страницах романа ТрEDIAKовский – бездарность и педант, «вдохновения не было у него ни в голове, ни в сердце», все подавляло «корыстолюбие». Он самодовольно рассказывает «анекдотец о себе и Петре Великом» герою романа вельможе Волынскому: «Извольте ведать, что я обучался элементам наук и древних языков в архангельской школе. Уже в летах младых я обещал в себе изобильные надежды. <...> Всемиловейший государь, блаженные и вечнодостоинные памяти, соблаговолил подойти ко мне, выведенному из ряда прочих школьников, поднял державною дланью власы на главе моей и, взглянув пристально мне в очи, а скиптроною ударив по челу моему, произнес: «О! этот малой труженик: он мастером никогда не будет». Поэт гордится тем, что он стал «мастером», а значит, император в нем ошибся [Лажечников 1955: 56-57]. Лажечников не поспешил на детали, унижающие поэта: тот уходит из дома Волынского и уносит «Тилемахиду», завернутую в один платок с «богатою парой платья», подаренной ему «покровителем». И «пожалован» поэт был вовсе не за свое творчество (вызывающее скуку у просвещенных героев книги), а за посредничество в амурных делах кабинет-министра. Заискивание ТрEDIAKовского перед «сильными персонами» (в их роли выступают и такие ничтожные люди, как сын «барской барыни»), по мысли автора, также должно было подчеркнуть трусость и подлость «писачки».

Даже «торжество» поэта унижительно для него: «государыня рукоплещет» его стихам, посвященным свадьбе шутов. Реальный эпизод избиения поэта «истинным меценатом» Волынским за отказ написать эти стихи не вошел в роман. На момент написания книги автор не знал об этом: жалоба ТрEDIAKовского еще не была опубликована. В издании романа 1835 г. Василий Кириллович ставил ногу на отрубленную голову своего благодетеля Волынского (при переиздании «Ледяного дома» эта «деталь» была писателем из романа изъята).

Характерно, что Пушкин в письме обвинил Лажечникова в необъективности: своим изображением ТрEDIAKовского романист оскорбил «человека, достойного во многих отношениях уважения и благодарности нашей» [Пушкин 1949]. В ответ, сославшись на свидетельства современников тех событий и документы, Лажечников решительно отвечал: «Низких людей, подлецов, шутов считаю обязанностью клеймить, где бы они ни попались мне». Раз ТрEDIAKовский «был низок и подл», значит в том, чтобы «поколотить его, не было большого греха». Лажеч-

ников полностью отрицает и человеческие достоинства ТрEDIAKовского, и какие-либо достоинства его произведений: тот был «писачка, которого заслуги литературные надобно отыскивать в кучах сору» [Лажечников 1949]. Образы Волынского и Бирона не вызвали отповеди Пушкина: он заметил только то, что Бирон «имел несчастье быть немцем; на него свалили весь ужас царствования Анны, которое было в духе его времени и в нравах народа» [Пушкин 1949].

Неизвестно собирался ли сам А.С. Пушкин писать роман о Волынском. Косвенно о его отношении к истории кабинет-министра можно судить по эпизоду из «Капитанской дочки», где о казненном патриоте упоминает Андрей Петрович Гринёв – отец главного героя Петруши Гринёва, осужденного за измену как государственного преступника:

«Сей неожиданный удар едва не убил отца моего. Он лишился обыкновенной своей твердости, и горесть его (обыкновенно немая) изливалась в горьких жалобах. «Как! – повторял он, выходя из себя. – Сын мой участвовал в замыслах Пугачева! Боже праведный, до чего я дожил! Государыня избавляет его от казни! От этого разве легче? Не казнь страшна: пращур мой умер на лобном месте, отстаивая то, что почитал святынею своей совести; отец мой пострадал вместе с Волынским и Хрущевым. Но дворянину изменить своей присяге, соединиться с разбойниками, с убийцами, с беглыми холопьями!.. Стыд и срам нашему роду!..» [Пушкин 1950. С. 533].

Безусловно, образ Волынского, воплощенный на страницах «Ледяного дома», более чем привлекателен. Характерен разговор между русским патриотом Волынским и «хорошим немцем» фельдмаршалом Минихом – автор деликатно обходит тему патриотической германофобии:

«Опять скажу вам, граф, что или меня худо понимают, или на меня клеветают. Не люблю выходцев, ничтожных своими душевными качествами и между тем откупивших себе тайною монополией, неизвестными народу услугами или страдальческим многотерпением право грабить, казнить и миловать нас, русских!.. Но... пришлец в мое отечество, будь он хоть индеец и люби Россию, пригrevшую его, питающую его своєю грудью; служи ей благородно, по разуму и совести – не презирай хоть ее, – и я всегда признаю в нем своего собрата. Вы знаете, отдавал ли я искреннюю дань уважения Остерману, министру Петра Великого – не нынешнему, боже сохрани! – Брюсу и другим, им подобным?.. Презираю иностранца, ползающего перед каким-нибудь козырным валетом, который, с помощью кровавых тузов, хочет выйти в короли; но менее ли достойна презрения эта русская челядь (он указал на толпу, стоявшую униженно около стен, опираясь на свои трости)? Посмотрите на эти подлые, согнутые в дугу фигуры, на эти выстрадавшие от ожидания лица... Скомандуйте им лечь наземь крыжком, польски; поверьте, они это мигом исполнят. Мало? – велите им сбить яблоко не только с головы сына... с младенца у груди жены и поманите их калачом, на котором золотыми буквами напишут – "милость Бирона", – и они целый пук стрел избудут, лишь бы попасть в заданную цель» [Лажечников 1955: 129].

Тем не менее, Пушкин не обманывался насчет личности Волынского. Благодаря В.А. Жуковскому он получил возможность познакомиться с анонимной «Запиской об Артемии Волынском» – конспектом

следственного дела, составленным графом Д.Н. Блудовым для Николая I (1858). Фактически это был единственный (и малодоступный) источник по истории данного периода. Помимо «Записки...» образованная публика могла познакомиться в лучшем случае с мемуарами современников. Единственным доступным «массовому» читателю историческим сочинением была «Русская история» С.Н. Глинки [Глинка 1823], где Волынский был назван «первым другом отечества и усердным служителем престола». Ему же принадлежит фраза, ставшая своеобразным штампом XIX в.: «голова верного сына отечества под секирою палача». Только знакомство со следственным делом могло повлиять на позицию автора.

В этом смысле характерна статья молодого журналиста А.А. Краевского о А.П. Волынском, написанная для «Энциклопедического лексикона» несколько лет спустя после выхода «Ледяного дома». Основным материалом послужила именно «Записка о Артемии Волынском», но автор, вкратце пересказав содержание этого источника, добавил свое суждение о Волынском. По его мнению, казненный кабинет-министр,

«...может и не заслужил такой бедственной участи, но и не приобрел права на благословение потомства». «Он сам подал повод к гонению на себя, не хотел скрыть вражду своей к Остерману, и раздражил своей гордостью и жестокостью людей, даже самых преданных ему. Без этого, может быть, его и не тронули бы, и он мог бы окончить спокойно дни свои. Но жестокость нрава его, безрассудная гордость, злоупотребления по службе, в которых сам он признался, и не благо общее, а личная ненависть, которой в жертву принес он и благосостояние свое и собственную жизнь, все это не позволяет почитать его государственным сановником, который пожертвовал собою за благо отчизны» [Краевский 1838].

Д.И. Языков, в комментариях к «Запискам Василия Александровича Нащокина» [1842: 220] поместил свой отзыв о Волынском:

«...Нащокин отдает справедливость уму Волынского. Современник их князь Яков Петрович Шаховской в своих записках (I, 16, второго издания) говорит, что Волынский был из лучших в кабинете Монаршем дельцов, и все его дела были истинного любителя отечества, славы Монаршей и пользы общей. Но другой современник, генерал Манштейн, отзываясь о нем так: «Человек отличного ума; но непомерно честолюбия, соединенного с большею гордостью и величайшей неосторожностью; он часто каверзничал и во всю свою жизнь был беспокойным человеком». И действительно, рассматривая беспристрастно дела Волынского, можно убедиться, что не благо общее, а личная ненависть к иностранцам погубила его. Он сам подал повод к гонению на себя тем, что не скрывал ненависти своей к Остерману и Бирону. Гордостью и жестокостью он раздражал даже людей, ему преданных. Но все это не оправдывает кровавости Бирона, рука которого отяготела даже на невинном семействе его врага»¹.

Однако образованная публика предпочитала беллетристику и начавшие входить в моду толстые журналы с их критическими статьями.

¹ В современном переводе Волынский «был склонен к интриге и всю жизнь слыл неугомонным человеком».

Влиятельнейшим литературным критиком рубежа 1830–1840-х гг. был В.Г. Белинский, далеко не беспристрастный в своих оценках литературных произведений. Главным для него была пресловутая идейность произведения, причем идейность, соответствующая его видению мира. Статья Белинского о «Ледяном доме» не только иллюстрирует его пристрастность, поскольку критические отзывы о непонравившихся ему литературных произведениях в лучшем случае удастаивались нескольких колких замечаний (как мы видели на примере романа К. Масальского). Она показывает его видение того, каким должен быть исторический роман, как должна изображаться историческая личность. С одной стороны, Белинский ратует за беспристрастность автора в изображении героев:

«В числе действующих лиц мы встречаем двух шутов – Кульковского и Тредиаковского. Оба они были бы прекрасно изображены, если бы автор не сердился на них и не выказывал к ним своего отвращения и презрения. Повторяем: поэт не судья, а свидетель, и свидетель беспристрастный. Он говорит: так было, а хорошо или худо – не мое дело! Для него все люди и хороши, и интересны, он всеми любит, всех любит; любит их такими, каковы они есть. Так натуралист не брезгает никакою гадиною, равно дорожит чучелою отвратительной лягушки, как и чучелою миловидного голубя. Как хорош у г. Лажечникова этот Тредьяковский – его образ выражения, манеры – словом, все превосходно; но насмешки автора над педантом разрушают все очарование. Моральная точка зрения на жизнь и поэтический взгляд на нее – это вода и огонь, взаимно себя уничтожающие. Бесспорно, Тредьяковский был душонка низенькая: образцовая бездарность, соединенная с чудовищными претензиями на гениальность, необходимо предполагают в человеке или глупца, или подлеца» [Белинский 1977: 365].

Характерно, что в отличие от Пушкина, Белинский явно не был знаком ни с обстоятельствами «дела Волынского», ни с ролью В.К. Тредиаковского в русской литературе. С другой стороны, интересно, что Белинский вопреки постулатам реализма склонен прощать автору слишком вольное обращение с историческими фактами:

«Герой – Волынский. Как историческое лицо он и теперь еще загадка. Одни видят в нем героя, мученика за правду; другие отрицают в нем не только патриота, но и порядочного человека. Но мы оставим *исторического* Волынского – нам до него нет дела: мы пишем не об истории, а о романе. Тут представляется другой вопрос: имеет ли право поэт исказить историческое лицо? *Да и нет*, отвечаем мы. Да будет проклят, кто бы нанес святотатственную руку на искажение Петра Великого и умыленно осмелился бы сделать уродливого карлу из великана человечества; но анахронизмы, искажение событий, вследствие требований ткани и механизма романа, – но только без искажения идеи лица, – могут казаться непозволительными или преступными только, вникающему рассудку, а не живому эстетическому чувству. Что же касается до сомнительных или неважных исторических лиц, то и говорить нечего: в произведении искусства должно искать соблюдения художественной, а не исторической истины. Что за важность, что Шиллер из Карлоса, непокорного сына и дурного человека, сделал идеал возвышенного, благородного человека? Худо не это, а то, что его драма есть произведение риторики, а ее лица — риторические аллегории, а не живые создания» [там же].

Подводя итог, отметим что «Ледяной дом» стал знаковым событием в русской литературе, надолго определив развитие исторической романистики. И.И. Лажечников по праву заслужил славу «русского Вальтера Скотта»: впрочем, «анекдоты из времен аннинских», когда-то слышанные писателем, и недоступность исторических источников поставили его в крайне двусмысленное положение мифотворца. Отсутствие исторических исследований по истории аннинского царствования привели к тому, что и писатель, и читающая публика оказались в плену фантазий. Немногие критические отзывы об этом произведении и идеализированном образе А.П. Волынского прозвучали со стороны тех, кто мог ознакомиться с документами – мемуарами современников и следственным делом. Однако информационный вакуум закономерно был заполнен вымыслом, что благословил В.Г. Белинский, сформулировавший идею о примате идейности над реальностью.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Белинский В.Г. Регентство Бирона. Повесть. Соч. К. Мосальского... // В.Г. Белинский Собр. соч.: В 9 т. Т. 1. Статьи, рецензии и заметки 1834–1836. Дмитрий Калинин. Вступит. статья к собр. соч. Н.К. Гея. Статья и примеч. к первому тому Ю.В. Манна. Подготовка текста В.Э. Богграда. М.: «Худож. лит.», 1976. С. 350-352 [Belinskiy V.G. Regentstvo Birona. Povest'. Soch. K. Masal'skogo... // V.G. Belinskiy Sobr. soch.: V 9 t. T. 1. Stat'i, retsenzii i zametki 1834–1836. Dmitriy Kalinin. Vstupit. stat'ya k sobr. soch. N.K. Geya. Stat'ya i primech. k pervomu tomu Yu.V. Manna. Podgotovka teksta V.E. Bograda. M.: «Khudozh. lit.», 1976. S. 350-352.]
- Белинский В.Г. Ледяной дом. Сочинение И.И. Лажечникова Москва. 1835-1838. Четыре части. Басурман. Сочинение И.И. Лажечникова. Москва. 1838. Четыре части // В.Г. Белинский. Собр. соч.: В 9 т. Т. 2. Статьи, рецензии и заметки, апрель 1838 —январь 1840. Ред. Н.К. Гей. Подготовка текста В.Э. Богграда. Статья и примеч. В.Г. Березиной. М., "Художественная литература", 1977. С. 358-С.372 [Belinskiy V.G. Ledyanoy dom. Sochineniye I.I. Lazhechnikova Moskva. 1835-1838. Chetyre chasti. Basurman. Sochineniye I.I. Lazhechnikova. Moskva. 1838. Chetyre chasti // V.G. Belinskiy Sobr. soch.: V 9 t. T. 2. Stat'i, retsenzii i zametki, aprel' 1838 —yanvar' 1840. Red. N.K. Gey. Podgotovka teksta V.E. Bograda. Stat'ya i primech. V.G. Berezinoy. M., "Khudozhestvennaya literatura", 1977. S. 358-S.372]
- Глинка С.Н. Русская история: изд. 3-е, в 14 частях. Ч. VIII. М.: в Университетской типографии, 1823. 208 с. [Glinka S.N. Russkaya istoriya: izd. 3-ye, v 14 chastyakh. CH. VIII. M.: v Universitetskoj tipografii, 1823. 208 s.]
- Записка об Артемии Волынском // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при московском университете (ЧОИДР). Кн. 2, апрель-июнь 1858. С. 135-170 [Zapiska ob Artemii Volynskom // Chteniya v imperatorskom obshestve istorii i drevnostey rossiyskikh pri moskovskom universite (CHOIDR). Kn. 2, aprel'-iyun' 1858. S. 135-170.]
- Записки Василия Александровича Нащокина. СПб., 1842. 384 с. [Zapiski Vasiliya Aleksandrovicha Nashchokina. SPb., 1842. 384 s.]
- Карнович Е.В. Значение Бироновщины в русской истории / Е.В. Карнович // Отечественные записки. 1873. №10. С. 542-577; №11. С. 95-127. [Karnovich Ye.V. Znacheniye Bironovshchiny v russkoy istorii / Ye.V. Karnovich // Otechestvennyye zapiski. 1873. №10. S. 542-577; №11. S. 95-127]
- Краевский А.А. Волынский // Энциклопедический лексикон. Т. XI. СПб., 1838. С.464-473. [Kravevskiy A.A. Volynskiy // Entsiklopedicheskiy leksikon. T. XI. SPb., 1838. S.464-473.]

- Лажечников И.И. Ледяной дом. Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1955. 312 с. [Lazhechnikov I.I. Ledyanoy dom. Smolensk: Smolenskoye knizhnoye izdatel'stvo, 1955. 312 s.]
- Лажечников И.И. Письмо Пушкину А.С., 22 ноября 1835 г. Тверь // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959. Т. 16. Переписка, 1835-1837. 1949. С. 63-67. [Lazhechnikov I.I. Pis'mo Pushkinu A.S., 22 noyabrya 1835 g. Tver' // Pushkin A.S. Poln. sobr. soch.: V 16 t. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937-1959. T. 16. Perepiska, 1835-1837. 1949. S. 63-67]
- Масальский К. Регентство Бирона // Русская историческая повесть первой половины XIX века. М.: Сов. Россия, 1989. С. 246-350 [Masal'skiy K. Regentstvo Birona // Russkaya istoricheskaya povest' pervoy poloviny XIX veka. M.: Sov. Rossiya, 1989. S. 246-350]
- Пушкин А.С. Капитанская дочка // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 10 т. (1-е изд.) М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959. Т. 6. Художественная проза. 1950. С. 391-556. [Pushkin A.S. Kapitanskaya dochka // Pushkin A.S. Poln. sobr. soch.: v 10 t. (1-ye izd.) M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937-1959. T. 6. Khudozhestvennaya proza. 1950. S. 391-556.]
- Пушкин А.С. Письмо Лажечникову И.И., 3 ноября 1835 г. Петербург // Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959. Т. 16. Переписка, 1835-1837. 1949. С. 62. [Pushkin A.S. Pis'mo Lazhechnikovu I.I., 3 noyabrya 1835 g. Peterburg // Pushkin A.S. Poln. sobr. soch.: V 16 t. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937-1959. T. 16. Perepiska, 1835-1837. 1949. S. 62.]
- Пушкин А.С. Письмо Рылееву К.Ф., вторая половина мая 1825 г. Из Михайловского в Петербург // А. С. Пушкин. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 9. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. С. 156 [Pushkin A.S. Pis'mo Ryleyevu K.F., vtoraya polovina maya 1825 g. Iz Mikhaylovskogo v Peterburg // A. S. Pushkin. Sobraniye sochineniy v 10 tomakh. T. 9. M.: Gosudarstvennoye izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury, 1962. S. 156]
- Рылеев К.Ф. Думы / Издание подготовил Л. Г. Фризман. М.: Наука, 1975. 254 с. [Ryleyev K.F. Dumy / Izdaniye podgotovil L. G. Frizman. M.: Nauka, 1975. 254 s.]

Крючков Николай Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и права, Рязанский государственный радиотехнический университет; *n.n._kryuchkov@mail.ru*

A hero from “The Ice House”: a literary representation of A.P. Volynsky in literary works of 1820-1830s

The paper analyzes a literary representation of Artemy Volynsky in literary works of the 1820s –1830s. The absence of special historical studies of the reign of Anna Ioannovna, the inaccessibility of historical documents for the educated part of society, and the influence of Romanticism predetermined the literary tradition. The idealized image of the executed patriot created by I.I. Lazhechnikov turned out to be rather durable.

Keywords: historical novel, literary tradition, literary image, historical memory

Nikolay N. Kryuchkov, Ph.D. in History, Associate Professor, Chair of History, Philosophy & Law, Ryazan State Radioengineering University; *n.n._kryuchkov@mail.ru*

М. Л. АНДРЕЕВ

ДРАМЫ ПИРАНДЕЛЛО В ИСТОРИИ ЖАНРА¹

XIX век в истории драматургии – время формирования драмы как «среднего» жанра, снимающего прямую оппозицию трагедии и комедии и синтезирующего ряд их признаков в новом жанровом образовании. В репертуарной практике это жанровое превращение сказалось в превалировании сюжетов, эксплуатирующих тему супружеской измены, которой в классический период были отмечены в основном пьесы высокого, трагического регистра. У Пиранделло преобладает именно тип репертуарной драмы и сохраняются все его внешние, успевшие стать шаблоном характеристики. Разрушает он этот шаблон либо изнутри, сообщая сюжетной ситуации парадоксальный поворот, тем самым обнажая условность социальных отношений и общепринятой морали, либо, в трилогии «театр в театре», извне – обнажая условность театральной формы и обнаруживая в избитом сюжете трагическое измерение.

Ключевые слова: Л. Пиранделло, драма, театр в театре

Луиджи Пиранделло – один из самых знаменитых драматургов XX века, признанный реформатор драматического искусства. Написал он много (более сорока пьес), но вся его всемирная слава связана в основном с тремя пьесами, обычно объединяемых под рубрикой «театр в театре»: «Шесть персонажей в поисках автора» (*Sei personaggi in cerca d'autore*, 1921), «Каждый по-своему» (*Ciascuno a suo modo*, 1924) и «Сегодня мы импровизируем» (*Questa sera si recita a soggetto*, 1930)². Во всех трех изображено театральное событие: в первой – репетиция, в двух других – спектакль. Абсолютной новацией это не является. Игра с театральной условностью сопровождает всю историю новоевропейской драматургии. У Шекспира в «Укрощении строптивой» есть зритель, а собственно пьеса является элементом розыгрыша, которому подвергается персонаж интродукции. В «Иллюзии» Корнеля волшебник показывает безутешному отцу судьбу пропавшего сына в живых картинах, а под конец сын принимает участие еще в одной пьесе уже как актер (пьеса в пьесе второго порядка). В «Пасквине» Филдинга изображена репетиция двух пьес, на которой присутствуют их авторы и критик, то и дело вмешивающиеся в репетицию и комментирующие сами пьесы. Зрители вмешиваются в ход представления и в комедиях Тика. В «Первой пьесе Фанни» Бернарда Шоу специально приглашен-

¹ Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации "5-100".

² См.: *La trilogia di Pirandello* 1977.

ные критики обсуждают показанный им спектакль, а в число персонажей метатеатральной рамки входит автор.

Опираясь на эту традицию, Пиранделло идет дальше по пути воспроизводства театрального события и его деконструкции. К зрителям и критикам добавляются постановщики, из толпы зрителей выделяются прототипы действующих лиц («Каждый по-своему»), в выведенном на сцену театральном пространстве зал дополняют фойе и коридоры. Наконец, на сцену выходят персонажи еще не написанной пьесы («Шесть персонажей в поисках автора»). Как указывал сам Пиранделло в предисловии (1933) к «окончательному» собранию своих пьес (*edizione definitiva del suo Teatro*), в «Шести персонажах» конфликт происходит между персонажами и труппой (актеры и глава труппы), в «Каждый по-своему» - между зрителями и автором и актерами, в «Сегодня мы импровизируем» - между актерами и режиссером³.

Пиранделло, кроме того, не ограничивается, в отличие от большинства предшественников, эксплуатацией эффектов, порожденных разоблачением театральной иллюзии, а акцентирует в метатеатральных эпизодах излюбленные свои идейные лейтмотивы: соотношение маски и лица, формы и сути, плавающая в зависимости от ракурса идентичность, ненадежность факта. И, кроме того, он резко меняет жанровую принадлежность «вставной» пьесы и ее статус в составе драматического целого. Она у Пиранделло, действительно, вставная. У предшественников по использованию этого приема удельный вес рамы может быть более значительным или менее (скажем, в «Первой пьесе Фанни» ее роль существенно больше, чем в «Укрощении строптивой»), но в любом случае она остается рамой: без нее при желании можно обойтись (что, при постановке «Укрощения строптивой», часто и происходит). У Пиранделло это невозможно. В «Каждый по-своему» пьесу не доигрывают до конца, она срывается из-за скандала. В «Шести персонажах» пьеса попросту не написана: автор отказался ее заканчивать, и теперь ее недовольные герои ищут того, кто мог бы дать им жизнь (а на сцене проигрываются эскизы нескольких эпизодов). Только в «Сегодня мы импровизируем» пьеса доведена до логического конца, но также распадается на отдельные эпизоды, разделенные метатеатральными интермедиями.

Что касается жанровой идентификации пьесы, постановка которой составляет сюжет пьесы в целом, то тут Пиранделло также проявляет оригинальность. У Шекспира, Тика и Шоу это комедия. У Корнеля и Филдинга комедия и трагедия (у Корнеля первый эпизод, основной, – комедия, трагедия – второй, пьеса в пьесе «второго порядка»; у Филдинга репетируются две разножанровые пьесы). Присутствие комедии обязательно, видимо, оно является своеобразным алиби при нарушении

³ Pirandello 1958. V. I. P. 51.

драматических конвенций. У Пиранделло даже об отдельных комедийных включениях говорить не приходится. В «Шести персонажах» атмосфера царит совершенно беспросветная, несчастны все, дети погибают. В «Каждый по-своему» развязки нет (поскольку пьеса оборвана), зато есть трагическая завязка – самоубийство. В «Сегодня мы импровизируем» убит отец и умирает героиня. В общем все это близко к трагедии, однако окончательное жанровое определение дать трудно, в том числе ввиду большей или меньшей сюжетной неполноты.

Игра с театральными конвенциями сопровождается и некоторыми элементами саморефлексии. В «Каждый по своему» критики спорят о драматургии Пиранделло (у Шоу в «Первой пьесе Фанни» тоже есть спор о Шоу), в «Сегодня мы импровизируем» режиссер отмечает те повороты сюжета, в которых его сценарий отличается от новеллы Пиранделло, послужившей ему источником, в «Шести персонажах» персонажи своим появлением прерывают репетицию пьесы Пиранделло «Расклад ролей» (*Il giuoco delle parti*, в переводе Н.Б.Томашевского названа «Игрой интересов»), в отношении которой успевают прозвучать весьма нелицеприятные высказывания («Франция давно уже перестала поставлять нам хорошие комедии и мы вынуждены ставить комедии этого Пиранделло, которого понять – нужно пуд соли съесть и который словно нарочно делает все, чтобы и актеры, и критики, и зритель плевались»)⁴.

«Расклад ролей» (1918), конечно, тоже не комедия, поскольку заканчивается гибелью на дуэли одного из протагонистов, но все же к комедии существенно ближе – здесь, по крайней мере, есть интрига, не очень тонкая, но вполне коварная. Леоне Гала и его жена Силия живут раздельно. Леоне предоставил жене полную свободу, руководствуясь своей философией жизнеповедения, в основе которой лежит что-то вроде квиетизма. У Силии есть любовник – Гвидо Венанци, которого она, однако, держит в ежовых рукавицах. К мужу у нее отношение сложное: внешне она его ненавидит (причем, больше всего за его невозмутимость) и даже говорит Гвидо, что была бы ему благодарна за его убийство, но при этом ее к нему тянет, и она все время пытается ему что-то доказать. Как-то вечером в квартиру Силии вламываются четверо подвыпивших синьоров, принимая ее за девушку легкого поведения. Силия некоторое время поддерживает их в этом заблуждении и выставляет вон, только получив визитную карточку от одного из непрошенных гостей, маркиза Мильорити. Тем самым она ставит мужа перед необходимостью вызвать обидчика на дуэль. Леоне, к удивлению жены, соглашается (она начинает раскаиваться в том, что до этого довела) и требует, чтобы одним из секундантов был Гвидо. При этом мар-

⁴ Пиранделло 1960. С. 352.

киз отличный стрелок и фехтовальщик, а Леоне никогда не брал в руки шпагу. Условия, которые обговаривает Гвидо, оказываются крайне жестокими. Утром в день дуэли секунданты, явившиеся на квартиру к Леоне, застают его спящим; когда его удается добудиться, он заявляет, что свою роль уже сыграл (послав вызов), а роль дуэлянта по праву принадлежит Гвидо. Тот вынужден согласиться. Пьеса заканчивается сценой с ворвавшимся в комнату за инструментами врачом и отчаянным криком Силии: «Он убит?»

На первый взгляд никаких существенных сюжетных или структурных аналогий со вставными пьесами из «театра в театре» эта пьеса не содержит. В «Шести персонажах» намечены всего два эпизода: отец, наведавшись в публичный дом, только чудом не совершает инцест с дочерью; девочка тонет в бассейне, мальчик застреливается. В «Каждый по-своему» художник, обрученный с актрисой, застаёт ее с другим и кончает с собой. Это предыстория, а непосредственно в ходе действия персонажи не столько совершают поступки, сколько меняют точку зрения на произошедшее. В «Сегодня мы импровизируем» на сцене семейство (отец, мать и три дочери), которое своим вольным поведением противопоставляет себя патриархальным нравам сицилийского городка; одна из дочерей выходит замуж за офицера; тот, ревнуя к ее прошлому, запирает ее в домашнюю тюрьму; она умирает.

С выходом на более широкий контекст некоторые связи, однако, можно заметить. В центре «Расклада ролей» стоит адюльтер, измена жены, правда, адюльтер несколько странный, почти узаконенный. Супружеская измена, как становится очевидно при обращении ко всему корпусу пьес Пиранделло, является тем сюжетным ходом, который драматург использует наиболее охотно. Чаще всего изменяет жена, как в «Раскладе ролей». В «Тисках» (1892), одной из самых ранних пьес Пиранделло, жена после измены кончает самоубийством. Во «Врачебном долге» (1913) муж хочет убить любовников, любовник убивает мужа, пытается покончить самоубийством, врач его спасает (с моральной коллизией: должен ли был врач спасать раненого, обрекая на тюрьму). Мужу нужен от жены наследник, и он совершенно доволен, когда жена нагуливает ему наследника на стороне («Лиола», 1916). Муж поощряет и оберегает отношения жены с любовником, но он и женился с тем, чтобы эти отношения таким своеобразным способом «узаконить» («Подумай об этом, Джакомино», 1916). Муж забросил жену, сожительствует с неаполитанкой, жена беременна и не от мужа, для создания алиби нужно, чтобы муж в один из своих редких приездов домой (он моряк) переспал с женой (чего он давно уже не делает), этого удается добиться («Человек, скотина и добродетель», 1919). В «Как прежде, но лучше, чем прежде» (1920) жена возвращается к мужу спустя тринадцать лет после разлуки и вновь уходит с любовником (опро-

кидывание социально-моральных конвенций: виновен муж). Муж принимает измену жены спокойно, жена, на время вернувшись к мужу, все же остается с любовником, поскольку родила от него дочь («Синьора Морли, первая и вторая», 1920). Муж только после смерти жены узнает, что она ему изменяла («Все к лучшему», 1920). Муж терпел адюльтер при жизни жены, но после ее смерти устраивает своеобразную месть любовнику, как бы разделяя свою с ним скорбь и представляя его лучшим другом («Беллавита», 1927). Место измены может занять изнасилование, жена подводит мужа к тому, чтобы он принял плод насилия как своего ребенка («Прививка», 1919).

Измена мужа предстает также в нескольких вариантах. Муж заводит ребенка на стороне, хочет вернуться в семью, жена принимает его только вместе с ребенком, любовница должна от своей дочери отказаться («Право для других», 1915). Муж, пользуясь служебным положением, изменяет жене с женой своего секретаря, жена обвиняет его перед комиссаром, но вынуждена согласиться на то, что ее объявляют сумасшедшей («Дурацкий колпак», 1917). Для любовницы, ждущей ребенка, подыскивают подставного мужа, она остается с ним, отвергая любовника («Наслаждение в добродетели», 1917). Муж, отказываясь от перерождения, возвращается в семью (но его измена, скорее, символическая) («Когда ты – некто», 1933). Муж невольно, повинувшись мгновенному инстинкту, соблазняет жену друга, затем, понимая, что преступление должно быть наказано, подводит друга к тому, что тот, в таком же самозабвении, его убивает («Не зная как», 1935).

Теперь видно, что и во «вставных» пьесах «театра в театре» имеется похожая сюжетная коллизия. В «Шести персонажах» есть измена жены: мать ушла от отца к любовнику (вернее, отец сам ее к нему отправил), и младшие ее дети рождены вне брака. В «Каждый по-своему» есть измена невесты накануне свадьбы, а в «Сегодня мы импровизируем» муж бешено ревнует жену к ее прошлому, к ее мнимым изменам. Эта коллизия долго пребывала в драматургии на далекой периферии. Тема адюльтера была испробована в одной из первых новоевропейских комедий («Мандрагора» Макьявелли), но большой популярностью в рамках жанра не пользовалась (за исключением английской комедии Реставрации, где она, однако, находится в стороне от главной сюжетной линии). Привлекательнее эта тема оказалась для трагедии и трагикомедии (Шекспир, Вебстер, Бомонт и Флетчер, Лопе де Вега, Кальдерон), но и здесь она далеко не всегда главная (у Шекспира в «Отелло», «Цимбеллине», «Зимней сказке» обыгрывается тема мнимой измены, у Кальдерона во «Враче своей чести» есть только угроза измены, и этого оказывается вполне достаточно для трагического поворота, зато в «Наказание – не мщение» Лопе на измене строится вся трагическая коллизия).

Положение меняется в XIX в. на фоне снятия резкой оппозиции жанровых полюсов: для формирующейся драмы тема супружеской измены оказывается чрезвычайно удобной, поскольку легко ложится в любой регистр, и трагический, и комический, и столь легко переходит в «средний». Трагический (или мелодраматический) регистр, впрочем, по-прежнему превалирует: так это и на этапе «слезной» драмы (например, у А. Коццу в одной из самых популярных его пьес «Ненависть к людям и раскаяние»), и позже. У Островского к настоящей трагедии супружеская измена приводит в «Грозе» и в «Грех да беда на кого не живет» (в «Грозе», конечно, трагедия только находит выход в измене, корни ее много глубже), трагические обертоны весьма ощутимы в «На бойком месте» и в «Сердце не камень»; если же интонация остается в целом комедийной, разве что с легкой мелодраматической нюансировкой, то речь идет об измене несостоявшейся («Невольницы») или инсценированной («Красавец мужчина»). У Ибсена супружеская измена, отнесенная в прошлое, формирует комплекс трагической вины: в «Привидениях» и «Дикой утке», с некоторыми коррективами – в «Женщине с моря» (у Тургенева в «Нахлебнике» измена также отнесена в прошлое, но на трагедию не выводит, только на драму или мелодраму).

В период наивысшей драматургической активности Пиранделло (1910–1920-е годы) пьесы с изображением адюльтера образуют основу театрального репертуара⁵. В Италии это пьесы Оресто Поджо, Андреа Косты, Эдоардо Берты, Луиджи Кьяреллы, Карло Венециани, Пьера Марии Россо ди Сан Секондо, Сильвио Дзамбальди, Сабудино Лопец, Раффаэлле Кальчини, Пиладе Веккетти, Амалии Гульельминетти, Энрико Кавакьоли, во Франции – Саша Гитри, Анри Бернштейна, Анри Батая, Феликса Гандера, Поля Жерарди⁶. В России «классическая» (при всей ее художественной банальности) трагедия адюльтера представлена «Второй молодостью» П.М. Невежина, одной из самых репертуарных пьес конца XIX века – достойную конкуренцию ей составляла «Цена жизни» В.И. Немировича-Данченко. В то же время драматурги первого ряда к этой теме остаются в целом равнодушны (у Чехова она есть только в «Грех сестрах», у Горького – в «Дачниках» и «Врагах»). Любопытно, что в «Ракете» (1916) А.Н. Толстого содержится своего рода саморефлексия этого поджанра. Герой главной «адюльтерной» линии (изменяющий жене с героиней, изменяющей мужу) готовит диссертацию

⁵ Ср.: Pirandello e il teatro del suo tempo 1983.

⁶ Большинство этих имен, особенно итальянских, прочно забыто. Характерно, что Антонио Грамши, подвизавшийся в эти годы в туринской газете «Аванти», в т.ч. и в качестве театрального рецензента (его рецензии печатались с января 1916 по декабрь 1920 г.), и подвергший итальянский театральный репертуар самой суровой критике, за единичными исключениями не выделяет Пиранделло на этом фоне.

цию под названием «Разложение трагедии в драму девятнадцатого века» и видит причину этого жанрового превращения в «измельчании любовной энергии». «Современная драма только приподнимает занавеску над альковом и показывает любопытным тот или иной любовный анекдот... Любовь в античной трагедии представляется как мировое событие... А в современной драме ведут истерические разговоры, боятся выстрелить из пистолета, замахиваются и не ударяют»⁷.

Конечно, о Пиранделло этого сказать нельзя, он не подглядывает за занавеску. У него два подхода к репертуарному шаблону. В основном корпусе своих «адольтерных» пьес он, как правило, не переступает границы «среднего жанра» (и, следовательно, не решается представить любовь «как мировое событие»), но дает разрабатываемой сюжетной ситуации парадоксальный поворот (муж одобряет и поощряет измену жены, жена принимает мужа обратно в семью только с прижитым на стороне ребенком, жена отдает предпочтение фиктивному мужу), тем самым обнажая условность социальных отношений и общепринятой морали. Или – второй подход – он обнажает условность театрального события, что дает ему возможность сообщить «драме алькова» трагическое измерение. Все персонажи Пиранделло носят маски, скрывающие их истинное лицо, но только недовершенно персонажи, ищущие автора, носят маски античной трагедии, поднимающие их над собственной обыденностью.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Пиранделло Л. Пьесы. М., Искусство, 1960. 487 с. [Pirandello L. P'esy. Moskva, Iskusstvo, 1960. Pp. 487.]
- Толстой А.Н. Собрание сочинений в десяти томах. М., Художественная литература, 1960. Т. 9. 789 с. [Tolstoj A.N. Sobranie sočinenij v desiati tomakh. Moskva, Khudožestvennaia literatura, 1960. V. 9. Pp. 789.]
- Pirandello L. Maschere nude / A cura di M. Lo Vecchio Musti. Milano, Mondadori, 1958. V. I–II. Pp. 2625.
- Pirandello e il teatro del suo tempo / A cura di S.Milioto, E.Scrivano. Agrigento. Centro di studi pirandelliani, 1983. Pp. 356.
- La trilogia di Pirandello. Atti del convegno internazionale su Teatro nel teatro di Pirandello / A cura E.Lauretta. Agrigento. Centro di studi pirandelliani, 1977. Pp. 380.
- Pirandello L. Maschere nude / A cura di M. Lo Vecchio Musti. Milano, Mondadori, 1958. V. I–II. Pp. 2625.
- Pirandello e il teatro del suo tempo / A cura di S.Milioto, E.Scrivano. Agrigento. Centro di studi pirandelliani, 1983. Pp. 356.
- La trilogia di Pirandello. Atti del convegno internazionale su Teatro nel teatro di Pirandello / A cura E.Lauretta. Agrigento. Centro di studi pirandelliani, 1977. Pp. 380.

Андреев Михаил Леонидович, доктор филологических наук, член-корр. РАН, главный научный сотрудник ИМЛИ РАН; ведущий научный сотрудник ИГИТИ НИУ «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник ШАГИ РАНХиГС; mikhailandreev1@gmail.com

⁷ Толстой А.Н. 1960. С. 197.

Dramas by Pirandello in the history of the genre

In the history of dramaturgy, the 19th c. was a time when drama emerged as a “middle” genre, which eliminated a direct opposition between tragedy and comedy and synthesized a number of their characteristics in a new genre. In theatre repertoires, this genre transformation revealed itself in the prevalence of plots that exploited the theme of adultery, which in the classical period belonged to the high, tragic register. Pirandello’s works belong to repertoire drama and retain all its external, formula characteristics. This formula is destroyed either from within, by a paradoxical plot twist that demonstrated relativity of social relations and accepted morals, or, in the trilogy “theatre in theatre”, from without by revealing the conventions of theatre and finding tragic dimensions in a trivial theme.

Keywords: Luigi Pirandello, drama, theatre in theatre

Mikhail Andreev, Dr.Sc. (Philology), Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of World Literature, RAS; Leading Researcher, National Research University “Higher School of Economics”; Leading Researcher, Russian Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA); mikhailandreev1@gmail.com

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

О. В. СИДОРОВИЧ

СЕМЕЙНЫЕ И БРАЧНЫЕ УЗЫ В ЛЕГЕНДЕ ОБ ОСНОВАНИИ РИМА

В статье анализируются сведения греческих и римских авторов о семье, в которой родился Ромул, и той, которую создал после похищения сабинянок. Греческая историческая традиция, представленная в сочинении Дионисия Галикарнасского, всегда уделяла внимание чистоте родословной основателя города, поэтому подчеркивала тесные связи деда Нумитора с его внуком Ромулом, брак Ромула с Герсилией и рождение у них детей. Римская историческая традиция, окончательно оформленная в сочинении Ливия, избегала подробно говорить об этом, так как для нее Ромул сам творил свою судьбу и это качество оставил в наследство римскому народу. В этом сказались различие культурно-исторических традиций греков и римлян.

Ключевые слова: Древний Рим, Ромул, Рем, Дионисий Галикарнасский, Тит Ливий, похищение сабинянок

Формирование легенды о Ромуле – длительный процесс, в котором отразилось развитие римской исторической традиции в целом. В создании этой легенды участвовали греки, но только римляне придали ей завершенную форму и сделали частью своей истории. С нее начиналось изложение римской истории у Фабия Пиктора¹, и у Катона Цензория². Согласно Цицерону, выражение «от начал римского народа» (*populi Romani originem*) как обозначение отправной точки исторического повествования принадлежит именно Катону, а он сам в изложении истории Рима намеревается следовать примеру мудрого старца³. Небольшой экскурс в древнейшую историю Рима во 2-й книге диалога Цицерона «О государстве» начинается с правления Ромула, а история самого Ромула – с его рождения захватывает альбанский период жизни. Именно здесь для Цицерона пролегает граница между историей и доисторией, историческими событиями и сказаниями, причем последние, не содержат никакой достоверной информации⁴. История Рима начинается для него с

¹ *Plut. Rom.* 3 свидетельствует о том, что Фабий заимствовал эту легенду у Диокла с Пепарифоса, но между версиями Диокла и Фабия имеются некоторые расхождения. О Фабиевой датировке основания Рима см.: *Gruen* 1992. P. 32.

² По свидетельству Дионисия Галикарнасского (1.79.4) греческая версия легенды была воспринята основателем латинской прозы М. Порцием Катоном.

³ *Cic. De rep.* 2.3: *quam ob rem, ut ille solebat, ita nunc mea repetet oratio populi Romani originem; libenter enim etiam verbo utor Catonis.*

⁴ Водораздел между сказаниями и историческими событиями – захват Ромулом Альба Лонги и убийство Амулия (*Cic. De rep.* 2.4: *iam a fabulis ad facta veniamus*). См. также: *Cic. De leg.* 1.4: *Nihil sane, nisi ne nimis diligenter inquiras in ea quae isto modo memoriae sint prodita.*

основания Города, а Ромул является исторически достоверным персонажем. Доказательство этой позиции – его рассуждения о географических преимуществах места, выбранного Ромулом для будущего города⁵.

Вынесенные Цицероном за скобки истории события первых лет жизни Ромула⁶, связанные с его рождением и воспитанием, представляют собой важную часть легенды об основании Рима и образуют с последующими событиями целостное повествование в сочинениях греческих и латинских авторов рубежа эр – Дионисия Галикарнасского и Тита Ливия. Начав историю своего народа от прибытия Энея в Италию, Ливий рассказывает о том, каким образом троянцы закрепились на территории, заселенной латинами. Им помог в этом брак Энея с дочерью Латина⁷, т.е. институт брака стал инструментом поддержания единства вновь созданного народа. Возможно работой над I книгой Ливий завершил свой многолетний труд по написанию истории римского народа, а это значит, что первая книга создавалась уже в эпоху правления Августа⁸. Поэтому рассказ о браке Энея можно рассматривать как отклик историка на возрождение во внутренней политике Августа семейных ценностей, основанных на брачных узах между мужчиной и женщиной как наиболее прочных и обеспечивающих стабильность в обществе. Союз Энея и дочери Латина был отмечен основанием нового города Лавиний, т.е. заключение брака обеспечило правовую основу не только новому городу, но установлению в нем идущей от Энея династии, и гарантировало организацию социальной жизни.

Но как в таком случае быть с Римом и его основателем Ромулом, ведь близнецы с самого рождения были лишены семьи, вскормлены волчицей и воспитаны то ли пастухами (*Cic. De rep.* 2.4), то ли смотрителем царских стад Фаустулом и его женой (*Liv.* 1.4.6-7) или его сожительницей Ларенцией (*Dionys.* 1.84.2-4). Во всяком случае, лишенные нормальной семейной жизни, возмужавшие близнецы вели себя как

⁵ *Cic. De rep.* 2.5-11. Рассуждения Цицерона о роли географического фактора в истории характеризуют его самого как приверженца прагматического направления в историографии, которое на римской почве было представлено Полибием.

⁶ Его брат Рем упоминается только вскользь, в связи с оставлением близнецов на берегу Тибра: *Cic. De rep.* 2.4.

⁷ *Liv.* 1.1.9. Основание Рима героем Энеем или его сыном / внуком восходит к VI в. до н.э. Версии этого события появились у греков задолго до рождения римских анналов (*Alfoldi* 1965. P. 125).

⁸ Речь может идти о времени не ранее 2 г. до н.э., к которому относится написание большей части книг по республиканской истории (*Luce* 1990. P. 124). К тому же, в предисловии отразилось сходство взглядов Ливия и Августа на историю как на собрание годных для подражания *exempla*: *Liv. Praef.* 10: *inde tibi tuaeque rei publicae quod imitere sapias* (здесь и для себя, и для государства ты найдешь, чему подражать – пер. В.М. Смирин). См.: *Luce* 1990. P. 129. Словесным воплощением этих *exempla* был труд Ливия, а изобразительным – форум Августа со статуями выдающихся мужей начиная с Ромула (*Kraus, Woodman* 1997. P. 55 ff).

враждебные человеческому обществу с его упорядоченной жизнью⁹. Воспитание и жизнь вне семьи в конечном итоге сказались на неопределенном социальном статусе близнецов: понадобилось время, чтобы признать их царское происхождение¹⁰. И в дальнейшем между братьями возникает ненависть¹¹, которую можно объяснить, если следовать традиционному рассказу об отчуждении близнецов с момента рождения от матери и семьи. Поэтому, по замыслу Ливия, хаотическое течение своей жизни Ромул должен был завершить основанием города и провести в нем мероприятия, направленные на облагораживание его жителей. Первым его шагом в консолидации населения на новом месте было открытие убежища (азилы) для мужчин-беглецов. Самым простым для Ромула способом создания нового народа было бы открытие подобного же убежища и для женщин, о чем рассуждает Ливий¹², но Ромул выбрал более сложное решение этого вопроса – через похищение сабинянок¹³.

Похищение сабинянок известно уже Фабию Пиктору, который предложил датировку этого события: «на четвертом месяце после основания города»¹⁴. Последователей Фабия, которые в целом приняли основные вехи повествования и датировку события, поместив его в первый год правления Ромула, без указания имен, упоминает Дионисий Галикарнасский (2.31.1), противопоставляя анналисту Гнею Геллию, который предложил свою датировку события, а вместе с ней и свою версию рассказа. Дионисий принимает датировку Геллия (в четвертый год правления Ромула), ибо она кажется ему наиболее логичной. Далее греческий историк приводит три причины похищения девушек (нехватка женщин, повод к войне, завязывание дружбы с соседями), из которых выбирает последнюю как самую достоверную. Возможно именно Геллию, с которым Дионисий полностью солидаризируется, принадлежало это последнее объяснение. В то же время мы располагаем фрагментом из третьей книги «Анналов» Гнея Геллия, где продолжение рода

⁹ *Liv.* 1.5.4: inde eos collecta iuvenum manu hostilem in modum praedas agere.

¹⁰ *Liv.* 1.5.6: ...comparando et aetatem eorum et ipsam minime servilem indolem...

¹¹ Пессимизмом проникнуты рассуждения Цицерона (*De off.* 3.19, 41) о братской неприязни, хотя он пытается оправдать убийство Рема кажущейся пользой. Поскольку диалог «Об обязанностях» был написан в конце 44 г. до н.э., можно предположить, что гражданская война оказала воздействие на оценку Цицероном братоубийственной распри, с которой началась история Рима. В соперничестве Ромула и Рема отразилась разрушительная сила войны, когда граждане отказывались признавать друг друга братьями (*Bannon* 1997. P. 172-173).

¹² *Liv.* 1.9.5: ac plerisque rogitantibus dimissi ecquod feminis quoque asylum aperuissent. Об иммигрантах в мифической истории Рима см.: *Lee-Stecum* 2008. P. 69-91.

¹³ Об объединении римлян Ромула и сабинян Тита Тация см.: *Dench* 2005. P. 20-25.

¹⁴ *Plut.* Rom. 14.1. Поскольку днем основания Рима считали 21 апреля, то в этой фразе Фабия содержится указание на праздник Консуалии, который справлялся 21 августа. О дате основания Рима см.: *Heilen* 2007. P. 43-68.

указывается как причина похищения сабинских девушек¹⁵. Эту же причину впоследствии примет Ливий (1.9.5). Очевидно, она стала доминирующей в сочинениях римских анналистов, поскольку хорошо вписывалась в создававшуюся ими концепцию формирования римского народа.

Отрывок из сочинения Гнея Геллия позволяет говорить и о вариантах бытования легенды. Автором идеи похищения сабинянок выступает в конце II в. до н.э. не Ромул, а Марс, этой же версии придерживался и Овидий (*Fast.* 3. 197-198). У анналиста Геллия также впервые появляется Герсилия, которая в присутствии Тита Тация обращается к супруге Марса с мольбой о мире. Решающая роль женщин в установлении отношений между двумя народами, несомненно, идущая от Гнея Геллия, впоследствии закрепились в римской исторической традиции¹⁶. Похищение сабинянок становится общим местом в анналистических сочинениях I в. до н.э., в частности о нем писал Валерий Анциат¹⁷.

Похищение сабинянок, по мнению А. Альфёльди, противоречит нормам той исторической эпохи, когда захват в плен означал порабощение похищенных¹⁸. У Ливия, напротив, женская часть сабинского племени обрела новую родину, заложив основу римского народа. Особую роль в примирении римлян Ромула и сабинян Тация он отводит Герсилии. Согласно Р. Брауну, «сабинская тема» у Ливия – построенная на историческом материале притча на тему общественной гармонии¹⁹. Поведение сабинских женщин воспринимается Ливием как воплощение политического идеала *concordia* – одного из самых дорогих его сердцу. Герсилия выступает в его сочинении как первая личность, которая своим поведением выражает понятие *concordia* как гармонию внутри гражданского коллектива. Это, конечно, справедливо, но не исчерпывает всех смысловых нагрузок данной легенды, скрывающиеся в малозаметных деталях в рамках художественно оформленного повествования.

Тит Ливий возлагает на Ромула всю ответственность за решение похитить сабинских женщин²⁰, а Дионисий передает ситуацию иначе: «Ромул возымел замысел, к которому склонился и дед его Нумитор, -

¹⁵ *Gell.* N.A. 13.23.13 = Fr.15 Peter: ... quod de tui coniugis consilio contigit, uti nos itidem integras raperent, unde liberos sibi et suis, posteros patriae pararent.

¹⁶ *Cic.* De rep. 2.13: ...cum T. Tatius rege Sabinorum foedus icit, matronis ipsis quae raptae errant orantibus. Эту же версию с указанием на роль Герсилии в примирении стонрон передает Дионисий (2.45.2).

¹⁷ *Plut.* Rom. 14. Плутарх заимствует у Валерия Анциата информацию о количестве похищенных девушек (их было 527). То же число называет антиквар М. Теренций Варрон (*Dionys.* 2.47.4).

¹⁸ *Alföldi* 1965. P. 146; *Idem* 1974. S. 178-179.

¹⁹ *Brown* 1995. P. 291-319.

²⁰ Идея заполучить в жены женщин своих соседей возникла у Ромула в ходе совещания с отцами, т. е. с сенаторами. См.: *Liv.* 1.9.2: tum ex consilio partum Romulus legatos circa vicinas gentes misit qui societatem conubiumque novo populo peterent.

устроить взаимные браки всеобщим похищением девушек»²¹. Так у Ромула появляется советчик в лице его деда Нумитора, тогда как роль деда у Ливия заканчивается с восстановлением справедливости в отношении его внуков, незаслуженно лишенных домашнего очага. Впоследствии Плутарх учтет версию Ливия и отметит в биографии Ромула (27.1), что его дед Нумитор скончался до основания Рима. Значит, преимущественно у латиноязычных авторов Ромул, основывая Рим, начинает свою жизнь с «чистого листа», он не отягощен прежними семейными узами и в дальнейшем сам создаст свою собственную семью. Тогда зачем кому-то из предшественников Дионисия, или ему самому, понадобилось связать личность деда Ромула Нумитора с похищением сабинянок?

Прибывшего в Рим греческого ритора, конечно же, привлекали те черты римского образа жизни, которые не были знакомы грекам. К числу таких особенностей относилась римская фамилия и место, которое занимал в ней отец семейства²². Дионисий закончил писать свое сочинение по истории римского народа в 7 г. до н.э.²³, поэтому можно предположить, что его внимание к фамилии объясняется во многом семейно-брачным законодательством Августа, первые законы которого в этой области относятся к 19 г. до н.э.²⁴ Для греческого историка Нумитор был единственным связующим звеном между той семьей, из которой происходил Ромул, и той, которую основатель Рима создаст впоследствии. Присутствие Нумитора напоминало читателю о достойном происхождении Ромула, а значит и его окружение уже не выглядит столь непривлекательным, как у Ливия²⁵. Поэтому и совет деда внуку был соответствующим: найти достойных жен из числа «дочерей своих отцов». Такие женщины будут способствовать исправлению грубых нравов обитателей Рима и обеспечат мужчин законным потомством²⁶, благодаря которому появится новая форма родства – родство по мужской линии, которое противостояло естественным узам родства по женской линии и имело правовую ценность будучи связанным с гражданским статусом и, как следствие, с возможностью получить власть²⁷. Связь Нумитора и Ромула (деда и внука) должна была стать началом оформления родства по мужской линии. На основании этого порядка осуществлялся принцип

²¹ *Dionys.* 2.30.2. Пер. И.Л. Маяк.

²² Дионисий (2.26.3-6) отмечает характерную для римской семьи власть отца над сыном, отличавшую ее от греческой семьи.

²³ *Hill* 1961. P. 88.

²⁴ *Межеричкий* 2016. С. 446.

²⁵ *Liv.* 1.8.5: *ne vana Urbis magnitudo esset ...qui obscuram atque humilem conciendo ad se multitudinem natam...*

²⁶ Ср.: *Hor.* *Carm.* 4.5.23: *...laudantur simili prole puerperae...*

²⁷ После смерти отца семейства дочери, как и их братья, становились независимыми с точки зрения права, но женское потомство не облакалось передающейся властью. См.: Ульпиан (*Dig.* L.16.195.5: *mulier autem familiae suae et caput et finis est*).

непрерывного наследования не только в рамках семьи, но и государства, поскольку он управлял передачей гражданского статуса. Роль Нумитора в легенде о похищении сабинянок была делом рук, если не самого Дионисия, то его греческих предшественников, воспринимавших роль семьи в жизни римского общества как его отличительную характеристику.

Обеспечив мужское население Рима законными женами достойного происхождения, Ромул, по сохранившимся у греков деталям легенды, которые не вошли в каноническую версию римской истории, представленную сочинением Ливия, также создает свою семью. И в этом случае главная роль опять принадлежит Герсилии, правда, сохранившиеся о ней свидетельства весьма противоречивы. У Дионисия (2.45.2) она предстает как единственная среди сабинянок замужняя женщина, что позже побудило Плутарха (Rom. 14.7), знакомого с данной версией легенды, объяснить ситуацию простым недоразумением: Герсилия была захвачена по ошибке. Но Дионисий приводит и другую версию, которую считает более убедительной: Герсилия осталась в Риме добровольно, так как была похищена ее единственная дочь. Убежденность Дионисия в правильности версии, соединяющей Герсилию и ее дочь, разделяет Макробий (Sat. 1.6.16), поскольку эта версия, по его словам, восходит к знающим древность авторам (*vetustatis peritissimi*).

Существуют две самостоятельные легенды о судьбе Герсилии на новой родине. По одной из них, ее взял в жены сподвижник Ромула Гостилий, о чем повествует Дионисий (3.1.2) в связи с родословной Тулла Гостилия и вскользь упоминает Плутарх (Rom. 14). Более развернутый вариант с рядом интересных деталей присутствует у Макробия (Sat. 1.6.16): Ромул отдал Герсилию в жены какому-то Госту – добродетельному человеку (*virtute conspicuus*) из латинской земли (*ager Latinus*), который бежал под покровительство Ромула, а это значит, что Гост воспользовался Ромуловым азилем. У пары родился сын, который, как рожденный на чужбине, был назван Гостом Гостилием. Впоследствии этот мальчик стал отцом третьего римского царя Тулла Гостилия²⁸.

По другой легенде, Герсилия стала женой самого Ромула. Об этом знает Ливий (1.11.2) и Овидий (Met. 14.829-851), остается в неведении Дионисий (2.56.7), зато подробно рассказывает Плутарх (Rom. 14): Герсилия родила Ромулу дочь, названную Примой, и сына, которого Ромул назвал Аоллий (впоследствии известен под именем Авиллия). Эти сведения Плутарх почерпнул у Зенодота Трезенского, которого, по его же словам, опровергают многие историки. Из заметки Дионисия (2.49.1) становится ясно, что Зенодот интересовался этнической историей древнейшей Италии, в частности происхождением сабинян. Тогда не понятно, почему Дионисий не передает его информацию о семье Ромула.

²⁸ Dionys. 3.1.2; Plut. Rom. 18.6; Liv. 1.22.1; De vir. ill. 2.7.

В приведенном фрагменте сочинения Зенодота привлекает внимание происхождение римского родового имени: *Avillius* от греч. *Aolles* (собранный вместе), что находится в одном ряду с этимологиями таких гентилициев, как *Aemilius* от *gaimulia* (учтивость) или *Pinarius* от *peinan* (голодать)²⁹. В такого рода этимологиях чувствуется рука греческого автора. Все эти родовые имена так или иначе имеют отношение к разным эпизодам, связанным с начальной историей Рима³⁰. Это дало основание Т. Вайзману видеть в практике включения знатных римских семей в легендарное прошлое их города желание греческих авторов угодить представителям римской аристократии³¹. Тогда в этот же ряд можно поставить и героическую женщину Герсилию как представительницу *gens Hersilia*, правда, не оставившего яркого следа в римской истории.

Как мы уже выяснили, самое раннее упоминание Герсилии встречается у Гнея Геллия, творчество которого приходится на период между 120 и 100 г. до н.э.³² У него она выступает исключительно с миротворческой миссией. Творчество Зенодота Трезенского относится приблизительно к 150 г. до н.э., но может быть и позже³³. В любом случае и Геллий, и Зенодот – современники. Кому из них принадлежит первенство? Думается, что решающим аргументом в ответе на этот вопрос может стать само имя – Герсилия – латинское по происхождению, хотя встречающееся редко. Этимологически оно восходит к глаголам *orare* (говорить) или *hortari* (призывать)³⁴, что и отразилось у латиноязычных авторов в ее роли в урегулировании отношений между римлянами и сабинянами³⁵. Как супруга Ромула, Герсилия под именем *Hora Quirini* упоминалась в молитве бессмертным богам. Эту молитву полностью приводит Авл Геллий (N.A. 13.23.2), ссылаясь на книги жрецов римского народа (*libri sacerdotum populi Romani*).

Отождествление *Hora Quirini* с Герсией связано с апофеозом Ромула и его почитанием под именем Квирина³⁶. Храм Квирина был возведен в 293 г. до н.э. на Квиринале, вопрос только в том, когда под именем Квирина стал почитаться Ромул. Но и без этого можно сказать,

²⁹ *Plut.* Numa 8.10, *Aem. Paul.* 2.2; *Serv.* Aen. 8.270. Об этих этимологиях см. также: *Wiseman* 1983. P. 450.

³⁰ *Plut.* Rom. 2.3.

³¹ *Wiseman* 1983. P. 450.

³² *Beck, Walter* 2001. S. 347.

³³ *Wiseman* 1983. P. 448.

³⁴ *Plut.* Quest. Rom. 46. В свою очередь Варрон (L.L. 6.76) производит *oro, orare* от *ore*, что считается примером народной этимологии (*Wagenvoort* 1980. P. 197).

³⁵ Послы к другим народам назывались *oratores* (*Enn. ap. Varro* 7.41: *orator sine pace re dit...; Paul – Fest.* 219 L: ...*oratores, qui nunc legati, quod reipublicae mandata peragerent*), включая фециалов (*Varro ap. Non.* P. 529 M: *fetiales legatos res repetitum mittebant quattuor, quos oratores vocabant*).

³⁶ *Liv.* 1.16.1-3; *Dionys.* 2.56.2; *Plut.* Rom. 27; *Ovid.* Met. 14.829-851.

что традиция о Герсилии имеет римские корни, дальнейшая же ее разработка принадлежит греческим историкам, в частности Зенодоту Трезенскому, который сочинил семейную жизнь Герсилии и Ромула. Его рассказ игнорирует Гней Геллий, хорошо знакомый с псевдоисторическими рассказами греков об Италии. Однако это не означает, что такого рода мифопоэтические рассказы не находили отклика у римской образованной публики.

По мнению Т. Вайзмана, истоки изящного рассказа Овидия о том, как Юнона позволила Герсилии последовать за мужем, который стал величать супругу Горой, следует искать среди греческих авторов конца II или I в. до н.э. таких, как Бутас, Симил, Кастор Родосский, имевших повышенный интерес к римским легендам³⁷. Среди них следует поместить и Зенодота Трезенского, а время их творчества (начиная с последней четверти II в. до н.э.) можно рассматривать как зарождение представлений об апофеозе Ромула и его почитании под именем Квирина. Кстати, именно у греков был также в ходу рассказ о том, что супругой Ромула была дочь Тация Тарпея, хотя и против своей воли. Автором его был Антигон³⁸, который изложил раннюю историю Рима³⁹. Дионисий помещает его в перечне своих источников между Тимеем Сицилийским и Полибием, а это значит, что в греческой интеллектуальной среде довольно рано начали создаваться рассказы о семье Ромула, и Герсилия в них была отнюдь не единственной претенденткой на супружество с Ромулом.

Таким образом, на примере семейно-брачных мотивов в легенде об основании Рима мы видим различия между версиями римской исторической традиции и вариациями на эту тему у греческих авторов. Ливию, по большому счету, не нужен был ни дед Ромула, ни его жена. В этом и отразилось уникальное положение Рима среди других городов: его сила основана не на унаследованной царской крови и прочных семейных связях – последним шагом к их окончательному разрушению стало убийство Рема⁴⁰. Ромул – сам творец своей судьбы, и это то каче-

³⁷ Wiseman 1983. P. 450. Об этих греческих авторах см.: *Plut. Rom.* 17.6, 21.8; *Arnob. Adv. nat.* 5.18.

³⁸ *Plut. Rom.* 17.5.

³⁹ *Dionys.* 1.6.1.

⁴⁰ О смерти Рема писал уже Энний (*Ann.* 47-50 Sk.), оправдав братоубийство в интересах Рима. Цицерон (*de off.* 3.41) не принимает безоговорочно такое объяснение. Впоследствии Ливий (1.7.2) привел две версии убийства Рема, отражающие изменение взглядов в римском обществе на это событие. Одна из версий, существовавшая к этому времени в анналистической традиции (*Dionys.* 1.87.4), изображает Рема провокатором. Эту версию поддерживает Овидий (*Fast.* 2.371-378; 4.841-849). О причинах появления мотива братоубийства в легенде об основании Рима см.: Wiseman 1995. P.117-125.

ство, которое он оставит в наследство «своим детям» – всему римскому народу. А вот создание римского народа стало возможным благодаря похищению сабинянок.

Этот эпизод, конечно, должен был показать ценность брачных уз в формировании идентичности римского народа. Но не только. Думается, что «похищение сабинянок» имело для Ливия более глубокую смысловую нагрузку. В заключении браков храбрых, но лишенных родства и потому оторванных от своего прошлого мужчин, с девушками, знавшими и чтившими свое происхождение, отражен момент рождения *pietas* как основной ценностной категории римского гражданства. Ведь *pietas* не существовала вне семейных уз и трактовалась римлянами довольно широко: как исполнение долга по отношению к старшим в семье, гражданскому коллективу и к миру богов⁴¹.

Греков интересовали другие аспекты легенд об основании городов – их любимого историографического жанра. Они уделяли внимание божественному происхождению основателя, чистоте его родословной, подкреплявшейся прочными семейными узами, идущими от деда к внуку, а от него – к его потомству. В таком подходе сказалось различие культурно-исторических традиций греков и римлян.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Межеричкий Я.Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М., 2016 [*Mezheritskiy J.Y. "Vosstanovlennaya respublika" imperatora Avgusta. M., 2016.*]
- Alföldi A. Early Rome and the Latins. Ann Arbor, 1965.
- Alföldi A. Die Struktur des voretuskischen Römerstaates. Heidelberg, 1974.
- Bannon C.J. The Brothers of Romulus: Fraternal pietas in the Roman Law, Literature, and Society. Princeton, 1997.
- Beck H., Walter U. (Herg.) Die frühen römischen Historiker. Bd. I. Stuttgart, 2001.
- Brown R. Livy's Sabine Women and the Ideal of Concordia // Transactions and Proceedings of the American Philological Association. 1995. V.125.
- Dench E. Romulus' Asylum: Roman Identities from the Age of Alexander to the Age of Hadrian. Cambridge, 2005.
- Gruen E.S. Culture and National Identity in Republican Rome. N.Y., 1992.
- Heilen St. Ancient Scholars on the Horoscope of Rome // Culture and Cosmos. 2007. V. 11. No 1-2.
- Hill H. Dionysius of Halicarnassus and the Origins of Rome // Journal of Roman Studies. 1961. V. 51.
- Kraus C.S., Woodman A.J. Latin Historians. Oxf., 1997.
- Lee-Stecum P. Roman *refugium*: Refugee Narratives in Augustan Versions of Roman Prehistory // Hermathena. A Trinity College Dublin Review. 2008. No 184.
- Luce T.J. Livy, Augustus, and the Forum Augustum // Between Republic and Empire. Interpretations of Augustus and his Principate / Ed. K.A. Raaflaub, M, Toher. Oxf., 1990.
- Wagenvoort H. Pietas. Selected Studies in Roman Religion. Leiden, 1980.
- Wiseman T.P. The Wife and Children of Romulus // Classical Quarterly. 1983. V. 33.
- Wiseman T.P. Remus: A Roman Myth. Cambridge, 1995.

⁴¹ Wagenvoort 1980. P. 7.

Сидорович Ольга Витольдовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира, Институт классического Востока и античности, НИУ «Высшая школа экономики»; varro52@mail.ru

Marriage and family bonding in the Roman foundation tale

The paper deals with Greek and Roman historical tradition on Romulus's family, the former, where Romulus was born, and the latter, which he created as a result of the rape of the Sabine women. The Greek authors, represented in Dionysius of Halicarnassus, reported about the family tree of the city founder, emphasized close relations between Numitor and Romulus, and wrote about the marriage of Romulus and Hersilia and the birth of their children. The Roman authors, as they are known from Livy, made casual remarks of such episodes of Romulus's life, as they interpreted Romulus as the arbiter of his own destiny, and this was the way he set a personal example for the Romans. Such approach to the Romulus's legend reveals different cultural and historical grounds of Greek and Roman historiography.

Keywords: Ancient Rome, Romulus, Remus, Dionysius of Halicarnassus, Livy, the rape of the Sabine women

Olga Sidorovich, Dr Sc. (History), Professor, Department of Ancient History, Institute of classical Orient and Antiquity, National Research University "Higher School of Economics"; varro52@mail.ru

М. М. ГОРЕЛОВ

ОТ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ИСТОРИИ К РЕНЕССАНСНОМУ. «ХРОНИКИ» ХОЛИНШЕДА

В статье рассматривается роль памятников ренессансной английской хронистики в развитии историописания и исторического познания на пути от средневековых учёных традиций к эпохе Просвещения. Особый акцент сделан на общеевропейском интеллектуальном течении антиквариив, внесшем огромный вклад в этот процесс.

Ключевые слова: Холиншед, антиквариив, Ренессанс, хроники

«Хроники Англии, Шотландии и Ирландии» Р. Холиншеда – значимый памятник английского историописания эпохи Ренессанса. Изначально этот труд создавался на английском языке и предназначался для «внутреннего пользования» в самой Англии, объективно служа делу формирования английской национальной идентичности. «Хроники» неоднократно издавались и были относительно популярны даже в XIX в., но затрагивали в основном спектр сюжетов, интересных английскому читателю и практически не переводились на другие языки.

На деле «Хроники» являются плодом трудов целого коллектива авторов, причём очень разнообразных по своему происхождению, воспитанию, религиозным взглядам¹. Сама идея создания «Хроник» принадлежала нидерландцу Р. Вулфу, осевшему в Лондоне и занимавшемуся печатным делом и книготорговлей. Вулф планировал создать масштабную «вселенскую» историю и космографию, начиная с Всемирного потопа, снабжённую обширным картографическим и прочим вспомогательным материалом, но смерть (1573) помешала осуществлению этого замысла. Его помощник Рафаэл Холиншед (ок. 1525–1580), уроженец графства Чешир, продолжил данный проект, но ограничил его рамки историей Британии. В написании «Хроник» также участвовали: католик Ричард Стэнихёрст (1547–1618) из Дублина, имевший опыт работы над историей Ирландии и составивший соответствующие разделы об этой стране; Уильям Харрисон (1535–1593) из Лондона, тесно связанный с радикальным крылом англиканской церкви, он стал автором «Описания Британии». Наконец, одним из самых интересных авторов, причастных к созданию «Хроник», следует признать иезуита Эдмунда Кэмпiona (1540–1581) – представителя радикальной католической оппозиции, казнённого за свою деятельность, признанного впоследствии мучеником и канонизированного католической церковью. Что касается самого Холиншеда, он выступал в роли не только соавто-

¹ Holinshed's Chronicles and the men behind them...

ра, но в большей степени редактора, координатора и компилятора сведений из многочисленных источников, о которых будет сказано ниже.

Первое издание «Хроник» (1577) содержало более 2800 страниц и было проиллюстрировано многочисленными гравюрами на дереве, было напечатано Генри Биннеманом (ок. 1542–1583), опытным лондонским печатником, который, вероятно, работал с Вулфом и получил привилегию на производство словарей и «все хроники и истории вообще». Издание было дорогим, содержало обширный справочный материал (таблицы, тексты документов, карты и т.д.), стоило более 20 фунтов и было доступно в основном зажиточным покупателям. Второе издание вышло в 1587 г., уже после смерти Холиншеда, и было расширено и дополнено благодаря трудам главного редактора Абрахама Флеминга (ок. 1552–1602), лондонского книгоиздателя, протестанта, ставшего впоследствии клириком. Флеминг привлёк к работе над изданием как прежнего соавтора У. Харрисона, так и новые кадры в лице Джона Хукера (ок. 1527–1601) из Эксетера, бывавшего в Ирландии и потому успешно расширившего «ирландский» раздел «Хроник», и Джона Стоу (1524/5–1605), известного английского хрониста, прославившегося, помимо всего прочего, своим «Обзором Лондона» (1598). Стоу был коллекционером рукописей и исследователем архивов, что было особенно ценным для этой миссии. Наконец, последними соавторами стали Фрэнсис Тинн (1545–1608), юрист, состоявший в престижной юридической корпорации Линкольнз-Инн, и Уильям Пэттен (ум. ок. 1598), чиновник казначейства. Как и Стоу, эти люди состояли в обществе антикваров, что способствовало их сотрудничеству и общности интересов. Тинн писал преимущественно о Шотландии, Пэттен – об истории Англии в XV в.

Практически все соавторы «Хроник» имели университетское образование (Оксфорд, Кембридж), являясь блестящими интеллектуалами своего времени. Круг их учёных увлечений был довольно широк; так, например, Ф. Тинн занимался ещё и алхимией.

Несмотря на дороговизну (более 33 ф.), второе издание «Хроник» постепенно распространялось по разным регионам Англии и Шотландии, оседая в коллекциях знатных особ. Попадая в руки драматургов и писателей (К. Марлоу, С. Дэниел, Р. Бёртон, Дж. Милтон), оно постепенно становилось источником для литературных сюжетов и театральных постановок. В частности, именно оттуда У. Шекспир позаимствовал сюжетные линии и целые эпизоды для своих классических произведений «Макбет», «Король Лир», «Цимбелин», «Генрих VI».

Источниковая база, использованная авторами «Хроник», была весьма широкой и подбиралась тематически. Так, по истории Ирландии использовались, например, сведения из труда Гиральда Камбрийского, по истории Шотландии – Майра, Лесли и Бьюкенена, по новой истории Англии – Джона Фокса (1570) и Эдуарда Холла (1548–1550), по конти-

ментальным сюжетам – Ж. Фруассара, «Истории Италии» Гвиччардини (1579). Кроме того, авторы использовали многочисленные документы как из собственных коллекций рукописей, так и из собраний знакомых антикваров, в частности – Джона Твина из Кентербери, который предоставил копию средневекового жизнеописания Генриха V» Источниками служили и другие многочисленные труды хронистов Средневековья и раннего Нового времени, как отечественных, так и зарубежных: Роберта Фабиана (1504–1516), Ричарда Графтона (1570), Джона Стоу (1580), Полидора Вергилия, Ранульфа Хигдена, Джона Хардинга и др. «Собрание английских хроник» Стоу переиздавалось в 1560–1570-е гг. почти каждый год, что говорит о большой их популярности и востребованности².

Труды Холиншеда и всего коллектива соавторов следует рассматривать в связи с набравшим в XVI в. силу течением антикваров, или антиквариив, к числу которых они принадлежали. Это направление сформировалось на волне ренессансной учёности, имея истоки в философии гуманизма. Под итальянским влиянием антиквары появились в Германии и Нидерландах, а также в других странах Европы. Поскольку ренессансные мыслители в значительной мере мыслили себя космополитично, как некое наднациональное учёное сообщество, то контакты между ними способствовали распространению и взаимному обогащению методологической и информационной сторон научных исследований, превращая зарождающуюся европейскую гуманитарную науку в единый организм, преодолевающий политические и религиозные границы.

Начало антикварианизма в Англии связано с именем Джона Лиланда, который в 1533 г. был уполномочен короной для сбора сведений по локальной истории и географии Англии. Собранную информацию предполагалось оформить в виде цельного энциклопедического труда, но Лиланд не успел довести работу до конца, оставив после себя большое количество записей в виде т.н. «Итинерариев», т.е. описаний путешествий, в которых содержались обширные сведения о разных регионах страны. Эти сведения легли в основу дальнейших разработок английских учёных на протяжении нескольких поколений, и во многом послужили базисом для создания как «Хроник» Вулфа и далее Холиншеда, так и других работ подобного толка, например, «Британии» У. Кэмдена (1586–1606). В 1572 г. Кэмден и его ученик Р. Коттон организовали «Коллегию сохранения отечественных древностей». Это общество оставило после себя «Сборник любопытных открытий видных антиквариив». Большой объём информации и работы с ней изначально предпола-

² Catalogue of principal sources used in the 1577 edition of Holinshed's *Chronicles*; Catalogue of additional sources mentioned in passing in Holinshed's *Chronicles*; Catalogue of anonymous sources mentioned in Holinshed's *Chronicles*; List of personal sources used by the compilers of Holinshed's *Chronicles*. – URL: <http://www.cems.ox.ac.uk/holinshed/...pdf>; Kewes P. Narrative Historiography and the Rules of Succession...

гал вовлечение коллектива учёных, что и характерно для таких трудов. Идеалом антикваров было создание всеобщего компендиума знаний по изучаемым вопросам, носящего энциклопедический характер³.

Методология антикваров явным образом обнаруживала сходство как с традициями ренессансной учёности, так и с более ранней средневековой традицией историописания. Так, например, ещё в работе Лиланда упор был сделан на восприятие исторической реальности через личное странствие, совершаемое автором (о чём недвусмысленно говорит название «Итинерарий»). Странствуя по разным местностям, а при надобности – и странам, автор методично и скрупулёзно записывал сведения и впечатления о них, причём сведения могли носить не только чисто исторический, но и краеведческий, и географический, и даже фольклорный характер, и всё это мыслилось как единый комплекс, описывающий предмет изучения. Характерным для антикваров был интерес к материальным артефактам прошлого (например, древним руинам), сведения о которых сопоставлялись с письменными источниками. Таким образом, антиквары отчасти предвосхитили развитие археологии как науки. Кроме того, если от ренессансной науки антиквары унаследовали интерес к письменным источникам, то от средневековых хронистов – внимание к древним легендам, сказаниям, местному фольклору, повествованиям, связанным с теми или иными локальными объектами (замками, реками, селениями, горами, заливами, храмами, геральдикой, кладами монет и т.д.) В результате получалось сочетание данных нарративных источников со сведениями зачастую полулегендарного характера, а порой и откровенными небылицами, зафиксированными в коллективной памяти местного населения настолько, что правда здесь была уже неотделима от вымысла. Это роднит труды антикваров со средневековыми описаниями путешествий, написанными от первого лица, начиная с Марко Поло, арабских путешественников, участников Крестовых походов, и др. В свою очередь, широчайший охват сведений напоминает средневековые произведения энциклопедического типа, созданные монахами-хронистами, например «Полихроникон» Р. Хигдена (XIV в.)⁴.

Несмотря на энциклопедизм, учёность антикваров фактически была ещё донаучной, особенно до Ф. Бэкона и последующего формирования науки в современном понимании. Антиквары мыслили прошлое как набор занятных артефактов, запечатлённых в материальной и географической среде. По сути, подобные работы представляли собой своего рода землеописания, строясь по краеведческому принципу. Антиквары не претендовали на анализ каких-либо социальных и исторических процессов вне этой среды, полагая достаточным именно описание. Сами они

³ Зверева 2010. С. 758-761.

⁴ Горелов 2006. С. 38; 2012. С. 235-256.

были, как правило, людьми с высшим образованием, относительно высоким уровнем достатка и социальным статусом, связанными обычно либо с государственной службой, либо с печатным и книгоиздательским делом. Объединения подобных людей в коллектив приводили к плодотворным интеллектуальным контактам и создавали своего рода учёное пространство, основанное на совместной работе и обмене мнениями и информацией, а доступ к печати и книготорговле позволял реализовывать свои разработки в жизнь без существенных затруднений. Однако сам научный уровень антикваров ограничивался тем, что они были коллекционерами артефактов и сведений о прошлом, донося их до аудитории, но не претендуя на теоретические разработки. В какой-то степени, вероятно, это было обусловлено и политикой государства, ограничивавшего их деятельность цензурными рамками и, с другой стороны, использовавшего историописание для пропагандистских задач, как, например, в случае с очернением образа Ричарда III и созданием «Тюдоровского мифа», призванного легитимизировать правящую династию⁵.

Кроме того, «Хроники» создавались в период напряжённой религиозной борьбы между недавно появившимся и усиливавшимся свои позиции в Европе протестантизмом и не желавшим сдаваться без боя католицизмом, что приобрело весьма непримиримые формы и в реформационной Англии. В этом плане, особенно интересно, что в коллективе авторов «Хроник» присутствовали как протестанты, так и католики, продемонстрировавшие возможность консенсуса мировоззрений. Фокусируя внимание на ключевых проблемах политической истории монархии, особенно на преемственности власти, авторы не пытались сеять религиозную рознь, а вполне в духе средневековых предшественников мотивировали исторические события волей божественного провидения, воздаянием за грехи и т.д. Столь же типичен для средневековой хронистики погодный принцип записей, некритическое отношение к излагаемому, да и в целом компилятивный характер сочинения⁶.

Вместе с тем, «Хроники» Холиншеда (наряду с «Британией» Кэмдена) заслуженно расцениваются современными исследователями как вершина жанра, последний и блестящий образец сочинений такого рода, увенчавший многовековую традицию. В них дана действительно энциклопедическая картина прошлого Британских островов, их политического и экономического развития, культурных достижений, обычаев и нравов. Также немаловажен факт сохранения и публикации многих локальных документальных источников, не сохранившихся до нашего времени. В целом, труды антикваров были как бы переходным звеном от средневековой традиции историко-географических описаний к более

⁵ Подробнее об этом см.: Барг 1979.

⁶ Neal F. The Holinshed editors...

поздним работам энциклопедистов, характерным уже для эпохи Просвещения, прокладывая к ним своеобразный мостик, и эта традиция видится достаточно цельной, не прерывающейся на протяжении веков. По сути, разница заключается лишь в разных методологических подходах, обусловленных научной парадигмой и ментальностью учёных разных эпох, что было, конечно, обусловлено общим уровнем развития общества и знаний на том или ином этапе.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Барг М.А. Шекспир и история. М.: Наука, 1979. 216 с. [Barg M.A. SHekspir i istoriya. M.: Nauka, 1979. 216 s.]
- Горелов М.М. Нормандское завоевание Англии в английском историописании XII–XIV вв. // История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Круть, 2006. С. 369–388 [Gorelov M.M. Normandskoye zavoevanie Anglii v anglijskom istoriopisanii XII–XIV vv. // Istorija i pamyat': istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala Novogo vremeni / Pod red. L.P. Repinoj. M., 2006. С. 369–388]
- Горелов М.М. Исторические переломы прошлого в английской историографии раннего Нового времени: Полидор Вергилий. // Диалог со временем. 2012. № 41. С. 235–256 [Gorelov M.M. Istoricheskie perelomy proshlogo v anglijskoj istoriografii rannego Novogo vremeni: Polidor Vergilij // Dialog so vremenem. 2012. № 41. S. 235–256]
- Зверева В.В. Антикварианизм XVI—XVII веков: представление прошлого в контексте научной революции // Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Круть, 2010. С. 756–771 [Zvereva V.V. Antikvarianizm XVI–XVII vekov: predstavlenie proshlogo v kontekste nauchnoj revolyucii // Obrazy vremeni i istoricheskie predstavleniya: Rossiya – Vostok – Zapad / Pod red. L.P. Repinoj. M.: Krug", 2010. S. 756–771]
- Heal F. The Holinshed editors: religious attitudes and their consequences. URL: <http://www.cems.ox.ac.uk/holinshed/paper2.pdf>
- Holinshed's Chronicles and the men behind them // The Holinshed Project. URL: <http://www.cems.ox.ac.uk/holinshed/chronicles.shtml>
- Kewes P. Narrative Historiography and the Rules of Succession. // The Holinshed Project. URL: <http://www.cems.ox.ac.uk/holinshed/paper1.pdf>
- The Holinshed Project. URL: <http://www.cems.ox.ac.uk/holinshed/>
- The Oxford Handbook of Holinshed's Chronicles. Ed. I.W. Archer, F. Heal, P. Kewes. Oxford University Press, 2013. 771 p.

Горелов Максим Михайлович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела историко-теоретических исследований, Институт всеобщей истории РАН; heldenhammer@yandex.ru

From the Medieval history writing to Renaissance histories. The Chronicles by Holinshed

The article highlights the role of Renaissance English chronicles in the development of historical writing and historical cognition in its progress from medieval traditions towards the Enlightenment era. The author emphasizes a significant contribution of Antiquarians into this process.

Keywords: Holinshed, antiquarians, Renaissance, chronicles

Maxim Gorelov, PhD (History), senior researcher, Institute of World History (RAS); heldenhammer@yandex.ru

М. П. АЙЗЕНШТАТ

ИСТОРИЯ В ВОСПИТАНИИ ПОДРАСТАЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ БРИТАНИИ XVIII ВЕКА

История занимала существенное место в социально-политической жизни британцев. В то же время она не была специальным предметом в школах и университетах. На основе изучения переписки графа Честерфилда, У. Питта старшего и Ф. Френсиса в статье анализируется место истории в образовании детей в представлении родителей и опекунов о характере и содержании знаний о прошлом; а также предназначения истории для будущей карьеры.

Ключевые слова: Британия, XVIII в., историческое знание и образование, корреспонденция, граф Честерфилд, У. Питт старший, Ф. Френсис

Прошлое играло важную роль в повседневной жизни британцев XVIII в., что обусловили прочность традиций и прецедентное право, определявшие юридические процедуры и парламентскую практику. Эти обстоятельства предполагали хорошее знание истории для успешной карьеры стряпчего, адвоката или судьи, а также всех тех, кто вступил на политическое поприще. И хотя с прошлым британцы сталкивались с юных лет, история не рассматривалась в качестве отдельной дисциплины, а воспринималась большинством как особая область литературы¹.

Именно с литературой и было связано изучение истории в привилегированных школах Британии. Там преподавались латинский, греческий и французский языки. Знание латыни и истории Рима рассматривались как наиболее важные для карьеры будущего юриста, коммонера или члена Палаты лордов. В школе первый год изучались грамматические правила, затем ученики штудировали трактаты Цицерона, Теренция, Овидия, Вергилия, Саллюстия, отрывки из «Диалогов» Лукиана и др. Из их содержания дети познавали одновременно как язык, так и историю Рима². Наставления отцов и опекунов позволяют выявить их собственные представления об истории и пользе ее изучения, а также предпочтения в содержании, качестве и уровне знаний, выборе авторов и т.д. Указания, или советы в условиях разлуки с детьми отправлялись по почте³. Корреспонденция позволяет выявить представления вигов о роли, которую была призвана играть история в годы обучения в школе и последующей жизни их детей. В качестве примера избраны наставле-

¹ См., напр.: Айзенштадт 2015.

² В учебных заведениях отбор трудов античных авторов не был однотипным: Lamb 1886. P. 7; Григорьева 2009. С. 21-23.

³ Айзенштадт 2018.

ния трех вигов разного социального статуса, жизненного опыта и интеллекта, направленные двум школьникам и воспитателю сына.

Письма Филиппа Стэнхоупа графа Честерфилда адресованы незаконнорожденному сыну. Отец узаконил его и дал свою фамилию. Со временем он привязался к единственному наследнику, в мечтах видел его блестящую карьеру в светском обществе и на службе сначала в дипломатическом ведомстве, а затем и в политике. Корреспонденция Честерфилда стала важным источником для знакомства с умонастроениями и жизнью вигов. С первых писем умудренный опытом царедворец, политик и светский человек наставлял сына, как учиться, что читать и изучать, как следить за собой. По мере взросления молодого человека направлялись все более пространные советы, как держать себя в обществе, с женщинами и друзьями. Стэнхоуп умер молодым, не осуществив мечты отца. После ухода из жизни Честерфилда, вдова сына обнаружила и опубликовала письма, несмотря на их частный характер. Они привлекли внимание читателей и неоднократно переиздавались.

В силу той задачи, которую поставил перед собой Честерфилд – подготовить сына к будущей жизни, сделать из него блестяще образованного светского человека, успешного дипломата – истории уделено много места в корреспонденции, отправленной мальчику. Его обучение началось с чтения греческой и латинской поэзии⁴. И отец терпеливо, доступно для ребенка поведал ему историю Трои, искусно обрисовал портреты героев поэм Гомера⁵. Затем последовал рассказ об Афинах и истории Рима, при этом Честерфилд акцентировал внимание сына на формах правления⁶. В ноябре 1739 г. Честерфилд писал семилетнему ребенку: «Милый мой мальчик, ты занимаешься историей Рима, я надеюсь, что ты уделяешь предмету достаточно внимания и сил. Польза истории заключается главным образом в примерах добродетели и порока людей, которые жили до нас; что касается них, нам следует сделать собственные выводы. История пробуждает в нас любовь к добру, а также побуждает к благим делам»⁷. Эти взгляды на историю не отличаются оригинальностью. Для современников Честерфилда история имела не только отвлеченное, теоретическое, но и важное практическое значение. Они воспринимали прошлое, как источник мудрости. Но любопытно то, что отец не ждет, когда сын «сделает собственные выводы», а спешит подчеркнуть предназначение исторических сочинений.

Честерфилд писал, что «изучение Истории должно сопровождаться изучением Хронологии и Географии, надо иметь, если не обширные,

⁴ Chesterfield 1804. V. 1. P. 35.

⁵ Ibid. P. 21-24, 39-40.

⁶ Ibid. P. 60-67, 78.

⁷ Ibid. P. 150-151.

то, по крайней мере, основательные знания о них. Они должны быть настолько значительными, чтобы понимать, о чем История рассказывает нам. А именно, где событие произошло (этому учит География), но также надо знать, когда это произошло, что является специальной задачей Хронологии⁸. Иными словами, историческое событие следует изучать в контексте пространства и времени. В данном утверждении сказалось влияние идей Джона Локка, убежденного в том, что с Историей «рука об руку должны идти География и Хронология»⁹.

За Римом последовала история Британии. Честерфилд уделил внимание происхождению названия «Англия», затем охарактеризовал череду королей от Вильгельма Завоевателя до Ганноверов. Особую ценность имеют его отзывы о ключевых событиях британской истории. Представление Честерфилда о появлении Великой Хартии Вольностей принципиально расходится, например, с видением Д. Юма. Честерфилд писал, что король Джон (Иоанн) был тираном. Тогда люди поднялись против него и вынудили дать народу Хартию. Она «предоставила им все их права и привилегии, которые действуют и поныне»¹⁰. Четырех первых Стюартов Честерфилд называл плохими королями. Причину недовольства Карлом I, которое привело к революции и гражданским войнам, он полностью возлагал на политику короля, нарушившего традиционную парламентскую практику вотиования налогов. Подчеркнул, что его судили и доказали вину, а уже после – казнили на законных основаниях¹¹. О. Кромвель, по мнению Честерфилда, узурпировал власть¹². А Яков II попытался встать выше закона и иметь абсолютную власть. Тогда «нация восстала и пригласила принца Оранского». Это и было названо Революцией, «которая вернула нам наши права»¹³.

Девятнадцатилетнему юноше, когда он готовился поступить на дипломатическую службу, отец советовал: «Больше всего тебе следует читать исторические книги – только не смутную и недостоверную историю древних времен, а уж тем более, никому не нужную естественную историю, толкующую о разных ископаемых, минералах, растениях и т.п. Нет, я говорю о полезной политической и конституционной истории Европы за последние три с половиной столетия»¹⁴. Честерфилд толкует о пользе истории, и его прагматический подход очевиден, что,

⁸ Chesterfield 1804. V. 1. P. 117.

⁹ Д. Локк подчеркивал значимость истории для обучения джентльменов и деловых людей: Locke 1968. P. 192-193, 393- 394, 395, 401-404.

¹⁰ Chesterfield 1804 V. 1. P. 264. Юм же утверждал, что Хартии добились от короля мятежные бароны, желавшие получить больше привилегий / Hume 1803. V. 2. P. 240.

¹¹ Ibid. P. 270-271.

¹² Ibid. P. 272.

¹³ Ibid. P. 273.

¹⁴ Chesterfield 1804. V. 3. P. 98.

несомненно, отражает воздействие идей просветителей. Моральный, воспитательный характер истории был востребован для выработки нравственных ориентиров у детей. Но в юношеском, а затем и более взрослом возрасте история в письмах Честерфилда приобретает иной характер полезности.

Так, 30-летнему Стэнхоупу, который уже находился на дипломатической службе, отец писал в мае 1752 г.: «Отучись тратить время на чтение книг легкомысленных и пустых... Я бы посоветовал тебе остановиться на самых интересных и примечательных периодах истории нового времени и ограничить свое чтение ими. Если ты выберешь Мюнстерское соглашение, – а с этого периода лучше всего начать, ...то ограничь себя достоверными историческими сочинениями, письмами, мемуарами и отчетами о переговорах, имеющих отношение к этому важному событию. Читай и сравнивай их со всей непредубежденностью и трезвостью, которые лорд Болингброк рекомендует тебе более убедительно и красноречиво, чем я»¹⁵. И только после тщательного и объективного изучения можно переходить к следующему договору, а затем последовавшему за ним и т.д. И таким образом изучить историю дипломатии. История, по мнению Честерфилда, становится важным фактором в совершенствовании профессионального уровня дипломата. Только при основательном знании истории дипломатических отношений, причин, условий и содержания договоров прежних лет можно добиться быстрого продвижения по службе, полагал Честерфилд.

В последнем отрывке прослеживается явное влияние идей Болингброка об истории и источниках её изучения. Честерфилд был лично знаком с Болингброком, но как становится ясным из письма, с его взглядами на историю ознакомился лишь после публикации трактата «Письма о пользе и изучении истории» на английском языке, что подтверждается также приведенными ниже словами. Однако приведенные отрывки из писем представляются важными не только этой стороной. Два взаимосвязанных высказывания не могут не привлечь внимания. Прежде всего, достоверная история, по словам Честерфилда, насчитывает не более трехсот лет, а это обусловлено наличием адекватных, достоверных источников. К ним он вслед за Болингброком относил исторические сочинения, письма, мемуары, отчеты, имеющие отношение к конкретным событиям. Более того, налицо восприятие его метода работы с источниками, а именно – объективность и сравнительный анализ.

Воздействие идей Болингброка признавал сам Честерфилд. Он писал в апреле 1752 г.: «Вольтер прислал мне из Берлина свою «Историю века Людовика XIV». Она пришла вовремя: лорд Болингброк только

¹⁵ Chesterfield 1804. V. 2. P. 232.

что научил меня, как надо читать историю. Вольтер показывает, как ее надо писать». Честерфилд так характеризовал сочинение Вольтера: «Он рассказывает мне все, что я хочу знать, и ничего более. Размышления его немногословны, верны и наталкивают читателя на новые размышления. ...он рассказывает обо всем настолько правдиво и беспристрастно, насколько это позволяют известные соображения, которые всегда приходится принимать во внимание, ибо совершенно очевидно, что он часто рассказывает намного меньше, чем мог бы рассказать»¹⁶. Итак, автор исторического сочинения должен быть правдив, немногословен и конкретен, он должен побуждать читателя к дальнейшим размышлениям. Кстати, руководствуясь этими принципами, Честерфилд стремился писать свои «Характеры» людей эпохи.

Из высказываний Честерфилда можно выявить также и его представление о периодизации всемирной истории: Античность (древность), Средние (темные) века, новое время, и эта периодизация также носила традиционный характер. По его словам, древности он отдавал «надлежащее уважение». Вместе с тем, с большой иронией он писал о людях, которые в стремлении показать свою ученость постоянно говорят о древних греках и римлянах, «как о каких-то героических личностях, считая, что наши современники стоят гораздо ниже них». Они будут доказывать, «что за последнюю тысячу семьсот лет ни одна наука и ни одно искусство не продвинулись вперед ни на шаг». Судить о современниках и о древних людях следует только по их достоинствам, без презрения и поклонения¹⁷. Но если те, кто постоянно ссылался на эпизоды из истории Рима или Греции, вызывали насмешку Честерфилда, то осуждение он высказывал в адрес тех, кто неуважительно относился к известным римлянам и грекам. Они привыкли, писал Честерфилд, говорить «старик Гомер», «этот хитрый плут Гораций», «Марон» вместо Вергилия и «Назон» вместо Овидия. Им подражают хлыщи, «надеясь таким путем сойти за людей ученых»¹⁸. Он предостерегал сына от поведения подобного рода. Данный отрывок содержит в себе немаловажные подробности не только о представлениях Честерфилда об истории, но и об имевшей место практике упоминаний, наряду с фактами истории Античности, имен авторов сочинений, к которой довольно часто прибегали парламентские ораторы. В то же время в тексте письма обнаруживается отрицание исторического развития, получившее распространение в обществе, и его признание самим Честерфилдом.

Нельзя не остановиться на подмеченной Честерфилдом «моде на знания» античных авторов и их произведений. Она не только свиде-

¹⁶ Chesterfield 1804. V. 2. P. 250.

¹⁷ Ibid. P. 273.

¹⁸ Ibid. P. 291.

тельствовала о возрастании интереса к истории, но и позволяла поднять в глазах общества свой престиж принадлежностью к избранной корпорации, изучавшей древние языки в закрытых, привилегированных учебных заведениях. В целом же подход Честерфилда к познанию истории можно характеризовать как «интеллектуальный прагматизм»: история формирует личность, а знания позволяют продвигаться по служебной лестнице и иметь успех в светском обществе.

Близкий взгляд продемонстрировал Уильям Питт старший в письмах, отправленных племяннику Томасу Питту. Узнав, что тот приступил к штудированию произведений Вергилия и Гомера, Питт старший писал: «надеюсь, что ты изучаешь и особенно любишь этих авторов», которые являются величайшими поэтами. В их книгах содержится «прекраснейший урок для человека твоего возраста, урок чести, смелости, бескорыстия, любви к правде, сдержанности в поведении»¹⁹. Среди книг, с которых Томас должен был начинать изучение языка и философии, Питт выделял Эвклида, Вергилия и Горация, а также Локка, философия которого стала ядром политических представлений виггов. Историю Англии, полагал дядя, «можно пройти сжато, с целью сохранения в уме общей хронологии важнейших событий и правления королей». Он относил к «достойным книгам» по английской истории сочинения по «нашей конституции», а именно сочинения Барнета, П. Сарпи, Мольера и Аддисона. «Их можно прочесть в свободное время в своей комнате»²⁰. Впоследствии он заметил, что книги указанных авторов выделены для того, «чтобы сберечь время и усилия, сократить путь к тем знаниям, которые нужны тебе»²¹. Итак, для У. Питта, как и Честерфилда, характерен прагматический подход к изучению истории, но отличие позиции Питта, прежде всего, в том, чтобы занятия по истории не потребовали много времени и усилий племянника: ведь от будущего члена Парламента требуется только общее представление о прошлом Англии.

Впоследствии дядя посоветовал племяннику изучить сочинения Болингброка и Натаниэля Бэкона (N. Bacon. Historical and Political Observations). В них он найдет самые надежные конституционные доктрины и факты истории, вместо того, чтобы тратить время на фальсификации. «Обе [книги] следует прочесть с большим вниманием. ...изучить и принять всем сердцем», подчеркивал Питт. При этом он настоятельно советовал читать книги с учетом того времени, когда они написаны²². Далее последовал труд Кларендона о гражданской войне, и опять сочинение Барнета. Лишь через четыре года после первого упоминания этого

¹⁹ Chatham 1838. P. 62-63.

²⁰ Ibid. P. 67.

²¹ Ibid. P. 88.

²² Ibid. P. 108-109.

автора Томас, наконец, прочел его труд, о чем радостно сообщил дяде²³. Венчают список сочинения Демосфена, Гомера и Вергилия – они нужны для изучения дикции и стиля, ораторского искусства²⁴.

Итак, дядя не намерен нагружать племянника большим объемом дополнительного чтения. И сам не стремится что-то рассказывать и разъяснять. Отбор книг, рекомендованных для чтения, отражает уровень эрудиции Питта старшего, не завершившего обучение в университете. А имена авторов – из числа наиболее популярных. При этом он не стремится ни наполнять голову племянника излишними сведениями, ни требовать от него самостоятельных изысканий. Все нацелено на подготовку будущего депутата Палаты общин, который должен знать имена и произведения наиболее известных авторов прошлого и современности, обладать скорее поверхностными знаниями. Пожалуй, наиболее ценным выглядит его замечание о том, что надо принимать во внимание время написания того или иного труда. Впоследствии Томас в Палате общин изредка ссылаясь на исторические события, но при этом не проявлял глубоких знаний.

Наконец, послание памфлетиста и политика Филиппа Фрэнсиса²⁵ воспитателю сына, в котором он излагал свои представления об учебе наследника. Обучение сына, полагал следует начать с истории греков и римлян. История не может дать полезных знаний, если она не сопровождается хронологическим изложением хода событий. При этом, полагал Фрэнсис, приступать к истории Англии следует с современности, а затем, год за годом продвигаться в глубь времен вплоть до самой ранней «нашей истории». Такое продвижение вспять позволит лучше узнать современную историю, которая наиболее интересна и важна. Современные же дети прекрасно разбираются в древней английской истории, но ничего не знают о том, что случилось после вступления на престол правящего короля²⁶. Больше Фрэнсис к этому вопросу не возвращался.

Итак, для вигов занятия историей их детьми состояли в изучении сочинений античных авторов, хронологических таблиц, имен и правлений королей. Прагматизм У. Питта иного рода, чем у Честерфилда. Под конец обучения на первый план выступают те произведения, которые призваны сделать из Томаса прекрасного оратора, иными словами, подготовить к деятельности в качестве коммонера. Тем самым, будущее молодых людей, предназначенное им с момента рождения в семействе

²³ Chatham 1838. P. 149.

²⁴ Chatham 1838. P. 152.

²⁵ Ф. Фрэнсис – один из ярких ироничных публицистов своего времени. Его язвительные рецензии и статьи явились причиной того, что современники видели в нем автора анонимных «Писем Юниуса». Они носили разоблачительный характер в отношении современных политиков и министров.

²⁶ Frances 1867. P. 407-409.

вигов, предопределяло подход в обучении историей. Она, помимо моральных примеров, должна была служить подспорьем в выдвижении на первые роли в политическом мире вигов.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Айзенштат М.П. 2015. Прошлое в политической культуре Британии второй половины XVIII века. / Диалог со временем. 2015. Вып. 51.
- Айзенштат М.П. Эпистолярное наследие XVIII века / ЭНОЖ «История». 2018. Т. 9. Вып. 1 (65). <http://history.jes.su/s207987840001982-9-1>.
- Григорьева В.П. Творчество Роберта Фергюссона. Нижний Новгород, 2009.
- Chatham W. The correspondence William Pitt, Earl of Chatham. V. 1. L., 1838.
- Chesterfield P.D. Letters written by the Late Right Honourable Philp Dormer Stanhope, Earl of Chesterfield, to his son Philip Stanhope, Esq. . L., 1804. V.1, 2
- Frances Ph. Memoirs of Sir Philip Frances. V. 1. L., 1867.
- Hume D. The History of England from the invasion of Julius Ceasar to Revolution in 1688. V. 1-10. L., 1803. V. 2.
- Lamb C. Letters of Charles Lamb with some account of the writer, his friends and correspondents and explanatory notes by the Late Sir Thomas Loon Talfourd. L., 1886. V.1.
- Locke J. The educational writings of John Locke A critical edition. Cambridge, 1968.

Айзенштат Марина Павловна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; m.ayzen@mail.ru

History in the children's education in the 18th -century Britain

History occupied an important place in the social and political life of Britons, but it had not been a special subject in schools and Universities. Author analyses the writings of some Whigs: the historical knowledge of their children, what and how they studied; and their views on the utility of history for their future.

Keywords: Britain, 18th century, historical knowledge and education, correspondence, lord Chesterfield, W. Pitt the Elder, Ph. Frances

Marina Ayzenshtat, Dr.Sc. (History), leading researcher of the Institute of Word History, Russian Academy of Sciences; m.ayzen@mail.ru

Т. В. АЛЕНТЬЕВА

ЖЕНСКАЯ ВОЙНА В БЕЛОМ ДОМЕ¹

В статье рассматривается политический кризис при президенте Эндрю Джексоне, впервые в истории США приведший к отставке всего кабинета министров. «Джексонская эпоха» была периодом политических инноваций американской демократии. Это – система патронажа, строгой партийной дисциплины, деятельность «кухонного кабинета», назначение на должности по принципу личной преданности. Поводом для политического кризиса послужила так называемая «война юбок», или «женская война» в Белом доме, являвшаяся отражением внутренней политической борьбы в президентском окружении. Она способствовала укреплению позиций проджексонских сил в администрации и укреплению личной власти президента.

Ключевые слова: *история США, “Джексонская эпоха”, администрация президента, “война юбок”*

Событие, называемое «войной юбок» в Белом доме, имело важные политические последствия, вызвав кризис в руководстве страны. Первые после продолжительного скандала последовала отставка всего кабинета министров, произошли резкие перемены в политической карьере вице-президента Джона Кэлхуна, которому пришлось распротиться с президентскими амбициями, на вашингтонском политическом небосклоне взойшла звезда Мартина Ван Бюрена. Именно последнему суждено было стать преемником Э. Джексона.

Когда Эндрю Джексон въехал в Белый дом как седьмой избранный президент США, он был вдовцом. Его жена Рейчел не выдержала той травли, которой сопровождалась предвыборная борьба 1828 г. Грязные слухи, распространяемые газетами, утверждали, что она вышла замуж за Эндрю Джексона, не разведясь со своим первым мужем. Среди сплетен, широко тиражировавшихся в вашингтонском обществе, обсуждались деревенские манеры будущей первой леди и ее привычка курить трубку. Рэйчел скончалась от сердечного приступа буквально после известия о победе ее мужа в президентской гонке. Джексон не простил тех, кто участвовал в дискредитации его жены. Предыдущий президент Джон Квинси Адамс даже не был приглашен на инаугурацию, и когда пушки салютовали с Кэпитол-хилл новому президенту, его предшественник верхом на лошади возвращался в родной штат Массачусетс.

Хозяйские обязанности первой леди взяла на себя племянница жены Э. Джексона Эмили Донельсон, а ее муж, 29-летний воспитанник генерала Эндрю Джексон Донельсон стал секретарем президента.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18–09–00166 А).

Период «джексоновской демократии» был отмечен такими политическими инновациями, как отмена имущественного ценза и прямые выборы выборщиков, национальные партийные конвенты вместо кокусов, борьба демократов и вигов, создание имиджа народного президента, борца за народные интересы против привилегий финансовой элиты.

День инаугурации запомнился служащим Белого дома надолго. Прием по поводу вступления в должность Джексона получился сумбурным и хаотичным, его восторженные последователи заполнили помещение для приема так плотно, что негде было повернуться. «New York Spectator» отмечал: «...в толпе смешались гурманы – охотники до угощения, денди, дамы, искатели должностей, и все они толкались, чтобы добраться до президента»². Мемуаристка Маргарет Смит так описывала это событие: «Залы были наполнены толпой оборванцев; негров, мальчишек, женщин и детей, которые проталкивались к угощениям, выставленным в гостиных. Люди силой прорывались в салоны, смешиваясь с иностранцами и гражданами, окружающими президента... Был момент, когда президента оттеснили к стене комнаты, от серьезной опасности его спасли несколько джентльменов, которые взяли за руки и таким образом создали барьер. Тогда окна были распахнуты, и людской поток нашел выход»³. Хотя служащие Белого дома постарались заготовить как можно больше пунша и других напитков и обслужить всех гостей, их усилия не увенчались успехом. Посуда была разбита, ковер испорчен, мебель поломана, многие вещи были прихвачены посетителями на сувениры, убытки составили несколько тысяч долларов⁴. Но, как пишет биограф Джексона Йон Мичэм, это было проявление той демократии фронта, которую и представлял новый президент⁵.

Эмили Донельсон, воспитанная на фронтире, не имела того лоска, к которому уже привыкло вашингтонское общество. Во многом ей помогло присутствие на инаугурационном балу Флорид Кэлхун, жены вице-президента Джона Кэлхуна, настоящей южной леди, обладающей, однако, довольно вспльчивым характером, что часто служило поводом для бурных семейных сцен⁶. В качестве первой леди Эмили Донельсон было сложнее войти в вашингтонскую элиту, поскольку теннессицы были чужаками среди старых семей Юга. Тем не менее Эмили получила

² Цит. по: Parton 1861. Vol. III. P. 170–171.

³ Smith 1906. P. 294–295.

⁴ Remini 1998. P. 178.

⁵ Meacham 2008. P. 62.

⁶ Как писал сам Кэлхун сыну: «Как бы ни были голословны обвинения и подозрительность вашей матери, вы должны молча сносить их... И если я смирился с этим и терпеливо переносю все, то и ваш долг, делать то же самое... это – единственный крест в моей жизни». Флорид была второй женой Кэлхуна, принесшей в семью богатое приданое. – Wiltse 1949. P. 13.

хорошее образование. Она училась в женской академии Нэшвилла (Теннесси) и считалась прилежной студенткой, но не имела того шарма, который был присущ светским дамам. Она всеми силами пыталась обеспечить комфорт и уютное существование своему болезненному дяде в президентском особняке. Как позже вспоминала дочь близкого друга президента Т.Х. Бентона, Эндрю Джексон любил сидеть в кресле-качалке возле очага, беседуя с сенатором, в то время как его рука гладила головку маленькой Джесси, а иногда накручивала на палец ее кудри⁷.

В последующие после инаугурации дни Белый дом был переполнен просителями, искателями почетных и доходных мест в администрации. Собственно, именно джексонская эпоха ввела в практику принцип: «Добыча принадлежит победителю». Политической новацией Джексона стала «spoils-system», т.е. система раздачи государственных должностей своим сторонникам по демократической партии. Сохранился анекдот, согласно которому Джексон сказал после выборов: «Если в вашем департаменте есть должность, с которой не может справиться демократ, сократите ее»⁸. Он постарался окружить себя людьми, которых хорошо знал и которым доверял. Они и составили его ближайшее окружение, узкий круг его советников, который вошел в историю под названием «кухонного кабинета», поскольку его члены, как правило, собирались приватно в столовой Белого дома⁹.

К досаде Эмили, которая рассчитывала на блестящую карьеру мужа, первым, кого Джексон пригласил в советники, был его старый друг майор Уильям Льюис, собиравшийся вернуться в Теннесси. Но Джексон был настойчив, заявив: «Вы не должны меня покидать, ведь вы сделали больше, чем кто-либо другой, чтобы я оказался здесь»¹⁰. Эмили пришлось пережить и еще одно разочарование, поскольку не только ее муж оказался задвинутым на второй план, но и в женском окружении президента появилась очаровательная дочь Льюиса – Мэри.

Вскоре к окружению президента добавился еще один его близкий друг и соратник – Джон Генри Итон, получивший пост военного министра в президентской администрации. Именно с его появлением и разгорелась в Белом доме та самая «Женская война» или «Война юбок», которую любят описывать американские биографы Э. Джексона.

Итон родился в округе Галифакс (Северная Каролина) в 1790 г. Получил юридическое образование в университете Северной Каролины. В 1808 г. он переехал в г. Франклин (Теннесси). Во время англо-американской войны 1812–1815 гг. он служил под началом генерала

⁷ Fremont 1887. P. 88–90.

⁸ Доул 2004. С. 245–246; Саломатин 2001. С. 96.

⁹ См.: Алентьева 2015. С. 204–205.

¹⁰ Parton. 1861. Vol. III. P. 180.

Джексона. Был женат на Майре Льюис, став свойственником Уильяма Льюиса. Но его жена вскоре умерла. Джон Итон стал одним из первых биографов генерала, во время президентской кампании 1824 г., он защищал его от нападок врагов по поводу действий генерала во Флориде. С 1818 по 1829 г. он представлял штат Теннесси в сенате США. Джексон безоговорочно доверял ему.

Однако с прибавлением Итона к узкому кругу друзей президента добавилась и неожиданная проблема. На Новый 1829 год Джон по совету президента женился на Маргарет (Пегги) О'Нил, дочери вашингтонского трактирщика и содержателя гостиницы, расположенной неподалеку от Белого дома¹¹. Кстати, Джексон хорошо знал ее отца Уильяма О'Нила, поскольку, будучи конгрессменом, в 1823–1825 гг. жил в его гостинице. Женитьба Итона создала неожиданный хаос в пуритански лицемерном вашингтонском обществе. Сплетни и слухи окружали новую миссис Итон со всех сторон. Ей вменяли в вину, что она стала любовницей Джона Итона еще до свадьбы. Советник президента А. Кендалл писал журналисту Ф. Блэру: «Итон поселился в доме ее отца, и сплетни утверждают, что они спят вместе»¹². Эмили Донельсон в одном из писем домой отмечала: «... в кабинете министров возникло недовольство в связи с назначением майора Итона... Его жена возбуждает ненависть и не может быть принята в обществе»¹³. Это неприятие вашингтонскими дамами сомнительной парвеню проявилось уже в инаугурационных торжествах, никто с ней не заговаривал, ни одна из присутствующих дам не пожелала завязать знакомства.

Ее полное имя было Маргарет О'Нил Тимберлейк Итон (1799–1879). Красивая и дерзкая, энергичная и амбициозная Маргарет Итон была весьма импульсивной особой. Она любила флиртовать с мужчинами, что оскорбляло благонравных жен министров. К тому же она была моложе их, имела неплохое образование, знала французский язык и замечательно играла на пианино¹⁴. Ее поведение до замужества нельзя назвать безукоризненным, скорее оно было эпатажным, а молва ей приписывала сексуальную распущенность. В возрасте 15-ти лет она попыталась сбежать с майором Фрэнсисом Смитом Белтоном, но попытка провалилась из-за нелепой случайности: веревка, которой собиралась

¹¹ Nester 2013. P. 107.

¹² Meacham 2008. P. 66.

¹³ Pollack 2007. P. 81.

¹⁴ Сохранилось весьма лестное описание ее внешности: «Невысокого роста, прямая и тонкая, идеально сложенная... Ее кожа нежная, белая, немного розоватая... Ее темные волосы, очень роскошные, собраны в прическу, а завитки украшают широкий, выразительный лоб. Ее идеальный нос, почти греческих пропорций, и немного изогнутый рот, с твердым, круглым подбородком, делают очертания ее профиля безупречными». – Ibidem.

воспользоваться юная беглянка, оказалась непрочной. В 17 лет она вышла замуж, ее очаровал морской офицер Джон Тимберлейк. На деле он оказался пьяницей и вечным неудачником, погрязшим в долгах, из которых его вытаскивал постоялец отца состоятельный сенатор Джон Итон. Первый муж Пегги О'Нил был старше жены на 22 года, тем не менее их брак продолжался 12 лет, и у них родилось трое детей. Муж Пегги умер в 1828 г., 2 апреля, как утверждалось, из-за неверности жены он перерезал себе горло¹⁵. Она якобы забеременела, пока муж был далеко в море, скорее всего от Джона Итона, бывшего, что называется, другом дома. Итон, будучи джентльменом, счел необходимым жениться на ней, хотя в течение года после смерти мужа ей предписывалось носить траур и не выходить замуж повторно. Свадьба состоялась 1 января 1829 года, когда со смерти ее мужа минуло всего 8 месяцев. И это уже само по себе было скандалом в глазах общественности. Маргарет Итон было всего 29 лет, ее второй муж был старше на 10 лет.

Сама Пегги признавалась в старости, что любила флиртовать чуть ли не с детства: «Когда я еще ходила в панталончиках и катала обручи с другими девочками, уже тогда мужчины, молодые и старые, обращали на меня внимание». Повзрослев, она принимала ухаживания всех постояльцев гостиницы отца, от генерал-адъютанта до майора и капитана. «На самом деле, у меня никогда не было любовника, который не был джентльменом и не имел хорошего положения в обществе», – утверждала она позднее. Ее увлечения приходили и уходили, но ее беда была также в несдержанности языка: «Следует помнить, что я была воспитана в мужском обществе и имела взрывной темперамент. Должно быть, наговорила немало глупостей». Сплетни не очень волновали ее: «А я и не претендую на то, чтобы быть святой, и никогда не стремилась стать образцовой женщиной, я положила за правило не обращать внимания на клевету, направленную против меня»¹⁶. Но слухи и сплетни множились.

Друзья Джона Итона отговаривали его от женитьбы на такой особе, уверяя, что она погубит его карьеру. Однако именно Джексон посоветовал Итону жениться на Маргарет, раз он ее любит, не обращая внимания на сплетни. Он невольно проводил параллель между нападками на его жену Рейчел и жену Итона и говорил своему другу: «Или я пойду ко дну, или мы выплывем вместе, клянусь Господом!»¹⁷ Джексон увидел в Пегги Итон невинную жертву и взялся ее защищать как рыцарь. Он подавал Пегги руку в качестве сопровождающего на официальных приемах. Она сидела рядом с ним на обедах в Белом доме. Он

¹⁵ Эти слухи не имели реальной подоплеки. Джон Тимберлейк скончался от лихорадки. Parton 1861. Vol. III. P.185.

¹⁶ Eaton 1932. P. 80.

¹⁷ Hamilton 1869. P. 102.

окружал ее особым вниманием. Однако вашингтонские матроны были непреклонны в своем неприятии миссис Итон, они не приглашали ее на свои приемы и отказывались являться к ней по ее приглашению.

Эмили Донельсон имела иное мнение, нежели ее дядя, в отношении Маргарет Итон, она писала домой: «Здесь дамы в один голос решили не наносить ей визитов»¹⁸. И сама примкнула к большинству, заявив своему дяде, что если ее вынудят, то она, конечно, примет миссис Итон, но сама ни за что не нанесет ей визита. Скандал начинал разгораться. Однако Эндрю Джексон считал, что это политические маневры, направленные на то, чтобы удалить Джона Итона из правительства, поскольку в нем видели не просто близкого к президенту человека, но считали его преемником. Тем более что Джексон всячески демонстрировал, что лояльность по отношению к Итону является проверкой на верность ему лично. «Достаточно странно, что последствия этого спора в обществе имеют такое большое политическое влияние и могут повлиять с большой долей вероятности на то, кто будет преемником нынешнего главного магистрата», – отмечал будущий лидер вигов Дэниел Уэбстер¹⁹.

Женская война разгорелась, и масла в огонь добавила Флорид Кэлхун. Кэлхуны собрались оставить свой Джорджтаунский особняк Оукли (сейчас известный как Думбартон-Оукс), планируя переехать всей семьей в Южную Каролину, в связи с начавшейся эпидемией лихорадки, поэтому Флорид не рассчитывала на прием гостей, когда к ней пожаловали Итоны. Конечно, до нее доходили слухи о недостойном поведении Пегги до замужества, но внезапный визит Итонов застал ее врасплох. Она знала Джона Итона еще сенатором, а сенатом руководил ее муж. Визит был кратким и прошел достаточно чинно²⁰. Когда Итоны ушли, Флорид должна была решить, наносить ли им, согласно принятому этикету, ответный визит. Такой визит означал бы, что Флорид Кэлхун признала миссис Итон, как уважаемого члена вашингтонского сообщества. Решение было принято в одночасье: она не станет наносить визит вежливости Итонам. Для Флорид слухи о сексуальных прегрешениях Маргарет Итон были достаточно убедительными, чтобы удержать супругу вице-президента США от общения с женой военного министра. Кэлхун согласился на решение супруги, хотя подобный выбор для вице-президента означал конфронтацию с президентом. Политические последствия были очевидны: признать Итонов как равных означало быть на стороне Джексона; не принять их – против Джексона.

В своем дневнике в начале 1829 года Джон Квинси Адамс отмечал, что вашингтонское общество было «...сильно шокировано появле-

¹⁸ Meacham 2008. P. 68.

¹⁹ Ibid. P. 70.

²⁰ Eaton 1932. P. 54–55.

нием миссис Итон; ранее миссис Тимберлейк». В письме своему сыну о Кэлхунах и Итонах, Адамс писал о приверженности вице-президента строгой морали и о том, что его жена первой из дам заявила о Пегги Итон: «Я так ненавижу шлюх». Во время инаугурации в 1829 г., после назначения Итона, добавил Адамс, Флорид сделала «...публичное уведомление... что она не желает показываться в Вашингтоне до тех пор, пока общество запятнано присутствием [Маргарет]»²¹. Жена бывшего президента Луиза Адамс, была еще более непримирима: «Война объявлена между некоторыми дамами в городе, а сражения... между дамами всегда бывают жестокими и жаркими»²². Эта женская баталия и получила название «Войны юбок».

Такой напряженной была атмосфера в Белом доме, когда 22 марта 1829 года прибыл Мартин Ван Бюрен, назначенный госсекретарем. Сын содержателя таверны и фермера в Киндерхуке (Нью-Йорк), он был человеком прагматичным, поэтому считал, что с дамскими интригами следует покончить как можно быстрее. Рассчитывая в будущем потеснить Кэлхуна и самому стать преемником Джексона, Ван Бюрен решил поддержать семью военного министра. Каждый день во время конных прогулок с Джексоном он обсуждал, в том числе, создавшуюся вокруг Пегги ситуацию²³. Будучи вдовцом, он мог, не нарушая приличий, как их тогда понимали, принимать Итонов (из всего дипкорпуса их принимали английский и русский послы, также бывшие холостяками).

Сам Джексон по-прежнему рассматривал нападки на Итонов как враждебные действия против него лично. Он считал, что в них отразилось недовольство аристократической элиты назначениями на должности его друзей с фронта. Шло время, и Джексон «обнаружил» нечто еще более злое в преследовании Итонов со стороны Кэлхунов. Он подозревал, что Кэлхун и некоторые южные радикалы использовали эту женскую войну, чтобы ослабить позиции Джексона и укрепить собственные. Тем более, что в южных штатах, особенно в Южной Каролине, нарастали сепаратистские тенденции. Дж. К. Адамс писал своей жене, что он лично убежден в том, что «такова позиция не отдельных лиц, а всей партии Южной Каролины, чтобы посеять рознь внутри администрации и получить военный департамент в свои руки»²⁴.

Ведомое Флорид Кэлхун дамское общество Вашингтона отказывалось принять жену военного министра в свой круг. Их не устраивало не только ее низкое происхождение, но еще более ее скандальное прошлое и шлейф сплетен, который тянулся за ней. Сложности начались,

²¹ Adams 2016. P. XIII.

²² Meacham 2008. P. 72.

²³ Widmer 2005. P. 28.

²⁴ Meacham 2008. P. 77.

когда жены министров отказались принимать Пегги у себя и участвовать в официальных мероприятиях, где она должна была присутствовать по протоколу, как супруга военного министра. Первый официальный обед Джексона стал совершенной катастрофой, поскольку жены министров, возглавляемые Флорид Кэлхун, объявили Пегги, прозванной ими «Ла Беллона», бойкот. Второй обед, который давал Ван Бюрен, не состоялся. Жены четырех ключевых министров отказались быть на нем. Узнав об этом, Пегги разразилась слезами и осталась дома.

Протест против Пегги Итон выразила и Эмили Донельсон. Она вернулась в дом матери, отказавшись от исполнения обязанностей первой леди, что сильно озаботило Джексона. Он упрашивал Эмили вернуться в Белый дом и приступить к своим обязанностям, как того требовал официальный протокол. Однако она категорически отказывалась, настаивая на удалении Пегги Итон из Белого дома.

На стороне анти-Пеггинской партии выступили влиятельные священники: пастор пресвитерианской церкви в Вашингтоне Дж. Кэмпбелл и Эзра Эли из Филадельфии, возмущенные слухами о «распущенности миссис Итон», «ее недостойном поведении, когда ее муж был в плавани», «совместной поездкой с Итоном в Нью-Йорк, имевшей место, когда она еще не была замужем за ним». Желая обелить Пегги, которую он считал жертвой злостных инсинуаций, Джексон решил затеять формальное расследование и доказать ее полную невиновность. Допрашивались свидетели, изучались книги регистрации постояльцев в отелях.

10 сентября 1829 г. в 7 часов вечера состоялось одно из самых нелепых за всю историю Америки заседаний кабинета министров. Оно было затеяно президентом, чтобы опровергнуть обвинения против Пегги. На заседание были приглашены оба священника. И вместо спокойного разбирательства, как полагал Джексон, началось яростное обвинение Кемпбелла, что преступная связь Итона с миссис Тимберлейк имела место уже в 1821 г. Затем последовало выяснение факта, видели ли их в нью-йоркском отеле «в постели» или «сидящими на постели». Члены кабинета потеряли дар речи, раздавались лишь крики президента и священников. Кемпбелл отказался снять обвинения и выбежал с угрозами, что он готов доказать их в суде²⁵. Джексон во время заседания в запальчивости заявил, что Пегги была «целомудренной, как девственница!» Это прозвучало для членов кабинета более чем удивительно, поскольку речь шла о женщине, которая родила троих детей и дважды была замужем²⁶. Несколько членов кабинета пытались урезонить президента, но это было совершенно бесполезно. Когда Эндрю Джексон принимал решение, переубедить его было практически невозможно.

²⁵ Тайная власть. – URL: <http://gr-s.dreamwidth.org/121959.html?thread=252775>.

²⁶ Hill R. Peggy Eaton: the Woman who Brought down a Cabinet...

Только два члена кабинета поддержали чету Итонов: госсекретарь Мартин Ван Бюрен и генеральный почтмейстер Уильям Бэрри. Остальные члены кабинета Джексона отказывались иметь какое-либо отношение к Пегги Итон. Фактически «женская война» парализовала работу правительства. Тогда Ван Бюрен, недаром прозванный «маленьким волшебником», реализовал следующий план. В апреле 1831 года он подал в отставку с поста госсекретаря, предоставив президенту право потребовать отставки других членов кабинета. Вслед за Ван Бюреном в отставку подал Джон Итон. Министры были в шоке, но Джексон был непреклонен, и весь кабинет был смещен. Это была первая в истории США полная отставка всего кабинета министров.

Ван Бюрен получил назначение на пост посла в Великобританию. Но спустя несколько месяцев, после вторичного избрания Джексона на президентский пост, он стал его вице-президентом.

Джон Итон получил назначение на должность губернатора Флориды, где его жена могла блистать на официальных приемах, без всяких опасений быть не принятой местным обществом. В 1836 г. Итон был назначен послом в Испанию. Они вернулись в Вашингтон в 1840 г., Джон Итон занялся адвокатской практикой. Ирония состояла в том, что на этот раз вашингтонское общество благосклонно приняло Пегги Итон. Их жизнь протекала спокойно вплоть до смерти Джона в 1856 г.

В 1859 г. Маргарет вышла замуж в третий раз, за 19-летнего учителя танцев Антонио Бучиньяни. Она была старше своего избранника на целых 40 лет, и бывшие сплетни вспыхнули с новой силой. После десяти лет совместной жизни Антонио бросил Пегги. Уехав с ее внучкой Эмили в Европу, он прихватил значительную часть состояния жены. Пегги умерла, когда ей было 80 лет, в бедности и забвении.

Лишь после отъезда семьи Итон во Флориду, 5 сентября 1831 г., Эмили Донельсон согласилась возвратиться в Белый дом и снова взять на себя обязанности первой леди. Но Джексон решил, что не стоит зависеть от капризов племянницы со стороны умершей жены. Он пригласил в Белый дом свою собственную племянницу Сару Йорк Джексон. С 1834 г. Сара стала «со-хозяйкой» Белого дома. К приятному удивлению Джексона обе первые леди нашли общий язык. Это был единственный раз в американской истории, когда две женщины одновременно были хозяйками Белого дома.

«Женская война» в Белом доме продолжалась два года и сыграла важную роль в укреплении института президентства в США, в усилении личной власти Эндрю Джексона, выдающегося американского политического деятеля. Она явилась отражением внутренней политической борьбы в президентском окружении и способствовала укреплению позиций проджексонских сил в администрации, что позволило впоследствии проводить курс реформ либерального направления. Именно по-

этому американские историки любят возвращаться к обсуждению этого любопытного эпизода, как бы специально созданного причудливой фантазией Клио, чтобы посрамить сочинителей исторических романов.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Алентьева Т.В. Роль общественного мнения «джексоновскую эпоху» в США. Курск: Изд-во КГУ, 2015. 396 с. [Alent'eva T.V. Rol' obshchestvennogo mneniya «dzheksonovskuyu epokhu» v SSHA. Kursk: Izd-vo KGU, 2015. 396 s.]
- Доул Б. Как шутят только президенты. М.: Изд-во «Мир», 2004. 319 с. [Doull B. Как shutyat tol'ko prezidenty. M.: Izd-vo «Mir», 2004. 319 s.]
- Саломатин А.Ю. Борьба с коррупцией в США в XIX веке и государственная модернизация // Правоведение. 2001. №3. С. 196–206 [Salomatin A.YU. Bor'ba s korruptsiej v SSHA v XIX veke i gosudarstvennaya modernizaciya // Pravovedenie. 2001. №3. S. 196–206]
- Adams J.Q. Diaries of John Quincy Adams. 1821–1848. Boone, IA: The Library of America, 2016. 775 p.
- Eaton M. The Autobiography of Peggy Eaton. N.Y.: C. Scribner's Sons, 1932. 216 p.
- Fremont J. Souvenirs of My Time. Boston: D. Lothrop and Co., 1887. 393 p.
- Hamilton J.A Reminiscences of James A. Hamilton: or, Men and Events, at Home and Abroad, during three quarters of a Century. N.Y.: C. Scribner & Co., 1869. 400 p.
- Hill R. Peggy Eaton: the Woman who Brought down a Cabinet. URL: <http://knoxfocus.com/2013/08/peggy-eaton-the-woman-who-brought-down-a-cabinet>
- Meacham J. American Lion: Andrew Jackson in the White House. N.Y.: Random House Trade Paperbacks, 2008. 483 p.
- Nester W. The Age of Jackson and the Art of American Power, 1815–1848. Lincoln, NE: Potomac Books, 2013. 352 p.
- Parton J. Life of Andrew Jackson: in 3 vols. N.Y.: Mason Brother, 1861. 636 p., 672 p., 734 p.
- Pollack Q. Peggy Eaton: Democracy's Mistress. Whitefish, MT: Kessinger Publ., 2007. 332 p.
- Remini R. Andrew Jackson: The Course of American Democracy, 1833–1845. Baltimore: John Hopkins University Press, 1998. 672 p.
- Smith M.B. The First Forty Years in Washington Society. N.Y.: Ch. Scribner's Sons, 1906. 506 p.
- Widmer T. Martin Van Buren: The American Presidents Series: The 8th President, 1837–1841. N.Y.: Times Books, 2005. 189 p.
- Wiltse Ch. John C. Calhoun: Nullifier, 1829–1839. N.Y.: Russell & Russell, 1949. 592 p.

Алентьева Татьяна Викторовна, доктор исторических наук, профессор, Курский государственный университет; alent-tv@yandex.ru

Women's War in the White House

The article describes the political crisis in the United States during the presidency of Andrew Jackson, which for the first time in the history of that country led to the resignation of the entire Cabinet of Ministers. The «Jacksonian era» was a period of political innovation in the American democracy. There were for example: the system of patronage, strict party discipline, the «Kitchen Cabinet» appointed on the basis of personal loyalty. The reason for the political crisis was the so-called «Petticoat affair» in the White house, which was a reflection of the internal political struggle in the presidential environment. It contributed to strengthening the position of the pro-Jacksonian forces in the administration and strengthening the personal power of the President.

Keywords: the USA History, 19th century, “the Jacksonian Era”, presidential administration, “the Petticoat affair”

Tatiana Alentieva, Dr. Sc. (History), Professor, Kursk State University; alent-tv@yandex.ru

С. А. ЭКШТУТ

ПЕТР ПЕРЦОВ – ГЕРОЙ СНОСКИ

Опыт осмысления впервые опубликованных «Воспоминаний» П.Н. Перцова (2017), инженера путей сообщения, строителя железных дорог, общественного деятеля и коллекционера, инициатора строительства знаменитого «Дома Перцова», служат формальным поводом для размышлений о том, как следует писать Историю.

Ключевые слова: человек второго плана, история повседневности, история предпринимательства, социальная мобильность, градостроительство, мемуаристика

Есть имена, обычный удел которых светить отраженным светом фигур первого плана. Их даже людьми второго плана не назовешь. Не тот масштаб личности, не столь значительны карьерные или творческие достижения, проблематичен или не так заметен скромный вклад в Историю. Имена таких людей – пожива комментаторов, публикаторов архивных документов и биографов людей исполнинского масштаба. Всех их объединяет одно. Они – герои сноски и персонажи развернутого примечания. Однажды линия жизни человека толпы пересеклась с судьбой великого человека, что спасло его имя от полного забвения и обеспечило место в справочном аппарате академических изданий, посвященных трудам и дням фигур первого плана.

Именно такой жребий выпал на долю семейства Перцовых: среди них есть и приятель Пушкина Эраст Петрович, и тайный корреспондент Герцена Константин Петрович, чьи имена хорошо ведомы специалистам. Их племянник, Петр Николаевич Перцов (1857–1937), известен не этим. В самом центре Москвы, напротив Храма Христа Спасителя, на углу Соймоновского проезда и Пречистенской набережной, стоит архитектурный шедевр московского модерна – «Дом Перцова», построенный в 1905–1907 гг. по идее Петра Николаевича и при его непосредственном участии¹. Инженер путей сообщения, строитель железных дорог, общественный деятель и коллекционер, неоднократно путешествовавший по Европе, захотел соединить стрельчатые мотивы западноевропейской готики с национальными традициями древнерусского зодчества – так возникло одно из самых знаменитых московских зданий, а Петр Николаевич избежал беспамятства потомства и закрепил за собой роль персонажа примечания.

¹ Инженер П.Н. Перцов купил участок, заказал проект и оплатил строительство доходного многоквартирного дома, однако официальной владелицей значилась супруга инженера Зинаида Алексеевна. Подрядная деятельность, которой занимался инженер, была сопряжена с большими финансовыми рисками, и он переписал участок и дом на имя жены. Поэтому иногда здание именуют «Домом Перцовой».

В 2017 г. были впервые опубликованы «Воспоминания» Перцова. Неожиданно выяснилось, что их автор перерос укоренившееся за ним амплу героя сноски и может претендовать на более значимую роль в Истории. Благодаря этим мемуарам вдумчивый читатель получил реальную возможность «отворить калитку в былое» и зримо представить себе жизнь и судьбу человека, которому довелось жить в эпоху перемен. Петр Николаевич родился за четыре года до отмены крепостного права, а окончил свой земной путь через двадцать лет после революции, в год, ставший скорбным символом Большого террора.

Отец мемуариста, казанский помещик Николай Петрович Перцов, настойчиво стремился, но так и не сумел приспособиться к новым экономическим реалиям пореформенной России. Чем он только не занимался! Сначала носил военный мундир, затем успешно служил в статской службе, но бросился в омут предпринимательской деятельности – и разорился, взяв на себя подрядные работы по постройке Ярославской железной дороги. Пытался хозяйствовать в родовом имении Хотня, что в 90 верстах от Казани. Открыл винокуренный завод, занялся выделкой древесного спирта и добыванием селитры, но все эти начинания закончились неудачей. В это время преуспевали «чумазые», а дворянская «белая кость» даже не могла сохранить достояние отцов. Неудачи Николая Петровича были типичны. Отсутствие специальных знаний и излишняя доверчивость к компаньонам и посредникам – все эти неизбежные издержки дворянского воспитания предопределили крах его начинаний: «другие наживались, а дела и состояние отца из года в год всё более и более расстраивались»². Вероятно, именно по этой причине, среди воротил нарождающегося русского предпринимательства, таких как Рябушинские или Морозовы, не было ни одного дворянина. Родовое имение Перцовых пошло с молотка.

Петр Николаевич учел ошибки отца и его столь дорого оплаченный жизненный опыт. Окончив с серебряной медалью классическую гимназию, он поступил в Институт инженеров путей сообщения в Петербурге. Преподавание в этом учебном заведении совершенно не отвечало вызовам времени и совсем не давало практических навыков. Теоретические курсы отставали от жизни. Российская империя переживала настоящий железнодорожный бум, а Институт путей сообщения не считал нужным корректировать учебные планы. «Курс железных дорог был слабее всех остальных, а об устройстве, ремонте и содержании шоссейных и обыкновенных дорог упоминалось лишь вскользь. Водные сообщения также не были выдвинуты на первый план. По производству земляных и каменных работ не давалось почти никаких практических указаний, да и теория их, по-видимому, мало интересова-

² Перцов 2017. С. 16.

ла лекторов. ...Об экономических изысканиях не было и речи. По эксплуатации и отчетности не давалось никаких указаний. Такие существенные вопросы, как изучение условий движения грунта и борьба с ними, не составляли также предмета специального преподавания. Даже борьба со снежными заносами на дорогах столь обременительная для железнодорожного бюджета не была удостоена особым вниманием преподавания». На излете жизни Петр Николаевич сделал убийственный вывод о том, кого готовил институт. «Получалось впечатление, что инженеры готовились исключительно для департаментов министерства и для инспекции, а не для работ. Сколько у государства было бы сбережений и сколь прочнее были бы дороги, ежели бы преподавание инженерных наук в институте более отвечало действительной потребности страны в строителях-практиках»³.

Мемуаристу повезло. Его будущий тесть инженер-путеец Алексей Михайлович Повалишин по собственной инициативе предложил нескольким студентам, включая Перцова, пройти летнюю практику при строительстве Сызранского моста через Волгу. Практиканты жили в одной общей казарме и имели общий стол. Вставали они в 5 утра по гудку, после чего пароход развозил их по работам. В 12 часов тот же пароход забирал всех на обед, за которым следовал послеобеденный сон. В 2 часа пополудни работы возобновлялись и продолжались до 8 часов вечера. «И так изо дня в день всё лето. Сапоги и платье практикантов никогда не очищались от каменной и цементной пыли»⁴. Приобретенный практический опыт был бесценен. Перцов уяснил и обрел твердые ориентиры в быстро меняющемся мире. Отныне он мог судить о жизни не только по книгам, но на основе собственных впечатлений.

Окончив институт Петр Николаевич, повинувшись вековой традиции дворянского сословия, поступил на государственную службу по железнодорожному ведомству. Его служебная квартира на Оренбургской железной дороге отличалась поразительным неустройством: в спальне за ночь замерзала вода в кувшине, а через стены при метелях чуть не задувало свечу. Свою работу Перцов не без основания называл каторжной: бывали недели, когда на сон оставалось не более двух часов в сутки. Инженер шел на острие прогресса и вместе с ним в российскую глубинку приходила цивилизация. Ему было присуще душевное благородство, неизменная доброта, участливость и безграничная снисходительность к человеческим слабостям. Подчиненные им восторгались: «Соединяя в себе эти душевные качества со способностями неутомимого работника, Вы сумели внести свежую струю живой энергии и человечности в ту область, где обыкновенно царит сухой, черствый форма-

³ Там же. С. 102.

⁴ Там же. С. 97.

лизм и рутина и где человек незаметно для себя нередко обрастает корой безучастия и эгоизма»⁵. Петр Николаевич работал много, напористо и самозабвенно, резонно рассчитывая, что начальство не оставит его служебное рвение без достойного вознаграждения. Он хотел получить место начальника службы движения одной из казенных железных дорог. Когда же на освободившуюся вакансию Петербургом был прислан не знакомый с местными условиями чиновник, мемуарист счел себя глубоко оскорбленным допущенной несправедливостью.

Мать воспитала в нем понятие о долге и стойком перенесении житейских невзгод. От нее же он унаследовал твердый характер, доходящую до крайности скрытность в выражениях чувств и предъявление строгих нравственных требований к себе и окружающим. Перцов подал в отставку, лишь тогда начальство всполошилось, и сам министр путей сообщения Сергей Юльевич Витте безуспешно пытался удержать его от этого шага. Но он, проявив твердость, настоял на своем: ушел с государственной службы, стал подрядчиком и занялся предпринимательством – и уже через два года ухитрился заработать 50 тысяч рублей⁶.

Перцов участвовал в строительстве свыше 1000 км стальных магистралей: Самаро-Уфимской, Уфа-Златоустовской, Екатеринбург-Челябинской, Симбирской, Тимирязево-Нижегородской, Коканд-Наманганской, Западно-Уральской и Северо-Восточной Уральской железных дорог. Далеко не все подряды были выгодными. Но инженер-путеец руководствовался не коммерческим интересом, а профессиональной гордостью специалиста своего дела. Это было ново и смело! Один из его друзей, доктор Ф.А. Гриневский, тонко заметил, что русскому интеллигенту свойственно неумение подойти к народу: «интеллигенту надо было не учить крестьянина, а пойти к нему работать с ним, и в совместной работе взаимно помогать друг другу»⁷. Именно так поступал Перцов, умеющий найти общий язык со своими работниками.

Вспомним «Железную дорогу» Некрасова, так описавшего повседневную жизнь ее строителей:

Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролись с голодом,
Мерзли и мокли, болели цингой.

⁵ Там же. С. 196.

⁶ Чтобы современный читатель оценил баснословность этой суммы, укажем, что в то достославное время индейка стоила 50 копеек, гусь – 30 коп., крупный цыпленок – 10-12 коп., курица – 12-20 коп., заяц – 7 коп. Огурцы продавались по 4 копейки за сотню. За 300 рублей Петр Николаевич приобрел почти новую троечную коляску, с лаковым верхом и фартуком. Овес для лошадей обходился от 18 до 40 копеек, сено – от 7 до 20 копеек за пуд. Самые лучшие дубовые дрова стоили 40 копеек за пуд – это считалось очень дорого. Там же. С. 79, 147, 201.

⁷ Там же. С. 269.

Грабили нас грамотеи-десятники,
Секло начальство, давила нужда...
Всё претерпели мы, божий ратники,
Мирные дети труда!

Перцов обходился со своими рабочими иначе. Да, рабочие жили в бараках-землянках, но эти бараки были сухими и высокими. Питались они в особых крытых столовых, причем подрядчик Перцов всегда обращал внимание на образцовое содержание кухонь и кладовых. «Продовольствие рабочим отпускалось всегда высокопробное. Мы прекрасно знали, что только хорошо содержимые рабочие давали максимум производительности их труда»⁸.

Хотя в те времена в деловой лексике еще отсутствовало слово «откат», о существовании «безгрешных доходов» уже было хорошо известно. Перцов принципиально избегал подобных способов быстрого обогащения, и его устоявшаяся деловая репутация была хорошо известна. Взятки ему не предлагали и взятки от него не требовали. «Репутация наша в этом отношении была столь установившейся, что никто из начальствующих и не дерзнул бы предъявить нам свои требования, зная, что они не будут удовлетворены. Ни в какие сделки по выполнению работ мы никогда ни с кем не входили. Никогда во время постройки мы не учитывали выгодность или невыгодность тех или иных работ, исполняли их по долгу совести и по законам техники. И всегда ставили во главу угла срочное, а при возможности и досрочное окончание работ, хотя бы с некоторым недополучением при этом»⁹. Перцов и его сотрудники не извлекали сверхприбыль, не стремились сорвать большой куш, получить «бешеные деньги». В такой деловой этике не было ничего экстраординарного. Качественную работу мог выполнить лишь обустроенный и сытый работник. А чуждающийся взятки подрядчик с кристально чистой деловой репутацией, отпугивая от себя аферистов и прощелыг, избегал дополнительных финансовых рисков. Честность, в конечном итоге, оказывалась выгодным делом. Деловая репутация важнее прибыли. Эта ценность не успела укорениться в России. Если бы ей удалось прижиться на рубеже XIX–XX вв., то ход отечественной, да и мировой истории был бы иной. Увы, не сбылось... Слишком мало было в Российской империи людей, подобных инженеру Перцову. Они не могли противостоять натиску тех, кто жаждал «бешеных денег».

Однако инженер богател. Миллионером он так и не стал, но уже мог позволить себе и своему многочисленному семейству дорогостоящие привычки: продолжительные заграничные путешествия, регулярный отдых на модных европейских курортах, коллекционирование произведений искусства. Он отдал дань европейской цивилизации, но

⁸ Там же. С. 272.

⁹ Там же. С. 272-273.

свое отношение к ней выразил одной фразой: «Тянуло на работы, праздная жизнь за границей, при всем ее интересе, была не по мне»¹⁰.

Перцов стал посещать отечественные художественные выставки и покупать на них понравившиеся ему картины и акварели Левитана, Репина, Малютина, Малявина, Рериха, Апполинария Васнецова, мирискусников... Свой тонкий художественный вкус, оригинальное понимание прекрасного и собственные эстетические фантазии – всё это Петр Николаевич сполна реализовал при строительстве «Дома Перцова»: «Я лично руководил всеми работами и входил во все детали постройки, целыми днями носясь по всем этажам и не оставляя без личного надзора ни одного места работ. Все работы велись одновременно... Таким образом, в одиннадцатимесячный срок были закончены решительно все работы...»¹¹. Не было отбоя от желающих снять квартиру в этом здании. «Дом-сказка» – именно так москвичи сразу же нарекли этот красивый, стильный и оригинальный доходный дом Первопрестольной. Поселился в нем и сам домовладелец, сохранив за своей большой семьей трехэтажную квартиру с отдельным входом.

В мансардах располагались мастерские художников, а в одном из подвалов «Дома Перцова» нашлось место для театра-кабаре «Летучая мышь», в представлениях и постановках которого участвовали известные актеры и режиссеры Московского художественного театра: Ольга Леонардовна Книппер-Чехова, Василий Иванович Качалов, Константин Сергеевич Станиславский и Владимир Иванович Немирович-Данченко.

В этом человеке энергия была через край. Он на всё находил время. На бизнес, на коллекционирование, на общественную деятельность. После Первой русской революции входил в Центральный комитет партии «октябристов», баллотировался, правда безуспешно, в Государственную Думу. К сожалению, в молодом российском парламенте оказалось слишком мало ответственных деловых людей и слишком много безответственных политических краснобаев. Но Петр Николаевич не унывал. Его можно уподобить чеховскому подполковнику Вершинину из «Трёх сестёр»: «Мне кажется, нет и не может быть такого скучного и унылого города, в котором был бы не нужен умный, образованный человек. Допустим, что среди ста тысяч населения этого города, конечно, отсталого и грубого, таких, как вы, только три. Само собою разумеется, вам не победить окружающей вас темной массы; в течение вашей жизни мало-помалу вы должны будете уступить и затеряться в стотысячной толпе, вас заглушит жизнь, но все же вы не исчезнете, не останетесь без влияния; таких, как вы, после вас явится уже, быть может, шесть, потом двенадцать и так далее, пока наконец такие, как вы, не

¹⁰ Там же. С. 263.

¹¹ Там же. С. 316, 319.

станут большинством. Через двести, триста лет жизнь на земле будет невообразимо прекрасной, изумительной. Человеку нужна такая жизнь, и если ее нет пока, то он должен предчувствовать ее, ждать, мечтать, готовиться к ней, он должен для этого видеть и знать больше, чем видели и знали его дед и отец».

Перцов был олицетворением нарождавшегося гражданского общества: испытывал внутреннюю потребность бескорыстно тратить время, силы, энергию, творческие способности и собственные деньги на общественные нужды и помощь ближнему. Накануне Первой мировой войны он даже получил прозвище «Генерала Белой ромашки». День Белой ромашки (Белого цветка) – это день помощи больным туберкулезом и солидарности с больными и фтизиатрами. Он был очень популярен в России вплоть до 1917 г. Только в Москве в этот день продавали до полутора миллионов штук цветков ромашки. Доходы от продажи цветков, которые активно покупали как царские дочери, так и простые горожане, шли на помощь больным. В годы Первой мировой войны, он вновь бескорыстно занимался организацией инженерно-строительных дружин, помогавших военным инженерным частям осуществлять фортификационные работы в тылу. В 1916 г. Перцов был избран гласным Московской городской думы, где должен был заседать до 1920 г.

Но это был не его масштаб. Для обычного московского домовладельца – слишком много, для человека с талантами и деловым опытом Перцова – слишком мало. Революция разделила его жизнь на «до» и «после». Он не захотел эмигрировать, посчитав невозможным отделить собственную судьбу от судьбы Родины. Автоматически попал в разряд «бывших». В 1923 г. провел несколько месяцев в заключении за попытку спасти от конфискации ценности Храма Христа Спасителя. Был выселен из своей роскошной квартиры, оказался в коммуналке. Даже в годы НЭПа его уникальный деловой опыт и природный талант не были востребованы новой властью. Петру Николаевичу повезло, что в страшном 1937-м он умер в своей постели. Но повезло ли стране, которая – как «до», так и «после» – не сумела использовать таланты и знания этого глубоко порядочного и преданного своей родине человека?!

«И вот, переживая всё настоящее и живя в прошлом, я не могу не благодарить Создателя, что он уберег меня от самого ужасного – переживания угрызений совести и сохранил еще во мне на шестьдесят седьмом году моей жизни радость бытия и веру, что придут пусть после нас лучшие дни, когда настанет действительное равенство между людьми и ничьи интересы не будут приноситься в жертву ни классам, ни партиям»¹².

В настоящее время «Дом Перцова» принадлежит МИДУ.

¹² Там же. С. 523.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Перцов П.Н. Воспоминания / коммент. Д.И. Болотиной. М.: Кучково поле, 2017. (Серия «Московская библиотека») [Percov P.N. Vospomnaniya / komment. D.I. Bolotinoj. M.: Kuchkovo pole, 2017. (Seriya «Moskovskaya biblioteka»)].

Экштут Семен Аркадьевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; semenekshtut54@gmail.com

Petr Pertsov – a character in a footnote

Reflections upon reading the recently (2017) published “Memoirs” by P.N. Pertsov, an engineer and a builder of railways, a public figure and a collector who initiated the construction of the famous “Pertsov house” lead the author to conclusions on one should write history.

Keywords: *a background character, history of everyday life, history of business, social mobility, city development, memoirs*

Semen Ekshtut, Dr.Sc. (Philosophy), leading researcher, Institute of World History; semenekshtut54@gmail.com

Д. В. КИРЮХИН, Е. М. КИРЮХИНА

ОБРАЗ КОРОЛЯ ГЕНРИХА VII В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ АНГЛИИ XVII – НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье рассматривается образ Генриха VII в изобразительном искусстве Англии XVII – начала XX в. Художники активно использовали прижизненные портреты короля, постепенно добавляя новые атрибуты власти и детали, призванные подчеркнуть благородство, рыцарские качества Генриха VII, сакральную ценность королевской власти, преемственность традиций. Сюжетные композиции с изображением монарха, появившиеся со второй половины XVIII в., достигшие расцвета в Викторианскую эпоху и сохранившиеся в начале XX в., демонстрировались как в жанре исторической живописи, так и в книжной иллюстрации.

Ключевые слова: *Генрих VII, Англия XVII–XX вв., живопись, книжная иллюстрация*

Обращение к визуальному образу монарха во время правления его потомков обусловлено необходимостью репрезентации королевской власти, одним из способов которой является тиражирование портретов правителя и создание яркого и запоминающегося облика с характерным набором деталей и символов. В статье рассматривается образ основателя династии Тюдоров – короля Генриха VII, созданный в изобразительном искусстве XVII – начала XX в.¹ Внимание западноевропейских художников к образу Генриха VII не иссякло и спустя многие годы после того, как династия Тюдоров сошла с исторической сцены.

Использование произведений изобразительного искусства в качестве исторических источников берет начало с трудов Й. Хейзинги и историков Школы Анналов². Популярность термин *образ* приобрел в связи с т.н. *визуальным поворотом* в рамках новой культурной истории³. В своем анализе мы также опирались на биографический, иконографический и культурно-исторический методы, используемые в искусствоведении и литературоведении. Разработка методики анализа визуальных источников, произведенная российскими исследователями⁴ включает в себя формы и способы репрезентации внешности персонажей, в т.ч. рассмотрение и оценка особенностей изображения тела, его мимики и позы, использования колорита, композиционной роли персонажей в художественном произведении и др., а также того, что создает «визуаль-

¹ Одним из первых этот вопрос затронул Дж. Гейрднер (Gairdner 1858). Современные исследования визуального аспекта образа Генриха VII весьма немногочисленны: Alexander 1981; Kipling 1982. См. также: [Ankele](#) 2015.

² См.: Хейзинга 2004; Ле Гофф 1992.

³ Репина 2012; Гайдук 2014.

⁴ Вишленкова 2011; Нарский 2008.

ный канон» эпохи, меняющийся в зависимости от времени существования художника и зрителя⁵. Однако в общем разработка специальных методик исторического, а не искусствоведческого анализа иконографических источников далека от завершения: как замечает Л.Н. Мазур⁶, на первый план в настоящее время выходит визуальная культура самого исследователя, которая позволяет ему распознать визуальные каноны и коды определенной исторической эпохи.

Основатель династии Тюдоров Генрих VII в течение своего правления создал систему репрезентации королевской власти, в которую входил и визуальный образ монарха. Многочисленные копии портретов короля с только ему присущими деталями одежды и атрибутами были призваны создать идеальный образ полумифического правителя⁷. Множество прижизненных портретов Генриха VII, в т.ч. один из наиболее известных, написанный около 1500 г. голландским художником Михелем Зиттовым (1469–1525), послужили источниками для художников, создававших портретные изображения короля в последующие эпохи. Об этом свидетельствуют как сходные черты лица короля, так и набор атрибутов – символов власти. Однако мастера последующих эпох, несомненно, обладали большей свободой выбора в трактовке образа основателя династии Тюдоров. Их произведения можно структурировать по времени создания (XVII – начало XX в.) и технике исполнения. По жанровой принадлежности – портрет (чаще всего – парадный) и исторический жанр. По технике исполнения – гравюры, станковая и монументальная живопись, а также книжная иллюстрация. Произведения находятся в Лондонской национальной портретной галерее, Палате общин Лондонского парламента, Бристольском музее, в частных коллекциях, и в качестве книжных иллюстраций – в изданиях XIX в.

Рассмотрим гравюры с изображением Генриха VII из Национальной портретной галереи Лондона. Как и на портретах Тюдоровской эпохи, одежда Генриха остается без изменений: его голову венчает черная шапка по французской моде (впервые она появляется на самом раннем портрете Генриха, графа Ричмонда, во время его пребывания в Бретани в 1470–1480-е гг.); головной убор украшен драгоценной брошью, еще одна, напоминающая по форме Тюдоровскую розу, у него на груди; на плечах – плащ, отороченный мехом. На гравюрах XVII в. неизвестных авторов, а также У. Маршалла и У. Фейфорна, Генрих VII изображен по пояс, лишь на одном из них на его голове корона, которая, как ни странно, надета поверх черной шапки. Украшения короля скопированы с более ранних портретов с детальной точностью, причем на гравюре

⁵ Вишленкова 2011. С. 17.

⁶ Мазур 2014. С. 105.

⁷ Кирюхин 2013.

Й. Хондиуса (1610) присутствует изображение цепи Ордена Золотого руна, которая была изображена только на портрете М. Зиттова и копиях с него, а в остальных случаях заменялась драгоценной брошью. Знаком Ордена является изображение золотого руна, висящего на цепи из 28 звеньев, что имеет глубоко символический смысл⁸. Фигура короля на гравюре Дж. Поуна (1622) окружена изображениями королевского герба слева и розой Тюдоров справа, они увенчаны короной. Портретное изображение на гравюре сопровождается надписью «Король Англии, Франции и Ирландии мудрый правитель Генрих VII», которое пришло на замену краткому «Король Генрих VII» Тюдоровской эпохи.

Новыми, ранее никогда не встречавшимися атрибутами королевской власти, являются держава и скипетр в руках короля. Таким образом, изображение на гравюрах, по задумке авторов, должно было представлять собой копию с коронационного портрета монарха. Такой портрет, представляющий собой изображение правителя в коронационных регалиях, при жизни Генриха VII не был создан (или изображение утеряно), отсутствует и коронационный портрет его сына Генриха VIII. Это было связано как с нехваткой квалифицированных портретистов при дворе, так и с беспокойной обстановкой в английском королевстве. Традицию коронационного портрета возрождает лишь внучка Генриха VII Елизавета I (1533–1603 гг.).

Гравюрные изображения XVIII в. выполнены в более реалистичной манере и с большим числом деталей. Особый интерес представляет гравюра неизвестного автора, на которой король представлен в полный рост с короной на голове и драгоценным кулоном на рыцарских доспехах, с мечом и щитом в руках, на одежде – рисунок тюдоровской розы, хотя Генриха VII остался в памяти потомков как хитрый и мудрый правитель, а не как храбрый воин. Еще одна гравюра неизвестного автора содержит каноничный портрет короля и изображения важнейших геральдических фигур первых Тюдоров: тюдоровскую розу, французскую лилию, золотую замковую решетку – геральдический символ Маргариты Бофорт, матери Генриха VII, щит Тюдоров держат красный дракон, символ, доказывающий валлийское происхождение династии Тюдоров, и белый грейхаунд, геральдическое животное Генриха VII. Щит окружает перевязь с девизом Ордена Подвязки и опоясывает лента с надписью «Бог и мое право» (“Dieu et mon droit”) – девизом английской монархии со времен Генриха V, утверждающим божественность прав монарха на корону⁹. Эти новые для портретов элементы можно часто встретить в книжной иллюстрации эпохи первых Тюдоров¹⁰.

⁸ Золотое руно [Электр.ресурс].

⁹ Фрайер, Фергюсон 2011. С. 105.

¹⁰ Кирюхин 2015.

Нетрадиционный подход к построению композиции демонстрирует гравюра 1707 г. Питера Стивенса ван Густа (1659–1732), выполненная с портрета голландского художника Адриана ван дер Верффа (1659–1722): вверху рамы – тюдоровская роза, герб и корона, на переднем плане – держава, еще одна корона и ветки цветущих роз, выполненные в реалистичной манере с использованием приемов светотени. Английскому гравюру и антиквару Джорджу Вертью (1684–1756) принадлежит гравюра 1732 г. и ее авторское повторение 1736 г., изображающие короля в прямоугольной раме, напоминающей зеркало, с державой и скипетром. На переднем плане – портрет супруги короля Елизаветы Йоркской, поддерживаемый ангелами, в руках которых две розы; маленький красный дракон, держащий герб династии, – в левом нижнем углу. Тот же автор в 1737 г. повторил в гравюре знаменитый портрет династии Тюдоров с фрески Гольбейна в Уайт-Холле, оригинальное изображение которой сохранилось после пожара дворца в 1698 г. благодаря копии фламандского художника Ремигиуса ван Лимпута (1607–1675), выполненной около 1667 г., и наброскам самого Гольбейна.

Со второй половины XVIII в. и в XIX в. король Генрих VII часто становится персонажем сюжетных композиций, что свидетельствует о развитии жанра исторической живописи в Англии. Это было связано, во-первых, с наличием большого количества национальных художественных кадров и поддержкой их со стороны Академии художеств (в то время как парадный портрет был во многом эксклюзивной работой отдельных авторов, и его роль с развитием фотографии в XIX в. резко уменьшилась). Во-вторых, отсутствие политической угрозы существованию английской монархии приводило к тому, что пропала необходимость очернения ее внутривнутриполитических врагов, и эти исторические деятели стали рассматриваться с точки зрения морали и личного предпочтения авторов. Английская историческая живопись, заявив о себе с середины XVIII в., достигла большого успеха во время правления королевы Виктории, став особой формой прославления нации.

Рассмотрим сюжетные композиции с изображениями Генриха VII. Прежде всего, это книжные иллюстрации, изображающие битву при Босворте и коронацию Генриха Ричмонда на поле боя. Сюжет коронации после сражения, описанный в письменных источниках первых Тюдоров, сохранился как иконографический образец вплоть до XIX в.: так, на гравюре неизвестного автора, украшающей «Историю Англии для детей» Ч. Диккенса (1897)¹¹, изображен лорд Томас Стенли, у ног коня которого лежит убитый Ричард III; Стенли возносит якобы потерянную на поле боя корону над головой Генриха Ричмонда. Примечательно, что изображение самой битвы стало встречаться лишь в XVIII–XIX вв. На-

¹¹ Диккенс 2003.

пример, гравюра на меди неизвестного автора XVIII в. изображает Генриха VII в облике несущегося во весь опор всадника на белом коне. Драматический момент сражения передает черно-белая ксилография Эдмунда Блейр-Лейтона (1853–1922) «Ричард III в битве при Босворте», выполненная для «Истории Англии от высадки Юлия Цезаря до наших дней»¹², при этом кажется нейтральной в авторской позиции по отношению к историческим личностям. Два всадника в латах и шлемах яростно сражающиеся на мечах на фоне мрачной панорамы битвы, прекрасно демонстрируют накал сражения. Действующих лиц можно узнать по гербам на щитах. Одной из причин подобного изображения является то, что уже с воцарением династии Стюартов (1603–1714) демонизация личности Ричарда III стала подвергаться серьезному сомнению¹³.

На гравюре «Бракосочетание Генриха VII и Елизаветы Йоркской», выполненной в 1762 г. британским гравером Чарльзом Гриньоном Старшим (1721–1810) с оригинала нидерландского художника Яна Госсарта по прозвищу Мабюз (1479–1541), молодые представлены в интерьере церкви в сопровождении двух неизвестных, один из которых – священник. Одежда молодоженов и головное украшение невесты более отвечает XVIII в.; в руках короля – скипетр, у невесты – четки. Тюдоровская роза, символ соединения двух семей, отсутствует. Гравюра была повторена Дж. Барретом Младшим (1767–1842) в конце XVIII в. Обе работы находятся в Лондонской национальной галерее.

Произведения XIX в. рисуют образ Генриха VII как благородного и милосердного короля. Так, цветная гравюра, выполненная, возможно, Дж. Бредли (1786–1843), изображает коленопреклоненного молящегося короля в короне и горностаевой мантии (Лондонская национальная галерея). Авторы первых Тюдоров (Полидор Вергилий, Бернар Андре)¹⁴ говорят об особой набожности Генриха VII, испанский посол дон Педро де Аяла также отмечал, что король склонен много времени проводить в молитве и посте, зачастую предпочитая богослужения обязанностям монарха¹⁵. На гравюре неизвестного автора для книжной иллюстрации, «Леди Екатерина Гордон перед королем Генрихом VII в 1497 г.», героиня – супруга самозванца Перкина Уорбека изображена на коленях перед монархом в его походной палатке. Разгромивший восстание мятежника, Генрих VII милостиво протягивает руку даме. Художникам этот сюжет позволял продемонстрировать рыцарское отношение монарха к даме¹⁶.

¹² Arnold-Foster 1909. P. 263.

¹³ Ross 1981.

¹⁴ Vergil P. 2005; Андре 2017.

¹⁵ Calendar of Spanish State Papers, Henry VII. Vol. I, 206.

¹⁶ Леди Екатерина Гордон, дочь графа Хантли и близкая родственница шотландского короля Якова IV, была помилована монархом и находилась при его дворе в качестве фрейлины супруги короля до самой своей смерти в 1537 г. – Dunlop 1991.

Конец царствования королевы Виктории, начало угасания Британской империи заставили по-новому взглянуть на сюжет предсказания воцарения династии Тюдоров. Картина Э. Блейр-Лейтона «Глас народа», или: «Этот маленький принц, возможно, в свое время благословит королевский трон» (находится в частной коллекции)¹⁷ использует в качестве сюжета историческую хронику В. Шекспира «Генрих VI» (1590). В пьесе король произносит пророчество о будущем наследнике трона: «Красивый этот мальчик принесет // Благословение родной стране. // В его чертах – спокойное величие, // И создано чело носить корону...». Генрих Ричмонд, будущий Генрих VII, изображен в образе маленького мальчика, которого поддерживает его мать Маргарита Бофорт на лестнице, выходящей на городскую площадь, а собравшиеся внизу воины и простой народ выражают радость и почтение. Сюжет является вымыслом художника: только после гибели наследника короля принца Эдуарда Вестминстерского в битве при Тьюксбери 4 мая 1471 г. внимание короля обратилось к дальнему родственнику, Генриху Ричмонду. Отметим, что наиболее полно тема предсказания была раскрыта в «Истории жизни и достижений Генриха VII» (1500–1503) Бернара Андре¹⁸, где Генрих VI предстает как спаситель будущего короля новой династии. На момент произнесения пророчества в пьесе В. Шекспира это был уже взрослый юноша, а не маленький мальчик, как на картине художника¹⁹. Однако трогательный образ златовласого ребенка на картине (художественное допущение для большей выразительности: Генрих Ричмонд был темноволосый) ярче выражает надежду на будущий мир и благоденствие. Эффектен и колористический контраст: белый цвет невинности в одежде маленького Генриха Ричмонда контрастирует с красным королевским цветом мантии его матери. В то же время – это цвета Дома Йорков и Дома Ланкастеров, позже объединившихся в Доме Тюдоров²⁰.

Заслуживают внимание шесть работ для Палаты Общин (выполненных разными художниками в 1908–1910 гг.), зримо воплотивших представление о важнейших страницах английской истории. Среди исторических монархов, привлечших внимание художников в то время, представители династии Тюдоров имели особое значение. Они знаменовали своеобразный рубеж – начало Нового времени. Пять из шести работ имеют в своей основе исторические факты. Произведение Д. Идена (1878–1949) «Джон Кабот и его сыновья получают от Генриха VII грамоту на отплытие в поисках новых земель» изображает событие, произошедшее 5 марта 1496 г. Джон Кабот, итальянский и французский мо-

¹⁷ См.: http://www.artcyclopedia.com/artists/blair-leighton_edmund.html

¹⁸ Андре 2017.

¹⁹ Weir 1999; Гриффитс, Томас 1997.

²⁰ Кирюхина 2017; 2012.

реплаватель и купец, получил от короля Генриха VII документ, разрешающий ему плавать под британским флагом. Известно, что это был первый европеец, высадившийся в Северной Америке после плавания викингов²¹. Хотя композиция картины напоминает произведения традиционного жанра презентационной миниатюры²², широко распространенного в книжной иллюстрации первых Тюдоров, изображение короля не имеет портретного сходства, а из известных атрибутов власти наличествует только цепь Ордена Золотого руна.

Глубокое уважение к династии Тюдоров и ее родоначальнику Генриху VII сохранилась в Англии и после Первой мировой войны, о чем свидетельствует хранящаяся в Бристольском музее картина Т.Э. Мостина (1864–1930) «Король Генрих VII налагает штраф на граждан Бристоля, потому что их жены были так богато одеты, 1485 г.» (1920). В основе сюжета лежит реальное событие: король посетил город и обложил каждого горожанина штрафом в 20 фунтов за неподобающие наряды дам. Изображение короля на троне на картине напоминает традиционное изображение сидящего монарха, дамы в ярких модных нарядах находятся на переднем плане почти заслоняют собой короля. Их вызывающие позы более соответствуют тому, как вели бы себя в подобной ситуации женщины XX в. Это явно свидетельствует об изменении роли и места женщины в обществе после Первой мировой войны.

Итак, интерес к изображению эпохи Тюдоров и ее первого правителя Генриха VII сохранился и после смены династии. Несомненно, художники опирались на прижизненные портреты монарха, как в передаче внешности, так и атрибутов королевской власти. Однако постепенно изображения усложнялись. Так, художники XVII в. добавляли новые атрибуты власти (скипетр, держава); мастера XVIII в. работали в более реалистической манере и с использованием большего числа деталей (геральдические символы первых Тюдоров). Со второй половины XVIII в. король Генрих VII стал часто изображаться в сюжетных композициях, в жанре исторической живописи, расцвет которой в Викторианскую эпоху был связан с прославлением великих предков Британии, что продолжилось и в книжной иллюстрации XIX в. Важны были не только сюжеты битвы при Босворте и коронации короля, но и прославление его рыцарских качеств (набожность, милосердие к врагам). События, предшествовавшие Первой мировой войне и последовавшие за ее завершением, не умилили интереса к образу монарха (сюжеты предсказания его воцарения, покровительства путешественникам, блюстительства моральных норм поведения). В конечном итоге, изображения короля Генриха VII демонстрировали особую ценность династии Тюдоров, обу-

²¹ Магидович И., Магидович В. 1983. С. 60–63.

²² Brown 1994. P. 102.

словленную тем, что с ней ассоциировалась наступление стабильности и последующего процветания Англии, а монархи последующих эпох воспринимались продолжателями традиций великих предков.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Андре Б.* История жизни и достижений Генриха VII / Пер. с лат., вступ. ст., коммент. Д. В. Кирюхин. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 144 с.
- Диккенс Ч.* История Англии для детей. М.: АстрельАст, 2003. 510 с.
- Arnold-Foster H.O.* A History of England from the Landing of Julius Caesar to the Present Day / with about 250 illustrations. L. etc.: Cassel and Company, Limited, 1909. 805 p.
- Calendar of Spanish State Papers, Henry VII. Vol. I. 1862.
- Vergil Polydore.* Anglica Historia. Latin text and English translation / Ed. and trans. by Sutton D. J. Library of Humanistic Texts at the Philological Museum of University of Birmingham's Shakespeare Institute, 2005. URL: <http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/>
- Произведения Э. Блейр-Лейтона: http://www.artcyclopedia.com/artists/blair-leighton_edmund.html
- Изображения Генриха Henry VII в Национальной портретной галерее, Лондон: <https://www.npg.org.uk/collections/search/person/mp02144/king-henry-vii>
- Золотое руно // Энциклопедия знаков и символов. <http://sigils.ru/symbols/zolruno.html>

Литература

- Вишленкова Е.А.* Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому». М.: НЛЮ, 2011. 384 с. [*Vishlenkova E.A.* Vizual'noe narodovedenie imperii, ili «Uvidet' russkogo da-no ne kazhdomu». М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. 384 s.]
- Гайдук В.Л.* Визуальный поворот в исторической науке в конце XX – XXI века // «Стены и мосты» – II: междисциплинарные и полидисциплинарные исследования в истории: материалы Международной научной конференции. М.: Академпроект, 2014. С. 148–156. [*Gajduk V.L.* Vizual'nyj povорот v istoricheskoy nauke v konce XX – XXI veka // «Steny i mosty» – II: mezhdisciplinarnye i polidisciplinarnye issledovaniya v istorii: materialy Mezhhdunarodnoj nauchnoj konferencii. М.: Akademproekt, 2014. S. 148–156].
- Гриффитс Р.А., Томас Р.* Становление династии Тюдоров. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 320 с. [*Griffiths R.A., Tomas R.* Stanovlenie dinastii Tyudorov. Rostov-na-Donu: Feniks, 1997. 320 s.]
- Кирюхин Д.В.* Образы королей Генриха VII и Генриха VIII в английском парадном портрете эпохи Тюдоров // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 5. Часть I. Н. Новгород: ННГУ, 2013. С. 391–395. [*Kiryuhin D.V.* Obrazy korolej Genriha VII i Genriha VIII v anglijskom paradnom portrete ephi Tyudorov // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2013. № 5. Chast' 1. N. Novgorod: NNGU, 2013. S. 391–395].
- Кирюхин Д.В.* Символы королевской власти в книжной иллюстрации периода первых Тюдоров. // Британия: история, культура, образование: материалы международной научной конференции, 1-2 октября 2015 г. Вып. 3. Ярославль: ЯГПУ, 2015. С. 31–33. [*Kiryuhin D.V.* Simvolы korolevskoj vlasti v knizhnoj illyustracii perioda pervyh Tyudorov. // Britaniya: istoriya, kul'tura, obrazovanie: materialy mezhhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 1-2 oktyabrya 2015 g. Вып. 3. Yaroslavl': YaGPU, 2015. S. 31–33].
- Кирюхина Е.М.* Рецензия Средневековья в культуре и общественной жизни Англии второй половины XIX–XXI веков. Н. Новгород: Растр, 2017. 273 с. [*Kiryuhina E.M.* Reserpciya Srednevekov'ya v kul'ture i obshchestvennoj zhizni Anglii vtoroj poloviny XIX–XXI vekov. N. Novgorod: Rastr, 2017. 273 s.]
- Кирюхина Е.М.* Способы отражения и преобразования средневековья художниками-праерафаэлитами // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. М.: РАН, 2012. С. 202–218. [*Kiryuhina E.M.* Sposoby otrazheniya i preobrazheniya srednevekov'ya hudozhnikami-preraphaelitami // Dialog so vremenem. 2012. Вып. 40. М.: РАН, 2012. S. 202–218].
- Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс-Академия, 1992. 376 с. [*Le Goff Zh.* Civilizaciya srednevekovogo Zapada. М.: Progress-Akademiya, 1992. 376 s.]
- Магидович И.П., Магидович В.И.* Очерки по истории географических открытий. Т.2. Великие географические открытия (конец XV – сер. XVII в.). М.: Просвещение, 1983. 399 с.

- [Magidovich I.P., Magidovich V.I. Ocherki po istorii geograficheskikh otkrytij. T.2. Velikie geograficheskie otkrytiya (konec XV – ser. XVII v.). M.: Prosveshchenie, 1983. 399 s.]
- Мазур Л.Н. “Визуальный поворот” в исторической науке на рубеже XX–XXI вв.: в поисках новых методов исследования // Диалог со временем. 2014. № 46. С. 95–108 [Mazur L.N. “Vizual'nyj povorot” v istoricheskoj nauke na rubezhe NN–XXI vv.: v poiskah novyh metodov issledovaniya // Dialog so vremenem. 2014. № 46. S. 95–108].
- Нарский И.В. Фотокарточка на память: Семейные истории, фотографические послания и советское детство (Автобио-историко-графический роман). Челябинск: Энциклопедия, 2008. 516 с. [Narskij I.V. Fotokartochka na pamyat': Semeynye istorii, fotograficheskie poslaniya i sovetskoe detstvo. Chelyabinsk: Enciklopediya, 2008. 516 s.].
- Репина Л.П. «Мост из прошлого в грядущее», или вновь о метафоре памяти // Диалог со временем. 2012. № 41. С. 181–190. [Repina L.P. «Most iz proshlogo v gryadushchee», ili vnov' o metafore pamyat' // Dialog so vremenem. 2012. № 41. S. 181–190].
- Хейзинга Й. Осень Средневековья. М.: Айрис-пресс, 2004. 544 с. [Hejzinga J. Osen' Srednevekov'ya. M.: Ajris-press, 2004. 544 s.].
- Фрайер С., Фергюсон Дж. Геральдика. Гербы – Символы – Фигуры. М.: АСТ: Астрель, 2011. 252 с. [Frajer S., Fergjusion Dzh. GERAL'dika. Gerby – Simvol'y – Figury. M.: AST: Astrel', 2011. 252 s.]
- Alexander M.C. The First of the Tudors: a study of Henry VII and his reign. L.: Croom Helm Ltd., 1981. 287 p.
- Ankele D. Edmund Blair Leighton: 90 Pre-Raphaelite Paintings. L.: Ankele Publ., LLC, 2015. 108 p.
- Brown M.P. Understanding illuminated manuscripts: a guide to technical terms. Los Angeles, 1994. 128 p.
- Dunlop D. The “Masked Comedian”: Perkin Warbeck's Adventures in Scotland and England from 1495 to 1497 // Scottish Historical Review. Vol. 70. No. 90 (Oct. 1991). P. 97–128.
- Gairdner J. Memorials of King Henry VII. London: Rolls series, 1858. 500 p.
- Grant A. Henry VII. The importance of his reign in English history. N.Y.: Taylor & Francis, 2001. 54 p.
- Kipling G. Henry VII and the Origins of Tudor Patronage // In Patronage in the Renaissance / Ed. Guy F. Lyle and Stephen Orgel. Princeton: Princeton Univ. Press, 1982. P. 117–164.
- Ross C. Richard III. London: Eyre Methuen, 1981. 265 p.
- Yockney A. The Art of Edmund Blair Leighton // Art Annual, London. Christmas, 1913. 34 p.
- Weir A. Britain's Royal Family: A Complete Genealogy. London: TheBodleyHead, 1999. 400 p.
- Кирюхин Дмитрий Вячеславович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры «История и иностранные языки» Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии; bagerlock@gmail.com
- Кирюхина Елена Михайловна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры «История и иностранные языки» Нижегородской государственной сельскохозяйственной академии; elenakiruhina@gmail.com

Henry VII in the English art of the 17th – early 20th c.

The article is devoted to the image of Henry VII in the English art of the 17th – early 20th centuries. Artists used the life-rime images of the king and added new symbols of authority and details that would underline Henry VII's nobility, knightly qualities, sacral aspect of kingship, and the continuation of traditions. The plot compositions that included the monarch emerged in the second half of the 18th c. and reached their heyday in the Victorian era, were demonstrated both in the genre of historical painting and in book illustrations.

Keywords: King Henry VII, painting, book illustration

Dmitriy Kiruykhin, PhD in history, Associate Professor in the Department “History and foreign languages” Nizhny Novgorod State Agricultural Academy; bagerlock@gmail.com

Elena Kiruykhina, PhD in Philology, Associate Professor, Nizhny Novgorod State Agricultural Academy; elenakiruhina@gmail.com

Н. Н. БАРАНОВ

**«ПРОТИВ ЛЖИ ПОБЕДИТЕЛЕЙ»
ВОПРОС ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВОЙНУ
В ВЕЙМАРСКОЙ ГЕРМАНИИ¹**

Рассматривается деятельность специализированных учреждений законодательной и исполнительной власти Веймарской республики, а также общественных организаций, прессы и профессиональных историков по опровержению обвинения Германии в единоличной ответственности за развязывание Первой мировой войны, содержащегося в тексте Версальского мирного договора.

Ключевые слова: Германия, Первая мировая война, Версальский мир, ответственность за войну, Имперский архив

Взаимосвязь между двумя мировыми войнами XX в. и то обстоятельство, что 1919 г. фактически стал прологом 1939 г. были очевидны уже современникам. Недаром маршал Ф. Фош, услышав о подписании Версальского мирного договора, сказал: «Это не мир. Это перемирие на двадцать лет»². До сегодняшнего дня пользуется неизменной популярностью приписываемое то У. Черчиллю, то Ш. де Голлю определение периода 1914–1945 гг. как «Второй тридцатилетней войны»³. Военные победы над Бельгией и Францией ранним летом 1940 г. праздновались национал-социалистическим режимом как подлинное окончание Первой мировой войны, причем партийно-государственное руководство тогда могло быть уверено в поддержке большинства немцев.

Одним из важнейших факторов, обусловивших неизбежность новой большой войны в Европе, стал «Версальский диктат», который воспринимался как величайшая несправедливость по отношению к побежденным. Версальский мирный договор был подписан 28 июня 1919 г. и вступил в силу 10 января 1920 г. после ратификации первыми руководителями Веймарской республики – социал-демократами, президентом Ф. Эбертом и канцлером Г. Бауэром. Статья 231 договора гласила:

Союзные и Объединившиеся Правительства заявляют, а Германия признает, что Германия и ее союзники ответственны за причинение всех потерь и всех убытков, понесенных Союзными и Объединившимися Правительствами и их гражданами вследствие войны, которая была им навязана нападением Германии и ее союзников⁴.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00053 «Политика памяти vs историческая память: Наполеоновские войны и Первая мировая война в юбилеях»)

² Цит. по: Черчилль 1991. Кн. 1. Т. I–II. С. 22.

³ См.: Магадеев 2014.

⁴ Версальский мирный договор. 1925. С. 84.

Казавшееся односторонним и несправедливым обвинение породило в Веймарской республике поддержанное и направляемое властями и политическими силами самого разного толка стремление к опровержению «лжи победителей» по вопросу об ответственности за войну.

К порожденной консервативными силами легенде «о предательском ударе ножом в спину» сразу же после войны добавилась легенда о невинности за развязывание войны, в создании которой участвовали также представители левых и либеральных партий. По мысли веймарских демократов она должна была служить средством сплочения разнородных политических и общественных сил молодой республики. Вместе с тем отрицание Версальского мирного договора оказалось по мнению известного историка Х. Шульце единственным «эмоционально эффективным средством интеграции», которым располагала республика⁵. Борьба против «лжи победителей» в то же время позволяла преодолеть неизбежный разрыв с прошлым и явно способствовала восстановлению политической и моральной преемственности между империей эпохи Вильгельма II и Веймарской республикой⁶.

Линия социал-демократического большинства, которая была связана с его собственным военным настроением 1914–1918 гг. и позволила после ноябрьской революции оставить имперский административный аппарат почти нетронутым, все еще определяла внутреннее политическое отношение к войне⁷. Накануне Парижской мирной конференции, в конце 1918 г. Министерство иностранных дел уже учредило «специальное бюро Бюлова», названное в честь бывшего канцлера. С 1919 г. бюро было преобразовано в «отдел ответственности за войну». Он собирал документы в виде «цветных книг», чтобы противостоять утверждениям, что Германия и Австро-Венгрия планировали Первую войну и намеренно игнорировали военное международное право. С 1922 по 1927 г. по инициативе отдела была предпринята первая в своем роде и грандиозная по масштабу публикация дипломатических документов – 40 томов «Большой политики европейских кабинетов» в 5 сериях⁸. Издание выходило под редакцией Й. Лепсиуса, Ф. Мендельсона Бартольди и Ф. Тимме. При формальном соблюдении научных принципов оно все же преследовало цель снять единоличную ответственность с Германии за развязывание войны и обосновать концепцию «окружения» центральных держав государствами Антанты.

С борьбой против «версальского диктата» непосредственно связано появление первого в истории Германии общегосударственного ар-

⁵ Schulze 1994. S. 189.

⁶ Винклер 2013. С. 740.

⁷ См.: Niemann 2015.

⁸ См.: Die Große Politik der europäischen Kabinette... 1922–1927.

хива. На основании ст. 160 Версальского договора навсегда был распущен Германский большой генеральный штаб⁹. По инициативе начальника управления сухопутными войсками Ганса фон Секта на основе военно-исторического отдела большого генерального штаба в Потсдаме был создан имперский архив, формально подчиненный Министерству внутренних дел. Его первым президентом стал генерал-лейтенант, доктор *honoris causa* Г. Мерц фон Квирнхайм, вторым (1931–1935 гг.) – бывший руководитель военного отдела ведомства иностранных дел (с июня 1918 г. – иностранный отдел верховного командования) Г. фон Гефтен. На основе собственных фондов архив с 1925 по 1944 г. разрабатывал 18-томный обобщающий труд «Мировая война 1914–1918 гг.» вполне в традициях произведений прусского генерального штаба XIX столетия. Он был призван сохранить «честь немецкой армии» (или ее генералитета) и прикрывать их от какой-либо критики со стороны «гражданских». Последние два тома были опубликованы через 11 лет после окончания Второй мировой войны уже западногерманским федеральным архивом, но без каких-либо принципиальных новаций¹⁰. Собственно, спасение честного имени вермахта в годы Первой мировой войны стало главной задачей всех историков консервативного направления от Э. Маркса в 1920-е гг. до Г. Риттера в 1960-е.

Наряду с военными и дипломатами, которые олицетворяли преемственность консервативных политических традиций, к решению проблемы подключились и парламентарии. В августе 1919 г. национальное собрание в Веймаре создало «Комиссию по расследованию вопроса об ответственности за развязывание войны». Ее возглавил известный гамбургский предприниматель депутат К.В. Петерсен. Она должна была рассмотреть «степень обоснованных подозрений в отношении немцев, находившихся под влиянием их положения в общественной жизни, что они способствовали развязыванию, распространению и потерям мировой войны»¹¹. По словам министра внутренних дел Г. Пройсса, эта комиссия должна была помешать «вернуться к власти и должностям или иным образом получить общественное влияние тем, кто в своей тяжелой судьбе оказался соучастником преступлений»¹².

Дискуссии в комиссии были публичными. Однако большинство ее членов согласилось с позицией Министерства иностранных дел и не дало согласия на публикацию секретных документов, касающихся аннексионистских замыслов Германии (сентябрьская программа канцлера Т. Бетман-Гольвега), чтобы не ослабить позицию правительства на пе-

⁹ Версальский мирный договор. С. 64.

¹⁰ См.: Pöhlmann 2002. S. 23.

¹¹ Heinemann 1983. S. 157.

¹² Ibidem.

реговорах с Антантой. В 1932 г. Комиссия приняла решение издать пять томов документов, свидетельств и экспертных заключений о целях войны Германии, но отдел ответственности за войну Министерства иностранных дел наложил вето на этот проект¹³.

Не осталась в стороне и общественность. В 1921 г. был создан формально независимый, но финансируемый и направляемый отделом ответственности за войну Центр расследования причин войны, который должен был собирать и публиковать информацию и аргументы против обвинений Германии, изложенных в статье 231. Он стал одним из самых важных пропагандистов немецкой позиции в дискуссии о войне в Германии и за рубежом. Ему прежде всего вменялось в обязанность доказать если не полную, то хотя бы относительную невиновность Германии. Главой Центра с самого начала и до конца дней оставался выдающийся историк Г. Дельбрюк. С 1923 г. Центр издавал свой журнал «Die Kriegsschuldfrage: Monatsschrift für internationale Aufklärung» (с 1929 г. – «Berliner Monatshefte»), издателем был бывший офицер генерального штаба А. фон Вегерер. В межвоенный период журнал стал центральным дискуссионным форумом по исследованию причин войны с явной тенденцией к национальной апологетике.

Вопрос о степени вовлеченности в эту кампанию профессиональных историков до сих пор остается дискуссионным. Штуттгартский историк Г. Хиршфельд считает, что при «подобной “научной” разработке вопроса университетские историки играли только подчиненную роль. Непосредственными участниками этой кампании были немногие профессионалы, как, например, Д. Шефер из Тюбингена или Й. Холлер из Штутгарта»¹⁴. В то же время молодой исследователь из Потсдама К.Г. Крахт указывает, что «Вегерер в 1920–1930-х гг. снова и снова мог рассчитывать на поддержку профессиональных кругов: в журнале публиковались среди прочих Г. Дельбрюк, Ф. Тимме, Г. Онкен, Г. Ротфельс и Ф. Гартунг. Под непосредственным и заслуживающим похвалы руководством со стороны этого журнала и его сотрудников, как сказал Ю. Хасхаген в 1934 г., исследование вопроса об ответственности за войну достигло значительного прогресса»¹⁵.

В 1920-е гг. широкое распространение получили работы французских и англосаксонских историков и публицистов против односторонних обвинений в адрес Германии за развязывание войны. Эти труды получали финансовую поддержку от германских правительственных учреждений, прежде всего от отдела ответственности за войну МИД. Среди таких авторов были, например, Г.Э. Барнз, С.Б. Фей, Б.Э. Шмитт.

¹³ Geiss 1978. S. 208.

¹⁴ Hirschfeld 2004.

¹⁵ Kracht 2004.

После 1919 г. в большинстве своем историки держались в стороне от текущей политики, но испытывали на себе влияние опыта Первой мировой войны и почти без исключения стояли на «национальных» позициях. Они отторгли Веймарскую республику как выражение западного государственного мышления и навязанных политических идей, способствуя, тем самым, формированию идеи об «особом пути» немецкой истории. Даже убежденный республиканец Ф. Майнеке говорил о «уникальности немецкой проблемы». Во многом продолжался начатый в 1914 г. спор о «культуре и цивилизации». Что касалось исхода Первой мировой войны, то он считался «прошлым, которое не ушло». Лишь немногие историки выражали сомнения по поводу официальной линии и открыто критиковали национальный консенсус оборонительной войны: Э. Кер, Г. Канторович, А. Розенберг и некоторые другие. Э. Кер методично отвергал дипломатическую историю в пользу «примата внутренней политики» и делал вывод, что политическая изоляция Германии накануне войны была непосредственно связана с длительным периодом социальной напряженности внутри империи: ее додемократические элиты для стабилизации состояния осознано пошли на рискованную гонку морских вооружений¹⁶. Г. Риттер назвал его «очень опасным для нашей истории твердым большевиком, который скорее должен защищать докторскую диссертацию среди равных ему в России»¹⁷.

Г. Канторович в докладе для парламентского комитета по расследованию в 1923 г. утверждал, что правительство в Берлине в 1914 г. юридически несло ответственность за безусловное намерение начать балканскую войну, возможное намерение начать континентальную войну и вероятность начала мировой войны по небрежности. Тем не менее, его готовый отчет из-за отрицательной позиции отдела ответственности за войну был положен под сукно и опубликован только в 1967 г. историком И. Гайсом¹⁸. Но такие голоса оставались исключениями. Вскоре они были вовсе запрещены, а их носители изолированы.

На основе исторических стереотипов и активной мифологизации сражений прошлой войны – таких как Танненберг, Лангемарк и Верден – германская историография готовилась к будущей вооруженной борьбе. Даже противники режима, как, например, Ф. Майнеке, встречали эти победы с личным удовлетворением. В начале июля 1940 г. он писал своему коллеге З. Келлеру: «Радость, восхищение и гордость за эту армию прежде всего должны преобладать во мне. И возвращение Страсбурга! Как же не биться сердцу быстрее»¹⁹.

¹⁶ Kehr 1965.

¹⁷ Gerhard Ritter. Ein politischer Historiker... S. 236.

¹⁸ См.: Hermann Kantorowicz: Gutachten zur Kriegsschuldfrage 1914.

¹⁹ Friedrich Meinecke: Ausgewählter Briefwechsel. S. 364.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Версальский мирный договор. Под ред. Ю. В. Ключникова и А. Сабанина. М.: Изд. Литиздата НКВД, 1925. 198 с. [Versal'skij mirnyj dogovor. Pod red. YU. V. Klyuchnikova i A. Sabanina. M.: Izd. Litizdata NKID, 1925. 198 s.]
- Винклер Г. А. Веймар 1918–1933. История первой немецкой демократии. М.: РОССПЭН, 2013, 878 с. [Vinkler G. A. Wejmar 1918–1933. Istoriya pervoj nemeckoj demokratii. M.: ROS-SPEN, 2013, 878 s.]
- Магадеев И. Э. «Вторая тридцатилетняя война» 1914–1945 гг.? О некоторых особенностях развития международных отношений в Европе на пути ко Второй мировой войне // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. № 4. С. 34–61 [Magadeev I. E. «Vtoraya tridcatiletnyaya vojna» 1914–1945 gg.? O nekotoryh osoben-nostyah razvitiya mezhdunarodnyh otnoshenij v Evrope na puti ko Vtoroj mirovoj vojne // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 25: Mezhdunarodnye ot-nosheniya i mirovaya politika. 2014. № 4. S. 34–61]
- Черчилль У. Вторая мировая война. В 3-х кн. М.: Воениздат, 1991. Кн. 1. Т. I–II. 592 с. [Cherchill' U. Vtoraya mirovaya vojna. V 3-h kn. M.: Voenizdat, 1991. Kn. 1. T. I–II. 592 s.]
- Cornelissen C. Politische Historiker und deutsche Kultur. Die Schriften und Reden von Georg von Below, Hermann Oncken und Gerhard Ritter im Ersten Weltkrieg / Kultur und Krieg. Die Rolle der Intellektuellen, Künstler und Schriftsteller im Ersten Weltkrieg. Hrsg. von W. J. Mommsen. München, 1996. S. 119–142.
- Die Große Politik der europäischen Kabinette 1871–1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes. Hrsg. von J. Lepsius, A. Mendelssohn Bartholdy und F. Thimme. Reihen 1–5. In 40 Bde. Berlin: Deutsche Verlagsgesellschaft für Politik und Geschichte m.b.H., 1922–1927.
- Friedrich Meinecke: Ausgewählter Briefwechsel. Hrsg. von L. Dehio, W. Classen. Stuttgart, 1962. 664 S.
- Geiss I. Kriegsschuldfrage – das Ende eines nationalen Tabus / Ders. Das Deutsche Reich und die Vorgeschichte des Weltkriegs. München, 1978. S. 204–229.
- Gerhard Ritter. Ein politischer Historiker in seinen Briefen. Hrsg. von K. Schwabe, R. Reichardt. Boppard am Rhein, 1984. 848 S.
- Hermann Kantorowicz: Gutachten zur Kriegsschuldfrage 1914. Aus dem Nachlass hrsg. und eingel. von I. Geiss. Frankfurt am Main, 1967. 447 S.
- Heinemann U. Die verdrängte Niederlage. Politische Öffentlichkeit und Kriegsschuldfrage in der Weimarer Republik. Göttingen, 1983. 362 S.
- Hirschfeld G. Der Erste Weltkrieg in der deutschen und internationalen Geschichtsschreibung / Das Parlament – Aus Politik und Zeitgeschichte. 2004. №. 29–30. URL: http://www.bpb.de/apuz/28194/der-erste-weltkrieg-in-der-deutschen-und-internationalen-geschichtsschreibung?p=all#footnodeid_4-4
- Kehr E. Englandhaß und Weltpolitik. Eine Studie über die innenpolitischen und sozialen Grundlagen der deutschen Außenpolitik um die Jahrhundertwende // Ders. Der Primat der Innenpolitik. Gesammelte Aufsätze zur preußisch-deutschen Sozialgeschichte im 19. und 20. Jahrhundert. Hrsg. von H.-U. Wehler. Berlin, 1965. S. 149–175.
- Kracht K. G. Kriegsschuldfrage und zeithistorische Forschung in Deutschland. Historiographische Nachwirkungen des Ersten Weltkriegs / Zeitgeschichte-online. 2004. URL: <http://www.zeitgeschichte-online.de/thema/kriegsschuldfrage-und-zeithistorische-forschung-deutschland#note31>
- Niemann H. Die Debatten um Kriegsursachen und Kriegsschuld in der deutschen Sozialdemokratie zwischen 1914 und 1924 / Jahrbuch für Forschungen zur Geschichte der Arbeiterbewegung. 2015. Heft I. S. 54–66.

Pöhlmann M. Kriegsgeschichte und Geschichtspolitik: Der Erste Weltkrieg. Die amtliche deutsche Militärgeschichtsschreibung 1914–1956. Paderborn, 2002. 423 S.

Schulze H. Weimar. Deutschland 1917–1933. Berlin: Siedler, 1994. 462 S.

Баранов Николай Николаевич, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой новой и новейшей истории Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, baranov61@mail.ru

“Against the Lies of the Winners”.

The question of responsibility for the War in the Weimar Germany

The article deals with the activities of the institutions of the legislative and executive authorities of the Weimar Republic, as well as public organizations, the press and professional historians, against the indictment the Germany in responsibility for unleashing the First World War alone, contained in the text of the Versailles Peace Treaty.

Keywords: Germany, World War I, Treaty of Versailles, question of war guilt, Reichsarchiv **Nikolay Baranov**, Dr. Sc. (History), Head of the Department of Modern and Contemporary History, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, baranov61@mail.ru

ПУБЛИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЫ

А. А. ВОЙТЕНКО

CASTRATIO ANGELICA. 29 ГЛАВА «ЛАВСАЙКА»¹

Комментированная публикация русского перевода главы 29 из «Лавсаика» еп. Палладия, отсутствующей в русском дореволюционном переводе, сопровождается развернутым введением. Предпринята попытка проследить возникновение и распространение традиции о мистическом оскотлении монаха ангелом – кульминации сюжета о монахе Илии. Автором перевода высказано предположение, что данная традиция возникла в Египте, предположительно во второй половине IV в., и была обусловлена особенностями аскетических практик в Египте в этот период.

Ключевые слова: *агиография, аскетика, монашество, византийский Египет*

«Лавсаик» епископа Палладия Елеонопольского – один из важнейших текстов по истории египетского монашества в IV – начале V в. Это произведение, ставшее в Средние века довольно популярным и авторитетным, имеет обширную рукописную историю, где выделяются две редакции: краткая и пространная. Более поздняя, пространная редакция представляет собой испорченный изначальный текст, откуда были удалены ряд эпизодов и глав и добавлены значительные извлечения из другого агиографического произведения – *Historia monachorum in Aegypto*². Глава, комментированный перевод которой предлагается ниже, в пространной редакции отсутствует. Соответственно нет ее и в сделанном с этой редакции русском переводе «Лавсаика», который был опубликован в 1873 г. и с тех пор неоднократно переиздавался³.

Причины «купирования» этой главы неизвестны, но они могли быть связаны с сюжетной фабулой рассказа; ее центральным моментом является довольно натуралистическое описание «ангельской кастрации» подвижника, который, попав в ситуацию близкого контакта с женщинами, молился об избавлении от сексуального влечения. Эта глава вошла в один из ранних латинских переводов «Лавсаика», получивший название «Рай Гераклида»⁴. Рукописная традиция и текстология этого перевода, насколько нам известно, еще не исследована.

¹ Мы благодарим П.В. Кузенкова, М.А. Ведешкина, Р.А. Орехова и В.Л. Семигина за помощь в поиске литературы, необходимой для написания статьи.

² Подробнее см.: *Войтенко* 2012. С. 40-71.

³ См.: Лавсаик 1992. Текст этого перевода размещен в интернете, см.: [https:// azbyka.ru/otechnik/Palladij_Elenopolskij/lavsaik/1_1](https://azbyka.ru/otechnik/Palladij_Elenopolskij/lavsaik/1_1); <http://www.odinblago.ru/lavsaik/>; <http://booksonline.com.ua/view.php?book=132302>; <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/1973>

⁴ Глава об Илие находится здесь под номером 17: PL 74. Col. 293-295. К рассказу об Илие добавлен рассказ о Дорофее.

Мистический «топос», описанный в главе про Илию, не единичен. Мы располагаем еще двумя примерами подобного рода. Первый содержится в «Собеседованиях» Иоанна Кассиана, еще одном известном тексте о египетских монахах, данные которого, впрочем, являются предметом дискуссий⁵. В 7-ой части, посвященной авве Серену, Кассиан описывает чудо дарования ему свободы от всякой похоти:

Когда он в просьбе, начатой молитвой и смешанной со слезами, неутомимо настаивал, пришел к нему ангел в ночном видении и как бы раскрыл его чрево и, вырвав из его внутренностей некую пламенеющую опухоль плоти, отбросил (ее), и, уложив всё обратно (так), чтобы все внутренности были на своих местах, сказал: «Вот, возбудитель плоти твоей отсечен! Знай, что ты в этот день получил постоянную чистоту тела, которую с верою просил»⁶.

Учитывая замечание Р. Драге о том, что Кассиан «повествует о бесхитростном, грубом аскетизме Скита изысканнейшим стилем александрийцев»⁷, можно предположить, что он несколько пригладил изначальный рассказ, и удаление «пламенеющей опухоли плоти» (т.е. *ignitam carnis strumam*) из желудка – это не более, чем эвфемизм. Во всем же остальном рассказ почти в точности следует сюжетной «топике» рассказа про Илию: желая полностью подавить сексуальное влечение, монах обращается с молитвой об избавлении от него, к нему приходит ангел, проводит виртуальную хирургическую операцию, после чего монах полностью освобождается от какого бы то ни было сексуального интереса к противоположному полу.

Третий рассказ мы обнаруживаем за пределами Египта, в «Диалогах» Григория Великого (Двоеслова). Речь идет о монахе Эквиции, жившем в Валерийской провинции:

Эквиций благодаря своей великой святости был в той области отцом многим монастырям. В юных летах сильно одолевала его тяжкая борьба с вожделениями плоти; и сама тяжесть искушения заставляла его быть тем более прилежным к молитве. Таким образом, в непрестанной молитве испрашивая у всемогущего Бога врачевства против искушения, однажды ночью он видит явившегося ангела, (который) его оскопил. Своим видением (ангел) показал, что всякое движение из его детородных членов он отсек, и вот, с этого вре-

⁵ Предмет дискуссий заключается в том, насколько верно Иоанн Кассиан изображает мир египетских подвижников. Ср. мнение авторитетного бельгийского ученого Р. Драге: «Возвращаясь к событиям двадцати- или тридцатилетней давности, благочестивый журналист (т.е. Иоанн — А.В.) привнес в репортаж об этом путешествии немало своего — впрочем, мифу о полной объективности могут поддаться только такие жалкие психологи как мы. Иоанн Кассиан не скрывал того, что описывает делание египетских учителей сквозь призму собственного опыта». Цит. по: *Флоровский* 1998. С. 348. Учитывая подобный скепсис, мы можем сказать, что в случае с нашим сюжетом Кассиан мог его немного «пригладить», но вряд ли мог его выдумать.

⁶ *Io. Cass. Conf. VII. 2.* Лат. текст: *Pichery* 1955. P. 245, ср. существующий русский перевод: *Кассиан*. Писания. С. 280.

⁷ Цит. по: *Флоровский* 1998. С. 348.

мени (Эквиций) стал чужд искушению, как если бы был бесполом. Полагаясь на эту добродетель, (полученную) с помощью Всемогущего Бога, он начал после этого управлять также и женщинами, как до того управлял мужами⁸.

Как видно, сюжетная фабула рассказа об Эквиции почти полностью совпадает с рассказом об Илии: испытывающий искушения монах просит Господа об освобождении от них, ему является ангел, виртуально проводит ему соответствующую операцию, и монах становится свободен от половых влечений настолько, что может управлять не только монахами, но и монахинями. В связи с рассказом об Эквиции любопытно отметить один факт: в греческом переводе латинского текста фраза об «ангельской кастрации» сохранена⁹, есть она и в славянском переводе¹⁰, а вот в существующем русском переводе, вышедшем в 1857 г., она удалена — как мы предполагаем, по цензурным соображениям¹¹.

Два сходных эпизода из других источников, которые нам также удалось обнаружить, демонстрируют одну интересную тенденцию. Первый из них находится в «Луге духовном» Иоанна Мосха (VII в.). В главе 3 рассказано о старце Кононе из монастыря Пентуклы¹², которому было доверено совершать таинства крещения и миропозания для приходивших к нему. Испытывая страсть к пришедшей для миропозания персиянке, Конон покидает монастырь, не в силах там более оставаться. На пути из монастыря его встречает Иоанн Креститель и увещевает Конона вернуться, обещая «избавить его от брани». После чего Иоанн, раскрыв гиматий старца, осеняет его три раза крестным знаменем «ниже пупа». Финал истории, в целом, совпадает с приведенными выше: Конон полностью утрачивает половое влечение, возвращается в монастырь и совершает положенные помазание и крещение, «без (всякого) движения плоти, даже не замечая, что перед ним женщина»¹³.

⁸ Gr. Magn. Dial. I. 4 (1-2). Лат. текст: *Voguë, Pichery* 1979. P. 38.

⁹ Καὶ ὄψτερ αὐτὸν ἐνουχισθῆναι ὑπ' αὐτοῦ (PL. 77. Col. 166, ср. *Дидди* 2001. С. 24). Греческий перевод латинского текста выполнен в середине VIII в.: *Дидди* 2001. С. II.

¹⁰ И яко се скоплени ему быти от(ь) негѣ мнѣаше (*Дидди* 2001. С. 25, 27). Это древнеболгарский перевод, восходящий предположительно к X-XI вв.: там же. С. VIII.

¹¹ См.: *Григорий Двоеслов*. Собеседования. 1858. С. 25. Этот текст неоднократно переиздавался: см., напр., *Григорий Двоеслов*. Собеседования. 1996. С. 23. Он также размещен в интернете: <http://www.odinblago.ru/dvoeslov/1#4> [заход 1.06. 2018]. В Патрологии Миня, по которому, вероятно, и делался перевод на русский, эта фраза присутствует: PL. 77. Col. 165.

¹² Пентуклы (или Пентаклии), «киновия плача», находилась на берегу р. Иордан, в том месте, где по преданию сыновья Иакова, следуя с мощами отца из Египта, перешли Иордан, остановились и сотворили плач. См.: *Хитров* 1915. С. XXIX.

¹³ PG. 87c. Col. 2856. Интересно обратить внимание на то, что фраза «ниже пупа» (ὕλοκάτω τοῦ ὀμφαλοῦ) присутствует в славянском тексте «Лука духовного» (подъ поупиємъ него: *Гольишенко, Дубровина* 1967. С. 45), но отсутствует в русском переводе (ср. *Хитров* 1915. С. 7). Скорее всего, она, как и в случае с русским переводом «Диалогов» Григория Великого, была удалена отсюда по цензурным соображениям.

Второй случай описан в «Продолжателе Феофана» и связан с константинопольским патриархом Мефодием (IX в.). Мефодия обвиняют в совращении женщины. Далее ситуация развивается следующим образом:

С трудом понял он смысл обвинения и испугался, как бы не понесли из-за него ущерба дела церковные и Христовы, и (поскольку одно время – для срама, другое – для сдержанности и скромности) немного приподнялся с кресла, закатал на себе одежду и обнажил свой срамной член, чудной¹⁴ и не как у людей. При этом он поведал о чуде, о том, как много лет назад, когда бушевали и кипели в нем страсти, был он в старом Риме и сжигало его любовное влечение сильнее порыва страстей. Опасность грозила ему, подавить влечение он не мог, и вот воздел он руки к храму и стал просить помощи и заступничества у главного из апостолов – Петра. Когда же он, наконец, утомленный молитвой, заснул, апостол явился ему, дотронулся до той части тела, погасил порыв страстей и произнес при этом: «Свободен ты от власти страстей, Мефодий». Такой речью Мефодий убедил сие многочисленное собрание и устрасил врагов истины¹⁵.

Оба приведенных случая описывают сходную с тремя нашими примерами ситуацию: искушение от женщин – молитва – мистическое вмешательство – обретение бесстрастия, с одной существенной разницей: вместо виртуальной кастрации – разного рода эвфемизмы.

Посмотрим, каково было отношение к самокастрации в каноническом праве, и какие примеры этой практики известны по источникам. Жесткие запреты на скопцов накладываются уже в Ветхом Завете: «У кого раздавлены ятра или отрезан детородный член, тот не может войти в общество Господне» (Втор. 23, 1)¹⁶. Если же суммировать все данные церковно-правовых источников периода поздней Античности¹⁷,

¹⁴ В греческом тексте стоит *τεθαυματουρεμένην*, т.е. пассивное причастие от глагола со значением «совершать чудеса». Более точный перевод такой: «над которым было совершено чудо». Далее по тексту объясняется, какое именно чудо произошло.

¹⁵ Любарский 2009. С. 106-107. Греч. текст: Bekker 1838. P. 158-159.

¹⁶ Цит. по синодальному переводу Библии. Впрочем, в Ветхом Завете есть и иная традиция: ср. Ис. 56, 4-5; Прем. 3, 14. Но характерно, что указание на жесткое отношение к скопцам находится во Второзаконии, регулирующем именно религиозно-правовые нормы. В критическом издании Септуагинты А. Ральфа приведенная нами строка в главе 23 Второзакония отсутствует (Rahlfs 1979. P. 327-328), но ее вариант присутствует в Вульгате (см. Gryson 1994. P. 266: *non intrabit eunuchus ad tritis vel amputatis testiculis et absciso veretro ecclesiam Domini*) и в церковнославянском переводе (см. Библия 1993. С. 241: да не входит каженик и скопец в сонмъ г(о)с(по)день).

¹⁷ Правило I Вселенского собора, Апостольские правила, 21-24, правило 8 Константинопольского двукратного собора. Греческий текст (правило I Вселенского собора) см. напр.: Baron, Pietras 2005. S. 26. Греческий текст Апостольских правил см. напр.: Baron, Pietras 2007. S. 21-24. Церковнославянский перевод всех правил см.: Книга правил. Следует отметить, что Апостольские правила, скорее всего, являются сложным памятником, содержащим разновременные пласты. Основную редакцию датируют 380-ми гг., а местом ее создания принято считать Сирию. Однако следует указать и на точку зрения, предполагающую, что Апостольские правила созданы в Египте в нач. IV в. – см. напр., Martimort 1986. P. 85.

то можно сказать, что отношение к добровольным скопцам было весьма суровым: если оскотление было совершено добровольно и не по медицинским показаниям, то человек извергался из состава клира (если был клириком), а если был мирянином – отлучался от церковных таинств на три года¹⁸. Оскопивший другого не по медицинским показаниям отлучался от церковного общения бессрочно¹⁹. Интересна и мотивация наказания: добровольный скопец является предателем (греч. ἐπίβουλος, слав. навѣтникъ) своей жизни и врагом Божьего творения²⁰. Таким образом, канонические тексты четко обозначают, что оскотление есть посягательство на работу Бога, а, стало быть, указывают на отсутствие различий в анатомическом строении человека до и после грехопадения²¹.

Источники сохранили несколько примеров, связанных с практикой добровольного оскотления у христиан. Примечательно, что все известные нам тексты отсылают именно в Египет. Первое по времени свидетельство зафиксировано в Первой Апологии Иустина Философа (II в.). Там (I Apol. 29) речь идет о некоем христианине, который, чтобы доказать, что «срамное совокупление» не составляет у христиан какого-либо таинства, подал александрийскому префекту прошение, чтобы врач мог его оскотить. Префект, судя по всему, прошение не подписал, но молодой человек не стал вступать в брак и остался девственником²². Здесь интересен прежде всего тот факт, что ни Иустин, ни герой его повествования не видят ничего предосудительного в практике добровольного оскотления как способа сохранить свободу от половых отношений.

Второй эпизод хорошо известен и связан с Оригеном. Он описан в «Церковной истории» Евсевия Кессарийского (*Euseb.* HE. VI. 8). Но трактовка Евсевием поступка Оригена вызывает вопросы. Так, он пишет: «Ориген, занятый делом оглашения, совершил поступок, свидетельствующий о душе юной, незрелой и в то же время глубоко верующей и стремившейся к самообузданию. Поняв слова: «Есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царствия Небесного» в их буквальном смысле <...> поторопился на деле осуществить спаситель-

¹⁸ Апостольские правила, 24.

¹⁹ Правило 8 Константинопольского двукратного собора.

²⁰ Апостольские правила, 22. Интересно, что в греческом тексте стоит слово *δημιουργία*, означающее наряду с творением и мастерство. Таким образом ясно, что скопец посягает на то, что создано Богом. Отметить также, что в античной философии и гностических системах *демиург* означает творца именно материального мира.

²¹ Это замечание важно в сравнительном плане: в некоторых фольклорных представлениях русской секты скопцов анатомическое строение человека (как мужчины, так и женщины) до и после грехопадения различалось, а членовредительские операции были призваны вернуть анатомию в первоначальное («ангельское») состояние. Об этом см. напр.: *Панченко* 2002. С. 374-375.

²² См.: Антология. С. 299, греческий текст этого фрагмента проверен нами по TLG.

ные слова, полагая, что большинство его учеников ничего не узнает»²³. Возникает вопрос, как мог человек, вся экзегетика которого носит аллегорический характер, буквально понять слова Писания? Отсюда появляются сомнения, что Евсевий верно передал эту историю. Возможно, как и в случае, описанном у Иустина, речь идет о какой-то принятой среди египетских христиан первых веков традицией, где самооскопление не считалось предосудительным. Хотя последующая история взаимоотношений Оригена и александрийского патриарха Димитрия показывает, что отношение к добровольным скопцам могло быть разным. При этом любопытно, что обвинения Димитрия против Оригена иногда связывают с тем, что апостольское правило о запрещении добровольным скопцам быть клириками уже применялось²⁴. Но прямого указания на это у Евсевия мы не находим²⁵. Интересное мнение высказал Й. Лейпольд. Он предположил, что практика кастрации могла восходить к каким-то древнеегипетским обычаям и в качестве подтверждения своей мысли привел ссылку на одно странное место из «Сказки о двух братьях»²⁶.

Однако третье свидетельство показывает, что в IV-нач.V вв. ситуация в Египте уже радикально изменилась. Сохранились данные об отношении архмандрита Белого монастыря Шенуте к монахам, оскотившим себя на пути к духовному совершенству. Таких было предписано немедленно (несмотря на раны) удалять за монастырские стены, в лучшем случае — отдавать родственникам²⁷. И здесь интересно как указание на то, что случаи самооскопления имели место (причем, по мотивам вполне аскетическим), так и на то, что наказание за такие действия было немедленным и суровым. Мы можем предположить, что здесь сходятся две традиции: одна, зафиксированная у Иустина, и, возможно, опосредованно восходящая к каким-то древнеегипетским практикам, и

²³ *Евсевий Памфил*. Церковная история. С. 205; греческий текст: *Schwartz* 1914. S. 228.

²⁴ *Baron, Pietras* 2005. S. 27. Комментаторы со ссылкой на Евсевия мотивируют это тем, что на соборе в Александрии (ок. 230 г.) патриарх Димитрий отказался рукополагать Оригена, сославшись на его членовредительство.

²⁵ Буквально у Евсевия написано следующее: «Тогда он повел себя так, но вскоре <...> он поддался человеческой слабости: постарался всем епископам описать его поступок как чистое безумство. <...> Димитрий, не зная, в чем бы его обвинить, придрался к его давнему детскому проступку, страшно оклеветал его, осмелившись при этом задеть и тех, кто продвинул его в пресвитеры» (*Евсевий Памфил*. Церковная история. С. 206), греческий текст: *Schwartz* 1914. S. 228-229.

²⁶ *Leipoldt* 1903. S. 63. Приводим фрагмент текста сказки по переводу И.Г. Лившица: «И он поведал ему все, что произошло у него с его женой. И он поклялся (богом) Ре-Харатхи, говоря: «Ты (пришел) со своим копьем убить меня из-за клеветы, ради грязной девки!». Он взял тростниковый нож, отсек свой детородный член, бросил его в воду; сом проглотил (его)» (*Лившиц, Ольдерогге, Рубинштейн* 2004. С. 93). Й. Лейпольд предположил, что речь идет о какой-то клятве (*Schwur*).

²⁷ *Leipoldt* 1903. S. 63.

другая, идущая от Ветхого Завета и четко обозначенная в каноническом праве.

Сюжет с монахом Илией также может лежать в точке пересечения этих двух традиций. В свое время, правда, на анализе поздних источников А.А. Панченко обратил внимание на странный дуализм рассказа об Илии: с одной стороны, достаточно натуралистическое изображение процесса кастрации, с другой — переводение его в мистический/виртуальный план²⁸. Самое простое — но не значит, самое правильное — попытаться истолковать данный феномен в категориях фрейдизма. Например, предположить, что на традицию добровольной кастрации как способа «оседлать» собственную сексуальность был наложен жесткий запрет, но, сублимировавшись, она нашла свое выражение в виде фольклорных монашеских рассказов об «ангельском оскоплении», зафиксированных у христианских авторов. Но фрейдизм как явление, сложившееся гораздо позже описываемых нами событий, в весьма специфических условиях культурного климата в Европе на рубеже XIX-XX вв.²⁹, имеет достаточно жесткую аксиоматику. И попытка толковать христианские сюжеты поздней Античности таким образом с неизбежностью приводит к вопросу, не пытаемся ли мы навязать подобным феноменам чуждые им категории. Поэтому нам кажется более корректным попытаться истолковать данный интересный феномен «внутри» христианской традиции, где он и возник.

Палладий, судя по всему, достаточно точно и без лишних прикрас передает ту фольклорную монашескую историю, которую он слышал. Вопрос заключается в том, какую роль в этой мистической традиции играет столь натуралистическое изображение самого процесса оскопления. Ответ у нас только один: данную традицию можно считать своеобразной экзегезой на то место из Евангелия от Матфея (Мф 19, 12),

²⁸ Впрочем, автор указывал на это, решая совсем иные задачи: «Хотя во всех историях, прересказанных инквизиторами XV в., речь идет лишь о видениях, натуралистически изображающих чудесное избавление от сексуальных вожелений, их «кастрационная топика» до определенной степени соответствует идеологии отечественного скопчества». *Панченко* 2002. С. 366.

²⁹ Атмосферу Вены последних десятилетий XIX в., откуда фрейдизм начал свое шествие по миру, хорошо описывает в своих мемуарах С. Цвейг. В частности, он замечает: «Когда пытаешься определить особенности буржуазной морали девятнадцатого столетия <...> можно сказать, что та эпоха трусливо уходила от проблемы сексуальности из чувства неуверенности в себе. <...> она воспринимала сексуальность как стихийное, а потому тревожное явление, которое невозможно было включить в нравственность и нельзя было признать при свете дня, потому что всякая форма свободной, внебрачной любви противоречила буржуазному «приличию». <...> Было, следовательно, заключено молчаливое соглашение не обсуждать этот досадный комплекс ни в школе, ни в семье, ни в обществе и подавлять все, что может напомнить о его наличии» (*Цвейг* 1987. С. 204-205).

которое единственное в новозаветных текстах могло быть (а, возможно, и было) ясным обоснованием практики добровольной кастрации — если, например, вспомнить, как Евсевий мотивирует поступок Оригена. Если с этой точки зрения посмотреть на описанное Палладием, то все встает на свои места: акцент (причем во всех встречаемых сюжетах) сделан на неотступную молитву к Богу, в результате которой монах и получает небесное оскопление. Противоречие между буквальным пониманием Мф 19, 12 и жесткими каноническими запретами на членовредительство, таким образом, снимается.

Попробуем восстановить исторический контекст возникновения этого рассказа. Любопытно, что его географический «репер»³⁰ с большой долей вероятности указывает именно на Верхний Египет и на близость этого места к монастырям Шенуте³¹, где мы обнаруживаем добровольных скопцов. Если так, то появление традиции «ангельской кастрации» можно расценивать как «актуальную альтернативу» той практике членовредительства по аскетическим мотивам, с которой, но уже административными методами, боролся Шенуте³². Рассказ об авве Сирене может указывать на то, что сходные рассказы появляются и в других местах Египта³³, и расширять географию распространения здесь традиции «ангельской кастрации» (или сходных с ней явлений) в конце IV в.

Таким образом, специфика рассказа об Илии может быть понята как некий религиозно-культурный феномен, сложившийся в условиях жесткого противостояния двух взаимоисключающих традиций: собственно египетской (допускающей практику оскопления) и ветхозаветной/канонической (ее однозначно запрещающей). Появление этого сюжета у Григория Двоеслова немного расширяет хронологические рамки (втор. пол. VI в.) и сильно — рамки географические, «заводя» этот сюжет на территорию Западного Средиземноморья. Зачем он здесь «ретранслируется»? Однозначного ответа у нас нет. Если только мы не предположим, что ранний латинский перевод «Лавсаика» ко времени написания «Диалогов» уже существовал и был широко распространен.

³⁰ Т.е. упоминание Атрибиса. Подробнее об этом см. в комментарии к переводу.

³¹ Вряд ли, впрочем, можно принять предположение К. Батлера о том, что Илия управлял женским монастырем Шенуте (подробнее см. в комментарии к переводу).

³² Предположительно, Палладий написал «Лавсаик» в 419–420 гг. Интересно, что посещение им Верхнего Египта, где он мог услышать и записать рассказ об Илие, принято относить к 406–412/413 гг., т.о. оно хронологически совпадает с игуменством Шенуте в Белом монастыре.

³³ Мы не беремся точно локализовать место пребывания аввы Сирена, но ряд данных указывает на Скит: упоминание в главе о Сирене аввы Моисея (возможно, речь идет об известном монахе Скита) и упоминание монаха с именем Сирен (ср. лат. *Serenus* и греч. *Σερῖνος*) в *Arophetegmata Patrum* (PG. 65. Col. 417). Во всяком случае, есть основание предположить, что рассказ, зафиксированный (возможно, не точно) Иоанном Кассианом, происходит из монастырей Нижнего Египта.

Интересно на имеющихся у нас данных попробовать проследить дальнейшую судьбу «топоса» о *castratio angelica*. Уже Иоанн Мосх, автор конца VI – начала VII в., в описании сходного случая не упоминает о небесной хирургии, указывая на другие, более «мягкие» способы дарования подвижнику бесстрастия. Ту же тенденцию мы обнаруживаем в «Продолжателе Феофана», по всей видимости, передающем какой-то агиографический рассказ о патриархе Мефодии. Таким образом, мы можем констатировать, что к началу VII в. коллизии, актуальные для египетских пустынь в IV – начала V в., явно теряют свою остроту.

Для дальнейшего бытования сюжета о *castratio angelica* характерны две тенденции. История с пространной редакцией «Лавсаика» показывает стремление от него полностью избавиться, что находит отражение в его элиминировании (вплоть до намеков) духовной цензурой в России во второй половине XIX – начале XX в.³⁴ Но славянские списки «Диалогов» Григория Двоеслова и «Синайского патерика» обозначают другую тенденцию: сюжет сохраняется в качестве антикварной и уважаемой традиции, уже далекой и не актуальной. Ту же ситуацию мы обнаруживаем у авторов «Молота Вельд» (XV в.), относящихся к этой традиции с большим пиететом³⁵.

Перевод выполнен по изданию Г. Бартелинка³⁶. В примечаниях были использованы комментарии из изданий К. Батлера и Г. Бартелинка. Слова, которых нет в оригинале, но они необходимы для лучшего понимания текста, стоят в круглых скобках. Подстановка имени существительного вместо местоимения отдельно не оговаривается.

ОБ ИЛИИ

1. Некий подвижник (по имени) Илия стал сугубым попечителем дев: ибо есть такие души, намерения которых удостоверяют (их) добродетель. Он, переживая за чин женских монастырей³⁷ и имея средства, устроил в городе Атрибис³⁸ большую обитель, куда собрал всех стран-

³⁴ Это можно объяснить общими цензурными тенденциями. Но нельзя исключать и того, что устранение этих мест как-то связано с борьбой против секты скопцов.

³⁵ Текст: *Malleus malleficarum*. P. 206-208. Рус. перевод: *Цветков* 1990. С. 173-174.

³⁶ *Bartelink* 1974. P. 144-146.

³⁷ В греческом тексте употреблено слово ἀσκήτρια. Г. Бартелинк указывает еще ряд терминов из монашеской литературы, сходных по значению с ним: συνασκήτρια, μονάστρια (sic! – *A.B.*), ἡσυχάστρια — см. *Bartelink* 1974. P. 355.

³⁸ Известно о двух Атрибисах, один находился в Дельте, другой — в Верхнем Египте, напротив Панополя, на противоположном берегу Нила. К. Батлер склонялся к мнению, что речь идет об Атрибисе в Верхнем Египте, а сам рассказ имеет отношение к женскому монастырю, устроенному Шенуте (*Butler* 1898-1904. II. P. 204, n. 46). Г. Бартелинк в своем комментарии склоняется к тому, что речь идет об Атрибисе Верхнего Египта (*Bartelink* 1974. P. 355). В пользу этого мнения свидетельствует

ниц³⁹. Имея о них соответствующее попечение, (он) сделал им места отдыха, сады и (все), что необходимо для жизни. Они же, ведя (до этого) различный образ жизни и сойдясь вместе, стали устраивать драки друг с другом. 2. Чтобы заботиться об обители и разрешать ссоры, ведь собрал (Илия) около трехсот (монахинь), вынужден он был быть посредником два года. Будучи молод возрастом, а имел он около тридцати или сорока лет, Илия был искушаем (грехом) наслаждения. И, покинув монастырь, ушел он поститься на два дня в пустыню. И стал молить (Бога): «Господи, либо казни меня, чтобы не знать мне (более) этих мучений, либо прекрати муки мои, чтобы я заботился о монахинях, не испытывая искушений⁴⁰». 3. Когда настал вечер, заснул он в пустыне, и подходят к нему три ангела, как он (потом) рассказывал, схватили его и сказали: «Зачем ты ушел из женского монастыря?». Он рассказал им, в чем было дело: «Боюсь я, как бы не причинить вреда ни им, ни себе». (Ангелы) сказали ему: «Стало быть, если мы освободим тебя от страсти, ты вернешься и будешь заботиться о них?». Он согласился с ними. И (тогда) они взяли⁴¹ с него клятву. 4. И клятва, которую он произнес, была такая: «Клянусь вам Тем, Кто заботится обо мне, что позабочусь о них». И (так) он поклялся. Тогда (двое ангелов) схватили его за руки и за ноги, а третий взял бритву и отрезал ему семенники⁴², но не на самом деле, а в видении. (Илия) полагал, что был он в восхищении⁴³ и, можно сказать, был (таким образом) исцелен. Они спросили его: «Чувствуешь пользу?». Он сказал им: «Большое чувствую облегчение и убежден, что избавлен я от страсти». 5. Они сказали ему: «Иди обратно». Вернувшись спустя пять дней, когда монастырь уже (его) оплакивал, и, войдя внутрь, он пребывал с того времени в келье сбоку. И будучи оттуда (к монахиням) ближе, постоянно управлял ими, насколько был способен. Он прожил еще сорок лет, решительно утверждая отцам: «Не приходила мне на ум (никакая) страсть». Такова была благодать у этого святого (мужа), который вот так заботился о (женском) монастыре.

одна фраза из текста: выйдя из монастыря Илия идет *ἀνὰ τὴν ἔρημον*, т. е. буквально «вверх по пустыне», что более соответствует особенностям рельефа Верхнего Египта, а не Дельты.

³⁹ О странствующих монахинях упоминается также в одном из посланий Евагрия Понтийского (Epist. 7, 8): см. *Bartelink* 1974. P. 355. Подробнее о странствующих монахах в Египте см. напр.: *Войтенко* 2012. С. 104-105, 129-130.

⁴⁰ Более дословный перевод — «согласно разуму».

⁴¹ Глагол *εἰσπράσσω*, употребленный здесь, часто имеет значение взыскания налогов и недоимок: ср. *Bartelink* 1974. P. 355.

⁴² В тексте употреблено слово *δίδουα* (мн. ч.), первое значение которого — «пара», «двойня». В значении тестикул это слово употреблено в Септуагинте (Deut. 25, 11) и 1-ой Апологии Иустина (I Apol. 29), ср. также: *Liddel, Scott* 1996. P. 422; *Sophocles* 1914. P. 377.

⁴³ В греческом тексте стоит *ἔκστασις*.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Антология. Ранние Отцы Церкви. Брюссель: Жизнь с Богом, 1988 [Antologiya. Rannie Otcy Cerkvi. Bryussel': Zhizn' s Bogom, 1988]
- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на церковнославянском языке. М.: Российское библейское общество, 1993 [Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisanija Vekhogo i Novogo Zaveta na cerkovnoslavyanskom yazyke. M.: Rossijskoe biblejskoe obshchestvo, 1993]
- Войтенко А.А. Египетское монашество в IV в.: Житие преп. Антония Египетского, Лавсаик, История монахов. М.: ЦЕИ РАН, 2012 [Vojtenko A.A. Egipetskoe monashestvo v IV veke: Zhitie prep. Antoniya Egipetskogo, Lavsaik, Istoriya monahov. M.: CEI RAN, 2012]
- Евсевий Памфил. Церковная история. М.: Издание Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1993 [Evsevij Pamfil. Cerkovnaya istoriya. M.: Izdanie Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyru, 1993]
- Книга правил святых апостол, святых соборов вселенских и поместных, и святых отец. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1992 (репринт издания 1893 г.). [Kniga pravil svyatykh apostol, svyatykh soborov vselenskikh i pomestnykh, i svyatykh otec. Svyato-Troickaya Sergieva lavra, 1992 (reprint izdaniya 1893 goda)]
- Луг духовный. Творение блаженного Иоанна Мосха / пер. с греческого с подробными объяснительными замечаниями прот. М.И. Хитрова. Сергиев Посад, 1915 (репринт: Оптина пустынь, 1991) [Lug dukhovnyj. Tvorenie blazhenogo Ioanna Moskha / perevod s grecheskogo s podrobnymi ob'yasnitel'nymi zamechaniyami prot. M.I. Hitrova. Sergiev Posad, 1915 (reprint: Optina pustyn', 1991)]
- Палладия, епископа Елеонпольского Лавсаик, или повествование о жизни святых и блаженных отцов. М.: Донской монастырь, 1992 [Palladiya, episkopa Eleonopol'skogo Lavsaik, ili povestvovanie o zhizni svyatykh i blazhennykh otcov. M.: Donskoj monastyr', 1992]
- Панченко А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. М.: ОГИ, 2002 [Panchenko A.A. Khristovshchina i skopchestvo: fol'klor i tradicionnaya kul'tura russkikh misticheskikh sekt. M.: OGI, 2002]
- Патерик римский. Диалоги Григория Великого в древнеславянском переводе / издание подготовлено К. Дидди. М.: Индрик, 2001 [Paterik rimskij. Dialogi Grigoriya Velikogo v drevneslavyanskom perevode / izdanie podgotovleno K. Diddi. M.: Indrik, 2001]
- Преподобный Иоанн Кассиан Римлянин. Писания. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1993. (репринт издания 1892 г.) [Prepodobnyj Ioann Kassian Rimlyanin. Pisanija. Svyato-Troickaya Sergieva lavra, 1993 (reprint izdaniya 1892 goda)]
- Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / изд. подг. Я.Н. Любарский. СПб.: Алетейя, 2007² [Prodolzhatel' Feofana. Zhizneopisaniya vizantijskikh carej / izdanie podgotovil Ya. N. Lyubarskij. SPb.: Aletejya, 2007²]
- Св. Отца нашего Григория Двоеслова епископа Римского Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души. Казань, 1858 [Sv. Otca nashego Grigoriya Dvoeslova episkora Rimskogo Sobesedovaniya o zhizni italijskikh otcov i o bessmertii dushi. Kazan', 1858]
- Св. Отца нашего Григория Двоеслова епископа Римского Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души. М.: Благовест, 1996 [Sv. Otca nashego Grigoriya Dvoeslova episkora Rimskogo Sobesedovaniya o zhizni italijskikh otcov i o bessmertii dushi. M.: Blagovest, 1996]
- Синайский патерик / изд. подготовили В.С. Гольшенко, В.Д. Дубровина. М.: Наука, 1967 [Sinajskij paterik / izd. podgotovili V.S. Golyshenko, V.D. Dubrovina. M.: Nauka, 1967.]
- Сказки и повести Древнего Египта / изд. подготовили И.Г. Лившиц, Д.А. Ольдерогге, Р.И. Рубинштейн. М.: Наука, 2004 (репринт издания 1979 г.) Skazki i povesti Drevnego Egipta / izd. podgotovili I.G. Livshic, D.A. Ol'derogge, R.I. Rubinshtejn. M.: Nauka, 2004 (reprint izdaniya 1979 g.)]
- Флоровский Г., прот. Догмат и история. М.: Изд. Свято-Владимирского братства, 1998 [Florovskij G., prot. Dogmat i istoriya. M.: Izd. Svyato-Vladimirskogo bratstva, 1998]

- Цвейг С. Статъи. Эссе. Вчерашний мир. Воспоминания европейца. М.: Радуга, 1987 [Zweig S. Stat'i. Esse. Vcherashnij mir. Vospominaniya evropejca. M.: Raduga, 1987]
- Шпренглер Я., Инститориус Г. Молот ведьм / пер с лат. Н. Цветкова. М.: Интербук, 1990 (перв. изд.: М., 1930) [Shprengler Ya., Institoris G. Molot ved'm / perevod s latinskogo N. Svetkova. M.: Interbuk, 1990 (pervoe izdanie: M., 1930)]
- Biblia Sacra juxta vulgatam versionem / praeparavit R. Gryson et al. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1994.
- Butler C. The Lausiac History of Palladius. Cambridge, 1898–1904. Vol. I–II.
- Constitutiones Apostolorum / Układ i opracowanie A. Baron, H. Pietras. Kraków: Wydawnictwo WAM, 2007 (Synodi et collectiones legum. Vol. II).
- Dokumenty soborów powszechnych / Układ i opracowanie ks. A. Baron, ks. H. Pietras. Kraków: Wydawnictwo WAM, 2005³. T. I.
- Eusebius. Kirchengeschichte / Hrsg. von E. Schwartz. Leipzig: J.C. Hinrichs'sche Buchhandlung, 1914.
- Grégoire le Grand. Dialogues / texte crit. et note par A. de Voguë, trad. par P. Antin. Paris: Les éditions du Cerf, 1979. T. II (Livres I–III) (Sources chrétiennes 260).
- Jean Cassien. Conférences. I–VIII / Introd., texte latin, trad. et notes par Dom E. Pichery. Paris: Les éditions du Cerf, 1955 (Sources chrétiennes 42).
- Leipoldt J. Schenute von Atripe und Entstehung des national ägyptischen Christentums. Leipzig, 1903.
- Liddel H.G., Scott R. A Greek-English Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1996.
- Malleus malleficarum <...> auctore I. Sprenglero. Francofurti ad Moenum, 1580.
- Martimort A.-G. Deaconesses: An Historical Study. San Francisco: Ignatius Press, 1986.
- Palladio. La Storia Lausiaca / Introduzione di Chr. Mohrmann, testo critico e commento a cura di G. J. M. Bartelink, traduzione di Marino Barchiesi. Roma, 1974.
- Septuaginta / Ed. A. Rahlfs. Stuttgart: Deutsche Bibelgesellschaft, 1979.
- Sophocles E.A. Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods. Cambridge (USA); Leipzig, 1914.
- Theophanes Continuatus. Ioannes Cameniata. Symeon Magister. Georgius Monachus / Ed. I. Bekker. Bonn, 1838.

Войтенко Антон Анатольевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра египтологических исследований РАН, cesras@cesras.ru

Castratio angelica. Chapter 29 (on Helias) of Historia Lausiaca by Palladius

The present publication offers a commented Russian translation of chapter 29 of *Historia Lausiaca* by bishop Palladius, which is absent from the Russian translation made before the Revolution and reprinted nowadays. The translation is accompanied by an extensive introduction, where an attempt is made to observe the emergence and spread of the tradition about a mystical emasculation of a monk by an angel, which is a top of narration in the story of the monk Helias. This tradition is expected to appear in Egypt (presumably in the second half of the IVth cent.) and it could be attributed to some characteristic features of ascetic practices in Egypt at this period.

Keywords: hagiography, asceticism, monasticism Egyptian, Byzantine Egypt

Anton Voytenko, Ph.D in History, Leading Researcher, Center for Egyptological Studies, Russian Academy of Sciences, cesras@cesras.ru

В. И. МАТУЗОВА

ИЗУЧЕНИЕ ПИСЬМЕННЫХ ВЕНГЕРСКИХ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ ПЕРИОДА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В РОССИИ (публикации переводов)*

Статья представляет собой обзор осуществленных в России переводов письменных венгерских средневековых источников. К ним относятся хроники (Аноним Венгерский, Шимон Кезаи, Хроникальный свод), реляции (relations), или донесения (брат Рихард, брат Юлиан) и «Горестная песня» (Рогерий). Эти сочинения содержат уникальный исторический материал, отражающий события XII–XIII вв. и проливающий свет на ранние русско-венгерские связи в период становления древнерусского и венгерского государств и начала татаро-монгольского нашествия.

Ключевые слова: Древняя Русь, Венгрия, исторический источник, Аноним Венгерский, Рогерий, брат Рихард, брат Юлиан

Перевод исторических сочинений с иностранных языков, будучи их интерпретацией (толкованием), является важным этапом на пути изучения любого зарубежного исторического памятника Средневековья, обычно написанного по-латыни. В настоящей статье речь пойдет о публикациях в России переводов венгерских исторических источников, относящихся к XIII–XIV вв.; это преимущественно хроники и послания. Таких источников немного, но они представляют несомненный научный интерес, поскольку содержат уникальный материал по истории древнейших русско-венгерских отношений, начало которых восходит ко времени становления древнерусского и венгерского государств. Такие сведения содержатся в следующих текстах:

- *Аноним Венгерский*. Деяния венгров (конец XII – начало XIII в.);
- *Шимон Кезаи* (из Кезы). Деяния венгров (кон. XIII в.);
- Послание (Реляция) брата Рихарда (Рихарда) о путешествии венгерских доминиканцев на Волгу в 1237 г.;
- Послание брата Юлиана о монгольской войне;
- *Рогерий*. Горестная песня о разорении Венгерского королевства татарами;
- Венгерский хроникальный свод (XIV в.).

Далее мы обратимся к истории переводов этих текстов в России и к научным принципам их публикаций.

Аноним Венгерский. Деяния венгров (Anonymus. “Gesta Hungarorum”). Это сочинение появилось на рубеже XII–XIII вв. в правление венгерского короля Белы III (1172–1196 гг.) и сохранилось в единственной рукописи второй половины XIII в. Его полное название – «“Деяния венгров” магистра П., которого называют Анонимом». Магистром П.

* Работа выполнена в рамках проекта (№ 17–21–07001–ОГН) «Россия и Венгрия в мировой культуре: источник и его интерпретация», поддержанного РФФИ.

именует себя сам Аноним; как полагают, он был хронистом и нотарием при дворе короля Белы III. Из сочинения известно, что Аноним получил образование в Западной Европе (предположительно в Парижском университете). «Деяния венгров» посвящены ключевому событию в древней истории венгров: переселению в IX в. семи венгерских племен во главе с вождем Алмошем и его сыном Арпадом, родоначальником венгерской королевской династии, из степей Южной Руси в Центральную Европу, где на территории Паннонии, по среднему течению Дуная, они «обрели родину» (IX–X вв.). В сочинении названы имена племенных вождей и содержится подробное описание похода венгров, которые прошли и по обширным древнерусским землям; в т.ч. 8–11 главы посвящены описанию Южной Руси и земли куманов (половцев), и не только, представляя, таким образом, интерес и как источник по исторической географии, содержащий сведения о народах Восточной Европы, переселявшихся на Средний Дунай в IX–X вв. В силу этого «Деяния венгров» уже давно находятся в поле зрения российских историков, неоднократно цитировавших их в своих исследованиях. Н.М. Карамзин использовал материал указанных глав в своей «Истории государства Российского», хотя не признавал их достоверности. В XX в. научный подход к источнику стал более взвешенным; ученые старательно искали и находили в нем немало достоверных сведений.

В XX в. перевод «Деяний венгров» предпринял крупнейший специалист по истории Венгрии, профессор В.П. Шушарин. В 1961 г. в статье «Русско-венгерские отношения в IX в.»¹ он опубликовал перевод 7–12 глав этого сочинения: 7. От выхода венгерских племен с их правителем (в оригинале глава называется «Об их исходе»); 8. О Руси (*De Rutenia*); 9. О мире между вождем Алмошем и Русами. (в данном случае правильнее было бы использовать этноним Рутены. – *В.М.*); 10. О семи половецких князьях (в оригинале используется термин «куманы» – под этим названием половцы были известны в Западной Европе. – *В.М.*); 11. О городах Владимир и Галич; 12. Как они вошли в Паннонию. (Текст 8, 11 и 12 глав переведен не полностью. – *В.М.*). В.П. Шушарин собирался подготовить научное издание «Деяний венгров», но не успел. Последняя его книга была посвящена этнической истории венгров².

В настоящее время над подготовкой комментированного издания «Деяний венгров» работает известный специалист по средневековой истории Венгрии М.К. Юрасов. «Деяния венгров» – очень сложный источник, работа над которым требует как исторической, так и филологи-

¹ Шушарин 1961. С. 131-180; 135-145 (Пер.).

² Шушарин 1997. В книге содержится основная библиография вопроса наряду с анализом ключевых точек зрения. Историк оставил наброски перевода этого сочинения, во многом напоминавшие подстрочник.

ческой подготовки, поэтому совместная работа над ним историка и филолога целесообразна. Публикация перевода больших частей этого текста в периодическом издании “*Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*”³ сопровождается подробными историческими и филологическими комментариями, в которых используется источниковый материал (анализируются сведения античных и средневековых авторов), исчерпывающая историография вопроса, данные современной археологии. Исследователь уделяет большое внимание не только источниковой основе «Деяний венгров», но и истории изучения этого памятника. Он прослеживает основную тенденцию сочинения, которое «в соответствии с политическими реалиями своего времени [...] призвано было убедить королей в том, что претензии магнатов на равенство с представителями правящей династии имеют под собой серьезные исторические основания»⁴.

В комментариях учитываются примечания к венгерскому изданию памятника⁵, к другим его научным изданиям, а также результаты новейших исследований. Большое внимание уделяется топонимике и этнонимике, этимологии топонимов и этнонимов. Интересны наблюдения М.К. Юрасова над использованием средневековым автором политонимов *Ruscia* и *Rutenia*, а также его комментарии к главам, содержащим сведения о Киевском княжестве, о Владимиро-Суздальской и Галицко-Волынской Руси и ее городских укреплениях, а также к краткому упоминанию о живущих в Венгрии русских. Всё свидетельствует о том, что вскоре отечественная историческая наука получит полноценное издание одного из интереснейших источников, очень важного для разработки многих тем и проблем истории Средневековья.

Шимон Кезаи. Деяния венгров (*Simon de Keza. “Gesta Hunnorum et Hungarorum”*). Шимон Кезаи (Шимон из Кезы, конец XIII в.) был придворным клириком венгерского короля Ласло IV (1272–1290 гг.). В основу его сочинения «Деяния венгров» положены более ранние произведения венгерской историографии XI–XII вв., в самостоятельном виде не сохранившиеся и также называемые «Деяния венгров», но автор нередко расширяет сведения своих источников. В частности, при описании Скифии он использовал больше ориентиров, чем его предшественники. Приводимые Шимоном имена венгерских вождей, каждому из которых отводится отдельная глава, зачастую не совпадают с именами, перечисляемыми Анонимом Венгерским. Шимон Кезаи дает и более пространную генеалогию династии Арпадов. В сочинении неоднократно упоминается Суздалия (Суздальская земля, Суздаль). Другим его источником были «Деяния гуннов» (втор. пол. XIII в.), где проводится

³ Матузова (Пер.) 2007; Юрасов 2007. С. 87-98; Ib. 2013. С. 68-81.

⁴ Ib. 2007. С. 87-88.

⁵ Szentpétery (Ed)1937. P. 33-117.

мысль о тождестве венгров с гуннами. В труде Шимона Кезаи наряду с множеством этногеографических сведений о Восточной Европе (или «Скифии») содержатся сведения о Древней Руси. По этой причине несколько фрагментов сочинения в переводе А.В. Назаренко вошли в хрестоматию «Древняя Русь в свете зарубежных источников»⁶ (Ранее имелись переводы только на венгерском языке). В трех переведенных фрагментах содержатся сведения о приходе венгров в Паннонию и упоминаются места, через которые они проходили: земли «белых половцев», город Киев, река Уж, «Русские Альпы» (Карпаты). Во фрагменте, сообщающем о восхождении на престол короля Петера, говорится и об отъезде на Русь королевских сородичей Эндре и Левенте, которые, не будучи приняты владимирским князем, ушли в землю половцев. Переводы фрагментов А.В. Назаренко сопровождал подробными историческими и историко-географическими комментариями.

Послание (Реляция) брата Рикарда (Рихарда) о путешествии венгерских доминиканцев на Волгу в 1237 г. Послание брата Юлиана о монгольской войне. Оба документа переведены и изданы с комментариями советским археографом С.А. Аннинским (1891–1942/43)⁷, первостепенным научным интересом которого было изучение и перевод латинских источников со сведениями о Древней Руси и России⁸. Основой послужила публикация венгерского историка Лайоша Бендефи (1904–1977)⁹. Русский перевод состоит из двух глав: I. О существовании Великой Венгрии, обнаруженном братом Рихардом во время господина папы Григория Девятого (с. 77–82); II. Письмо брата Юлиана о монгольской войне (с. 83–90). Переводу предшествует латинский текст оригинала.

Донесение брата Рикарда написано монахом, совершившим путешествие в Волжскую Булгарию, по-видимому, с миссионерской целью крещения и обращения в католичество местного населения. Там, в предгорьях Урала, на реке Белая, он нашел Великую Венгрию, население которой говорило, будто бы, на венгерском языке (вероятно, это был один из угорских языков); во всяком случае, Рикард пишет, что «и они его понимали, и он их» (с. 81). Значительное место в послании отведено описанию «языческих» обычаев этого народа и его взаимоотношений с татарами. Говорится о том, что на обратном пути Рикард проезжал через Русь. И в связи с этим он упоминает, что обнаруженные им венгры, узнав о предстоящем им крещении, послали к «князю великой Лаудемерии» (город Владимир), прося направить к ним священников, чтобы те

⁶ Назаренко (Пер.) 2010А. С. 348–352.

⁷ Аннинский 1940. С. 71–112.

⁸ Пашуто 1971. С. 179–183. Среди других опубликованных переводов С.А. Аннинского «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского. См. Аннинский (Пер.) 1938.

⁹ Bendefy 1937. P. 1–52.

их крестили. Князь, якобы, отказал со словами: «Не мне надлежит это делать, а папе римскому. Ведь близко время, когда все мы должны принять веру римской церкви и подчиниться ее власти» (с. 82). Перевод текста сопровождается краткими подстрочными комментариями, преимущественно историко-географического и этнографического характера.

Доминиканец Юлиан был отправлен в Волжскую Булгарию с разведывательной целью: узнать о намерениях и продвижении монголов – слухи об их нашествии распространялись в Западной Европе, а монгольские ханы уже отправляли посольства к европейским правителям, требуя от них повиновения. В его послании говорится о населении Великой Венгрии, а также о вторжении монгольских орд в Суздальскую и Рязанскую земли (причем князь суздальский, будто бы, предупредил через Юлиана венгерского короля, что татары собираются напасть на венгров-христиан, о чем он узнал, перехватив татарских послов в Венгрию, проходивших через Суздаль) и о противостоянии русских и монгольских войск на Дону, близ «замка Воронеж». В переводе учтены разночтения рукописей оригинала по публикации Л. Бендефи. Перевод снабжен краткими комментариями историко-географического характера.

Оба источника широко использовались в отечественной историографии Золотой Орды и монголо-татарского нашествия на Русь¹⁰. В настоящее время основательно выполненные переводы С.А. Аннинского можно найти в крупных государственных библиотеках или в Интернете. Но, вероятно, следовало бы подумать и о новых публикациях указанных источников, сопроводив их более широким комментарием на основе накопленных за прошедшие годы научных данных.

Магистр Рогерий. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами (*“Rogerii Carmen miserabile super destructione regni Hungariae per Tartaros facta”*)¹¹. Этот важнейший источник по истории монгольского вторжения в Европу в 1241–1242 гг. был написан в середине XIII в. Его автор, итальянский священник магистр Рогерий (Magister Rogerius, ум. 1266) в 1330–1340-е гг. был капелланом Папской курии у кардинала Иоанна Толедского (по его поручениям он неоднократно посещал Венгрию), а в 1249–1266 гг. – архиепископом Сплита. В 1241 г., находясь в венгерском городе Орадя, Рогерий стал свидетелем татаро-монгольского нашествия на Венгрию. Оказавшись на занятой монголами территории, поступил на службу к завоевателям, но в 1242 г. при отступлении монгольских войск бежал в Трансильванию. Таким образом, уникальность его «Горестной песни» в том, что она написана по свежим следам события его современником и очевидцем. В ней содержатся сведения по истории Венгрии, о половецких землях, о геогра-

¹⁰ Пашуто 2015. С. 6-13.

¹¹ За основу перевода принят текст: Heinemann 1892. P. 547-567 (Repr.: Leipzig, 1925).

фии и хронологии вторжения монгольских орд в Венгрию, устройстве монгольского управления Венгрией, а также о функционировании русских контингентов монгольского войска во время завоевания Венгрии.

А.С. Досаев осуществил качественный перевод «Горестной песни», первый полный перевод с латинского языка на русский; он же является автором вступительной статьи и составителем комментария¹². Перевод (с. 15-60) сопровождается публикацией полного текста оригинала (с. 63-107). Публикации предшествует перевод предисловия к изданию 1892 г. (с. 7-12). Огромную ценность представляют приложения к публикации: 25 документов, современных событиям, которые описаны в источнике. Среди них фрагмент анонимного сочинения о вторжении татар в Польшу, Моравию и Венгрию, четыре жалованных грамоты венгерского короля Белы IV (1235–1270 гг.) венгерским сановным лицам, а также послания и указы, принадлежащие главам Римской Церкви и представителям высшей светской знати (императорам и королям), в которых выражается тревога в связи с татаро-монгольским нашествием. В совокупности эти материалы способствуют расширению исторического контекста изданного источника.

Венгерский хроникальный свод (“Cronica Hungarorum”) (XIV в.)

Под этим условным названием хроника известна в исторической науке (М.К. Юрасов называет ее также «Композицией венгерских хроник XIV века»). В свод включены более ранние венгерские исторические сочинения, сохранившиеся только в его составе. Работа над хроникой началась в 1358 г., вероятно, придворным капелланом венгерского короля Лайоша I Великого (1342–1382) Мартином Калти, но она обрывается на событиях 1333 г.. Свод дошел в двух изводах. Древнейший список хроники известен как «Лицевая», или «Венская иллюстрированная хроника» (“Chronicon pictum”), – в ней содержится 136 филигранно выполненных миниатюр. Кроме того, имеется «Будская хроника» (“Chronicon Budense”), пять списков которой относятся к XV веку. Сведения хроники нередко имеют расхождения со сведениями ее источников. Так, имена вождей венгерских племен не всегда совпадают с именами, приводимыми более ранними хронистами, в частности, Анонимом Венгерским и Шимоном Кезаи. Как и в сочинении Шимона Кезаи, в Своде содержится более подробная генеалогия династии Арпадов, а также сведения о Древней Руси, в частности о суздальских землях.

Несколько крупных фрагментов хроники со сведениями по истории Древней Руси, были переведены А.В. Назаренко¹³, сопроводившим перевод подробными историческими комментариями.

¹² Досаев (Пер.) 2012. Среди переведенных А.С. Досаевым средневековых латинских источников также «Деяния данов» Саксона Грамматика: Досаев (Пер.) 2017.

¹³ Назаренко (Пер.) 2010. С. 353-372.

В начале 1970-х гг. крупнейший советский историк В.Т. Пашуто выступил с проектом создания многотомного Свода древнейших источников по истории народов СССР (ныне Свод древнейших источников по истории Восточной Европы). Среди выпусков издающегося с 1977 г. Свода (их издано около 30) предусматривался и выпуск «Венгерские источники по истории народов СССР». К сожалению, в те годы работа над ним надолго прервалась по ряду объективных причин.

Между тем, как показывает данный обзор, реализация подобного проекта и издание выпуска венгерских источников в серии Свод древнейших источников по истории народов Восточной Европы была бы весьма полезна, представляя большой научный интерес, поскольку расширила бы наши знания о месте Древней Руси на международной арене в Средние века и о ее роли в международной политике того времени, а актуальность этого исторического аспекта непреходяща.

Имеющиеся переводы средневековых венгерских источников на русский язык свидетельствуют о живом интересе, существовавшем и существующем в отечественной исторической науке к этой странице европейской и отечественной истории. Этими переводами наши предшественники и современники заложили основу для более тщательного изучения материала средневековых венгерских исторических источников, касающегося истории Древней Руси, пусть даже некоторые из них потребуют определенной доработки в свете современных венгерских и российских исследований.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Bendefy 1937 – *Bendefy L. Fontes authentici itinera (1235–1238) fr[atris] Iuliani [Julianus] illustrantes // Archivum Europae Centro-Orientalis. Budapest, 1937. T. III. Fasc. III. P. 1-52 (Ostmitteleuropäische Bibliothek.7).*
- Heinemann (Ed.) 1892 – *Rogerii Carmen miserabile super destruction regni Hungariae per Tartaros facta / Ed. L. de Heinemann // MGH SS. T. 29. Hannover, 1892. P. 547-567 (Переиздание: Leipzig, 1925).*
- Szentpétery (Ed.) 1937 – *Scriptores rerum Hungaricarum tempore ducum regumque stirpis Arpadianae gestarum / Ed. E. Szentpétery. Vol. I. Budapestini, 1937. P. 33-117.*
- Аннинский (Пер.) 1938 – «Хроника Ливонии» Генриха Латвийского, пер. С.А. Аннинского. М.-Л., 1938 [«Hronika Livonii» Genriha Latvijskogo, per. S.A. Anninskogo. M.-L., 1938]
- Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. 1940. Т. III. С. 71-112 [Anninskij S.A. Izvestiya vengerskih missionerov XIII–XIV vv. o tatarah i Vostochnoj Evrope // Istoricheskiy arhiv. 1940. T. III. S. 71-112]
- Досаев (Пер.) 2012 – *Магистр Рогерий. Горестная песнь о разорении Венгерского королевства татарами / Пер. с лат., вступит. ст. и коммент. А.С. Досаева. СПб., 2012 [Magistr Rogerij. Gorestnaya pesn' o razorenii Vengerskogo korolevstva tatarami / Per. s lat., vstupit. st. i komment. A.S. Dosaeva. SPb., 2012]*
- Досаев (Пер.) 2017 – *Саксон Грамматик. Деяния данов / Пер. А.С. Досаева. В 2 томах. I–XVI книги. М.: Русская панорама, СПСЛ, 2017 (“Mediaevalia: средневековые литературные памятники») [Sakson Grammatik. Deyaniya danov / Per. A.S. Dosaeva. V 2 tomah. I–XVI knigi. M.: Russkaya panorama, SPSL, 2017 (“Mediaevalia: srednevekovye literaturnye pamyatniki»)]*

- Матузова (Пер.) 2007 – «Деяния венгров» магистра П., которого называют Анонимом / Пер. В.И. Матузовой, вступит. ст. и коммент. М.К. Юрасова // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2007. № 1/2. С. 87-98 [«Deyaniya vengrov» magistra P., ktorogo nazyvayut Anonimom / Per. V.I. Matuzovoj, vstupid. st. i komment. M.K. YUrasova // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2007. № 1/2. S. 87-98]
- Матузова (Пер.) 2013 – «Деяния венгров» магистра П., которого называют Анонимом / Пер. В.И. Матузовой, вступит. ст. и коммент. М.К. Юрасова // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013. № 1. С. 68-81 [«Deyaniya vengrov» magistra P., ktorogo nazyvayut Anonimom / Per. V.I. Matuzovoj, vstupid. st. i komment. M.K. YUrasova // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2013. № 1. S. 68-81]
- Назаренко (Пер.) 2010 – Венгерский хроникальный свод (XIV в.) // Западноевропейские источники / Сост., пер. и коммент. А.В. Назаренко. М., 2010. С. 353-372 (Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. IV) [Vengerskij hronikal'nyj svod (XIV v.) // *Zapadnoevropejskie istochniki / Sost., per. i komment. A.V. Nazarenko*. М., 2010. S. 353-372 (Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov. T. IV)]
- Назаренко (Пер.) 2010А – *Шимон Кецаи*. «Деяния венгров» (около 1280/5 г.) // Западноевропейские источники / Сост., пер. и коммент. А.В. Назаренко. М., 2010. С. 348-352 (Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. IV) [SHimon Kezai. «Deyaniya vengrov» (okolo 1280/5 g.) // *Zapadnoevropejskie istochniki / Sost., per. i komment. A.V. Nazarenko*. М., 2010. S. 348-352 (Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov. T. IV)]
- Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968 [Pashuto V.T. Vneshnyaya politika Drevnej Rusi. М., 1968]
- Пашуто В.Т. Советский археограф С.А. Аннинский // Археографический ежегодник за 1969 год. М., 1971. С. 179-183 [Pashuto V.T. Sovetskij arheograf S.A. Anninskij // *Arheograficheskij ezhegodnik za 1969 god*. М., 1971. S. 179-183]
- Хаутала Р. Ранние венгерские сведения о западном походе монголов (1235–1242 гг.) // Золотоордынское обозрение. 2015. № 4. С. 6-13 [Hautala R. Rannie vengerskie svedeniya o zapadnom pohode mongolov (1235–1242 gg.) // *Zolotoordynskoe obozrenie*. 2015. № 4. S. 6-13]
- Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М., 1997 [SHusharin V.P. Rannij etap ehtnicheskoj istorii vengrov. Problemy ehtnicheskogo samosoznaniya. М., 1997]
- Шушарин В.П. Русско-венгерские отношения в IX в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 131-180. Перевод: С. 135-145 [SHusharin V.P. Russko-vengerskie otnosheniya v IX v. // *Mezhdunarodnye svyazi Rossii do XVII v.* М., 1961. S. 131-180. Perevod: S. 135-145]

Матузова Вера Ивановна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

The study of medieval Hungarian historical sources in Russia (publications of their translations in Russian)

The article is the review of the publications of medieval Hungarian historical sources. These are: chronicles (Anonymus, Simon de Keza, *Cronica Hungarorum*), letters (*relationes*) of Richardus and Julianus (Dominican monks), and *Carmen Miserable* (Rogerius). All these works are of evident scientific interest, as they contain unique historical records of the events of the 12th and 13th cc. which cast light on ancient contacts between medieval Rus' and Hungary in the period of formation of medieval Russian and Hungarian states and on the early stage of the Tatar-Mongolian invasion.

Keywords: Ancient Rus', Hungary, historical source, Anonymus, Simon de Keza, Rogerius, brother Richardus, brother Julianus Hungarus

Vera Matuzova, Dr. Phil., senior researcher, Institute of World History (RAS)

ЧИТАЯ КНИГИ

А. В. ПАВЛОВ

ОЧЕНЬ КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЗАПАДНОЙ “ИДЕОЛОГИИ”

Рец. на кн.: Petri R. A Short History of Western Ideology.

A critical account. London etc.: Blomsberry, 2018

Статья представляет собой рецензию на книгу западного историка идей Рольфа Петри, выполненную в жанре «размышления над книгой». Автор не только пересказывает ключевые тезисы Петри относительно истории «западной идеологии», но и пытается концептуализировать за него некоторые идеи, оставшиеся непроясненными из-за обильного цитирования первоисточников.

Ключевые слова: социальная философия, история философии, идеология, Европа, Запад, религия, прогресс, империализм, расизм

Социально-философские поиски ответа на вопрос, каким образом Запад достиг ведущего положения в мире, пребывая большую часть истории если не на задворках мировой цивилизации, то уж никак не демонстрируя лидерство, как никогда актуальны для современных мыслителей – историков, политических теоретиков, социологов и, разумеется, философов. В самом деле, на протяжении многовекового периода истории человечества государства Запада проигрывали империям Востока как по общей площади территории и численности проживающего на данной территории населения, так и в плане технологий. Уже притчей во языцех стало то, что порох и компас изобрели в Китае, прямоугольный парус – в Древнем Египте, а шахматы – в Индии. Лишь с наступлением Нового времени (кстати, сам этот термин – изобретение западных историков¹) западные страны продемонстрировали небывалую жажду экспансии, которая в итоге привела их к мировому господству.

В течение последних пятидесяти лет в области западной социально-философской, социологической и исторической литературы появилось значительное число текстов, посвященных объяснению того, как именно небольшие по площади государства Западной Европы, обладающие небольшим населением, смогли покорить существенно превосходящие их по численности народы и удерживать господство несколько столетий. Обратной стороной и логическим следствием этих работ также является попытка обозначить те ключевые моменты, которые привели к утрате Западом господства. Особенно примечательно, что появление большей части подобных исследований приходится на пер-

¹ Любопытную, но не бесспорную критику деления мирового исторического процесса на Античность, Средние века и Новое время см.: Данилевский 2003. С. 93-115.

вые два десятилетия XXI века, когда стал очевиден переход глобального лидерства от стран Запада к станам Востока.

Среди таких текстов можно упомянуть такие ставшие интеллектуальными бестселлерами книги, как, например, «Постамериканский мир будущего» Фарида Закарии, «Империя: чем современный мир обязан Британии» и «Цивилизация. Чем Запад отличается от остального мира» Нилла Фергюсона, «Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500-1850» Джека Голдстоуна². И это мы не считаем многочисленные статьи, авторы которых упражняются в выискивании экономических, социальных, демографических и иных причин, предопределивших возвышение Запада и его возможный закат.

В то же самое время не так уж и много полноценных исследований, в которых бы авторы предпринимали попытку рассказать, как это самое возвышение Запада понималось современниками, т.е. речь идет о таких текстах, в которых бы звучали ответы на следующие вопросы: каким образом формировалось мышление западного человека? Каковы те инварианты, что лежат в основе этого мышления? Что формировало мотивы деятельности западного человека? Каким человек Запада видел мир, лежащий вокруг него? Иными словами, книги, которые бы касались описания идеологии западной цивилизации в целом в том виде, как она сформировалась на заре колониальной экспансии, и западного человека, в частности, можно пересчитать по пальцам.

В этом отношении исследовательский проект итальянского историка и социолога Рольфа Петри может быть признан новаторским. Как и любая новаторская работа, она, обладая многими достоинствами, сопровождается некоторыми досадными недостатками, но о них речь пойдет позже. Какую же цель ставит перед собой автор, пытаясь понять формирование и эволюцию мировоззрения западного человека? По его собственным словам, цель книги «состоит в прояснении ключевых элементов западной идеологии»³, и несколькими строками ниже поясняет, что именно для него является этими ключевыми элементами. Основным из них оказывается специфическая философско-историческая телеология – присущая исключительно Западной цивилизации вера в наличие в истории особой цели, на пути к которой якобы и движутся западные народы. Этой особой телеологией проникнуты все теории модернизации. Даже само понятие «цивилизация», которое Петри считает ключевым в презентации Запада по отношению к остальному миру, сохраняет в себе черты такой философии истории.

Прояснению того, как формировалась эта телеология, а на ее основе и особенная, свойственная лишь Западу философия истории, посвя-

² См.: Закария 2003; Фергюссон 2013; Фергюссон 2017; Голдстоун 2014.

³ Petri 2018. P. 1.

щена первая глава – «Европа и история». По мысли автора, такая телеология берет корни в христианской идее спасения, однако при этом целенаправленной деятельностью философов эпохи Просвещения эта идея была секуляризована. Кстати, к философам эпохи Просвещения Петри относит не только Руссо и Канта, к слову, обильно цитируемых в книге, но также Гоббса, Локка и даже Макиавелли. Последствием данной секуляризации стала трансформация идеи индивидуального спасения человека в идею цивилизационной избранности западных народов, которые были вынуждены взять на себя бремя заботы о других народах, став их проводником на пути просвещения. Вместе с тем мнения самих этих народов, двигаться ли им путем цивилизационного развития или сохранять собственную уникальную культуру, не учитывались. Не учитывалось так же, как не учитывает нерадивый хозяин желание своей собаки о длительной прогулке, или родитель не принимает в расчет хотение ребенка о новой игрушке. Ведь хозяин собаки, как и родитель, в отличие от своих подопечных обладает либо просто разумом, если речь идет о собаке, либо более развитым по сравнению с ребенком сознанием. Следовательно, хозяину и родителю более очевидно, что полезно, а что вредно для их подопечных, которые в силу своей неразвитости выступают более природными существами нежели разумными существами.

Метафора хозяев и родителей выбрана неслучайно. Потому что именно дистинкция «природы» и «разума», сформулированная философами эпохи Просвещения в XV–XVI вв., согласно Петри, формирует понимание Западной цивилизации самой себя. Правда, с Петри можно было бы поспорить уже здесь. С его точки зрения, «природа» и «разум» с момента формирования западной философии воспринимались как единое целое. В подтверждение своей мысли он солидаризируется с мнением древнегреческого философа Гераклита о понимании «фюсис» как «мира в целом» и, кроме того, отсылает к Спинозе, который в рамках проповедуемого им пантеизма, утверждал сущностное единство всех видимых объектов – звезд, деревьев, людей и т.д, поскольку данные объекты – не более чем временные проявления единой божественной субстанции⁴. Однако уже в учениях древнегреческих софистов понятие «фюсис» презентует только одну из частей мира – ту, которая относится непосредственно к миру природы. Для описания мира объектов, созданных человеком, софисты использовали понятие «номос». Так, «номос» – это закон и обычай, основа этики и устройства государства⁵.

Для более поздних философов самостоятельность и способность человеческого разума к самодеятельности в части формирования основных принципов человеческого общежития также не ставилась под со-

⁴ Petri 2018. P. 175-176.

⁵ Номос и фюсис 1983. С. 441.

мнение. В частности, Фома Аквинский утверждал наличие естественно-го закона, определяющего общие принципы, лежащие в основе обычаев⁶. Разумеется, в своем пределе естественный закон находится в подчинении вечного закона или Божественного провидения, но это отнюдь не умаляет способности человеческого разума к творчеству и самоорганизации. Ведь, Божественное провидение устанавливает лишь общие рамки для социального взаимодействия, понимание того, что есть добро, а что есть зло. Человеческий же разум может самостоятельно решать, каким образом действовать в указанных рамках, впоследствии оформляя принципы естественного закона в позитивном праве.

Таким образом, пренебрегая обширной традицией западной философии, Петри указывает именно на Гоббса и Локка как зачинателей традиции различения «природы» и «разума». Справедливости ради следует отметить, что Петри не так уж неправ в этих утверждениях. Действительно и для софистов, и тем более для Аквината «разум» выступал в качестве одной из составных частей природного миропорядка, не важно – имманентного или трансцендентного. Но при этом разум обладал определенной самостоятельностью по отношению к этому миропорядку. Радикального разрыва между миром разума и миром природы до-новременные философы не проводили. Однако эту важную оговорку Петри не делает. Как следствие в его работе Гоббс и Локк предстают едва ли не первыми философами планеты. И если бы не наличие немногочисленных отсылок к Гераклиту, Аристотелю, Спинозе, Николаю Кузанскому и Гуго Гроцию, у читателя могло бы создаться неверное впечатление, что именно так и обстоит дело.

Развитие дистинкции «природа – разум» приходится на переломное для Европы время, когда Великие географические открытия породили невиданную ранее экспансию европейских народов. С одной стороны, перед европейцами располагался целый новый континент, с другой стороны, фундаментальные и прикладные достижения науки обеспечили им превосходство над населением данного континента. Петри обращает внимание на важный аспект, обеспечивший успех западных народов в противостоянии с индейскими и азиатскими народами. Это вера в собственную избранность, обусловленная представлением о себе как о единственном оплоте христианства. Как известно, в 1453 г. турки-османы захватили Константинополь, что для западного христианства явилось символом падения восточного христианства. Менее чем через сорок лет на Западе Европы, в Испании, успешно завершилась Реконкиста, вследствие которой Пиренейский полуостров был полностью освобожден от арабов. Такое событие для обывателя западных стран должно

⁶ Подробнее о различении Аквинатом божественного, естественного и человеческого закона см.: Суини 2006.

было стать и, вероятно, стало подтверждением превосходства христианства в его западной версии над иными религиями.

Другим подтверждением тезиса Петри было не вызвавшее больших затруднений завоевание государств американских индейцев европейскими конкистадорами. Все эти события в значительной мере обуславливали миллениаристский настрой населения европейских государств⁷. О том, насколько он был сильным, можно судить хотя бы по самоощущению первооткрывателя Америки Христофора Колумба, который представлял себя «провозвестником миллениума, с отголосками апокалипсических ноток Иоахима Флорского, которого Колумб цитировал в своей “Книге пророчеств”, написанной как раз перед последним плаванием в Америку»⁸. Еще более примечательна в этом отношении описанная историком Дж. Х. Элиотом позиция первых миссионеров-францисканцев, прибывших на Американский континент: «Эти первые миссионеры в материковой Америке считали себя божественными посланниками в провиденциально развертывающейся истории, в которой обращение всего человечества в христианскую веру станет прелюдией к концу света. Эта проекция хилястических надежд ренессансной Европы на Америку означала, что империя Монтесумы была уничтожена и основана Новая Испания в атмосфере ожиданий, которая во многом повлияла на будущее развитие Мексики. Уникальная цепь событий, которая привела к сдаче Монтесумы и крушению ацтекской цивилизации перед лицом горстки солдат Кортеса, требовала объяснений как от завоевателей, так и от завоеванных»⁹. В глазах западных мыслителей этим объяснением стало объективное превосходство населения Запада в сравнении с населением иных частей света. Эти представления базировались на том самом восприятии себя как носителей «разума» в его высшем воплощении, который находил свое выражение в западной культуре. В свою очередь, культура становилась ядром цивилизации, единственным обладателем которой и выступает человек Запада.

Соответственно, сопоставление европейскими мыслителями западных и иных народов всегда оказывалось не в пользу народов неевропейских. Приняв в качестве презумпции культурное превосходство, европейцы, воспринимая иные народы как находящиеся ниже на цивилизационной лестнице (следовательно – варварские и дикие), брали на себя ответственность по их окультуриванию. При этом себя они воспринимали субъектом, реализующим универсальный закон истории – закон прогрессивного движения человечества к финальной стадии своего раз-

⁷ Обо всем этом автор в целом рассказывает во второй и третьей главах книги – «Свобода и суверенитет» и «Иерархия среди равных».

⁸ Нисбет 2007. С. 171.

⁹ Цит. по: Нисбет 2007. С. 171.

вития. Это самоощущение европейских народов точно подметил американский социолог Р. Нисбет, так описав умонастроение научной, философской и политической элиты Англии XVII столетия: «И так же, как умы в Англии (и в Новой Англии) XVII века, опьяненные религией, были опьянены и верой в искусства и науки, они оказывались еще более охвачены уверенностью в прогрессе как универсальном законе человеческой истории — таком законе, который неизбежно должен привести к золотому веку на Земле в обозримом будущем»¹⁰. При этом, что любопытно, как указывает Петри, будучи созданной и осмысленной многими авторами, иерархия цивилизованных и нецивилизованных народов применялась не только в рамках взаимоотношений европейских и неевропейских народов, но и внутри самих западных народов. Так, отмечает автор, англичане считали себя более цивилизованными по сравнению с французами, французы полагали себя более цивилизованными в сравнении с немцами, немцы же были уверены в своей цивилизованности не только по отношению к расположенным ближе к востоку полякам и чехам, но и по сравнению с французами, утверждая «превосходство своей Kultur над французской civilization»¹¹.

В итоге совсем неудивительно, что такое явление, как расизм также появилось непосредственно в рамках западной цивилизации. В его основе, что важно, тоже лежит религиозный фактор. Первый случай дискриминации по расовому признаку в современной истории человечества Петри усматривает в изгнании порядка 200 тыс. евреев из Испании. Одновременно с этим нескольким тысячам евреев было все же дозволено остаться в пределах испанского королевства, но они постоянно находились под подозрением, поскольку их «sangre» (кровь), по мнению католических священников, заставляла евреев подрывать основы Святой Веры. Иными словами, даже обращение в христианство в данном случае не играло существенной роли. Для католической инквизиции евреи оставались евреями, несмотря на принятое ими крещение.

При столкновении с представителями других рас европейские мыслители формировали апологию рабства на тех же основах, что и испанские инквизиторы – свое отношение к крещеным евреям. К примеру, Петри приводит слова Вольтера, оправдывающего рабство тем, что рабов европейцы якобы покупают у самих чернокожих. А поскольку только люди, стоящие на низших ступенях развития, могут торговать своими детьми, сам факт работорговли, уверял своих читателей Вольтер, есть признак превосходства европейцев над неграми. Современник Вольтера, шотландский мыслитель Д. Юм, выводил превосходство европейцев над другими народами, в частности опять же чернокожими, из

¹⁰ Нисбет 2007. С. 212.

¹¹ Petri 2018. P. 106).

отсутствия у последних мануфактур, искусств и наук. Наконец, как пишет Петри, даже отец европейского космополитизма И. Кант отметил не только рассуждениями на тему «почему негры воняют», но и назвал их «ленивыми, изнеженными и склонными заниматься пустяками»¹².

Поэтому не приходится удивляться появлению таких явлений, как колониализм и империализм, которым Петри посвятил четвертую главу книги под названием «Тяга к добру». Так, с точки зрения автора, в основе колониализма лежало провозглашенное Локком требование о принадлежности земли тому, кто ее обрабатывает и, как следствие, получает с нее больше прибыли. В итоге туземные народы, обладающие менее развитыми технологиями обработки земли и добычи полезных ископаемых, не рассматривались европейцами собственниками тех территорий, на которых они проживали. Более того, их земли европейскими колонистами считались «пустыми» и готовыми к «заселению». В конце концов, это привело к практически полному вымиранию индейцев Америки и многомиллионным жертвам среди населения Азии и Африки.

Империализм же находил свое оправдание «в вере [каждой западной нации] в наличии у нее универсальной миссии, которая трансцендентна самому факту существования этой нации и находит свое воплощение в философии истории»¹³. Миссия эта заключалась в необходимости приобщить незападные народы к цивилизации, принести им спасение от их дикости, избавить «туземцев» от омерзительных обычаев и традиций и, наконец, способствовать их прогрессу. Что говорить о капитанах империализма типа английского магната Джона Роддса или бельгийского монарха Леопольда I, когда даже такой ненавистник капитализма, как Карл Маркс в статье «Британское владычество в Индии» оправдывает британский империализм, а в его лице и империализм вообще, который разрушает традиционные для азиатских обществ социальные отношения. В соответствии с его рассуждениями, империализм выступает «бессознательным орудием истории», которое произвело «коренную революцию в социальных условиях Азии»¹⁴. Без подобной революции, продолжает Маркс в другой статье, Англия (читай: Европа) не смогла бы исполнить свою вторую всемирно-историческую задачу «заложить материальную основу западного общества в Азии»¹⁵, а тем самым вовлечь азиатские народы в мировой рынок, сделав их частью современных производительных сил. Нынешняя глобализация демонстрирует, что указанной цели достичь удалось. Однако плата за нее оказалась непомерно высока, чему посвящена пятая глава книги – «Экология

¹² Petri 2018. P. 114-115.

¹³ Petri 2018. P. 169.

¹⁴ Маркс 1980 (а). С. 522-523.

¹⁵ Маркс 1980 (b). С. 525.

и апокалипсис». Если суммировать рассуждения Петри в этой главе, то ценой, которую западным обществам пришлось заплатить за тотальную гегемонию в течение предшествующих столетий, стал, с одной стороны, всеобъемлющий кризис, выразившийся в нарастающих экологических проблемах, возрастающем чувстве отчуждения и связанном с ним нигилистическим отношении к действительности, а с другой стороны, в формировании апокалиптического мышления, базирующегося на черно-белом видении мира, которое все более завладевает массами.

Видя опасность этой связки апокалиптического мышления с нигилистическим отношением к действительности, Петри указывает на то, что мир в итоге разделится «на силы добра, которые исполняют свой долг, и силы зла, которые им противостоят». Как следствие, сегодня мы можем наблюдать «готовность к разрушению и насилию во имя добра. В эпоху атомного оружия стремление достичь спасения от зла может привести к крайне парадоксальным последствиям, а именно к естественному вымиранию нашего вида»¹⁶. Именно в этом Петри видит главный выбор современности – сможет ли человечество, проникнутое западными идеями миллениаризма, выбрать тот путь, который позволит избежать вымирания, сохранив при этом не только веру в трансцендентное, но и способность наслаждаться солнечным светом. Позитивный исход в данном случае возможен только через отказ западной цивилизации от телеологии, лежащей в самых ее основах. Именно пожеланием, чтобы это, наконец, произошло, заканчивает свою книгу Петри: «Ради нас самих и других людей, чье желание заключается в проживании жизни со своими радостями и огорчениями, самостоятельной борьбе с несправедливостью и неопределенностью, будет намного лучше отказаться от нашей обманчивой философии истории»¹⁷.

Такова «Краткая история западной идеологии» в изложении итальянского социолога и философа Рольфа Петри. Как было отмечено, его книга может рассматриваться как новаторская. Она выбивается из числа многих работ, посвященных становлению западной цивилизации. С одной стороны, она не носит ярко выраженного исторического характера. В ней практически отсутствуют отсылки к историческим событиям. Исключения появляются лишь в конце книги, когда автор пытается интерпретировать современные идейные течения. Здесь он вынужден обращаться к историческим фактам. С другой стороны, в книге представлен спектр западных социально-философских идей в их эволюции. Допустим, Петри иллюстрирует, как идея Гоббса и Локка о естественном состоянии трансформировалась в расистский дискурс. А это само по себе заслуживает внимания. Кроме того, книга не носит ярко выраженный

¹⁶ Petri 2018. P. 193.

¹⁷ Petri 2018. P. 202.

апологетический характер. Наоборот, автором достаточно последовательно выдерживается планка, заданная подзаголовком исследования «Critical account» («Критический подход»). В книге нет героев – в ней есть позиции, с которыми можно соглашаться, но которые нужно критиковать. Наконец, к достоинствам текста относится обширная библиография. Она занимает двадцать две страницы, что при общем объеме текста в двести страниц представляет собой около одной восьмой всего объема. Литература, без сомнения, окажется полезной исследователям, которые захотят пойти по стопам Петри.

В книге есть и очевидные недостатки. Во-первых, это касается уж слишком обильного цитирования. Оно настолько обширное, что порой цитаты просто переходят друг в друга. В итоге собственная мысль автора, его позиция, не всегда оказывается проясненной. Во-вторых, невнимание автора к четким определениям понятий, используемым в книге, что в сочетании с первым недостатком в значительной мере понижает эвристическую ценность работы. Наиболее яркий пример – понятие «идеологии». Несмотря на то, что этому понятию посвящен целый раздел во введении, читатель из-за обилия цитат едва ли сможет для себя вывести, что же такое идеология в понимании автора. Так обстоят дела практически со всеми понятиями. В-третьих, к проблемам следует отнести и недостаточное внимание Петри к каноническим текстам, ссылки на которые обязательно должны присутствовать в работе, посвященной такой теме. Но они отсутствуют. Например, касаясь темы прогресса, нельзя обойти стороной упоминаемую нами книгу Нисбета «Прогресс. История идеи», а, рассуждая об империализме, невозможно из известных работ остановиться лишь на книге Гобсона «Империализм», обойдя стороной книги Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма» и Каутского «Ультраимпериализм». Наконец, обсуждая вопрос о происхождении европейского национализма, неправильно использовать только концепцию Бенедикта Андерсона о воображаемых сообществах, оставив без внимания, скажем, исследование Лии Гринфельд «Национализм: пять путей к современности», которая куда лучше подходит для иллюстрации концепции самого Петри.

Вместе с тем, несмотря на указанные недостатки, книга Рольфа Петри может быть прочитана хотя бы с той целью, чтобы, говоря словами самого автора, наша уверенность в том, что мы лучше других знаем, как противостоять злу, не обернулась чем-нибудь похуже самого этого зла. К сожалению, история западной цивилизации демонстрирует возможность подобного развития событий.

БИБЛИОГРАФИЯ

Petri R. A Short History of Western Ideology. A critical account. Bloomsbury Academic, 2018. Голдстоун Дж. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500-1850. М., 2014.

- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 2003.
 Закария Ф. Постамериканский мир будущего. М., 2003.
 Маркс К. Британское владычество в Индии // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в 3-х тт. М., 1980 (а). Т. 1.
 Маркс К. Будущие результаты Британского владычества в Индии // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в 3-х тт. М., 1980 (b). Т. 1.
 Нисбет Р. Прогресс. История идеи. М., 2007.
 Номос и фюсис // Философский энциклопедический словарь М., 1983.
 Суини М. Лекции по средневековой философии. Вып. 2. Средневековая политическая философия Запада. М., 2006.
 Фергюссон Н. Империя: чем современный мир обязан Британии. М., 2013.
 Фергюссон Н. Цивилизация. Чем Запад отличается от остального мира. М., 2017.

REFERENCES

- Danilevskii N.Ya. Rossiya I Evropa. M., 2003.
 Fergusson N. Imperiya: chem sovremennyy mir obyazan Evrope. M., 2013].
 Fergusson N. Tsivilizatsiya. Chem Zapad otlichaetsya ot ostal'nogo mira. M., 2017.
 Goldstoun Dzh. Pochemu Evropa? Vozvyshenir Zapada v mirovoi istorii. M., 2014.
 Marks K. Britanskoe vladychestvo v Indii // Marks K., Engel's F. Izbrannye proizvedeniya v 3-h tt. M., 1980 (a). T. 1.
 Marks K. Budushie rezul'taty Britanskogo vladychestva v Indii // Marks K., Engel's F. Izbrannye proizvedeniya v 3-h tt. M., 1980 (b). T. 1.
 Nisbet R. Progress. Istoriya idei. M., 2007.
 Nomos I fusis // Filsofskii enziklopedicheskii slovar'. M., 1983.
 Petri R. A Short History of Western Ideology. A critical account. Bloomsbury: Academic, 2018. 252 p.
 Suini M. Lekzii po srednevekovoi filosofii. Vyp. 2. Srednevekovaya politicheskaya filosofiya Zapada. M., 2006.
 Zakariya F. Postamerikanskii mir budushego. M., 2003.

Павлов Александр Владимирович, кандидат юридических наук, доцент Школы философии, НИУ «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, сектор социальной философии, Институт философии РАН: apavlov@hse.ru

A very brief history of Western “ideology”. A Book review: Petri R. A Short History of Western Ideology. A critical account. London etc.: Bloomsbury, 2018

The article is a review of the monograph by a Western intellectual historian Rolf Petri, made in the genre of “reflections on the book”. The author not only retells Petri’s key theses on the history of “Western ideology”, but also tries to conceptualize some ideas that have not been clarified because of the abundant quotations of primary sources.

Keywords: social philosophy, history of philosophy, ideology, Europe, the West, religion, progress, imperialism, racism

Alexandr Pavlov, PhD (Law), associate professor, School of Philosophy, National Research University Higher School of Economics (HSE); leading research fellow, RAS Institute of Philosophy; apavlov@hse.ru

А. Б. СОКОЛОВ

В СРЕДНИЕ ВЕКА СЕКСА НЕ БЫЛО?

Автор анализирует книгу О.И. Тогоевой «Дела плоти. Интимная жизнь людей средневековья в пространстве судебной полемики», основанную на изучении судебных документов, преимущественно французских, относящихся к XIV–XV вв. Изучение данных источников позволило раскрыть черты интимной жизни людей того времени и их представления о сексуальности.

Ключевые слова: *средние века, интимная жизнь, судебная полемика*

В эпоху перестройки была произнесена сакраментальная фраза: «В СССР секса нет». На самом деле секс, конечно, был, куда же без него, но он как бы отсутствовал в публичном пространстве. Поэтому гражданка, произнесшая эти слова, была по-своему права. Обыденное представление о средневековье тоже дает право сказать: «В средние века секса не было». Однако, если следовать концепции Мишеля Фуко, изложенной в его «Истории сексуальности» (т. 1), в эпоху позднего средневековья и раннего нового времени секса было больше, чем в современную (классическую по определению Фуко) эпоху, начавшуюся в XVIII в. после появления дисциплинарных технологий. В то же время один из пионеров изучения истории сексуальности Лоуренс Стоун в рамках концепции прогресса утверждал, что с XVIII в. контроль над сферой сексуальной культуры последовательно ослабевал, если вести речь о считавшейся нормой модели парных гетеросексуальных отношений.

Итак, какие представления об интимной жизни господствовали в позднем средневековье, каков был уровень дозволенности, достижимый в этом отношении? Ответ на этот вопрос, по крайней мере, отчасти, дает книга Ольги Игоревны Тогоевой «Дела плоти. Интимная жизнь людей Средневековья в пространстве судебной полемики». Нельзя сказать, что на обсуждение вопросов сексуальности в современном российском обществе наложено табу, эта тема в разных аспектах затрагивается средствами массовой информации. Что касается научной историографии, то обращение к ней – весьма редкий феномен. В зарубежной историографии история сексуальности как часть новой культурной истории за последние десятилетия превратилась в одно из самых разрабатываемых направлений. Российская историография, в целом, унаследовала от советского времени целомудренность и невинность. Исключений здесь немного: И.С. Кон и культурно-историческая школа А.Я. Гуревича и Ю.Л. Бессмертного, заложившая основу изучения частной жизни. Тем не менее, как представляется, большинство последователей этой школы развернули перспективу исследований преимущественно в сторону ген-

дерной истории. Поэтому изучение интимной жизни, что связано с вопросом о сексуальности, в историческом ракурсе, в определенную историческую эпоху требовало некоторой доли смелости.

Впрочем, хотелось бы оговориться: несмотря на слово «плоть» в заголовке, рецензируемая книга имеет косвенное отношение к истории сексуальности, и об этой стороне жизни людей средневековья мы узнаем из нее немного. Я бы сказал, что книга больше о том, что «вокруг» сексуальности, а не о том, какие предпочтения в этой сфере существовали, какие чувства испытывали люди, какого рода предписаниям подчинялись. Это и понятно. О.И. Тогоева оговаривается в самом начале: источники, которые имеются в ее распоряжении, дают об этом весьма ограниченную информацию.

В принципе для изучения сексуальности могут использоваться три вида источников. Первым являются документы личного происхождения, дневниковые и мемуарные записи. Проблема в том, что мало кто отважится откровенно рассказывать о своей частной жизни с такой степенью откровенности, как Сэмюэль Пипс в XVII в. Такие документы скорее исключение, и даже труд Абельяра дает только отдельные штрихи. Второй вид – медицинские тексты. Как заметила О.И. Тогоева, в Средние века (а не только в XIX и XX вв., как утверждал Фуко) в обсуждении сексуальности господствовал медицинский дискурс. Проблема с медицинскими и религиозно-нравоучительными текстами состоит в том, что они носят «предписывающий» характер, однако совершенно не очевидно, что рекомендуемый ими стиль сексуального поведения являлся нормой. Такого рода документы Тогоева почти не затрагивает, хотя отмечает, что именно доктора и церковники выступали в качестве главных экспертов по делам, связанным с преступлениями на сексуальной почве. Наконец, третий вид, судебные документы – это главный источник, использованный автором, что вытекает из названия книги, в котором ключевым является словосочетание «судебная полемика». Можно утверждать, что и для Нового времени документы судебных процессов занимают главное место в изучении сексуальности в современной историографии. В работе с этим источником есть ограничения. В частности, в них «описание вожделения и способа, которым оно было удовлетворено, дается стандартным и формализованным языком, и редко приводятся слова, которые вовлеченные в процесс лица используют в повседневной жизни»¹.

Нет сомнения, что автор понимает и учитывает данную специфику. О.И. Тогоева неоднократно подчеркивает, что материалы судебных процессов отрывочны и не позволяют воспроизвести широкую картину

¹ Sexual Cultures in Europe. P. 6.

интимной жизни людей средневековья, более того, они не дают полного представления о каждой из тех конкретных историй, которые излагают. В таком случае любой исследователь неминуемо встает перед необходимостью выдвинуть собственные предположения о мотивах действий вовлеченных лиц. Представляется, что автор книги соблюдает в этом отношении такт и научную добросовестность. С одной стороны, она выдвигает гипотезы и обосновывает их, с другой, не дает свободы фантазии, оставаясь в пространстве научного исследования. По моему мнению, работа, проведенная с судебными документами, преимущественно французскими, XIV–XV вв., извлеченными из архивов и старых публикаций, достойна самой высокой оценки. Тщательное изучение архивов тюрьмы Шатле и сборника, подготовленного секретарем суда Кошмале, выполнено в духе позитивистской традиции в лучшем смысле этого понятия. Отметим стиль, избранный автором: она предпочитает давать цитируемый отрывок из документа не в переводе непосредственно в тексте, а в подстрочнике на языке оригинала. Это дает дополнительные возможности специалистам и в то же время нисколько не затрудняет чтения авторского текста, написанного легким и доступным языком. В то же время методологически О.И. Тогоева ближе к субъективизму, что я готов всячески приветствовать. Предлагая свои интерпретации, она оставляет читателю пространство для диалога, побуждая к дискуссии. Например, заслуживает серьезного внимания важный вывод о том, что брак мужчины и женщины обосновывал символически союз правителя и страны (с. 89, 91, 95). Мне представляется, что приведенных доказательств в пользу этого утверждения недостаточно. Тогоева пишет об этой символике в связи с анализом традиции «прогулки на осле», подчеркивая комическую составляющую этого действия.

Вторая, кроме тщательного анализа новых документов, сильная сторона книги в том, что она развивает и продвигает микроисторию как направление в современной российской историографии. Указав на роль Ю.Л. Бессмертного, положившего начало изучению «человека частного», истории обществ через казус, О.И. Тогоева справедливо подчеркнула: такой подход не только уточняет общий, уже известный нам исторический контекст, но и делает его живым и по-настоящему интересным для читателя (с. 304). С этим трудно не согласиться: видимо, в человеческом характере подглядывать в замочную скважину, даже если те, кого мы через нее видим, жили очень давно. Первая ассоциация, возникающая при прочтении книги Тогоевой – «Монтайю», знаменитый труд Э. Леруа Ладюри, ибо он тоже основан на судебно-следственных документах инквизиции, да и хронологически не слишком отдален от «Дел плоти» – примерно на сто лет. Однако быстро возникает понимание, что в данном случае исследовательская стратегия иная. Леруа Ладюри шел от общего к частному: выделив проблему, он анализиро-

вал ее на основе показаний и свидетельств о поведении отдельных лиц, в нашем случае анализ идет частного к общему: от отдельных жизненных ситуаций к расширению представлений о временном контексте. Третьей важной положительной чертой рецензируемой работы является использование визуальных источников. В книге представлен ряд иллюстраций, которые связаны с авторским текстом и дают дополнительную аргументацию авторским интерпретациям.

Во введении О.И. Тогоева разъяснила задачи и специфику своей работы, указав, в частности, на особенности работы с судебными документами, о чем говорилось выше. По ее словам, их нельзя назвать «констатацией фактов», «чаще всего мы имеем дело с сознательным или неосознанным искажением действительности со стороны судей и их секретарей, так и истцов и ответчиков» (с. 10). Книга состоит из трех частей, разделенных на двенадцать глав. Первая часть носит вводный характер. Интересна первая глава, в которой ставится вопрос о правилах говорения о сексе. Этот вопрос глубоко исследован на основе анализа «Романа о Розе» и дискуссии вокруг него. Тогоева утверждает, что в основе дискурса о сексуальности в средние века лежало учение Августина Блаженного. Во второй главе рассмотрена практика наказаний за преступления в сфере сексуальности, в т.ч. за изнасилования и адюльтер. Членовредительство, в частности, кастрация часто являлись наказанием за преступления такого рода. Особый интерес вызывает описание наказания «бегом», широко распространенного как в Южной, так и Северной Франции. Ему подвергались застигнутые любовники. В третьей и четвертой главах описываются еще два любопытных феномена средневековья: «прогулка на осле» и «свадьба под виселицей». Проявления этих традиций имели место и в более позднее времена.

Во второй части «Казусы без конца... и без начала...» собрано пять историй, которые объединяет то, что они основаны на документах, предоставляющих довольно ограниченные сведения, которые, к тому же, не всегда содержат информацию об итогах рассмотрения дела. Четыре истории произошли во Франции, одна в Англии. История Раймона Дюрана, прокурора парламента, основана на обвинениях двух молодых людей, его слуг, в сексуальных домогательствах. Это уникальное дело в судебной практике французского королевства позднего средневековья, поскольку содержит единственное зафиксированное свидетельство о мужеложстве как уголовном преступлении. История некоего Джона Райкнера известна благодаря опубликованным документам. Ее герой – мужчина, живший в Лондоне XIV в. и предлагавший сексуальные услуги, переодевшись женщиной. Этот материал позволил автору исследовать отношение к трансвестизму. История, изложенная в седьмой главе, касается проституции, изнасилований и рождения ребенка вне брака. Рассказ о Масет де Рюий позволил рассмотреть тему в контексте дис-

курса о ведовстве. В нем привлекло внимание указание на то, что признания, полученные под пыткой, не всегда казались судьям достоверными. Изложенная в девятой главе история уникальна тем, что обманутый муж не прибегнул к личной расправе, а подал в суд, имея намерение получить состояние обвиненной им в убийстве и адюльтере жены: «Имущественные вопросы часто волновали оскорбленных мужей не меньше, а даже больше, чем собственно факт измены» (с. 211).

В третьей части книги изложены три истории, собранные вместе потому, что в отличие от предыдущих эпизодов они довольно обстоятельно изложены в источниках, причем разных по характеру. Гарантирует ли это обстоятельство получение точной интерпретации события? По мнению Тогоевой, не гарантирует; за исследователем остается право аргументировать версию, представляющуюся наиболее вероятной. Это очень занимательные рассказы, открывающие интересные странички истории Франции, и в сфере не только частной жизни, например, история Гийома де Флави, связанная в исторической памяти с судьбой Жанны д'Арк. Не менее интересно повествование о Марте Бросье, одержимой дьяволом, появление которой в Париже угрожало политике веротерпимости, проводимой Генрихом IV. История Маргариты Ле Петур, которая в течение нескольких лет то ли служила, то ли не служила палачом, позволила говорить об этой профессии и гендерном статусе женщины. Читатель, историк или любитель, не пожалует о потраченном на эти истории времени, но в них, в отличие от тех, что изложены в двух первых частях, об интимной жизни, если понимать под ней то, что относится к сфере сексуальности, почти не говорится. Чтобы точнее сформулировать мысль, напомним о классическом труде Н. Дэвис «Возвращение Мартина Герра». В нем весь сюжет завязан на браке, но язык не повернется сказать, что эта книга об интимной жизни.

Несколько комментариев, субъективных и частных по характеру. Логика и структура книги понятны и не вызывают никаких возражений. А вот в названиях я не уверен; мне кажется, что заголовки во второй и третьей частях слишком «пестрят» именами. Некоторую «игривость» придает использование известных наименований художественных произведений и фильмов («История о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «История Аси Клячиной, которая любила, да не вышла замуж»). Впрочем, может, это неплохо для работы, рассчитанной на широкого читателя. Чтобы сохранить «игру слов», присутствующую в русском заголовке работы, я бы перевел его на английский как “Cases of Flesh”. Есть в работе несколько единичных суждений о средневековье, которые мне представляются скорее стереотипами, чем отражением реальных черт. Например, на с. 96 утверждается: «Одной из основных общественных ценностей той эпохи являлась личная честь». Во-первых, *что* под этим понимать, во-вторых, как я полагаю, ее носи-

телями были, как и в любое другое время, лишь отдельные индивиды. Сама рецензируемая книга лучше всего доказывает это. Другим примером может служить утверждение, заключенное в названии одной из глав «Честь женщины – достоинство мужчины». Действительно ли это было принципом средневекового общества?

Наконец, по моему мнению, книга могла выиграть, включи в нее автор хотя бы краткий обзор литературы по истории сексуальности в контексте теоретических дискуссий. Эти отдельные, возможно, небесспорные замечания несколько не снижают высокой оценки рецензируемой книги, отличающейся прекрасным стилем. Автор справилась с задачей написать книгу по теме, за которую в нашей историографии никто не брался, причем так, что она сочетает достоинства научного исследования и форму, которая привлечет широкого читателя, интересующегося историей средневековья.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Тогоева О.И. Дела плоти. Интимная жизнь людей Средневековья в пространстве судебной полемики. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 352 с. [Togoeva O.I. Dela Ploti. Intimnaya zhizn' ludey Srednevkovya v prostranstve sudebnoy polemiki. M.; SPb.:Tzentr gumanitarnih initsiativ, 2018. 352 s.]

Sexual Cultures in Europe / Ed. by F. Eder, L.A. Hall, G. Hekma. Manchester: University Press, 1999.

Соколов Андрей Борисович, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета ФГБОУ «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского»; sokolov_1457@mail.ru

Was there sex in the Middle Ages?

The book “The works of flesh. Intimate life and judicial polemics in the Middle Ages” written by O.I. Togoeva is analysed. The monograph is based on the documents of the judicial courts of the late medieval and early modern period, predominantly French and related to the 14th – 15th centuries. Her study of these sources made it possible to disclose the features of intimate life and people’s views on sexuality at that time.

Keywords: the Middle Ages, intimate life, judicial polemics

Andrei Sokolov, Dr. Sc. (History), Professor, Dean of the Faculty of History, Yaroslavl Ushinskiy State Pedagogical University; sokolov_1457@mail.ru

Л. И. ИВОНИНА

«ПОНЯТЬ ЧЕЛОВЕКА – САМАЯ ЗАМАНЧИВАЯ И, УВЫ, НЕРАЗРЕШИМАЯ ЗАДАЧА»

Статья представляет собой рецензию на книгу известного российского историка Андрея Соколова «Кларендон и его время. Странная история Эдварда Хайда, канцлера и изгнанника». В ней показаны как достоинства работы, так и ее недостатки, а также отражены дискуссионные моменты.

Ключевые слова: биография, Кларендон, интеллектуальное наследие, политика, гражданская война

В знаменитом произведении А. Конан Дойла «Собака Баскервилей» в зачитанной доктором Мортимером легенде этого рода есть такая фраза: «Итак, знайте, что во время великого восстания (на историю которого, написанную ученым лордом Кларендоном, я должен серьезно обратить ваше внимание), поместье Баскервиля находилось во владении Гюго Баскервиля, самого необузданного, нечестивого безбожника...»¹. Апелляция известного писателя к Кларендону для изучения и понимания английских событий середины XVII века свидетельствует о том, насколько распространенным было высокое мнение о герое новой книги доктора исторических наук, профессора А.Б. Соколова².

Исследование биографии и интеллектуального наследия Эдварда Хайда, графа Кларендона, британского государственного деятеля, крупного историка и мыслителя, представляет несомненный интерес для понимания, прежде всего, истоков и путей формирования новой картины мира, складывавшейся в британский «век революций». В одной из своих статей А.Б. Соколов привел слова американского историка М. Браунли о том, что «английская история могла пойти совершенно другим путем, если бы с середины 1650-х гг., а особенно в 1660 г. главным советником Карла II был другой человек. Как ведущий переговорщик со стороны роялистов он обеспечил то, что Англия осталась монархией. В то же время его условия признавали права и участие парламента в управлении. Кроме того, он восстановил первенство закона, серьезно подорванное во время событий 1640–1660 гг. После Реставрации его настойчивость в том, чтобы, в целом, амнистировать за действия, совершенные в прошлом, заложила твердую основу долгого процесса выздоровления и объединения нации»³. Уже только это высказывание заставляет обра-

¹ Конан Дойл 2015. С. 25.

² Соколов 2017.

³ Соколов 2013. С. 42.

тить внимание на человека, который был несправедливо отеснен на задний план на сцене английской истории XVII века. Поэтому Соколов задается вопросом: кем же был Кларендон, «жирным стряпчим», как его называли противники, или, по определению английского писателя XVIII века Хораса Уолпола, «канцлером с человеческой душой»?

В книге решаются три главных задачи: понять мотивы, двигавшие поступками Кларендона; дать читателю представление о его эпохе; охарактеризовать историческое, литературное и морально-этическое наследие Кларендона (с. 13-15). Следует сразу же подчеркнуть, что Соколов затрагивает множество сложных проблем британской истории. При этом ему удалось создать цельное произведение, где анализ основных тенденций развития английского общества и государства органично сочетается с описанием колоритных фигур монархов, министров, придворных, интеллектуальной элиты, в т.ч. друзей и противников Кларендона. В целом, история подана глазами Эдварда Хайда и глазами автора книги так, что при ее прочтении возникает ощущение, что ее героев много – не только Кларендон, его эпоха и окружение, но и его исследователи, в т.ч. сам автор. Все звенья этой «героической» цепи переплетаются в довольно стройную нить повествования и фундированного анализа, основанного на солидном массиве источников и историографии.

К описанию жизненной истории Эдварда Хайда Соколов применяет прилагательное «странная» в значении «удивительная», «необычная» (с. 8). Несомненно, она таковой и являлась, но, вместе с тем, отмечу, что «странными» можно назвать истории многих выдающихся личностей бурной и противоречивой эпохи Барокко, богатой на события, отражавшиеся на судьбах людей. Само содержание книги доказывает это.

Названия всех глав, за исключением шестой («Канцлер с человеческим сердцем») – цитаты из Кларендона. Пролог и глава 1 «Высшая степень благополучия, когда-либо существовавшая» знакомят читателя с краткой характеристикой правления Якова I Стюарта, «мирным» правлением его сына Карла I и формированием личности Эдварда Хайда. В принципе, Соколов согласен с историками ревизионистского направления в том, что не существовало преемственности между политикой этих двух королей, и нельзя рассматривать парламенты Якова как прелюдию к гражданской войне (с. 32-33). Эту позицию можно принять лишь отчасти. «Консенсус» якобеанской Англии имел место, однако он состоял не столько во взаимном согласовании проблем, сколько в предотвращении разрушительного столкновения противоположных мнений⁴. Методы политики Якова и Карла существенно различались, но при этом и тот, и другой разными способами отстаивали одну и ту же форму власти, которой в новых условиях британской жизни они не желали делить-

⁴ Houlbrooke 2006. P. 171.

ся с Парламентом. Кроме того, крах системы внешнеполитического равновесия, которую лелеял Яков I, не мог не отразиться на правлении его наследника. Когда на сцене этого театра-мира появляется Эдвард Хайд, он предстает не статичной, а очень живой фигурой с четко выписанным собственным характером и особенностями его окружения, начинавшегося с семьи и друзей. С этого времени история Британии в книге становится историей Кларендона – не обладавшего крепким здоровьем стоика-интеллектуала, всегда имевшего свою позицию и отстаивавшего ее.

Главы третья, четвертая и пятая повествуют об истории Великого мятежа, или Английской революции середины XVII в. Позиция автора вполне беспристрастная, он симпатизирует своему герою, но и не скрывает его недостатки. Кларендон у Соколова – рационально и объективно мыслящий человек. Автор оправданно не согласен с тем, что «вопросы религии были для него вторичны: сама интерпретация гражданской войны строится на восприятии им протестантства и католичества» (с. 12). В отличие от клише советской историографии, близкий к королю Эдвард Хайд у Соколова не консервативен, связывая «происхождение конфликта, приведшего к гражданской войне, с взаимным непониманием, порожденным отсутствием гармонии в отношениях короны и парламента во второй половине 1620-х гг.» (с. 41). Согласно Кларендону, Карл I, созывая Короткий и Долгий парламенты, и ведя шотландскую войну, совершал одни ошибки (с. 97-99). В книге предстает неоднозначная и спорная характеристика графа Страффорда, представляющего в глазах автора похожим на античного стоика, а в глазах Кларендона – человеком, который «по природе отступничества... стал главным поборником тирании, каких только видели времена» (с. 101-102).

Соколов сделал немало интересных наблюдений. Так, он заметил: «С долей преувеличения, ссылаясь на опыт Английской и Французской революций, можно сказать: их виновниками были адвокаты, юридической казуистикой разжигавшие костер существовавших противоречий». Автор приводит доказывающие это положение цифры: в палате общин в 1614 г. заседали 48 юристов и 42 купца, а в 1640 г. – 75 адвокатов и 70 коммерсантов. По сути, юристы являлись второй группой в палате по численности после джентри (с. 54). Примечательно, что описание политических потрясений середины XVII века подается из лагеря роялистов, при этом оценки их лидеров весьма взвешенные. В целом, гражданская война 1642–1648 гг. была «противоестественной» не только для Кларендона, но и для многих современников (с. 140).

Главу пятую «Отдать сердце целиком выздоровлению Англии», пожалуй, можно назвать самой удачной в книге. Здесь Кларендон предстает не только как историк, но и как способный политик, умеющий анализировать обстоятельства и заставить их служить роялистскому

делу. Соколов отмечает, что Хайд стойко переносил изгнание, проявлял интерес к жизни, в частности, интересовался жизнью университета Алькалы в Испании (с. 283). Главный герой книги не рассматривал иностранную интервенцию в качестве инструмента восстановления Карла II Стюарта на престоле, а полагал, что следовало дожидаться благоприятных обстоятельств. Первейшей задачей он считал сбор информации об Англии. Как показало время, эта тактика себя оправдала. Параллельно Хайд готовил роялистское восстание (С. 299-302). Любопытными были его оценки политических деятелей Протектората. Самой взвешенной из них следует назвать оценку Кромвеля, которого он, несмотря на критику, рассматривал как достойного противника и не считал тираном. В его сыне Ричарде он видел ничтожество, а к генералу Монку относился неоднозначно, считая его главным стимулом в политике любовь к деньгам (с. 307-314). При этом Хайд не акцентировал внимание на собственной роли в Реставрации, поскольку усматривал в ней не столько следствие усилий и действий роялистов, сколько результат разложения режима, расплату за грехи Протектората (с. 324).

Глава шестая посвящена деятельности Кларендона на посту канцлера. Соколов, как и ряд исследователей, придерживается мнения, что Хайд стал правой рукой Карла как в силу взвешенности своего характера, так и в силу того, что его тактика в изгнании себя оправдала (с. 334). Но оправдала ли она себя в дальнейшем? Автор книги не случайно подробно описал жестокие репрессии, поскольку все нити судебных процессов были в руках Кларендона (с. 345). Однако, подобно самому Хайду и историкам, он не дал однозначного ответа, ответственен ли лорд-канцлер за них. В любом случае, объяснять изощренные казни требованием роялистов и желанием «хлеба и зрелищ» со стороны толпы явно недостаточно. Возможно, близка к ответу Р. Уэджвуд в приведенной Соколовым цитате о том, что «господствовавшее настроение в защиту монархии сделало этих людей (царевубийц) козлами отпущения за преступления нации» (с. 346). В 1649 г. таковым являлся король, обвиненный в развязывании гражданского противостояния. Причинами уменьшения влияния Кларендона автор справедливо называет его неважные отношения с товарищами по изгнанию и Парламентом, а также его религиозную политику. Похоже, почва, на которой Хайд желал посеять свои идеи, для последних не подходила. Большую лепту в недоверие к канцлеру внесла и вторая Англо-голландская война, дискуссии вокруг которой хорошо отражены в книге (с. 381-386).

В небольшой седьмой главе повествуется о последовавшем за отставкой новом изгнании Хайда, в котором он прожил драматичные, но бедные на события, семь лет. Его одолевали телесные и душевные муки, он был вынужден постоянно перемещаться по Франции, но много

писал. Терпение и вера в Бога помогали ему (с. 421). «Приноравливаясь разумом к судьбе», он держался, по словам апологетически относившегося к нему Р. Олларда, как Стоик, Христианин и Эпикуреец, не желая тяготить родных, к которым он относился с большой теплотой (с. 433). Время, отведенное ему до кончины, сделало свое дело – он мог переценить события своей «странной» жизни.

Завершает книгу Эпилюс. В нем немало места отведено потомкам Кларендона, но, разумеется, главным его наследием, принадлежащим образованной части человечества, автор называет его литературные труды. Среди них не только известная «История мятежа и гражданских войн», к которой, по справедливому замечанию Соколова, корреспондируют британские историки-ревизионисты (с. 449), но и менее изученные в отечественной историографии его политические и религиозные сочинения, а также труды по моральной философии.

В работе, охватывающей сложный исторический период и затрагивающей множество сюжетов, трудно избежать некоторых ошибок, неточностей и, конечно же, дискуссионных моментов. Укажу на некоторые из них. На с. 25 Тридцатилетняя война начинается с «провозглашения Фридриха Пфальцского, зятя Якова, императором», тогда как чешские повстанцы предложили ему лишь корону Богемии. Пфальц, уже на с. 41, по кальке с английского языка, именуется «Палатинатом». Ту же кальку можно заметить и на с. 250, когда автор пишет «соседние принцы», а не государи. Такие случаи не единичны. Остается также неясным, как все-таки назвал Карл II свою супругу Екатерину Браганца, впервые увидев ее: «жердью вместо женщины» (с. 376), или, что чаще встречается в литературе – «летучей мышью»? Ряд дискуссионных моментов я затронула выше, но здесь остановлюсь на самом важном. Мне представляется, что «время Кромвеля» все-таки нельзя заменить «временем Кларендона», прибавив к нему еще шестнадцать лет Реставрации, как это предлагает автор книги (с. 7). При этом перспектива – смотреть на ход событий Английской революции с позиций сторонников Парламента и Протектората, или же с позиций роялистов – не так уж и важна. Просто Кромвель решил изменить картину окружающего его мира, а вот решил бы на это Кларендон? Не вынесла ли его на высокую волну политической и интеллектуальной жизни харизма того же Кромвеля?

Эти замечания и соображения не влияют на общую высокую оценку книги, опровергающей многие стереотипы эпохи политических потрясений середины столетия Барокко и Реставрации Стюартов и предлагающей ее новый образ – более непредсказуемый и сложный, чем считалось ранее. Автору прекрасно удалось соединить в своем тексте, охватывающем множество сложных и дискуссионных проблем, строгую научность с увлекательностью изложения. Книга одновремен-

но академическая и популярная, объективная и личная. Справился ли автор с поставленными задачами? Несомненно, да. Разгадал ли он натуру Кларендона? А.Б. Соколов сам ответил на этот вопрос, подчехнув, что нет, он лишь в чем-то приблизился к пониманию этой личности, и заметив, что Кларендон оставил нам загадки, которые сам не пожелал открыть (с. 460). Мы можем создавать только лишь интерпретации, исходя из его действий.

В любом случае, автор вывел уроки Кларендона, заметив, что его труды – часть сокровищницы мировой культуры и огромное достижение человеческого интеллекта. Он был и останется интересен..., потому что пытался понять Человека – самая заманчивая и, увы, неразрешимая задача» (с. 460). Книга заставляет задуматься о многом.

В заключение еще раз хотелось бы отметить, что перед нами нужная и интересная работа, которая будет востребована как специалистами, так и всеми интересующимися британской историей раннего Нового времени. Текст книги дополняет и украшает ценный иллюстративный ряд, позволяющий не только воочию представить героя книги, но и образы его эпохи.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Конан Дойл А. Собака Баскервилей. М.: АСТ, 2015. 224 с.
 Соколов А.Б. Кларендон как историк//Диалог со временем. 2013. Вып. 45. С. 41-69.
 Соколов Андрей. Кларендон и его время. Странная история Эдварда Хайда, канцлера и изгнанника. Санкт-Петербург: Алетейя, 2017. 469 с.
 Houlbrooke R.A., ed. James VI and I: Ideas, Authority and Government. London: Ashgate Publishing, Ltd., 2006. 198 p.

REFERENCES

- Conan Doyle A. Sobaka Baskervillej. Moscow: AST, 2015. 224 p. (In Russian).
 Houlbrooke R.A., ed. James VI and I: Ideas, Authority and Government. London: Ashgate Publishing, Ltd., 2006. 198 p.
 Sokolov A.B. Clarendon kak istorik//Dialog so vremenem. 2013. Vip. 45. S. 41-69.
 Sokolov A.B. Clarendon i ego vremja. Strannaja istorija Edvarda Hajda, kanzlera i izgnannika. Sankt-Peterburg: Aleteja, 2017. 469 p.

Ивонина Людмила Ивановна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета; ivonins@rambler.ru

“To understand a person is the most tempting and, alas, unsolvable task”

The article is a review of the book of the famous Russian historian Andrei Sokolov “Clarendon and his time. The Strange Story of Edward Hyde, Chancellor and Exile”. It shows both the advantages of the work, and its shortcomings, and also reflects the discussion points.

Keywords: biography, Clarendon, intellectual heritage, politics, civil war

Liudmila Ivonina, Dc. Sc. (History), Professor of the Department of History and Law, Smolensk State University; ivonins@rambler.ru

О. Э. ТЕРЕХОВ

КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КАК ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В статье рецензируется монография С.В. Артамошина, посвященная интеллектуальному феномену немецкой консервативной революции в Веймарской республике, идейное наследие которой продолжало вызывать интерес в гуманитарной и общественно-политической мысли второй половины XX – начала XXI в. Автор книги дал комплексный анализ консервативной революции и, в первую очередь, поисков нового образа германского консерватизма после Первой мировой войны. Рассматриваются композиция монографии и главные выводы автора.

Ключевые слова: идеология, консервативная революция, Веймарская республика

Вышедшая в издательстве «Владимир Даль» монография доктора исторических наук, профессора С.В. Артамошина «Консервативная революция в интеллектуальном пространстве Веймарской республики»¹ является логическим продолжением исследований автора по этой проблематике². Стоит отметить, что, несмотря на присутствие в современной отечественной гуманитарной мысли темы немецкой консервативной революции, ее монографических исследований крайне мало³. Рецензируемая книга стала важным шагом в изучении этого феномена.

Феномен идеологии «консервативной революции» возник в Германии на пике общественно-политического кризиса 1918–1919 гг.: поражение Германии в Первой мировой войне, Ноябрьская революция, учреждение демократической Веймарской республики, Версальский мирный договор нарушили устоявшийся жизненный уклад немецкого общества и перевернули общественные представления немцев. Особенно это отразилось на идеологии германского консерватизма, которая была тесно связана с идейными и общественно-политическими структурами кайзеровского рейха. Представители молодого поколения консерваторов выступили против возвращения к традиционной консервативной идеологии и политике кайзеровского толка, что привело к возникновению идеологии «консервативной революции», духовные и идейные предпосылки которой формировались еще до войны.

«Консервативная революция», говоря словами ее известного германского исследователя Ш. Бройера, была проявлением «нового» национализма, к которому Бройер относит также и национал-социализм: на-

¹ Артамошин 2018.

² Артамошин 2002; 2011.

³ Пленков 1997; Афанасьев 2009. Терехов 2011.

ционализма, рожденного в недрах массового общества, стремившегося разрушить узкоклассовые интересы «старого» консерватизма и рассматривающего нацию как единое целое⁴. Очертить ее идейные и политические границы едва ли возможно, так как она не обладала программным и политическим единством. К числу характерных черт «консервативной революции» обычно относят: национализм, антилиберализм, противопоставление немецкого народного духа и немецкой культуры ценностям западной цивилизации, поиск особого пути исторического развития Германии в русле «немецкого (прусского) социализма», идею корпоративного государства, бескомпромиссную борьбу против Веймарской республики. Эти черты делали «консервативную революцию» идейно родственной национал-социализму – другому, более радикальному течению консерватизма периода Веймарской республики в Германии.

«Консервативные революционеры» отвергали парламентский путь достижения своих целей, считая, что они могут быть достигнуты только революционным способом. Им грезилась новая, истинно «немецкая революция», которая возродит Германию. Важнейшей чертой консервативной революции был ее преимущественно интеллектуальный характер. Несмотря на наличие ряда консервативно-революционных организаций в Веймарской Германии, в политическом поле консервативные революционеры проявили себя достаточно слабо, предпочитая интеллектуальную дискуссию прямому политическому действию.

Исходя из перечисленных особенностей консервативной революции, С.В. Артамошин структурирует свое исследование. Монография состоит из шести глав, каждая из которых поэтапно приближает нас к пониманию феномена консервативной революции: от ее предпосылок до, порой, драматических взаимоотношений с национал-социализмом. Автор в унисон извилистой исторической судьбе консервативной революции и ее наследия констатирует: «Судьба такого течения, как консервативная революция, сложна и неоднозначна»⁵.

С.В. Артамошин начинает свое повествование об интеллектуальных и исторических перипетиях консервативной революции с рассмотрения проблемы ее идейных истоков, которая до настоящего времени, остается одной из самых дискуссионных в изучении консервативной революции. Автор справедливо полагает, что судьба германского консерватизма тесно связана с развитием идеи и институтов государства в Германии. Нельзя не согласиться с мыслью автора о том, что интеллектуальная рефлексия и политическая практика немецкого консерватизма XIX – начала XX в. связана в первую очередь с оправданием образа кайзеровского рейха – Второго рейха немецкой нации. Парадокс духовных

⁴ Breuer 1993. 182.

⁵ Артамошин 2018. С. 4.

и идейных предпосылок консервативной революции, как раз заключается в том, что в условиях краха кайзеровского рейха после Первой мировой войны ее ведущие идеологи обратились к другой ветви германского консерватизма – немецкой консервативно-националистической традиции. Нельзя не согласиться с выводом автора о том, что такое обращение консервативных революционеров к националистической традиции позволило им «установить исторический континуитет с германским прошлым в революционные годы»⁶.

Из этого вытекает еще одна принципиальная идеологическая установка консервативной революции, а именно: отторжение монархической и иерархической системы ценностей, что позволило ее идеологам виртуозно связать традиции немецкого национализма с современностью. Консервативная революция «поставила в качестве стержня политической мысли народ, который вместе с вождем нового типа должен был создать будущее германское национальное государство»⁷.

К третьему идейному источнику консервативной революции Артамошин относит консервативную традицию в католической мысли, представленную в ее идеологии, главным образом, трудами К. Шмитта. К сожалению, мимо внимания автора прошел еще один источник консервативной революции, на который неоднократно указывали ее исследователи, да и сами консервативные революционеры – ницшеанство. Предвоенное поколение молодых немцев было в буквальном смысле слова заражено идеями великого ниспровергателя ценностей западной цивилизации и культуры Фридриха Ницше. Идейный лидер «новых правых» в современной Германии К. Вайсмманн, характеризуя идеи немецкого национализма XIX в., особо выделяет Ницше с его диагнозом упадка Европы, трактовкой проблемы нигилизма, в которой он поставил под сомнение не только эпоху Просвещения, но и развитие всей европейской истории⁸. Ницшеанский сверхчеловек воплощал ценности новой аристократии и провозглашал принцип всеобщего обновления, что было созвучно настроениям консервативных революционеров.

Катализатором формирования консервативно-революционной идеологии стала Первая мировая война, особенно ее последствия для духовной и политической ситуации в Германии. «Первая мировая война изменила судьбы целого поколения. Мир раскололся на “до” и “после”»⁹. Самое главное, и это отмечает Артамошин, война сформировала целое поколение фронтовиков, которые стали занимать активную политическую позицию. «Часть этого военного поколения входила в состав

⁶ Артамошин 2018. С. 27.

⁷ Артамошин 2018. С. 43.

⁸ Mohler, Weißmann 2005. S. 47.

⁹ Артамошин 2018. С. 97.

правых политических групп, в которых поддерживался и мифологизировался дух фронтового товарищества»¹⁰. К тому же, в отношении привлечения фронтового поколения в свои ряды консервативная революция и национал-социализм развивались параллельно друг другу.

Рассматривая структуру консервативной революции как феномена не только интеллектуального, но претендовавшего на некую политическую репрезентативность, автор акцентирует внимание на людях, организациях и печатных изданиях, ее олицетворявших. Персональный состав идеологов консервативной революции, поражает высоким качеством интеллектуальной рефлексии. Каждое имя – эпоха в развитии гуманитарной и политической мысли Германии и Европы XX столетия: О. Шпенглер, К. Шмитт, Э. Юнгер, А. Мёллер ван ден Брук... Как верно замечает Артамошин, консервативных революционеров «объединяло стремление к активному интеллектуальному поиску правой альтернативы веймарской системе»¹¹. То же относится и к организациям и периодическим изданиям консервативной революции, которые представляли собой скорее интеллектуальные дискуссионные политические клубы, чем практико-ориентированные политические организации и партийно-ангажированные средства массовой информации.

В центре монографии – анализ идеологии консервативной революции, в которой интеллектуально переплелись ее мировоззренческая, теоретическая и политическая составляющие, что неоднократно отмечал автор. К мировоззренческим аспектам автор относит: идею нации (национализм), роль государства в осуществлении идеи нации, идейную борьбу против либерализма как главного мировоззренческого противника и концепцию немецкого (прусского) социализма.

Трансформация в консервативно-революционном духе идеи нации стала рождением, по сути, «нового» немецкого консерватизма. Идея нации в трудах идеологов консервативной революции послужила фундаментом иного, чем в немецкой консервативной традиции, понимания государства. Идея аристократического государства была ими заменена идеей сословного государства, построенного на принципах народного представительства¹²: государство должно быть народным, национальным, авторитарным, вождистским. Многие из них видели модель такого государства в немецком (прусском) социализме «как форме общественного объединения, основанного на национальных немецких ценностях и направленного на создание немецкой народной общности, в которой все политические партийные конфликты ушли бы в прошлое»¹³.

¹⁰ Артамошин 2018. С. 98.

¹¹ Артамошин 2018. С. 148.

¹² Артамошин 2018. С. 191–192.

¹³ Артамошин 2018. С. 239.

Автор сосредотачивает внимание на идейных воззрениях ведущих идеологов консервативной революции, и этот подход, несомненно, является оправданным. Тем не менее, несмотря на безусловное доминирование в идеологии консервативной революции ее ведущих теоретиков, она не была делом лишь интеллектуалов-одиночек. Созданию более объемной картины консервативной революции как интеллектуального течения в Веймарской Германии способствовало бы ее рассмотрение в контексте идейно-политических течений.

Философские и идейно-политические взгляды консервативных революционеров, их критика теории и политической практики либерализма служили цели отторжения идейной и политической системы Веймарской республики. Веймар и порожденные им феномены были для них проявлением духа либерализма, разрушением национальной идентичности германского государства. Парадоксом стал синтез между правым и левым общественно-политическими флангами, что, в первую очередь, привлекло внимание теоретиков консервативной революции к опыту большевизма и СССР. Артамошин пишет о сути этого синтеза: «Советский Союз занимал антиверсальскую позицию и символизировал собой для немецких консерваторов государство, борющееся против западной либеральной системы»¹⁴. К этому необходимо добавить, что концепция немецкого социализма не случайно постоянно находилась в центре размышлений консервативных революционеров, она также соответствовала политической традиции немецкого национализма.

Последняя глава монографии посвящена остро дискуссионной проблеме ее взаимоотношений с национал-социализмом и вины консервативных революционеров за идейную подготовку Третьего рейха. По словам Ф.-Л. Кроля, эта проблема в западногерманской историографии стала едва ли не самой взрывной в поле научно-гуманитарного и политического дискурса в оценке консервативной революции после 1945 г.¹⁵

Резюмируя эти дискуссии, С.В. Артамошин делает вывод: «Позиции консервативной революции и национал-социализма имели определенные точки соприкосновения и существенные отличия»¹⁶. С этим нельзя не согласиться. И «консервативная революция», и национал-социализм стали логическим результатом эволюции идеологии и политической практики немецкого консерватизма от его традиционалистских, монархических и охранительных форм к радикализму. Но, обладая рядом общих черт, «консервативная революция», и национал-социализм были автономными друг от друга идеологическими и политическими феноменами, которые не следует полностью отождествлять.

¹⁴ Артамошин 2018. С. 347.

¹⁵ Kroll 2000. S. 103–104.

¹⁶ Артамошин 2018. С. 383.

Монография С.В. Артамошина существенно расширяет горизонты понимания столь сложного и неоднозначного интеллектуального феномена как немецкая консервативная революция. Актуальность книги также обусловлена возрастом в современном мире праворадикальных настроений, для которых идеологическое наследие консервативной революции всегда являлось источником интеллектуальной рефлексии.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Артамошин С.В. Консервативная революция в интеллектуальном пространстве Веймарской республики». СПб.: Владимир Даль 2018. 415 с. [Artamoshin S.V. Konservativnaya revolyuciya v intellektual'nom prostranstve Vejmarskoj respubliki. SPb.: Vladimir Dal' 2018. 415 s.]
- Артамошин, С.В. Идеиные истоки национал-социализма. Брянск: Изд-во БГУ, 2002. 184 с. [Artamoshin, S.V. Idejnyje istoki nacional-socializma. Bryansk: Izd-vo BGU, 2002. 184 s.]
- Артамошин С. В. Понятия и позиции консервативной революции: интеллектуальное течение «консервативной революции» в политической жизни Веймарской республики. Брянск, 2011. 312 с. [Artamoshin S.V. Ponjatija i pozicii konservativnoj revoljucii: intellektual'noe techenie «konservativnoj revoljucii» v politicheskoj zhizni Vejmarskoj respubliki. Brjansk, 2011. 312 s.]
- Афанасьев В. В. Либеральное и консервативное // О. Шпенглер. Политические произведения. М.: Канон+РОИИ Реабилитация, 2009. С. 223-526. [Afanasev V.V. Liberal'noe i konservativnoe // O. Shpengler. Politicheskie proizvedeniya. M., 2009. S. 223–526.]
- Пленков О.Ю. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1997. 576 с. [Plenkov O.YU. Mify nacii protiv mifov demokratii: nemeckaya politicheskaya tradiciya i nacizm. SPb.: Izd-vo Russkogo hristianskogo gumanitarnogo instituta, 1997. 576 s.]
- Терехов О. Э. Феномен «консервативной революции» в Веймарской республике в историографии ФРГ: основные концепции и проблемы интерпретации. Кемерово: ПК «Офсет», 2011. 192 с. [Terehov O.Je. Fenomen «konservativnoj revoljucii» v istoriografii FRG: osnovnye koncepcii i problemy interpretacii. Kemerovo: PK «Ofset», 2011. 192 s.]
- Breuer S. Anatomie der Konservativen Revolution. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1993. 232 S.
- Kroll F. L. Konservative Revolution und Nationalsozialismus: Aspekte und Perspektiven ihrer Erforschung // Stand und Probleme der Erforschung des Konservativismus / Hrsg. C. von Schrenck-Notzиг. Berlin: Duncker & Humblot, 2000. S. 103–118.
- Mohler A., Weißmann K. Die konservative Revolution in Deutschland 1918–1932: ein Handbuch. 6, völlig überarb. und erw. Aufl. Graz: Ares-Verlag, 2005. XXV, 643 S.

Терехов Олег Эдуардович, доктор исторических наук, профессор, Кемеровский государственный университета; terehov1968@mail.ru

Conservative revolution as an intellectual phenomenon of the Weimar Republic

The article reviews a monograph by S.V. Artamoshin devoted to the intellectual phenomenon of the German conservative revolution in the Weimar Republic. It is alleged that S.V. Artamoshin created a comprehensive analysis of the conservative revolution and, above all, its intellectual search for a new image of German conservatism after the First World War. The structural elements of the monograph and the main conclusions of the author are considered. The relevance of the book's problems is proved in connection with the fact that the ideological legacy of the conservative revolution aroused interest in humanitarian and sociopolitical thought of the second half of XX – beginning of the XXI c.

Keywords: ideology, Conservative revolution, the Weimar Republic

Oleg Terekhov, Dr. Sc. (History), Professor, Department of World History and Socio-Political Sciences, Kemerovo State University; terehov1968@mail.ru

С. Б. КРИХ

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА: НАЧАЛО¹

Даётся оценка первой обобщающей монографии по истории институтов советской исторической науки, появившейся в постсоветский период². Новизна методики, тщательная работа с редкими документами, уважение к предшествующей традиции характеризуют новую книгу. Недостатки работы вызваны её пионерским характером.

Ключевые слова: *научные институции, советская историография, довоенный период*

Институциональной историей советской историографии доселе занимались мало. Во-первых, потому что это трудно. Сведений много, они рассеяны по разным архивам – столичным и провинциальным (а теперь и зарубежным), состояние их далеко от идеала – особенно для периода организационных экспериментов в ранней советской науке; соответственно, начало истории иной институции хранится в одном архиве, продолжение в другом, а окончание может и вовсе быть потерянным. И в то же время сведений мало, источники говорят вразнобой и о разном, малоинформативность добытой из них простейшей статистики переплетается с неубедительностью советских автобиографий, хаосом деловой и частной переписки и как бы избыточной эмоциональностью мемуаров. Вступая в это пространство с целью хотя бы минимального обобщения материала, исследователь рискует, что его обобщения могут оказаться дезавуированы каждой новой порцией обнаруженных источников.

Во-вторых, потому что это скучно. Мало какой учёный ум в наши дни может удовлетвориться составлением каталога, а прорыв к смыслам из-за частого однообразия фактов предстаёт почти нереализуемой задачей. Создание, функционирование, объединение и упразднение институтов – это не анализ научных споров или перипетий жизненного пути историка, здесь сложнее увидеть сюжет, без которого историографический нарратив впечатляет так же мало, как исторический. Между тем, «скучное» в науке нередко означает классическую ситуацию неисследованного поля – оно не изучено не потому, что его никто не видит, а потому что никто не знает, как его освоить. И поскольку неудача на этом пути гораздо вероятнее даже малого успеха, тем важнее оценить любое достижение в сфере истории институций. Именно поэтому небольшая книга, написанная коллективом историографов из Омского

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 19-09-00125а) «Унификация нарратива в советской историографии всеобщей истории: трансформация взглядов и научное творчество».

² Груздинская, Клюев, Метель 2018.

государственного университета, заслуживает отдельного разговора. Её основные достоинства – тщательная проработка источников, внимание к предшествующей традиции, методологические новации.

В книге шесть очерков и два приложения. Первый очерк освещает этапы становления институциональной структуры, второй посвящён институциям, занимавшимся изучением древности, а следующие три – Институту красной профессуры (ИКП), Обществу историков-марксистов и Институту истории Коммунистической Академии. Шестой очерк посвящён вопросу границ исследовательской свободы советского историка 1920–1930-х гг., рассматриваемому с точки зрения институциональной структуры. Приложения: «Словарь советских научно-образовательных учреждений исторического профиля (1920–1930-е гг.)» и «Кадровый состав Института истории РАНИОН, Института истории Коммунистической академии и Института истории АН СССР».

Внимательный читатель немедленно задаст вопрос: почему в книге наличествует отдельный очерк об институциях, изучавших древность, но нет подобных очерков, которые касались бы средних веков и Нового времени? При том, что деление на три эпохи не является удовлетворительным для ранней советской науки, которая искала истинно марксистские характеристики периодизации прошлого, дальнейшее следование единой логике в виде ещё двух очерков стало бы важным шагом вперёд в изучении проблемы. Если этот недостаток монографии и нельзя обернуть в достоинство, его можно непротиворечиво объяснить: дело в том, что вопросы функционирования структур, изучавших древнюю историю продвинулись в последнее время (в книге подчёркнут вклад А.М. Скворцова и С.Г. Карпюка – с. 46, прим. 3), при этом сравнительно небольшая численность антиковедов и историков классического Востока в ранне-советский период позволяет охватить вопросы функционирования институций в одном очерке; историография Нового времени требует отдельного (и совсем не очеркового) исследования. Поэтому можно говорить о том, что именно ответственность авторов предотвратила их от того, чтобы пойти по пути более легковесного обзора. Зато те очерки, которые представлены в книге, можно характеризовать как появившиеся в результате интенсивной работы и с уже опубликованными источниками, и – в особенности – с теми, которые прежде не были введены в научный оборот. Перечисление основных столичных научных архивов, полагаю, не будет само по себе впечатляющим для читателя этих строк, но, при ознакомлении с книгой, он сможет увидеть глубину проникновения в материал, выразившуюся в умении построить связные рассказы из отдельных, иногда поодиночке ничего не значащих данных. То, что сейчас можно характеризовать как достижение, через некоторое время станет, как и должно быть в науке, обыденностью, но насколько проще теперь будет работать тем исследователям, которые пойдут дальше!

Ответственная работа с источниками дополняется образцовым отношением к предшествующей традиции изучения институций. Даны краткие обзоры и оценка советских и постсоветских исследований, и все они внимательно и в то же время критически используются при рассмотрении конкретных сюжетов. Авторы избегают гиперкритицизма в отношении предшественников, и иногда формулируют даже весомые претензии к результатам их работы в исключительно дипломатической манере, но это вопрос стилистических предпочтений – по крайней мере, я не могу назвать в монографии ни одной оценки работы советского или постсоветского автора, с которой нельзя было бы согласиться по сути.

Всё это дополняется предложенной методологией анализа, которая сводится к нескольким стадиям работы: деконструкция стереотипов, выработанных на предшествующих этапах изучения; обсуждение и апробация релевантности методик анализа институций; применение наиболее обоснованной методики и попытка построения нового видения предмета³. Благодаря деконструкции авторам удаётся показать, что многие воззрения на историю советских институций были выработаны ещё в советское время под воздействием привходящих обстоятельств, а в постсоветский период оказались некритически восприняты. Обсуждение методик анализа даёт возможность показать читателю, как действует «исследовательская лаборатория» самих авторов (с. 108–111). Такая открытость задаёт высокий стандарт работы уже при использовании собственных методик: так, очевидно, что отказ от статистических методов при анализе кадрового состава Института истории Комкадемии в пользу просопографии означал элементарно больший объём вложенных усилий при перспективе получить малосопоставимые итоговые данные, однако в результате авторам очерка удалось вместо изложения формальной структуры этой организации предложить деление, которое отображает реальные различия в статусах учёных той поры. Его теперь можно обсуждать и оспаривать, но оно уже даёт возможность говорить о функционировании учреждения не только в описательном, но и в аналитическом ключе. Соответственно, выход в пространство обобщений даёт возможность авторам связать их отдельные наблюдения с развитием советской исторической науки. Среди этих выводов особенно следует отметить поданный в качестве одного из центральных: прямой диктат науке со стороны властных структур был в реальности затруднён и малоэффективен (С. 134), чаще всего не мог касаться частных вопросов; гораздо большую роль в воздействии на учёных играла «общая интеллектуальная атмосфера эпохи» (С. 142).

³ В учебном пособии, вышедшем лишь немногим ранее, методология более традиционная и менее удачная. См. Груздинская, Метель 2018. С. 13–14. Зато в пособии даны более смелые оценки предшествующих работ: Там же. С. 8–9.

Означает ли всё вышесказанное, что книга лишена заметных недостатков, а с её основными выводами следует безоговорочно согласиться? Ни в коей мере. Проблемные точки исследования тоже показательны, и можно было бы, следуя заантоному афоризму, объявить их не более как продолжением достоинств, но в некоторых аспектах сказались, на мой взгляд, обычная недоработка – из тех, про которые в советское время говорили, что при втором издании их следует обязательно убрать. Таков, например, ляпус, согласно которому «на кафедре истории древнего мира (МГУ – С.К.) к концу 1930-х гг. был подготовлен учебник по истории древнего мира под редакцией В.С. Сергеева» (с. 69): учебники по истории древнего мира до войны издавались только для школ (но таковой редактировал А.В. Мишулин), а В.С. Сергеев был автором (не редактором) отдельных учебников по истории Древней Греции и Древнего Рима. Там же сообщено, что основная работа историков древности получала «своё воплощение в журнальных статьях, диссертациях и монографических изданиях» – и это вновь искажение информации, порождённое поспешностью: монографии по древней истории в довоенный период были редкостью, говорить об их появлении в режиме перечисления совершенно неуместно.

Иногда авторы без достаточных на то оснований отступают от собственной методологии – точнее, не следуют ей до конца. Так, очерк об ИКП начинается с деконструкции исследовательских стереотипов – и вскоре заканчивается указанием на сложность предмета изучения. Никто не спорит с тем, что человеческие силы и научная выдержка не безграничны, но такое обрывание анализа допустимо для статьи и совсем не пристало структурной единице монографии – не важно, названной частью, главой или очерком. Беря в руки монографическое исследование, читатель вправе ожидать не только интересной постановки вопроса, но и ответов; тем более, что в других очерках эта задача решается в пользу полноты повествования.

Положительно следует оценивать отказ авторов от виктимизации советских историков – и разные были среди них персонажи, и потери исторической науки от «чисток» шли в одном ряду с такими же потерями во многих других сферах советской жизни. Тем не менее, о влиянии репрессий сказано слишком мало (С. 67, 71), в то время как они прямо связаны с институциональной историей: выкашивая кадры, репрессии сковывали волю оставшихся, подталкивая их к шумному выражению лояльности и при этом заставляя избегать любых серьёзных решений в сфере кадровой политики или планирования исследовательских тем; возможно, они ускоряли и бюрократизацию научных структур – чтобы была возможность планом, пресловутыми «бумажками» прикрыться от гневного взора начальства. Если даже у авторов иное видение этого вопроса, его тем более стоило выразить более ясно.

Наконец, заметна неуверенность в использовании институционального анализа. С одной стороны, очевидно, что при написании истории институций нельзя игнорировать ни биографические данные, ни труды самих учёных, и обсуждение вопросов, связанных с восприятием институтов людьми (например, мемуаристами) или тех, которые касаются важных «точек сборки» науки в целом (например, принципиальных дискуссий), должно включаться в целостное повествование. С другой стороны, не так просто найти баланс и не начать цитировать воспоминания просто ради «оживления» рассказа. Так, не выглядит полезной (по крайней мере, обратное не доказано в тексте) пространная цитата из воспоминаний И.М. Дьяконова о состоявшемся в июне 1933 г. докладе В.В. Струве, с которого началось утверждение представлений о древневосточных обществах как рабовладельческих (С. 61–62); формально цитата приведена для того, чтобы показать, что Дьяконов как мемуарист не разделял мнения К.М. Колобовой о том, что Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК) была комфортной площадкой для дискуссий – но содержание цитаты не выполняет эту задачу, цитата говорит о другом. Никак не работают на развитие идей книги сведения о том, какими лекторами были работники кафедры древней истории МГУ (с. 67–68) – тем более, что сведения эти отрывочны, и сопоставить их не с чем. Несколько более обосновано цитирование мнения П.Н. Милюкова о М.Н. Покровском как историке (С. 114–115), которое призвано показать, что лидер советских историков не стремился помогать оставшимся в России «буржуазным» учёным в сложных ситуациях 1920-х гг., хотя ясно, что эмигрировавший Милюков вряд ли осознавал всю замысловатость конфигурации отечественной исторической науки, сложившейся в первое десятилетие после 1917 г.

В связи с этим хотелось бы внести свой вклад в дело деконструкции стереотипов. Дело в том, что в тексте монографии периодически возникает не только противопоставление «буржуазных» и «марксистских» историков, но даже обозначаются имена, которые разделяются по этому принципу; правда, иногда говорится об учёных, которые «были далеко не марксисты, хотя открыто и не выступали против данного учения» (С. 117)⁴. Тем самым, можно предположить, что авторы готовы выделить ещё некоторую промежуточную ступень между двумя обозначенными ими группами. Но, на мой взгляд, и этого недостаточно. Современники лучше понимали ситуацию, видя, что эта характеристика – динамическая, и сегодняшний «немарксист» завтра уже мог быть «изучающим марксизм», а послезавтра – критикующим других за его неправильное (недостаточное) понимание; точно так же и преданный

⁴ Это при том, что разделение научных центров на «старые» и «новые» авторов определённно не устроивает (с. 22).

марксист мог быть объявлен – речь, конечно, уже о 1930-х гг. – предателем, вредителем, «недобитком». Что существенно, научные позиции и содержание публикаций в этих процессах играли глубоко вторичную роль. При этом и само видение марксистской теории претерпевало в эти годы существенные трансформации – можно было не изменить ни слова в написанном и за короткий срок «деградировать» от марксиста до сторонника «махрового модернизатора» М.И. Ростовцева. Поэтому сама идея разделения советских историков указанного периода по принципу близости марксизму представляется мне дискуссионной.

Иногда, напротив, стремление к целостности повествования провоцирует на возрождение стереотипов. Справедливо отвергая стереотип о 1917 г. как грани, после которой вскоре (как бы сама собой) начинается советская наука, авторы, однако, стремятся показать, как к 1941 г. мно-гие процессы уже были завершены: достигнута научная конвенция в смысле основ видения исторического процесса, обретены «устойчивые институциональные очертания» (с. 72-73). Могу ошибаться, но то и другое произошло после войны, конкретно даже в начале 1950-х гг. Предположу, что 1950-й год был бы гораздо более обоснованной нижней границей исследования (перевод Института востоковедения в Москву).

Тем не менее, указанные недочёты свидетельствуют не о провале избранного авторами пути, а о его начале. Подводя итог, могу сказать, что рецензируемую монографию никак нельзя назвать созданной в русле научной моды, но если ей удастся эту моду сформировать, то это станет ещё одной из её заслуг.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Груздинская В.С., Ключев А.И., Метель О.В. Очерки истории институциональной структуры советской исторической науки 1920–1930-х гг. Омск: ИЦ КАН, 2018(a). 171 с. [Gruzdinskaya V.S., Klyuev A.I., Metel' O.V. Oчерki istorii institucional'noj struktury sovetskoj istoricheskoy nauki 1920–1930-h gg. Омск: IC KAN, 2018(a). 171 s.]
- Груздинская В.С., Метель О.В. Институциональная структура советской исторической науки (конец 1910-х – вторая половина 1930-х гг.). Учеб. пособие. Омск: ИЦ КАН, 2018(б). 104 с. [Gruzdinskaja V.S., Metel' O.V. Institucional'naja struktura sovetskoj istoricheskoy nauki (koniec 1910-h – vtoraja polovina 1930-h gg.). Омск: IC KAN, 2018. 104 p.]

Крих Сергей Борисович, доктор исторических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; krikh@rambler.ru

Institutional historiography of the Soviet period: the beginning

This review provides an assessment of the first generalizing monograph on the institutional history of Soviet historical scholarship which appeared in the post-Soviet period. The novelty of the methods, careful work with rare documents and respect for the previous tradition characterize the new book.

Keywords: scholarship institutions, Soviet historiography, pre-war period of Soviet history

Sergey Krikh, Dr. Sc. (History), Professor, Department of World History, Omsk State University named after Dostoevsky; krikh@rambler.ru

Г. Н. КАНИНСКАЯ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРАВЫЕ ВО ФРАНЦИИ: КТО ОНИ?

В статье рассматривается монография французского историка Жиля Ришара «История правых во Франции. С 1815 до наших дней». Это фундаментальный труд, законченный автором 5 декабря 2016 г., в момент начавшейся во Франции президентской избирательной кампании, принёсшей в мае 2017 г. ошеломительную победу Э. Макрону. В книге дан раскрыта эволюция «политической семьи» французских правых на протяжении четырёх веков. Показано, как трансформировались базовые ценности правых сил и партий, сделана попытка определить, что значит быть правым в XXI в.

Ключевые слова: *Ключевые слова: новая политическая история, политическая семья правых, легитимисты, орлеанисты, бонапартисты, традиционалисты, модернисты, неолибералы, националисты, мондиалисты*

Деление политических партий и их электората на правые и левые в концептуальном плане прочно вошло в научный оборот и не вызывает дискуссий среди специалистов. С этимологической точки зрения эти термины стали общепринятыми по аналогии с названием левой и правой половин у живых организмов, а с исторической – принятие их для характеристики общественно-политической жизни появилось благодаря Французской революции 1789 г. Известна даже конкретная дата возникновения этой бинарной политической топографии: 22 августа 1789 года. Обсуждавшие в тот день проект будущей Конституции Франции депутаты Учредительного собрания раскололись на два враждебных блока по вопросу о праве вето короля. Те, кто ратовал за верховенство королевской власти, расположились в амфитеатре парламента справа, оставаясь сторонниками Старого порядка, а те, кто выступал за суверенитет народа, заняли кресла слева, отстаивая новые революционные идеалы. Так на многие десятилетия во Франции укрепилось представление о неизменном конфликте между врагами и защитниками Республики.

Труд Ж. Ришара объёмом свыше 600 страниц (в его 4-х частях насчитывается 20 глав¹), над которым, как автор указал во вводной части, он работал 5 лет, заслуживает пристального внимания по многим причинам. Во-первых, задавшись целью показать, что значило и значит считаться правым во Франции на протяжении трёхвековой истории, начиная с 1815 г. и до конца 2016 г., Ришар сделал серьёзную заявку на

¹ Richard 2017. Книга прислана в версии HTML через систему Интернет-связи с Национальной библиотекой Франции (BNF) без постраничной нумерации: www.cairn.info/numero.php?ID_REVUE=PERRI_SYNH&ID_NUMPUBLIE=PERRI_RICHA_2017_01&USER=kaninsk6@mail.ru. В Содержании у каждой главы первый и последний номера страниц указаны, они и отмечены при цитировании книги.

продолжение творческого наследия Рене Ремона, который заложил во Франции основы «новой политической истории» серией «поворотных» с методологической точки зрения книг, не потерявших актуальности и по сей день². Ришар отдал дань мэтру, посвятив ему свою книгу и назвав её так же, как была озаглавлена первая монография Ремона. Не обошёл он вниманием и двух других учеников и коллег Ремона, перу которых принадлежат признанные сегодня классическими труды. Один из них – Серж Берстайн – вместе с Ремоном и другими единомышленниками из Института политических наук Парижа и Университета Париж-Х-Нантер в 1988 г. участвовал в коллективной монографии «За политическую историю», а в 1999 г. под своей редакцией опубликовал книгу «Политические культуры во Франции», выдержавшую затем несколько переизданий³. Другой последователь Ремона – Жан-Франсуа Сиринелли – расширил начатое им исследовательское поле путём вписания политической и политико-культурной истории в социокультурную парадигму. Под его руководством в 1992 г. вышел трёхтомный труд объёмом 2500 страниц под общим названием «История правых во Франции», в котором сами за себя говорят названия каждого тома. Первый называется «Политика», второй – «Культуры» и третий – «Восприятия»⁴.

Достоинство книги Ришара состоит не только в том, что он, руководствуясь политико- и социокультурным методом, довёл анализ французских правых до современности, но и в том, что он попытался критически переосмыслить их идейные ценности, базовые установки и политический курс с учётом реалий как французской, так и глобальной истории. Он прав, когда утверждает, что новое исследование французских правых необходимо уже потому, что «в XXI в. они заняли доминирующее положение» в стране (с. 15-28).

²В 1954 г. Р. Ремон опубликовал свою первую книгу «Правая во Франции с 1815 до наших дней» (*La Droite en France de 1815 à nos jours*); второе, расширенное, издание вышло в свет в 1963 г. и называлось: «Правая во Франции, от первой Реставрации до V Республики» (*La Droite en France, de la première Restauration à la Ve République*); третье издание под тем же названием появилось уже в 2-х томах и было доведено до 1968 г., включая события «Красного Мая 1968 г.» (т. 1 охватывал 1815–1940 гг., т. 2 – 1940 – июнь 1968 г.), а в 1982 г. вышла четвёртая книга под названием «Правые во Франции с 1815 до наших дней: продолжение и разделение политической традиции» (*Les Droites en France de 1815 à nos jours: continuité et diversité d'une tradition politique*), в которой рамки исследования «правой политической семьи» были существенно расширены; она переиздавалась в 1985, 1990, 1992, 1993, 1996, 2001, 2005 и 2008 гг. Наконец, в 2005 г. как дополнение к четвёртой Ремон опубликовал книгу «Правые сегодня» (*Les Droites aujourd'hui*), в которой дал глубоко переосмысленный ответ критикам его теоретических изысканий. Отметим, что Р. Ремон был членом Французской Академии наук, ушёл из жизни в 2007 г. в возрасте 88 лет.

³ *Pour une histoire politique, 1988; Les Cultures politiques en France, 1999.*

⁴ *Histoire des droites en France (Vol.1 – Politique, Vol.2 – Cultures, Vol.3 – Sensibilités).*

В заслугу Ришару стоит поставить и то, что эволюция «политической семьи» правых рассматривается на фоне изменений в противоположной «семье», среди левых политических сил. При этом для автора книги очевидно, что нынешняя политическая ситуация во Франции беспрецедентна, а происходящее в стране «есть не что иное, как постепенное исчезновение разделения на левых и правых, иными словами... того, на чём зиждилась французская политическая жизнь после Революции», и он правомерно задаётся вопросом о том, «не служит ли плодом давней коллективной иллюзии представление о длительной борьбе правых и левых политических сил» (с. 15-28).

Первая часть книги охватывает период с 1815 по 1914 г., когда перед правыми, как следует из её названия, стоял исторический выбор: «приспособиться или погибнуть», принимая или отвергая Республику (С. 29-136). В духе броделевского деления истории на длинную, среднюю и короткую Ришар даёт ёмкую и глубоко продуманную ретроспективу эволюции французских правых, доказывая, что, если дата 22 августа 1789 г. служит водоразделом между сторонниками и противниками Старого порядка в короткой перспективе, то с точки зрения истории длительного времени, глубинные процессы, подрывавшие абсолютизм, вызревали задолго до этой даты, проявлялись в дехристианизации, распространении идей Просвещения, первой аграрной революции и требовали решения таких насущных проблем, как вопрос о праве собственности, об образовании и воспитании детей, о свободе индивидуальной и коллективной, о внешней политике и др.

К 1815 г. лагерь правых представляли три течения: легитимисты, орлеанисты и бонапартисты, идейные взгляды которых детально проанализированы в первой главе книги (С. 35-52). Практически весь XIX век, после того как Франция окончательно встала под знамёна Республики, политическая борьба шла в тесной связке с борьбой по вопросам религии. Причём до 1870 г. правые практически безраздельно находились у власти, но в парадигмальном плане постепенно трансформировались. Как и Ремон, Ришар отмечает, что легитимисты превратились в консерваторов, орлеанисты – в либералов, а бонапартисты – в националистов, и обстоятельно раскрывает произошедшую с правыми эволюцию во 2-4-ой главах книги (с. 70-110).

К началу XX в. под натиском растущей популярности идей социализма влияние этих течений стало сходиться на нет, они утратили большинство во власти, и, по сути, до поражения Франции в 1940 г. во Второй мировой войне, страна управлялась левыми правительствами. Тогда главным водоразделом в политической борьбе между левыми и правыми силами стоял уже не религиозный и, тем более, не о республике или монархии вопросы, а вместо них стал волновать и раскалывать французское общество вопрос социальный. Между тем, правые совсем не исчез-

ли с политической сцены, а сгруппировались в «умеренных» политических партиях, вели с левыми неустанную борьбу за власть и решение социальных проблем, и иногда на короткий срок им удавалось возглавлять правительства. В 5-ой главе книги, названной «Против «Социального» 1906–1914» дан исчерпывающий анализ этой борьбы (с. 111-131).

Особого внимания заслуживают Заключение по каждой части книги, в которых Ришар делает вывод о метаморфозах правых партий, их ценностных установок и состава электората на каждом выделенном им историческом этапе. После первой части, солидаризируясь с Ремоном в делении правой «политической семьи» на консерваторов, либералов и националистов, Ришар вносит свои справедливые коррективы. В частности, он замечает, что националистов нельзя полностью ассоциировать с бывшими бонапартистами, так как к 1914 г. сложились две не имеющие к ним отношения националистические партии: «Патриотическая лига» М. Барреса и «Французское действие» Ш. Морраса. И уже тогда зародилось христианско-демократическое течение как отдельная составляющая правой «политической семьи» (с. 132-136). Получается, таким образом, что к началу Первой мировой войны правый политический фланг представляли не три, а шесть группировок.

В пяти главах второй части книги анализируется деятельность правых партий в период 1914–1944 г., который, процитировав де Голля, Ришар называет «новой Тридцатилетней войной» и сам характеризует «тупиковым для национализма» (с. 137-254). В этой части автор с особой ясностью обозначил свой концептуальный взгляд на ценностные и политические ориентиры правых, заслуживающий признания и одобрения. «Быть «правым», – пишет он, – это не значит раз и навсегда, не меняться в зависимости от разных ситуаций – начиная с Революции, сосуществовало несколько типичных образов правых: легитимисты, орлеанисты, бонапартисты, либералы, христианские демократы, националисты, аграрии, которые, несмотря на их общую оппозицию левым, представляли собой различные политические семьи» (с. 249-254). На конкретных примерах Ришар показал, как в «Чёрные годы» французской истории – во время оккупации Франции и режима Виши, многие традиционные довоенные правые порвали с прежними установками (в частности, оказался маргинализированным национализм) и бок о бок с левыми сражались в Соппротивлении, а после освобождения страны в 1944 г. правые сплотились вокруг «спасителя нации» де Голля и приступили в очередной раз к обновлению своей идейной доктрины и формированию новых партий.

Третья часть книги посвящена эволюции «политической семьи» правых в т.н. «Славное тридцатилетие» во французской истории – период 1944-1974 гг. (с. 255-382). Подчеркнув, что в это время всех правых объединяла борьба против мощной на тот период Коммунистической

партии (ФКП) и страх организации с её стороны «не столько переворота большевистского типа, сколько создания нового Народного фронта с коммунистами во главе», Ришар в пяти главах скрупулёзно проанализировал два новых течения правых – голлистское и либеральное, создаваемые ими партии, показал различие их политических стратегий и пришёл к убедительному выводу о том, что после смерти президента Ж. Помпиду в 1974 г. и избрания президентом В. Жискара д'Эстена либералы окончательно взяли верх над голлистами. Ришар убеждён в том, что с этого момента в политической жизни, невзирая на различного рода отклонения, открылся период длительной гегемонии либеральной правой, который продолжается и поныне (с. 255-262).

В Заключении третьей части Ришар продемонстрировал владение методом социокультурного анализа, рассуждая о том, что значило быть правым в 1974 г. (с. 376-382). Он совершенно верно утверждает, что не существует незыблемой границы между течениями в крупных «политических семьях», причём, как справа, так и слева, и что внутри них следует отличать партии от электората, который часто в 1944–1974 гг. у правых «совершал трансферы от либералов к голлистам и наоборот». и причину этого следует искать в том, что, несмотря на наличие в обществе сложившихся политических культур, у каждой из которых имеются своё представление о мировом развитии в длительной перспективе, свой комплекс исторического наследия, собственный анализ реалий настоящего с проекцией на ближайшее и дальнее будущее, ни одна из них, во-первых, не может существовать без организации и включения в политическую систему своих сторонников, а во-вторых, как бы политическая культура ни была развита, она не может дать практический ответ на все вопросы, возникающие в жизни человеческого общества. В более широком плане, это ведёт к взаимопроникновению, перекрещиванию и трансформации идейных ценностей правых и левых «политических семей», к тому же, как внутри каждой «семьи», так и между «семьями».

В части четвёртой книги, разделённой, как и предыдущие три, на пять глав (с. 383-548), Ришар, тщательно обрисовав тектонические сдвиги, произошедшие во французском обществе и в мировой истории в целом после 1974 г. предлагает собственное, глубоко продуманное определение современной «политической семьи» правых и двух её главных конкурирующих ветвей. Он считает, что до 2002 г. на правом фланге действовало два течения. С одной стороны, с 1988 г. вокруг Э. Балладюра стали объединяться неолибералы из части голлистов и жискаровцев, а с другой – активизировался национализм в рамках возникшего в 1972 г. Национального фронта (НФ). Постепенно, после того как находившиеся у власти социалисты в 1983–1984 гг. отказались от планов «изменить жизнь» и «порвать с капитализмом», встав на путь управления рыночной экономикой, и в Европе началось усиленное продвижение по пути

интеграции, бывший центральным в партийно-политической борьбе с начала XX в. социальный вопрос постепенно отодвинулся на второй план, уступив место новым водоразделам в обществе. С одной стороны, дискуссии в обществе разворачивались между сторонниками и противниками строительства «европейского Отечества». В итоге, к 2012 г. националисты и нелибералы оказались по разные стороны баррикад в отношении Европейского Союза (ЕС) и его Брюссельского руководства: первые – ярые противники нынешнего ЕС, вторые – горячие защитники «единой Европы», за что их сторонники НФ называют ещё «мондиалисты» (фр. синоним глобалистов – *Г.К.*), а себя – «патриоты». С другой стороны, обострившаяся в конце XX – начале XXI в. «иммиграционная проблема» сыграла на руку националистам, превратив НФ в одну из ведущих партий страны и непримиримого противника нелибералов, занимающих в этом вопросе более сдержанную позицию.

Книга Ришара, завершённая в декабре 2016 г., т.е. в самом начале президентской избирательной кампании 2017 г., служит блестящим подтверждением им же самим высказанного суждения о невозможности предусмотреть жизненные повороты в политике. Он не ошибся в том, что на выборах 2017 г., вопрос о власти будет зависеть от расклада в правом политическом лагере и делал ставку на противоборство нелиберала Ф. Фийона и националистки М. Ле Пен (с. 504-530). Однако, как мы теперь знаем, Фийон, как выиграл праймериз у нелибералов, так и выбыл из президентской гонки весьма неожиданно, и победу одержал, вопреки многим прогнозам, нынешний президент Э. Макрон, шедший под лозунгом: «ни левый, ни правый». Как истинный вдумчивый исследователь Ж. Ришар абсолютно верно уловил главную суть произошедшего во Франции исторического процесса: французское общество раскололось на националистов, сторонников суверенитета своей страны и пересмотра отношений внутри ЕС, и нелибералов, защищающих ЕС в нынешнем виде. У националистов уже есть своя партия – переименованный НФ в Национальное Объединение (НО), а кто объединит вокруг себя нелибералов – ещё неизвестно до конца, и «первой пробой пера» на этом направлении станут предстоящие в мае 2019 г. выборы в Европейский парламент (ЕП)⁵. Очевидно одно – политическое лидерство во Франции перешло к двум партиям правой «политической семьи», и примирение между ними пока не представляется возможным.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Richard G. *La Droite en France de 1815 à nos jours*. 2017. Paris: Perrin. 640 p.
Berstein S. (dir.), *Les Cultures politiques en France*. Paris, Seuil, 1999. 436 p.

⁵ См.: Канинская 2018, а также интервью с Ж. Ришаром, напечатанное в “L’Obs” по следам книги после победы Макрона и его партии на президентских и парламентских выборах 2017 года: Legrand 2018.

Legrand B. // "There are two right-wing parties: one is neoliberal, the other is nationalist"// <https://www.nouvelobs.com/politique/20180201.OBS1599/il-y-a-deux-droites-l-une-neoliberal-l-autre-nationaliste.html>

Pour une histoire politique (dir. R. Rémond), Paris, Le Seuil. 1988. 316 p.

Rémond R. La Droite en France de 1815 à nos jours. 1954. Paris: Aubier Montaigne. 544 p.

Rémond R. La Droite en France, de la première Restauration à la Ve République. 1963. Paris: Aubier Montaigne. 601 p.

Rémond R. Les Droites en France: continuité et diversité d'une tradition politique. 1982. Paris: Aubier Montaigne. 621 p.

Rémond R. Les Droites aujourd'hui. 2005. Paris: Louis Audibert. 630 p.

Sirinelli J-F. (dir.). Histoire des droites en France. Paris: Gallimard, 1992, 3 vol. 2 500 p.

Канинская Г.Н. Метаболизмы правого популизма во Франции XXI в. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 3. С. 85–101 [Kaninskaya G. The Metabolism of the Right Populism in France of the 21st Century // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law, 2018, vol. 11, no 3, pp. 85–101].

Канинская Галина Николаевна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова; kaninsk6@mail.ru

The Modern Right-Wing Forces in France: Who are They?

The article deals with the monograph of the French historian Gilles Richard "The History of the right-wing forces in France. From 1815 to the present day". This is a fundamental work completed by the author on December 5, 2016, at the time of the presidential election campaign that began in France, which in May 2017 brought a stunning and to a certain extent unexpected victory to E. Macron. The book presents a historical synthesis of the evolution of the "political family" of the French right-wing forces for four centuries. Against the general background of French and global history shows how to transform the basic values of the right political forces and parties and an attempt to determine what it means to be right in the 21st century.

Keywords: new political history, political family of the right-wing forces, legitimists, Orleanists, Bonapartists, traditionalists, modernists, neoliberals, nationalists, mondialists

Galina Kaninskaia, Dr.Sc. (History), Professor, Chair of the World History Department, Demidov Yaroslavl State University; kaninsk6@mail.ru

Е. В. ВДОВЧЕНКОВ

Круглый стол «ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРСТВО: АНТРОПОЛОГИЯ ЛАТЕНТНОГО ВАРВАРСТВА

8 октября 2018 года в Институте всеобщей истории РАН состоялся международный круглый стол Лаборатории по исследованию цивилизации и варварства. Ежегодный круглый стол, ставший уже традиционным, в этот раз был посвящен теме «Цивилизация и варварство: антропология латентного варварства».

Ключевые слова: *цивилизационный кризис, латентное варварство*

В работе Круглого стола «Цивилизация и варварство: антропология латентного варварства» приняли участие более 35 исследователей из шести городов России и СНГ. Был также организован параллельный круглый стол в Мехико, на базе Национального педагогического университета, как часть семинара SPINE. Участников приветствовала председатель оргкомитета, руководитель Лаборатории по исследованию цивилизации и варварства д.и.н., проф., гл.н.с. ИВИ РАН В.П. Буданова. Она подчеркнула, что современная варваристика, как самостоятельное направление гуманитарного знания, делает только первые шаги, и перед исследователями пока значительно больше нерешенных вопросов, чем ответов на них, предстоит еще многое исследовать и понять. В этой связи очень значимо участие мексиканских коллег в обсуждении ключевых проблем взаимодействия цивилизации и варварства. Это особенно актуально в связи с тем, что на круглом столе в Мехико внимание уделяется в основном латентности «нового варварства» Модерна и Постмодерна¹.

Заседание открыл доклад В.П. Будановой «Латентное варварство: природа, формы проявления и место в истории». Докладчик коснулась содержания понятия «латентное варварство», поставила проблему изучения природы, причин, условий появления и особенностей существования этого явления. Была показана роль античного мира в оформлении матрицы и паттернов варварства как злонамеренного действия и поведения, произвольной и/или преднамеренной активности людей, направленной на достижение осознаваемой цели. Исследуя субъектность варварства, его уникально-парадоксальную роль в становлении цивилизаций, не стоит полагать, что «варвар» – это завершённый императивный конструкт. Цивилизованные «упаковки» варварства скрывают опасные

¹ <http://spine.upnvirtual.edu.mx/index.php/item/620-palabras-de-vera-budanova-por-la-concrecion-en-mexico-de-la-primer-mesa-redonda-sobre-civilizacion-barbarie>.

для исследователя ловушки, предостерегающие модели которых сохранил исторический нарратив античной древности и раннего средневековья. Доклад обозначил четко актуализированную и очерченную исследовательскую перспективу изучения латентного варварства, в т.ч. на площадке Лаборатории по исследованию цивилизации и варварства.

Доклады, зачитанные на круглом столе, можно разбить на несколько групп. Большая часть была о латентном варварстве в античной цивилизации, много выступлений по позднеантичной эпохе, когда варварство оказывало мощное воздействие на Римскую империю. Это доклады М.А. Ведешкина (к.и.н., ИВИ РАН) «О варварах, тиранах и узурпаторах: скрытое варварство как элемент политической критики в Римской империи IV в.»; М.Г. Гусакова (к.и.н., «Археологические изыскания в строительстве г. Москвы») «Варварство скрытое и скрываемое как предпосылка варваризации общества»; О.В. Потокиной (НИИ теории и истории изобразительных искусств РАХ) «Приемы имитации как воплощение механизмов латентного варварства в “портретах” варварских правителей»; И.О. Князького (д.и.н., проф., Московский экономический институт) «Варвары на Палатине»; И.М. Никольского (к.и.н., ИВИ РАН, ШАГИ РАНХиГС) «Латентное варварство как мотив анти-вандалской риторики в сочинениях Блоссия Эмилия Драконция»; А.В. Пикина (к.и.н., ИРОО ИИ «Ивановская лига интеллектуального спорта») «Гейзерих как дипломат: правитель варваров в римской ипостаси».

Также были заслушаны доклады И.Е. Сурикова (д.и.н., ИВИ РАН) «Латентное варварство у Фукидида»; Л.Л. Селивановой (ИВИ РАН) «Блеск и нищета Киренеи: латентное варварство в “цивилизованных” одеждах»; О.Л. Габелко (д.и.н., проф. РГГУ) «Ариарат V Каппадокийский: политик и культуртрегер в поисках духовных скреп»; В.О. Никишина (к.и.н. МГУ им. М.В. Ломоносова) «“Варварство цивилизации” лицом к лицу с “цивилизацией варварства”: феномен латентного варварства в контексте греко-римской цивилизации I в. до н.э. (по произведениям Цицерона)»; В.А. Квашина (д.и.н., проф. Вологодский государственный университет) «Между “цивилизацией” и “варварством”: в поисках римско-италийской идентичности». В них показано многоликое латентное варварство, которое находило отражение в разорительной экономической практике Рима в Киренаике; личностном отношении Цицерона к своим оппонентам, которых он наделял разной степенью варварства в зависимости от своих предпочтений; варваризации греческого мира как результата ожесточенных войн.

На Круглом столе были также представлены исследования медиевистов: М.С. Петрова (д.и.н., проф., ИВИ РАН) «Интриги в жизни средневековой знати: Эйнхард и Юдифь»; А.А. Сазонова (к.и.н., Москва) «Цивилизационная идентичность в позднеантичном мире чудовищ и монстров («Этимологии» Исидора Севильского)»; М.С. Бобкова (д.и.н.,

проф. ИВИ РАН, МГИМО (у) МИД РФ) «Латентное варварство в европейских международных практиках XVI в.».

Отдельно стоит отметить доклад, связанный с цивилизацией Востока – Древним Египтом. В выступлении С.В. Архиповой (Государственная публичная историческая библиотека России) «Чужеземные правители Египта: латентное варварство в системе противоречий цивилизаций» показана ирония, проявляемая египтянами к правителям-иноземцам, не умеющим скрыть своего «варварства».

В докладах Л.Г. Шепко (д.и.н., проф., Донецкий национальный университет) «Элементы латентного варварства в эллинской культовой практике» и С.А. Яценко (д.и.н., проф. РГГУ), Е.В. Вдовченкова (к.и.н., ЮФУ) «Атрибуты статуса боспорских знатных мужчин римского времени: сарматский компонент» привлекался археологического материала. Материальная культура – надежный источник по проблеме взаимодействия цивилизации и варварства, чье значение еще предстоит оценить.

Завершал заседание в Москве доклад, посвященный современному звучанию этой проблемы – М.К. Любарт (к.и.н., Институт этнологии и антропологии РАН) «Понятие “цивилизационное варварство” в общественной полемике современной Франции». Это выступление вызвало оживленную дискуссию, и стало ярким завершением Круглого стола.

Коллеги из Мексики сосредоточили свое внимание на проблемах Нового и Новейшего времени. Феномен латентного варварства исследовали Эва Мартинес Роман (Escuela Nacional de Antropología e Historia) «Либертинаж и принудительный труд на островах, верфях, крепостях и гарнизонах: Латентное варварство в карательном правосудии в эпоху Просвещения» и И.А. Копылов (Universidad Nacional Autónoma de México) «Верность арианина и вероломство католика: парадоксы преломления “готского мифа” в “Mártir del Sacramento, San Hermenegildo” сор Хуаны Инес де ла Крус». В одном случае это анализ практик принудительного труда в испанских колониях, находящий себе параллели в современной истории, в другом – особенности рецепции арианства и «готского мифа» в Новой Испании, которые позволили увидеть различные аспекты варварства в XVII-XVIII вв.

Ближе к актуальным проблемам современности были доклады следующих исследователей: Мириам Гарсия Пьедрас (Escuela Superior de Economía, Instituto Politécnico Nacional) «Варварство капитализма и аналогия как цивилизационный путь человечества»; Райнер Эдуардо Герреро Эрнандес, (Escuela Superior de Economía, Instituto Politécnico Nacional) «Экономика между жизнью и смертью»; Сильвия Хамуи Суттон (Universidad Iberoamericana) «Ниспровержение бытия посредством машины в рассказе Франца Кафки “В исправительной колонии”»; Хавьер Алехандро Вильчис Хардон (Universidad Pedagógica Nacional) «Варварство как основная социальная проблема современно-

сти». В этих докладах рассматривались проявления латентного варварства в современном обществе – как экономических практиках, так и особенностях общественного устройства, что находит отражение, например, в дегуманизации образования. Особого внимания заслуживает доклад Рамона Айала Виейры (Universidad Panamericana, México; Pontificium Institutum Altioris Latinitatis, Universidad Salesiana de Roma) «Полисемантический характер понятий “варварство” и “цивилизация”: от зарождения терминов до наших дней», в котором показана эволюция понятия «варварство» на протяжении от античной эпохи и средневековья, и вплоть до тоталитарных идеологий XX-XXI вв. (проявление феномена «латентного варварства в цивилизационных одеждах»).

Итоги круглого стола подвела В.П. Буданова, которая поблагодарила всех участников за плодотворную работу и активное обсуждение докладов. В заключение было отмечено, что сегодня цивилизационный кризис демонстрирует одну из стремительно развивающихся форм варварства – латентное варварство. Накопленный историками массив исследований позволяет впервые поставить проблему латентности варвара в логике противоречий и парадоксов варваризации цивилизаций. Очевидным достоинством Круглого стола является возможность обсудить поставленную проблему в пространстве междисциплинарного диалога – не только в рамках исторической науки, но также филологии, культурологии и антропологии.

По итогам круглого стола было принято решение опубликовать наиболее интересные доклады в виде статей в ближайшем, VIII выпуске сборника «Цивилизация и варварство», который выйдет в 2019 г., и продолжить исследование проблемы латентного варварства в следующем году, на очередном Круглом столе, который пройдет в октябре в Институте всеобщей истории РАН.

Евгений Викторович Вдовченко, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой археологии и истории Древнего мира, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет, vdovchenkov@yandex.ru

Round Table “Civilization and Barbarism: the anthropology of latent barbarism”

On 8 October 2018, an international workshop took place at the Institute of World History, dedicated to the theme “Civilization and barbarism: the anthropology of latent barbarism”.

Keywords: civilizational crisis, latent barbarism

Evgeniy Vdovchenkov, PhD in History, Head of the Department of Archaeology and Ancient History, South Federal University; vdovchenkov@yandex.ru

М. С. ПЕТРОВА, Л. П. РЕПИНА

УНИФИКАЦИЯ НАРРАТИВА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ И СПОСОБЫ ИХ РЕШЕНИЯ*

В статье анализируются доклады, прочитанные и обсужденные 27 февраля 2019 г. на Круглом столе по проблемам унификации нарратива в советской историографии всеобщей истории (ИВИ РАН, Москва).

Ключевые слова: нарратив, всеобщая история, историография, гуманитарное знание

27 февраля 2019 г. в Москве состоялся круглый стол¹ ученых Института всеобщей истории РАН (ИВИ РАН) и исследователей Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Круглый стол был организован в рамках проекта «Унификация нарратива в советской историографии всеобщей истории: трансформация взглядов и научное творчество»².

Это событие вызвало живой интерес у научной общественности и заинтересованных лиц, поскольку участниками мероприятия была предпринята попытка обсудить многие проблемы, связанные с унификацией нарратива как, собственно, в историографии советской эпохи, так и, шире, в ракурсе сложившихся в то время научных школ. Следует отметить, что докладчики и участники мероприятия были ориентированы на обсуждение проблем, связанных с изучением процесса установления

* Статья написана при поддержке РФФИ (проект № 19–09–00125). На иллюстрации изображен фрагмент плакатной графики на тему «Унификация и стандартизация». – <https://inzhenier-info.ru/razdely/konstruirovanie/konstruirovanie-uzlov-i-detalej/unifikatsiya-detalej.html> (май, 2019).

¹ Круглый стол прошел в ИВИ РАН, в Москве. Его организаторами выступили Центр античной истории, Центр гендерной истории и Центр интеллектуальной истории ИВИ РАН, а также ОмГУ им. Ф.М. Достоевского.

² Одна из основных задач проекта – понять соотношение между внешними и внутренними факторами процесса приращения знания в гуманитарной науке. В дальнейшем это будет способствовать не только определению возможностей научного творчества историка в меняющемся мире и в условиях постоянного воздействия на его выбор способов создания исторических трудов, но и, в свою очередь, позволит изучить процесс научного творчества (и научной свободы) в историографии, показать механизмы распространения и пределы влияния унифицирующих нарратив практик, реализуемых в научном сообществе.

единообразия языка и идей историописания в советских исследованиях всеобщей истории, что отчасти было связано с тем, что их рассмотрением (в целом) до сих пор в отечественной и зарубежной науке не занимались, а объективный анализ заменялся стереотипами о советской науке. Ниже приводятся выдержки из ряда докладов³ и дискуссии, сфокусированной на таких темах, как «Исторический нарратив советской и постсоветской эпохи: общее и особенное» и «Единоеобразие языка и идей историописания в советских исследованиях всеобщей истории».

В докладе С.Б. Криха анализировались основные проблемы использования наработок нарративного анализа для изучения истории советской исторической науки. В первой части сообщения исследователь представил обзор ведущих тенденций в современной отечественной истории науки последних лет, отметив возрастающее внимание в ней к истории учёных (антропологический поворот) и сравнительную слабость интереса к истории текстов (нарративный поворот). Во второй части сообщения, посвященной возможностям применения наблюдений исследователей исторического нарратива к истории советской историографии, им были выявлены основные проблемы в исследовании советского исторического нарратива, разделенные на вопросы как технического формирования текста, так и его содержания.

В докладе Л.П. Репиной обсуждалась роль наследия «русской исторической школы» второй половины XIX – начала XX в. в становлении и развитии советской историографии всеобщей истории. “*École russe*” (и в специальном, и в более широком понимании этого термина) представляла собой составную часть мировой исторической науки и развивалась на уровне ее лучших достижений, и в раннесоветский пе-

³ Темы докладов (приведены по алфавиту): Ашаева А.В. (к.и.н., стажер, РАНХиГС) «Античность в эпоху Холодной войны: унификация исторического нарратива в СССР и США»; Ионов И.Н. (к.и.н., ст.н.с., ИВИ РАН) «Пределы унификации исторического нарратива: возникновение альтернативных подходов в конце 1960-х – 1970-е гг.»; Карпюк С.Г. (д.и.н., в.н.с., ИВИ РАН; проф., Российский государственный гуманитарный университет) «Политический нарратив и его влияние на творчество историка: “Меморандум Финкельштейна”»; Крих С.Б. (д.и.н., проф., ОмГУ им. Ф.М. Достоевского) «Унификация нарратива в советской историографии как исследовательская проблема»; Метель О.В. (к.и.н., доц., ОмГУ им. Ф.М. Достоевского) «История Парижской коммуны в советской историографии 1920–1940-х годов: сближение научного и публицистического нарративов»; Петрова М.С. (д.и.н., доц., гл.н.с. ИВИ РАН) «Историко-философская составляющая позднеантичных нарративов и их осмысление в российской историографии»; Репина Л.П. (д.и.н., чл.-корр. РАН, гл.н.с. ИВИ РАН; проф., РГГУ); «Наследие “русской школы” и советская историография всеобщей истории»; Ростиславлева Н.В. (д.и.н., проф., РГГУ) «Создание Германской империи: особенности нарратива советской эпохи»; Тихонов В.В. (д.и.н., в.н.с., ИРИ РАН) «Национальные» истории народов СССР в 1930–50-е гг.: унификация и / или кризис нарративов?».

риод немало носителей и наследников высокой профессиональной культуры, несмотря на тяжелые условия и усиливавшееся внешнее давление, не только выживали, но и продолжали работать. Особое внимание в докладе было уделено научной и педагогической деятельности ведущих представителей «старой школы» и их публикациям 1920-х – начала 1930-х гг. Была подчеркнута необходимость не только персональных историй историков, но, прежде всего, так и не проделанного в постсоветской научной литературе детального историографического анализа научных работ этого периода, принадлежащих представителям разных направлений. Был поставлен важнейший для адекватных оценок вопрос о соотношении профессионализма и идеологизации как в конкретных научных публикациях, так и в соответствующих направлениях советской историографии разных областей всеобщей истории.

Сообщение В.В. Тихонова было посвящено грандиозному проекту создания национальных (республиканских) исторических нарративов в сталинское время. Обсуждались принципы построения нарративов; их ориентирование (со второй половины 1930-х гг.) на идейную унификацию. Докладчиком также не только анализировались идеологические кризисы нарративов, связанные с радикальным пересмотром основных принципов построения национальных историй, но и предпринимались попытки ответить на вопрос, почему так и не был окончательно создан унифицированный общесоюзный исторический нарратив.

В докладе С.Г. Карпюка обсуждались документы из московских архивов, касающиеся биографии и политической деятельности известного историка древности середины XX века Мозеса Финли (Финкельштейна). Проанализировав «Меморандум Финкельштейна» (1944 г.; пер. на русск. яз. 1945 г.), докладчик показал, в частности, как в этом документе были рассмотрены вопросы американской гуманитарной помощи СССР в годы Второй мировой войны, а также почему и каким образом Финли (в то время он занимал пост исполнительного секретаря Еврейского комитета агентства «Помощь России в войне») подверг резкой критике политику правящих кругов США, перенаправляющих помощь, собранную для СССР, другим получателям. В докладе было также показано, что взгляды, отраженные в этом политическом нарративе, оказали влияние на исторические труды Финли.

В докладе И.Н. Ионова было показано, что основной проблемой унификации дискурса о мировой истории в советской историографии было то, что из замкнутой системы догматического марксизма не было выхода к современным исследовательским подходам; что каждая книга по истории должна была верифицировать теорию исторического материализма, социально-экономических формаций и классовой борьбы; что выводы историка в идеале представлялись как бы дедуктивно выведенными из формул исторического материализма. В итоге создалось проти-

воречие между отстаиваемой властью идеологической нормой и практикой исторических исследований в рамках творческого марксизма. Было также отмечено, что в рамках господствующих марксистских представлений статус конкретно-исторического исследования при повторяющихся попытках его дистанцирования от теории социально-экономических формаций был неясен, не закреплен методологически, не задан как норма, а следовательно, идеологически сомнителен, нелегитимен для советского государства. Были обсуждены попытки изменения этого статуса посредством «вписания» исторической науки в марксизм как самостоятельного направления исследований; дистанцирования ее от догматики, как философской (по М.А. Баргу, общесоциологической, уровень теории формаций), так и конкретно-социологической (законы движения отдельных формаций). В условиях СССР единственной реальной возможностью отстаивания прав истории как науки оставалась попытка (не затрагивая поля исторического материализма как философской и социологической теории) выделить сферу собственно исторического знания как *особый казус*, лишь в конечном счете соотносящийся с формационной схемой. И.Н. Ионов показал, как эта задача была реализована М.А. Баргом и Е.Б. Черняком при создании ими теории формационного региона, а также рассмотрел ее трансформацию в отечественную версию цивилизационного подхода к истории, сохранившую значение поныне.

В докладе О.В. Метель обсуждалось начало процесса формирования (после Революции 1917 г. в России) образов нового революционного прошлого. Ею было показано, что одним из основных событий, признанных предшествующим Октябрьской революции, стала Парижская коммуна 1871 года, и что первоначально история этого феномена широко освещалась в советской публицистике. О.В. Метель обозначила не только начало процесса научного изучения этого события, но и сближение (в 1930–1940-е гг.) научного и публицистического нарративов, связанных с освещением истории Парижской коммуны, в основе которого лежало объединение в рамках научного текста фактологического материала и публицистических оценок.

В выступлении А.В. Ашаевой рассматривался процесс интерпретации античной истории, в контексте начавшейся холодной войны. В частности, ею было не только отмечено, что в 1947–1953 гг. в СССР и США одновременно были предприняты попытки использования образов и фактов из истории античного мира для обоснования политико-идеологического противостояния, но и показано, как подобные попытки нашли свое отражение на страницах двух авторитетных научных журналов – “Classical Journal” и «Вестник древней истории», демонстрирующих схожую политико-ангажированную риторику, которая позволяет сделать вывод о единой направленности унификации исторического нарратива в СССР и США в начальный период холодной войны.

В докладе М.С. Петровой, посвященном позднеантичным нарративам (на примере авторов-энциклопедистов V в.) и их осмыслению в российской историографии в последней четверти XX в., была отмечена сложность проблем переходного периода, вызванная необходимостью рассмотрения двух взаимодействующих культур (как Античности, так и Средневековья). В разные периоды развития исторической науки существовали различные подходы к решению этой проблемы (например, идея преемственности, когда подчеркивалась связь между Античностью и Средневековьем, сущность которой состояла в сохранении элементов античной культуры или отдельных ее частей при переходе к Средневековью; или марксистский подход, направленный на отвержение идеи преемственности, и ориентированный на выдвигание на первый план происходившей по определенным общественным законам борьбы между двумя культурами). В докладе было отмечено, что исследования последней четверти XX в. внесли немалый вклад в развитие российской историографии первого десятилетия XXI в., и более того, они и сейчас являются основополагающими для ученых, стремящихся всесторонне рассматривать важнейшие вопросы, возникающие при изучении творческого наследия авторов-энциклопедистов, и успешно их разрешать.

Как представляется, прочитанные доклады, их обсуждение, а также результаты дискуссий позволят усовершенствовать имеющееся знание в области проблем, связанных с унификацией нарратива в советской историографии всеобщей истории, стимулируя их рассмотрение в исторической перспективе.

Петрова Майя Станиславовна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей ИВИ РАН, Москва; Приволжский исследовательский медицинский университет Минздрава России, Нижний Новгород; beionyt@mail.ru

Репина Лорина Петровна, чл.-корр. РАН, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИВИ РАН; зав. кафедрой Теории и истории гуманитарного знания, ИФИ РГГУ; lorinarepina@yandex.ru

Unification of narrative in Soviet historiography Problems and methods of their solution

The article analyzes the reports read and discussed on February 27, 2019 at the Round Table on the Unification of Narrative in the Soviet Historiography of World History (IWI RAS, Moscow).

Keywords: narrative, world history, historiography, the humanities

Maya Petrova, Dr. Sc. (History), Chief Research Fellow (RAS), Institute of World History (Moscow), beionyt@mail.ru

Lorina Repina, Dr. Sc. (History), Chief Research Fellow (RAS), Institute of World History; (Moscow), Professor, Russian State University for the Humanities; lorinarepina@yandex.ru

CONTENTS

History and Theory

<i>Kseniya Khvostova</i> Short historical time.....	5
<i>Igor Ionov</i> Correction of the temporal regime and problems of the theory of history. Part 1.....	17
<i>Rolf Torstendahl</i> Individuals, state, and society. Western Europe from 1800 to the present. An Overview....	34

History – Memory – Identity

<i>Marina Rumyantseva</i> Historical knowledge and historical memory in the structure of historical culture.....	41
<i>Dmitry Stepanov</i> “The Khazar myth” in the system of representations of the Cossack military elite in the late 17 th – early 18 th c.....	55
<i>Konstantin Tsimbaev</i> The Origins of Jubilee Culture in the Russian Empire.....	70
<i>Maria Leskinen</i> “Let us therefore be Finns...” The recipe of Finnish nation’s creation for the European Spring of Nations	80
<i>Evgeny Yablokov</i> All-Union X or Zero with One (Celebrating of the 10th Anniversary of October in A. Platonov’s works and in the worker people’s projects).....	90
<i>Andrei Linchenko, Oksana Golovashina</i> “And that means we need one Victory...” Memory of the Victory in the Soviet and the Russian school.....	99
<i>Alexander Khodnev</i> “This is a Story about America then, told by America now”.....	114

Crossroads of Interdisciplinarity

<i>Svetlana Ereemeeva</i> “A Window into Culture” and “a Mirror of Society”. Approaches to obituary studies.....	129
<i>Alexander Medyakov</i> A Postcard in the late 19 th – early 20 th c. as a sociocultural phenomenon.....	146
<i>Olga Averyanova</i> Man Ray’s photographs in the surrealist press. Contexts.....	163
<i>Kirill Yudin</i> “Enemy image” and the atmosphere of “cold confrontation” in the foreign cinema in the 1960–1970s.....	178

Intellectual History Today

<i>Konstantin Shneider</i> Early Russian Liberalism of the mid-19 th c. and official political discourse of contemporary Russia.....	195
<i>Lyudmila Sokolskaya, Arturas Valentonis</i> Genesis of the notion “acculturation” in the history of scientific discourse of the 19 th – 21 st cc..	212
<i>Fedor Sinitsyn</i> Soviet Scholars on the Fate of the “Nomadic Civilization” in the 1920s.....	229

History of Historiography

<i>Antonina Belimova</i> The birth of history in Catalonia: a fate of one burnt manuscript.....	246
<i>Oleg Aurov, Stanislav Belenky</i> Alfonso X and the <i>Fecho del Imperio</i> in the American Historiography, 1960s – late 1980s	263

History and Literature

<i>Ivan Nikolsky</i> Political Discourse in Dracontius' <i>De Raptu Helenae</i>	273
<i>Nikolay Kryuchkov</i> A hero from "The Ice House": a representation of A.P. Volynsky in literary works of 1820-1830s.....	283
<i>Mikhail Andreev</i> Dramas by Pirandello in the history of the genre.....	291

Historical etudes

<i>Olga Sidorovich</i> Marriage and family bonding in the Roman foundation tale.....	299
<i>Maxim Gorelov</i> From the Medieval history writing to Renaissance histories. The Chronicles by Holinshed	309
<i>Marina Ayzenshtat</i> History in the children's education in the 18 th -century Britain.....	315
<i>Tatiana Alentieva</i> Women's War in the White House.....	323
<i>Semen Ekshtut</i> Petr Pertsov – a character in a footnote.....	333
<i>Dmitriy Kiruykhin, Elena Kiruykhina</i> Henry VII in the English art of the 17 th – early 20 th c.....	341
<i>Nikolay Baranov</i> "Against the Lies of the Winners". The question of responsibility for the War in the Weimar Germany	350

Translations and publications

<i>Anton Voytenko</i> Castratio angelica. Chapter 29 (on Helias) of <i>Historia Lausiaca</i> by Palladius.....	357
<i>Vera Matuzova</i> The study of medieval Hungarian historical sources in Russia (publications of their translations in Russian).....	369

Reading books...

<i>Alexandr Pavlov</i> A very brief history of Western "ideology". A Book review: Petri R. A Short History of Western Ideology. A critical account. London etc.: Bloomsbury, 2018.....	377
<i>Andrei Sokolov</i> Was there sex in the Middle Ages?.....	387
<i>Liudmila Ivonina</i> "To understand a person is the most tempting and, alas, unsolvable task".....	393
<i>Oleg Terekhov</i> "Conservative revolution" as an intellectual phenomenon of the Weimar Republic.....	399
<i>Sergey Krikh</i> Institutional historiography of the Soviet period: the beginning.....	405
<i>Galina Kaninskaia</i> The Modern Right-Wing Forces in France: Who are They?.....	411

Event Chronicle

<i>Evgeniy Vdovchenkov</i> Round Table "Civilization and Barbarism: the anthropology of latent barbarism".....	418
<i>Maya Petrova, Lorina Repina</i> Unification of narrative in Soviet historiography. Problems and methods of their solution..	422
CONTENTS.....	427

СОДЕРЖАНИЕ

История и теория

<i>К.В. Хвостова</i> Короткое историческое время.....	5
<i>И.Н. Ионов</i> Коррекция темпорального режима и проблемы теории истории. Статья 1.....	17
<i>Rolf Torstendahl</i> Individuals, state, and society. Western Europe from 1800 to the present. An Overview....	34

История – Память – Идентичность

<i>М.Ф. Румянцева</i> Историческое знание и историческая память в структуре исторической культуры....	41
<i>Д.Ю. Степанов</i> «Хазарская легенда» в системе этнических представлений казацкой старшины (конец XVII – первая четверть XVIII в.).....	55
<i>К.Н. Цимбаев</i> Истоки юбилейной культуры императорской России.....	70
<i>М.В. Лескинен</i> «Станем же финнами...» Рецепт создания финской нации для европейской Весны народов.....	80
<i>Е.А. Яблоков</i> Всесоюзный X, или Ноль с палочкой: празднование 10-летия Октября в произведениях Андрея Платонова и проектах трудящихся.....	90
<i>А.А. Линченко, О.В. Головашина</i> «И значит нам нужна одна победа...»: память о Победе в советской и российской школе	99
<i>А.С. Ходнев</i> «История про Америку в то время, рассказанная Америкой нашего времени».....	114

Перекрестки междисциплинарности

<i>С.А. Еремеева</i> “Окно в культуру” и “зеркало социума”: подходы к изучению некрологических текстов	129
<i>А.С. Медяков</i> Открытие рубежа XIX–XX вв. как социокультурный феномен.....	146
<i>О.Н. Аверьянова</i> Фотографии Ман Рэя в сюрреалистических изданиях. Контексты.....	163
<i>К.А. Юдин</i> “Образ врага” и атмосфера “холодного противостояния” в зарубежном кинематографе 1960-х – 1970-х гг.....	178

Интеллектуальная история сегодня

<i>К.И. Шнейдер</i> Ранний русский либерализм середины XIX в. и официальный политический дискурс современной России.....	195
<i>Л.В. Сокольская, А.С. Валентонис</i> Генезис понятия “аккультурация” в истории научного дискурса XIX–XXI вв.	212
<i>Ф.Л. Сеницын</i> Советские ученые о судьбе “кочевой цивилизации” (1920-е гг.)	229

Из истории историографии

<i>А.А. Белимова</i> Рождение истории в Каталонии: судьба одной сгоревшей рукописи.....	246
<i>О.В. Ауров, С.Б. Беленький</i> Альфонсо X и <i>Fecho del Imperio</i> в американской историографии 1960–1980-х гг.....	263

История и литература

<i>И.М. Никольский</i> Политический дискурс в «Похищении Елены» Драконция. Исторические заметки....	273
<i>Н.Н. Крючков</i> Герой из «Ледяного дома»: образ А.П. Вольнского в литературных произведениях 1820–1830-х гг.....	283
<i>М.Л. Андреев</i> Драмы Пиранделло в истории жанра.....	291

Исторические этюды

<i>О.В. Сидорович</i> Семейные и брачные узы в легенде об основании Рима	299
<i>М.М. Горелов</i> От средневекового осмысления истории к ренессансному. Хроники Холиншеда.....	309
<i>М.П. Айзенштат</i> История в воспитании подрастающего поколения Британии XVIII века.....	315
<i>Т.В. Алентьева</i> “Женская война” в Белом доме.....	323
<i>С.А. Эжитут</i> Петр Перцов – герой сноски.....	333
<i>Д.В. Кирюхин, Е.М. Кирюхина</i> Образ короля Генриха VII в изобразительном искусстве Англии XVII – начала XX в... <i>Н.Н. Баранов</i> «Против лжи победителей».	341
Вопрос об ответственности за войну в Веймарской Германии.....	350

Публикации и переводы

<i>А.А. Войтенко</i> Castratio Angelica. 29 глава «Лавсаика».....	357
<i>В.И. Матузова</i> Изучение письменных венгерских исторических источников периода Средневековья в России (публикации переводов).....	369

Читая книги...

<i>А.В. Павлов</i> Очень краткая история западной “идеологии”.....	377
<i>А.Б. Соколов</i> В Средние века секса не было?.....	387
<i>Л.И. Ивоина</i> «Понять человека – самая заманчивая и, увы, неразрешимая задача».....	393
<i>О.Э. Терехов</i> “Консервативная революция” как интеллектуальный феномен Веймарской республики	399
<i>С.Б. Крих</i> Институциональная историография советского периода: начало.....	405
<i>Г.Н. Канинская</i> Современные правые во Франции: кто они?.....	411

Научная жизнь

<i>Е.В. Вдовченко</i> Круглый стол «Цивилизация и варварство: антропология латентного варварства»...	418
<i>М.С. Петрова, Л.П. Ретина</i> Унификация нарратива в советской историографии: проблемы и способы их решения	422
CONTENTS.....	428

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр., д. 32А, к. 1423; тел. +7 (495) 938–53–91
<http://www.roii.ru/intellect/books/index.htm> ; dialogue.time@yandex.ru
Поиск DOI: <http://search.rads-doi.org/index.php/> ; <http://www.doi.org/>

К.В. Хвостова

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30806>

И.Н. Понов

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30828>

Rolf Torstendahl

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30829>

М.Ф. Румянцева

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30830>

Д.Ю. Степанов

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30831>

К.Н. Цимбаев

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30832>

М.В. Лескинен

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30833>

Е.А. Яблоков

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30834>

А.А. Линченко, О.В. Головашина

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30836>

А.С. Ходнев

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30837>

С.А. Еремеева

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30838>

А.С. Медяков

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30839>

О.Н. Аверьянова

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30840>

К.А. Юдин

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30841>

К.И. Шнейдер

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30842>

Л.В. Сокольская, А.С. Валентонис

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30843>

Ф.Л. Синицын

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30844>

А.А. Белимова

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30845>

О.В. Ауров, С.Б. Бельский

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30846>

И.М. Никольский

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30855>

Н.Н. Крючков

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30856>

М.Л. Андреев

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30857>

О.В. Сидорович

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30858>

М.М. Горелов

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30860>

М.П. Айзенштат

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30861>

Т.В. Алентьева

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30868>

С.А. Экутунт

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30869>

Д.В. Кирюхин, Е.М. Кирюхина

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30872>

Н.Н. Баранов

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30873>

А.А. Войтенко

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30874>

В.И. Матузова

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30875>

А.В. Павлов

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30887>

А.Б. Соколов

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30888>

Л.И. Ивоина

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30889>

О.Э. Терехов

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30890>

С.Б. Крих

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30891>

Г.Н. Канинская

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30892>

Е.В. Вовченков

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30893>

М.С. Петрова, Л.П. Релина

<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.67.30894>

Подписано в печать 29. 08. 2018
Формат 60x90 / 16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26. Тираж 600.

Отпечатано в типографии Onebook.ru ООО
«Сам Полиграфист». Москва, Волгоградский пр.,
д. 42, стр. 5; info@onebook.ru; www.onebook.ru;
тел. +7 (495) 545–37–10

ISSN 2073–7564

Журнал индексируется в Российском индексе научного Цитирования (РИНЦ).

Журнал включен в диссертационный перечень ВАК по специальностям: история, история философии, филология; в каталог «Роспечать» (подписной индекс 36030); в базу данных SCOPUS (с 2016 г.); в базу данных WoS Core Collection (Emerging Sources Citation Index [ESCI]) (с декабря 2017 г.), Q 2 (History — 2017 г.).

Полные электронные версии статей представлены на сайте: <http://roi.ru/publications/dialogue>
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (Свидетельство ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.).

Электронная версия — Эл. № ФС 77-53624.